

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

OXFORD UNIVERSITY

ST. GILES', OXFORD OX1 3NA

= Rep. Slav. 6114

~~BK 16. K225. A1. 331(1)~~

302707768/

249

45
624

СОЧИНЕНИЯ

К. КАВЕЛИНА.

DK.16. K225. A1.1804 (11)

Confined to Library

A-5496

СОЧИНЕНІЯ

К. КАВЕЛІНА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Издание К. Солдатенкова и Н. Щепкина.

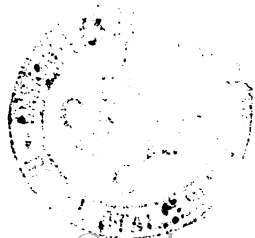
ЦѢНА ЗА 4 ЧАСТИ 5 Р. СЕР.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный
Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Спб. марта 16 дня 1859
года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

Издавая собраніе почти всего того, что мнѣ удалось напечатать съ молодости до этой поры, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ, въ видѣ предувѣдомленія.

Читатели могутъ найти не совсѣмъ скромнымъ желаніе возобновить память о статьяхъ, разсѣянныхъ въ старыхъ журналахъ и книгахъ, и большею частью давно забытыхъ. Въ отвѣтъ на это могу увѣрить ихъ съ полнымъ чистосердечіемъ, что надменная мысль: читайте и поучайтесь — была отъ меня далеко, когда я рѣшился приступить къ этому дѣлу. Нравственнымъ побужденіемъ было — подвести итогъ подъ свое прошедшее и передуманное мною; а возвращеніе къ пережитому, воскрешеніе памяти о цѣломъ мірѣ отношеній, пріязней, враждебныхъ столкновеній, отчасти потерявшихъ уже смыслъ, — все это не располагаетъ къ суетнымъ мыслямъ. На то, что писалъ прежде невольно смотришь съ тѣмъ же ощущеніемъ, съ какимъ видишь могилы бывшихъ друзей и неприятелей; благочестіе къ прошед-

шему сглаживаетъ всё шероховатости живой вражды и живой дружбы; одержанная когда-то побѣда мало радуется, понесенное когда-то пораженіе мало огорчаетъ. На побѣдахъ и пораженіяхъ, на правотѣ и неправотѣ, чужой и собственной, на радостяхъ и печаляхъ, страстяхъ, увлеченіяхъ, ошибкахъ вольныхъ и невольныхъ лежитъ одна печать: всё это было, прошло и никогда больше не возвратится.

За исключеніемъ одной лишь статьи, которая напечатана по рукописи, я не позволилъ себѣ въ этомъ изданіи никакихъ измѣненій противъ напечатаннаго; все осталось въ прежнемъ видѣ, безъ прикрасъ и смягченій. Пусть старина и останется стариною!

Изъ ненапечатанныхъ своихъ работъ я включилъ въ это собраніе только записку о преобразованіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Она написана въ то время, когда я былъ секретаремъ Общества, и дорога для меня, какъ воспоминаніе о томъ времени и тогдашней моей дѣятельности.

Сначала меня занимала русская исторія, особливо внутренняя, тогда еще мало обработанная. Въ 1848 году, книга г. Терещенки «Бытъ русскаго народа» на нѣсколько лѣтъ отклонила мои мысли и занятія въ другую сторону. Съ страстнымъ увлеченіемъ сталъ я вникать въ бытовые памятники Россіи — пѣсни, повѣрья, праздники, обряды, суевѣрія народа, въ которыхъ сохранились живые остатки древнѣйшаго быта. Все на-

писанное подъ вліяніемъ этихъ занятій составляетъ особую группу, которая и помѣщена въ этомъ собраніи отдѣльно.

Въ заключеніе, еще одна оговорка. Я не включилъ сюда библіографическаго извѣщенія, помѣщеннаго въ «Современникѣ» о диссертации покойнаго Т. Н. Грановскаго: «Аббатъ Сугерій». Эта рецензія состоитъ изъ общихъ разсужденій и выписокъ изъ книги и недостойна ни ея, ни дорогой для меня памяти ея автора. Кромѣ того, сюда не вошли также пять мелкихъ библіографическихъ статей, представляющихъ не болѣе какъ краткое содержаніе разбираемыхъ сочиненій *).

Сдавая этимъ собраніемъ всю свою прошлую печатную дѣятельность окончательно въ архивъ, я прошу читателей, друзей и недрузей, смотрѣть на него не какъ на *дѣйствіе*, а какъ на *воспоминаніе*. Мертвые бойцы лежатъ же нерѣдко другъ подлѣ друга въ одной могилѣ, спокойно; надѣюсь, что точно такъ же и мои против-

---

*) Статьи эти относятся къ слѣдующимъ книгамъ: «Текстъ Русской Правды по четыремъ спискамъ», Калачова (Отеч. Зап. Т. XLIX, Библ. Хрон. № 353); «Семисотлѣтіе Москвы», Хавскаго (Соврем. Т. III, Крит. и Библ. стр. 54); «Древній и нынѣшній Переяславъ Залѣсскій», Савельева Ростиславича (Соврем. Т. X, Крит. и Библ. стр. 52 и 53); «Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей», Полѣнова (Отеч. Зап. Т. LXIX, Библ. Хрон. № 77); «Лѣтописецъ Переяслава Суздальскаго», Кн. Оболенскаго (Отеч. Зап. Т. LXXVII, Библ. Хрон. стр. 67—70).

ники, съ которыми мы ломали когда-то копья, подойдут
вмѣстѣ со мною къ этому памятнику и будутъ разсма-
тривать его съ тою же спокойною мыслью, съ какою и
я гляжу на него. Вѣдь все это *было!*

К. КАВЕЛИНЪ.

С. Петербургъ.

14 марта 1859 года.

I.

**РАЗСУЖДЕНІЯ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ,
ИЗВЛЕЧЕНІЯ.**

Ч. I.

1

О ТЕОРІЯХЪ ВЛАДѢНІЯ.

Между многими юридическими сочиненіями Ганса, весьма важное, едва ли даже не первое мѣсто занимаетъ небольшая статья о владѣніи, изданная имъ въ особой книжкѣ въ 1839 году, подъ заглавіемъ: *Ueber die Grundlage des Rechts des Besitzes* (Berlin, 1839). Эта статья была написана противъ Савиньи, въ опроверженіе его теоріи владѣнія. Извѣстно, что въ 1837 году появилось новое, шестое изданіе знаменитой монографіи Савиньи о владѣніи. Въ этомъ изданіи многое было измѣнено и добавлено противъ прежнихъ, но всё дополненія и измѣненія относились только къ римскому ученію о владѣніи. Теорія осталась та же, хотя и была высказана яснѣе. Вотъ что побудило Ганса издать эту брошюру, въ которой онъ, съ удивительною послѣдовательностію и неподражаемымъ остроуміемъ, опровергаетъ, шагъ за шагомъ, всё выводы Савиньи, относящіеся къ теоріи владѣнія, и въ заключеніе подробно излагаетъ свою теорію, кратко высказанную имъ еще въ 1827 году, въ сочиненіи о системѣ римскаго гражданского права.

Изъ этого видно, что споръ о теоріи владѣнія длится уже долгое время. Но начало его лежитъ еще далѣе.

До 1803 года всѣ сочиненія о римскомъ гражданскомъ владѣннѣ относились къ догмѣ, а не къ теоріи. Причиной тому были методы обработыванія римскаго права и невозможность построенія теоріи, прежде установленія самыхъ фактовъ, на которыхъ она основывается. Въ 1803 году въ первый разъ появилось знаменитое сочиненіе Савиньи. Въ немъ римское ученіе о владѣннѣ впервые представлено было въ полной системѣ; всѣ положенія римскаго права, относящіяся ко владѣннѣ, рассмотрѣнныя съ новой точки зрѣнія, получили новый свѣтъ и настоящее свое значеніе; словомъ, догма въ главныхъ своихъ чертахъ установлена окончательно; осталось сдѣлать нѣкоторыя частныя дополненія и измѣненія, надъ которыми Савиньи неутомимо трудился и трудится до сихъ поръ, подъ вліяніемъ возраженій и рецензій на его монографію. Савиньи не довольствовался однимъ изложеніемъ догмы. Нужно было понять ея значеніе, найти основное начало, которое служить ей исходнымъ пунктомъ: нужна была теорія владѣнія. Этой потребности первый старался удовлетворить Савиньи: онъ первый высказалъ это основное начало; поэтому первая теорія владѣнія безспорно принадлежитъ ему.

Съ этого времени теорія владѣнія обратила на себя особенное вниманіе германскихъ юристовъ, и сдѣлалась предметомъ дѣятельнаго ихъ изученія. Множество сочиненій объ этомъ предметѣ (не говоря о статьяхъ, разсѣянныхъ по юридическимъ журналамъ, рецензіяхъ и критикахъ), появившихся съ 1803 года, служатъ тому убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ. Результатомъ этой ученой дѣятельности было появленіе около десяти новыхъ теорій, изъ которыхъ почти каждая выставяетъ новое начало юридическаго владѣнія. Отсюда споръ, продолжающійся даже до нашего времени: теорія владѣнія причислена къ ewigen Controversen (къ предметамъ

вѣчнаго спора). Еще въ 1839 году этотъ споръ былъ возобновленъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ¹⁾).

Такая продолжительная, упорная борьба, въ которой принимали участіе первоклассные юристы Германіи, указываетъ съ одной стороны на важность вопроса, съ другой — на трудность его рѣшенія. Дѣйствительно, въ цѣлой области гражданскаго права, въ особенности римскаго, едва ли найдемъ юридическій институтъ, который бы имѣлъ такую тѣсную связь съ ежедневною жизнью, такое непосредственное къ ней отношеніе, какъ владѣніе. Оно имѣетъ предметомъ прямое, фактическое отношеніе гражданина къ вещи — отношеніе, которое именно потому, что оно фактическое, и есть начало и послѣдняя, единственная цѣль всѣхъ вещныхъ правъ. Всѣ прочія вещныя права имѣютъ главнымъ предметомъ юридическое отношеніе къ вещи; но оно, какъ только мыслимое, не имѣетъ въ гражданскомъ обществѣ никакого значенія безъ отношенія фактическаго, чувственнаго. Отсюда объясняется, почему главную, необходимую принадлежность основнаго вещнаго права, отъ котораго происходятъ всѣ прочія права собственности, составляетъ право владѣнія; безъ него первое не имѣетъ смысла.

Изъ значенія владѣнія въ системѣ вещныхъ правъ само собою объясняется, почему этотъ институтъ права былъ такъ тщательно обрабатываемъ римскими юристами. Съ другой стороны, вполне открывается необходимость правильнаго воззрѣнія на основное начало владѣнія.

Одно изъ существенныхъ отличій фактическаго отношенія къ вещи отъ отношенія юридическаго заключается въ томъ, что первое не имѣетъ само по себѣ никакихъ признаковъ

---

¹⁾ Въ 1839 году вышла брошюра Ганса, о которой мы упомянули выше. Возраженіе на нее писано Шафомъ. Даже въ 1840 году появилось сочиненіе о теоріи владѣнія.

своей справедливости, по которымъ государство могло бы въ одномъ случаѣ признавать его и защищать, въ другомъ не признавать и лишать защиты. Поэтому государство съ одной стороны не можетъ не признать и не защищать его, съ другой — не можетъ вполнѣ признать и защищать. Какъ разрѣшить это противорѣчіе? Въ какой мѣрѣ признать и защищать владѣніе, и подъ какимъ условіемъ? Какое начало должно служить точкою отправленія при опредѣленіи этой мѣры и этого условія? Разрѣшеніе этихъ вопросовъ крайне важно: отъ него зависитъ справедливость всѣхъ послѣдующихъ выводовъ, правильность разрѣшенія безчисленныхъ частныхъ случаевъ, встрѣчающихся безпрестанно въ жизни, словомъ — вся судебная практика, относящаяся къ владѣнію.

Не менѣе важно разрѣшеніе этихъ вопросовъ и для науки права. Какое мѣсто должно занимать ученіе о владѣніи въ области права? Принадлежитъ ли оно къ общественному или гражданскому праву? а если къ гражданскому, то должно ли оно быть отнесено къ правамъ вещнымъ, или къ правамъ по обязательствамъ? Наконецъ, можетъ ли оно занимать какое-либо мѣсто въ системѣ права? Многіе отвергаютъ даже и послѣднее: чтобы въ этомъ удостовѣриться, стоить только взглянуть на общую систему нѣкоторыхъ учебниковъ римскаго права (напр. Венинга-Ингенгейма).

Скажемъ въ заключеніе, что вопросъ объ основномъ началѣ владѣнія можетъ быть разсматриваемъ еще съ другой точки зрѣнія, которая, по справедливости, ставитъ его на ряду съ важнѣйшими современными вопросами въ области гражданского права. Но есть ли владѣніе чисто историческое произведеніе римской жизни, или оно само въ себѣ имѣетъ разумное основаніе; словомъ, важна ли исторія римскаго владѣнія, или нѣтъ? Предлагаемъ здѣсь этотъ вопросъ потому только, что онъ въ самомъ дѣлѣ предложенъ уже нѣ-

сколько разъ, хотя и не прямо, какъ мы увидимъ ниже. Очевидно, вопросъ о владѣніи пересталъ быть вопросомъ, относящимся исключительно къ одному римскому праву.

Уже изъ немногаго, сказаннаго нами, открывается вся важность и высокая занимательность продолжительнаго спора германскихъ ученыхъ о теоріи владѣнія, и вмѣстѣ объясняется живое участіе, которое принимали и принимаютъ въ немъ знаменитѣйшіе юристы. Мы постараемся представить этотъ споръ въ бѣгломъ очеркѣ и въ окончательныхъ результатахъ.

Первою теоріею владѣнія была, какъ мы видѣли, теорія Савиньи. Будучи въ одно и то же время и основателемъ (вмѣстѣ съ Гуго), и достойнѣйшимъ представителемъ историческаго направленія въ области правовѣдѣнія, Савиньи и на ученіе о владѣніи смотрѣлъ съ чисто-положительной точки зрѣнія. Владѣніе съ одной стороны представляетъ фактическое, естественное отношеніе лица къ вещи (оно не юридическое отношеніе, какъ право собственности и другія вещныя права); съ другой стороны его характеръ личный, а не вещный (всякое владѣніе защищается, хотя бы оно было и несправедливое; далѣе, оно защищается только противъ того, кто его нарушилъ). Основываясь на всѣхъ этихъ данныхъ, Савиньи утверждалъ, что владѣніе есть чистый фактъ, самъ по себѣ не входящій въ область права; что основаніе его защиты лежитъ поэтому не въ немъ самомъ, а въ чемъ-либо постороннемъ, а именно въ тѣсной связи владѣнія съ личностію владѣльца. Эта связь, говоритъ Савиньи, дѣлаетъ невозможнымъ нарушеніе перваго безъ оскорбленія послѣдней. Но личность не должна быть оскорблена, слѣдовательно вмѣстѣ съ уничтоженіемъ оскорбленія личности чрезъ нарушеніе владѣнія должно быть уничтожено и самое нарушеніе владѣнія, т. е. владѣніе должно быть возстановлено прежнему владѣльцу.

Первый возставшій на его теорію былъ знаменитый Гансъ, послѣдователь Гегеля, глава философско-юридической школы въ Германіи. Въ сочиненіи и системѣ римскаго гражданскаго права¹⁾, онъ поставилъ владѣніе передъ правомъ собственности, и открываетъ владѣніемъ систему вещныхъ правъ. Въ концѣ сочиненія, въ особомъ прибавленіи, онъ приводитъ доказательства, побудившія его къ такой классификаціи владѣнія; выставляетъ новую теорію и сильными доводами опровергаетъ теорію Савиньи. Владѣніе, говоритъ Гансъ, не можетъ быть отнесено къ обязательствамъ, потому что въ немъ мы находимъ весьма многіе признаки вещныхъ отношеній. Оно должно напротивъ войти въ систему вещныхъ правъ и занять между ними первое мѣсто, какъ отношеніе къ вещи субъективное, не возвысившееся до права собственности (отношенія объективнаго). Гражданинъ, говоритъ Гансъ, можетъ владѣть вещью или по своей и общей волѣ, или только по одной своей волѣ. Въ первомъ случаѣ онъ имѣетъ на вещь право собственности, во второмъ — владѣніе. Владѣніе должно быть защищаемо, какъ выраженіе индивидуальной воли гражданина; на этомъ же основаніи должно быть защищаемо и несправедливое владѣніе, потому что оно также есть выраженіе индивидуальной воли.

Отсюда видно, что Гансъ выставилъ новое начало юридическаго владѣнія, противоположное началу Савиньи. По теоріи Ганса, владѣніе есть вещное право, и потому должно быть защищаемо несмотря на то, что оно ниже права собственности. Борьба началась и до сихъ поръ продолжается. Много новыхъ теорій появилось съ того времени, но всѣ онѣ, въ сущности, не разнятся отъ двухъ приведенныхъ нами тео-

---

¹⁾ *Gans, System des Römischen Privatrechts im Grundrisse. Berlin. 1827. Стр. 202—216.*

рій, Ганса и Савиньи. Однѣ безусловно принимаютъ, что владѣніе есть право; другія безусловно же, что оно фактъ. Смотря по тому, которая теорія признаетъ владѣніе за право, и которая за фактъ, однѣ могутъ быть отнесены къ теоріи Савиньи, другія къ теоріи Ганса.

Теорія Савиньи нашла защитниковъ и продолжателей въ Рудорфѣ, профессорѣ Московскаго университета Морошкинѣ, Рау и Бетманъ-Гольвегѣ. Ихъ теоріи исходятъ изъ того начала, что владѣніе есть фактъ; но основаніе защиты этого факта они объясняютъ различно, и въ этомъ существенно отличаются отъ теоріи Савиньи.

Рудорфъ ¹⁾ основаніе защиты полагаетъ въ ненарушимости общественного мира.

Г. профессоръ Морошкинъ ²⁾, какъ онъ самъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, держится теоріи Рудорфа, и потому отнесенъ нами къ категоріи тѣхъ, которые развивали основное начало, принятое Савиньи. Но имъ оно развито болѣе, въ особенности подъ вліяніемъ новыхъ данныхъ, представляемыхъ исторіею нашего отечественнаго законодательства.

Рау ³⁾ полагаетъ, что основаніе защиты владѣнія лежитъ въ отвращеніи самоуправства. Слѣдовательно взглядъ его приближается нѣсколько къ мнѣнію Рудорфа.

Наконецъ теорія Бетманъ-Гольвега только въ нѣкоторыхъ частностяхъ отличается отъ теоріи Савиньи, и потому въ строгомъ смыслѣ не можетъ быть названа отдѣльною теоріею.

Основное начало владѣнія, принятое и высказанное Гансомъ, было такъ же сильно поддерживаемо многими герман-

¹⁾ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft. 7 Bd. Стр. 90—114.

²⁾ Разсужденіе о владѣніи, по началамъ російскаго законодательства. Москва, 1838.

³⁾ Rauch, Geschichte der Lehre vom Besitz. 1834.

скими учеными. Сюда относятся: Пухта¹⁾, Таденъ²⁾, Гас-се³⁾. Всѣ они, несмотря на большое различіе, нерѣдко даже противоположность ихъ мнѣній, согласны въ томъ, что владѣніе есть право, а не фактъ, а потому имѣетъ само въ себѣ основаніе защиты. Особенно замѣчательно сочиненіе Тадена. Онъ доходитъ до однихъ результатовъ съ Гансомъ, но другимъ путемъ. Выводы его основаны на фактахъ, почерпнутыхъ изъ ученія римскихъ юристовъ о владѣніи, и потому сильны, убѣдительны — преимущества, которыхъ не имѣетъ изложеніе Ганса, выводящаго всю теорію владѣнія а priori. Поэтому-то изслѣдованія Тадена сильнѣе теоріи Ганса опровергають взглядъ знаменитаго Савиньи.

Въ 1835 году появилась новая теорія владѣнія — Гушке⁴⁾. Видя безуспѣшность всѣхъ попытокъ разрѣшить вопросъ объ основномъ началѣ юридическаго владѣнія, на основаніи римскаго ученія во времена римскихъ юристовъ и Юстиніана (слѣдственно на основаніи догмы), Гушке обратился къ исторіи, и происхожденіе института владѣнія приписываетъ Рамнамъ, одному изъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Рима. Этимъ онъ, быть-можетъ, безсознательно высказываетъ мысль, что владѣніе есть чисто-римскій институтъ права. Ему весьма правильно возражаетъ Савиньи (стр. 56 и слѣд.), что если институтъ владѣнія и обязанъ своимъ происхожденіемъ племени Рамновъ, то какимъ образомъ онъ могъ удержаться во время классическихъ юристовъ, когда это племя совершенно изгладилось изъ памяти народа римскаго? Основаніе признанія и защиты владѣнія должно было быть совер-

¹⁾ *Puchta*, im Rheinischen Museum. 3 Bd. стр. 289—308.

²⁾ *Taden*, Ueber den Begriff des Römischen Interdictenbesitzes. 1833.

³⁾ *Hasse* (der jüngere), im Rheinischen Museum. 6 Bd. стр. 183 и слѣд.

⁴⁾ *Huschke*, Zwei Abhandlungen etc. Сморт. Zweite Abhandlung: über die Stelle des Varro von den Liciniern, 1835.

шенно практическое, а не историческое. Прибавимъ къ этому, что историческое объясненіе, какъ бы справедливо оно ни было, никогда не можетъ замѣнить теоріи, потому что не излагаетъ самаго существа предмета, а только слѣдитъ за ходомъ внѣшняго его развитія.

Итакъ въ наше время вопросъ о теоріи владѣнія остается неразрѣшеннымъ. Каждая теорія опровергала предыдущія, и въ свою очередь была опровергнута новыми. Трудно даже сказать, можетъ ли этотъ вопросъ когда-либо рѣшиться окончательно, послѣ того, какъ труды столькихъ юристовъ на этомъ проприщѣ остались всѣ болѣе или менѣе безуспѣшными.

Рѣшаясь высказать въ настоящей статьѣ и наше мнѣніе объ этомъ важномъ предметѣ, мы далеки отъ мысли создавать новую теорію. Изучая римское юридическое владѣніе и теоріи владѣнія, намъ пришло нѣсколько мыслей и замѣчаній, не совсемъ сходныхъ съ тѣми, которыя сдѣланы были до сихъ поръ. Ихъ-то мы и высказываемъ здѣсь просвѣщеннымъ читателямъ, не имѣя претензій на полноту и стройность изложенія. Награда будетъ выше ожиданія, если эти замѣчанія хотя сколько-нибудь будутъ содѣйствовать къ построенію новой, вѣрной, неопровержимой теоріи этого доселѣ загадочнаго, непонятнаго ученія въ области права.

§ 1.

Для избѣжанія мыслей, — неоснованныхъ на фактахъ, и потому необъясняющихъ сущности владѣнія, мы обратимся прямо къ фактамъ, и изъ нихъ постараемся извлечь основное начало владѣнія.

Что есть владѣніе по римскому праву, фактъ или право?

Примѣч. Мы говоримъ: «по римскому праву», потому что сущность владѣнія мы теперь не разсматриваемъ. Она должна составить предметъ отдѣльнаго изслѣдованія (см. ниже). Итакъ

вопросъ касается только значенія владѣнія въ положительномъ правѣ.

Мы думаемъ, что владѣніе, по римскому праву, есть право, а не фактъ. Это мнѣніе основывается на слѣдующихъ доказательствахъ.

1. Еслибы римское право смотрѣло на владѣніе какъ на фактъ, то оно не дало бы ему судебной защиты, ни другихъ юридическихъ послѣдствій, а потому владѣніе не могло бы войти въ кодексы какъ отдѣльный институтъ права. Далѣе, владѣніе не могло бы переходить въ право (собственности). Напротивъ того мы видимъ, что римское право защищаетъ владѣніе; что владѣніе составляетъ въ немъ рѣзко и точно отдѣленный отъ другихъ институтъ гражданского права; наконецъ, что римское право принимаетъ переходъ владѣнія въ право собственности.

Примѣч. Савиньи не допускаетъ перехода владѣнія въ право собственности, но думаетъ, что владѣніе составляетъ такое же условіе приобрѣтенія собственности посредствомъ давности, какъ время, *res habilis*, *justus titulus* и др.; что слѣдовательно владѣніе не переходитъ въ собственность, а собственность образуется изъ различныхъ условій, составляющихъ въ совокупности способъ ея приобрѣтенія посредствомъ давности. Это мнѣніе несправедливо. Между многими условіями способа приобрѣтенія собственности посредствомъ давности, владѣніе есть основное, коренное условіе; другими словами, для того, чтобы владѣніе могло перейти въ собственность, законодательство требуетъ, чтобы оно продолжалось извѣстное время (*tempus*); чтобы предметомъ его была извѣстнаго рода вещь (*res habilis*) и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что владѣніе не можетъ почитаться такимъ же условіемъ приобрѣтенія собственности посредствомъ давности, каковы время, *bona fides* и т. д.; что напротивъ всѣ условія клонятся къ тому, чтобы сдѣлать возможнымъ пе-

реходъ владѣнія въ право собственности. Замѣтимъ еще, что когда переходъ владѣнія въ право собственности уже совершился, всѣ условія, кромѣ одного владѣнія, теряютъ свою отдѣльность и самостоятельность, какъ преходящія.

2. Еслибы римское право принимало владѣніе за фактъ, то оно и не отдѣляло бы факта владѣнія отъ того, что оно признаетъ за владѣніе: владѣніе на самомъ дѣлѣ и владѣніе по признанію законодательства непремѣнно бы совпадали. Поэтому римское право не дѣлало бы различія между лицами владѣющими, между предметами владѣнія, наконецъ между самими владѣніями. Но мы видимъ напротивъ, что римское право не всѣхъ владѣющихъ признаетъ за юридическихъ владѣльцевъ; далѣе, не всѣ вещи признаетъ за предметъ юридическаго владѣнія; наконецъ, не всякое владѣніе признаетъ за юридическое. Самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ послѣдняго служить владѣніе посредствомъ представителя¹⁾).

3. Наконецъ, еслибы по римскому законодательству владѣніе не было право, то какимъ образомъ могъ бы владѣлецъ возвратитъ себѣ владѣніе, насильственно отнятое у него другимъ? Какъ объяснить существованіе *interdictorum recuperandae possessionis*? Если владѣніе юридическое не отдѣляется отъ факта владѣнія и есть фактъ, то право интердикта не можетъ оставаться у владѣльца послѣ того, какъ у него отнято владѣніе, а должно перейти къ новому владѣльцу; другими словами, интердиктъ *recuperandae possessionis* не будетъ имѣть смысла²⁾).

§ 2.

Итакъ римское законодательство признаетъ владѣніе за право. Но изъ этого еще нельзя заключить, чтобы оно само

¹⁾ См. Тадена.

²⁾ Тадень, стр. 22.

въ себѣ было право, а не фактъ. Возникаетъ новый вопросъ: что есть владѣніе само въ себѣ, фактъ или право? Другими словами: на какомъ основаніи римское законодательство признаетъ владѣніе за право?

Всѣ доселѣ извѣстныя теоріи владѣнія дѣлятся на два разряда. Однѣ принимаютъ владѣніе за фактъ, и потому основаніе защиты владѣнія положительнымъ законодательствомъ ищутъ не въ немъ самомъ. Такъ Савиньи старается найти его въ нарушеніи личности, неразрывно связанной съ нарушеніемъ владѣнія; Рудорфъ въ нарушеніи общественнаго мира. Другіе, между которыми первое мѣсто занимаетъ Гансъ, признаютъ владѣніе за право; а потому основаніе защиты его въ государствахъ находятъ въ самомъ владѣніи.

Главная ошибка Савиньи состоитъ въ томъ, что онъ почтиаетъ невозможнымъ нарушеніе владѣнія безъ нарушенія личности владѣльца. Еслибы это было дѣйствительно такъ, то его теорія была бы неопровержима.

Противное доказываютъ слѣдующіе факты:

а) Владѣніе движимою вещь считалось по римскому праву нарушеннымъ, когда другое лице завладѣло ею тайно¹⁾.

б) Владѣніе считалось насильственнымъ нарушеннымъ, когда кто-либо дѣлалъ для владѣльца невозможнымъ продолженіе владѣнія²⁾. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, владѣніе нарушалось безъ нарушенія личности владѣльца, и было защищаемо. Слѣдовательно основаніе защиты владѣнія не лежало въ одномъ нарушеніи личности, по крайней мѣрѣ было и другое основаніе.

¹⁾ Въ послѣдствіи, во времена Папиніана, Улпіана и Павла, это положеніе потеряло свою силу.

²⁾ *Savigny, Recht des Besitzes*, 6 изд., стр. 515: «*atrox vis* . . . bezeichnet nicht etwa eine besonders grobe Gewaltthätigkeit, wie z. B. Misshandlung . . ., sondern nur eine solche Gewalt, wodurch die Fortsetzung des Besitzes unmöglich gemacht wird». Сравни. тамъ же прим. 3.

Рудорфъ выставляетъ неправильное основаніе защиты владѣнія, потому что изъ него нельзя объяснить :

а) Почему защищается владѣніе, нарушенное *clam* (тайно) и чрезъ невозвращеніе *rescisiō*: при такомъ нарушеніи не происходитъ нарушенія общественнаго мира ¹⁾).

б) Почему нарушившій имѣетъ *exsertio* противъ владѣльца, когда послѣдній самъ пріобрѣлъ отъ него владѣніе тою же вещью чрезъ нарушеніе: фактъ нарушенія общественнаго мира, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, несомнѣнъ. Такое защищеніе владѣльца въ одномъ случаѣ, и незащищеніе въ другомъ, изъ теоріи Рудорфа необъяснимо.

с) Почему владѣніе возстановляется не иначе, какъ по просьбѣ владѣлы а, котораго владѣніе нарушено; молчаніе владѣльца не измѣняетъ факта нарушенія общественнаго мира.

Гансъ не дѣлаетъ никакого различія между справедливою и несправедливою индивидуальною волею, выражающеюся во владѣніи. И та и другая должна быть защищаема. Но отъ чего же она не защищается, когда владѣлецъ самъ чрезъ нарушеніе пріобрѣлъ отъ нарушителя владѣніе этою вещью? Впрочемъ мы будемъ имѣть случай поговорить подробнѣе объ этой теоріи, весьма замѣчательной и вѣрной во многихъ отношеніяхъ ²⁾).

3.

Итакъ теоріи Савиньи, Рудорфа и Ганса (онѣ главнѣйшія; прочія суть только видоизмѣненія Савиньи и Ганса) односторонни, а потому и недостаточны. Но каждая принесла собою новый, въ извѣстномъ отношеніи, вѣрный взглядъ на вла-

¹⁾ Тамъ же стр. 50.

²⁾ Полное и подробное опроверженіе главнѣйшихъ теорій владѣнія не входитъ въ планъ этой статьи. Поэтому мы сочли за нужное ограничиться указаніемъ на ихъ односторонность.

дѣніе. Мы постараемся въ послѣдствіи развить и доказать то и другое.

Что есть владѣніе? фактическое обладаніе человѣка вещью, съ желаніемъ ее себѣ усвоить. Поэтому во владѣніи представляется намъ: 1) лице, которое владѣть; 2) вещь, находящаяся во владѣніи; наконецъ 3) фактическое отношеніе лица къ вещи, съ желаніемъ усвоить. Юридическое значеніе владѣнія должно быть раскрыто въ послѣдующемъ изложеніи.

Государство, какъ высшая ступень идеи права, представляетъ вмѣстѣ и полное, цѣлостное ея осуществленіе. Это осуществленіе права выражается въ томъ, что всѣ юридическія отношенія, начиная отъ самыхъ отвлеченныхъ, каково владѣніе, до самыхъ полныхъ, конкретныхъ, союза семейственнаго и гражданскаго, — всѣ признаются въ государствѣ, охраняются имъ и защищаются противъ нарушеній.

Мы сказали, что владѣніе признается и защищается государствомъ противъ нарушеній; но для того, чтобы быть признаваемымъ и защищаемымъ, оно само не должно быть нарушеніемъ владѣнія, должно быть *справедливое*; другими словами, оно не должно быть отношеніемъ къ такой вещи, которою владѣлъ другой, и которая пріобрѣтена отъ него противъ его воли. Иначе, защищая владѣніе одного, государство нарушало бы владѣніе другого.

Но какъ узнать, когда владѣніе есть справедливое и когда несправедливое, т. е. нарушающее справедливое владѣніе другого?

Очевидно, что критеріемъ не можетъ служить: 1) ни само владѣніе (оно, какъ отношеніе фактическое, всегда одинаково), 2) ни результатъ владѣнія — видъ вещи, налагаемый на нее владѣльцемъ (вещи только случайно, а не необходимо носить на себѣ отпечатокъ своего владѣльца; да и сверхъ того по такому виду не всегда можно заключать о настоящемъ вла-

дѣльцѣ, потому что воля хозяина, желаніе владѣть вещью, можетъ перемѣниться, а вещь, несмотря на то, носить на себѣ отпечатокъ воздѣйствія прежняго ея обладателя).

Итакъ критерій справедливости владѣнія долженъ заключаться въ чемъ-либо другомъ. Онъ долженъ быть постоянный, необходимый, наглядный для того, чтобы государство несомнѣнно и безошибочно могло судить по немъ о справедливости или несправедливости владѣнія. Такой критерій имѣетъ государство только въ способахъ пріобрѣтенія (*justi modi acquirendi*). Они имъ установлены и служатъ тою видимою, внѣшнею оболочкою, въ которой человѣкъ выражаетъ свою волю, вступая во владѣніе вещью. Только въ этомъ случаѣ государство признаетъ справедливость владѣнія, его такъ сказать освящаетъ и охраняетъ противъ притязаній другихъ лицъ. Справедливость владѣнія, признанная такимъ образомъ государствомъ, и есть то, что мы называемъ правомъ собственности.

Но какъ бы ни были просты способы пріобрѣтенія, установленные государствомъ, какъ бы ни были они легки и удобны для употребленія, все же не престанутъ существовать въ государствѣ отношенія человѣка къ вещи, съ желаніемъ усвоить, сами по себѣ справедливыя, не нарушающія владѣнія другихъ, но не имѣющія того видимаго критерія своей справедливости, т. е. владѣніе, непріобрѣтенное посредствомъ способовъ, установленныхъ государствомъ. Можетъ ли государство оставить такое владѣніе безъ защиты и отвергнуть какъ несправедливое? Очевидно, нѣтъ. Въ противномъ случаѣ, государство признало бы справедливое за несправедливое, что невозможно. Но съ другой стороны, оно не можетъ признать справедливости такого владѣнія, потому что ему недостаетъ внѣшняго признака его справедливости, такъ что оно не можетъ быть отличено государствомъ отъ владѣнія несправедли-

ваго. Здѣсь представляется государству вопросъ весьма затруднительный: какимъ образомъ признать справедливое владѣніе, не признавши его справедливости? Рѣшая этотъ вопросъ, государство избираетъ средину между совершеннымъ отрицаніемъ справедливости владѣнія и полнымъ ея признаніемъ: оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, не признавая (но и не отвергая) и не охраняя его справедливости. Въ этомъ признаніи владѣнія, безъ нарушенія его справедливости, и заключается коренное начало юридическаго владѣнія (*possessio*).

§ 4.

Итакъ юридическое владѣніе, по своему основному началу, есть владѣніе само въ себѣ справедливое, которое поэтому признается и защищается государствомъ; но его справедливость не имѣетъ видимости, наглядности для государства, и поэтому въ то же время имъ не признается.

Выведемъ теперь результаты изслѣдованія объ основномъ началѣ права собственности и юридическаго владѣнія.

1) Право собственности и юридическое владѣніе суть только двѣ различныя формы признанія и освященія въ государствѣ одного и того же полного, всецѣлаго обладанія человѣка надъ вещью.

2) Въ развитіи вещныхъ правъ, право собственности должно предшествовать юридическому владѣнію, что мы и видимъ въ исторіи римскаго права.

3) Дѣленіе полного отношенія человѣка къ вещи на право собственности и на юридическое владѣніе не есть философское, потому что не лежитъ въ самой сущности этого отношенія человѣка къ вещи, но внѣ его — въ признаніи его государствомъ. Показать необходимую причину и значеніе этого дѣленія есть поэтому задача теоріи, а не философіи права.

4) На вопросъ, что есть владѣніе само въ себѣ, фактъ или

право, мы можем теперь отвѣчать несомнѣнно, что оно есть право; потому что владѣніе, какъ мы видѣли, есть, въ основномъ своемъ началѣ, справедливое отношеніе лица къ вещи, признанное государствомъ.

§ 5.

Разсмотримъ теперь юридическія положенія о нарушеніи и защитѣ владѣнія и права собственности. Они прямо вытекаютъ изъ основныхъ началъ того и другаго.

А.

Юридическія положенія о нарушеніи и защитѣ владѣнія.

Признаніе владѣнія, безъ признанія его справедливости, выражается въ томъ, что государство защищаетъ его, т. е. нарушенное возстановляетъ владѣльцу.

а) О нарушеніи. Нарушить фактическое отношеніе къ вещи, обладаніе ею, можно только такимъ же обладаніемъ тою же вещью противъ воли владѣльца. Для того, чтобы стать въ такое съ нею отношеніе, необходимо фактическое завладѣніе. Итакъ нарушеніе владѣнія заключается въ фактическомъ завладѣніи вещью, которою владѣетъ другой. Съ такимъ нарушеніемъ можетъ быть связано нарушеніе личности владѣльца; но это не необходимо, слѣдовательно можетъ быть и не быть. Поэтому несправедливо утверждаетъ Савиньи, что всякое нарушеніе владѣнія есть вмѣстѣ нарушеніе личности владѣльца.

б) О защитѣ. У Римлянъ владѣніе защищалось посредствомъ интердикта¹⁾, или становилось предметомъ судебного

---

¹⁾ Преторское приказаніе что-либо дѣлать или не дѣлать.

изслѣдованія въ интердиктномъ процессѣ, въ которомъ формулою былъ самый интердиктъ. Главныя свойства интердиктнаго процесса заключаются въ слѣдующемъ :

а) Интердиктный процессъ не изслѣдовалъ основанія, по которому кто-либо владѣеть, но только — было ли владѣніе или нѣтъ (фактъ владѣнія, но не въ противоположность праву). Если окажется, что истецъ владѣлъ, то государство принуждаетъ отвѣтчика возратить владѣмую вещь. Это положеніе вытекаетъ изъ основнаго начала владѣнія: государство признаетъ и защищаетъ владѣніе, а не его справедливость. Объ *justa causa* въ интердиктномъ процессѣ не можетъ быть и рѣчи.

б) Интердиктъ, по своему существу, есть личный, т. е. имѣетъ дѣйствіе только противъ нарушителя, а не противъ третьяго лица¹⁾. Этотъ личный характеръ интердикта прямо вытекаетъ изъ основнаго начала юридическаго владѣнія. Мы видѣли выше, что государство признаетъ владѣніе какъ отношеніе лица къ вещи. Это признаніе владѣнія одного влечетъ за собою непризнаніе владѣнія тою же вещью другаго, когда это владѣніе пріобрѣтено противъ воли владѣльца, словомъ — нарушено. Почему же, спрашивается, такое ограниченіе непризнанія? Почему всякое другое владѣніе тою же вещью, кромѣ означеннаго, не подверглось равному съ нимъ непризнанію? Причина заключается въ слѣдующемъ :

Государство, признавая владѣніе только какъ владѣніе, а не какъ владѣніе справедливое, основывается на недостаткѣ вѣншихъ признаковъ внутренней его справедливости. Поэтому-то оно смотритъ на владѣніе, какъ на такое отношеніе къ вещи, котораго внутреннее существо ему вовсе неизвѣстно.

¹⁾ Это смыслъ краткихъ словъ Уlpіана: «*interdicta omnia, licet in rem videantur concepta, vi tamen ipsa personalia sunt*» (L. I. §. 3. D. de interd.).

Но съ другой стороны мы знаемъ, что внутренняя справедливость владѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ, хотя и не высказавшаяся ни въ какихъ внѣшнихъ формахъ, побудила государство установить институтъ юридическаго владѣнія.

Изъ соображенія взгляда государства на юридическое владѣніе и поводовъ его установленія, открывается само собою, что государство, не почитая прямо владѣніе извѣстнаго лица за справедливое, предполагаетъ однакоже его справедливость, пока не будетъ доказано противное. Отсюда слѣдуетъ, что нарушившій это владѣніе владѣть вещью несправедливо. Такииъ образомъ представляются намъ здѣсь два владѣнія: одно справедливое и нарушенное; другое существующее, несправедливое. Но такое понятіе о справедливости и несправедливости владѣнія есть только относительное. Одно владѣніе предполагается какъ справедливое; другое, въ отношеніи только къ первому, есть несправедливое, но въ отношеніи къ другому оно, въ свою очередь, предполагается какъ справедливое и т. д. Если это такъ, т. е. если понятіе о справедливости и несправедливости владѣнія есть относительное, то вопросъ о личномъ характерѣ интердикта рѣшенъ.

Уничтожить владѣніе одного для того, чтобы возстановить владѣніе другаго, можно только, когда одно лице владѣть справедливо, а другое несправедливо. Но справедливо и несправедливо владѣніе только между двумя лицами: нарушителемъ и тѣмъ, чье владѣніе нарушено. Поэтому только владѣніе нарушителя можетъ и должно быть уничтожено, и возстановлено владѣніе прежняго владѣльца; поэтому, далѣе, не уничтожается владѣніе третьяго лица въ пользу того, чье владѣніе нарушено другимъ.

Объяснимъ сказанное примѣромъ.

А владѣть вещью. Владѣніе его нарушаетъ В и передаетъ С.

Что А можетъ, посредствомъ интердикта, требовать отъ В или возстановленія владѣнія, или полнаго вознагражденія (сип omni causa) — это не требуетъ ни доказательствъ, ни объясненія.

Но положимъ, что А обратится съ интердиктомъ противъ С.

Здѣсь представляются намъ: съ одной стороны А, котораго владѣніе предполагалось справедливымъ и нарушено В; съ другой стороны С, которому В уступилъ владѣніе вещью, находившеюся во владѣніи А, и отнятую В у послѣдняго. Владѣніе С предполагается тоже справедливымъ, и даже въ отношеніи къ владѣнію А; потому что не С его нарушилъ, а В. Такимъ образомъ оба, и А и С, имѣютъ равныя притязанія на вещь. Какъ же рѣшить, кому именно принадлежитъ владѣніе? Очевидно, должно будетъ обратиться къ основанію владѣнія — къ праву на вещь; изслѣдованіе же о правѣ относится къ процессу о правѣ, а не о фактѣ владѣнія.

γ) Дѣйствіе интердикта и необходимое слѣдствіе процесса о владѣніи есть фактическое уничтоженіе фактическаго нарушенія — возстановленіе владѣнія прежнему владѣльцу. Мы видѣли, что владѣніе можетъ быть нарушено только фактически; поэтому и возстановленіе его не можетъ быть другое, какъ фактическое, равное нарушенію.

Теперь перейдемъ къ праву собственности.

В.

Юридическія положенія объ оспариваніи и охраненіи права собственности.

Основное начало права собственности извѣстно: оно есть признанная государствомъ справедливость владѣнія.

Признаніе справедливости владѣнія¹⁾ выражается въ томъ, что государство охраняетъ ее, т. е. не дозволяетъ никому самовольно присвоить ее себѣ.

а) Объ оспариваніи. Нарушить справедливость владѣнія, право собственности, очевидно, невозможно. Поэтому, собственно говоря, нарушенія права собственности нѣтъ и быть не можетъ. Оно, какъ право, можетъ быть только оспариваемо (разумѣя подъ этимъ словомъ и отрицаніе права собственности другаго, и присвоеніе его себѣ). Это оспариваніе въ ученіи о правѣ собственности, совершенно соотвѣтствуетъ нарушенію, въ ученіи о владѣніи.

б) Объ охраненіи. У Римлянъ для охраненія права собственности были особливые иски, *rei vindicatio* и *actio publiciana*, по которымъ производился процессъ о правѣ собственности. Главныя, отличительныя свойства исковъ и процесса о правѣ собственности суть слѣдующія:

α) Предметъ изслѣдованія въ процессѣ о правѣ собственности не есть владѣніе, но юридическое основаніе этого владѣнія, справедливость его. Это потому, что основное начало права собственности есть признанная государствомъ справедливость владѣнія. Въ процессѣ о владѣніи изслѣдуется только, было ли владѣніе.

---

¹⁾ Право собственности, какъ мы увидимъ ниже, кромѣ признанія справедливости владѣнія, есть выѣстъ и признаніе самаго владѣнія. Эту другую сторону права собственности мы опускаемъ здѣсь по слѣдующимъ причинамъ: 1) она, будучи разсматриваема отдѣльно, есть то же самое владѣніе; 2) какъ часть собственности, она имѣетъ большое сходство съ юридическимъ владѣніемъ, и слѣдовательно, разсматриваемая здѣсь, не дала бы возможности провести точныя и рѣзкія границы между правомъ собственности и владѣніемъ; но какъ сторона второстепенная въ правѣ собственности, владѣніе, связанное съ нимъ, не приноситъ ничего къ его основному началу и къ его юридическимъ послѣдствіямъ, а потому можетъ быть опущено, не вредя правильному взгляду на право собственности и на его отношеніе къ владѣнію. Наконецъ 3) отношеніе владѣнія къ праву собственности будетъ ниже разсмотрѣно пами особливо.

β) Искъ о правѣ собственности на извѣстную вещь можетъ быть вчиненъ противъ всякого, кто присвоиваетъ себѣ такое же право на ту же вещь. Основаніе этого положенія есть абсолютная (а не относительная, какъ во владѣніи) справедливость, составляющая коренное начало права собственности. Государство, признавши справедливость владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью, признаетъ ее вообще, въ отношеніи ко всѣмъ гражданамъ. Поэтому, кромѣ самого хозяина, никто не можетъ быть хозяиномъ той же вещи. Итакъ искъ о правѣ собственности есть вещный. Интердиктъ, какъ мы уже видѣли, носитъ на себѣ напротивъ личный характеръ.

γ) Наконецъ, дѣйствіе иска о правѣ собственности, и необходимое слѣдствіе процесса объ этомъ правѣ, есть утвержденіе и признаніе оспариваемаго права собственности за хозяиномъ вещи. Если сравнимъ это дѣйствіе процесса о правѣ собственности съ дѣйствіемъ интердикта, то увидимъ что оно совершенно соотвѣтствуетъ фактическому возстановленію владѣнія. Какъ то, такъ и другое дѣйствіе прямо и непосредственно вытекаетъ изъ основнаго начала права собственности и владѣнія, и столько же различны между собою, сколько различны эти двѣ формы признанія полныхъ вещныхъ отношеній въ государствѣ.

§ 6.

Теперь остается намъ, на основаніи сказаннаго, разрѣшить нѣкоторые частные вопросы, которые не могли быть разрѣшены прежде и по необходимости опущены были нами изъ виду.

Первый вопросъ. Какое основаніе защиты несправедливаго владѣнія т. е. владѣнія, нарушающаго владѣніе справедливое?

Выше мы видѣли, что государство иногда не можетъ признать владѣніе за справедливымъ, потому что ему недостаетъ тѣхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ государство могло бы

безошибочно признать его справедливость. Но оно не может также безусловно отвергнуть его, какъ несправедливое, потому что такое владѣніе можетъ быть въ существѣ своемъ справедливо. Поэтому государство избираетъ средину между признаніемъ справедливости владѣнія и совершеннымъ его отрицаніемъ: оно признаетъ и защищаетъ владѣніе, какъ владѣніе, а не какъ владѣніе справедливое.

Отсюда слѣдуетъ, что признаніе владѣнія, каково бы оно впрочемъ ни было, прямо свидѣтельствуетъ объ убѣжденіи, можетъ-быть и безсознательномъ, въ томъ, что владѣніе, хотя бы и не имѣло внѣшнихъ признаковъ справедливости, само въ себѣ однако справедливо.

Такое убѣжденіе для насъ весьма важно. Оно показываетъ, что государство смотритъ на владѣніе какъ на справедливое отношеніе къ вещи, и только по необходимости не признаетъ этой справедливости; словомъ: государство проникаетъ въ сущность владѣнія.

Дѣйствительно, владѣніе есть справедливое отношеніе къ вещи, несмотря на то, что эта справедливость не имѣетъ очевидности для государства. Но оно бываетъ такимъ только тогда, когда не нарушаетъ владѣнія другихъ лицъ тою же вещью; въ противномъ же случаѣ оно несправедливо.

Несправедливое владѣніе, очевидно, не имѣетъ и не можетъ имѣть въ свою пользу того убѣжденія государства, которое побуждало его изыскивать особливныя средства для признанія и защищенія владѣнія справедливаго. На него смотритъ государство, какъ на фактъ, не имѣющій никакого значенія въ области права; а поэтому съ одной стороны несправедливое владѣніе всегда должно уступать владѣнію справедливому; съ другой — не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій, слѣдовательно не можетъ быть нарушено, а потому не можетъ быть и защищаемо государствомъ.

Примѣч. При построеніи своей теоріи, Савиньи обратилъ все вниманіе на несправедливое владѣніе; но онъ не раздѣлилъ владѣнія на справедливое и несправедливое (два вида, на которые оно необходимо распадается въ государствѣ), и потому всѣ свойства несправедливаго владѣнія по необходимости должны были приписать всякому владѣнію вообще, а слѣдовательно и справедливому. Такъ, онъ говоритъ, что владѣніе есть чистый фактъ, не имѣющій никакого значенія въ области права. Вообще сказанное имъ о существѣ владѣнія совершенно вѣрно и правильно въ отношеніи къ несправедливому владѣнію. При такомъ взглядѣ, онъ необходимо долженъ былъ искать основанія защиты владѣнія въ чемъ-либо внѣшнемъ, а не въ немъ самомъ, что также совершенно правильно, если приложимъ къ несправедливому владѣнію: несправедливое владѣніе не имѣетъ въ себѣ основанія защиты, слѣдовательно это основаніе должно заключаться въ чемъ-либо внѣшнемъ.

Отчего же, несмотря на такое свойство несправедливаго владѣнія, оно, по признанію законодательства, можетъ быть нарушено и защищается наравнѣ съ справедливымъ? Какъ объяснить это явленіе?

На основаніи сказаннаго, этотъ вопросъ рѣшается легко. Мы видѣли, что владѣнія, само въ себѣ справедливое и несправедливое, не различаются, если не имѣютъ какихъ-либо внѣшнихъ признаковъ. По этой только причинѣ не могла быть признана въ государствѣ справедливость въ самомъ себѣ справедливаго владѣнія. Поэтому-то, далѣе, владѣніе несправедливое, несмотря на то, что оно не имѣетъ никакого значенія въ области права, признается и защищается государствомъ наравнѣ съ справедливымъ.

Итакъ причина защиты владѣнія несправедливаго заключается въ томъ, что владѣніе само по себѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть никакого критерія своей справедливости. Онъ ле-

жить или въ сознаниі владѣльца, или того, чье владѣніе нарушено; слѣдовательно есть внутренній, невидимый и потому какъ бы не существующій для государства. Поэтому владѣніе справедливое и несправедливое не имѣетъ никакого различія для государства. Отсюда происходитъ, что оно защищаетъ какъ то, такъ и другое.

Примѣч. 1. Для того, чтобы получить правильное воззрѣніе на владѣніе, необходимо должно различать основаніе, побудившее государство признать владѣніе, отъ послѣдствій такого признанія. Основаніемъ была внутренняя справедливость владѣнія въ нѣкоторыхъ случаяхъ; послѣдствіемъ — признаніе и защита справедливаго владѣнія. Причина этого послѣдствія не логическая, а фактическая: невозможность отличить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Замѣтимъ еще, что еслибы не было этой причины, не было бы и отдѣльнаго института владѣнія.

Примѣч. 2. Основаніе защиты несправедливаго владѣнія не есть внутреннее, заключающееся въ самомъ несправедливомъ владѣніи, а внѣшнее: невозможность для государства отличить его отъ владѣнія справедливаго. Скрываясь подъ одною внѣшнею оболочкою съ справедливымъ владѣніемъ, оно присвоило себѣ все его юридическія послѣдствія и получило, такъ сказать, право гражданства въ системѣ законодательства. Римскіе юристы не отличали его отъ владѣнія справедливаго. Это и не удивительно: они имѣли въ виду одну практическую сторону права, а потому для нихъ было вовсе не нужно дѣленіе владѣнія на справедливое и несправедливое — дѣленіе, которое не имѣло никакого приложенія въ практикѣ, гдѣ они не отдѣлялись, да и не могли отдѣляться другъ отъ друга. Но теперь, когда чувствуется потребность возвести положительное ученіе къ его теоретическимъ началамъ, отдѣленіе владѣнія справедливаго отъ несправедливаго совершенно

необходимо. Несмотря на то, всё приступали къ построению теоріи владѣнія съ готовою мыслью, что владѣніе всегда одинаково, будетъ ли оно справедливое или несправедливое; что это различіе несущественно, и потому не должно быть принимаемо въ соображеніе при построении теоріи. Это дѣленіе дѣйствительно не будетъ имѣть смысла, если мы взглянемъ на владѣніе отвлеченно: отвлеченное воззрѣніе не допускаетъ различія между справедливымъ и несправедливымъ; то и другое понятіе появляется только съ общежитіемъ, со вступленіемъ людей во взаимныя отношенія, слѣдовательно въ гражданскомъ обществѣ, въ государствѣ. Но мы не можемъ смотрѣть на владѣніе отвлеченно: такое воззрѣніе есть философское, а потому относится къ философіи права. Наше дѣло напротивъ состоитъ въ разсмотрѣніи юридическаго значенія владѣнія, слѣдовательно мы должны изслѣдовать его въ томъ видѣ, какъ оно является въ государствѣ. Ставши на эту точку зрѣнія, мы необходимо должны будемъ различить владѣніе справедливое отъ несправедливаго. Оупущеніе изъ виду этого раздѣленія владѣнія въ государствѣ повлекло за собою другую ошибку: стали искать одного начала для объясненія защиты и справедливаго, и несправедливаго владѣнія. Удивительно ли, что всё попытки оказались безуспѣшными?

Примѣч. 3. Необходимость найти основаніе защиты несправедливаго владѣнія вовлекла Савиньи и Ганса въ двѣ противоположныя, равно несправедливыя, крайности. Савиньи говоритъ, что вообще владѣніе (безъ различія справедливаго отъ несправедливаго) есть фактъ; Гансъ — что оно право. Савиньи, сообразно съ своимъ взглядомъ, не могъ искать причины защиты владѣнія въ самомъ владѣніи. Онъ ея искалъ поэтому въ чемъ-либо постороннемъ, внѣшнемъ, имѣющемъ связь съ институтомъ владѣнія, и думалъ найти въ личности владѣльца, которая имѣетъ къ владѣнію самое близкое отношеніе.

Нарушеніе личности, необходимо связанное, по его мнѣнію, съ нарушеніемъ владѣнія, есть единственная причина защиты владѣнія. Исходя изъ этого ложнаго начала, онъ по необходимости долженъ былъ исказить нѣкоторые юридическія положенія изъ ученія о владѣніи, напр. расширить понятіе о *res* на всѣ возможные виды нарушенія владѣнія; совершенно превратно толковать основаніе интердикта *ut rubi* (по римскому праву до временъ Юстиніана). Такое неправильное, можно сказать, пристрастное толкованіе нѣкоторыхъ положеній, относящихся ко владѣнію, было выставлено на видъ и опровергнуто Гансомъ. Теорія Савиньи рушилась, и мѣсто ея заступила новая, противоположная первой, но столько же пристрастная и односторонняя теорія Ганса. Гансъ, въ противоположность Савиньи, утверждаетъ, что владѣніе есть право, т. е. въ самомъ себѣ заключаетъ основаніе защиты всѣхъ юридическихъ послѣдствій, и вотъ великая заслуга, оказанная имъ наукѣ права. Онъ первый открылъ и высказалъ истинное основаніе признанія и защиты владѣнія. Но какъ Савиньи на владѣніе вообще перенесъ всѣ свойства несправедливаго владѣнія, такъ Гансъ, наоборотъ, всѣ свойства справедливаго владѣнія приписалъ владѣнію вообще, а слѣдовательно и несправедливому. Такимъ образомъ онъ долженъ былъ признать, что владѣніе несправедливое есть такое же право, какъ и владѣніе справедливое; что оно поэтому имѣетъ внутреннее основаніе защиты: мысль, заключающая въ себѣ явный парадоксъ, несмотря на всю увлекательность, съ которою она изложена, и послѣдовательность, съ которою выведена. Ею вносится въ область положительнаго права начало ложное, разрушительное, которое, въ конечныхъ своихъ послѣдствіяхъ, отрицаетъ всякое право. Но кромѣ внутренняго противорѣчія, скрытаго въ этой мысли, ее опровергаютъ, какъ мы видѣли, положенія римскаго ученія о владѣніи. Такъ обѣ теоріи представляютъ совершенно вѣрныя

начала. Савиньи первый открылъ значеніе несправедливаго владѣнія въ области права; Гансъ первый — основаніе и значеніе справедливаго. Односторонность ихъ заключается въ стремленіи сдѣлать одно изъ этихъ началъ единственнымъ началомъ какъ справедливаго, такъ и несправедливаго владѣнія.

Мы сказали, что государство признаетъ и защищаетъ несправедливое владѣніе потому только, что послѣднее не различается отъ владѣнія справедливаго. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ въ пользу нашего мнѣнія служатъ *exceptiones*, ослабляющія дѣйствіе интердикта въ пользу отвѣтчика. Если отвѣтчикъ могъ доказать, что самъ истецъ прежде пріобрѣлъ отъ него владѣніе тою же самою вещью несправедливо (*vi, clam, pгесагіо*), то онъ освобождался отъ обязанности возстановить владѣніе истцу. Эти *exceptiones*, очевидно, доказываютъ: 1) что не нарушеніе личности есть основаніе защиты владѣнія, потому что даже тотъ, кто пріобрѣлъ владѣніе *vi*, имѣлъ въ показанномъ случаѣ *exсертіо* (противъ Савиньи); 2) что, когда возможно, государство дѣлаетъ различіе между владѣніемъ справедливымъ и несправедливымъ, и отказываетъ послѣднему въ защитѣ.

Второй вопросъ. Въ какомъ отношеніи находится владѣніе къ праву собственности?

Это отношеніе можетъ быть двоякаго рода: владѣніе 1) или является какъ составная часть права собственности, или 2) оно является въ коллизіи съ правомъ собственности.

1. *Владѣніе какъ составная часть права собственности.*

Выше мы замѣтили, что государство въ извѣстныхъ случаяхъ признаетъ справедливость владѣнія, и охраняетъ ее отъ притязанія другихъ лицъ. Это признаніе можетъ быть разсматриваемо съ двухъ точекъ зрѣнія: 1) кромѣ признанія справедливости владѣнія, оно заключаетъ въ себѣ сверхъ того и призна-

ніе самого владѣнія*). Слѣдовательно въ признаніи права собственности извѣстнаго лица на извѣстную вещь заключается и признаніе владѣнія этого лица этою вещью; словомъ, въ правѣ собственности заключается и владѣніе; послѣднее есть составная часть перваго. 2) Признать справедливость владѣнія извѣстнаго лица извѣстною вещью значить признать, что это лице всегда можетъ владѣть этою вещью, имѣть право на владѣніе ею; слѣдовательно, что оно можетъ, отчудивши ее, возвращать себѣ снова, потерявши — требовать возвращеніе отъ всякаго, кто бы ни приобрѣлъ ее. Мало этого: хозяинъ вещи, даже никогда не владѣвши ею, можетъ требовать владѣнія отъ всякаго, въ чьихъ бы рукахъ оно ни находилось. Такимъ образомъ изъ справедливости владѣнія вытекаетъ право на владѣніе, право требовать, чтобы другое лице, имѣющее это же самое владѣніе, возвратило его хозяину (тому, чье владѣніе признано справедливымъ); словомъ, право собственности даетъ хозяину юридическія средства для возвращенія потеряннаго владѣнія. Слѣдовательно хозяинъ вещи или 1) имѣетъ юридическое владѣніе, или 2) находитъ въ правѣ собственности средства требовать его отъ всякаго.

А.

Юридическое владѣніе хозяина вещью, на которую онъ имѣетъ право собственности.

Мы видѣли, что признаніе справедливости владѣнія есть вмѣстѣ и признаніе самого владѣнія, т. е. что юридическое

---

*) На признаніе владѣнія, вмѣстѣ съ признаніемъ его справедливости, мы не могли указать, какъ на основное начало владѣнія; потому что оно является здѣсь какъ начало не самостоятельное, а подчиненное другому. Оно не могло поэтому объяснить существованія отдѣльнаго, самостоятельнаго института юридическаго владѣнія.

владѣніе есть часть права собственности. Такое владѣніе, именно потому что оно есть признанное отношеніе лица къ вещи, юридически совершенно одинаково съ тѣмъ, объ которомъ мы говорили при основномъ началѣ владѣнія. Его юридическое начало то же самое, а потому и юридическія положенія объ его нарушеніи и защитѣ тѣ же. Такимъ образомъ владѣніе, составляющее часть права собственности, является, несмотря на то, какъ совершенно отдѣльное, отъ него независимое юридическое отношеніе къ вещи.

Этимъ разрѣшается часть нашего вопроса: владѣніе и право собственности могутъ существовать другъ подлѣ друга безъ всякаго взаимнаго отношенія.

Примѣч. Несмотря на совершенную одинаковость владѣнія юридического (объ которой мы говорили выше и при разрѣшеніи перваго нами предложеннаго вопроса) и владѣнія, составляющаго часть права собственности, между ними есть самое существенное различіе. Оно заключается въ основаніи, которое побудило государство признать какъ то, такъ и другое отдѣльнымъ, самостоятельнымъ юридическимъ отношеніемъ къ вещи *).

Владѣніе, само въ себѣ справедливое, но неимѣющее внѣшнихъ признаковъ своей справедливости, поздно обратило на себя вниманіе законодательствъ. Мысль (лежащая въ основаніи всего ученія о владѣніи), что владѣніе, не прибрѣтенное по установленнымъ способамъ, не есть еще несправедливое, доказываетъ, что законодательство видитъ не одну формальную справедливость, но проникаетъ и до справедливости матеріальной. Появленіе института владѣнія въ системѣ законодатель-

---

*) Владѣніе несправедливое, какъ мы видѣли выше, признается и защищается государствомъ только потому, что оно не можетъ быть отличено отъ владѣнія справедливаго. Поэтому мы и не будемъ принимать его въ соображеніе при опредѣленіи указаннаго нами различія.

ства есть поэтому самый вѣрный признакъ того, что оно стоитъ на высшей степени развитія.

Напротивъ, владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣло совершенно другую судьбу въ исторіи законодательствъ. Оно появилось вмѣстѣ съ правомъ собственности, вмѣстѣ въ немъ было признано и нашло средство защиты. Поэтому-то вовсе не было нужно различать ихъ: въ признаніи и защитѣ права собственности заключались признаніе и защита владѣнія.

Съ появленіемъ въ системѣ права юридическаго владѣнія, открылся и новый взглядъ на право собственности. Владѣніе, составляющее часть послѣдняго, отдѣлилось отъ него и получило свое отдѣльное, независимое бытіе. Оно получило слѣдовательно только новую форму, заимствованную отъ новаго института права. Такъ основаніе признанія, не имѣющаго внѣшняго признака своей справедливости, должно искать въ признаніи государствомъ не одной формальной, но и матеріальной справедливости; основаніе признанія владѣнія, составляющаго часть права собственности, какъ отдѣльнаго, независимаго отъ послѣдняго отношенія къ вещи — въ послѣдовательности законодательства, которое всѣ одинаковыя юридическія явленія приводитъ подъ одну форму, и всѣмъ имъ даетъ одинаковое юридическое значеніе.

В.

Право требовать владѣнія отъ всякаго, вытекающее изъ права собственности, и средства къ осуществленію этого права.

Мы видѣли, что юридическое владѣніе, составляющее часть права собственности, имѣетъ одинаковое юридическое значеніе съ тѣмъ, объ которомъ мы говорили выше, при изслѣдованіи

объ основномъ началѣ владѣнія. Оно имѣетъ то же юридическое начало, тѣ же юридическія послѣдствія; поэтому и средства его защиты тѣ же.

Но этими средствами, какъ очевидно уже съ перваго взгляда, хозяинъ вещи не всегда, по произволу, можетъ пріобрѣтать владѣніе своею вещью, которою владѣетъ другой. Здѣсь представляются слѣдующіе случаи:

1) Хозяинъ добровольно уступилъ другому лицу владѣніе вещью, принадлежащею ему въ собственность, а это лицо передало его третьему и т. д.

2) Хозяинъ потерялъ владѣніе вещью, а другое лицо завладѣло ею.

3) Владѣніе хозяина нарушено другимъ лицомъ, которое передало это владѣніе третьему лицу.

4) Хозяинъ никогда не владѣлъ вещью, принадлежащею ему въ собственность.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, обыкновенными средствами защиты (интердиктомъ), владѣніе не можетъ быть пріобрѣтено хозяиномъ отъ тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ этою вещью. Поэтому хозяинъ долженъ имѣть и имѣетъ другія средства, вытекающія не изъ юридическаго владѣнія, но изъ права собственности *).

Изъ сказаннаго нами выводится другое положеніе, опредѣляющее отношеніе владѣнія къ праву собственности. Въ правѣ собственности заключается право на владѣніе. Оно осуществляется особливими средствами, отличными отъ средствъ за-

---

*) Въ римскомъ правѣ этихъ средствъ много. Укажемъ на нѣкоторые. *Actio ad exhibendum*, *actio iudicati*, когда этотъ искъ происходилъ изъ рѣшенія, постановленнаго о правѣ собственности; цѣль его въ этомъ случаѣ состояла въ приведеніи въ исполненіе судебного рѣшенія о правѣ собственности, слѣдовательно, между прочимъ, въ возстановленіи владѣнія вещью тому, чье право собственности на эту вещь признано въ судебномъ рѣшеніи, и проч.

щиты юридическаго владѣнія. Осуществленіе его есть юридическое владѣніе.

2. *Владѣніе въ коллизіи съ правомъ собственности.*

Если мы будемъ смотрѣть на право собственности только какъ на признанную государствомъ справедливость владѣнія, то откроется само собою, что коллизія его съ юридическимъ владѣніемъ невозможна. Причина этой невозможности заключается въ томъ, что они относятся къ предметамъ совершенно различнымъ: предметъ — содержаніе права собственности есть справедливость владѣнія; предметъ юридическаго владѣнія — самое владѣніе.

Но мы видѣли, что въ правѣ собственности заключается право на владѣніе, и что осуществленіе этого права есть юридическое владѣніе. Съ этой, и только съ этой точки зрѣнія, коллизія владѣнія съ правомъ собственности представляется возможною, слѣдовательно только съ этой точки и можно ее разсматривать.

Когда право собственности придетъ въ столкновеніе съ юридическимъ владѣніемъ, которое изъ нихъ должно одержать верхъ? Рѣшеніе этого вопроса очевидно само собою. Если кто-либо имѣетъ справедливое отношеніе къ вещи и эта справедливость признана государствомъ, то другіе не могутъ имѣть къ ней такого же справедливаго отношенія, слѣдовательно это отношеніе несправедливо. Поэтому при коллизіи послѣднее уступаетъ первому: оно уничтожается, и возстановляется справедливое отношеніе хозяина вещи.

Итакъ отношеніе права собственности ко владѣнію заключается въ слѣдующемъ:

Владѣніе есть необходимая, существенная часть права собственности. Какъ необходимая часть, оно или принадлежитъ вмѣстѣ съ правомъ собственности одному лицу, или можетъ

только принадлежать. Въ первомъ случаѣ юридическое владѣніе существуетъ подлѣ права собственности, какъ самостоятельное юридическое отношеніе къ вещи, независящее отъ упомянутаго права, и имѣетъ свои средства защиты. Въ послѣднемъ случаѣ оно существуетъ подлѣ права собственности, но только въ возможности, какъ право на владѣніе тою вещью, которая принадлежитъ по праву собственности; это право на владѣніе приводится въ исполненіе особливими средствами, отличными отъ средствъ защиты юридическаго владѣнія и сходными съ послѣдними только въ томъ, что какъ тѣ, такъ и другія имѣютъ одну цѣль — доставить юридическое владѣніе. При осуществленіи права на владѣніе, оно можетъ вступить въ коллизію съ юридическимъ владѣніемъ, и тогда послѣднее необходимо уступаетъ первому.

З а к л ю ч е н і е .

Теперь постараемся въ немногихъ словахъ представить результатъ изслѣдованій о коренномъ началѣ юридическаго владѣнія и основаніи его защиты.

Основное начало юридическаго владѣнія есть признаніе государствомъ владѣнія, безъ признанія его справедливости. Поводъ въ такому признанію заключается во внутренней справедливости владѣнія, которое поэтому не можетъ быть оставлено безъ защиты, но которое не можетъ быть признано за справедливое, по недостатку внѣшнихъ признаковъ этой справедливости — признаковъ несомнѣнныхъ, видимыхъ для государства, каковы законные способы пріобрѣтенія. Вслѣдствіе недостатка такихъ признаковъ, государство по необходимости, вмѣстѣ съ владѣніемъ справедливымъ въ самомъ себѣ, признаетъ и защищаетъ и владѣніе несправедливое. Поэтому основаніе защиты несправедливаго владѣнія не заклю-

чается во внутреннемъ существѣ его, но во вѣншнемъ сходствѣ и безразличіи его съ владѣніемъ, въ самомъ себѣ справедливымъ. Эта форма признанія перенесена и на то владѣніе, котораго справедливость признана государствомъ. Основаніе лежитъ въ слѣдующемъ: признаніе справедливости владѣнія заключаетъ въ себѣ признаніе и самаго владѣнія. Оба могутъ быть разсматриваемы отдѣльно, независимо другъ отъ друга. Признаніе владѣнія, разсматриваемое отдѣльно отъ признанія его справедливости, не представляетъ никакого отличія отъ признанія такого отношенія къ вещи, которое государство не признаетъ за справедливое. Поэтому-то на него вполне можетъ и должна быть перенесена форма признанія послѣдняго. Такимъ образомъ владѣніе, само въ себѣ справедливое, владѣніе несправедливое, и наконецъ владѣніе, составляющее часть права собственности, всѣ соединяются въ государствѣ подъ одну форму признанія, а потому они имъ и не различаются. На каждое изъ нихъ въ отдѣльности, и на всѣ вмѣстѣ, государство смотритъ только какъ на одно и то же владѣніе, признанное имъ въ особенной формѣ и защищаемое, не обращая вниманія на различныя основанія такого признанія и защиты.

**ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА
РУССКАГО СУДОУСТРОЙСТВА
И
ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,
ВЪ ПЕРІОДЪ ВРЕМЕНИ ОТЪ УЛОЖЕНІЯ ДО УЧРЕЖДЕНІЯ
О ГУБЕРНІЯХЪ¹⁾.**

---

¹⁾ Диссертація на степень магистра.

ВВЕДЕНІЕ.

Не много лѣтъ протекло съ того времени, когда реформа, произведенная въ Россіи Петромъ Великимъ, еще была предметомъ общаго и безусловнаго удивленія. Едва преобразователь совершилъ свой трудный подвигъ, какъ уже подданные его почувствовали великость предначатаго дѣла, и превозносили великаго государя, первоначальника новой Россіи, творца нашего политическаго могущества и устроителя внутренняго быта. Съ тѣхъ поръ имя Петра Перваго благоговѣйно передавалось изъ устъ въ уста отъ предковъ потомству. Такъ продолжалось почти до послѣдняго двадцатипятилѣтія.

Около этого времени впервые появилась реакція направленію, данному Россіи преобразованіемъ Петра. Силы, вызванныя имъ къ жизни, воспитанныя и доведенныя до сознанія событіями послѣдней эпохи — начали тяготиться чужеземнымъ вліяніемъ, подъ которымъ совершалось ихъ развитіе со времени Петра Великаго, и породили требованіе самостоятельности. Отсюда ведетъ начало обращеніе къ старинѣ, сочувствіе къ быту Россіи, предшествовавшему реформѣ, который, если не былъ чуждъ вліянію европейскихъ народовъ, то, по крайней мѣрѣ, не былъ поработенъ этимъ вліяніемъ. Это новое

направленіе должно было ослабить прежнее безусловное удивленіе къ преобразованію Петра Великаго; доведенное до крайности, оно стало въ противоположность съ прежнимъ направлениемъ, и почитатели старины также безусловно начали порицать переворотъ, какъ другіе прежде превозносили его. Такимъ образомъ мнѣнія о реформѣ раздѣлились; въ ихъ враждѣ, рѣчь идетъ не о частномъ событіи русской исторіи, но о судьбахъ Россіи, о ея прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ.

Образованіе противоположныхъ мнѣній о реформѣ Петра, есть, безспорно, отрадное явленіе. Оно служитъ признакомъ пробуждающагося въ Россіи сознанія ея самостоятельности, индивидуальности; это зачатки обновленія нашей жизни, свидѣтельствующіе о переходѣ ея изъ одной степени развитія въ другую, высшую. Но основываясь на непосредственномъ убѣжденіи, на догадкахъ и предположеніяхъ, на фактахъ отрывочныхъ, и потому допускающихъ различныя и произвольныя толкованія, эти мнѣнія не могутъ разрѣшить спора. Въ этомъ скрывается причина и необходимость возникающаго у насъ историческаго направленія. Теперь болѣе, нежели когда нибудь обратились къ изученію фактовъ нашей исторіи; стали собирать источники. Уже много сдѣлано совокупными усиліями правительства и частныхъ лицъ; многіе весьма важные памятники нашего древняго быта открыты, обнародованы и не перестаютъ обнаруживаться.

При такомъ преобладаніи историческихъ интересовъ, при общемъ стремленіи рѣшить великій вопросъ о переворотѣ Петра, въ выборѣ темы для юридическаго разсужденія нельзя было колебаться. Мы остановились на реформахъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ, въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и по слѣдующимъ причинамъ:

1) Не смотря на то, что переворотъ Петра Великаго почти

весь сосредоточился въ сферѣ государственнаго права (въ обширномъ смыслѣ слова), вліяніе его на гражданское законодательство было также чрезвычайно сильно. Онъ отразился съ большею или меньшею силою въ правахъ имущественныхъ (вещныхъ), и правахъ по обязательствамъ (личныхъ), въ наследственномъ правѣ и гражданскомъ судопроизводствѣ.

2) Степень и значеніе реформы въ каждой отдѣльной вѣтви гражданскаго права были различны. Въ большей части изъ нихъ она была только отраженіемъ переворота, происшедшаго въ государственномъ законодательствѣ, и потому была временная. — Почти всѣ измѣненія, сдѣланныя въ гражданскихъ правахъ Петромъ Великимъ, и которыя подходятъ подъ эту категорію, уступили мѣсто преждебывшимъ законоположеніямъ. Они имѣютъ болѣе интересъ древностей.

3) Изъ всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ со времени Петра Великаго въ гражданскомъ законодательствѣ, только тѣ, которыя относились къ судопроизводству, имѣли постоянный характеръ, и служатъ главнымъ основаніемъ нынѣ дѣйствующихъ законовъ. Поэтому, кромѣ историческаго интереса, онѣ имѣютъ еще интересъ практическій, тѣсно связующій ихъ съ настоящимъ законодательствомъ, и заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Направленіе, данное законодательству Петромъ Великимъ, продолжало развиваться и по немъ во всѣ послѣдующія царствованія, до изданія Свода Законовъ. Время отъ реформы Петра Великаго до Свода Законовъ составляетъ поэтому особый періодъ въ исторіи русскаго законодательства. Царствованіе императрицы Екатерины II, при которой впервые установилась реформа, дѣлитъ этотъ періодъ на двѣ части; при ней опредѣлилось отношеніе новыхъ и старыхъ началъ права и всѣ нововведенія приведены въ стройную, обдуманную систему. Въ отношенія къ гражданскому судопроиз-

водству царствованіе Екатерины II не представляет ни одного узаконенія, которое составляло бы эпоху; но въ судоустройствѣ Екатерина II заключила реформу изданіемъ Учрежденія для управленія губерній, съ которымъ судебное управленіе Россіи, административная сторона судопроизводства, получило правильную организацію. Мы органичимся изложеніемъ перемѣнъ, происшедшихъ въ русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ со времени реформы до Учрежденія о Губерніяхъ (1775 года, ноября 7-го).

Такимъ образомъ настоящее разсужденіе должно раздѣлиться на двѣ части. Первая будетъ заключать въ себѣ ученіе о гражданскомъ судопроизводствѣ, по Уложенію и Новоуказнымъ Статьямъ, вторая — измѣненія, произведенныя въ гражданскомъ судопроизводствѣ Петромъ Великимъ и узаконеніями послѣдующихъ царствованій, до Учрежденія о Губерніяхъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

УЧЕНИЕ О РУССКОМЪ ГРАЖДАНСКОМЪ СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПО
УЛОЖЕНІЮ И НОВОУКАЗНЫМЪ СТАТЬЯМЪ.

(1649—1696)

Періодъ времени отъ Уложенія до единодержавія Петра Великаго по справедливости можетъ быть названъ цвѣтомъ древняго юридическаго быта, вѣнцемъ самостоятельнаго развитія началъ, которыя лежали непосредственно въ народномъ обычаѣ. Каждое юридическое положеніе, или непосредственно, или какъ результатъ, основывалось на обычаяхъ областей, вошедшихъ въ составъ Россіи; слѣд. законодательство было почти исключительно историческое.

Отсюда объясняется казуистическій хара теръ Уложенія и всѣхъ постановленій, относящихся къ этому времени. По мѣрѣ того, какъ юридическія гражданскія отношенія становились многосложнѣе, приложеніе основныхъ началъ обычнаго права къ частнымъ случаямъ дѣлалось труднѣе и требовало законнаго опредѣленія; это опредѣленіе касалось поэтому однихъ частныхъ случаевъ: начала, руководившія при рѣшеніи ихъ, осталъ съ невысказанными, потому что жили въ обычаѣ; не было никакой нужды утверждать ихъ законами. Отсюда видная бѣдность юридическихъ началъ въ Уложеніи, и внутреннее богатство ихъ, сокрытое подъ оболочкою частныхъ рѣшеній. Казуистическій характеръ Уложенія въ особенности вы-

сказывается тѣмъ, что оно, будучи по своему назначенію Уложеніемъ всей Россіи, по формѣ относилось къ одной Москвѣ ¹⁾). Нѣтъ сомнѣній, что главная причина этого заключается въ самихъ источникахъ, изъ коихъ преимущественно составлено Уложеніе; ибо можно догадываться, что наибольшая часть статей его почерпнута изъ рѣшеній московскихъ приказовъ; несмотря на то, удержаніе казуистической формы этихъ приговоровъ ясно свидѣтельствуешь о тогдашнемъ ходѣ развитія законодательства и вообще всего юридическаго быта.

Несмотря на преобладаніе обычнаго права въ Уложеніи и послѣдующемъ законодательствѣ, мы замѣчаемъ во весь этотъ періодъ постепенное усиливаніе начала собственно такъ называемаго законодательнаго, реагирующаго противъ обычныхъ вѣрованій, и которое такъ сильно воспреобладало со временъ Петра Великаго. Но эта законодательная дѣятельность вполнѣ подчинялась формамъ и духу юридической жизни того времени, и отличалась тѣмъ-же казуистическимъ характеромъ, какъ и положенія, непосредственно развившіяся изъ обычая. Измѣненія въ законодательствѣ не проистекали изъ началъ чуждыхъ намъ; обычаю противудѣйствовали средствами, изъ него же заимство анными; такимъ образомъ весь юридиче-

---

¹⁾ Доказательствъ этому множество. Укажемъ здѣсь на нѣкоторые: 1) Улож. гл. X, ст. 140: «велѣти его (отвѣтника) пристапу привести къ отвѣту къ Москвѣ съ собою»; гл. X, ст. 141. «да какъ приставъ того ослушника изымавъ къ Москвѣ привести». См. также гл. X, ст. 139 и множество другихъ мѣстъ. 2) Въ уложеніи вездѣ упоминается о *обякахъ*, а опп, какъ извѣстно, были только въ московскихъ приказахъ, и въ нѣкоторыхъ г родахъ съ воеводами. 3) Улож. гл. X, ст. III повелѣваетъ винить неявко: того, кто чрезъ недѣлю по собраніи по немъ поручной записи не явится къ суду; очевидно, эта статья относится только къ городскимъ жителямъ, или къ живущимъ въ близкомъ разстояніи отъ города. Она должна относиться, по всѣмъ вѣроятіямъ, къ древнѣйшему времени. 4) Судящіе вездѣ называются въ Уложеніи *судьями*, а это названіе принадлежитъ исключительно тѣмъ, которые засѣдали въ московскихъ приказахъ. Улож. гл. X, ст. 254, и т. д.

скій бытъ составлялъ одно органическое, стройное цѣлое. Вотъ что должно было замѣтить о состояніи права и законодательства въ этомъ періодѣ, для лучшаго уразумѣнія нашего предмета. — Вникая въ юридическіе памятники, дошедшіе до насъ отъ временъ Уложенія, всматриваясь глубже въ едва понятное намъ тождество быта и формъ, въ которыхъ онъ выражался — въ твердость началъ юридическихъ и необходимое ея слѣдствіе, способность нашихъ предковъ правильно прилагать эти начала къ даннымъ случаямъ ежедневной жизни, — всматриваясь во все это, не лъзя не удивляться тому, какъ могло образоваться мнѣніе, будто бы у насъ не было до Петра Перваго ни законовъ, ни даже понятія о правѣ, а и то и другое дано Россіи ея преобразователемъ. Въ наше время этотъ предразсудокъ мало-по-малу искореняется, и уступаетъ мѣсто другому, лучшему взгляду на допетровскій бытъ, его достоинства и недостатки.

При всей неосновательности, это мнѣніе имѣетъ однако и свою справедливую сторону. Подъ конецъ этого періода обычныя вѣрованія замѣтно ослабли; зачатки ослабленія ихъ мы замѣчаемъ еще до Уложенія; но около самаго начала новой эпохи они были почти совершенно разрушены. Буква закона замѣнила духъ его, который жилъ прежде въ народномъ убѣжденіи; это было причиною и слѣдствіемъ порчи, вкравшейся въ жизнь общественную. Доказательствомъ могутъ служить безчисленныя злоупотребленія, которыми уже подавали теперь поводъ формы быта, нѣкогда вылившіяся изъ самой жизни, и въ свою очередь служившія ей опорой и основаніемъ. Самое свойство злоупотребленій того времени свидѣтельствуетъ объ обветшалости, дряхлости этихъ формъ. Вспомнимъ только дѣла о мѣстничествѣ, которыя тогда уже были анахронизмомъ; дѣла о безчестіи между боярами, которыя дошли наконецъ до такихъ смѣшныхъ и нелѣпныхъ крайностей, что

обратили на себя вниманіе законодательства¹⁾; превратныя «абедническія» толкованія законовъ; сухой, безжизненный формализмъ, укоренившійся въ судахъ, бывшихъ прежде органомъ развитія обычнаго права и приложенія законовъ къ жизни; вспомнимъ значеніе, которое получилъ въ это время языкъ; наконецъ, приведемъ себѣ на память злоупотребленія стряпчихъ того времени, объ которыхъ столько говорится въ законахъ этой эпохи, и есть даже свидѣтельства современниковъ Петра Великаго.

Такъ мѣсто единого, нераздѣльнаго убѣжденія, которое высказывалось въ законодательствѣ, заступило раздвоеніе закона и жизни — вѣрный признакъ наступленія переворота.

ГЛАВА I.

ОРГАНЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Отдѣленіе 1.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Судоустройство Россіи временъ Уложенія лишено догматическаго интереса; это потому, что оно основывалось на однихъ историческихъ началахъ, которыя подъ конецъ этого періода уже нѣсколько сгладились. Это дѣлаетъ судоустройство той эпохи чрезвычайно сбивчивымъ и непонятнымъ.

---

¹⁾ Въ Полномъ Собраніи Законовъ помѣщено нѣсколько указовъ, которыми запрещалось вчинять «пустые и недѣльные» искъ о безчестіи. Такъ въ одномъ изъ нихъ упоминается о челобитной, которую одинъ приносилъ на другаго за то, что послѣдній *смотрѣлъ на него зѣброобразно, и тѣлъ*, будто бы нанесъ ему безчестіе.

Историческіе элементы, изъ коихъ развилось судоустройство Московскаго государства, въ настоящій періодъ суть: древнѣйшая форма управленія въ Россіи и образованіе Россійскаго государства, чрезъ присоединеніе къ Московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ.

Древнѣйшая форма управленія въ Россіи со времени пришествія въ Новгородъ Варяго-Руссовъ состояла въ томъ, что князь назначалъ изъ своей дружины «мужей» правителями областей и городовъ. Разсматривая эту форму администраціи, и соображая ее съ историческими данными той эпохи, мы выводимъ слѣдующіе результаты:

1-е. Вся власть надъ городомъ или областію сосредоточивалась въ одномъ лицѣ; начала коллегіальнаго, по главному назначенію власти, военному и финансовому, не было и быть не могло.

2-е. По тому же военному и финансовому характеру власти «мужей», посылаемыхъ княземъ, власть судебная въ дѣлахъ гражданскихъ *de facto* отдѣлялась отъ самаго суда и носила на себѣ характеръ чисто-административный. Намѣстники были блюстители тишины и порядка, поэтому вѣдали дѣла уголовныя, которыя первоначально разсматривались только съ этой, такъ сказать, полицейской точки зрѣнія; поэтому, дажѣ, намѣстники взыскивали пеню съ нарушителей порядка: вотъ происхожденіе судебныхъ пошлинъ по дѣламъ гражданскимъ; ибо эти дѣла, въ древній и средній періодъ нашей исторіи, обыкновенно вчинялись вслѣдствіе насильственныхъ правонарушеній. Самый судъ, произнесеніе приговора о томъ, что право и что не право, принадлежало общинѣ или городу; сперва, вѣроятно, старѣйшинамъ, въ послѣдствіи лучшимъ людямъ, выборнымъ, цѣловальникамъ.

3-е. Наконецъ, какъ князь поручалъ управленіе своимъ приближеннымъ, такъ и намѣстники его отдавали города и

области избраннымъ изъ своей дружины. Такимъ образомъ князь, его мужи и правители, ими назначенные, составляли цѣлую лѣствицу чиновначалія; низшія ступени ея представляли въ меньшемъ объемѣ то же, что и высшія.

Та же самая система управленія лежитъ въ основаніи судоустройства и въ настоящій періодъ.

1-е. Начало единовластнаго управленія осталось если не исключительнымъ, то по крайней мѣрѣ преобладающимъ во времена Уложения. Начиная отъ думы государевой до управленія населеннымъ помѣстьемъ или вотчиною, всѣ власти были основаны на единоначаліи. Въ наше время возникла мысль, будто бы коллегіальное начало существовало уже до Петра Великаго. Это мнѣніе имѣетъ свою справедливую и несправедливую сторону, судя по тому, съ какой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать судоустройство настоящаго періода. Съ исторической точки зрѣнія эта мысль кажется намъ неосновательною. Управленіе ввѣрялось первоначально одному лицу; такъ было еще во времена Судебника¹⁾. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича московскими приказами, областями и уѣздами, уже завѣдывалъ не одинъ, а многіе («воевода съ товарищи»²⁾); вотъ что подало поводъ думать, будто судоустройство въ это время было коллегіальное; ту же мысль въ особенности подтверждаетъ и одно мѣсто въ Уложеніи³⁾. Несмотря однако на эти данныя, мы можемъ сказать утверди-

¹⁾ См. Судебникъ (Татищева, Москва, 1786 года. 2-е изд.) ст. 68 и 69.

²⁾ См. Описаніе Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, Григорья Кошихина (С. Петербургъ. 1840 года) гл. VI и VII; Московскіе и другіе старинные приказы, Новикова (въ Древней Россійской Вивлиоикѣ, Москва, 1791 года, 2-е изд. Т. XX. стр. 271—424); также грамоты, указы и боярскіе приговоры того времени, въ особенности именный указъ, данный боярину Ивану Милославскому, 1680 года, апрѣля 30. (См. Полное Собр. Законовъ, № 820.)

³⁾ Улож. гл. X, стр. 23: «вершити... (судное) дѣло... судьямъ всѣмъ вопче».

тельно, что коллегіальнаго управленія не было. Правда, въ назначеніи нѣсколькихъ лицъ для завѣдыванія приказомъ или уѣздомъ уже скрывался зародышъ будущаго коллегіальнаго устройства, но до Петра Великаго онъ находился подъ вліяніемъ прежнихъ началъ управленія, и поэтому не могъ развиться. Доказательства:

а) Назначеніе нѣсколькихъ судей и нѣсколькихъ воеводъ для управленія однимъ приказомъ или областью, дѣлалось потому, что многосложность занятій, связанныхъ съ извѣстнымъ управленіемъ, превышала силы одного человѣка. Такъ думаетъ профессоръ Рейцъ. Отсюда объясняется характеръ приказовъ того времени. Товарищи боярина, вѣдавшего приказъ, или городского воеводы были его помощники, совѣтники, а не самостоятельные члены, имѣющіе къ нему определенное юридическое отношеніе. Этимъ объясняется, далѣе, почему нѣтъ никакихъ постановленій объ отношеніи воеводы къ товарищамъ его: еслибъ эти отношенія были юридическія, то они необходимо опредѣлялись бы закономъ, ибо обычай здѣсь не могъ имѣть дѣйствія.

б) Лучшимъ доказательствомъ того, что коллегіальнаго управленія не было, а было управленіе личное, служить устройство думы государевой, по образцу которой, вслѣдствіе единства происхожденія всѣхъ властей того времени, были организованы правительственныя мѣста Московскаго государства. Власть государя, предсѣдательствовавшего въ ней, была неограничена, и если онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступалъ отъ своего мнѣнія и принималъ мнѣніе одного изъ членовъ, то это совершенно зависѣло отъ его произвола; думные люди были его совѣтниками и имѣли на него вліяніе *de facto*; юридическаго ограниченія его власти не было.

с) Наконецъ коллегіальное устройство имѣло мѣсто только въ тѣхъ случаяхъ, когда часть, вѣренная многимъ лицамъ, была

обширна и многосложна; во всѣхъ прочихъ случаяхъ удерживалось начало личнаго управленія; вотъ почему мы находимъ у Кошкина, что въ нѣкоторыхъ московскихъ приказахъ было по нѣскольку членовъ; напротивъ, въ другихъ только одинъ. То же должно замѣтить и о городовомъ и областномъ управленіи, которое находилось въ рукахъ и одного, и двухъ, и трехъ воеводъ.

Мы видѣли, что власть вручалась лицамъ. Поэтому все судоустройство временъ Уложенія сохранило личный характеръ. Вникая въ значеніе приказовъ, — правительственныхъ мѣстъ, которыя вѣдали различныя отрасли государственнаго и гражданскаго управленія¹⁾, мы легко убѣдимся, что по происхожденію своему они были не чтò иное, какъ бы канцеляріи тѣхъ сановниковъ, которымъ царь московскій поручалъ извѣстную отрасль управленія (быть-можетъ по этой-то причинѣ многіе приказы при Петрѣ Великомъ не именованы въ канцеляріи: такъ Дворцовый²⁾, Ямской³⁾, даже Посольскій⁴⁾ и другіе). Въ названіи чети дьяка Варооломея Иванова сохранилось намъ драгоцѣнное историческое свидѣтельство о такомъ значеніи приказовъ въ древнія времена. —

---

¹⁾ О приказахъ мы имѣемъ слѣдующія статьи: первая по своему достоинству и полнотѣ есть статья Новикова въ XX томѣ Россійской Библіотеки. Изъ нея сдѣлано сокращеніе Максимовичемъ въ I томѣ Указателя Законовъ. VI и VII главы сочиненія Кошкина о Россіи посвящены московскимъ приказамъ; какъ писаннымъ современникомъ, онѣ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Затѣмъ есть еще статья о приказахъ Голикова, въ III томѣ Прибавленій къ Дѣяніямъ Петра Великаго. Въ ней мы находимъ много новыхъ извѣстій, которыхъ нѣтъ ни у Новикова, ни у Кошкина, но не указано, откуда они почерпнуты.

²⁾ 1708 года, авг. 20 (№ 2204); приговоръ Главной Ратуши 1728 года, сент. 12 (№ 5333); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

³⁾ 1728 года, іюня 30 (№ 5299), п. 6; сенатскій.

⁴⁾ 1719 года, 3 марта (№ 3318), п. 25; Регламентъ (Уставъ) Государственной Коммерцъ-Коллегіи.

Во весь періодъ отъ Уложенія до Петра Великаго и далѣе, указы, грамоты, отписки и проч., почти никогда не писались на имя приказа, но на имя тѣхъ, которые завѣдывали имъ. Личнымъ же характеромъ судоустройства объясняется непостоянство приказовъ: ихъ непрерывное уничтоженіе, возстановленіе и соединеніе съ другими; это дѣлалось большею частію съ перемѣною тѣхъ, которые ими завѣдывали, или съ ввѣреніемъ двухъ или нѣсколькихъ приказовъ въ управленіе одному лицу¹⁾. Отсюда недостатокъ порядка, системы при распредѣленіи вѣстей управленія между приказами; даже при Петрѣ Великомъ соляное управленіе отнесено къ предметамъ вѣдомства помѣстнаго приказа. Въ заключеніе упомянемъ о томъ, что нѣкоторые приказы помѣщались въ домахъ тѣхъ бояръ, которые въ нихъ присутствовали²⁾.

Въ древнѣйшія времена намѣстникамъ ввѣрялось управленіе областію, или городомъ; такимъ образомъ территорію опредѣлялась власть намѣстниковъ, а не предметами вѣдомства; всѣ отрасли свѣтскаго управленія соединялись въ рукахъ воеводъ, и поэтому не было особливыхъ чиновниковъ, облеченныхъ исключительною властью давать судъ въ дѣлахъ гражданскихъ. Отсюда развилось правило: кто управляетъ, тотъ имѣетъ и право суда въ дѣлахъ гражданскихъ надъ управляемыми. — Эти начала развиваются и во времена Уложенія. Не говоря уже о провинціальномъ устройствѣ, которое вполнѣ на нихъ основано, мы укажемъ на четвертные московскіе приказы (Новгородскій, Устюжскій и другіе), которые управляли цѣлыми областями и судили жителей ихъ въ дѣлахъ гражданскихъ между собою и съ посторонними по общимъ правиламъ подсудности.

¹⁾ 1711 года, ноября 20 (№ 2451); сенатскій.

²⁾ 1670 года, марта 14 (№ 466); именной.

Какъ первоначально отдавалась въ управленіе цѣлая область или городъ, такъ въ послѣдствіи были отдѣлены другъ отъ друга различныя отрасли управленія, и каждая изъ нихъ сдѣлалась предметомъ особой администраціи. Управление по отраслямъ болѣе искусственно, нежели завѣдываніе цѣлою провинціею, и потому, безъ сомнѣнія, относится къ позднѣйшему времени (Холопій судъ, Большой приходъ, Помѣстный приказъ и нѣкоторые другіе впервые упоминаются въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка). Оно образовалось совершенно по аналогіи съ территоріальнымъ управленіемъ; вотъ почему напр. сословіе гостей вѣдалось судомъ въ приказѣ Большихъ казны; пушкари, воротники, затышники — въ Пушкарскомъ приказѣ; рудокопы — въ приказѣ Рудокопныхъ дѣлъ; многіе города и уѣзды съ помѣстными, вотчинными и судными дѣлами въ Стрѣлецкомъ приказѣ, Розрядѣ и т. д. Въ этомъ смыслѣ нѣтъ почти ни одного приказа, который бы не судилъ дѣлъ гражданскихъ и поэтому не относился бы къ ученію о гражданскомъ судопроизводствѣ.

2) Раздѣленіе власти давать судъ (*ius*) и самого суда (*judicium*), между старостами, цѣловальниками, выборными лучшими людьми съ одной стороны, и приказными людьми съ другой, составляло во времена Судебника общую, исключительную форму судебного управленія Россіи¹⁾. Но въ періодъ Уложенія она почти уничтожилась; въ самомъ Уложеніи объ ней упоминается только одинъ разъ, и то мимоходомъ, въ отношеніи къ сельскому судоустройству²⁾, въ которомъ эта форма удержалась неизмѣнно

¹⁾ Судебникъ, ст. 62. «А Бояромъ и дѣтемъ Боярскимъ судити... а на судѣ у нихъ и у ихъ Тиуновъ быти... старостѣ и лучшимъ людямъ цѣловальникамъ... а безъ старостѣ и безъ цѣловальниковъ, Намѣстникомъ и ихъ Тиуномъ суда не судити». Также ст. 72, 69 (здѣсь они называются судными мужами), 68. Ср. Рейца «Опытъ Исторіи Россійскихъ Государственныхъ и Гражданскихъ Законовъ» (съ Нѣм. перев. проф. Морошкинъ. Москва 1836 г.).

²⁾ Улож. гл. X, ст. 161.

до позднѣйшихъ временъ. Во времена Петра Великаго мы находимъ извѣстіе, что въ нѣкоторыхъ городахъ были при воеводахъ товарищи, выбранные жителями уѣздовъ, а въ другихъ ихъ не было¹⁾. Но мы не знаемъ, было ли такое управленіе остаткомъ древнѣйшей формы судоустройства, или же слѣдствіемъ указа царя Феодора Алексѣевича, объ которомъ упоминаетъ Татищевъ²⁾. Вообще должно замѣтить, что участіе выборныхъ въ рѣшеніи гражданскихъ споровъ не подлежитъ никакому сомнѣнію въ отношеніи къ сельскому управленію; но въ судахъ областныхъ такое участіе сомнительно: по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ объ немъ прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ.

О судѣ цѣловальниковъ и выборныхъ существуютъ различныя мнѣнія. Многіе думаютъ, что онъ ограничивалъ власть воеводъ и вообще всѣхъ, имѣвшихъ судебную власть. Но это мнѣніе не имѣетъ никакого основанія. Оно необходимо предполагаетъ присутствіе двухъ противоположныхъ, враждебныхъ началъ въ составѣ народа (какъ мы видимъ напр. въ Англіи и Франціи), чего въ Россіи не было и быть не могло, по самому способу образованія и развитія Русскаго государства. Профессоръ Морошкинъ первый понялъ настоящее значеніе этого суда и высказалъ въ Рѣчи объ Уложеніи. Цѣловальники, добрые люди, люди лучшіе были, по его словамъ, вѣщатели народныхъ обычаевъ³⁾, органы (*viva vox*) обычнаго права. Мы замѣтили выше, что княжескіе намѣстники завѣдывали первоначально частью военною, финансовою и полицейскою; вну-

---

¹⁾ 1705 года, 19 января (№ 2018). Именной, объявленный Розряду бояриномъ Стрѣшневимъ.

²⁾ Судебникъ, стр. 137. Примѣч. (а). Въ Полномъ Собраніи Законовъ этотъ указъ, если не ошибаемся, пропущенъ.

³⁾ О Уложеніи и послѣдующемъ его развитіи. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Московскаго университета. Москва 1839 года. Стр. 16.

твенная жизнь, право и судъ съ ихъ матеріальной стороны не обращали на себя вниманія княжескихъ правителей и покопались на обычномъ правѣ. Въ послѣдствіи, съ воспреобладаніемъ письменнаго законодательства и ослабленіемъ обычнаго права, судъ долженъ былъ постепенно перейти въ руки княжескихъ чиновниковъ, и ограничиться, а со временемъ и совсѣмъ уничтожиться участіе старостъ и цѣловальниковъ въ судопроизводствѣ, какъ излишнее, не достигавшее своей цѣли.

Въ судахъ крестьянскихъ они удержались гораздо долѣе потому, что тяжбы крестьянъ продолжали рѣшаться на основаніи обычнаго права.

3) Постепенность чиноподчиненія и различныя судебныя инстанціи, развившіяся отсюда, ведутъ свое начало отъ врученія власти княземъ своимъ приближеннымъ, а послѣдними, въ свою очередь, избраннымъ изъ своей дружины. До Уложенія, назначеніе судей отъ княжескихъ намѣстниковъ встрѣчается часто («Намѣстники и ихъ Тіуны»). Въ періодъ Уложенія, по свидѣтельству Кошихина и современныхъ актовъ и грамотъ, пригородные воеводы назначались воеводами главныхъ (первыхъ) городовъ. На этомъ же основаніи назначались отъ монастырей слуги управителями монастырскихъ крестьянъ, прикащики — управителями крестьянъ помѣстныхъ и вотчинныхъ. Но здѣсь было и другое основаніе: въ періодъ Уложенія крестьяне вотчинные, помѣстные, монастырскіе, патріаршіе, получили характеръ крѣпостныхъ въ настоящемъ значеніи слова, хотя это начало не было еще высказано и развито юридически. Несмотря на то, правильная организація судовъ крестьянскихъ во время Уложенія заставляетъ насъ предполагать, что первоначально сельскіе управители и прикащики были такіе же чиновники, какъ и воеводы, только съ меньшею степенью власти, и съ несравненно меньшимъ значеніемъ въ лѣствицѣ гражданской іерархіи.

Назначеніе воеводъ и вообще властей не непосредственно княземъ, а сановниками, имъ установленными, равно какъ и многія другія черты настоящаго областного и центрального судоустройства Россіи объясняются исторіею образованія Московскаго государства.

1) Въ періодъ Уложенія областное устройство было чрезвычайно неправильно. Многіе малые города вѣдались «воеводскими отпуски и судомъ» непосредственно въ московскихъ приказахъ; другіе, напротивъ, воеводами городовъ, къ которымъ они были приписаны; въ числѣ приписныхъ городовъ (пригородовъ) находились иногда и большіе и середніе города; многіе города не имѣли вовсе приписныхъ городовъ: число послѣднихъ было также весьма неуравнително; область города опредѣлялась по видимому произвольно: близость и отдаленность не служила основаніемъ при обозначеніи округа. Всѣ эти факты объясняются исторически. Княжества, удѣлы и независимыя державы, присоединяемые постепенно къ Москвѣ, были не одинаковой величины; объемъ ихъ опредѣлялся не разстояніемъ отъ главнаго города, но исторіею ихъ образованія. Вошедши въ составъ Россіи, они большею частью не были измѣнены въ своемъ составѣ и сохранились въ томъ видѣ, въ которомъ были присоединены къ Московскому государству¹⁾. Мѣсто прежняго удѣльнаго князя заступилъ только на мѣстникъ, въ послѣдствіи воевода, на котораго первоначально были перенесены всѣ права княжескія, слѣд. и назначеніе воеводъ въ города, принадлежавшіе княжеству (нѣкоторые воеводы имѣли даже право смертной казни; оно досталось имъ вѣроятно на томъ же основаніи, хотя могли быть и другія

¹⁾ Кошкинъ, гл. VIII, ст. 1. «Великій Новгородъ, Царство Казанское, Астраханское, Сибирское, Государство Псковское, Княжество Смоленское, Полоцкое и тѣхъ государствъ въ первые города посылаются Воеводы.... и вѣдаютъ тѣ Государства съ пригороды и уѣзды».

причины, въ особенности отдаленность отъ мѣстопробыванія верховной власти).

2) Исторією образованія Московскаго государства объясняется существованіе, даже во времена Михаила Ѳеодоровича, такъ называемыхъ смѣстныхъ судовъ. Когда между подданными двухъ княжествъ вчинялся споръ, то его судили вмѣстѣ бояре обоихъ князей. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, этотъ судъ перенесенъ на дѣла, возникавшія между городовыми и деревенскими жителями, и между подданными духовенства и свѣтскими. Но по мѣрѣ того, какъ вся Россія становилась «единымъ его Великаго Государя Государствомъ» и сознаніе внутренняго единства всѣхъ составныхъ частей Московской державы укоренялось и развивалось болѣе и болѣе, судъ смѣстный замѣненъ подсудностію истца суду отвѣтника, и такимъ образомъ, въ послѣдствіи, совершенно уничтожился.

3) Также исторією образованія Россіи чрезъ присоединеніе къ Московскому княжеству удѣловъ, царствъ и народныхъ державъ, объясняется подвѣдомственность всѣхъ четей и областныхъ приказовъ (Сибирскаго, Смоленскаго княжества и проч.) Государственному Посольскому приказу. Она свидѣтельствовала о томъ, что области — нѣкогда самостоятельныя государства — были чужеземныя страны въ отношеніи къ Московскому. Подъ конецъ настоящаго періода, эта подвѣдомственность хотя юридически и удержалась въ прежнемъ видѣ, но постепенное уничтоженіе областныхъ приказовъ и распределеніе дѣлъ, ими управляемыхъ по другимъ приказамъ по различію предметовъ вѣдомства, лишили ее, *de facto*, прежняго содержанія; формальное уничтоженіе ея относится къ послѣдующему періоду.

4) Одно изъ отличительныхъ свойствъ системы администраціи въ эту эпоху состоитъ въ недостаткѣ рѣзкаго разграниче-

нія между управленіемъ центральнымъ, всей Россіи, и областнымъ, округомъ или уѣздомъ. Поэтому о многихъ приказахъ трудно рѣшить, были ли они провинціальные учрежденія для Москвы и ея области, или же кругъ дѣйствія ихъ простирался на всю Россію? По большей части они соединяли въ себѣ характеръ государственныхъ и областныхъ судовъ, слѣд. въ строгомъ смыслѣ не принадлежали ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ. Причина такого страннаго смѣшенія двухъ различныхъ назначеній въ одномъ правительственномъ мѣстѣ скрывается въ исторіи приказовъ. Древнѣйшіе изъ нихъ были первоначально областные суды московскіе; въ послѣдствіи, когда Московское княжество распространялось на всю Россію, эти приказы мало-по-малу начали обращаться въ центральныя учрежденія для всего Русскаго государства, удерживая между тѣмъ прежній характеръ областныхъ московскихъ судовъ¹⁾. Однако не многіе изъ нихъ сдѣлались въ полномъ смыслѣ слова государственными, потому что предметы вѣдомства, по причинамъ, нами уже изложеннымъ, не были строго отдѣлены другъ отъ друга и распредѣлялись по разнымъ приказамъ.

Таковы были историческія начала, на которыхъ основывалось судоустройство въ настоящемъ періодѣ. Дальнѣйшее развитіе ихъ состояло въ томъ, что они мало-по-малу начинали утрачивать характеръ непосредственныхъ, историческихъ данныхъ; въ прежнюю форму уже влагается новое содержаніе, которое необходимо должно было, въ свою очередь, болѣе или менѣе измѣнить ее. Такое важное измѣненіе въ характерѣ законодательства никогда не производится отвлеченными началами права; ибо эти начала сами суть уже результатъ историческаго развитія. Первыми двигателями реформы являются польза, удобство, которыя не замѣняютъ старыхъ на-

---

¹⁾ Рѣчь объ Уложеніи проф. Морошкина, стр. 28.

чалъ новыми, но сдѣлавшись главною цѣлью законодательной дѣятельности, побуждаютъ къ видоизмѣненію существующихъ данныхъ, и тѣмъ приготавливаютъ требованіе высшихъ, философскихъ началъ права. Вотъ съ котораго времени законодательства получаютъ интересъ догматическій. Въ періодъ Уложенія онъ начинаетъ появляться въ слѣдующихъ чертахъ судоустройства Московскаго государства.

1) Раздѣленіе на провинціи по прежнимъ княжествамъ и царствамъ мало-по-малу начинаетъ измѣняться; на мѣсто его появляется начало распредѣленія областей по большимъ городамъ, въ которыхъ приписывались малые города, ихъ окружавшіе. Это новое устройство провинцій, появившееся весьма естественно, должно было изгладить историческіе слѣды образованія Русскаго государства, потому что рѣдко совпадало съ прежнимъ устройствомъ. Въ основаніи новаго раздѣленія областей, очевидно, лежитъ новый распорядокъ городовъ на большіе, средніе и меньшіе, о которомъ часто упоминаетъ Кошихинъ. Такимъ образомъ приготовлено было правильнѣйшее устройство провинцій, которому начало положено въ царствованіе Петра Великаго.

2) По мѣрѣ того какъ внутреннее единство Россіи болѣе и болѣе сознавалось, и исчезали слѣды прежней разрозненности частей ея, подчиненіе областныхъ намѣстниковъ центральнымъ правительственнымъ мѣстамъ постепенно теряло прежній политическій характеръ, и получило наконецъ чисто-юридическое значеніе. Такъ произошли инстанціи, которыя, разумѣется, были еще чрезвычайно неправильны, потому что не основывались на единомъ твердомъ началѣ.

3) Необходимымъ слѣдствіемъ того, что централизація властей получила чисто юридическій характеръ, было правильнѣйшее понятіе о значеніи воеводъ и тѣхъ, которые вѣдали московскіе приказы: и тѣ и другіе постепенно дѣлаются въ

настоящемъ смыслъ слова судьями; значеніе ихъ становится чисто юридическимъ. И прежде это понятіе было связано съ лицемъ княжескаго военачальника или царедворца; но оно никогда не обращало на себя такого вниманія, какъ теперь, когда политическій характеръ воеводъ замѣтно исчезалъ, вслѣдствіе внутренняго совокупленія частей Московскаго государства, замѣнившего собою вѣтшнее. Отсюда объясняется появленіе множества узаконеній, имѣющихъ цѣлью оградить тяжущихся отъ пристрастія, несправедливостей и лихоимства судей. Вотъ значеніе Судебника. Въ настоящій періодъ такихъ узаконеній вышло весьма много.

4) Личный, временный характеръ приказовъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, начинается сглаживаться. Уже въ названіяхъ приказовъ (Помѣстный, Холопій, Судный и т. д.) проглядываетъ мысль о постоянныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторые, напр. Розрядный приказъ, приказъ Помѣстный (см. Иванова «О помѣстныхъ правахъ»), и другіе, получили уже въ этомъ періодѣ весьма правильную организацію.

5) Завѣдываніе приказовъ и областей не однимъ, а многими лицами, должно было, *de facto*, ослабить власть главнаго начальника; этимъ приготовлено появленіе новаго, въ настоящемъ смыслѣ коллегіальнаго судоустройства.

Наконецъ 6) появленіе новыхъ, философско-догматическихъ началъ въ системѣ управленія обнаруживается въ постепенномъ сосредоточеніи извѣстнаго рода дѣлъ всей Россіи въ одномъ приказѣ. Такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя, которыя вѣдались сперва въ Помѣстномъ приказѣ и четьяхъ, къ концу этого періода сосредоточиваются въ одномъ первомъ. Гораздо ранѣе дѣла «татинныя, разбойныя, убивственныя и пожегныя» и другія были подвѣдомственны одному Разбойному приказу. То же должно сказать о Розрядѣ, быть-можетъ о Козачьемъ и другихъ приказахъ.

Изобразивъ въ краткомъ очеркѣ общія начала судоустройства во времена Уложения, приступимъ теперь къ изложенію самаго судоустройства.

А. Суды крестьянскіе.

Устройство судовъ крестьянскихъ, какъ мы замѣтили выше, оставалось въ настоящій періодъ то же самое, которое во времена Судебника было общимъ для всѣхъ областныхъ судовъ Московскаго государства.

а) Суды монастырскихъ крестьянъ. Спорныя гражданскія дѣла между монастырскими крестьянами судилъ монастырскій слуга, который посылался управителемъ отъ монастырей въ вотчины, имъ принадлежавшія. Съ нимъ вмѣстѣ производили судъ мѣстный священникъ, староста, цѣловальникъ и лучшие крестьяне¹⁾. Спорныя гражданскія дѣла, превышавшія судебную власть монастырскаго слуги («ему... судъ давати и судить въ пяти рублехъ... а больше пяти рублевъ не судить»), или по челобитью тяжущихся на неправый приговоръ, поступали на судъ и окончательное рѣшеніе монастырскихъ властей²⁾.

б) Суды дворцовыхъ крестьянъ. О судѣ дворцовыхъ крестьянъ мы находимъ драгоцѣнное извѣстіе у Кошихина (гл. XI, ст. 4): «Царскихъ дворцовыхъ селъ и волостей крестьянъ судять ихъ и росправу чинягъ на Москвѣ, во Дворцѣ, и въ селѣхъ и въ волостяхъ прикащики, по грамотамъ, во всякихъ дѣлѣхъ (кромѣ уголовныхъ). А въ иныхъ царскихъ чер-

¹⁾ См. Наказы монастырскимъ слугамъ: въ Актахъ Археографической Коммисіи (С. Петербургъ 1836 года), Т. IV. 1) 1653 года, декабря 25 (№ 67); 2) 1659 декабря «9» (№ 112). Изъ этого наказа видно, что при судахъ монастырскихъ селъ и деревень судные списки писалъ земскій, или церковный дьячокъ. Въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ Археографическою Коммисією (С. Петербургъ, 1838 года), № 334.

²⁾ См. упомянутые указы.

ныхъ волостяхъ, гдѣ прикащиковъ не бываетъ, учинены судейки, человекъ съ 10, выборные люди, тѣхъ волостей крестьяне: а судять межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ (кромя уголовныхъ дѣлъ)».

Дополненіемъ и объясненіемъ этого мѣста служатъ еще слѣдующія слова того же Кошихина (гл. XI, ст. 2): «Патріархъ и Митрополиты и Архіепископы и Епископы и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ, противъ тогожъ, какъ вѣдаютъ въ Царскомъ Домѣ его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ...»

Итакъ, устройство судовъ дворцовыхъ крестьянъ было одинаково съ монастырскими; слѣд. прикащики были въ дворцовыхъ волостяхъ и селахъ то же, что монастырскіе слуги въ монастырскихъ вотчинахъ; при нихъ также могли находиться староста и цѣловальники, о которыхъ забылъ упомянуть Кошихинъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ селахъ, гдѣ прикащиковъ не было, судили выборные крестьяне («судейки»); въ Уложеніи даже упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ дворцовыхъ сель (Улож. гл. X, ст. 161). Напротивъ въ другихъ мѣстахъ объ нихъ не говорится ни слова¹⁾. Высшею инстанціею для судовъ дворцовыхъ крестьянъ былъ Дворцовый судный приказъ.

с) Суды патріаршихъ крестьянъ. Все, что сказано выше о судахъ дворцовыхъ крестьянъ, вполне относится и къ судамъ крестьянъ патріаршихъ и вообще всего духовенства. Весьма вѣроятно, что въ нихъ принимали также участіе выборные или цѣловальники, хотя мы этого и не можемъ утверждать несомнѣнно; въ источникахъ упоминаются только приказные люди, прикащики, которые вѣдали судъ въ патріаршихъ деревняхъ и селахъ. Изъ этихъ судовъ дѣла гражданскія между

---

¹⁾ Улож. гл. XIII, ст. 3. 1664 года, октября (№ 364); Грамота новгородскому воеводѣ и боярину князю Ивану Рѣпинну.

крестьянами переходили въ Патріаршіе приказы (которыхъ, какъ извѣстно, было много), или на судъ архіепископовъ, епископовъ и т. д.

д) Суды помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ. Сюда преимущественно относится мѣсто изъ сочиненія Кошихина (гл. XIII, ст. 16): «въ домѣхъ боярскихъ учинены приказы... для сыску и росправы межъ дворовыхъ людей и крестьянъ». Изъ другаго мѣста мы видимъ, что крестьянами помѣщичьими и вотчинными управляли (а слѣд. и судили ихъ) прикащики; въ Уложеніи и другихъ законахъ упоминается о старостахъ и цѣловальникахъ въ вотчинниковыхъ и помѣщичьихъ деревняхъ и селахъ¹⁾. Споры и тяжбы помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ между собою, первѣнные крестьянскими судами, рѣшались окончательно помѣщикомъ или вотчинникомъ. — Быть-можетъ домовые приказы, о которыхъ упоминаетъ Кошихинъ (гл. XI, ст. 3), судили крестьянъ во второй, высшей инстанціи.

Какъ спорныя гражданскія дѣла, возникавшія между жителями слободы, волости, села или деревни, подлежали вѣдомству мѣстнаго крестьянскаго суда, такъ тяжбы, которыя происходили между жителями города, области или уѣзда, судились въ городахъ.

В. Суды городовые.

Въ городахъ судъ въ дѣлахъ гражданскихъ принадлежалъ воеводамъ. Юридическое значеніе городовыхъ воеводъ было весьма различно, и нерѣдко опредѣлялось самымъ городомъ. По извѣстіямъ Кошихина, города раздѣлялись уже въ настоящій періодъ на большіе (первые), средніе и мѣньшіе (гл. VIII, ст. 3). Въ большіе города посылались изъ Москвы (изъ Роз-

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 161. 1664 года, октября... (№ 364); Грамота новгородскому воеводѣ Рѣпницю.

ряда) воеводами бояре и окольничьи, а съ ними товарищи, съ боярами — окольничьи, стольники и дьяки, а съ окольничьими — стольники и дьяки (гл. VIII, ст. 1). Въ середніе города, равнымъ образомъ посылались воеводы — стольники, дворяне, дьяки и подъячіе, вмѣсто дьяковъ (гл. VIII, ст. 3). Изъ меньшихъ городовъ нѣкоторые были приписаны къ большимъ и середнимъ, и поэтому нерѣдко называются пригородами (гл. VIII, ст. 2). Въ нихъ, какъ и въ большихъ и среднихъ городахъ, тоже были воеводы, но они назначались воеводами тѣхъ городовъ, къ которымъ пригороды были приписаны. Напротивъ, были малые города, не приписанные къ большимъ, въ которые воеводы посылались изъ Москвы; но эти воеводы не были ни бояре, ни окольничьи, а обыкновенно назначались изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ (гл. VIII, ст. 2).

Мѣсто, въ которомъ воевода съ товарищи давали судъ въ дѣлахъ гражданскихъ, называлось вообще Городовымъ приказомъ (Кошкинъ гл. VII, ст. 36), Съѣзжею избою (Акты Юридическіе, № 307, II, IV), Приказною избою и Приказною палатою. Последнее названіе, какъ кажется, давалось приказамъ большихъ, а можетъ-быть и среднихъ городовъ. Это доказывается тѣмъ, что въ Ярославлѣ, съ присвоеніемъ ему названія отчины, велѣно Приказную избу именовать Приказною палатою¹⁾; изъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, только въ Tobольскѣ была Приказная палата; въ прочихъ были Приказныя избы²⁾.

¹⁾ 1692 года, іюля 27 (№ 1445); именный.

²⁾ 1698 года, декабря 30 (№ 1527); именный, объявленный Сибирскому приказу бояриномъ Рыннинымъ. — Однако странно, что въ Рязани и Володимирѣ были приказныя избы (1657 года, авг. 23 (№ 213); именный. 1658 года, севр. 5 (№ 92); именный. 1661 года, іюля 2 (№ 302); Грамота стольнику Сабурову). Вообще трудно рѣшить, съ котораго времени образовалось это разлітіе въ названіяхъ, и имѣло ли оно какое-либо историческое или юридическое значеніе.

Судебная власть воеводъ по дѣламъ гражданскимъ прости-
ралась на жителей города и его уѣзда¹⁾. Не подлежали ей,
какъ мы видѣли, тѣ, которые были подвѣдомственны по граж-
данскимъ тяжбамъ судамъ крестьянскимъ. Отсюда можно за-
ключить, что крестьяне различныхъ селеній судились въ граж-
данскихъ дѣлахъ воеводою; то же должно сказать о спорахъ
гражданскихъ между свободными и свободныхъ съ крѣпостны-
ми²⁾. Ограниченія права суда, принадлежавшаго воеводамъ,
относились или къ тяжущимся лицамъ, или къ предметамъ и
цѣнѣ иска.

1) Многія лица освобождались отъ подсудности мѣстному
воеводѣ, напр. а) именитый родъ Строгановыхъ³⁾; б) всѣ
гости, ихъ дѣти, племянники и прикащики⁴⁾; в) патріаршихъ
домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники,
старцы; приказные патріаршіе люди, дѣти боярскіе и ихъ
люди; патріаршіе крестьяне; слуги и крестьяне его монасты-
рей; вотчинныя и благопріобрѣтенныя имѣнія патріаршихъ
приказныхъ людей⁵⁾; д) нѣкоторые монастыри (иногда только
извѣстныя лица монастырскаго вѣдомства⁶⁾; е) освобожден-

¹⁾ 1657 года, февр. 23 (№ 200); Жалованная грамота царя Бориса Тео-
доровича патріаршему престолу. 1657 года, авг. 23 (№ 213); именный:
1669 года, янв. 22 (№ 431), ст. 3; Новоуказныя статьи о тативныхъ, раз-
бойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ. Кошкинъ, гл. VIII, ст. 1.

²⁾ Улож. гл. XIII, ст. 3.

³⁾ Опытъ Исторіи Росс. гос. и гр. зак. соч. Рейца, изд. проф. Морош-
кинъ. М. 1836 § 96, стр. 265. Жалованная грамота 1610 г. въ Собр.
гос. грам. и дог., т. II. стр. 386.

⁴⁾ Дополненія къ дѣяніямъ Петра Великаго, Голпкова, т. III, стр. 435.

⁵⁾ 1657 года, февр. 23 (№ 200); Жалованная грамота патріаршему пре-
столу. 1653 февр. . . . (№ 93); именный. 1672 года, янв. 28 (№ 505);
именный, помѣченный думнымъ дякомъ.

⁶⁾ 1654 года, мая 6 (№ 124); Жалованная грамота Иверскому монастырю.
1657 года, февр. 25 (№ 201); Жалованная грамота патріаршему престолу.
1657 года, мая 20 (№ 203); Подтверженіе жалованной грамоты Троицкому
Сергіеву монастырю. 1677 года, марта 9 (№ 681); Подтверженіе жало-

ные отъ судебной власти городского воеводы вслѣдствіе челобитной, и подчиненные суду воеводы смежнаго города. Это дѣлалось посредствомъ судимыхъ грамотъ¹⁾).

Царь Алексѣй Михайловичъ хотѣлъ уничтожить изыятіе изъ общей подсудности, и для этого постановилъ въ Уложеніи не давать болѣе никому несудимыхъ грамотъ, и тѣ, которыя были уже розданы, отобрать назадъ²⁾).

2) Судебная власть городовыхъ воеводъ была ограничена и въ отношеніи къ предметамъ и цѣнѣ гражданскихъ исковъ. Воеводы, при которыхъ не было дьяковъ, не могли судить тяжбъ, цѣною свѣше 20 рублей.* Они не могли, далѣе, судить дѣлъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопнихъ³⁾. Такія дѣла, если они возникали въ пригородахъ, были судимы въ большихъ и середнихъ городахъ, къ которымъ малые города были приписаны, хотя и здѣсь не могли они быть рѣшены окончательно, безъ указа царскаго⁴⁾.

Право судить дѣла помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопихъ, и иски, цѣною выше 20 рублей, принадлежало еще воеводамъ новгородскимъ, псковскимъ и казанскимъ⁵⁾; но по свидѣтельству Кошкина, при нихъ находились дьяки, слѣд. и въ

ванной грамоты Групицкому Покровскому монастырю. 1677 года, августа 22 (№ 703); Жалованная грамота Успенскому Зилантову монастырю. 1668, октября 26 (№ 438); Тарханная грамота Иверскому монастырю.

¹⁾ 1663 года, января 4 (№ 331); имепный.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 153. Кажется однако, что это постановленіе относится къ отдѣльнымъ лицамъ, освобожденнымъ отъ подсудности, а не къ сословіямъ. Иначе нельзя объяснить, почему исключенія изъ подсудности оставались на прежнемъ основаніи и послѣ Уложенія, и даже давались вновь.

³⁾ Улож. гл. XIII, ст. 3. Кошкинъ, гл. VIII, ст. 3.

⁴⁾ Кошкинъ. Тамъ же. Иски, подлежащіе суду воеводъ, при которыхъ находились дьяки, могли простираться до 10.000 рублей.

⁵⁾ Улож. гл. XI, ст. 20. Здѣсь постановлено, что вольные люди, хотѣвшіе вступить къ кому-либо въ крестьянство, должны записываться въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Казани, а не въ другихъ городахъ. Въ гл. XIII, ст. 3.

этихъ случаевъ то же юридическое начало опредѣляло степень воеводской власти ¹⁾).

Гражданскія дѣла, неподсудныя городовымъ воеводамъ и судамъ крестьянскимъ, судились въ московскихъ приказахъ.

С. Суды центральные.

(Московскіе приказы.)

Начало московскихъ приказовъ относится къ отдаленному времени. Подъ названіемъ судовъ, избъ, дворовъ, многіе существовали уже въ XVI вѣкѣ. По свидѣтельству Новикова, московскіе приказы упоминаются въ записныхъ книгахъ, боярскихъ спискахъ и книгахъ съ 1573 года (Большой приходъ, Бронный, Постельный); нѣкоторые съ 1584 (Посольскій), 1596 (Четь дьяка Варволомея Иванова) и 1599 (Казанскій дворецъ) годовъ. Древнѣйшій изъ всѣхъ московскихъ приказовъ есть Холопій судъ, который существовалъ уже до 1500 года; всѣ прочіе упоминаются въ XVII вѣкѣ ²⁾).

Въ періодъ Уложенія каждый приказъ состоялъ изъ одного, двухъ, трехъ, четырехъ, даже иногда изъ пяти членовъ. Они были большею частью бояре, окольничіе, думные люди, дум-

---

прямо повелѣвается въ поместныхъ городахъ, подвѣдомственныхъ Казанскому дворцу, давать судъ въ дѣлахъ помѣстныхъ, вотчинныхъ и холопныхъ, и въ искахъ выше 20 рублей.

¹⁾ Кошкинъ, гл. VIII, ст. 1. На чемъ основывалось различіе власти воеводъ, при которыхъ находились дѣла, отъ власти тѣхъ, при которыхъ дѣловъ не было — это доселѣ неизвѣстно. Кажется оно совпадало съ различіемъ кормленій на большое съ боярскимъ судомъ, и малое безъ боярскаго суда; по крайней мѣрѣ изъ Судебника (ст. 63, 65 и 66) видно, что намѣстники безъ боярскаго суда не могли давать полныхъ и докладныхъ грамотъ на крѣпостныхъ: ограниченіе, напоминающее о неподсудности холопныхъ дѣлъ воеводѣ, съ которыми не было дѣла.

²⁾ См. статью Новикова о московскихъ приказахъ, въ XX томѣ Россійской Визлюеки.

ные дьяки; въ немногихъ столыки, дворяне и дьяки. Почти во всѣхъ приказахъ, сверхъ означенныхъ членовъ, были дьяки, одинъ, или¹ два, иногда даже болѣе, и непремѣнно извѣстное число подьячихъ (Кошкинъ гл. VI и VII).

Право суда и расправы въ дѣлахъ гражданскихъ имѣли всѣ приказы безъ исключенія; но предметы и лица, на которые простиралась судебная власть каждаго приказа въ особенности, опредѣлить чрезвычайно трудно. Причины изложены нами выше; онѣ заключаются въ несправедливомъ распредѣленіи предметовъ вѣдомства между приказами, и зависѣли отъ историческаго развитія²судоустройства въ этомъ періодѣ. Чтобы составить себѣ понятіе о кругѣ дѣйствія московскихъ приказовъ должно обратить вниманіе на юридическія начала, опредѣлявшія занятія ихъ. Такихъ началъ было много. Исчислимъ главнѣйшія изъ нихъ.

а. Начало управленія областями или странами.

Приказъ, коему было ввѣрено управленіе областію Московскаго царства, имѣлъ въ ней право суда и расправы во всѣхъ дѣлахъ гражданскихъ, и между всѣми лицами. Для нѣкоторыхъ приказовъ мы имѣемъ объ этомъ прямыя историческія свидѣтельства; о прочихъ можемъ заключать по аналогіи.

Этимъ началомъ опредѣляется подсудность въ приказахъ:

1) Казанскаго дворца; 2) Сибирскомъ; 3) въ Четвертныхъ приказахъ: а) Володимірскомъ; б) Галицкомъ; в) Костромскомъ; г) Нижегородскомъ; е) Новгородскомъ; ф) Устюжскомъ; 4) Великороссійскомъ; 5) Литовскомъ; 6) Лифляндскихъ дѣлъ; 7) Малороссійскомъ; 8) Смоленскомъ.

Эти приказы состояли подъ вѣдомствомъ Государственнаго Посольскаго приказа и управляли цѣлыми областями и царствами, подвластными московскому государю (такъ приказъ Казанскаго дворца управлялъ царствами Казанскимъ и Астра-

ханскимъ ; Сибирскій — царствомъ Сибирскимъ). Они учреждались, вѣроятно, по шѣрѣ присоединенія этихъ областей и царствъ къ Россіи (объ нѣкоторыхъ мы имѣемъ на это указанія въ источникахъ, напр. о приказѣ Малые Россіи (Кошкинъ, гл. VII, ст. 29) и Литовскомъ (Новиковъ въ Росс. Вивл. т. XX, стр. 328). Судебная власть ихъ простиралась на всѣ гражданскіе споры, возникавшіе въ подвѣдомственной имъ области¹⁾).

в. Начало отдѣльнаго управленія гражданскими сословіями.

Судебная власть приказовъ, подъ вѣдомствомъ коихъ состояли цѣлыя гражданскія сословія, ограничивалась, какъ кажется, одними, въ тѣсномъ смыслѣ слова, судными дѣлами, которыя возникали между лицами, принадлежащими къ этимъ сословіямъ²⁾).

Приказы, завѣдывавшіе въ этомъ періодѣ цѣлыми сословіями, были слѣдующіе: 1) Аптекарскій, имѣвшій судебную власть въ исковыхъ дѣлахъ между иностранными докторами и лѣкарями, которые находились въ Россіи, и молодыми Русскими, отданными имъ на обученіе; 2) Иноземскій, между иноземцами, служившими въ русскомъ войскѣ; 3) Казачій, между атаманами и всѣмъ казачьимъ войскомъ, кормовымъ и бѣломѣстнымъ, коннымъ и пѣшимъ, въ Москвѣ и городахъ;

---

¹⁾ 1670 года, мая 18 (№ 471); именный: «Стольнику Ивану... Хитрово... вѣдать въ Новгородскомъ приказѣ города... Смоленскъ (и проч.)... и тѣхъ... городовъ всѣхъ людей... судомъ и росправою и помѣстными и вотчинными дѣлами» 1682 года, іюля 2 (№ 935); именный.

²⁾ Въ именномъ указѣ 1693 года, іюня 3 (№ 1469), мы находимъ: «Гусарскаго и копейнаго... строевъ Генераловъ и Полковниковъ и проч. (исчисляются лица, подсудныя Иноземскому приказу)... во всякихъ *истцовыхъ искяхъ* судомъ ихъ и управою вѣдать и *исковъ* своихъ имъ... *искать* въ Иноземномъ приказѣ» — Въ Уложеніи (гл. XIII, ст. 1) сказано, что всѣмъ, состоящимъ подъ управленіемъ Монастырскаго приказа, судъ давать «во *всякихъ истцовыхъ искяхъ*. И т. д.

4) Монастырскій, между митрополитами, архіепископами, епископами, приказными людьми, дѣтми боярскими (состоявшими на службѣ у духовенства), ихъ дворовыми людьми и крестьянами, монастырями, архимандритами, игуменами, всѣмъ монашескимъ и священническимъ чиномъ, монастырскими слугами и крестьянами и церковнослужителями; 5) Патриаршій розрядъ, между всѣми, состоявшими на службѣ у патриарха: патриаршими приказными людьми, его крестьянами и дворовыми людьми и всѣми, живущими въ его домовыхъ вотчинахъ; 6) Пушкарскій, между пушкарями, засѣчными головами, затинщиками, ворѣтниками, городовыми, селитренными и колодезными мастерами; 7) Рейтарскій, между рейтарами; 8) Розрядный, между дворянами нижнихъ чиновъ до стольниковъ; 9) Стрѣлецкій, между стрѣльцами московскими и городовыми; 10) Ямскій, между ямщиками; 11) Посольскій, между всѣми иностранцами, какого бы званія они ни были (исключая тѣхъ, которые вѣдались въ Иноземскомъ приказѣ), жившими въ Россіи, или подвластными ей; 12) Большаго дворца, между дворцовыми крестьянами; 14) Большія казны, между гостями, гостинными и суконными сотнями и многихъ городовъ купцами (купцы нѣкоторыхъ городовъ вѣдались судомъ въ таможенныхъ гостемъ съ товарищи и таможенными головами; въ Новоторговомъ уставѣ 1667 года, апрѣля 22 (№ 408), въ ст. 88 и 89 предполагалось все купеческое сословіе во всемъ Русскомъ царствѣ подчинить одному приказу; но кажется эта мѣра не была приведена въ исполненіе).

*с. Начало администраціи по различнымъ отраслямъ
управленія.*

Отдѣленіе различныхъ отраслей государственнаго и гражданскаго управленія и особливое заведываніе каждой изъ нихъ, появилось весьма рано, и въ періодъ Уложенія получало уже

нѣкоторую правильность. Мы видѣли, что часть военная была отдѣлена отъ другихъ и вѣрена нѣсколькимъ приказамъ; то же самое должно сказать объ управленіи финансовомъ, полицейскомъ и уголовномъ. Судебное управленіе (по дѣламъ гражданскимъ) отдѣлилось подобно другимъ отраслямъ, но не достигло систематической правильности и большею частію сливалось съ прочими частями администраціи. По различію предметовъ гражданского судопроизводства, оно подраздѣлялось на нѣсколько вѣтвей, и каждая изъ нихъ была завѣдываема особливимъ приказомъ. Дѣла о помѣстьяхъ и вотчинахъ судилъ Приказъ помѣстный; Приказъ холопій завѣдывалъ спорныя дѣла о крѣпостныхъ людяхъ¹⁾; споры и тяжбы, возникавшіе вслѣдствіе договоровъ и гражданскихъ преступленій (*delicta privata*), судились въ судебныхъ приказахъ²⁾. Лица, подвѣдомственные имъ, были, по словамъ Кошкина, бояре, окольничіе, думные и ближніе люди, стольники, стряп-

¹⁾ Кошкинъ, гл. VII, ст. 31: «А вѣдаютъ въ томъ приказѣ боярскихъ и ближнихъ чиновъ людей дворовыхъ ихъ, кабалныхъ и даныхъ, и записныхъ служилыхъ людей... О крестьянахъ не упоминается; они вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ.

²⁾ Судныхъ приказовъ (кромя Патріаршаго и Дворцоваго) было сначала три: Новгородскій, Московскій и Володимірскій. По уничтоженіи Новгородскаго, Московскій и Володимірскій продолжали существовать отдѣльно, пока изъ концъ именнымъ указомъ императора Петра Перваго, 1699 года, ноября 3 (№ 1713), Володимірскій судный приказъ уничтоженъ, и дѣла его переданы въ Московскій судный приказъ. Дальѣйшая судьба суднаго приказа принадлежитъ къ послѣдующему періоду. Первоначально судные приказы вѣроятно учреждены для суда въ областяхъ, какъ то показывается и самое названіе ихъ. Было ли такъ и въ періодъ Уложенія — мы не знаемъ. Взаимныя отношенія судныхъ приказовъ нигдѣ не опредѣлены; даже нѣтъ ни малѣйшихъ указаній, по которымъ было бы возможно дѣлать какія-нибудь заключенія. Изъ одного указа, даннаго въ царствованіе Анны Іоанновны, видно только, что въ Московскомъ судномъ приказѣ судимы были всѣ московскихъ чиновъ люди, въ Володимірскомъ городовые дворяне, подъячье и другіе нижнихъ чиновъ люди. (См. высоч. резолюцію на докл. сената, 1730 года, марта 20, № 5521.)

чіе и дворяне и всякіе помѣщики и вотчинники (Кошпихинъ, гл. VII, ст. 32). Наконецъ Патріаршій розрядъ судилъ дѣла о духовныхъ и рядныхъ записяхъ ¹⁾).

Вотъ главныя начала, которыми опредѣлялась судебная власть московскихъ приказовъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ.

Въ какомъ отношеніи находились эти начала между собою, рѣшить весьма трудно, потому что оно не основывалось ни на какихъ постоянныхъ правилахъ. Замѣтимъ только, что начало управленія областями мало-по-малу вытѣсняется и уступаетъ мѣсто управленію отдѣльными отраслями администраціи. Вслѣдствіе этого, дѣла однородныя должны были сосредоточиться въ одномъ приказѣ (такъ дѣла помѣстныя и вотчинныя въ Помѣстномъ приказѣ и т. д. ²⁾). Но, какъ мы за-

---

¹⁾ 1667 года, мая 28; Соборныя статьи о муровареніи. См. Акты Археологической Коммиссіи, т. IV, № 155. Причина, почему судъ о завѣщаніяхъ принадлежалъ къ духовному, а не свѣтскому вѣдомству, заключается въ историческомъ происхожденіи нашихъ завѣщаній и въ характерѣ ихъ. Профессоръ Морошкинъ первый сдѣлалъ это замѣчаніе и подробно изложилъ въ рѣчи объ Уложеніи (стр. 52). По именному указу 1692 года, ноября 7 (№ 1452), велѣно: «зауморнымъ животамъ и ряднымъ записямъ и новымъ сговорнымъ росписямъ и духовнымъ и инымъ всякимъ дѣламъ (о которыхъ въ указѣ писано изъ розряда), а тѣ дѣла напередъ сего вѣдомы были въ Патріаршемъ Розрядѣ, быть по прежнему указу въ Московскомъ Судномъ приказѣ, а въ Патріаршѣ Духовномъ, также и въ иныхъ... Патріаршихъ домовыхъ приказѣхъ того не вѣдать». Итакъ мысль объ исключеніи упомянутыхъ дѣлъ изъ подвѣдомственности духовному суду появилась еще до единодержавія Петра Великаго. Этотъ указъ подаетъ даже поводъ думать, что подсудность этихъ дѣлъ духовнымъ судамъ была введена вновь, а прежде того они вѣдались въ судахъ свѣтскихъ («быть по прежнему указу въ Московскомъ судномъ приказѣ»). Можетъ быть также, что этотъ указъ былъ подтвержденіемъ перваго. Изъ послѣдующихъ узаконеній видно, что этотъ указъ остался неисполненнымъ.

²⁾ Въ именномъ указѣ 1651 года, августа 2 (№ 67), мы находимъ замѣчательное положеніе: *служилые люди вѣдомы въ судныхъ приказахъ, а посадскіе въ четьяхъ*. Слѣд. цѣлостнаго управленія областей четверт-

мѣтили выше; законодательство не достигло еще въ этомъ періодѣ до точнаго и правильнаго разграниченія предметовъ вѣдомства.

Въ отношеніи къ областнымъ судамъ московскіе приказы составляли высшую инстанцію; ибо всѣ гражданскія дѣла, которыхъ не могли рѣшить городовые воеводы, и которыя превышали степень ихъ судебной власти, судились тѣми приказами, «подъ которымъ приказомъ который городъ написанъ, или въ которомъ приказѣ кто судимъ».

Тяжбы, возникавшія между лицами, подсудными двумъ различнымъ приказамъ, судились въ томъ приказѣ, въ вѣдомствѣ коего состоялъ отвѣтчикъ¹⁾. Изъ этого правила были сдѣланы нѣкоторыя исключенія, а именно: 1) Встрѣчный искъ судили въ приказѣ, которому былъ подчиненъ истецъ²⁾. Если кто-либо вчинялъ искъ, и по рѣшеніи дѣла отвѣтчикъ, не сходя съ суда, вчинялъ другой искъ противъ своего истца, то послѣдній искъ назывался встрѣчнымъ. Это исключеніе допущено для избѣжанія излишней проволочки времени при пере-

ными приказами тогда уже не было. Съ другой стороны, судебная власть судныхъ приказовъ расширилась за предѣлы прежняго Московскаго государства. Подъ конецъ этого періода Помѣстный приказъ вѣдалъ почти всѣ земли въ Россіи (см. упомянутое сочиненіе Иванова о помѣстныхъ правахъ); многіе областные приказы болѣе не упоминаются, можетъ-быть потому, что они были уже уничтожены и области, ими завѣдываемыя, введены въ общую систему управленія. Сюда относится также замѣчательный фактъ, сообщенный Голиковымъ (см. Приб. къ Дѣян. Петра Великаго, т. III, стр. 449), что въ 1694 году Сибирскій приказъ завѣдывалъ однимъ сибирскими инновѣрческими доходами. Если это справедливо, то вотъ лучшее доказательство, что кругъ дѣятельности областныхъ приказовъ ограничивался наконецъ одною какою-либо отдѣльною отраслью управленія (сначала Сибирскому приказу ввѣрено было цѣлостное управленіе Сибирью).

¹⁾ Улож. гл. XII, ст. 4, 3; — гл. XIII, ст. 4, 2; — гл. XIV, ст. 3; — гл. XXIII, ст. 2; — 1692 года, ноября 7 (№ 1452); именной.

²⁾ Улож. гл. XII, ст. 3; — гл. XIII, ст. 2; — гл. XXIII, ст. 2; — 1668 года, октября 26 (№ 438); тарханная грамота Иверскому монастырю. — 1672 года, янв. 28 (№ 505); именной, помѣченный думнымъ дьякомъ.

ность дѣла въ приказѣ отвѣтчика. 2) Въ періодъ времени отъ Уложения до Петра Великаго многими дано было право искать и отвѣчать въ одномъ и томъ же приказѣ. Поводомъ къ такой привилегіи служило нерѣдко желаніе освободить извѣстныя лица, или цѣлыя сословія, отъ раззорительной волокиты по разнымъ приказамъ. Этой привилегіей пользовались: купцы ¹⁾, патриаршихъ домовыхъ монастырей архимандриты, игумены, священники и старцы; приказные патриаршіе люди и дѣти боярскіе, ихъ люди и вотчинные крестьяне; патриаршихъ домовыхъ монастырей слуги и крестьяне ²⁾; жители понизовыхъ городовъ, подсудные приказу Казанскаго дворца ³⁾; иноземцы, подсудные Посольскому приказу ⁴⁾; московскихъ дворцовыхъ сель тяглые люди; дворцовыхъ городовъ и сель посадскіе люди и крестьяне ⁵⁾; подъячіе Розряднаго приказа ⁶⁾; гусарскаго, копейнаго, рейтарскаго и солдатскаго строевъ генералы, полковники и начальники, русскіе и иноземцы, всѣхъ полковъ ⁷⁾; можетъ-быть и другія лица.

Высшимъ, въ настоящемъ смыслѣ слова центральнымъ су-

¹⁾ 1667 года, апр. 22 (№ 408); Новоторговый Уставъ, ст. 88 и 89.

²⁾ 1672 года, янв. 28 (№ 505); именный, помѣщенный думнымъ дьякомъ. Этотъ указъ не совсѣмъ ясенъ. Патриархъ Іоасафъ просилъ государя, чтобъ дѣла, по которымъ численныя имъ въ челобитной лица ищутъ и отвѣчаютъ (во встрѣчныхъ искахъ) въ судныхъ и другихъ приказахъ, были снесены въ одинъ приказъ, и впредь въ немъ одномъ и вѣдались. Государь назначилъ для этого Помѣстный приказъ. Слѣдствіемъ того было, что на патриаршихъ людей вчиняли искъ въ одномъ приказѣ (Патриаршемъ), а патриаршіе люди искали на постороннихъ и отвѣчали во встрѣчныхъ искахъ въ другомъ (Помѣстномъ). Другаго подобнаго исключенія мы не встрѣчаемъ въ источникахъ.

³⁾ 1672 года, іюля 12 (№ 526); именный съ боярскимъ приговоромъ.

⁴⁾ 1678.. (№ 792); именный (по частному дѣлу). — 1679 года, марта 12 (№ 805); именный, помѣщенный думнымъ дьякомъ. — 1691 года, марта 31 (№ 1398); именный съ боярскимъ приговоромъ.

⁵⁾ 1685 года, декабря 15 (№ 1145); именный.

⁶⁾ 1688 года, октября 18 (№ 1354); именный.

⁷⁾ 1693 года, іюня 3 (№ 1469); именный.

домъ для всѣхъ гражданскихъ дѣлъ въ цѣлой Россіи была Государева Большая Дума, состоявшая изъ думныхъ людей (бояръ и окольничьихъ), думныхъ дворянъ и думныхъ дьяковъ. Въ ней засѣдалъ самъ царь ¹⁾. Отношеніе думы къ приказамъ по дѣламъ гражданскимъ было то же, какое имѣли областные приказы къ городovýmъ воеводамъ, состоявшимъ подъ ихъ вѣдомствомъ. Въ нее переносимы были на судъ царя и бояръ тѣ дѣла, «которыхъ за чѣмъ въ приказахъ вершити было не мочно» ²⁾.

Кромѣ исчисленныхъ нами общихъ, постоянныхъ судовъ, были еще суды особливые, временные. Сюда относятся:

а) Третейскій судъ (судъ третьихъ). Въ Уложеніи ему посвящена отдѣльная статья, въ которой довольно подробно изложены права и обязанности третьихъ и подсудныхъ имъ, и юридическія положенія о третейскомъ приговорѣ ³⁾.

Третейскій судъ носитъ вполне характеръ частнаго, гражданскаго договора. Лица, между коими возникаетъ граждан-

¹⁾ Новиковъ, въ Росс. Вивл. т. XX, стр. 280. — Татищевъ въ примѣч. къ Судебнику, стр. 35, прим. (а).

²⁾ Улож. гл. X, ст. 2. — Изъ настоящаго періода дошли до насъ два замѣчательныхъ указа: одинъ 1669 года, ноября 29 (№ 460); именный; другой 1676 года, авг. 4 (№ 656); именный. Въ нихъ сдѣлано росписаніе, въ какіе дни изъ какихъ приказовъ вносить дѣла «передъ бояры къ слушанію и вершенію», и видно, что засѣданія думы были каждый день, кромѣ субботы и воскресенья, и въ каждое засѣданіе докладывались дѣла изъ нѣсколькихъ приказовъ. — Новиковъ исчисляетъ многія присутственныя мѣста (палаты), въ которыхъ разсматривались дѣла, переносимыя изъ приказовъ (Золотая, Росправная палата, Золотая меньшая палата, Передняя, Отвѣтная и Росправная палаты). Были ли онѣ то же, что Большая Дума, или отдѣленія ея, или временные, каждый разъ вновь наряжаемые суды бояръ, и называемые различно, по различнымъ палатамъ, въ которыхъ имѣли засѣданія — этого мы вѣрно не знаемъ (Миллеръ считаетъ Золотую Росправную палату за одно учрежденіе съ Большою Думою. См. Голикова Прибавленія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. III, стр. 414).

³⁾ Улож. гл. XV, ст. 5. — Она отдѣлена отъ прочихъ и имѣетъ особое заглавіе (о третейскомъ судѣ).

скій споръ, добровольно соглашаются подвергнуть его рѣшенію не общихъ судебныхъ мѣстъ, которымъ они подвѣдомственны, а третьихъ лицъ, ими самими, по обоюдному и непринужденному согласію избранныхъ. Посредствомъ такого договора соединенные какъ бы сказать въ одно юридическое лице, спорящіе заключаютъ условіе съ третьими лицами. Это условіе состоитъ въ томъ, что противныя стороны, по взаимному согласію, подвергаютъ свое спорное дѣло суду этихъ третьихъ лицъ, ими избранныхъ, и обязуются почитать ихъ рѣшеніе наравнѣ съ приговоромъ судебного мѣста. Всѣ эти взаимныя условія составляютъ содержаніе записи о судѣ третейскомъ, которая сообщаетъ имъ обязательный характеръ и даетъ рѣшенію третьихъ силу закона.

Третейскихъ судей было, какъ кажется, обыкновенно двое. Если они давали единогласное рѣшеніе, то на него не могъ ни одинъ изъ тяжущихся приносить апелляціонной жалобы, «потому что онъ тѣхъ третьихъ самъ себѣ излюбилъ». Если тяжущіеся, вопреки условію, выраженному въ записи, не слушали третейскаго приговора, то должны были платить третьимъ безчестіе. (Быть-можетъ именно потому, что должность третейскаго судьи была почетною, въ законѣ не упомянуто о платѣ за судъ.)

Разногласное рѣшеніе третьихъ имѣло различныя послѣдствія. Если въ записи была назначена государева пеня съ судьи, рѣшившаго неправильно, то недовольный могъ, посредствомъ челобитной, просить о перенесеніи суднаго дѣла въ приказъ. Тамъ оно рѣшалось по суду, и третейскій, судья, рѣшившій его неправильно, кромѣ пени на государя, принужденъ былъ платить по гривнѣ на день проѣстей и волокить тому, кто чрезъ его несправедливое рѣшеніе подвергся излишнимъ издержкамъ и потерпѣлъ убытки. Если о пени не было сказано въ договорѣ, то апелляція на разногласное рѣшеніе третей-

скихъ судей не допускалась, а поэтому нельзя было требовать и вознагражденія за проѣзды и волокиты. Итакъ, въ первомъ случаѣ третейскій судъ имѣлъ характеръ настоящаго суда; въ последнемъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ мнѣнія частныхъ лицъ, неимѣющаго никакой обязательной силы.

б) Суды полковые. Они составлялись во время походовъ и судили дѣла объ обидахъ между ратными людьми. Этими судами завѣдывали полковые воеводы, или судьи, «которымъ полковые воеводы прикажутъ». Рѣшенію ихъ не подлежали споры, начавшіеся до похода, и разбирались въ судахъ, которыми были подвѣдомственны тяжущіеся, по общимъ правиламъ подсудности (Улож. гл. X, ст. 149).

с) Въ указѣ 1693 года, января 10¹⁾, упоминается о судѣ, наряженномъ для рѣшенія дѣла о безчестіи между боярами Алексѣемъ Семеновичемъ Шеинымъ и Михайломъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ (судьею назначенъ князь Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ). Быть-можетъ для подобныхъ дѣлъ между важными государственными сановниками всегда назначались временные суды, которые и уничтожались по рѣшеніи спора.

Отдѣленіе 2.

ТЯЖУЩІЯСЯ ЛИЦА.

Въ періодъ Уложенія ученіе о тяжущихся лицахъ основывалось на одномъ обычномъ правѣ, и не перешло въ законъ писанный. Юридическія положенія, къ нему относящіяся, если и излагаются въ постановленіяхъ того времени, то мимоходомъ, или же съ цѣлью измѣнить обычай. Полнаго, систематическаго ученія о тяжущихся мы не находимъ поэтому въ законодательствѣ настоящей эпохи.

---

¹⁾ № 1460; именный, объявленный изъ приказа Казанскаго дворца.

Тяжущіеся суть необходимые органы гражданского судопроизводства. Они или сами являются дѣателями въ процессѣ, или мѣсто ихъ въ судѣ заступаютъ другія лица (судебные представители).

А. Тяжущіеся лица.

Каждое спорное гражданское дѣло, ставшее предметомъ судопроизводства (искъ гражданскій), необходимо предполагаетъ: во 1-хъ, одно или многія лица, которыя вчиняютъ искъ; во 2-хъ, одно или нѣсколько лицъ, противъ которыхъ этотъ искъ направленъ. Первые всегда называются въ Уложеніи истцами, вторые отвѣтчиками¹⁾. Такимъ образомъ истцами и отвѣтчиками были всѣ тѣ, которые искали и отвѣчали въ судѣ: исчислить — кто именно, не возможно. Поэтому въ законахъ указаны только нѣкоторые исключенія изъ общаго правила.

Не могли быть истцами:

а) Крестьяне и люди въ своихъ дѣлахъ, безъ позволенія господина²⁾. Очевидно само собою, что это ограниченіе не простиралось на иски, вчиняемые упомянутыми лицами въ крестьянскихъ судахъ. б) Малолѣтныя и несовершеннолѣтніе³⁾.

¹⁾ Въ Судебникѣ обѣ тяжущіяся стороны перѣдко называются *истцами*. Слово *ответъ* значило *возраженіе*, отсюда *ответчикъ*.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 142; — гл. XIII, ст. 7; — гл. XIV, ст. 7; — гл. XX, ст. 4 и 54.

³⁾ Улож. гл. XVII, ст. 13: «а какъ они будутъ въ возрастѣ»; ср. гл. XVII, ст. 54; гл. XVI, ст. 23. — Имѣло ли мѣсто по нашему древнему законодательству *возстановленіе въ первобытное состояніе* (*in integrum restitutio*), напр., опекуномъ сдѣлано упущеніе во вредъ малолѣтнаго: могъ ли на это приносить послѣдній жалобу и требовать напр. уничтоженія законно совершенной сдѣлки (купли, найма, и т. д.) по достиженіи совершеннолѣтія? — этотъ вопросъ рѣшить трудно. Въ гл. XVII, ст. 13, это дозволяется, если актъ совершенъ безъ вѣдома и согласія малолѣтнаго («съ меньшими братьями не поговоря»). То же сказано въ ст. 54 (тамъ же). Итакъ настоящею *in integrum restitutio* для малолѣтныхъ, какъ кажется, не было. — Срокомъ для наступленія совершеннолѣтія положено 16 лѣтъ. Но кажется, что

с) Дѣти противъ родителей¹⁾. d) Обличенные три раза въ покленномъ искѣ²⁾. е) Давшіе ложную присягу³⁾.

Разсматривая всѣ эти исключенія, мы замѣчаемъ, что они частью были основаны на самой сущности вещи (таковы за-
прещенія малолѣтнимъ и крѣпостнымъ вчинять искъ), частью же проистекали изъ постороннихъ причинъ, и въ послѣднемъ случаѣ являются прямыми ограниченіями права. Поэтому они и отнесены въ законодательствѣ къ истцамъ; ибо, по понятіямъ того времени, быть истцомъ считалось правомъ, а отвѣчать въ судѣ считалось обязанностію, и обязанностію тяжелою. Изъ узаконеній этой эпохи видно, что отвѣтчики всѣми мѣрами старались отклониться отъ судебного отвѣта; вотъ почему такъ подробно развито въ Уложеніи ученіе о по-
зывѣ къ суду. Страхъ и отвращеніе отвѣтчиковъ къ процессамъ въ особенности происходилъ отъ судебной ябеды («сутяжничества»), которая до того усилилась въ этомъ періодѣ, что всѣ косвенныя мѣры, принятыя законодательствомъ къ ея искорененію и появившіяся теперь во множествѣ, оказывались неэффективными. Такъ до Петра Великаго.

В. Судебные представители.

Судебное представительство можетъ быть различныхъ родовъ. Здѣсь должно быть изложено ученіе о заступленіи въ судѣ тяжущихся, истца или отвѣтчика.

Представленіе въ процессы одной изъ спорящихъ сторонъ бываетъ необходимое и свободное.

онъ опредѣлялся болѣе фактическою способностію пользоваться правами; ибо позволено было допускать къ очнымъ ставкамъ и прежде 15-ти лѣтъ, если того пожелаетъ самъ несовершеннолѣтній. Улож. гл. XVII, ст. 54.

¹⁾ Улож. гл. XXII, ст. 6. — Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, 1669 года, января 22 (№ 431), ст. 92.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 188.

³⁾ Улож. гл. IX, ст. 27; — гл. XX, ст. 49.

1) Необходимое представительство. Нѣкоторые лица не могли быть, сами собою, непосредственно, ни истцами по своимъ искамъ, ни отвѣтчиками по спорамъ, противъ нихъ вчиняемымъ. Обязанность искать и отвѣчать за нихъ лежала на другихъ лицахъ, которые потому и могутъ быть названы необходимыми судебными представителями. Подъ сей разрядъ подходятъ:

а) Опекуны. Они искали и отвѣчали по всѣмъ тяжбамъ малолѣтнихъ.

б) Помѣщики, вотчинники и господа — за своихъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей. Но вѣроятно, что господа нерѣдко позволяли своимъ людямъ и крестьянамъ самимъ искать и отвѣчать по своимъ дѣламъ ¹⁾.

в) Монастырскіе стряпчіе ²⁾.

г) Дворцовый стряпчій — за дворцовыхъ крестьянъ ³⁾.

2) Свободное представительство. По началу свободного представительства заступленіе кѣмъ-либо мѣста истца или отвѣтчика въ судѣ не было обязанностію, налагаемою закономъ, а зависѣло отъ доброй воли тяжущихся и — исключая немногіе случаи — отъ согласія на то самихъ представителей. Они носятъ общее названіе повѣренныхъ, потому что истецъ или отвѣтчикъ «имъ въ томъ (т. е. въ веденіи процесса) вѣрять».

Отношенія между довѣрителемъ и повѣреннымъ не были, въ строгомъ смыслѣ, юридическія. Это видно изъ того, что объ нихъ не упоминается въ узаконеніяхъ настоящей эпохи. Причина фактическаго характера этихъ отношеній открывается

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 229; — гл. XIII, ст. 7; — гл. XIV, ст. 7; — гл. XXI, ст. 66, 67 и 77.

²⁾ Такъ напр. въ тарханной грамотѣ Иверскому монастырю, 1668 года, октября 26 (№ 438), и мн. др.

³⁾ 1686 года, апрѣля 24 (№ 1185); именный, съ боярскимъ приговоромъ.

намъ въ Уложеніи. Оно показываетъ, что повѣренными были, большею частью, родственники ¹⁾: дѣти, братья, племянники ²⁾; дворовые люди и крестьяне тяжущихся ³⁾; друзья ⁴⁾. Обычай избирать повѣренныхъ изъ родственниковъ или подчиненныхъ власти довѣрителя былъ такъ силенъ, что тотъ, кто не имѣлъ ни тѣхъ, ни другихъ, и самъ не могъ явиться къ суду (напр. по болѣзни и т. д.), даже освобождался отъ отвѣта ⁵⁾. Итакъ свободное судебное представительство основывалось въ настоящемъ періодѣ исключительно на началѣ нравственномъ, на взаимномъ, полномъ довѣріи между довѣрителемъ и повѣреннымъ, которое происходило изъ связей родственныхъ, патріархальныхъ и пріязни. Только этою, чисто нравственною связью объясняется мысль, что тотъ, кто ищетъ или отвѣчаетъ по одному иску за кого-либо, обязанъ, въ случаѣ нужды, отвѣчать за него и по другому ⁶⁾. Подъ этою мыслью скрывается убѣжденіе, что довѣренность не ограничивается однимъ искомъ, но есть полная; оно въ свою очередь происходитъ изъ тѣсныхъ родовыхъ, семейственныхъ и патріархальныхъ отношеній. Послѣ всего сказаннаго трудно рѣшить, какъ должно смотрѣть на судебное представительство род-

¹⁾ «Родимцы» Улож. гл. X, ст. 185 и 108.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 109 и 149; — гл. XVI, ст. 59.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 149 и 185; — гл. XVI, ст. 59.

⁴⁾ Улож. гл. X, ст. 149.

⁵⁾ Улож. гл. X, ст. 108: «А будетъ кто объ немъ учнетъ бити челомъ, что онъ конечно боленъ, а къ суду ему въ свое мѣсто прислать некого, что онъ безсемеинъ и безлюдной человекъ». Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и законодательство обязывало родственниковъ и крѣпостныхъ людей отвѣчать за своего родственника, или господина. Улож. гл. X, ст. 149.

⁶⁾ Улож. гл. XVI, ст. 59: «а челобитчики учнутъ бити челомъ Государю, чтобъ за тѣхъ людей, которые будутъ по службамъ, и которые учнутъ сказыватися больны, на очную ставку велѣти быти дѣтямъ ихъ и братьямъ и племянникамъ и людямъ, которые за нихъ въ иныхъ приказѣхъ ищутъ и отвѣчаютъ...

ственниковъ и людей? Кажется, оно занимало средину между необходимымъ и добровольнымъ заступленіемъ тяжущагося, и будучи наиболѣе употребительнымъ, дѣлало излишнюю формальную довѣренность; вотъ почему она и не требовалась законами того времени.

Начало дѣйствительно свободнаго представительства лежить въ наймѣ повѣренныхъ. Объ немъ упоминается еще въ указѣ Іоанна Васильевича, 1582 года, марта 12¹⁾. Здѣсь довѣритель названъ наемщикомъ, наймитомъ, а повѣренный наемнымъ доводчикомъ. Взаимныя отношенія ихъ основываются на связи юридической — на договорѣ найма, и опредѣлялись порученіемъ, даваемымъ истцомъ стряпчему, ходатайствовать по извѣстному гражданскому процессу (потому нанятый повѣренный не былъ обязанъ искать или отвѣчать по всемъ тяжбамъ нанимателя, если о томъ не постановлено въ условіи). Договоръ найма повѣренныхъ и юридическія положенія, изъ него вытекающія, не опредѣлены въ законахъ настоящаго періода. Изъ вышеприведеннаго указа видно только, что довѣритель могъ вчинять искъ противъ повѣреннаго, въ случаѣ явнаго съ его стороны злоумышленія и стачки съ противною стороною²⁾.

Распространеніе ябеды, упадокъ взаимнаго довѣрія и ослабленіе связей родственныхъ и патріархальныхъ породили множество злоупотребленій во взаимныхъ отношеніяхъ между довѣрителями и повѣренными; отсюда тяжбы и волокиты, которыя неблагопріятно дѣйствовали на гражданское правосудіе и замедляли ходъ судопроизводства. Чтобы отклонить такое вредное вліяніе на процессы, указомъ 1690 года, января 27, постановлено не допускать повѣренныхъ къ веденію тяжбы,

¹⁾ Судебникъ Татищева, ст. 162 стр. 240: «наймуются у ищца или отвѣтника стоять въ судѣ за него.»

²⁾ Тамъ же.

если въ исковой челобитной нѣтъ подписи довѣрителя, что онъ дѣйствительно поручаетъ имъ искать или отвѣчать въ судѣ ¹⁾). Черезъ это неопредѣленный характеръ евоходнаго судебного представительства долженъ былъ измѣниться въ опредѣленный, юридическій.

ГЛАВА II.

ПРЕДМЕТЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(ГРАЖДАНСКІЕ ИСКИ.)

Органы гражданскаго судопроизводства — судьи и тяжущіеся являются дѣателями въ процессы; предметъ ихъ дѣятельности есть искъ гражданскій.

Подъ именемъ гражданскаго иска вообще должно разумѣть всякое требованіе одного гражданина отъ другаго, на правѣ основанное и приводимое въ исполненіе чрезъ посредство установленныхъ отъ правительства судей и судебныхъ мѣстъ. Если это требованіе признается за справедливое тѣмъ, противъ кого оно направлено, то искъ будетъ безспорнымъ; въ противномъ случаѣ онъ можетъ быть названъ спорнымъ. Спорный искъ (искъ въ тѣсномъ смыслѣ) и есть предметъ гражданскаго судопроизводства.

Всѣ иски, какъ мы замѣтили, должны быть основаны на правѣ иска. Это право есть не чтò иное, какъ процессуальная сторона гражданскихъ правъ — возможность ограждать ихъ

---

¹⁾ № 1363; именный съ боярскимъ приговоромъ; «а которые истцы и отвѣтчики въ судъ вмѣсто себя пошлютъ кого инаго, и тѣмъ истцомъ и отвѣтчикомъ на исковыхъ челобитныхъ въ рукахъ своихъ въ подпискѣ писать имянно, что того человѣка въ судъ за себя послалъ онъ, и въ томъ иску тому человѣку вѣрить».

отъ нарушеній посторонними лицами. Но какъ не всякое гражданское право необходимо имѣть право иска, то послѣднее можетъ и должно быть отдѣлено и рассмотрѣно особливѣ отъ правъ гражданскихъ, на которыхъ оно основывается.

Право вчинять гражданскій искъ необходимо предполагаетъ какое-нибудь гражданское право: ближайшее же основаніе его есть законный способъ пріобрѣтенія гражданскихъ правъ. То же самое должно сказать и о передачѣ права вчинять искъ; она совпадаетъ съ пріобрѣтеніемъ другимъ лицомъ гражданскихъ правъ, на основаніи законныхъ способовъ. Но будучи пріобрѣтено другимъ, оно въ то же самое время остается за тѣмъ, кому прежде принадлежало. Отсюда слѣдуетъ, что съ прекращеніемъ права гражданскаго еще не прекращается право иска; оно уничтожается особливыми способами. Такими признаются въ законодательствѣ настоящей эпохи:

1) Давность. Въ періодъ Уложенія не было одной общей давности. Это видно изъ того, что срокъ погашенія права на искъ не всегда былъ одинаковъ. Начало, определяющее это различіе сроковъ, уловить трудно. Главнымъ образомъ оно лежало въ различіи предметовъ иска ¹⁾).

---

¹⁾ Въ Уложеніи упоминаются въ различныхъ мѣстахъ слѣдующіе виды погашающей давности: а) Право иска о родовой вотчинѣ погашается *въ срокъ лѣтъ*. Улож. гл. XVII, ст. 13 и 30. б) О передѣлѣ помѣстья *въ одинъ годъ* послѣ помѣстной дачи. Улож. гл. XVI, ст. 55; в) По заемнымъ кабаламъ *въ пятнадцать лѣтъ*. Улож. гл. X, ст. 256; г) О приплодѣ животныхъ *въ одинъ годъ*. Улож. гл. X, ст. 285; е) О бѣглыхъ крестьянахъ и бобыляхъ *«въ указные лѣта»*. Улож. гл. XI, ст. 8. (Въ указѣ царя Василія Іоанновича, 1607 года, марта 9-го, срокомъ погашенія права иска о бѣглыхъ крестьянахъ положено *пятнадцать лѣтъ*: «впредь за пятнадцать лѣтъ о крестьянахъ суда не давать». См. Судебникъ Татищева, § 172, стр. 242 и стр. 243 примѣч. (г.)); ф) Право иска малолѣтнихъ *въ пять лѣтъ* по наступленіи совершеннолѣтія, т. е. когда они достигнутъ 20-ти-лѣтняго возраста (по крайній мѣрѣ такъ въ отношеніи къ мѣнѣ помѣстій). Улож. гл. XVII, ст. 54. Но если предметъ иска малолѣтнихъ до-

2) Смерть. Смертью прекращается право иска только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно основано на чисто-личномъ правѣ, не переходящемъ къ наследникамъ, и не передаваемомъ другимъ лицамъ. Таковы напр.: право иска о безчестіи, о боѣ, и т. д. ¹⁾).

Право отыскивать свои гражданскія права судомъ осуществляется въ искѣ.

Каждый искъ (т. е. по прежнему опредѣленію, каждое требованіе одного лица отъ другаго, на правѣ основанное, и приводимое въ исполненіе чрезъ посредство установленныхъ отъ правительства судей и судебныхъ мѣстъ) можетъ быть разма- триваемъ во 1-хъ, самъ по себѣ, отдѣльно; во 2-хъ, въ отно- шеніи къ другимъ искамъ.

1. Существо исковъ.

Двѣ стороны представляются намъ въ каждомъ искѣ: фор- мальная-внѣшняя, и матеріальная-внутренняя.

1) Формальная сторона исковъ опредѣляется правомъ иска. Оно, какъ мы видѣли, основывается, во 1-хъ, на граж- данскомъ правѣ, и есть процессуальная сторона его; во 2-хъ, на законномъ способѣ пріобрѣтенія этого гражданскаго права. Эти два основанія права вчинять иски и служатъ данными, опредѣляющими внѣшнюю сторону всякаго гражданскаго иска.

пускалъ продолженіе права иска и послѣ 20-ти-лѣтняго возраста, то пога- шающая давность, установленная для предмета, одерживала верхъ надъ дав- ностію, узаконенною для малолѣтнихъ. Улож. гл. XVII, ст. 13.

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 207. «А будетъ кто кому учинитъ какое насиль- ство, или бой и раны, или какіе нибудь убытки и обиды, и бу- дутъ на него въ томъ челобитчики, и съ суда про то его насиль- ство сыщется до пряма, а онъ въ томъ въ иску не раздѣлялся умретъ, а послѣ его останутся вотчины или животы, а въ тѣхъ его вотчи- нахъ и животахъ будутъ жена его и дѣти: и истцомъ велѣти искъ ихъ до- править того умершаго на женѣ и дѣтѣхъ».

а) По главному, основному раздѣленію всѣхъ гражданскихъ правъ на вещныя (имущественныя) и на права по обязательствамъ, иски бываютъ вещные (*actiones in rem*) и личные (*actiones in personam*). Основаніе этого различія заключается въ томъ, что предметъ вещнаго иска есть вещь физическая (*res corporalis*), личного — дѣйствіе лица. Поэтому вещь можетъ быть требуема отъ всякаго, у кого бы она ни находилась; дѣйствія — только отъ того, кто обязался что-либо сдѣлать. Отсюда, если предметъ дѣйствія есть вещь физическая, ее можно требовать только отъ того, кто обязался къ дѣйствію, а не отъ всякаго, у кого та вещь находится. Итакъ гражданскими правами, лежащими въ основаніи иска, опредѣляется его направленіе. Сообразно со всѣмъ сказаннымъ, искъ вещный можетъ быть направленъ противъ всякаго посторонняго, не состоящаго съ нами ни въ какомъ обязательствѣ; искъ личный — только противъ того лица, которое состоитъ съ нами въ обязательствѣ. Раздѣленіе исковъ на вещные и личные такъ естественно, такъ сообразно съ сущностью гражданскихъ правъ, что оно необходимо находится въ каждомъ положительномъ законодательствѣ. Оно замѣтно и въ Уложеніи, но въ немъ не развилось до общаго правила, и поэтому должно быть открываемо изъ частныхъ случаевъ ¹⁾. Вѣроятно, что въ

¹⁾ Исчислять всѣ случаи, въ которыхъ, по Уложенію, употреблялся искъ вещный и личный, мы считаемъ излишнимъ. Замѣтимъ только, что бѣглецы, люди, крестьяне и бобыли, отыскивались искомъ вещнымъ. Улож. гл. XI, ст. 2, 7, 10; — гл. XIX, ст. 37; — гл. XX, ст. 24, 50. Иски о помѣстьяхъ и вотчинахъ вчинялись противъ того, кто ими владѣлъ. Улож. гл. XVII, ст. 35; — гл. XVI, ст. 37; — гл. XIX, ст. 40; — гл. XVII, ст. 13. Сюда же относятся и иски о поличномъ. Улож. гл. XXI, ст. 54, 94 и др. — Иски личные происходили изъ договоровъ (изъ займовъ, купли, поклажи и т. д.) и гражданскихъ преступленій (безчестья, боя, обиды, завладѣнія, покражи и т. д.). Улож. гл. VII, ст. 32; — гл. XXII, ст. 17; — гл. XVII, ст. 35, 36; — гл. XVI, ст. 26, 37, 54; — гл. XXI, ст. 56, 89, 90. — гл. X, ст. 5, 28, 83, 195, 198, 199, 206, 214, 219, 222, 223, 233, 238, 284. И др. мѣста.

практикѣ большею частью употреблялся искъ личный; ибо процессы преимущественно вчинялись вслѣдствіе гражданскихъ преступленій¹⁾).

б) Приобрѣтеніе какого-либо гражданского права только тогда даетъ право иска, когда это приобретеніе дѣйствительно по признанію законодательства. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ законодательство не иначе почитаетъ приобретеніе права дѣйствительнымъ, какъ если оно выражено въ законно-составленномъ письменномъ актѣ (по Уложенію въ памяти, записи, кабалѣ или крѣпости. Сюда же должно отнести и записку крѣпостей въ приказахъ; безъ чего онѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, почитаются недѣйствительными; ибо такая записка, очевидно, есть то же, что крѣпость). Напротивъ, въ другихъ случаяхъ, такого письменнаго акта для удостовѣренія въ подлинности приобретенія законодательство не требуетъ. Итакъ право гражданского иска можетъ имѣть крѣпостное и некрѣпостное основаніе. Отсюда другое раздѣленіе самыхъ исковъ. По основанію своему гражданскіе иски бываютъ крѣпостные и некрѣпостные²⁾. Различіе ихъ состоитъ въ томъ, что иски, которые по закону должны быть основаны на крѣпостяхъ, недѣйствительны, если не имѣютъ этого основанія³⁾; некрѣпостные иски, напротивъ, могутъ быть основаны на всякаго рода доказательствахъ⁴⁾).

¹⁾ Рѣчь объ Уложеніи, проф. Морошкина. Стр. 57.

²⁾ Улож. гл. XVIII, ст. 34: «управа по кабаламъ»; ст. 36: «безкабальныя иски».

³⁾ Улож. гл. X, ст. 105, 189, 192.

⁴⁾ Гражданскіе иски, возникающіе изъ преступленій, не могли быть основаны на крѣпостяхъ; это лежитъ въ существѣ преступленій. Въ Уложеніи крѣпостные иски тѣмъ существенно и отличаются отъ некрѣпостныхъ, что по послѣднимъ можно было, въ извѣстныхъ случаяхъ, винить безъ суда, а по первымъ нѣкогда. Улож. гл. X, ст. 108 и 109. Трудно возвести это положеніе къ какому-либо юридическому началу. Вѣроятно большая возможность судить крѣпостные иски безъ судоговоренія, нежели некрѣпостные, служила ему основаніемъ; ибо въ Улож. гл. X, ст. 189, именно постановлено обозначать

2) Матеріальная, внутренняя сторона исковъ опредѣляется содержаніемъ, предметомъ ихъ. По качеству, эти предметы дѣлятся на вещи физическія въ собственномъ смыслѣ (помѣстье, вотчина, домашній скоть, и т. д.), и на вещи тоже физическія, но выражающія собою цѣнность всѣхъ прочихъ вещей — деньги ¹⁾). По количеству, предметы гражданскихъ исковъ могутъ быть опредѣленные и неопредѣленные.

Въ нашемъ древнемъ законодательствѣ не было и не могло быть строгаго различія между исками денежными и неденежными. Нѣкоторые предметы по своей опредѣленности, положительной извѣстности, могли быть предметомъ иска и безъ опредѣленія денежной цѣны ихъ (напр. извѣстное помѣстье, вотчина, холопъ и т. д.). За то другіе, напротивъ, такъ неопредѣлены, такъ малоцѣнны, и потому, въ отдѣльности взятые, такъ неудобочисляемы; наконецъ, нѣкоторые изъ нихъ, по существу своему, такъ подвержены скорому поврежденію, и даже совершенному уничтоженію, что отыскивать судомъ эти самые предметы невозможно (таковы всѣ убытки, наносимые разбоемъ, пожаромъ, отравой, потолокомъ, насиліемъ и проч.); отсюда, когда они составляютъ предметъ гражданского иска, послѣдній легко можетъ обратиться въ искъ денежный. Съ этою цѣлью, какъ кажется, постановлено въ Уложеніи писать въ приставныхъ памятяхъ иски съ цѣною ²⁾). Законодательство, принуждая истца опредѣлить величину требованія и этимъ ограничивая произволъ его, вмѣстѣ съ тѣмъ допускало какъ бы единовременное вчинаніе двухъ исковъ, вмѣсто одного: не-

---

въ приставныхъ памятяхъ и исковыхъ челобитныхъ крѣпости, на которыхъ основанъ искъ.

¹⁾ Мы опустили здѣсь третій разрядъ вещей — дѣйствія лицъ, потому что всякое дѣйствіе необходимо выражается въ какомъ-либо физическомъ предметѣ, и въ этомъ видѣ составляетъ содержаніе гражданского иска, слѣд. подходитъ подъ категорію вещей физическихъ.

²⁾ Улож. гл. XI, ст. 24; — гл. XXIV, ст. 3.

денежнаго и денежнаго; денежный искъ служилъ замѣною неденежнаго, если послѣдній не могъ имѣть мѣста. По причинамъ, нами изложеннымъ, это правило не могло равно простирается на всѣ иски; многіе вчинялись безъ означенія цѣны въ челобитныхъ и приставныхъ памятяхъ, какъ мы то видимъ изъ Уложенія и современныхъ ему юридическихъ актовъ¹⁾.

Кромѣ исковъ неденежныхъ, которые по свойству предметовъ обращались въ денежные, были другіе иски, исключительно денежные. Сюда преимущественно относятся иски по заемнымъ кабаламъ и иски о безчестьи и увѣчи²⁾.

Наконецъ изъ Уложенія видно, что были иски, въ которыхъ ни предметы, ни цѣна ихъ, не обозначались. Таковы были, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, иски о сносѣ бѣглыми людьми³⁾, иски объ убыткахъ⁴⁾. Точное количественное опредѣленіе такихъ исковъ совершалось въ самомъ процессѣ.

2. *Взаимныя отношенія гражданскихъ исковъ.*

Недостатокъ юридической опредѣленности и самостоятельнаго существованія гражданскихъ исковъ въ нашемъ древнемъ законодательствѣ былъ причиною, что нерѣдко различные иски смѣшивались между собою и вчинялись подъ формою одного иска, другіе, напротивъ, произвольно отдѣлялись. Эта неопредѣленность ихъ взаимныхъ отношеній видна и въ Уложеніи. Общихъ правилъ, устанавливающихъ отношенія гражданскихъ исковъ, не было, да и не могло быть. Поэтому мы должны ограничиться разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ частныхъ положеній объ этомъ предметѣ.

1) По древнему Русскому законодательству иски, относя-

¹⁾ Акты юридическіе, № 55 и 57.

²⁾ Улож. гл. XXII, ст. 10; — гл. XXIV, ст. 1; — гл. X, ст. 28—83, 94.

³⁾ Улож. гл. XI, ст. 24.

⁴⁾ Улож. гл. X, ст. 223, 224, 222, и мн. другія.

щіеся къ одному предмету, нерѣдко соединялись въ одинъ. Въ особенности это замѣчаніе прилагается къ гражданскимъ искамъ, возникающимъ изъ преступленій. Основаніе скрывается въ полномъ, цѣлостномъ чувствѣ обиды или оскорбленія, которое высказывается въ одной жалобѣ, соединяющей въ себѣ такимъ образомъ многіе иски, существенно отличающіеся другъ отъ друга. Итакъ это сліяніе многихъ исковъ не введено положительнымъ законодательствомъ и основывалось болѣе на обычаѣ¹⁾, но въ послѣдствіи оно, въ извѣстныхъ случаяхъ, уже предписывалось закономъ; поводомъ къ тому служило, по видимому, желаніе сократить волокиты, уменьшить число дѣлъ и поклепныхъ исковъ²⁾.

¹⁾ Уложеніе представляетъ намъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ примѣровъ, какъ различные иски соединялись въ одинъ. Сюда относятся: Гл. XVII, ст. 13: «А будетъ большой братъ ту (отцовскую) вотчину кому продать или заложить, съ меньшими братьями не поговора...; а какъ они (меньшіе братья) будутъ въ возрастѣ, и они о той отцовской вотчинѣ на того своего большаго брата, и на купца, кто у него ту отца ихъ вотчину купитъ, или въ закладъ возьметъ учнутъ Государю битъ челомъ, и съ суда про то сыщется до прима». — Здѣсь въ одномъ вчиняются два иска: *вещный* противъ покупщика, или залогопринимателя вотчины; *личный* — противъ старшаго брата. — Гл. XVII, ст. 35: «а будетъ послѣ того (т. е. послѣ продажи или отдачи подъ закладъ вотчины не самимъ хозяиномъ, а другимъ лицомъ) тотъ, чья та вотчина, учнетъ на него битъ челомъ Государю, что онъ той своей вотчины никому самъ не продавалъ и не закладывалъ, и никому продавать и руки къ купчей или закладной въ свое мѣсто прикладывать не велывалъ, а сыщется про то до прима: и та вотчина по крѣпостямъ отдати тому вотничю, чья та вотчина... А что отъ него (продавца или закладчика) въ той вотчинной продажѣ тому, чья та вотчина, учинится убытка: и тѣ убытки на немъ доправя, отдати тому, чья та вотчина». Искъ о предметѣ и искъ объ убыткахъ соединены *въ одинъ*. Ср. также гл. XVI, ст. 37. — Пенные иски (actiones poenales) никогда не вчинялись отдѣльно; гл. VII, ст. 32: «... будетъ онъ (служилой человѣкъ) на... стану... рукою... ударить... или словомъ кого обезчестить, или у кого грабежемъ что возьметъ... и... на немъ велѣти... доправити безчестье и грабежъ *едвое*». Гл. IX, ст. 4; — гл. XXII, ст. 17; — гл. XXV, ст. 4; — гл. XVI, ст. 37 и т. д.

²⁾ Положительнымъ законодательствомъ соединялись два иска въ одинъ въ

2) Гражданскіе иски, возникавшіе вмѣстѣ съ уголовными дѣлами, не отдѣлялись отъ нихъ и рѣшались вмѣстѣ съ ними. Вотъ почему всѣ такіе иски носили характеръ уголовныхъ дѣлъ, съ которыми были связаны. По Уложенію и Новоуказнымъ Статьямъ, иски гражданскіе (къ коимъ причислялись дѣла татинныя и разбойныя, когда «истцы бьютъ челомъ... именно (т. е. называя отвѣтчиковъ) безъ поличнаго и безъ язычной молки, и не по лихованнымъ обыскамъ»), изъ которыхъ возникало уголовное дѣло («а будетъ... сыщется про то до пряма, что тѣ дѣла разбойныя и дошли до пытокъ»), судились судомъ уголовнымъ («и тѣхъ истцовъ и отвѣтчиковъ изъ суднаго приказа отсылать въ разбойной приказъ»)¹⁾. Далѣе: когда судились гражданскіе иски, основанные на уголовномъ преступленіи, употреблялась пытка, форма инквизиціоннаго процесса, которая чрезвычайно рѣдко является въ гражданскомъ судопроизводствѣ, да и то въ замѣну крестоцѣлованія; обязанность отвѣчать по такимъ искамъ опредѣлялась участіемъ въ томъ преступленіи, которое служило имъ основаніемъ²⁾; наконецъ, величина такихъ гражданскихъ исковъ опредѣлялась по показаніямъ отвѣтчиковъ «съ пытокъ», или, въ случаѣ незнанія самаго отвѣтника (вора, грабителя, или разбойника), по показаніямъ истцовъ, уменьшеннымъ вчетверо.

Таковы характеристическіе признаки гражданскихъ исковъ,

слѣдующихъ случаяхъ: 1) Послѣ иска о холопѣ не злыя было вчинять иска о сносѣ, имъ учиненномъ; оба дѣла вчинялись вмѣстѣ. Улож. гл. XX, ст. 57; ср. ст. 17 и 38; тамъ же; 2) Иски о проѣзжихъ и волокидахъ по дѣламъ помѣстнымъ не отдѣлялись отъ исковъ о самыхъ помѣстьяхъ. — Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ, 1677 года, авг. 10 (№ 700), ст. 9 и 10.

¹⁾ Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 12. — Улож. гл. XXI, ст. 49. — Ср. также Улож. гл. XXI, ст. 1, 5, 6, 7.

²⁾ Улож. гл. XXI, ст. 79, 82, 83, 84, 75, 22, 27, 37, 39, 44, и мн. др. — 1669 года, 22 янв. (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивствъ дѣлахъ, ст. 57, 61, 87, и др.

возникающихъ и рѣшаемыхъ вмѣстѣ съ уголовными дѣлами. Они рѣзко отличаютъ ихъ отъ обыкновенныхъ гражданскихъ исковъ, ибо въ послѣднихъ мы не находимъ ничего подобнаго¹⁾. Начала и объясненія ихъ должно искать въ уголовномъ правѣ тогдашней эпохи. Слѣдовательно гражданскіе иски, возникающіе на основаніи уголовныхъ дѣлъ, не могутъ быть, въ строгомъ смыслѣ, почитаемы за особливые иски. Они представляютъ только другую, такъ сказать гражданскую сторону уголовныхъ дѣлъ — не болѣе.

Бываютъ однако случаи, въ которыхъ уголовное преступленіе является какъ бы несуществующимъ; но отъ этого убытокъ, претерпѣнный отъ преступленія другимъ лицомъ, не перестаетъ быть убыткомъ. Въ этихъ-то случаяхъ гражданскій искъ отдѣляется отъ уголовного дѣла, получаетъ самостоятельность, но уже утрачиваетъ уголовный характеръ, и является чисто гражданскимъ, какъ всѣ другіе гражданскіе иски. Въ Уложеніи изъ такихъ случаевъ упоминается только два:

а) Кто предварительно не подалъ явки (явочнаго прошенія) о вещахъ покраденныхъ, пограбленныхъ, или взятыхъ разбоемъ и найденныхъ у кого-либо («поличное»), тотъ не могъ отыскивать ихъ уголовнымъ порядкомъ. Въ замѣнъ того законодательство даетъ ему право вчинять одинъ гражданскій искъ, который и изслѣдуется гражданскимъ порядкомъ, т. е. судомъ. Здѣсь гражданскій искъ, возникающій вслѣдствіе преступленія, является самостоятельнымъ²⁾.

¹⁾ Улож. гл. XXI, ст. 23, 24, 25.

²⁾ Улож. гл. XXI, ст. 54... «а будетъ кто у кого зачто понимается, а скажетъ, что то поличное воры у него украли, или разбоемъ взяли съ иними его животы, а явокъ на то поличное, и на иные свои животы... не скажетъ, и по такому поличному тѣхъ людей, у кого понимаются *не пытать*, потому что на то поличное явокъ нѣтъ, а давати въ такомъ дѣлѣ истцомъ на тѣхъ людей, у кого они за что понимаются, *судъ*, и съ суда учинити вѣру, крестное цѣлованіе».

б) Кто поймаетъ вора (татя) и, вмѣсто того чтобъ привести его въ приказъ, станетъ пытатъ его у себя дома, тотъ теряетъ право отыскивать вещей, имъ покраденныхъ, уголовнымъ порядкомъ, но можетъ вчинять противъ татя обыкновенный гражданскій искъ и требовать суда¹⁾.

3) Отношенія между вещными и личными исками совсѣмъ не опредѣляются въ Уложеніи и послѣдующихъ законахъ. Такъ всѣ иски о тайномъ, насильственномъ, или подложномъ похищеніи имущества²⁾ колеблются между этими двумя основными формами гражданскихъ исковъ; такъ возможность объ одномъ и томъ же предметѣ вчинять два иска, вещный и личный, и слѣд. возвращать себѣ этотъ предметъ вдвое, не предотвращалась законоположеніями, а только обычаемъ: сліяніемъ обоихъ исковъ въ одинъ³⁾. Отступленіе отъ этого правила и несправедливое вчиненіе двухъ исковъ, вмѣсто одного, вѣроятно преслѣдовалось и наказывалось какъ вчиненіе вообще всякаго поклепнаго иска («бить челомъ не по дѣлу»), хотя объ этомъ случаѣ нигдѣ не упоминается въ источникахъ⁴⁾.

Неопредѣленность отношеній между вещными и личными исками въ періодъ до Петра Великаго объясняется отчасти тѣмъ, что въ практикѣ, какъ мы замѣтили, они сливались въ одинъ искъ; — еще болѣе тѣмъ, что вещный искъ не развился еще во времена Уложенія до чистой формы вещнаго иска, и носилъ на себѣ рѣзкіе слѣды иска личнаго — древнѣйшей,

¹⁾ Улож. гл. XXI, ст. 88.

²⁾ Сюда относятся: иски о пограбленныхъ, покраденныхъ и разбоемъ взятыхъ вещахъ; иски о бѣглыхъ людяхъ; въ извѣстномъ отношеніи иски о утаенныхъ помѣстьяхъ, выганныхъ вотчинахъ, злоумышленной продажѣ, мѣнѣ и залогѣ вотчины, помѣстья и т. д.

³⁾ См. выше, взаимныя отношенія исковъ, стр. 94 примѣч. 1.

⁴⁾ Въ Уложеніи говорится о подобномъ случаѣ, а именно когда кто-либо вчинялъ одинъ за другимъ два иска объ одномъ и томъ же предметѣ. См. гл. X, ст. 154.

первоначальной и исключительной формы всѣхъ вообще русскихъ гражданскихъ исковъ ¹⁾).

4) Когда между двумя тяжущимися лицами происходило какое-нибудь спорное гражданское дѣло, и, вслѣдъ за нимъ, между тѣми же тяжущимися сторонами, возникало новое, то

¹⁾ Въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи всѣ гражданскіе иски были личные. Это явленіе объясняется тѣмъ, что они вчинялись первоначально только вслѣдствіе гражданскихъ или уголовныхъ преступленій. Примѣромъ личного характера нашихъ гражданскихъ исковъ могутъ служить иски о покражѣ; они, какъ очевидно, могутъ быть и *личные*, когда направлены противъ самаго вора, и *вещные*, когда вчиняются противъ всякаго владѣльца покраденной вещи, кто бы онъ ни былъ, слѣд. не обращая вниманія на то, воръ ли онъ, или нѣтъ. По нашему древнему законодательству искъ о покраденной вещи и въ послѣднемъ случаѣ былъ личный. Во времена Правды хозяинъ, нашедшій у кого-либо поличное требовалъ, чтобы онъ показалъ ему, гдѣ онъ приобрѣлъ эту вещь («пойдемъ на сводъ, гдѣ еси взялъ»). Это положеніе чрезвычайно важно въ ученіи объ искахъ; оно знакомитъ насъ съ внутреннимъ характеромъ первоначальнаго обычного права, которое стремилось обратить въ личные, иски по существу своему вещные. Ибо какъ иначе объяснить сводъ? Онъ установленъ для того, чтобы узнать вора. Но воровство не имѣло еще въ то время характера уголовного преступленія (см. опытъ Ист. Росс. Гос. и Граж. Зак. стр. 61); далѣе: доказывать, что вещь принадлежитъ ему, былъ обязанъ хозяинъ, а не владѣлецъ вещи; ибо когда число сводовъ было органичено, хозяину отдавалась вещь послѣ послѣдняго свода, хотя бы воръ и не былъ отысканъ; наконецъ сводъ установленъ и не для того, чтобы, отыскавши прямого вора, можно было требовать отъ него возвращенія тѣхъ вещей, или цѣны ихъ, которыя были покрадены вмѣстѣ съ поличнымъ, ибо 1) такая возможность доказать, что имъ покрадены и прочія вещи, кромѣ поличнаго, когда такіа дѣла разбирались не уголовнымъ судомъ, а гражданскимъ? 2) сводъ не ограничивался только тѣми случаями, когда съ поличнымъ покрадены и другія вещи, но всегда употреблялся, когда хозяинъ находилъ поличное. Итакъ хозяинъ хотѣлъ отыскать настоящаго вора, чтобы взыскать съ него трехъ-гривенную виру, которая — замѣтимъ это — является въ періодъ Правды субститутомъ мести.

Первое ограниченіе свода (извода, изводовъ) было первымъ появленіемъ отдѣльнаго вещнаго иска въ нашемъ законодательствѣ. По Русской Правдѣ изводъ ограничивался областью (въ другую область не переходилъ); въ городѣ онъ продолжался до конца; въ деревняхъ только до третьяго пріобрѣтателя поличнаго. Двинская грамота допускаетъ изводы до десятаго пріобрѣтателя

эти два дѣла, преемственно слѣдующія одно за другимъ, имѣли въ нѣкоторыхъ случаяхъ тѣсную, необходимую связь между собою. Связь эта состояла въ слѣдующемъ: свидѣтели и общая правда, принятые обоими тяжущимися по первому дѣлу, не могли быть отводимы и во второмъ, если на нихъ ссыла-

---

(Опытъ Ист. Росс. Гос. и Гр. Зак. § 51, прим. 1, и § 70, прим. 4. Акты Археограф. Эксп. т. 1, № 13 и далѣе. Статья К. Казачева о Судебн. ц. Юанна Вас., въ Юридическихъ Запискахъ, издаваемыхъ проф. Рѣдкинымъ, т. 1, М. 1841 г. стр. 125). Каковы бы ни были историческія причины такого ограниченія (кажется, ихъ должно искать въ уничтоженіи сомнѣности, отдѣльности родовъ и общинъ, и въ появленіи болѣе тѣсныхъ сношеній между городами и деревнями), его значеніе въ исторіи русскихъ гражданскихъ исковъ чрезвычайно важно. Иски о поличномъ должны были вслѣдствіе этого ограниченія раздѣлиться на два разряда. Одни, по прежнему, продолжали быть личными; такъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда сводъ простирался до самаго вора. Другіе обратились въ вещные, сохраняя на себѣ слѣды историческаго своего происхожденія изъ личныхъ исковъ; подъ эту категорію подходятъ всѣ иски, въ которыхъ сводъ ограничивался извѣстнымъ числомъ приобретателей и не доходилъ до прямого татя. Въ послѣдствіи на воровство начали смотрѣть какъ на уголовное преступленіе (Опытъ Ист. Росс. Гос. и Гр. Зак. § 51, прим. 2), но смыслъ отвода (какъ называютъ прежній сводъ, изводъ, въ Уложеніи) мало измѣнился; онъ теперь освобождалъ того, у кого «помяются за поличное», отъ пытки и наказанія (Улож. гл. XXI, ст. 50, 51), какъ прежде отъ трехъ-гривенной виры.

Въ періодъ Уложенія личный характеръ гражданскихъ исковъ очень рѣзко высказывается въ дѣлахъ о бѣглыхъ холопахъ. Кто держалъ у себя бѣглаго холопа, противъ того могъ господинъ его вчинять искъ; отъ отвѣта не избавляло его и самое бѣгство холопа, даже полное незнаніе того, куда бѣглый холопъ дѣвался. Ибо тотъ, у кого онъ жилъ, былъ обязанъ найдти его и возвратить господину; въ противномъ случаѣ платилъ цѣну его, 50 рублей (Улож. гл. XX, ст. 50 и 51). — Что этотъ искъ не есть вещный, очевидно съ перваго взгляда. Онъ искъ личный, потому что принятіе къ себѣ чужаго бѣглаго холопа есть какъ бы воровство. — Изъ приведенныхъ нами статей Уложенія не видно однако, былъ ли искъ направленъ противъ того, кто первый принялъ къ себѣ на житье бѣглыхъ холопей, или онъ могъ безразлично вчиняться противъ всякаго, о которомъ только зналъ хозяинъ, что онъ держалъ у себя его холопа. При первомъ предположеніи, искъ о бѣглыхъ есть личный; при послѣднемъ — вещный, но неправильный, несознанный. (Однако есть въ Уложеніи примѣры чисто вещныхъ исковъ. Такъ гл. XI, въ ст. 7, и др.)

лась одна изъ спорящихъ сторонъ; въ противномъ случаѣ тотъ, кто отводилъ, былъ обвиняемъ въ искѣ.

Это положеніе, по основанію своему, весьма справедливо. Нѣтъ никакой причины подозрѣвать въ пристрастіи свидѣтеля или общую правду во второмъ дѣлѣ, если они не были оподозрѣны въ первомъ, особливо когда обратимъ вниманіе на то, что это правило принято только въ отношеніи къ искамъ, немедленно слѣдующимъ другъ за другомъ. Въ практикѣ, ябеда и сутяжничество не рѣдко ложно перетолковывали это положеніе въ свою пользу; вотъ почему въ Уложеніи мы находимъ нѣсколько статей, съ цѣлью — точнѣе опредѣлить это правило, измѣнить его и даже ограничить въ извѣстныхъ случаяхъ¹⁾.

¹⁾ Источникъ этого юридическаго положенія есть обычное право; поэтому оно нигдѣ не высказано въ формѣ правила и должно быть выводимо изъ частныхъ случаевъ. Подъ него подходят и *встрѣчный искъ*, несмотря на то, что въ немъ прежніе истецъ и отвѣтчикъ мѣняются ролями; причина та, что онъ тоже непосредственно слѣдуетъ за предыдущимъ искомъ («не сходя съ суда»). Улож. гл. X, ст. 180.

(*NB.* Итакъ вотъ еще новое объясненіе, почему *встрѣчный искъ* судился судомъ истца. Связь этого иска съ предыдущимъ не была бы извѣстна судьямъ, еслибъ онъ судился по общему правилу подсудности судомъ отвѣтчика. Отсюда родилась бы возможность неправильно отводить свидѣтелей и общую правду, допрошенныхъ по предыдущему иску; во всякомъ случаѣ предупрежденіе этихъ злоупотребленій повело бы къ новымъ излишнимъ сношеніямъ между судебными мѣстами по *встрѣчному* иску, слѣд. къ новымъ издержкамъ, проторямъ, новымъ волокитамъ, неправдамъ и ябедамъ.)

Ближайшія опредѣленія этого правила въ Уложеніи состоятъ въ слѣдующемъ: 1) Въ маловажномъ искѣ одинъ тяжущійся, по стачкѣ, ссылаясь на свидѣтеля. Противникъ, «не хотя въ такомъ поклевномъ маломъ иску душевредства учинити», ссылаясь на того же свидѣтеля. Дѣло, разумѣется, рѣшалось въ пользу перваго тяжущагося; но оно было однимъ предлогомъ для того, чтобъ начать противъ того же отвѣтчика другой, большой искъ, тоже поклевный, и тотъ же свидѣтель приводился въ подтвержденіе новаго иска. По общему правилу прежній отвѣтчикъ долженъ былъ неизбежно сослаться на того же свидѣтеля и навѣрное проиграть процессъ: явная несправедливость! Уложеніе даетъ въ этомъ случаѣ отвѣтчику право отводить свидѣтеля или общую правду, не теряя иска, «потому что надъ нимъ истецъ его то учи-

5) Выше мы видѣли, что сліяніе нѣсколькихъ исковъ, вчиняемыхъ однимъ лицомъ, въ одинъ, случалось довольно часто; но не наоборотъ. Никогда многіе истцы не были обязаны по одному общему дѣлу соединяться какъ бы въ одно юридическое лице и вчинять одинъ общій искъ. Они могли это дѣлать; но отъ произвола каждаго изъ нихъ зависѣло «на отвѣтчикѣ искати одного своего жеребья» (т. е. своей части въ общемъ искѣ). — Въ Уложеніи это общее правило излагается въ отношеніи къ искамъ объ обидѣ, нанесенной нѣсколькимъ лицамъ «вопче»¹⁾).

Кто обиженъ многими лицами съ-обща (послѣднее видно изъ смысла закона, хотя и не выражено), тотъ могъ вчинять противъ всѣхъ обидчиковъ одинъ искъ, и въ такомъ случаѣ они были обязаны отвѣчать вмѣстѣ. Уложеніе смотритъ на такой искъ не какъ на одно органическое, нераздѣльное цѣлое, но видитъ въ немъ простое соединеніе нѣсколькихъ исковъ въ одинъ. Поэтому и отвѣтчики не составляютъ одного юридического лица; слѣд. дѣйствіе каждаго изъ нихъ не есть дѣйствіе

нилъ лукавствомъ». (Это исключеніе и по духу, и по самому выраженію, употребленному въ законѣ, совершенно сходно съ римскими *actio* и *exceptio doli*.) См. Улож. гл. X, ст. 179. — Если мы станемъ возводить это исключеніе къ его основной мысли и къ общему юридическому положенію, то получимъ слѣдующее правило: *тяжущійся въ правѣ отводить свидѣтелей и общую правду во второмъ искѣ, принятыя имъ въ первомъ, если докажетъ, что они дѣйствовали заодно съ противникомъ*. 2) Уложеніе опредѣляетъ также промежутокъ времени между двумя преемственными исками, послѣ котораго правило о неотведеніи прежнихъ свидѣтелей и общей правды теряетъ свою силу. Если второй искъ вчинялся хотя бы на другой день послѣ перваго, то отводить прежнихъ свидѣтелей и общую правду дозволялось потому, что прежнія отношенія ихъ къ тяжущимся могли уже измѣниться. Улож. гл. X, ст. 181.

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 183. — Кажется, эта статья направлена противъ обычнаго права, которое требовало, чтобъ по общему дѣлу былъ вчиняемъ и общій искъ: положеніе, въ которомъ высказывается начало родовое, мірское, общинное.

всѣхъ прочихъ отвѣтчиковъ; если одинъ отвѣтчикъ сознается въ винѣ и помирится съ истцомъ до суда, то по этому одному не должно безъ суда признавать виноватыми и всѣхъ прочихъ отвѣтчиковъ¹⁾).

Итакъ, въ Уложеніи признается личное соединеніе исковъ; по общій искъ не можетъ соединять въ одно юридическое лице нѣсколькихъ истцовъ или отвѣтчиковъ, исключая, если они захотятъ того сами²⁾).

Вотъ нѣсколько положеній, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданскихъ исковъ въ настоящую эпоху русскаго законодательства. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы не исчерпали здѣсь всѣхъ юридическихъ правилъ, которыя сюда относятся и скрыты въ Уложеніи подъ оболочкою частныхъ случаевъ.

Выше мы сказали, что право вчинять какой-либо искъ осуществляется въ этомъ искѣ. Это осуществленіе есть полное, совершенное, поглощающее въ себѣ право иска. Словомъ, въ искѣ право вчинять этотъ искъ уничтожается. Отсюда положеніе: кто однажды искалъ по какому-нибудь гражданскому дѣлу, и оно окончилось, тотъ не можетъ вчинять объ немъ новаго иска³⁾).

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 184: «А будетъ кто живеть въ одномъ помѣстьѣ или въ вотчинѣ съ братьями и съ иными помѣщики вопче, и учинять они кому какую обиду, и тотъ обиженный въ обидѣ своей приставитъ къ нимъ ко всѣмъ вопче, и изъ нихъ одинъ узнавъ свою вину съ истцомъ помирится до суда, а достальные безъ суда не помирятся, и истцу на тѣхъ достальныхъ дати судъ... а безъ суда ихъ по раздѣлкѣ товарища ихъ не винити». Эта статья можетъ быть истолкована двоякимъ образомъ: въ судебной практикѣ винили безъ суда всѣхъ отвѣтчиковъ, если одинъ изъ нихъ сознавалъ себя виноватымъ, 1) или на основаніи родового, общиннаго начала, (см. на стр. 98, примѣч. 1-ое, и начало 184-ой статьи), 2) или же потому, что признаніе одного изъ отвѣтчиковъ считали доказательствомъ виновности всѣхъ прочихъ, и на этомъ основаніи считали уже судъ излишнимъ.

²⁾ Улож. гл. XVIII, ст. 37, 38.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 154: «А будетъ который истецъ въ иску своемъ съ

Искъ, а съ нимъ вмѣстѣ и право на этотъ искъ, уничтожаются по Уложенію:

1) Полюбовною сдѣлкой. Полюбовною сдѣлкой можно было прекращать спорное дѣло во всякое время, съ подачи приставной памяти и до рѣшенія дѣла, до суда и послѣ суда¹⁾. Взаимное согласіе на полюбовное прекращеніе тяжбы выражалось въ мировыхъ челобитныхъ, подаваемыхъ тяжущимися въ тотъ судъ, гдѣ производилось ихъ дѣло; условія мировой сдѣлки утверждались письменнымъ актомъ, который назывался мировою записью, иногда просто мировою, и составлялся по образцу всѣхъ прочихъ договоровъ и обязательствъ того времени²⁾.

2) Судебнымъ приговоромъ. Судебный приговоръ, постановленный о спорномъ дѣлѣ на какомъ бы то ни было основаніи (будетъ ли то признаніе, или судъ, или неявка, или сыскъ, или крестоцѣлованіе и т. д.), навсегда уничтожаетъ искъ³⁾. Апелляція не опровергаетъ этого положенія; она

суда обвиненъ, а отвѣтчикъ его въ томъ иску оправленъ, или который отвѣтчикъ въ чьемъ иску крестнымъ цѣлованіемъ отойдетъ, или кто въ своемъ иску съ кѣмъ помирится до суда, *а послѣ того на тѣхъ же людяхъ учнетъ онъ того же своего иску въ другорядѣ искати: и ему въ томъ иску суда не давати*.

¹⁾ Улож. гл. XI, ст. 8; — гл. XV, ст. 1 и 2; — гл. X, ст. 121, 134.

²⁾ См. примѣч. 4-ое. — Акты Юридическіе, № 269—273. — Замѣнялись ли мировыми челобитными мировыя записи, или наоборотъ, или же и тѣ и другія были необходимы для того, чтобъ полюбовная сдѣлка имѣла законную силу — этого нельзя рѣшить по изданнымъ источникамъ. Въ приведенныхъ нами статьяхъ Уложенія и юридическихъ актахъ записи и мировыя челобитныя упоминаются отдѣльно, какъ средства полюбовнаго прекращенія иска, а не вмѣстѣ; поэтому есть вѣроятіе, что мировыя челобитныя дѣлали запись излишнею, и мировая запись достигала своей цѣли безъ предварительной подачи челобитной.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 134, 120, 118 и мн. др. — О собственномъ признаніи («будетъ кто отвѣтчикъ на судѣ противъ чьей исковой челобитной учнетъ виниться»), см. Улож. гл. X, ст. 136; — гл. XX, ст. 39.

имѣетъ совсѣмъ другое основаніе, рѣзко отличающее ее отъ обыкновеннаго иска (см. ниже).

Смерть тяжущихся не можетъ быть отнесена къ способамъ прекращенія исковъ. Она переноситъ только искъ отъ одного лица къ другому, не измѣняя его прежняго вида ¹⁾).

ГЛАВА III.

ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Предметъ, на которомъ сосредоточивается дѣятельность судей и тяжущихся, есть, какъ мы видѣли, гражданскій искъ.

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 243: «А будетъ кто кому давъ на себя въ заемныхъ деньгахъ кабалу, или въ вотчинномъ очищенѣ, или въ иномъ въ какомъ дѣлѣ какую нибудь крѣпость да умереть, а послѣ его въ животахъ его останутся жена его и дѣти, или иные кто его роду, а какъ онъ живъ былъ, и у него по тѣмъ кабаламъ въ заемныхъ деньгахъ и по записямъ въ вотчинномъ очищенѣ съ истцу судъ былъ, а судныя дѣла по смерти его не вершены, а по тѣмъ суднымъ дѣламъ довелось его обвинить, и истцомъ по тѣмъ дѣламъ велѣти иски ихъ править того умершаго на женѣ и на дѣтяхъ, или на иныхъ роду его, кто послѣ его въ животахъ его останется, и кому даны будутъ вотчины его».

Это, кажется, единственная статья въ цѣломъ Уложеніи, въ которой прямо сказано, что искъ можетъ переходить по наслѣдству, но и то сказано въ отношеніи къ отвѣтчику. Статьи 132, 133, 203, 207 и вторая половина 243-ой (которая здѣсь опущена) говорятъ о переходѣ по наслѣдству *права иска* и обязанности отвѣчать по иску, или права требовать уплаты и обязанности уплачивать по рѣшенному иску (слѣд. о наслѣдственности обязательства, а не иска).

Могло ли одно лице передавать свой искъ другому? Кажется, нѣтъ. Улож. гл. X, ст. 244. «А будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины, или двора, или лавки, или мельницы, или инаго чего вотчиннаго или помѣстнаго строенія, и отвѣтчикъ, засудясь съ истцомъ и недождався по судному дѣлу указу, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продать, или заложить, а по суду и по смыслу доведется его въ томъ обвинить, и у того, кому онъ что продать, взяти и отдать истцу. А тому, кто у него то купилъ, указати на немъ по купчей и по закладной цѣнѣ назадъ деньги». Впрочемъ эта статья допускаетъ различныя толкованія, и невозможно на основаніи ея рѣшить вопроса.

Единствомъ предмета эта дѣятельность ихъ необходимо поставляется во взаимныя отношенія, которыя, очевидно, не могутъ быть оставлены на произволъ самихъ судей и тяжущихся, и потому извѣстнымъ образомъ опредѣляются въ каждомъ положительномъ правѣ, будетъ ли оно обычное право, или законодательство въ настоящемъ смыслѣ слова. Такъ образуется у каждаго народа, въ каждомъ государствѣ, цѣлая система положеній и правилъ, юридически опредѣляющихъ дѣятельность судьи въ отношеніи къ иску и тяжущимся; дѣятельность тяжущихся въ отношеніи къ судѣ, спорному дѣлу и ихъ самихъ другъ къ другу.

Далѣе, вся дѣятельность судьи и тяжущихся направлена къ одной цѣли — спорный гражданскій искъ обратить въ безспорный. Въ этомъ смыслѣ, для судьи — рѣшить дѣло, для тяжущихся — выиграть процессъ — суть выраженія однозначительныя.

Но такое обращеніе иска изъ спорнаго въ безспорный также не можетъ совершаться иначе, какъ по извѣстнымъ, постояннымъ и опредѣленнымъ правиламъ. Они необходимы для того, чтобъ искъ обращался изъ спорнаго въ безспорный свободно, согласно съ истиной и независимо отъ произвола лицъ, являющихся дѣателями. Совокупность правилъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія судей, тяжущихся, и спорнаго гражданского иска, и постепенный, правильный ходъ обращенія гражданского иска изъ спорнаго въ безспорный и образуетъ ученіе о гражданскомъ судопроизводствѣ.

На этомъ основаніи мы раздѣлимъ эту главу на двѣ части. Въ первой будутъ изложены формы (виды) гражданского судопроизводства по Уложенію и Новоуказнымъ статьямъ; во второй — постепенное движеніе судопроизводства (ходъ процесса).

Отдѣленіе 1.

ФОРМЫ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

О формахъ судопроизводства во времена Уложенія существуютъ у насъ два мнѣнія. Оба проистекаютъ изъ одного источника и разнятся между собою только въ дальнѣйшихъ своихъ приложеніяхъ.

Сводъ Законовъ Россійской Имперіи принимаетъ въ русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ двѣ основныя формы: форму вотчинную и исковую (Св. Зак. т. X, ст. 1591; изд. 1832 г.); то же самое раздѣленіе существовало, по мнѣнію редакторовъ, и во времена Уложенія (Св. Зак. т. X, ст. 1592, примѣч.).

Разсматривая объ формы гражданского судопроизводства и вникая въ различіе ихъ, мы находимъ, что оно заключается собственно въ различіи доказательствъ, употребляемыхъ въ исковомъ и вотчинномъ судопроизводствѣ: въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ вотчиннымъ судопроизводствомъ, нельзя доказывать своего иска свидѣтелями и присягою (Св. Зак. т. X, ст. 2053); въ дѣлахъ же, судимыхъ исковою формою, допускаются всякаго рода доказательства.

Различіе доказательствъ, употребляемыхъ по тѣмъ или другимъ спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, условливается постоянными, или случайными обстоятельствами, и потому не можетъ служить основаніемъ раздѣленія судопроизводства на виды. Уложеніе объявляетъ поклажу и заемъ недѣйствительными, если они не утверждены крѣпостію; вотъ почему иски о поклажахъ и займахъ могли быть только крѣпостными, т. е. основанными на крѣпостныхъ доказательствахъ. Бой, брань, грабежъ могли быть совершены при многихъ людяхъ, или при одномъ свидѣтелѣ, или наконецъ безъ свидѣтелей; поэтому

одинъ и тотъ же искъ о боѣ, брани или грабежѣ, могъ быть въ одномъ случаѣ доказываемъ обыскомъ, въ другомъ послѣдствомъ, въ третьемъ крестнымъ цѣлованіемъ: доказательства различны, а форма судопроизводства одна и та же.

Различіе формъ гражданскаго судопроизводства условливается не различіемъ доказательствъ, а различными отношеніями судей къ тяжущимся и спорному дѣлу, и тяжущихся къ суду и спорному дѣлу. Если въ судопроизводствѣ является дѣятелемъ судья, т. е. если онъ какъ бы отыскиваетъ своего права, самъ собою, безъ просьбы тяжущихся, подвергаетъ кого суду, отыскиваетъ тѣхъ или другихъ доказательства для того, чтобъ убѣдиться въ правости или неправости подсудимыхъ, то въ такомъ случаѣ мы называемъ судопроизводство инквизиціоннымъ, слѣдственнымъ. Если же, напротивъ, дѣятелями въ судопроизводствѣ являются сами тяжущіеся, т. е. если искъ вчиняется, по просьбѣ одного изъ нихъ, а не по произволу судьи; если приведеніе доказательствъ въ пользу и противъ спорнаго дѣла, между ними возникшаго, есть ихъ обязанность, а не дѣло судьи; если, наконецъ, пропущенныя ими доказательства не обязанъ приводить вмѣсто ихъ судья, и онъ, какъ будто лице постороннее, посредникъ, приноситъ свое мнѣніе о правости и виновности тяжущихся сторонъ по однимъ доказательствамъ, ими приведеннымъ, не обращая вниманія на всѣ прочія, ими забытыя, или умышленно оставленныя — то эта форма судопроизводства есть обвинительная и обыкновенно называется обвинительнымъ, гражданскимъ процессомъ (*processus accusatorius*).

Конечно, такого рѣзкаго различія между этими двумя основными формами судопроизводства мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ положительномъ законодательствѣ. Ни одна изъ этихъ формъ (особливо первая) не развивается во всей чистотѣ и послѣдовательности, какой бы требовало основное начало каж-

дой изъ нихъ. Въ форму инквизиціоннаго процесса болѣе или менѣе всегда вливается начало процесса обвинительнаго, и наоборотъ: процессъ обвинительный иногда видоизмѣняется нѣсколько формою инквизиціоннаго судопроизводства. Несмотря на то, основныя начала, изъ которыхъ развивается каждая изъ этихъ формъ, такъ противоположны и такъ рѣзко обозначены, что ихъ не возможно смѣшивать.

Есть еще другое мнѣніе о формахъ русскаго гражданскаго судопроизводства до Петра Великаго, которое подкрѣпляется многими историческими доказательствами и потому имѣетъ большое вліяніе на правильное разумѣніе нашего судопроизводства до Петра и послѣ Петра. Это мнѣніе заключается въ слѣдующемъ:

Издавна, еще до Судебника, мы находимъ въ Москвѣ два приказа, въ которыхъ преимущественно передъ всѣми другими сосредоточивались спорныя гражданскія дѣла; это приказы Помѣстный и Судный. Въ Помѣстномъ приказѣ вѣдались спорныя дѣла о правахъ на недвижимыя, основанныя на крѣпостяхъ (письменныхъ актахъ), особливо же дѣла о правѣ собственности. Напротивъ, въ Судномъ приказѣ вѣдались спорныя дѣла по обязательствамъ, возникшимъ вслѣдствіе договора или преступленія. — Такое раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между двумя приказами во первыхъ свидѣтельствуетъ о какомъ-то тайномъ, безсознательномъ можетъ-быть, сочувствіи нашего древняго законодательства съ римскимъ правомъ; ибо въ основаніи этого раздѣленія спорныхъ дѣлъ скрывается мысль о различеніи всѣхъ гражданскихъ исковъ на вещные (*in rem*) и личные (*in personam, ad rem*). Но какъ эта мысль не была ясно сознаваема, то въ распредѣленіи спорныхъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ приказомъ сдѣланы отъ нея нѣкоторыя отступленія. Такимъ образомъ спорныя дѣла, которыя должно бы, сообразно съ основнымъ началомъ, судить въ

Помѣстномъ приказѣ, судились въ Судномъ, и которые должны бы вѣдаться Суднымъ приказомъ, судились въ Помѣстномъ. Но это были отступленія, которые ни мало не опровергаютъ главной мысли; во вторыхъ, въ Помѣстномъ приказѣ сосредоточились спорныя дѣла о недвижимыхъ, основанныя на однихъ крѣпостяхъ, или вообще на письменныхъ документахъ и актахъ, дѣла крѣпостныя. Но такъ какъ эти дѣла разбирались и рѣшались по крѣпостямъ, то въ Помѣстномъ приказѣ должна была развиваться преимущественно форма судопроизводства слѣдственная, сыскная, розыскная. Напротивъ, въ Судномъ приказѣ, гдѣ судились дѣла, основанныя на всякаго рода доказательствахъ, а не на однихъ крѣпостяхъ, должна была развиваться другая форма судопроизводства, процессъ обвинительный, по преимуществу гражданскій и древнѣйшій изъ всѣхъ — судъ, въ технически-опредѣленномъ значеніи этого слова. — Безъ сомнѣнія розыскъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ не ограничивался исключительно одними спорными дѣлами Помѣстнаго приказа; мы знаемъ также, что судомъ рѣшались иногда и дѣла вотчинныя; но это были исключенія изъ общаго правила. Несмотря на эти исключенія, судъ все же былъ главною, основною формою судопроизводства для спорныхъ дѣлъ, судимыхъ въ Судномъ приказѣ; розыскъ — для спорныхъ дѣлъ, вѣдаемыхъ въ Помѣстномъ приказѣ.

Это мнѣніе, очевидно, даетъ болѣе глубокое значеніе раздѣленію судопроизводства на исковое и вотчинное, нежели первое. Оно не останавливается на одномъ различіи доказательствъ, но проникаетъ въ смыслъ этого различія и возводитъ его къ истинному основанію дѣленія судопроизводства на виды. Несмотря на то, мы позволяемъ себѣ находить это мнѣніе не вполне согласнымъ со всѣми историческими данными нашего законодательства. По послѣдовательности и глубинѣ своей оно даетъ неправильное значеніе дальнѣйшему развитію русскаго

гражданскаго судопроизводства, и потому заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія.

1) Раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ приказомъ есть главное основаніе изложеннаго мнѣнія. Мы видѣли, что вопросъ, который здѣсь естественно возникаетъ: почему одни дѣла гражданскія вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ, а другія въ Судномъ — рѣшается тѣмъ, что въ законодательствѣ временъ Уложенія мы открываемъ смутную мысль о различіи исковъ личныхъ и вещныхъ. Отсюда требованіе отдѣлить ихъ другъ отъ друга, которое выразилось въ различіи формъ судопроизводства, принятыхъ въ Помѣстномъ и Судномъ приказахъ. Это рѣшеніе вопроса кажется намъ неправильнымъ:

а) Во времена Уложенія не было мысли о раздѣленіи гражданскихъ исковъ на вещные и личные. Главный, основной, исключительный характеръ всѣхъ гражданскихъ исковъ того времени есть характеръ личный, а не вещный. Только въ нѣкоторыхъ, и то весьма немногихъ случаяхъ, необходимость вчинанія иска вещнаго была такъ очевидна, такъ ощутительна, скажемъ даже — такъ неизбежна, что обычное право и законодательство какъ бы произвольно уступали ей — не болѣе. Это важное юридическое положеніе мы старались, по возможности, уяснить въ главѣ о гражданскихъ искахъ.

б) Поэтому не мысль о различіи вещныхъ и личныхъ исковъ, но какое-нибудь другое основаніе должно было руководить древнихъ законодателей при распредѣленіи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между приказомъ Помѣстнымъ и Суднымъ. Соображая историческія данныя того времени съ общимъ характеромъ законодательства, мы думаемъ, что этого основанія должно искать въ различіи предметовъ гражданскихъ правъ — различіи, которое при томъ опредѣлялось не гражданскою, а административною точкою зрѣнія.

Цѣль учрежденія Помѣстнаго приказа, по главному своему назначенію, была административная. Помѣстья давались всякихъ чиновъ служилымъ людямъ для государственной службы, преимущественно военной. Когда число такихъ помѣстій размножилось и они безпрестанно переходили отъ одного лица къ другому по мѣнѣ, поступкѣ, новому верстанью, раздѣлу, наслѣдству и т. д., опредѣленіе, кому принадлежитъ извѣстное помѣстье, должно было сдѣлаться затруднительнымъ, и слѣд. допускать подлоги, и неправильныя присвоенія помѣстій, а это могло имѣть весьма вредныя послѣдствія; ибо на системѣ испомѣщенія основывался въ то время наборъ войска. Отсюда необходимость — опредѣлить, кто владѣетъ помѣстьемъ и какими менно, которая и подала поводъ къ учрежденію Помѣстнаго приказа.

Записка помѣстій за извѣстными лицами въ Помѣстномъ приказѣ имѣла важныя послѣдствія для гражданскаго права. Справлять за кѣмъ-либо помѣстье можно было не иначе, какъ если способъ пріобрѣтенія имѣлъ справедливое основаніе. Поэтому и пріобрѣтеніе помѣстья должно было подчиняться непосредственному надзору Помѣстнаго приказа.

На томъ же основаніи какъ помѣстья, вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ вотчины и вотчинные и помѣстные крестьяне. Когда присоединились къ вѣдомству Помѣстнаго приказа вотчины — неизвѣстно. Вѣроятно основаніемъ служили сродство, издавна существовавшее между вотчиною и помѣстьемъ, частая покупка помѣстій въ вотчины, пожалованіе помѣстій въ вотчины, наконецъ переписи, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, были причиною, что помѣстные и вотчинные крестьяне вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ; ибо крестьяне были крѣпки землѣ, и по прежнимъ началамъ должны были находиться въ завѣдываніи того же приказа, въ которомъ вѣдались земли.

Итакъ главное, первое назначеніе Помѣстнаго приказа за-

ключалось въ утвержденіи и укрѣпленіи помѣстій, вотчинъ, помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянъ за помѣщиками и вотчинниками. А потому что онъ утверждалъ и укрѣплялъ права на помѣстья и вотчины, онъ и судилъ спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла. Основаніе весьма просто: въ искахъ о помѣстьяхъ и вотчинахъ истецъ долженъ доказывать, что помѣстье или вотчина принадлежать ему на основаніи законнаго приобрѣтенія; а приобрѣтеніе помѣстья или вотчины, какъ мы сказали, совершалось подъ непосредственнымъ надзоромъ Помѣстнаго приказа.

Напротивъ, главное назначеніе Суднаго приказа, какъ показывается и самое названіе его, было судебное, а не административное; поэтому нельзя ставить его въ параллель съ Помѣстнымъ, и между ними не могло быть ничего общаго.

Чтобъ доказать еще яснѣе, что Помѣстный приказъ, по главному своему назначенію, былъ мѣстомъ административнымъ, а не судебнымъ, укажемъ на Холопій приказъ. Для дѣлъ холопскихъ онъ было то же, что Помѣстный приказъ для дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ; въ немъ укрѣплялись и утверждались права господъ на холопей и судились спорныя холопскія дѣла.

Напрасно будемъ мы искать причины установленія Холопьяго приказа въ какой либо особенной формѣ судопроизводства, исключительно употреблявшейся въ спорныхъ дѣлахъ о холопяхъ; эти дѣла судились судомъ, какъ и всѣ прочія гражданскія дѣла до временъ Петра Великаго. Вѣдомство Холопьяго, какъ и Помѣстнаго приказа опредѣлялось не юридическимъ началомъ, а предметомъ; поэтому естественно, что въ немъ сосредоточились всѣ дѣла холопы: безспорныя и спорныя, административныя и судныя, по началу: кто управляетъ или завѣдываетъ, тотъ и судить. Итакъ, изъ раздѣленія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между Помѣстнымъ и Суднымъ при-

казомъ нельзя еще заключать о существованіи, въ періодъ Уложенія, двухъ различныхъ формъ гражданского судопроизводства.

II. По изложенному нами мнѣнію, спорныя дѣла о правахъ на недвижимыя, преимущественно о правѣ собственности, вѣдались въ Помѣстномъ приказѣ. А въ этомъ приказѣ никогда не давали суда. Поэтому эти дѣла судились не судомъ, а какою-нибудь другою формою судопроизводства.

И это положеніе кажется намъ несправедливымъ. Въ Помѣстномъ приказѣ вѣдались дѣла: а) о помѣстьяхъ; б) о вотчинахъ; в) о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ.

Спорныя дѣла о вотчинахъ судились судомъ. Это доказывается всѣми источниками русскаго права: Судебникомъ, юридическими актами изъ періода Уложенія, самымъ Уложеніемъ и наконецъ Новоуказными Статьями.

Въ Судебникѣ статья 84-я имѣетъ заглавіе: «о земляхъ судъ»; изъ самой статьи видно, что спорныя дѣла о земляхъ (помѣстьяхъ и вотчинахъ) судились судомъ¹⁾; статьи 85—90: «о вотчинахъ судъ». Что о правѣ на вотчину производился судъ — это ясно видно изъ статьи 85; прочія говорятъ о програвѣ, о нарушеніи межъ и границъ, о переходѣ крестьянъ, слѣд. ничего не доказываютъ въ отношеніи къ судопроизводству о правѣ вотчинномъ на недвижимыя.

Между юридическими актами, изданными Археографическою Комиссіею, помѣщено до двадцати семи правыхъ грамотъ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ²⁾. Большая часть изъ нихъ относится и къ дѣламъ о правѣ собственности на земли

¹⁾ Судебн. Татищева, ст. 84. — Изъ примѣчаній къ этой статьѣ видно, что Татищевъ разумѣетъ подъ выраженіемъ: *о земляхъ судъ*, судъ о владѣніи, а не о правѣ. Но это несправедливо. Самая статья не подаетъ никакого повода къ такому толкованію. См. гл. 2, примѣч. 4.

²⁾ См. Юридическіе Акты, № 1—26, 29.

и угодья; изъ всѣхъ этихъ грамотъ видно, что дѣла вотчинныя судились судомъ ¹⁾).

Въ Уложеніи мы находимъ много мѣстъ, изъ которыхъ ясно видно, что дѣла о правѣ собственности на вотчины судились судомъ. Здѣсь мы ограничимся приведеніемъ двухъ изъ нихъ: гл. X, ст. 244: «А будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины или двора, или лавки, или мѣльницы... а по суду и по сыску доведется его въ томъ обвинити...» Гл. XVIII, ст. 58: «А кому даны будутъ правые грамоты всякимъ людемъ о вотчинахъ и о всякихъ дѣлѣхъ... а написано будетъ въ грамотѣ все судное дѣло подлинно...» ²⁾

¹⁾ Онѣ обыкновенно начинаются такъ: *се судъ судилъ*. Позднѣйшія (1610 года, № 25, и 1642, № 26) принимаютъ другую форму: *передъ такимъ-то судьбою искалъ такой-то на такомъ-то*.

²⁾ См. также Улож. гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 34, 33. — Здѣсь естественно возникаетъ вопросъ: если спорныя дѣла о вотчинахъ вѣдались *судомъ*, то почему же о нихъ такъ мало говорится въ судной статьѣ (X главѣ Уложенія) — именно тамъ, гдѣ должно бы, по видимому, ожидать подробнаго изложенія этого предмета? — Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, замѣтимъ предварительно, что всѣ иски о правѣ собственности имѣютъ двѣ стороны; а) юридическую, о правѣ, и б) фактическую, о владѣніи. Вопросъ о правѣ на вотчину есть вопросъ о законномъ способѣ ея приобрѣтенія. А въ какихъ именно случаяхъ вотчина, по законодательству временъ Уложенія, почитается законнымъ образомъ приобрѣтенною — это подробно изложено въ статьѣ помѣстной и вотчинной (XVI и XVII гл. Уложенія); слѣд. нечего было упоминать о томъ въ статьѣ судной. — Весьма замѣчательно, что эти статьи, по главному, основному своему характеру, не суть процессуальныя, а догматическія; онѣ представляютъ собраніе догматическихъ, а не судебныхъ казусовъ. Въ нихъ излагается порядокъ наслѣдованія преимущественно какъ основаніе приобрѣтенія, а не какъ наслѣдственное право. Такой характеръ этихъ статей объясняется тѣмъ, что онѣ болѣею частію вѣроятно заимствованы изъ положеній, развившихся въ Помѣстномъ приказѣ — мѣстѣ, по главному своему назначенію, административномъ, а не судебномъ. — Искъ о правѣ на недвижимое никогда не вчинялся, въ періодъ Уложенія, отдѣльно отъ иска о владѣніи, или правильнѣе о завладѣніи. Это очевидно доказываютъ правыя грамоты, помѣщенные въ собраніи Юридическихъ Актовъ, и многія статьи Уложенія (напр. гл. X, ст. 241, 242, 243, 233). Поэтому весьма справедливо замѣчаетъ проф. Морозкинъ, что

Наконецъ въ Новоуказныхъ Статяхъ дѣла помѣстныхъ, вотчинныя и земляныя прямо называются судными¹⁾.

Спорныя дѣла о помѣстныхъ и вотчинныхъ крестьянахъ судились судомъ. Это несомѣнно доказывается всею XI-ю главою Уложения, которая даже носитъ заглавіе: «судъ о крестьянѣхъ» (см. ниже примѣч.).

Наконецъ спорныя дѣла о помѣстьяхъ также судились обвинительною, а не инквизиціонною формою процесса. Эта форма называлась очными ставками и въ основаніи своемъ была то же, что судъ, отличаясь отъ него только нѣкоторыми частностями (см. ниже).

Итакъ слѣдственная форма судопроизводства не употреблялась въ спорныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ.

III. Далѣе сказано: дѣла о правѣ собственности на недвижимыя были исключительно крѣпостныя. Это положеніе кажется намъ также несправедливымъ; ибо мы знаемъ, что какъ теперь, такъ и въ періодъ Уложения, законодательство признавало односторонніе способы пріобрѣтенія права, въ особенности давность. Итакъ, когда кто-либо вчинялъ искъ о вотчинѣ, которою владѣлъ по старинѣ, безъ крѣпостей, этотъ искъ, очевидно, не могъ быть крѣпостнымъ. Изъ Уложения видно, что иски о вотчинахъ и въ другихъ еще случаяхъ могли быть некрѣпостными²⁾.

по Уложенію «безспорное судопроизводство сливалось съ тяжбымъ, а владѣніе смѣшивалось съ собственностію» (Разсужденіе о владѣніи по началамъ Россійскаго Законодательства. М. 1837 стр. 100); въ то время искъ о владѣніи былъ вмѣстѣ и искомъ о собственности. Вотъ почему въ Уложеніи и во всѣхъ современныхъ ему источникахъ безпрестанно говорится, что иски о владѣніи разбираются судомъ; а что право собственности на недвижимыя рѣшается тою же формою судопроизводства — объ этомъ мы такъ рѣдко находимъ прямые свидѣтельства.

¹⁾ 1683 года, 22 іюня (№ 1029); именный съ боярскимъ приговоромъ. — 1686 года, марта (№ 1173); именный съ боярскимъ приговоромъ.

²⁾ Улож. гл. XVI, ст. 41, 51. — гл. XVII, ст. 18.

IV. Но если даже и допустить, что все спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла были крѣпостныя, то изъ этого еще нельзя заключать, что эти дѣла, потому именно что, они крѣпостныя, судились розыскомъ, а не судомъ; ибо въ десятой главѣ Уложения мы находимъ множество мѣстъ, изъ которыхъ ясно и несомнѣнно видно, что дѣла крѣпостныя могли быть дѣлами судными¹⁾. Слѣдовательно, если спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла и въ самомъ дѣлѣ судились розыскомъ, то причина не въ томъ, что они крѣпостныя²⁾.

Въ періодъ Уложения русское гражданское судопроизводство имѣло двѣ формы: судъ и очныя ставки. Очными ставками преимущественно судились спорныя дѣла о правахъ на помѣстья и вотчины; судомъ — все прочія спорныя гражданскія дѣла.

1. Судъ (въ томъ техническомъ, определенномъ смыслѣ этого слова, въ которомъ оно употребляется въ памятникахъ нашего законодательства до Петра Великаго) есть основная, общая, и по своему происхожденію древнѣйшая форма русскаго гражданского судопроизводства.

По внѣшней сторонѣ, судъ есть юридическій споръ двухъ тяжущихся въ присутствіи судей³⁾. Поэтому нѣтъ суда, когда

¹⁾ Улож. гл. IV, ст. 4; — гл. X, ст. 22, 108, 109, 189, 192, 245, 247, 353, 256, 259, 261; — гл. XXIV, ст. 1.

²⁾ Выраженіе *дѣло* весьма часто подаетъ поводъ къ самымъ ошибочнымъ толкованіямъ. Оно иногда означаетъ искъ, развивающійся въ процессъ; иногда вообще всякаго рода дѣлопроизводство. Поэтому, при чтеніи источниковъ, не должно придавать этому слову по произволу то или другое значеніе, а должно выводить его изъ общаго смысла мѣста, въ которомъ оно употребляется. Мы увидимъ въ послѣдствіи какіе важныя заблужденія подадо поводъ произвольное толкованіе выраженія. *сыскное, розыскное дѣло*.

Отсюда слѣдующія выраженія: *судъ судити*. Оно съ перваго взгляда кажется плеоназмомъ; но въ самомъ дѣлѣ судьи судили судъ, т. е. этотъ юри-

нѣтъ юридическаго спора передъ судьями¹⁾; судъ начинается, когда начинается споръ (Улож. гл. X, ст. 116 и др.); судъ прекращается, когда прекращается этотъ споръ (Улож. гл. X, ст. 123 и др.). Итакъ въ Уложеніи судъ является юридическимъ, определеннымъ моментомъ всего гражданскаго судопроизводства. Но эту определенность получилъ онъ уже въ позднѣйшія времена. Всматриваясь въ него глубже, мы открываемъ въ немъ самую естественную, простую, общую всѣмъ народамъ и древнѣйшую обычную форму судопроизводства. Поэтому-то нигдѣ и нѣтъ логическаго ея опредѣленія; корень этой формы — изстаринный обычай, который жилъ въ народномъ сознаніи; вотъ почему о судѣ упоминается въ древнѣйшихъ источникахъ русскаго права²⁾; законодательство только опредѣлило и юридически установило его внѣшнюю, формальную сторону.

По внутренней, юридической сторонѣ судъ есть форма чисто-обвинительнаго, гражданскаго процесса.

1) Судъ никогда не открывался по произвольному назначенію или предписанію судьи, но всегда по просьбѣ истца; безъ этой просьбы судъ не могъ имѣть мѣста. Отсюда выраженіе дати судъ.

дическій споръ тяжущихся. Далѣе: *судомъ судить, передъ судьей искать или отвѣчать, обвинить или оправдать не по суду, вершити дѣло по суду* и проч. — Улож. гл. X, ст. 105: «А кого судьи велѣтъ поставить къ суду и истцу и отвѣтчику ставъ передъ судьями искать и отвѣчати вѣжливо и смиренно и не шумно, и передъ судьями никакихъ невольныхъ словъ не говорити и межъ себя не бранитися».

1) Улож. гл. X, ст. 22. — Теперь подъ именемъ суда мы разумѣемъ обыкновенно присутственное мѣсто, гдѣ разбираются и рѣшаются спорныя дѣла. Но въ древнихъ источникахъ слово *судъ* никогда и нигдѣ не употребляется въ этомъ смыслѣ («а будетъ кто ни буди *пришедъ въ который приказъ къ суду*». Улож. гл. X, ст. 106). — Ср. Улож. гл. X, ст. 109.

2) Такъ въ Русской Правдѣ, договорной грамотѣ сколенскаго князя Мстислава Давидовича съ Рюгою, 1228 года, и т. д.

2) Доказывать и опровергать искъ было дѣломъ тяжущихся. Поэтому они изыскивали и приводили доказательства въ свою пользу. Если какія-нибудь доказательства были ими пропущены умышленно, или неумышленно, судья не напоминалъ имъ объ этомъ, и рѣшалъ спорное дѣло на основаніи однихъ тѣхъ доказательствъ, которыя были ими представлены.

3) Дѣятельность судьи въ отношеніи къ тяжущимся и спорному дѣлу ограничивалась: а) администраціею суда. Онъ назначалъ время, въ которое долженъ былъ начаться судъ. Въ продолженіе самаго суда назначалъ, кому должно говорить. Изъ правыхъ грамотъ мы видимъ, что когда одинъ тяжущійся оканчивалъ изложеніе иска, или доводовъ, судья обращался къ другому и говорилъ ему: отвѣчай. Итакъ, внѣшняя, формальная сторона суда, установленіе его и опредѣленіе правильнаго его хода было дѣломъ судьи, а не тяжущихся. б) Опредѣленіемъ силы и дѣйствительности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Эта дѣятельность судьи была юридическая. Онъ взвѣшивалъ доказательства и оцѣнялъ ихъ по ихъ внутреннему и относительному достоинству. Такимъ образомъ, если тяжущіеся представляли крѣпости, или какіе-нибудь письменные документы, судья разсматривалъ ихъ въ судѣ. Въ періодъ Уложенія образовались многія правила, опредѣляющія взаимныя отношенія доказательствъ (на прим. послѣ ссылки на обыскъ, нельзя было ссылаться на свидѣтелей и т. д.). На основаніи этихъ правилъ, доказательство, само по себѣ признаваемое закономъ и обычаемъ, не имѣло силы послѣ другаго какого-нибудь доказательства. И это относительное достоинство доказательствъ опредѣлялъ судья. Поэтому судья, на основаніи дѣйствующаго права, иногда не принималъ приводимаго доказательства, или, что все равно, объявлялъ его недействительнымъ, но никогда не приводилъ вмѣсто его другаго, ни въ пользу истца, ни въ пользу отвѣтника.

Вотъ въ чемъ заключалась внутренняя, юридическая сторона суда въ періодъ Уложенія. Этотъ чисто-обвинительный, чисто-гражданскій характеръ древняго суда объясняется:

1) Исторію происхожденія судей, вѣдавшихъ судъ во времена Уложенія. Гражданскіе судьи временъ Уложенія были, по своему происхожденію, судьи княжескіе. Говоря о судоустройствѣ, мы сказали, что правители областей и городовъ издревле назначались княземъ, и завѣдывали первоначально частью военною, финансовою и полицейскою. Поэтому и судомъ завѣдывали они только въ отношеніи финансовомъ и административномъ: взыскивали пошлины и давали судъ. Это первоначальное, древнѣйшее значеніе княжескихъ правителей было, безъ сомнѣнія, одною изъ важнѣйшихъ причинъ развитія чисто-обвинительной формы гражданского судопроизводства въ законодательствѣ ¹⁾.

2) Самымъ существомъ гражданскихъ правъ, составляющихъ исключительную, полную, неотъемлемую принадлежность частныхъ лицъ, и потому вносящихъ въ гражданское судопроизводство по преимуществу элементъ обвинительный, гражданскій.

Мы сказали, что судомъ судились въ періодъ Уложенія всѣ дѣла гражданскія. Но какія дѣла почитались гражданскими — это трудно рѣшить. Трудность заключается въ слѣдующемъ:

1) Мѣрило, по которому одни нарушенія права должно относить къ уголовнымъ преступленіямъ, а другія къ гражданскимъ, имѣетъ въ большей части случаевъ историческое основаніе. Отсюда невозможность подвести его подъ извѣстныя, опредѣленные юридическія начала. Въ этомъ мѣрилѣ отражается вся предыдущая жизнь народа, со всѣми ея направленіями, оттѣнками и случайностями.

---

¹⁾ Рѣчь объ Уложеніи, проф. Морошкина, стр. 57.

2) Это мнѣніе вполнѣ вѣрно въ отношеніи къ русскому законодательству временъ Уложенія. Въ немъ были смѣшаны начала, внесенныя греческимъ правомъ, начала, развившіяся вслѣдствіе утвержденія и возрастанія государства и государственной власти, и начала древнѣйшія, обычныя, изъ коихъ нѣкоторыя уже утратили прежній смыслъ и значеніе. Всѣ они существовали одно возлѣ другаго, не соглашенныя между собою, и не приведенныя въ одно органическое, живое цѣлое.

3) Итакъ, для рѣшенія вопроса, какія дѣла судились въ періодъ Уложенія судомъ гражданскимъ, остается только одно средство: ограничиться исчисленіемъ дѣлъ, не восходя къ юридическимъ началамъ, по которымъ они отнесены къ дѣламъ гражданскимъ. Но и на этомъ пути представляются важныя препятствія: а) Въ Уложеніи и Законахъ этого періода изрѣдка, и большею частію мимоходомъ, говорится о формѣ судопроизводства, которою судились извѣстныя спорныя дѣла ¹⁾. б) Лучшимъ и почти единственнымъ источникомъ остаются слѣдовательно рѣшенія дѣла. Этотъ богатый источникъ правовѣднія еще до сихъ поръ мало доступенъ для частныхъ лицъ.

---

¹⁾ Именно потому, что въ Уложеніи мало обращено вниманія на то, какія дѣла должно почитать уголовными и какія гражданскими, — выраженія, которыми опредѣляется форма судопроизводства въ извѣстномъ, данномъ случаѣ, очень неопредѣленны и сбивчивы; напр. Улож. гл. XX, ст. 21: «А кто возметъ на полного, или на докладнаго или на стариннаго холопа кабалу не опятъ, безъ отпускныя, и того холопа *по сыску* отдать тому, чья крѣпость старѣе». Здѣсь сказано *по сыску*. А изъ множества другихъ мѣстъ извѣстно, что дѣла о холопахъ судились *судомъ*. Подъ сыскомъ должно поэтому разумѣть не форму судопроизводства, а удостовѣреніе въ фактѣ на основаніи доказательствъ. Выраженіе не точно. Подобныхъ примѣровъ много въ Уложеніи. См. гл. VII, ст. 32; — гл. X, ст. 27, 235 и т. д. — Нерѣдко употребляется совершенно неопредѣленное выраженіе: *а сыщется про то допрама*. Какою формою судопроизводства сыскивали въ этихъ случаяхъ, остается неизвѣстнымъ, если нѣтъ другихъ мѣстъ, поясняющихъ это выраженіе. См. Улож. гл. X, ст. 5; — гл. III, ст. 1, 9; — гл. VI, ст. 2; — гл. VII, ст. 22; — гл. X, ст. 148 и т. д.

По всемъ изложеннымъ причинамъ мы ограничимся простымъ исчисленіемъ тѣхъ дѣлъ, которыя, по свидѣтельству Уложенія и послѣдующихъ законовъ, судились судомъ и слѣд. относились къ числу дѣлъ гражданскихъ. Но предварительно считаемъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія объ отношеніи, существовавшемъ въ настоящій періодъ между извѣстною формою судопроизводства, и дѣлами, которыя судились по этой формѣ.

По Уложенію, какъ мы видѣли, гражданскіе иски нерѣдко сливались съ уголовными въ одинъ искъ, и судились вмѣстѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣла уголовныя судились судомъ гражданскимъ¹⁾, а гражданскія дѣла уголовнымъ²⁾.

1) Основаніе этой аномаліи заключалось въ томъ, что форма судопроизводства опредѣлялась главнымъ, основнымъ искомъ. Такъ искъ о татбѣ или разбоѣ былъ всегда главнымъ, а искъ о вещахъ, взятыхъ татбою или разбоемъ, второстепеннымъ. Если главный искъ былъ уголовный; то дѣла судились уголовнымъ процессомъ; если гражданскій, то гражданскимъ.

2) Основанія, по которымъ изъ двухъ исковъ, соединенныхъ въ одинъ, одинъ искъ почитался главнымъ, другой второстепеннымъ, были различны. Для дѣлъ гражданскихъ, соединенныхъ съ уголовными исками и рѣшаемыхъ судомъ уголовнымъ, такимъ основаніемъ естественно служила большая важность уголовныхъ дѣлъ, въ сравненіи съ гражданскими. Но когда уголовное дѣло, въ соединеніи съ гражданскимъ, судилось гражданскимъ процессомъ, то основаніемъ могло быть :

---

¹⁾ Напр. Улож. гл. VII, ст. 30: «А будетъ кто ратные люди... станутъ грабити и учинятъ смертное убійство, или женскому полу насильство... и по суду и по сыску про то ихъ воровство сыщется допрама...» Также гл. X, ст. 133 и др.

²⁾ Такъ напр. всѣ иски о покраденныхъ, или разбоемъ взятыхъ вещахъ, по поличному (см. Улож. гл. XXI) и т. д.

а) Намѣреніе преступника. Улож. гл. XXII, ст. 17: «А будетъ кто... наскочетъ на лошади на чью жену, и лошадыю ея стопчетъ и повалить, и тѣмъ ея обезчестить, или ея тѣмъ боемъ изувѣчать, и беременная будетъ жена отъ того его бою дитя родить мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то до прями... А будетъ отъ того его бою та жена и сама умереть...»

Бой и увѣче судились по Уложенію судомъ. А какъ убійство, по самому свойству преступленія, не составляло главной цѣли преступника, и было, такъ сказать, случайнымъ послѣдствіемъ боя, то все это дѣло разсматривалось какъ дѣло гражданское, и судилось поэтому гражданскимъ судомъ (см. 1-ое прим. на 118 стр.).

б) Невозможность вчинять уголовный процессъ. Улож. гл. X, ст. 133: «А будетъ кто помѣстной и вотчинной и прожиточной человекъ всякого чину учнетъ похвалиться на кого смертнымъ убивствомъ, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ Государю бити челомъ, чтобы Государь велѣлъ ему на того, кто на него похвалится, дати опасную грамоту съ большею заповѣдью... и тому дати такая опасная грамота. Да будетъ за такую грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того, кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, и того убитого женѣ и дѣтемъ и роду и племени его на того убойца дати судъ, а съ суда сыскати»¹⁾. По Уложенію убій-

¹⁾ Слова: «да будетъ за такую грамотою и за заповѣдью тотъ, на кого та грамота будетъ дана, того, кто на него билъ челомъ, самъ убьетъ, или по его наученью кто иной его убьетъ, того убитого женѣ и проч. на того убойца дати судъ» — не точны; ибо еслибы было извѣстно, что онъ убилъ челоубитчика, то не для чего было давать судъ; дажѣ: еслибы убійца и билъ извѣстенъ, то *de facto*, а не *de jure*. Слѣд. юридически эта извѣстность до суда не существуетъ. Это доказывается послѣдующими словами той же статьи: «Да будетъ сыщется про то до прями, что того, кому дана опасная грамота, убилъ».

ство судилось розыскомъ. Но розыскъ объ убійствѣ могъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда убійца или былъ извѣстенъ (захваченъ во время преступленія), или по закону предполагался убійцею (по поличному, язычной молкѣ или лихованнымъ обыскамъ). Кромѣ этихъ случаевъ нельзя было судить кого-либо въ убійствѣ судомъ уголовнымъ. Поэтому, въ приведенномъ нами случаѣ, наслѣдникамъ убитаго оставалось одно средство: уличить подозрѣваемаго ими убійцу судомъ гражданскимъ. Замѣтимъ, что такой искъ, по основанію своему, имѣетъ чисто-гражданскій характеръ; истцы ищутъ изъ отвѣтчикъ заповѣди по опасной грамотѣ, слѣд. по обязательству съ неустойкою, и выигрываютъ процессъ, если докажутъ, что договоръ нарушенъ. Итакъ въ этомъ искѣ убійство является какъ обстоятельство, нарушающее договоръ, которое обязаны истцы доказать, чтобъ требовать уплаты «заповѣди»¹⁾.

3) Наконецъ, кромѣ тѣббы и разбоя, которые сначала судились гражданскимъ судомъ, «если истцы бьютъ челомъ именно безъ поличнаго и безъ язычной молки и не по лихованнымъ обыскамъ», и уже потомъ уголовнымъ «будетъ въ Судномъ приказѣ сыщется, что тѣ дѣла разбойныя дошли до пытокъ» — всѣ спорныя дѣла судились однимъ судомъ, а не двумя. Поэтому, если два дѣла, уголовное и гражданское, сливались въ

тотъ самъ, на кого дана опасная грамота, или по его наученью кто иной то смертное убивство учинить....»

¹⁾ Замѣчательно, что по убійствамъ, о которыхъ упоминается въ Уложеніи гл. VII, ст. 30, гл. X, ст. 133, и гл. XXII, ст. 17, убійцы, кажется, не отсылались въ Разбойный приказъ для пытокъ. Съ перваго взгляда это противорѣчитъ гл. XXI, ст. 49 Уложенія; но на самомъ дѣлѣ противорѣчія нѣтъ. Убійцы, о которыхъ говорится въ этихъ статьяхъ, не подходятъ подъ категорію убійцъ, упоминаемыхъ въ XXI главѣ Уложенія. Во 1-хъ, умышленъ ихъ обнаруживался уже судомъ; во 2-хъ, они не принадлежали къ числу татей или разбойниковъ. Однако нѣтъ сомнѣнія, что еслибы эти убійцы были схвачены на самомъ преступленіи и представлены въ Губную избу, то они судились бы судомъ уголовнымъ. (Улож. гл. XXI, ст. 69, 71, 73.)

одно, то оба судились или однимъ уголовнымъ, или однимъ гражданскимъ судомъ.

Судомъ разбирались и рѣшались дѣла:

а) О правахъ вещныхъ. О правѣ собственности на землю или вотчину¹⁾, строеніе²⁾, на крестьянъ и бобылей³⁾, на холопей⁴⁾, домашнихъ животныхъ: лошадей, коровъ, птицъ и всѣ движимыя, даже покраденныя и разбоемъ взятыя, когда законъ, по какой бы то ни было причинѣ, запрещалъ вчинять о нихъ уголовный процессъ⁵⁾; о правахъ на чужую вещь; о вещныхъ гражданскихъ повинностяхъ (*servitutes reales*)⁶⁾; закладѣ⁷⁾.

б) О правахъ по обязательствамъ. 1) По обязательствамъ вслѣдствіе договора: о займѣ⁸⁾, ссудѣ⁹⁾, поклажѣ¹⁰⁾, наймѣ¹¹⁾ и вообще всякаго рода обязательствамъ, возникшимъ изъ договора¹²⁾. 2) По обязательствамъ вслѣдствіе преступле-

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 211, 212, 213, 236, 244; — гл. XVII, ст. 13, 27, 30, 31, 33; — гл. XVIII, ст. 58.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 244.

³⁾ Улож. гл. XI, ст. 2, 3, 5, 8, 10, 12, 17, 21, 25, 27, 28, 29, 34; — гл. XIX, ст. 38; — гл. XX, ст. 6.

⁴⁾ Улож. гл. XVIII, ст. 58; — гл. XIX, ст. 38; — гл. XX, ст. 4, 20, 25, 28, 29, 47, 54, 55, 57, 59, 60, 67, 75, 79, 81, 87, 88, 90, 91, 94, 96, 101, 103, 109, 111, 119.

⁵⁾ Улож. гл. XI, ст. 14, 25, 29; — гл. XX, ст. 17, 38, 55, 57, 67, 91, 93, 96; — гл. X, ст. 285; — гл. XXI, ст. 49, 51, 52, 59, 88, 91; — гл. XXIV, ст. 3 (1). — См. и другія статьи, особливо въ главѣ X.

⁶⁾ Улож. гл. X, ст. 238, 279.

⁷⁾ Улож. гл. X, ст. 194, 197; — гл. XVII, ст. 32, 33.

⁸⁾ Улож. гл. X, ст. 189, 245, 246, 247, 253, 256—261; — гл. XIX, ст. 18.

⁹⁾ Улож. гл. X, ст. 189; — гл. XI, ст. 23; — гл. XVIII, ст. 39; — гл. XIX, ст. 18.

¹⁰⁾ Улож. гл. X, ст. 189, 190, 192, 194; гл. XVIII, ст. 39.

¹¹⁾ Улож. гл. X, ст. 274.

¹²⁾ Улож. гл. X, ст. 133, 135, 141, 193, 245, 276; — гл. XI, ст. 23.

нія: о брани¹⁾, безчестїи²⁾, боѣ, увѣчїи и ранахъ³⁾, грабежѣ⁴⁾, поджогѣ⁵⁾, насильствѣ⁶⁾, разореньи⁷⁾, вообще о всякаго рода обидахъ⁸⁾ и убыткахъ⁹⁾).

II. Очныя ставки¹⁰⁾. Очныя ставки, какъ форма гражданского судопроизводства, имѣютъ двойственный характеръ. По существу своему онѣ суть не что иное, какъ обвинительная форма судопроизводства, и въ этомъ смыслѣ не различаются отъ суда. Напротивъ, по нѣкоторымъ внѣшнимъ признакамъ, онѣ должны быть причислены къ формамъ уголовного, инквизиціоннаго процесса. Эти признаки суть слѣдующіе:

а) Очными ставками называется форма уголовного процес-

¹⁾ Улож. гл. IX, ст. 3.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 29, 30, 34, 85, 90, 94, 99, 133, 136, 142, 280, 284; — гл. XXII, ст. 11, 17; — гл. XXIII, ст. 3.

³⁾ Улож. гл. IX, ст. 3. — гл. X, ст. 134, 136, 142, 186, 207, 284; — гл. XVIII, ст. 39; — гл. XXII, ст. 11, 17.

⁴⁾ Улож. гл. VII, ст. 30; — гл. IX, ст. 3; — гл. X, ст. 136, 179, 186, 270; — гл. XVIII, ст. 39; — гл. XX, ст. 4, 65.

⁵⁾ Улож. гл. X, ст. 223; — гл. XX, ст. 4.

⁶⁾ Улож. гл. VII, ст. 6, 30; гл. X, ст. 207, 208, 240—246, 248, 220, 221, 222, 231, 238, 242, 279. — Насильственное завладѣніе чужой земли и угодовѣзъ, убытки, бой, грабежъ и смертныя убійства, совершаемыя при этомъ завладѣніи, по писцовому наказу 1684 года «9» апрѣля (№ 1074), п. 67, велѣно судить розыскомъ и очными ставками.

⁷⁾ Улож. гл. XX, ст. 4.

⁸⁾ Улож. гл. VII, ст. 6; — гл. X, ст. 184, 207, 229.

⁹⁾ Улож. гл. VII, ст. 6, 7; — гл. IX, ст. 12, 13; — гл. X, ст. 118, 133, 140, 142, 155, 207, 208, 209, 210, 214, 217, 221, 223, 238, 240, 242, 281, 284, 291.

¹⁰⁾ Источники для ученія объ очныхъ ставкахъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ чрезвычайно скудны. Къ сожалѣнію, мы не могли пользоваться правыми грамотами и судными списками по спорнымъ помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ изъ временъ Уложенія, и потому должны были ограничиться немногими статьями Уложенія, въ которыхъ упоминается объ очныхъ ставкахъ, немногими извѣстіями въ Новоуказныхъ статьяхъ, и наконецъ одною рукописною судною грамотою 1676 года, мая 31-го, данною думному дворянину Абраму Никитичу Лопухину на помѣстье въ Курмышскомъ уѣздѣ.

са, которая вмѣстѣ съ разспросомъ и пыткой образуетъ то, что въ періодъ Уложенія носитъ техническое названіе розыска. Въ источникахъ судъ никогда не называется очными ставками и очныя ставки судомъ; оба эти названія вездѣ различаются¹⁾.

б) По спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, которыя судились очными ставками, присяга не допускалась, а въ дѣлахъ, судимыхъ судомъ, присяга была обыкновеннымъ и весьма употребительнымъ доказательствомъ.

в) Послѣ очныхъ ставокъ истцы и отвѣтчики могли подавать въ свое оправданіе дополнителныя челобитныя, и онѣ принимались въ соображеніе при рѣшеніи спорнаго дѣла. Но послѣ суда такихъ дополнительныхъ челобитенъ принимать не велѣно (Улож. гл. X, ст. 21).

д) Наконецъ по дѣламъ, рѣшаемымъ очными ставками, съ виновнаго не взиmались судныя пошлины²⁾.

Всѣ эти признаки, по которымъ судъ отличался отъ очныхъ ставокъ, и самое названіе послѣднихъ доказываютъ, что онѣ не составляютъ отдѣльной формы судопроизводства отъ очныхъ ставокъ, которыя употреблялись въ уголовномъ процессѣ; ибо въ XXI главѣ Уложенія не упоминается при очныхъ ставкахъ о присягѣ, пошлинахъ съ подсудимыхъ и ограниченіяхъ обвиняемаго въ подачѣ дополнительныхъ челобитенъ. Поэтому весьма вѣроятно, что очныя ставки — форма уголовного судопроизводства — перенесены на нѣкоторые спорныя гражданскія дѣла, соотвѣтственно съ характеромъ этихъ дѣлъ, и сами мало-по-малу обратились въ форму гражданского судопроизводства.

---

¹⁾ Улож. гл. XX, ст. 25; — 1683 года, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ; — 1683 года, 3 мая (№ 1010); именный. — 1683 года, 22 іюня (№ 1029); именный съ боярскимъ приговоромъ.

²⁾ 1683 года, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ. — 1683 года, 3 мая (№ 1010); именный.

Возможность такого измѣненія заключается въ самомъ существѣ ихъ. Вѣроятно въ нихъ прежде соединялись оба элемента судопроизводства: обвинительный и слѣдственный. Между тяжущимися происходилъ на очныхъ ставкахъ споръ въ присутствіи судьи. Къ этому обвинительному началу присоединялось и слѣдственное: судья разспрашивалъ тяжущихся. Поэтому во многихъ мѣстахъ Уложенія, гдѣ говорится объ очныхъ ставкахъ, упоминается о разспросѣ ¹⁾.

Двойственный характеръ очныхъ ставокъ объясняетъ причину, почему эта форма судопроизводства стала употребляться въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ (помѣстныхъ и вотчинныхъ), тогда какъ для нихъ издревле существовалъ судъ. Вѣроятно (хотя мы и не имѣемъ на то положительныхъ, историческихъ указаній) изъ спорныхъ гражданскихъ дѣлъ помѣстные начали сперва судиться очными ставками. Помѣстья были земли государевы; поэтому споры о помѣстьяхъ имѣли болѣе государственный, нежели частный, гражданскій характеръ. По Уложенію, дѣла о помѣстьяхъ судились очными ставками, дѣла о вотчинахъ судомъ ²⁾. Но потомъ, когда помѣстья начали мало-по-малу принимать болѣе частный, гражданскій, вотчинный характеръ, очныя ставки стали употребляться и въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ. Вслѣдствіе этого, отношеніе между судомъ и очными ставками сдѣлалось неопредѣленнымъ. Возникъ вопросъ: въ какихъ случаяхъ судить спорныя вотчинныя и помѣстные дѣла судомъ, и въ какихъ очными ставками? Изъ Новоуказныхъ статей, въ которыхъ рѣшенъ этотъ вопросъ, видно, что очныя ставки мало-по-малу замѣнили судъ въ спорныхъ дѣлахъ о вотчинахъ ³⁾. Въ 1683 году, 3 мая,

¹⁾ Техническое выраженіе: *ставити съ очей на очи и розспрашивати*. См. Улож. гл. X, ст. 7; — гл. XX, ст. 14; — гл. XXV, ст. 15 и др.

²⁾ Улож. гл. XVI, ст. 54, 59.

³⁾ Въ періодъ времени отъ Уложенія до единодержавія Петра Великаго раз-

именнымъ указомъ, запрещено въ Помѣстномъ приказѣ судить дѣла очными ставками, а вмѣсто ихъ велѣно давать судъ, «для того чтобъ пошлинныя деньги не пропадали, а истцомъ не по-ваднобъ было затѣвать и неправдою исковъ своихъ лишку приписывать». Но въ томъ же году, 13 іюня, спорныя помѣстныя и вотчинныя дѣла опять велѣно судить по прежнему очными ставками. Это положеніе удержалось до 1697 года.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о розыскѣ и его отношеніи къ спорнымъ гражданскимъ дѣламъ. Слово розыскъ имѣетъ много различныхъ значеній, и поэтому есть одинъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ терминовъ. Оно дѣлается употребительнымъ, кажется, въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича. Въ Уложеніи оно встрѣчается только одинъ разъ, въ главѣ XVI, ст. 23, по вмѣсто его вездѣ употребляются въ Уложеніи слова сыскъ, сыскати, сыщется.

Оно означаетъ :

1) Удостовереніе въ подлинности какого-либо факта, на основаніи судебныхъ доказательствъ. Отсюда выраженія : «сыскать кѣмъ-либо» или «чѣмъ-либс» (Улож. гл. II, ст. 12; — гл. XX, ст. 24); «сыщется до прямиа» (Улож. гл. XX, ст. 23); «по сыску» (Улож. гл. XX, ст. 15, 21); «сыскивати всякими сыски накрѣпко» (гл. II, ст. 16), и т. д.

2) Уголовное судопроизводство.

«Кому съ кѣмъ по чѣму челобитью въ Помѣстномъ приказѣ доведется въ чемъ давать очныя ставки, и тѣмъ людямъ, вмѣсто очныхъ ставокъ межъ себя во всякихъ дѣлахъ, или съ

вышло слѣдующее правило, опредѣлявшее отношеніе между судомъ и очными ставками въ спорныхъ помѣстныхъ и вотчинныхъ дѣлахъ: право на помѣстье или вотчину должно разбираться и рѣшаться очными ставками, а связанныя съ этимъ денежныя требованія и обязательства (напр. зарядъ) — судомъ. 1677 года, 10 августа (№ 700); Новоуказныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ, п. 31. — 1683 года, іюня (№ 1022); именныя съ боярскимъ приговоромъ.

кѣмъ, кромѣ татинныхъ и разбойныхъ и иныхъ дѣлъ, подобныхъ имъ, которыя надлежатъ къ розыску, давать судъ».

1683 года, 3 мая (№ 1010); именный.

3) Нѣкоторыя мѣста въ Новоуказныхъ статьяхъ подаютъ поводъ думать, что розыскъ былъ формою судопроизводства, которою судились дѣла гражданскія.

«Для челобитья всякихъ чиновъ людей про о (сдаточныя) записи розыскивать въ Помѣстномъ приказѣ безъ суда».

1677 года, 10 августа (№ 700); Новоуказныя статьи о вотчинныхъ дѣлахъ, п. 31.

«На которыя купчія и закладныя учинится споръ и челобитье... и про тѣ купчія и закладныя розыскивать, и буде доведется, давать и очныя ставки».

1684 года, 7 февраля (№ 1060); именный съ боярскимъ приговоромъ. Ср. также 1684 года « » апрѣля (№ 1074), п. 1; Писцовый наказъ — 1682 года, 11 августа (№ 951); именный съ боярскимъ приговоромъ.

На основаніи этихъ мѣстъ вѣроятно и образовалось мнѣніе, будто бы крѣпостныя дѣла судились слѣдственнымъ порядкомъ. Очевидно, ошибка заключается въ неправильномъ толкованіи слова розыскъ; ибо изъ приведенныхъ мѣстъ видно только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ гражданскія дѣла судились и рѣшались безъ суда; тяжущіеся не являлись на лицо передъ судьей, а подавали просьбы и представляли въ доказательство иска крѣпости. Въ періодъ Уложенія крѣпости на недвижимыя только тогда почитались дѣйствительными, когда онѣ были внесены въ приказахъ въ записныя книги, слѣд. утверждены присутственнымъ мѣстомъ (Улож. гл. XVI, ст. 12; — гл. XVII, ст. 34, 36, 39. — 1670 года, 21 іюня (№ 475); именный съ боярскимъ приговоромъ). Такимъ образомъ, когда тяжущіеся о вотчинѣ или дворѣ представляли судьямъ крѣпо-

сти, на которыхъ основывали свой искъ, судьи розыскивали, т. е. справлялись въ записныхъ книгахъ, внесены ли въ нихъ представленныя крѣпости, и поэтому принимали ихъ за доказательства, или объявляли недействительными. Итакъ, въ введенныхъ мѣстахъ подъ словомъ розыскъ не только нельзя разумѣть слѣдственнаго судопроизводства, но онъ не означаетъ даже никакой формы судопроизводства.

Нельзя опредѣлить времени, когда дѣла гражданскія начали впервые рѣшаться безъ суда. Вѣроятно, что такой порядокъ введенъ первоначально въ отношеніи къ спорнымъ дѣламъ о помѣстьяхъ. Это доказывается тѣмъ, что по крѣпостямъ розыскивали безъ суда только въ Помѣстномъ приказѣ дѣла помѣстныхъ и вотчинныхъ. Всѣ прочіе крѣпостные иски о займахъ, покладахъ, холопахъ и др., по прежнему судились судомъ.

Розыскъ безъ суда и очныя ставки по спорнымъ и вотчиннымъ дѣламъ имѣли между собою извѣстное, по видимому правильное отношеніе. Кажется, въ большей части случаевъ розыскъ предшествовалъ очнымъ ставкамъ. Это доказываетъ выраженіе: «розыскивать, а буде доведется, давать и очныя ставки». Слѣд. къ нимъ прибѣгали, когда розыскомъ нельзя было рѣшить спора. Г-нъ Ивановъ говоритъ въ своемъ сочиненіи (Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ, М. 1836 стр. 72), что «при производствѣ спорныхъ помѣстныхъ дѣлъ, по коимъ впрочемъ не было представлено письменныхъ документовъ, обыкновенно давали доносителю или истцу съ отвѣтчикомъ очныя ставки». Это положеніе отчасти несправедливо, потому что, какъ видно изъ судебныхъ грамотъ, очныя ставки давались и тогда, когда тяжущіеся основывали свои права на письменныхъ актахъ.

Быть-можетъ къ очнымъ ставкамъ прибѣгали, когда розыскъ не могъ рѣшить спора по недостатку данныхъ (напр.

когда записныя книги утерялись, сторѣли и т. д.) и судьямъ непочему было повѣрять подлинности представляемаго письменнаго документа.

Отдѣленіе II.

ДВИЖЕНІЕ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

(ХОДЪ ПРОЦЕССА)

Движеніе каждаго гражданскаго процесса дѣлится на три рѣзко обозначенныхъ отдѣла или періода. Первый отдѣлъ начинается объявленіемъ (оглашеніемъ) иска, и продолжается до суда. Онъ можетъ быть названъ приуготовительнымъ, потому что всѣ дѣйствія, предпринимаемыя въ продолженіе этого періода тяжущимися и судьей для процесса, клонятся къ тому только, чтобъ приуготовить и сдѣлать возможнымъ начатіе, открытіе суда. Второй обнимаетъ судъ, отъ начала его и до окончанія.

Судъ есть главная, основная, существенная часть всего судопроизводства; ибо для него предпринимаются судьей и тяжущимися упомянутыя нами предварительныя дѣйствія. Наконецъ третій отдѣлъ начинается съ окончанія суда и оканчивается исполненіемъ приговора по спорному дѣлу. Онъ есть не что иное какъ развитіе, осуществленіе суда. Итакъ судъ есть узелъ, связующій всѣ части судопроизводства и дающій органическую, стройную цѣлость всему гражданскому процессу. На этомъ основаніи мы раздѣлимъ ученіе о ходѣ гражданскаго судопроизводства на три части. Въ первой изложимъ развитіе гражданскаго судопроизводства до суда; во второй — развитіе его въ продолженіе суда, въ третьей — развитіе послѣ суда.

А.

Развитіе гражданскаго судопроизводства до суда.

I.

Приставная память.

Процессъ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ начинался подачею приставной памяти.

Подъ именемъ приставной памяти должно разумѣть письменное объявленіе о вчинаніи иска. Оно подписывалось истцомъ (Улож. гл. X, ст. 137) и подавалось имъ въ тотъ судъ, которому былъ подсуденъ отвѣтчикъ. Въ этомъ объявленіи означались: искъ, который намѣренъ былъ вчинять истецъ, и цѣна иска (Улож. гл. X, ст. 100), имя истца, имя отвѣтника. Приставная память была не что иное, какъ предварительное увѣдомленіе судьи о тяжбѣ, которую истецъ намѣревался начать съ извѣстнымъ лицомъ. Такое увѣдомленіе было необходимо для того, чтобъ судья могъ сдѣлать нужныя распоряженія для открытія и начатія суда: вызвать отвѣтника и дать его на поруки. Подача приставной памяти необходимо должна была предшествовать вчинанію гражданскаго иска, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отвѣтчикъ былъ на лицо въ судѣ, и слѣд. не было нужды вызывать его, а именно: 1) когда истецъ, тотчасъ же по окончаніи суда въ одномъ дѣлѣ, вчинялъ противъ того же отвѣтника другой искъ (Улож. гл. X, ст. 103); 2) когда немедленно по окончаніи суда отвѣтчикъ, «не сходя съ суда», объявлялъ искъ противъ истца. Такъ по Уложенію.

Возможность вчинять искъ безъ подачи приставной памяти подавала поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Проигравшій процессъ нерѣдко, съ досады, вчинялъ противъ своего противника «недѣльные, поклепные иски» для того только, чтобъ

вовлечь его въ хлопоты и издержки, и тѣмъ отмстить за свою неудачу. Чтoby отвратить это, постановлено общимъ правиломъ, что вообще гражданскій искъ не можетъ быть вчиняемъ, если онъ предварительно не объявленъ въ приставной памяти. Кто намѣревался вчинять противъ одного и того же лица нѣсколько исковъ вмѣстѣ, тотъ долженъ былъ всѣ эти иски показать въ приставной памяти; который искъ былъ пропущенъ въ приставной памяти, въ томъ не вѣлно давать суда. О встрѣчныхъ искахъ отвѣтчикъ долженъ былъ подавать приставную память «въ то время, какъ онъ станетъ по себѣ поручную запись въ статьѣ къ суду собирать». По встрѣчнымъ искамъ, не показаннымъ въ этой приставной памяти, также не вѣлно давать суда. Съ этого времени приставная память сдѣлалась необходимою принадлежностію гражданского иска, а не повѣсткою для вызова къ суду отвѣтника. Она сдѣлалась объявленіемъ, явкою объ искѣ; поэтому иски, не обозначенные въ ней, называются въ указѣ неявленными¹⁾.

Названіе приставной памяти можетъ быть различно объясняемо. Оно происходитъ или отъ слова «приставить», что въ нашей древней юридической терминологіи значило «вчинять искъ» (Улож. гл. X, ст. 111, 103, 179); или отъ «приставъ» — чиновника, состоявшаго при судьяхъ, котораго главная должность состояла въ вызовѣ къ суду тяжущихся. Въ первомъ случаѣ слово приставная память могло значить: памятная записка о процессѣ; во второмъ — памятная записка для пристава²⁾.

¹⁾ 1682 года, 17 ноября (№ 968); именный съ боярскимъ приговоромъ, помѣщенный думнымъ дьякомъ. Итакъ, отношеніе приставной памяти къ гражданскому иску сдѣлалось одинаково съ отношеніемъ письменной явки о покраденныхъ и разбоємъ взятыхъ движимыхъ (животахъ) — къ уголовному иску объ этихъ движимыхъ. Улож. гл. XXI, ст. 51.

²⁾ Приставныя памяти, помѣщенные въ Юридическихъ Актахъ, начинаются такъ: *память пристава*. См. №№ 55 и 56.

Приставная память подавалась дьяку. Дьякъ подписывалъ ее, вносилъ въ записную книгу въ самый день подписанія, а потомъ или отдавалъ приставу, для вызова по ней къ суду отвѣтчика (Улож. гл. X, ст. 100, 137), или по ней давалась истцу на отвѣтчика государева зазывная грамота.

II.

Вызовъ къ суду.

Вызовъ къ суду изложенъ очень сбивчиво, неопредѣленно, съ противорѣчіями и несообразностями. Всѣ эти недостатки объясняются тѣмъ, что Уложение, по главному своему назначенію, есть Уложение Москвы. Поэтому въ немъ излагается вызовъ къ суду въ московскіе приказы, и притомъ не одинъ, а два различныхъ вызова: 1) въ самой Москвѣ и 2) изъ городовъ «къ Москвѣ».

1) Для вызова отвѣтчиковъ къ суду были въ періодъ Уложенія особливые чиновники; въ Москвѣ они были при каждомъ приказѣ¹⁾; въ городахъ при воеводахъ (Акт. Юрид. № 289); въ волостяхъ при волостныхъ судьяхъ (Акт. Юрид. № 283). Эти чиновники вообще назывались приставами²⁾; но между ними было различіе. — Въ Москвѣ, одни приставы назывались недѣльщиками³⁾. Это названіе получили они отъ того, что они отправляли свою должность понедѣльно⁴⁾; другіе называ-

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 147: «А быть недѣльщикомъ во всякъ приказъ за крѣпкими поруками».

²⁾ Улож. гл. X, ст. 143, 120, 123, 137, 138—142.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 142. — Изъ ней видно, что *приставъ* и *недѣльщикъ* одно и то же лицо. Ст. 147, 148 и мн. др.

⁴⁾ Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику § 8 примѣч. (6); Рейцъ, Versuch über die geschichtliche Ausbildung der russischen Staats- und Rechts-Verfassung, § 48, примѣч. 4). — Отсюда слѣдующія выраженія: ну-

лись заговорщиками, потому что служили въ приставахъ по уговору съ недѣльщиками¹⁾ и были ихъ товарищи. — Заговорщики избирались самими недѣльщиками («кто кому вѣрять»); каждый недѣльщикъ имѣлъ своихъ заговорщиковъ (по Судебнику семь человекъ, не болѣе. Судебникъ § 47), которыхъ дьякъ записывалъ въ книгу, «чтобы недѣльщики своихъ заговорщиковъ не отпирался»²⁾. Если недѣльщикъ, или одинъ изъ его заговорщиковъ, наносилъ кому-нибудь убытки, то за нихъ отвѣчали всѣ прочіе заговорщики.

Такимъ образомъ недѣльщикъ и его заговорщики были связаны съ нимъ и между собою взаимнымъ довѣріемъ и отвѣтственностію³⁾.

стить въ недѣли; какъ недѣльщикъ изъ недѣли выдетъ; недѣли дѣлать. — Суд. § 47. — Улож. гл. X, ст. 148. — Поэтому сказано въ Судебникѣ: «А что заговорщикъ учинить кому какову продажу, или обиду, и уличать его въ томъ, и тѣ искн всѣ взяти на всѣхъ заговорщикахъ *тоя недѣли.* § 47.

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 148: «А сколько у котораго недѣльщика будетъ товарищевъ, кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣзати».

²⁾ Улож. гл. X, ст. 148: Званіе недѣльщиковъ и заговорщиковъ было выгодное, полезное. Они получали за трудъ извѣстную, закономъ опредѣленную плату, которая называлась *хоженымъ*, когда приставъ вызывалъ къ суду отвѣтчика, живущаго въ городѣ («А *хоженаго* недѣльщику въ *городѣ* имати десять денегъ». Улож. гл. X, ст. 144), и *пѣдомъ* («за ѣздъ»), когда онъ жилъ въ уѣздѣ, или въ другихъ городахъ (Улож. гл. X, ст. 143). Именно потому, что должность пристава была выгодная, многіе частные люди ѣздили по городамъ и уѣздамъ подъ видомъ приставовъ (Судеб. § 47). Съ другой стороны, и недѣльщики вѣроятно отказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ своихъ заговорщиковъ; ибо были обязаны отвѣчать за нихъ. Поэтому и постановлено еще въ Судебникѣ, а потомъ и въ Уложеніи, записывать «сколько у котораго недѣльщика будетъ товарищевъ, кому съ кѣмъ въ заговорѣ дѣзати».

³⁾ Кромѣ названія *недѣльщика* и *заговорщика*, въ Уложеніи нѣтъ другихъ названій для пристава. Но въ Судебникѣ и источникахъ до Судебника такихъ названій много: *подвойскіе*, *позовники*, *доводчики*, *софьяны*, *биричи*, *разсылщики*, *ходаки*, *пѣдоки*. См. Рейца Versuch u. v. w. § 48, примѣч. 4). Судебникъ, § 47 и 48.

2) Приставъ посылался съ приставною памятью къ отвѣтчику. — Когда область, подсудная московскимъ приказамъ, была не слишкомъ велика, такой вызовъ отвѣтчика посредствомъ пристава не представлялъ никакого затрудненія. Но съ расширеніемъ области онъ долженъ былъ сдѣлаться затруднительнымъ; издержки по вызовамъ и число приставовъ должны были увеличиться. Чтобъ не посылать особаго пристава по каждому отдѣльному иску, въ Судебникѣ дозволено было писать въ одну приставную память до двадцати исковъ (Судебникъ § 44).

Отсюда должна была происходить большая проволочка для истцовъ; вызовъ къ суду нѣкоторыхъ отвѣтчиковъ долженъ былъ отъ этого происходить несравненно медленнѣе, нежели еслибы по каждому иску посылался особый приставъ. Несмотря на всѣ эти неудобства, вызовъ тяжущихся въ Москву посредствомъ пристава продолжался весьма долго. Въ Судебникѣ есть роспись городовъ Московскаго государства (§ 46), въ которые изъ Москвы посылались приставы; изъ нея видно, что уже въ то время нѣкоторые изъ такихъ городовъ отстояли отъ Москвы на 700 верстъ и болѣе. Съ дальнѣйшимъ расширеніемъ границъ Русскаго царства эти разстоянія еще увеличились, и вызовъ къ суду посредствомъ приставовъ долженъ былъ сдѣлаться такъ неудобенъ, что наконецъ правительство нашло себя принужденнымъ замѣнить его другимъ. Этотъ новый вызовъ къ суду возлагался на самихъ истцовъ, слѣд. былъ частный; но онъ получалъ публичный характеръ выдачею истцу на этотъ вызовъ отъ правительства грамоты, которая называется въ Уложеніи зазывною. Когда образовался этотъ новый способъ вызова къ суду — мы не знаемъ; вѣроятно въ періодъ времени отъ Судебника до Уложенія; ибо въ Судебникѣ объ немъ не упоминается, а въ Уложеніи онъ является развитымъ и установившимся.

Вслѣдствіе образованія новаго вызова къ суду, прежній не уничтожился, но, кажется, ограничился; ибо отвѣтчиковъ, живущихъ въ отдаленныхъ городахъ, прежде вызывали посредствомъ приставовъ, а теперь стали вызывать посредствомъ зазывныхъ грамотъ ¹⁾.

Однако неизвѣстно, какими именно городами ограничился прежній вызовъ къ суду; вѣроятно тѣми, которые находились въ ближайшемъ разстояніи отъ Москвы. За среднее разстояніе такихъ городовъ отъ Москвы принято въ Уложеніи 100 верстъ, но на самомъ дѣлѣ оно могло быть и больше и меньше ²⁾.

Изложимъ каждый изъ этихъ вызововъ въ особенности.

а) Вызовъ къ суду посредствомъ пристава.

На пристава, посылаемомъ для вызова къ суду отвѣтника, лежала двоякая обязанность: объявить отвѣтчику приставную память и дать его на поруки къ суду.

«... отдати (приставную) память пристава, а ему по той памяти сыскавъ отвѣтника, дати на поруки и къ суду отвѣтника срочити безволокитно».

«А котораго отвѣтника въ городѣ пристава не сыщеть, и пристава по того отвѣтника итти къ его двору, и по приставной памяти дати его на поруку къ суду по тому же безволокитно» (Улож. гл. X, ст. 137).

«А будетъ который отвѣтникъ учнетъ у пристава укрываться, и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и пристава, взявъ съ собою товарищей, стеречь у двора его день и два и

¹⁾ Изъ Судебника мы видимъ, что въ Бѣлоозеро посылали приставовъ (§ 46), а въ 1694 году, на отвѣтчиковъ, живущихъ въ этомъ городѣ, давали зазывныя грамоты. См. Юридическіе Акты, № 57.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 148: «А ѣзду недѣльщикомъ имати на сто верстъ по полтинѣ, а гдѣ будетъ верстъ больша, или меньша того, и на тѣ версты ѣзду имати противъ тогоже, по розчету».

три. Да какъ тотъ отвѣтчикъ самъ, или человекъ его, или дворникъ съ двора сойdetъ, и того отвѣтчика, или человека его, или дворника, пристава взявъ привести въ приказъ, и сказати про него судьямъ; а судьямъ его потому же велѣти дати на поруки къ суду» (Улож. гл. X, ст. 138).

«А будетъ приставъ по приставной памяти отвѣтчика или его людей поймаеть у воротъ его, или гдѣ на улицѣ, и станетъ по немъ просити поруки къ суду, или поведеть его въ городъ, и тотъ отвѣтчикъ, или человекъ его у пристава отобьются, и пристава въ томъ мѣстѣ, гдѣ они у него отобьются, являти на нихъ окольнымъ людямъ и имена окольнымъ людямъ записавъ подати въ приказъ судьямъ за своею рукою. А судьямъ велѣти тѣми окольными людьми сыскати. Да будетъ окольные люди въ сыску скажутъ, что они то видѣли, какъ тотъ отвѣтчикъ и люди его у пристава отбились, и по того отвѣтчика послати подьячего отъ мѣста добраго, да съ нимъ того же пристава, кто по него ходилъ, и велѣти имъ, не доходя его двора, взяти съ собою понятыхъ, тутошнихъ стороннихъ людей, сколько человекъ пригоже, и съ тѣми понятыми велѣти имъ итти къ нему на дворъ, и на дворѣ ему приставную память вычестъ и выговорити ему, что онъ то учинилъ не гораздо, отъ пристава отбился, и по приставной памяти поруки по себѣ не далъ; а выговоря ему велѣти его по приставной памяти пристава дати къ суду на поруки, а безъ поруки его не отпускати. Да будетъ онъ поруки по себѣ на дастъ и въ городъ не пойдетъ, и въ свое мѣсто не пошлетъ, учинится пристава силенъ, и отбився отъ пристава съ Москвы сбѣжитъ въ отчину или въ помѣстье, и у него взяти съ двора людей его или дворника, и велѣти ихъ дати на поруку, что имъ того своего боярина поставити въ приказъ на срокъ, и въ томъ имъ дати поверстной срокъ по указу. Да будетъ тѣ люди по себѣ порука сберутъ, и имъ велѣти быти до сроку за поруками. Да будетъ тотъ ихъ

бояринъ для ихъ въ приказѣ объявится, и на него истцу дати судъ по челобитной» (Улож. гл. X, ст. 139).

«А будетъ по тѣхъ людехъ, которые послѣ его взяты будутъ въ приказъ съ двора его, поруки не будетъ, и тѣхъ его людей держати въ приказѣ до тѣхъ мѣстъ, какъ онъ самъ объявится. А будетъ онъ не объявится долгое время, хотя тѣмъ истца своего изволочити, а истецъ учнетъ бить челомъ, чтобы по него въ помѣстье его или въ вотчину послати пристава, и велѣти его пристава привести къ отвѣту къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ, за поруками. А какъ приставъ къ Москвѣ его привезетъ, и ему за ослушаніе учинити наказаніе, что Государь укажетъ. А истцу на него дати судъ» (Улож. гл. X, ст. 140).

«А будетъ тотъ отвѣтчикъ у пристава и въ деревнѣ ухоронится, или учинится силенъ, и пристава въ его мѣсто привести съ собою человѣка, или его крестьянина, за поруками же. А будетъ у кого людей и крестьянъ нѣтъ, и взяти ему съ собою будетъ некого, и пристава о томъ въ приказѣ подати доѣздъ свой за своею рукою¹⁾. А судьямъ по той доѣздной памяти по того ослушника послати въ другіе инаго пристава, а къ Воеводѣ въ тотъ городъ, гдѣ тотъ ослушникъ живетъ, послати Государева грамота, чтобы Воевода на того ослушника пристава далъ стрѣльцовъ и пушкарей и затинщиковъ, сколько человѣкъ пригоже, чтобы пристава было съ кѣмъ такова ослушника изымати. Да какъ приставъ того ослушника изымавъ къ Москвѣ приведетъ, и тому ослушнику за его ослушаніе учинити наказаніе. . . . А въ иску на него истцу дати судъ».

«А будетъ такой непослушникъ учинитъ также и въ третьіе, у пристава ухоронится, или учинится пристава силенъ, а по-

---

¹⁾ Здѣсь *доѣздъ* означаетъ донесеніе о причинахъ, по которымъ порученіе не могло быть выполнено; такой доѣздъ подавалъ приставъ въ свое оправданіе. Въ Юридическихъ актахъ (№ 365) помѣщено шесть доѣздныхъ памятей, но ни одна изъ нихъ не относится къ гражданскому судопроизводству.

слѣ того онъ сыщется, и по немъ истцовъ искъ... доправити безъ суда» (Улож. гл. X, ст. 144).

Такія правила вызова наблюдались, когда отвѣтчикъ укрывался отъ пристава и не давалъ по себѣ поруки. Они относились къ Москвѣ и московскимъ жителямъ, какъ видно изъ самаго ихъ изложенія и изъ названій судьи, приказъ, которыя относились преимущественно къ московскимъ приказамъ и судьямъ. Тѣ же самыя правила вызова вѣроятно дѣйствовали и во всѣхъ провинціяхъ и городахъ, быть-можетъ только съ нѣкоторыми измѣненіями по мѣстнымъ обычаямъ. Отвѣтника, который не скрывался и не отбивался отъ пристава, отдавалъ приставъ на поруки.

Подъ именемъ «поруки къ суду» (Улож. гл. X, ст. 155), «поруки въ статѣ къ суду» (гл. X, ст. 205), разумѣется въ нашихъ древнихъ памятникахъ обезпеченіе явки отвѣтника къ суду, состоящее въ личномъ поручительствѣ. Ручались обыкновенно не одинъ, а многіе; ихъ представлялъ или самъ отвѣтчикъ («давать по себѣ поручную», гл. X, ст. 144), или вызывалъ приставъ («сбирать по комъ поручную», ст. 144); назывались они порутчиками (ст. 124). Предметъ поруки къ суду былъ различенъ: иногда поручики ручались только въ явкѣ къ суду¹⁾, иногда въ томъ, что отвѣтчикъ будетъ являться къ суду, пока судъ окончится («ставиться по вся дни, пока мѣсть дѣло вершится»²⁾). Въ случаѣ невыполненія отвѣтчикомъ того, въ чемъ ручались за него поручики, всѣ они вмѣстѣ, и каждый въ особенности, обязывались платить штрафъ (пеню)³⁾, истцовъ искъ и убытки⁴⁾. Обо всѣхъ этихъ усло-

¹⁾ Юридическіе акты № 307, III, V, VI.

²⁾ Тамъ же I, IV, VIII. — Улож. гл. X, ст. 140.

³⁾ Тамъ же III, V, VI, VII.

⁴⁾ Тамъ же II, IV, VII. — Улож. гл. X, ст. 145, 146, 147, 155: «А правити истцовы искъ на поручикахъ, которые порутчики будутъ въ лицахъ».

віяхъ поруки составлялась запись, которая, по своему содержанию, и называлась поручною (Улож. гл. X, ст. 111, 131). Она писалась площадными подъячими и дьячками, и подписывалась поручиками и свидѣтелями (послухами)¹⁾; въ ней необходимо должно было быть означено число, въ которое она составлена, потому что съ этого числа считался семидневный срокъ, въ который отвѣтчикъ былъ обязанъ явиться къ суду (Улож. гл. X, ст. 111).

По объявленіи отвѣтчику приставной памяти, и по отобраніи поручной записи, приставъ являлся въ приказъ, изъ котораго былъ посланъ, и доносилъ объ исполненіи своего порученія. Это донесеніе называлось сказкою и записывалось въ приказъ (Улож. гл. X, ст. 110). Поручную запись долженъ былъ принести приставъ къ дьяку никакъ не позже другаго дня послѣ ея составленія; на ней дьякъ помѣчалъ годъ, мѣсяць и число, въ которое она представлена²⁾. Вѣроятно, она отдавалась потомъ подъячему, у котораго должно было храниться судное дѣло; ибо то же самое производство соблюдалось при собираніи поручныхъ съ суда, о которыхъ мы будемъ говорить въ послѣдствіи (Улож. гл. X, ст. 114).

б) Вызовъ къ суду посредствомъ зазывныхъ грамотъ.

Вызовъ къ суду посредствомъ зазывныхъ грамотъ производился иначе, нежели вызовъ посредствомъ пристава. Въ послѣднемъ случаѣ отвѣтника вызывалъ чиновникъ, посылаемый изъ приказа; въ первомъ — самъ истецъ, или кто другой, по его приказанію.

Зазывныя грамоты давались истцамъ, по ихъ просьбѣ, изъ приказовъ, на отвѣтчиковъ, живущихъ не въ Москвѣ, а по городамъ (Улож. гл. X, ст. 156). Онѣ писались на имя вое-

¹⁾ См. поручныя записи, напечатанныя въ Юрид. актахъ, № 307.

²⁾ 1690 года, 27 января (№ 1363); именный съ боярскимъ приговоромъ.

воды того города, или уѣзда, гдѣ жилъ отвѣтчикъ; въ нихъ обозначалось имя истца, имя отвѣтника, искъ, о которомъ подана истцомъ приставная память, и наконецъ заключалось повелѣніе воеводѣ, по полученіи грамоты, сыскать отвѣтника, дать его на поруки и велѣть ему явиться къ суду въ срокъ, означенный въ грамотѣ (Улож. гл. X, ст. 116). Эти грамоты подписывались дьякомъ, справлялись, и потомъ выдавались истцу¹⁾. Истецъ посылалъ съ ними своего человѣка къ означенному воеводѣ. По передачѣ грамоты на ней отмѣчалось, кто и когда подалъ воеводѣ грамоту, и число, въ которое она записана въ книгу (Юрид. акты, № 57). По объявленіи отвѣтчику вызова, и по собраніи по немъ поручной записи, воевода посылалъ въ Москву, въ тотъ приказъ, который былъ означенъ въ зазывной грамотѣ, донесеніе объ исполненіи по грамотѣ (отписку) и поручную по отвѣтчикѣ²⁾.

«А которые люди въ городѣхъ учнутъ чинитися сильны, на поруки даватися не учнутъ, и воеводы учнутъ на нихъ писати къ Государю, и по тѣмъ Воеводскимъ отпискамъ посылати въ города Государевы грамоты къ Воеводамъ и велѣти по тѣхъ ослушниковъ посылати стрѣльцовъ, и пушкарей и затинщиковъ многихъ людей изъ ѣзду, и велѣти ихъ сыскивая приводити въ городъ. Да какъ такихъ ослушниковъ сыскавъ въ городъ приведутъ... и съ тѣхъ городовъ высылати ихъ за поруками къ Москвѣ. А какъ они на Москвѣ въ приказѣ объявятся, и имъ за ослушаніе чинити наказаніе... а судъ на нихъ давати по челобитнымъ» (Улож. гл. X, ст. 119).

Если отвѣтчикъ «чинился силенъ» противъ стрѣльцовъ, пушкарей и затинщиковъ, то они подавали о томъ воеводамъ

¹⁾ Юрид. акты, № 57. — Отсюда выраженіе: *дати по него истцу Государеву зазывную грамоту*. Улож. гл. X, ст. 114, 117.

²⁾ Юридическіе акты, № 57. — Улож. гл. X, ст. 115, 117, 119, 120.

доѣздныя памяти, подписанныя ими самими и понятыми. Воеводы доносили о томъ въ Москву, въ приказъ, изъ котораго была послана зазывная грамота, и къ донесенію (отпискѣ) прилагали доѣздныя памяти. Тогда давалась истцу новая зазывная грамота, быть-можетъ по новой просьбѣ истца, какъ мы можемъ заключать изъ характера зазывныхъ грамотъ вообще, быть-можетъ по распоряженію приказа, безъ просьбы истца, одинаково съ трикратною посылкою пристава за непокорнымъ отвѣтчикомъ.

«А будетъ по которыхъ отвѣтчиковъ кому даны будутъ Государевы зазывные три грамоты, а они въ городѣхъ учинятся сильны, по Государевымъ по тремъ грамотамъ поруки по себѣ не дадутъ, и о томъ ихъ непослушанъ къ Государю Воеводы отпишутъ противъ всѣхъ трехъ грамотъ, и подъ отписками своими пришлютъ доѣздные памяти за руками тѣхъ людей, которые по нихъ изъ городовъ посланы будутъ, и за руками же стороннихъ людей, которые сторонніе люди будутъ въ понятыхъ, и сыщется про то допрама, что тѣ отвѣтчики впрямъ по тремъ Государевымъ грамотамъ учинились непослушны, на поруки не далися, и по такихъ отвѣтчиковъ съ Москвы послати приставовъ, и велѣти ихъ изъ городовъ привозити къ Москвѣ и на Москвѣ тѣмъ ихъ винити, истцовы иски . . . правити на нихъ безъ суда» (Улож. гл. X, ст. 120. Ср. ст. 118).

До сихъ поръ мы говорили о вызовѣ къ суду отвѣтника, который не давалъ по себѣ поручной записи; но многіе давали и не являлись.

Объ нихъ постановлены въ Уложеніи особыя правила, различныя по различію мѣста жительства отвѣтника.

1) Въ отношеніи къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ къ суду приставомъ, наше законодательство было первоначально чрезвычайно строго. Если отвѣтникъ, давъ по себѣ поручную за-

пись, не являлся къ суду въ срокъ, то обвинялся въ искѣ. Такъ по Судебнику. О второмъ и третьемъ вызовѣ не упоминается ни слова.

«Будеть который отвѣтчикъ, въ истцовѣ иску давъ по себѣ поручную запись, къ суду не пойдетъ, и челобитья своего къ дѣлу не принесетъ, съ того числа, какъ по немъ поручная запись будетъ собрана, недѣлю... а истцы на нихъ учнутъ бити челомъ, что они на судъ нейдутъ, хотя отъ нихъ волоки-тою отбыти, и тѣхъ отвѣтчиковъ въ истцовыхъ искѣхъ винити противъ истцовы статьи, по поручной записи, недѣлю» (Улож. гл. X, ст. 111).

Изъ этого правила въ Уложеніи сдѣлано одно только исключеніе:

«А будетъ кто ни буди въ истцовѣ иску по приставной памяти данъ будетъ на поруки къ суду, и поручная запись по немъ будетъ въ приказѣ, и по той поручной записи велѣно ему стати къ суду на отсрочной срокъ, и онъ на отсрочной срокъ на Москвѣ не станетъ, и въ свое мѣсто къ суду никого не пришлетъ, а истецъ его учнетъ на него бити челомъ Государю, что онъ на отсрочной срокъ не сталъ, и тѣмъ его не винити, а дати по него истцу Государеву зазывную грамоту» (Улож. гл. X, ст. 114).

Подъ «отсрочнымъ срокомъ» здѣсь должно, кажется, разумѣть срокъ, назначаемый «для Государевы службы», т. е. службы военной, дипломатической и по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ государемъ. На все время отправленія этой службы, тѣ, которые въ ней находились, освобождались отъ обязанности искать и отвѣчать по вчиненнымъ искамъ; на отвѣтчиковъ запрещалось давать зазывныя грамоты и посылать къ нимъ приставовъ съ приставными памятами; тѣ, которые были уже вызваны, не винулись неявкой. — Такое освобожденіе отъ иска и отвѣта по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ

на известное время называлось отсрочкою, а срокъ, въ который прекращалась отсрочка, и который всегда назначался въ указѣ объ отсрочкѣ, — отсрочнымъ срокомъ (Улож. гл. X, ст. 113, 118).

Слѣд. это исключеніе относилось только къ тѣмъ, которые служили службу военную, дипломатическую или по особымъ порученіямъ, возлагаемымъ государемъ.

«А будетъ тотъ отвѣтчикъ и по Государевѣ зазывной грамотѣ къ отвѣту не станетъ же, и въ свое мѣсто никого не пришлетъ же, а поручная запись по немъ будетъ прислана, и его тѣмъ безъ суда не винити же, а дати по него Государева другая грамота... А будетъ онъ и по другой Государевѣ грамотѣ не станетъ же, и въ свое мѣсто ко отвѣту никого не пришлетъ же, а поручная запись по немъ будетъ прислана же, и его во истцовѣ иску тѣмъ обвинити безъ суда» (Улож. гл. X, ст. 115).

2) Въ отношеніи къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ къ суду по зазывной грамотѣ, троекратный вызовъ принять въ Уложеніи за общее правило.

«А будетъ кто по первой зазывной грамотѣ къ отвѣту не станетъ, и въ свое мѣсто ни кого не пришлетъ, а поручная запись по немъ будетъ прислана, и истцу дати по него другая зазывная грамота... А будетъ онъ и по другой зазывной грамотѣ ко отвѣту не станетъ же, и въ свое мѣсто никого не пришлетъ же, и по него дати третья грамота... А будетъ онъ и по третьей грамотѣ не станетъ же, и въ свое мѣсто ко отвѣту никого не пришлетъ, а поручная запись по немъ будетъ прислана же, и его въ истцовѣ иску тѣмъ обвинити, потому что онъ по тремъ Государевымъ грамотамъ, давъ по себѣ поруку, къ отвѣту не сталъ» (Улож. гл. X, ст. 117).

Какія побудительныя причины заставили законодательство смягчить обычную строгость къ отвѣтчикамъ, неявившимся по

поручной записи, и именно къ отвѣтчикамъ, вызываемымъ по зазывной грамотѣ — этого мы не знаемъ. Весьма вѣроятно, что главнымъ основаніемъ служили справедливыя причины неявки (болѣзнь, бѣдность, служба, неожиданные несчастные случаи, и т. д.), которые до срока явки не могли быть заявлены отвѣтчикомъ въ свое оправданіе, и такимъ образомъ безвинно подвергали его безсудному обвиненію¹⁾.

Просить на отвѣтника зазывной грамоты могъ истецъ не иначе, какъ мѣсяцъ спустя послѣ срока явки къ суду; ибо послѣ первой неявки взыскивались въ пользу истца проѣсти и волокиты «за мѣсяцъ»; послѣ второй «за другой мѣсяцъ»²⁾.

Таковы правила о вызовѣ къ суду по Уложенію.

Въ «Новоуказныхъ статьяхъ» сдѣланы къ нимъ нѣкоторыя дополненія и измѣненія.

Опредѣлено: людей, взятыхъ въ приказъ вслѣдствіе непослушанія отвѣтниковъ, держать въ приказѣ недѣлю; послѣ недѣли велѣно посылать за ними подъячихъ «добрыхъ»³⁾. Въ Уложеніи этотъ срокъ не положенъ, а сказано вообще: «долгое время». Въ послѣдствіи вызовъ еще сокращенъ: велѣно, когда отвѣтникъ укрывается отъ пристава, брать людей его и приводить въ приказъ; если черезъ мѣсяцъ послѣ привода людей отвѣтникъ не явится самъ и не пришлетъ за себя повѣреннаго, то обвинять въ искѣ безъ суда⁴⁾. Въмѣсто недѣльнаго срока для явки къ суду отвѣтниковъ по поручной записи, постановленъ мѣсячный срокъ. Кто въ мѣсяцъ по составленіи поручной записи не явится къ суду, тотъ обвиняется въ искѣ безъ суда⁵⁾.

¹⁾ 1633 года, 4 ноября (№ 109); именный.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 115, 117.

³⁾ 1678 года, 17 ноября (№ 740); именный съ боярскимъ приговоромъ.

⁴⁾ 1685 года, 11 ноября (1140) п. 4; Судныя статьи.

⁵⁾ 1685 года, 11 ноября (1140) п. 1; Судныя статьи.

Другія дополненія касаются до вызова къ суду отвѣтчиковъ, живущихъ въ городахъ. По Уложенію, пристава посылались въ города за отвѣтчиками, которые не давали по себѣ поручной записи, послѣ трехъ зазывныхъ грамотъ и трехъ воеводскихъ отписокъ. Въ судебныхъ статьяхъ постановлено посылать пристава послѣ первой отписки; если такіе отвѣтчики скроются и отъ московскаго пристава, то онъ долженъ взять съ собою въ Москву людей его, одного или двухъ (смотря по величинѣ иска) и представить въ приказъ. Если черезъ шесть недѣль, по приведеніи людей отвѣтчика въ приказъ, самъ отвѣтчикъ, или его повѣренный, не явятся, то онъ обвиняется въ искѣ безъ суда¹⁾.

III.

Явка къ суду по отсрочной челобитной.

До сихъ поръ мы говорили о явкѣ къ суду, опредѣляемой закономъ или судьями. Кромѣ этой явки, въ Уложеніи упоминается еще о явкѣ по полюбовному соглашенію самихъ тяжущихся.

«А которые истцы и отвѣтчики, не ходя въ судъ, учнутъ приносить отсрочные челобитные за своими руками, а въ челобитныхъ у нихъ будетъ написано, что имъ межъ себя сыскиватися, а будетъ не сыщутся, и имъ обѣма стати въ приказѣ къ суду на срокъ, какъ они межъ себя договорятся; а будетъ кто изъ нихъ на тотъ срокъ не станетъ, и тому тѣмъ срокомъ быти виновату: да подавъ такую челобитную, кто изъ нихъ одинъ на срокъ въ приказѣ станетъ... а другой на тотъ срокъ не станетъ, и того тѣмъ срокомъ по ихъ полюбовному челобитію обвинити» (Улож. гл. X, ст. 108).

---

¹⁾ 1685 года, 11 ноября (№ 1140) п. 6.

IV.

Явка къ суду прежде срока.

«А кто по зазывной грамотѣ приѣдетъ къ Москвѣ, и станетъ ко отвѣту... напередъ сроку, который написанъ будетъ въ зазывной грамотѣ, а истецъ его до того же сроку учнетъ на него бити челомъ о судѣ, и ихъ и напередъ сроку судити, и расправа межъ ими чинити, до чего доведется» (Улож. гл. X, ст. 116).

Тоже самое правило вѣроятно соблюдалось и въ отношеніи къ тѣмъ отвѣтчикамъ, которые вызывались къ суду приставомъ, по приставной памяти.

V.

Ставочныя челобитныя.

Когда истецъ или отвѣтчикъ являлся въ приказъ къ суду въ срокъ, или прежде срока, онъ записывалъ въ приказѣ ставочное челобитье. Ставочныя челобитныя были не что иное, какъ объявленія, подаваемые тяжущимися въ приказъ, въ которомъ долженъ былъ происходить между ними судъ, о явкѣ ихъ къ суду. Названіе ставочныя произошло отъ того, что явиться къ суду технически выражалось въ нашемъ древнемъ законодательствѣ словами стать къ суду (Улож. гл. X, ст. 101, 105, 108, 109), а явка къ суду называлась статью (гл. X, ст. 111), ставкою (гл. X, ст. 130). Эти челобитныя приносились, кажется, словесно, а не письменно¹⁾, и за-

¹⁾ Въ судебныхъ статьяхъ 1685 года, 11 ноября (№ 1140), онъ называется *записными* (см. вступл. и п. 8). Въ Уложеніи сказано: «да кто изъ нихъ одинъ на срокъ въ приказѣ станеть, и челобитье свое запишетъ». См. гл. X, ст. 108, 110, 111.

писывались въ приказѣ. Ими удостовѣрилась явка къ суду тяжущихся. Такое удостовѣреніе было чрезвычайно важно. Кто являлся къ суду, но не могъ доказать этого, тотъ какъ бы не являлся, а это могло имѣть для него невыгодныя послѣдствія. Итакъ ставочная челобитная служила доказательствомъ явки къ суду. Далѣе: по преобладающему частному, гражданскому, обвинительному характеру въ судопроизводствѣ временъ Уложенія, обвиненіе неявкою могло имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда одинъ изъ тяжущихся являлся въ срокъ къ суду (Улож. гл. X, ст. 108, 110, 111); кажется даже, что неявкою не винили безъ просьбы противника (Улож. гл. X, ст. 110, 111).

VI.

Личный арестъ.

Если отвѣтчикъ не могъ обезпечить своей явки къ суду порукою, то мѣсто поруки заступало личное задержание.

«Будетъ по отвѣтчикѣ порутчиковъ не будетъ, и его держать въ приказѣ скована, доколѣ поруки будутъ, или судное дѣло окончится, или его отдадутъ въ береженіе приставомъ въ руки» (Кошихинъ гл. VII, ст. 40).

Итакъ личный арестъ былъ всегда вторымъ средствомъ обезпеченія явки. Къ нему прибѣгали и послѣ суда, когда никто не ручался за тяжущихся, что они явятся къ выслушанію рѣшенія, и не уйдутъ изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ по ихъ спорному дѣлу.

VII.

Неявка къ суду истца.

Излагая ученіе о вызовѣ къ суду, мы исчислили всѣ случаи, въ которыхъ отвѣтчикъ, неявляющійся къ суду, подвергался безсудному обвиненію въ искѣ.

Такому обвиненію подвергался и истецъ. Его обвиненіе необходимо условливалось явкою отвѣтчика. Въ отношеніи къ истцу законодательство было строго: 1) если отвѣтчикъ, вызываемый приставомъ, являлся къ суду въ срокъ, а истецъ, въ продолженіе недѣли послѣ подачи приставной памяти, не подавалъ на него исковой челобитной, то послѣдній обвинялся въ искѣ безъ суда («иску своего лишень») ¹⁾; 2) если отвѣтчикъ, вызываемый къ суду зазывною грамотою, являлся въ срокъ, а истецъ въ этотъ срокъ, или недѣлю спустя послѣ срока, не являлся, то онъ обвинялся въ искѣ безъ суда (Улож. гл. X, ст. 109. Ср. ст. 108).

Отъ обвиненія неявкою были освобождены въ періодъ Уложенія особливими указами: всѣ, состоявшіе въ Дворцовомъ вѣдомствѣ ²⁾; Мурзы, Татары, Мордва, Чуваша и Черемисы ³⁾. Всѣ эти лица не обвинялись неявкою въ земляныхъ, крѣпостныхъ дѣлахъ и въ дѣлахъ о крестьянствѣ, по искамъ между собою и съ посторонними. Значеніе этой привилегіи не совсемъ ясно; ибо мы знаемъ, что еще по Уложенію запрещено винить неявкою въ дѣлахъ крѣпостныхъ (Улож. гл. X, ст. 108, 109) и холопныхъ (гл. XX, ст. 111, 119). Итакъ должно думать, что Новоуказными статьями это положеніе только распространено на дворцовое вѣдомство, Татаръ и т. д., для которыхъ оно, по извѣстной намъ причинѣ, до того времени не имѣло силы.

Вскорѣ послѣ Уложенія законодательство признало безсуд-

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 110. — Судными статьями 1685 года семидневный срокъ измѣненъ въ мѣсячный; именнымъ съ боярскимъ приговоромъ 1690 года, 26 мая (№ 1377), мѣсячный измѣненъ въ 30-ти-дневный; а именнымъ съ боярскимъ приговоромъ того же 1690 года, 30 ноября (№ 1386), прежній 30-ти-дневный срокъ для явки къ суду истца, считавшійся съ помѣты приставной памяти, велѣно считать съ помѣты поручной записи. — Ср. Улож. гл. X, ст. 108.

²⁾ 1686 года, 5 марта (№ 1173); именнымъ съ боярскимъ приговоромъ.

³⁾ 1686 года, 19 марта (№ 1180); именнымъ съ боярскимъ приговоромъ.

ное обвиненіе тяжущихся несправедливымъ и отмѣнило его¹⁾. Поводомъ служила во многихъ случаяхъ безвинная неявка тяжущихся. Но полная отмѣна обвиненія за неявку, въ свою очередь, породила множество злоупотребленій: безконечныя, зlostныя волокиты и раззореніе тяжущихся. Вслѣдствіе этого, въ 1685 году, изданы Судныя статьи, которыми возстановлено прежнее обвиненіе неявкою, съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями противъ Уложенія²⁾.

VIII.

Законныя причины неявки къ суду.

Явка къ суду истца и отвѣтчика не всегда была возможна. Ей могли препятствовать многія причины, которыя поэтому и должны были освобождать тяжущихся отъ обвиненія за неявку. Законодательство признало ихъ и сообщило имъ характеръ законныхъ причинъ. Въ Уложеніи изъ нихъ упоминаются слѣдующія:

1) Болѣзнь. Кто не могъ явиться къ суду по болѣзни, тотъ долженъ былъ послать, вмѣсто себя, повѣреннаго. Если не было у него кого послать вмѣсто себя къ суду, то къ нему посылали изъ приказа «подьячего добраго», для освидѣтствованія, въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ боленъ, что не можетъ явиться, и дѣйствительно ли нѣтъ у него кого послать къ суду, вмѣсто себя. Если и то и другое оказывалось справедливымъ, то тяжущійся освобождался отъ явки къ суду, до выздоровле-

---

¹⁾ 1653 года, 4 ноября (№ 109); именный. — Этотъ указъ написанъ весьма не точно; въ немъ видна мысль законодателя ограничить обвиненіе тяжущихся неявкою, ибо это обвиненіе во многихъ случаяхъ было несправедливо; изложеніемъ указа безсудное обвиненіе вовсе уничтожено. Такимъ образомъ мысль закона и ея выраженіе въ этомъ указѣ противорѣчатъ другъ другу.

²⁾ 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 1.

нія (Улож. гл. XVI, ст. 59; гл. X, ст. 108, 109). Но кто не могъ, по болѣзни, явиться къ очной ставкѣ, того осматривали, а не обязывали посылать вмѣсто себя повѣреннаго. Если по освидѣтельствованіи оказывалось, что неявившійся дѣйствительно не могъ по болѣзни явиться къ очной ставкѣ, то ему давали полугодичный срокъ для выздоровленія, послѣ чего онъ былъ обязанъ послать, вмѣсто себя, повѣреннаго (гл. XVI, ст. 59). О неявкѣ къ суду по болѣзни, когда не было кого послать за себя къ суду, посылалась въ приказъ челобитная, или самимъ больнымъ (гл. XXI, ст. 55), или вмѣсто его кѣмъ-либо другимъ (гл. X, ст. 115, 117).

2) Государева служба. Подъ «государевою службою» разумѣлась обыкновенно служба военная («ратная, полковая»); въ Уложеніи государевою службою называлась еще, кромѣ военной, служба дипломатическая («которые въ послѣхъ, посланникѣхъ или гонцѣхъ»), и служба по чрезвычайнымъ порученіямъ, которыя возлагались государемъ и не терпѣли отлагательства («кто посланъ будетъ куды ни буди для Государева скорого дѣла». Улож. гл. X, ст. 149). Когда назначался походъ, или сборъ войска, тогда издаваемъ былъ указъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ, состоявшимъ въ службѣ въ этомъ войскѣ, дать отсрочку въ спорныхъ дѣлахъ. Это значило, что не могли вчинять новыхъ исковъ ни состоявшіе на службѣ, ни другіе противъ нихъ, и прекращались суды по всѣмъ вчиненнымъ искамъ, въ которыхъ служащіе были истцами или отвѣтчиками. Въ этихъ отсрочныхъ указахъ обыкновенно назначалось время, съ котораго должна была начаться отсрочка, и срокъ, въ который она прекращалась¹⁾. На кого возлагалъ государь чрезвычайныя порученія, тѣмъ давались, каждый

---

¹⁾ Въ Полномъ Собраніи Законовъ такихъ указовъ очень много; здѣсь приведемъ нѣкоторые изъ нихъ: 1680 года, 4 февраля (№ 24); именной; —

разъ, особливый отсрочки¹⁾. Но чтобъ имѣть такое дѣйствіе, служба государева должна быть недобровольная («по посылкѣ, а не своею охотою». Улож. гл. X, ст. 118); ибо въ противномъ случаѣ легко открылся бы новый способъ отбывать отвѣта въ судѣ. Она должна быть дѣйствительная, а не предполагаемая (гл. X, ст. 151, 152); это постановлено потому, что многіе, считаясь въ отлучкѣ по государственной службѣ, посылали на службу, вмѣсто себя, сыновей, племянниковъ, или родственниковъ, неверстанныхъ въ службу, а сами жили въ помѣстьѣ, или вотчинѣ, пользуясь отсрочкою для возможно долгой проволочки дѣла («хотя истца тѣмъ изволочити»).

3) Служба неполковая. Служба неполковая всегда отличается въ Уложеніи отъ ратной, военной, и не называется, какъ послѣдняя, государственною. Причина заключается въ томъ, что она, и во время Уложенія, была болѣе кормленіемъ, нежели службою²⁾. На томъ основаніи, что служба по городамъ у приказныхъ дѣлъ не считалась службою, а наградою за службу, воеводство и приказная служба не освобождали отвѣтчика отъ обязанности отвѣчать въ судѣ по спорнымъ дѣламъ; а какъ воеводы и приказные люди сами отвѣчать не могли, то должны были присылать, вмѣсто себя, повѣренныхъ, въ противномъ случаѣ обвинялись неявкою (Улож. гл. X, ст. 149). Изъ этого правила сдѣланы исключенія: а) въ пользу воеводъ и приказныхъ людей, которые были на воеводствахъ и по городамъ въ Астрахани, Сибири и Теркѣ (гл. X, ст. 149); б) въ пользу всѣхъ, по-

---

1651 года, 10 января (№ 57); именный; — 1653 года, 10 ноября (№ 110); именный; — 1654 года, 21 февраля (№ 118); именный; — и проч.

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 149: и для тое скорыя посылки Государь пожалуетъ его, велитъ ему отсрочити во всякихъ расправныхъ дѣлахъ».

²⁾ Улож. гл. XVI, ст. 59; — гл. X, ст. 149; — Рѣчь проф. Морошкина, стр. 34.

сланныхъ «къ дѣламъ въ города», когда по спорнымъ помѣстнымъ и вотчиннымъ дѣламъ ихъ вызывали къ очнымъ ставкамъ. Какъ тѣ, такъ и другіе не были обязаны отвѣчать прежде окончанія службы («какъ они съ Государевы службы къ Москвѣ прїѣдутъ») (гл. XVI, ст. 59).

4) Таможенные и кабацкіе откупы. Таможенные и кабацкіе откупщики и товарищи ихъ освобождались отъ отвѣта по искамъ въ тотъ годъ, въ который вчиненъ противъ нихъ искъ, а должны были отвѣчать по этимъ искамъ на другой годъ; если откупъ былъ ими взятъ на два, или на три года, то по искамъ, вчиненнымъ противъ нихъ въ первомъ году, они обязаны были отвѣчать во второмъ году; по вчиненнымъ во второмъ — въ третьемъ и т. д. (Улож. гл. XVIII, ст. 22, 23).

5) Невѣдніе. «А будетъ кто къ кому нибудь приставитъ въ деревенской въ какой нибудь обидѣ, а учинили де ту обиду люди, или крестьяне того, къ кому приставитъ (или) въ бѣглыхъ людѣхъ и крестьянѣхъ, и тотъ, къ кому въ такомъ дѣлѣ кто приставитъ, учнетъ бити челомъ, что люди его и крестьяне такую обиду учинили ли, и бѣглые люди и крестьяне въ помѣстьѣ его, или въ вотчинѣ есть ли, про то ему невѣдомо, и чтобы ему въ томъ дѣлѣ дати сроку до тѣхъ мѣстъ, пока мѣсть онъ про то дѣло провѣдаетъ, и такимъ челобитчикомъ въ такихъ дѣлѣхъ, для провѣдыванія, давати поверстной срокъ по указу»¹⁾).

6) Неумѣнье отвѣчать въ судѣ. «А будетъ кто въ какомъ дѣлѣ нибудь приставитъ къ недорослю, или ко вдовѣ, или къ дѣвкѣ, и отвѣчати имъ за себя не умѣти, а родимцовъ у нихъ на Москвѣ нѣтъ, а скажутъ они, что есть у нихъ родимцы, кому за нихъ отвѣчати, и тѣмъ ихъ родимцомъ отсрочено, а людей

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 229. — Объ указномъ поверстномъ срокѣ см. ниже, примѣч.

у нихъ и крестьянъ такихъ нѣтъ, кому за нихъ отвѣчати; и учнутъ они бити челомъ Государю, чтобы за нихъ отвѣчати родимцомъ ихъ на отерочной срокъ; и такимъ недорослямъ и вдовамъ и дѣвкамъ въ истцовыхъ искѣхъ срокъ давати противъ ихъ челобитья» (Улож. гл. X, ст. 185).

Вотъ всѣ законныя причины неявки къ суду, объ которыхъ упоминается въ Уложеніи. Бѣольшая часть изъ нихъ (кроме государственной службы и откуповъ) носить на себѣ характеръ фактическій и черезъ судебную практику перешла въ законъ. Поэтому онѣ излагаются мимоходомъ, казуистически, и могли пополняться новыми причинами, заимствованными изъ случаевъ. Такъ въ «Новоуказныхъ статьяхъ» мы встрѣчаемъ слѣдующее исчисленіе законныхъ причинъ неявки къ суду: «посылки для Государевыхъ дѣлъ, пожарное свое разореніе, или иное нестроеніе, или болѣзнь, или иныя какія нужныя невзгоды»¹⁾. Слѣд. законодательство времени Уложенія заранее признавало законными всѣ причины, дѣйствительно оправдывающія неявку къ суду тяжущихся, предоставляя судьямъ подводить подъ эту общую категорію данныя частные случаи.

IX.

Отводъ судей.

«А будетъ которой судья истцу будетъ недругъ, а отвѣтчику другъ или свой, и о томъ истецъ учнетъ бити челомъ Государю до суда, что ему передъ тѣмъ судьей искати не мощно; также будетъ и отвѣтчикъ до суда же учнетъ бити челомъ, что истцу его судья другъ или свой, и отвѣчать ему передъ тѣмъ судьей не мощно: и тѣхъ истца и отвѣтника тому судѣ, на кого будетъ такое челобитье, не судити, а судити ихъ иному судѣ, кому Государь укажетъ» (Улож. гл. X, ст. 3).

¹⁾ 1653 года 4, ноября (№ 109); именный.

«А будетъ которой истецъ или отвѣтчикъ на судью свойствомъ или недружбою учнетъ бити челомъ послѣ суда, и тому челобитью не вѣрити, и дѣла изъ приказа въ приказъ не переносити» (Улож. гл. X, ст. 4).

И такъ въ Уложеніи признаются два основанія, по которымъ можно было отводить судью: свойство его съ противникомъ и недружба. Но эти основанія не отклоняли судью отъ сужденія спорнаго дѣла, если тяжущійся не выставлялъ ихъ на видъ въ челобитной.

Такъ въ отношеніи къ судьямъ, сидѣвшимъ въ приказахъ; но бояре, окольные и думные люди, засѣдавшіе въ боярской думѣ, должны были сами собою оставлять думу, когда доводилось рѣшать ихъ спорныя дѣла, или тяжбы ихъ свойственниковъ¹⁾.

Просьбу объ отводѣ судей должно было подавать до суда; послѣ суда отводъ судей не допускался, ибо при недобросовѣстности тяжущихся онъ могъ подавать поводъ къ безконечной проволочкѣ процессовъ; притомъ недовольный рѣшеніемъ судьи могъ приносить апелляціонную жалобу.

Вслѣдствіе челобитной объ отводѣ, указомъ царскимъ назначался другой судья, въ другомъ приказѣ²⁾. Если тяжущіеся отводили воеводу, то судьей назначался воевода другаго города; но отводить воеводу по одному и тому же спорному дѣлу можно было не болѣе двухъ разъ: одинъ разъ могъ отводить истецъ, и одинъ разъ отвѣтчикъ³⁾. Такое же ограниченіе числа отво-

¹⁾ 1681 года, 12 августа (№ 885); именный. — До Петра Великаго, кажется, только въ одномъ этомъ указѣ и высказана мысль, что судья не можетъ судить своего дѣла.

²⁾ Это положеніе доказываетъ, что въ приказѣ былъ одинъ судья, а не многіе; иначе оно необъяснимо.

³⁾ 1680 года, 22 сентября (№ 837); именный, объявленный бояриномъ Волынскимъ.

довъ вѣроятно принято было и въ отношеніи къ приказнымъ судьямъ.

В.

Развитіе судопроизводства въ продолженіи суда.

Судъ, какъ мы сказали, есть главная, существенная часть процесса. Судъ есть тотъ моментъ гражданского судопроизводства, въ который тяжущіеся излагаютъ доказательства въ пользу и противъ спорнаго иска. Это изложеніе доказательствъ такъ необходимо въ каждомъ гражданскомъ процессѣ, что нѣтъ ни одной формы обвинительнаго судопроизводства, въ которой бы его не было. Но судъ занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто; ибо судомъ моментъ веденія доказательствъ такъ видимо былъ отдѣленъ отъ прочихъ, что между нимъ и прочими, предыдущимъ и послѣдующимъ моментами, можно провести ясно обозначенныя границы. Такой видимой отдѣльности не имѣлъ этотъ моментъ въ очныхъ ставкахъ; ибо послѣ нихъ можно было приводить новыя доказательства ¹⁾. Еще менѣе рѣзко онъ былъ отдѣленъ при рѣшеніи дѣла безъ суда; ибо въ очныхъ ставкахъ по крайней мѣрѣ начало этого момента видимо отдѣлялось отъ предыдущаго; но гдѣ суда не было, тамъ и начало и конецъ сливались съ предыдущими и послѣдующими моментами.

Веденіе доказательствъ было у насъ издревле словесное, и устное ²⁾. Это объясняется характеромъ суда, который былъ первоначально не что иное, какъ споръ тяжущихся обѣхъ, въ присутствіи судей. Въ послѣдствіи, къ этому исключительно-словесному изложенію доказательствъ въ судѣ начало мало-по-малу примѣшиваться письменное. Кажется,

¹⁾ См. гл. III, отд. 1, примѣч. 2-ое на стр. 123.

²⁾ См. правыя грамоты, помѣщенные въ Собраніи юридическихъ актовъ.

прежде всего стали излагать письменно исковыя челобитныя (Улож. гл. X, ст. 101), потомъ уже отвѣты и возраженія; ибо мы знаемъ, что отвѣтчикъ могъ просить отсрочки съ суда. Эти отсрочки, по некрѣпостнымъ дѣламъ, могли продолжаться недѣлю, а по крѣпостнымъ и долѣе, смотря по разстоянію города, гдѣ находилась крѣпость, нужная для отвѣтника, отъ мѣста, гдѣ происходилъ судъ. Итакъ могло быть, что послѣ отсрочки отвѣтчикъ представлялъ суду письменное возраженіе, или оправданіе, а не словесное (гл. X, ст. 22); ибо письменное изложеніе доводовъ и опроверженій должно было постепенно вытѣснять словесное, по мѣрѣ того, какъ обычное право переходило въ законъ писанный и исчезало въ непосредственномъ, живомъ народномъ убѣжденіи; по мѣрѣ того, какъ запутанность, сложность юридическихъ отношеній, дѣлали невозможнымъ живое сознаніе сущности спорнаго дѣла и правості передъ противникомъ. Несмотря на то, судъ остался словеснымъ (гл. X, ст. 12, 21) до самаго уничтоженія его при Петрѣ Великомъ; ибо исковая челобитная «вычитывалась отвѣтчику» (Кошихинъ гл. VII, ст. 42), а возраженіе отвѣтника истцу.

Очныя ставки должны были впервые подать поводъ ко введенію собственно письменнаго судопроизводства; ибо доказательства, приведенныя противниками на очныхъ ставкахъ, можно было пополнять челобитными, поданными и послѣ очныхъ ставокъ. Но въ рѣшеніи дѣлъ безъ суда нѣтъ уже никакихъ признаковъ словеснаго судопроизводства. Въ этомъ отношеніи оно имѣетъ много общаго съ нашимъ теперешнимъ гражданскимъ судопроизводствомъ.

Далѣе: въ періодъ Уложенія судъ отличался строгою формальностію. Если искъ, означенный въ исковой челобитной, былъ или больше или меньше того, который показанъ въ приставной памяти, то истца обвиняли безъ суда (Улож. гл.

Х, ст. 104) «роспискою». Винили и «промолкою»¹⁾, когда тяжущіеся не выражались въ судѣ тѣми строго-опредѣленными, формальными словами, которыя издавна были приняты въ судопроизводствѣ судебною практикою и освящены обычаемъ. Татищевъ, въ примѣчаніяхъ къ Судебнику, представляетъ весьма замѣчательный примѣръ такой судебной обмолвки. Въ Судномъ приказѣ одинъ билъ челомъ на другаго въ бою и безчестьи, и показалъ свидѣтелей, которые при томъ присутствовали, но не сказалъ: и на тѣхъ шлюся. Отвѣтчикъ заперся въ боѣ и безчестьи, но объявилъ, что свидѣтели, показанные истцомъ, тогда присутствовали, и когда его спросили: ты на нихъ шлешься ли? онъ отвѣчалъ: если самъ истецъ на нихъ не шлется и не называетъ ихъ свидѣтелями, то судьи не могутъ къ тому принудить. Отъ этой ошибки истецъ проигралъ процессъ и долженъ былъ примириться съ противникомъ (Судебникъ Татищева § 70, прим. в).

Образованіе торжественнаго, строго-формальнаго, техническаго языка, которымъ тяжущіеся обязаны говорить на судѣ, объясняется обыкновеннымъ ходомъ развитія права и законодательства. Въ періодъ обычнаго права, когда юридическія вѣрованія живутъ непосредственно въ народѣ, этотъ языкъ складывается. По общности, единству, ясности и живости вѣрованій, онъ, и безъ утвержденія положительнымъ закономъ, всегда одинаковъ, технически-опредѣленъ и правиленъ; тогда онъ не есть еще языкъ формальный, потому что не стѣсняетъ говорящаго, не предписывается ему какъ правило, которому онъ необходимо долженъ слѣдовать. Такой языкъ есть первоначально живая рѣчь, сама собою, непринужденно, выливающаяся изъ яснаго, опредѣленнаго, живаго сознанія права.

Съ упадкомъ обычнаго права измѣняется и характеръ судеб-

¹⁾ 1651 года, 9 января (№ 55); боярскій приговоръ.

наго языка. Онъ становится формою, въ которой тяжущіеся необходимо должны выражать свои доводы и опроверженія; ибо языкъ, которымъ бы они захотѣли, по прежнему, свободно говорить въ судѣ, не имѣетъ уже ни опредѣленности, ни одинаковости судебного языка, образовавшагося въ періодъ обычнаго права. Итакъ, послѣдній языкъ становится для нихъ обязательнымъ, техническимъ, въ настоящемъ смыслѣ слова. Онъ не для всѣхъ доступенъ, и поэтому дѣлается предметомъ изученія. Это-то измѣненіе въ характерѣ судебного языка и подаетъ въ послѣдствіи поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ: оно развиваетъ пустой, мелочной формализмъ. Отъ этого, правый истецъ или отвѣтчикъ проигрываетъ процессъ противъ неправаго противника потому только, что въ судоговореніи употребилъ не то слово, какое должно.

I.

Предметъ иска.

Состояніе предмета иска въ продолженіи процесса есть одна изъ важнѣйшихъ статей въ ученіи о гражданскомъ судопроизводствѣ. Несмотря на то, въ Уложеніи она опущена безъ вниманія. Въ одномъ мѣстѣ сказано, что бѣглый холопъ, сдѣлавшійся предметомъ тяжбы, долженъ быть послѣ суда отданъ на поруки постороннему лицу («мимо иска и отвѣтника»); если жъ никто не возьметъ холопа на поруки, то до рѣшенія спорнаго дѣла его должно отдавать «держати» приставу (Улож. гл. XX, ст. 59). Далѣе постановлено:

«Которые люди понимаются у кого за своихъ холопей, и приводятъ тѣхъ холопей въ приказъ, а чьи тѣ холопи, и тѣ люди въ тѣ поры будутъ на Государевѣ службѣ въ дальныхъ городѣхъ... и такихъ приводныхъ холопей до тѣхъ мѣстъ, какъ истцы ихъ пріѣдутъ изъ дальныхъ городовъ, отдать тѣмъ лю-

демъ, у которыхъ за нихъ понимаются, и велѣти тѣмъ людямъ, кому они будутъ отданы, къ приводу руку приложить. А какъ тѣхъ холопей у нихъ въ приказъ спросать, и тѣхъ холопей велѣти поставить. А будетъ они тѣхъ людей держати у себя не похотятъ, и тѣхъ приводныхъ людей до истцовъ ихъ дати на поруки. А будетъ по нихъ поруки не будетъ, и ихъ отдать беречи приставомъ, а кормити ихъ велѣти у приставовъ тѣмъ людямъ, кто за нихъ изымается, и у кого за нихъ изымается. А будетъ тотъ, кто за нихъ изымается и у кого изымается, кормити ихъ не учнетъ, и ихъ велѣти кормити приставомъ, а впредь за тѣхъ людей прокормъ и пожелѣзное приставу велѣти доправить на виноватомъ» (Улож. гл. XX, ст. 112).

Итакъ въ Уложеніи говорится объ однихъ спорныхъ холопяхъ; о прочихъ спорныхъ вещахъ не упоминается ни слова. Изъ этого заключаемъ, что спорная вещь, въ продолженіи процесса, оставалась за тѣмъ, у кого находилась передъ началомъ иска.

Вопросъ о состояніи спорной вещи въ продолженіе процесса особенно важенъ въ отношеніи къ спорнымъ недвижимымъ. Изъ словъ Судебника можно, съ нѣкоторою вѣроятностію, заключать, что прежде спорныя земли отбирались у тяжущихся и на все время процесса отдавались приставу; но что во время изданія Судебника это положеніе потеряло свою силу¹⁾. Въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ объ отписаніи спорныхъ недвижимыхъ тоже не говорится ни слова. Поэтому не понятно, откуда Татищевъ почерпнулъ извѣстіе, что въ Уложеніи постановлено отписывать земли на государя, когда возник-

---

¹⁾ Слова Судебника весьма замѣчательны: «А которыя земли за приставомъ въ судѣ, и тѣ земли досуживати» (Суд. § 84). Объ отбираниі земель у тяжущихся на время процесса въ Судебникѣ болѣе не упоминается. Итакъ, въ 84 § вѣроятно говорится о земляхъ, уже описанныхъ до Судебника, или до изданія неизвѣстнаго намъ указа, которымъ отписаніе земель запрещено.

нетъ споръ о крѣпости ¹⁾. Изъ многихъ статей Уложенія скорѣе можно вывести] противоположное заключеніе, а именно, что спорное недвижимое, въ продолженіе спора, оставалось за тѣмъ, кто имъ владѣлъ до начала иска. Сюда относятся:

Гл. X, ст. 244: «будетъ кто на комъ учнетъ искати вотчины, или дворя, или лавки, или мѣльницы, или иного чего вотчиннаго или помѣстнаго строенія, и отвѣтчикъ, засудя съ истцомъ и недождавша по судному дѣлу указу, то, чего на немъ истецъ искалъ, кому продастъ, или заложить, а по суду и по сыску доведется въ томъ обвинити, и у того, кому онъ что продастъ, взяти и отдать истцу».

Итакъ отвѣтчикъ отдавалъ спорное, проданное имъ недвижимое, покупщику. Еслибъ оно отписывалось, на время процесса, на государя, то такая отдача не могла бы имѣть мѣста.

Гл. XVI, ст. 54: «будетъ сыщется (съ очные ставки)... до прями, что... челобитчики отцовскихъ своихъ помѣстій никому не мѣнивали, а тѣ люди, на кого они о тѣхъ своихъ помѣстьяхъ учнутъ бити челомъ, тѣ ихъ отцовскіе помѣстья взяли себѣ мѣною въ тѣ поры, какъ они были въ робячествѣ, а не въ совершенныхъ лѣтѣхъ, и такіе помѣстья у тѣхъ людей, кто ихъ взялъ мѣною, взявъ, отдать тѣмъ челобитникомъ, которымъ тѣ мѣновыя помѣстья будутъ даны».

---

¹⁾ Судебникъ Татищева, § 84, примѣч. (г). — Г-нъ Ивановъ, въ сочиненіи о помѣстныхъ правахъ и обязанностяхъ въ Россіи, держится того же мнѣнія. Стр. 72: «... если истецъ или отвѣтчикъ, послѣ данной подписки, въ теченіе мѣсяца самъ не явится, и доказательствъ на право владѣнія не представить, въ такомъ случаѣ описывали у него, до рѣшенія дѣла, столько дворовъ и четвертей, о сколькихъ производилось спорное дѣло». — Впрочемъ, изъ этихъ словъ видно, что г-нъ Ивановъ говоритъ объ описи недвижимыхъ въ обезпеченіе правой тяжбы, а не объ отбيرانіи спорнаго недвижимаго; ибо иначе опись имѣнія у истца, который не владѣлъ спорнымъ недвижимымъ, необъяснима. Г-нъ Ивановъ не показываетъ источниковъ, изъ которыхъ заимствовано имъ это положеніе; если не ошибаемся, его нѣтъ въ Новоуказныхъ статьяхъ.

II.

Исковая челобитная.

Подъ именемъ исковой челобитной разумѣлось прошеніе о спорномъ искѣ, которое истецъ подавалъ судьямъ. Исковая челобитная первоначально излагалась словесно; это доказываютъ правыя грамоты по спорнымъ дѣламъ, помѣщенные въ собраніи юридическихъ актовъ¹⁾. Въ послѣдствіи, словесныя челобитныя мало-по-малу замѣнены письменными²⁾, которыя вычитывались отвѣтчику на судѣ³⁾.

Главные принадлежности исковой челобитной, въ періодъ Уложенія, были слѣдующія:

1) Означеніе цѣны иска. Это была относительно-необходимая принадлежность исковой челобитной; ибо отъ произвола отвѣтчика зависѣло отвѣчать или не отвѣчать на челобитную, въ которой цѣна не была показана (Улож. гл. X, ст. 102). Поэтому мы находимъ въ Уложеніи и въ Новоуказныхъ статьяхъ законное опредѣленіе цѣны (таксу) тѣмъ предметамъ, «чему въ исковыхъ челобитныхъ цѣны будетъ не на-

¹⁾ Изложеніе исковой челобитной обыкновенно начинается словами: *такъ рекъ, такъ ркли, а ркучи*. См. № 1—23.

²⁾ Изъ правыхъ грамотъ, напечатанныхъ въ собраніи юридическихъ актовъ, первая, въ которой говорится о писанной исковой челобитной, относится къ 1571 году (№ 23); «*подавъ судьямъ жалобницу, а въ жалобницу пишетъ*». Но изъ Судебника (§ 20) мы знаемъ, что уже въ 1550 году, и вѣроятно ранѣе, въ судѣ подавались писанныя челобитныя. — Изъ всѣхъ мѣстъ Уложенія, въ которыхъ упоминается объ исковыхъ челобитныхъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что въ то время онѣ были письменныя, а не словесныя. См. Улож. гл. X, ст. 20, 21, 101, 102, 104, 108, 111; — гл. XXIV, ст. 3 (1). — Кошихинъ, гл. VII, ст. 42.

³⁾ Кошихинъ. Тамъ же. — 1690 года, 27 января (№ 1363); именнымъ съ боярскимъ приговоромъ. — По этому указу отвѣтчикъ долженъ былъ подписываться подъ челобитною, что выслушалъ ее.

писано»¹⁾. Слѣд. такіа челобитныя, писанныя безъ цѣны, принимались судьями (Улож. гл. XI, ст. 26). Если отвѣтчикъ не хотѣлъ отвѣчать на челобитную, написанную безъ цѣны иска, то ее возвращали истцу, для переписанія и обозначенія цѣны (гл. X, ст. 102).

2) Искъ, означенный въ исковой челобитной, долженъ быть ни больше, ни меньше того, который означенъ въ приставной памяти. Если это условіе не было соблюдено, то истецъ обвинялся въ искѣ, но и въ этомъ случаѣ не иначе, какъ по челобитію отвѣтника. Слѣд. и эта принадлежность исковой челобитной была условно-необходимая (Улож. гл. X, ст. 104).

3) Подпись. Въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ различаются подписныя, неподписныя (Улож. гл. X, ст. 24) и заручныя челобитныя («за своими руками») (гл. XVI, ст. 8).

Послѣднее выраженіе очень ясно; оно означаетъ челобитную, которая подписана челобитчикомъ. Такая подпись была необходимою принадлежностію каждой исковой челобитной²⁾.

Смыслъ двухъ первыхъ совершенно другой, нежели какой представляется съ перваго взгляда. Объясненіе находимъ мы въ главѣ XXIII, ст. 2 Уложенія. «А будетъ которому стрѣльцу чего искати на стороннемъ человѣкѣ въ иномъ приказѣ, и ему того своего иску на стороннемъ человѣкѣ искати въ иномъ приказѣ по подписнымъ челобитнымъ изъ Стрѣлецкаго приказу, а безъ подписныхъ челобитенъ стрѣльцовъ ни въ которомъ приказѣ ни на кого ни въ чемъ суда не давати».

Итакъ подъ именемъ подписныхъ челобитенъ должно, кажется, разумѣть исковыя челобитныя, подаваемые противъ

¹⁾ Улож. гл. XXIV, ст. 3 (1). — 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 75.

²⁾ 1690 года, 27 января (№ 1363); именный съ боярскимъ приговоромъ.

такихъ отвѣтчиковъ, которые не состояли съ истцами въ одномъ вѣдомствѣ. На вчинаніе такихъ исковъ истцы необходимо должны были имѣть дозволеніе своего начальства, и это дозволеніе свидѣтельствовалось подписью на исковой челобитной. Основаніе такого ограниченія истцовъ вѣроятно заключалось въ томъ, что веденіе исковъ отвлекало истцовъ отъ ихъ службы или должности (напр. стрѣльцовъ), и поэтому не всегда и не во всякомъ случаѣ могло быть допущено.

III.

Отвѣтъ.

Отвѣтникъ долженъ отвѣчать на исковую челобитную истца. Если онъ не отвѣчалъ, не имѣя на то никакой причины, то обвинялся безъ суда (Улож. гл. X, ст. 101).

IV.

Ссылка.

Оба тяжущіеся, истецъ и отвѣтникъ, должны были основывать свои доводы и опроверженія на доказательствахъ. Приведеніе доказательствъ технически называлось въ періодъ Уложенія ссылкой (Улож. гл. X, ст. 22, 168—171, 178); слаться на крѣпости (гл. X, ст. 158—160, 167, 174), въ обыскъ (г. X, ст. 161, 175, 179) и т. д. значило приводить въ доказательство крѣпость, обыскъ.

V.

Доказательства.

Всѣ доказательства, на которыя, въ періодъ Уложенія, ссылались тяжущіеся по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, могутъ быть раздѣлены на три разряда.

Къ первому должно отнести доказательства, основанныя на показаніяхъ самихъ тяжущихся; это есть свидѣтельство тяжущихся о своемъ дѣлѣ. Подъ этотъ разрядъ подходить: собственное признаніе и крестное цѣлованіе. Второй разрядъ составляютъ доказательства, основанныя на свидѣтельствѣ же, но не тяжущихся, а постороннихъ лицъ или вещей. Къ свидѣтельству вещей должно преимущественно отнести письменные документы и акты; къ свидѣтельству постороннихъ лицъ — общую правду, обыскъ и послушество. Наконецъ третій разрядъ доказательствъ составляетъ судъ Божій. Въ настоящій періодъ, изъ различныхъ формъ суда Божія, удержался одинъ только жребій.

1) Собственное признаніе. Въ Судебникѣ и въ Уложеніи мимоходомъ упоминается о собственномъ признаніи, какъ о доказательствѣ по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ. Изъ этихъ мѣстъ видно, а) что собственное признаніе принималось за доказательство только въ такомъ случаѣ, когда тяжущійся винился, т. е. свидѣтельствовалъ не въ свою пользу; б) что собственное признаніе служило доказательствомъ только въ отношеніи къ тому, въ чемъ признавался тяжущійся. Такъ, если истецъ или отвѣтчикъ признавался (винился) только въ части иска, то его нельзя было почитать повинившимся въ цѣломъ искѣ. Изъ этого правила сдѣлано впрочемъ весьма замѣчательное исключеніе въ отношеніи къ тяжущимся, которые винулись въ части иска передъ крестнымъ цѣлованіемъ; по Уложенію, ихъ велѣно обвинять во всемъ искѣ (Улож. гл. XI, ст. 29). Но въ Новоуказныхъ статьяхъ это отмѣнено, и общее правило о собственномъ признаніи по спорнымъ гражданскимъ искамъ распространено и на тяжущихся, которые винулись передъ крестнымъ цѣлованіемъ¹⁾; с) наконецъ, чтобъ собствен-

---

¹⁾ 1678 года, 19 декабря (№ 741); именный.

ное признаніе тяжущихся могло служить доказательствомъ, самый фактъ признанія долженъ быть несомнѣнно и достовѣрно извѣстенъ судьямъ. Въ Уложеніи вездѣ упоминается или о признаніи въ судѣ, слѣдовательно въ присутствіи судей (Юрид. акты № 21), или передъ крестнымъ цѣлованіемъ, слѣд. въ присутствіи духовнаго лица, приводящаго къ присягѣ, дьяка и другихъ лицъ.

2) Крестное цѣлованіе. Присяга была рѣшительнымъ и послѣднимъ доказательствомъ, къ которому прибѣгали въ гражданскомъ судопроизводствѣ для рѣшенія спорнаго дѣла. Послѣ присяги, которою рѣшались только тѣ споры, для которыхъ не было никакихъ другихъ доказательствъ (Улож. гл. XIV, ст. 8), тяжущіеся не могли уже болѣе ни доказывать, ни опровергать спорнаго иска (гл. X, ст. 154). Къ присягѣ допускались всѣ лица безъ различія, и женщины (гл. X, ст. 173; гл. XX, ст. 45) и иноземцы (гл. XIV, ст. 3). Не допускались:

а) Принесшіе ложную присягу (гл. XIV).

б) Духовныя лица (черное и бѣлое духовенство), по правилу: «кому крестъ цѣловать, тому не священствовать». Для нихъ мѣсто присяги заступалъ жребій (гл. XI, ст. 27), или допросъ, — духовныхъ священническаго чина по священству, а иноковъ по иноческому общанію (гл. XIII, ст. 4). Это правило не распространялось однако на слугъ и крестьянъ, принадлежащихъ духовенству (гл. XIII, ст. 6). Положеніе: кому крестъ цѣловать, тому не священствовать — показываетъ также, что вообще всѣ лица, принадлежавшія къ духовному званію, кромѣ духовныхъ лицъ, какъ-то: жены, дѣти и родственники ихъ, должны были присягать наравнѣ съ прочими.

с) Недостигшіе 15-ти и 20-ти-лѣтняго возраста. Присягать могли только тѣ, которые достигли 20-ти-лѣтняго возраста. Это правило во всей строгости соблюдалось въ отношеніи

къ тѣмъ, которые цѣловали крестъ за другихъ (гл. XIV, ст. 1), и которые имѣли кого послать, вмѣсто себя, къ присягѣ. Но подъ это правило не подходили лица, недостигшія 20-лѣтняго возраста, которыя не имѣли кого поставить за себя къ крестоцѣлованію; имъ дозволялось присягать самимъ, даже если имъ было не болѣе 15-ти лѣтъ. Лица, недостигшія 15-лѣтняго возраста, ни въ какомъ случаѣ не допускались къ присягѣ (гл. XIV, ст. 5).

d) Присягавшіе трижды. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ, крестоцѣлованіе замѣнялось сыскомъ и пыткой (гл. XIV, ст. 1 и 2).

Особенность крестнаго цѣлованія, во времена Уложенія, заключалась въ томъ, что по спорному гражданскому дѣлу цѣловать крестъ могъ самъ тяжущійся, или вмѣсто его другое лицо ¹⁾. Основанія этой особенности должно искать въ быту патріархальномъ и семейственномъ, который, во времена Уложенія, былъ главнымъ и почти единственнымъ основаніемъ политическаго и гражданскаго быта. Вмѣсто тяжущихся присягали ихъ люди (Улож. гл. XIV, ст. 1), родственники (гл. XX, ст. 45) и судебные представители (гл. XIV, ст. 5); но не могли цѣловать креста наемные люди и посторонніе, по просьбѣ или порученію тяжущихся ²⁾. Если истецъ или отвѣтчикъ хотѣлъ заставить цѣловать крестъ, вмѣсто себя, своего человѣка, то выборъ послѣдняго предоставлялся противнику; кого изъ людей выбиралъ онъ, тотъ и долженъ былъ прися-

¹⁾ Цѣловать крестъ не самому было привилегією, которая давалась самимъ государемъ и выражалась въ жалованныхъ грамотахъ. — См. Царскую жалованную грамоту суконной сотни торговому человѣку Петру Рязанцеву, 1682 года, 14 января, въ Актахъ Археографической Экспедиціи, т. IV, № 252. — Голицына Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго, т. III, стр. 435.

²⁾ Такъ, кажется, должно понимать слова Уложенія: «А наемнымъ людямъ и подставою креста не цѣловати и ко кресту не приводити ни которыми дѣломъ». Улож. гл. XIV, ст. 5.

гать вмѣсто своего господина. Этотъ выборъ технически выражается въ Уложеніи словами: кому истецъ или отвѣтчикъ повѣритъ (гл. XIV, ст. 7, 8). Но если выбранный сбѣжитъ отъ своего господина, или умретъ, то право назначать другаго принадлежало уже не противнику, а самому господину (гл. XX, ст. 96).

Цѣловать крестъ въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ представлялось не истцу, а отвѣтчику (Улож. гл. XIV, ст. 3, 4, 8; гл. XI, ст. 25, 26, 29); но отъ его произвола зависѣло присягать самому («взять себѣ на душу»), или отказаться и предоставить цѣловать крестъ истцу («дать истцу на душу») (гл. XIV, ст. 8). Въ этомъ случаѣ, вѣроятно истецъ былъ обязанъ присягнуть въ спорномъ дѣлѣ; ибо нигдѣ не говорится, чтобъ истецъ могъ отказаться отъ присяги и отдать ее на душу отвѣтчику. Но для исковъ русскихъ подданныхъ съ чужеземцами (а не иноверцами, какъ объясняетъ Татищевъ), т. е. подданными другихъ государствъ, было сдѣлано исключеніе. Первые, будутъ ли они истцы или отвѣтчики, въ искахъ съ чужеземцами имѣли право, не приступая къ присягѣ, требовать, чтобъ жребій рѣшилъ, кому цѣловать крестъ въ спорномъ искѣ «и чей жребій вымется, и тому, поцѣловавъ крестъ, свое и взяти, или отцѣловатися» (гл. XIV, ст. 4).

Не во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ присяга принималась за доказательство. Изъ соображенія тѣхъ статей Уложенія, къ которыхъ упоминается о крестоцѣлованіи по гражданскимъ искамъ, ясно видно, что она допускалась только по дѣламъ, возникавшимъ изъ гражданскихъ преступленій¹⁾. Поэтому-то о

---

¹⁾ По Уложенію присяга допускалась по слѣдующимъ спорнымъ дѣламъ: 1) о бѣглыхъ крестьянахъ и ихъ имѣніи (животахъ): гл. XI, ст. 26, 27, 29; 2) о убыткахъ, причиненныхъ ратными людьми: гл. VII, ст. 30; 3) о взиманіи мыта, перевознаго и мостовщины съ ратныхъ людей: гл. IX, ст. 2 и 3; 4) о покраденныхъ и похищенныхъ вещахъ, на которыя не было запи-

присягѣ по крѣпостнымъ искамъ нигдѣ не упоминается. Въ этихъ искахъ единственнымъ доказательствомъ, какъ говорить Кошихинъ, служили крѣпости (Кошихинъ гл. VII, ст. 43); кто не могъ доказать своего права крѣпостями, тотъ обвинялся въ искѣ. Дѣла о недвижимыхъ никогда не рѣшались присягою; на это мы имѣемъ и прямые свидѣтельства ¹⁾. Наконецъ, по искамъ цѣною не болѣе рубля, мѣсто присяги заступалъ жребій (Улож. гл. XIV, ст. 10). Каждый присягалъ по своей вѣрѣ (гл. XIV, ст. 3). По искамъ между православными и иновѣрцами присяга давалась, въ періодъ Уложенія, въ приказахъ, въ которыхъ судилось спорное дѣло (гл. XIV, ст. 3); по тяжбамъ между православными — въ церкви ²⁾. Обрядъ принесенія присяги былъ совершенно одинаковъ съ теперешнимъ, и подробно развитъ въ Уложеніи и Новоуказныхъ статьяхъ ³⁾.

Кому доводилось цѣловать крестъ въ спорномъ дѣлѣ, того отдавали на поруки (Юрид. акты № 299); но если онъ не являлся къ присягѣ, не подавши предварительно о томъ челобитной, или, явившись, не присягалъ, или не ставилъ къ присягѣ своего человѣка, то обвинялся въ спорномъ дѣлѣ (Улож.

сано явки: гл. XXI, ст. 51; 5) о поклажахъ ратныхъ людей у городскихъ жителей: гл. X, ст. 190; 6) о вредѣ, причиненномъ напущеніемъ собакъ: гл. X, ст. 281; 7) о поклажѣ, раскрытой и распечатанной тѣмъ, у кого она оставлена на сбереженіе: гл. X, ст. 193; 8) о боѣ, безчестіи, грабежѣ и обидѣ лицъ духовнаго сана служивыми людьми: гл. XIII, ст. 4; 9) объ обидахъ нанесенныхъ слугамъ или крестьянамъ духовныхъ лицъ; гл. XIII, ст. 5; 10) о сносѣ, сдѣланномъ бѣжавшимъ работникамъ, по которымъ были поручители: гл. XX, ст. 43; 11) о бѣглыхъ людяхъ: гл. XX, ст. 49 и 96; 12) о порчѣ и истребленіи межевыхъ знаковъ и перенахиваніи земли: гл. X, ст. 232.

¹⁾ 1683 года, 13 іюня (№ 1022); именный съ боярскимъ приговоромъ.

²⁾ 1678 года, 19 декабря (№ 741); именный.

³⁾ Улож. гл. XIV, ст. 6, 10; — 1685 года, 15 іюня (№ 1126); именный съ боярскимъ приговоромъ.

гл. XIV, ст. 6); ибо предполагалось, что во всѣхъ означенныхъ случаяхъ обязанный дать присягу сознавался, что онъ неправъ.

Особый видъ присяги есть вѣра, образное хожденіе. Крестное цѣлованіе, какъ мы видѣли, не принималось за доказательство въ дѣлахъ о земляхъ. Но могло случиться, что споръ вчинялся не о правѣ или владѣніи недвижимымъ, а только о границахъ его. Въ этомъ случаѣ, когда не было никакихъ данныхъ для рѣшенія спора, прибѣгали къ совѣсти тяжущихся. Такимъ образомъ крестное цѣлованіе внесено и въ спорныя межевыя дѣла, подъ названіемъ вѣры образнаго хожденія. Объ образномъ хожденіи говорится въ Уложеніи въ трехъ мѣстахъ. Изъ нихъ видно, что этотъ способъ доказыванія употреблялся только въ крайнихъ случаяхъ, когда спора нельзя было рѣшить ни письменными доказательствами, ни обыскомъ (гл. XVII, ст. 52; гл. X, ст. 236, 237).

Образное хожденіе заключалось въ томъ, что одинъ изъ тяжущихся, взявши образъ, шелъ съ нимъ по тому мѣсту, гдѣ, по его убѣжденію, пролежала спорная межа. Это право проводить межу, и безспорно, давалось одному изъ тяжущихся по жеребью, также какъ въ спорахъ между русскими и иностранцами жребій рѣшалъ, кому приносить присягу; но въ последнемъ случаѣ къ жеребью прибѣгали не иначе, какъ по требованію тяжущихся; при образномъ хожденіи къ нему приступали по закону¹⁾. Этотъ видъ крестнаго цѣлованія уничтоженъ въ 1683 году, «чтобъ... душевредства и клятвы не было»²⁾.

¹⁾ Жребій бросали въ судѣ, гл. X, ст. 236. — Весьма замѣчательно, что объ образномъ хожденіи также говорится: *отдать кому на душу*. Это указываетъ на одинаковость его съ крестнымъ цѣлованіемъ.

²⁾ 1683 года, 20 мая (№ 1013); Писцовый наказъ межевщикамъ, посланнымъ въ города.

3) Письменные доказательства. Доказываніе или опроверженіе спорнаго иска письменными актами необходимо появляется вмѣстѣ съ системою укрѣпленія такими актами гражданскихъ правъ. Въ періодъ Уложенія, письменными актами укрѣплялись всѣ права гражданскія: и права на вещи, и обязательства, основанныя на договорѣ, и наслѣдственное право. Письменные акты первоначально вѣроятно составлялись для памяти (отсюда память, запись). Въ послѣдствіи, процессуальное назначеніе ихъ развивалось все болѣе и болѣе; письменные акты начали составляться уже не для памяти, а для спору. Такъ въ Уложеніи (гл. XI, ст. 4, 19). Отсюда крѣпость — названіе, усвоенное всѣмъ тѣмъ письменнымъ актамъ, которыми доказывалось какое-либо гражданское право (гл. XVIII, ст. 17; гл. XX, ст. 21, 29, 32; гл. X, ст. 246, 247, 250).

Итакъ, система укрѣпленія гражданскихъ правъ письменными актами введена сначала обычаемъ, употребленіемъ, а не положительнымъ закономъ. Но когда однажды утвердился обычай составлять о каждомъ гражданскомъ правѣ письменный актъ, законодательство начало требовать, чтобъ права доказывались крѣпостями. Такъ многіе гражданскіе иски сдѣлались исключительно крѣпостными.

«А которые люди всякихъ чиновъ учнутъ бити челомъ на кого въ заемныхъ деньгахъ, или въ поклажахъ, или въ какойнибудь ссудѣ а... на то кабаль и заемныхъ памятей и иныхъ никакихъ крѣпостей... въ челобитьѣ своемъ и въ приставныхъ памятяхъ не напишутъ, и имъ на тѣхъ людей суда не давати» (Улож. гл. X, ст. 189; ср. гл. XXI, ст. 71).

«А дается во всякихъ въ денежныхъ и въ заемныхъ товарныхъ и иныхъ дѣлахъ судъ по кабаламъ и по записямъ, а у кого кабаль нѣтъ, или утеряются, или подерутся, и иная

какая нибудь škoda учинится, и въ безкабальныхъ дѣлахъ суда не дается и вѣрить не велѣно ни чему, хотябъ на какое дѣло двадцать челоувѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпостей» (Кошихинъ гл. VII, ст. 43).

Вслѣдствіе принятія и утвержденія положительнымъ законодательствомъ системы укрѣпленія гражданскихъ правъ письменными актами, должны были образоваться извѣстные правила составленія этихъ письменныхъ актовъ, для того, чтобъ они могли быть признаваемы за доказательство. Эти правила упоминаются въ Уложеніи, и вообще, въ судебной практикѣ того времени, были развиты довольно подробно¹⁾.

Крѣпостями доказывались въ періодъ Уложенія почти все гражданскіе иски. Подъ это правило не подходили: а) Иски, основанные на давности²⁾; б) Гражданскіе иски, возникавшіе вслѣдствіе гражданскихъ преступленій (боя, грабежа и т. д.); в) Гражданскіе иски, преслѣдуемые уголовнымъ порядкомъ (напр. объ убыткахъ, нанесенныхъ покражею, мошенничествомъ, разбоемъ, подлогомъ³⁾ и т. д.).

Опровергать искъ, основанный на крѣпостныхъ доказательствахъ, можно было различными способами: а) Крѣпостями⁴⁾; б) Опроверженіемъ подлинности крѣпостей. Такое опроверженіе технически выражалось словами: оболживить, полживить крѣпость⁵⁾. Оно состояло въ томъ, что тяжущійся, отсутствіемъ нѣкоторыхъ формальныхъ, существенныхъ принадлежностей извѣстнаго письменнаго акта, доказывалъ подложность его («что она не прямая, а лживая»).

¹⁾ Улож. гл. XX, ст. 103; гл. XXI, ст. 99; гл. X, ст. 246, 250, 252, 253; гл. XI, ст. 4.

²⁾ Улож. гл. XVII, ст. 51.

³⁾ Улож. гл. XVII, ст. 59; гл. XVI, ст. 23, 54; гл. XX, ст. 24, 25.

⁴⁾ Улож. гл. XVII, ст. 34; гл. XX, ст. 21, 32; гл. X, ст. 254.

⁵⁾ Улож. гл. X, ст. 259; гл. XX, ст. 20.

Письменные акты доставлялись къ суду самими тяжущимися :

«Которые крѣпости на судѣ истецъ или отвѣтчикъ въ письменныхъ или въ словесныхъ своихъ ссылкахъ объявять, а на судѣ ихъ въ то время не положить, и ихъ про тѣ крѣпости допрашивать въ судѣ же, гдѣ у нихъ тѣ крѣпости. Да будетъ скажутъ, что у нихъ тѣ крѣпости на Москвѣ, и имъ тѣ крѣпости велѣтъ положить вскорѣ. А будетъ они скажутъ, что у нихъ тѣ крѣпости въ городѣхъ, и имъ въ тѣхъ крѣпостяхъ дати поверстный срокъ по Государеву указу»¹⁾.

Кто не являлся къ суду съ крѣпостью въ назначенный срокъ, того обвиняли въ искѣ безъ суда²⁾.

4) Общая правда. (Опчая правда, обчая правда, обчая ссылка.) Подъ именемъ «общей правды» разумѣлось свидѣтельство одного или нѣсколькихъ лицъ, на которое ссылались оба тяжущіеся, и истецъ и отвѣтчикъ. Уложеніе даетъ ей преимущество передъ всѣми другими видами свидѣтельства: передъ послушествомъ (гл. X, ст. 167) и обыскомъ (гл. X, ст. 168). Причина та, что показаніе свидѣтеля, на котораго ссылаются оба противника, уже по этому одному должно быть достовѣрнѣе всякаго другаго свидѣтельства. Изъ этого правила сдѣлано одно только исключеніе: общей правдѣ предпочитали повальный обыскъ, когда она не была ближняя, т. е. когда мѣсто, гдѣ должно было произвести обыскъ, было ближе мѣстопребыванія общей правды (гл. X, ст. 167). Она вовсе не допрашивалась, когда находилась въ городахъ, отдаленныхъ отъ Москвы на большое разстояніе (въ Астрахани, Сибири), и тяжущійся приносилъ жалобу на своего противника, что онъ, ссы-

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 22. — Указный поверстный срокъ не опредѣленъ въ Уложеніи. Въ Судебникѣ на сто верстъ полагается семь дней. Судебникъ Татищева, § 42, 69.

²⁾ 1685 года, 11 ноября (1140); Судныя статьи, п. 2.

лаясь на такую правду, только хочет проволочить дѣло (гл. XX, ст. 109).

Уложеніе не рѣшаетъ весьма важнаго вопроса, который естественно представляется при тщательномъ разсмотрѣніи общей правды: можетъ ли быть принята въ судѣ общая ссылка тяжущихся на такія лица, которыя, по закону, не допускаются къ свидѣтельству, напр. общая ссылка на жеру одного изъ тяжущихся, на господина и т. д. Кажется, этотъ вопросъ должно рѣшать и положительно, и отрицательно, смотря по различнымъ цѣлямъ, съ которыми законодательство устранило извѣстные лица отъ свидѣтельства. Если цѣль заключается только въ обезпеченіи тяжущихся отъ ложныхъ показаній, то общая ссылка на лица, которыя, по закону, не могли быть свидѣтелями, должна быть допущена. Напротивъ, если цѣль состоитъ въ наказаніи извѣстныхъ лицъ (напр. клятвопреступника), или сохраненіи святости и чистоты извѣстныхъ отношеній (напр. дѣтей къ родителямъ, жены къ мужу), то допросъ такой ссылки не могъ, кажется, быть допущенъ ни въ какомъ случаѣ.

Общая правда могла состоять изъ одного (гл. X, ст. 167) или нѣсколькихъ общихъ свидѣтелей. Въ послѣднемъ случаѣ, при разнорѣчии, на двухъ одинаковыхъ показаніяхъ основывалось рѣшеніе (гл. X, ст. 169). Вызовъ къ суду общей правды, какъ позывъ къ суду отвѣтника, производился посредствомъ пристава (гл. X, ст. 144), или посредствомъ государственной сыскной грамоты, посылаемой къ воеводѣ того города, гдѣ жилъ общій свидѣтель¹⁾. По прибытіи къ суду, его допрашивали, кажется, не приводя къ присягѣ; по крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ не упоминается.

---

¹⁾ Улож. гл. XVIII, ст. 34. — 1678 года, 19 декабря (№ 742); боярский приговоръ.

На ложное показаніе общей правды можно было приносить жалобу (Улож. гл. X, ст. 170). Оно вѣроятно судилось уголовнымъ судомъ, одинаково съ ложными показаніями обыскныхъ людей.

5) Обыскъ. Обыскъ есть свидѣтельство многихъ людей, живущихъ на извѣстномъ пространствѣ, на которыхъ тяжущіеся ссылаются, не называя каждаго поимянно: «на многихъ людей безимянно» (Улож. гл. X, ст. 161). Изъ этого опредѣленія вытекають слѣдующія основныя положенія:

1) Обыска отводить нельзя (гл. X, ст. 161). Когда кто-либо ссылается на многихъ людей вообще, не называя ихъ именно, то невозможно предполагать стачки между имъ и тѣми, которые допрашиваются въ обыскѣ. Изъ этого правила сдѣлано было одно только исключеніе. Если одинъ изъ тяжущихся ссылался на обыскъ въ городахъ, отдаленныхъ отъ Москвы, въ Астрахани или Сибири, то другой могъ обвинять своего противника, что онъ дѣлаетъ это для провоочки дѣла, и тогда судьи отказывали въ обыскѣ. Это исключеніе, въ строгомъ смыслѣ, не есть исключеніе, ибо не проистекаетъ изъ сущности обыска (гл. XX, ст. 109).

2) Нельзя отводить никого изъ обыскныхъ людей. Есть мнѣніе, будто бы отводъ не дозволяется потому, что если нѣкоторые и покажутъ ложно, то за то другіе дадутъ справедливое свидѣтельство, и рѣшеніе, въ большей части случаевъ, будетъ правильно. Но это несправедливо. Приведенное положеніе вытекаетъ изъ основнаго начала обыска. Повальный обыскъ есть ссылка на многихъ людей безимянно. Поэтому должно спрашивать всѣхъ. Если будетъ допущенъ отводъ обыскныхъ людей, тогда въ ссылку безимянную будетъ внесено начало послушества, ссылки на извѣстныя, опредѣленные лица, что противорѣчитъ главному, характеристическому свойству обыска, и разрушаетъ его въ самомъ понятіи. Обыскъ

есть свидѣтельство людей, означенныхъ вообще, а не поимянно; слѣд. каждый изъ нихъ необходимо долженъ имѣть способность быть свидѣтелемъ. Поэтому, Новоуказными статьями запрещено допрашивать въ обыскѣ тѣхъ, которые «сами не вѣдаютъ и не видали, а скажутъ, что слышали отъ людей»; глухихъ, нѣмыхъ, «бѣсныхъ» и «которые въ малыхъ лѣтѣхъ, а не въ возрастѣ» ¹⁾).

Обыскъ имѣлъ различныя названія. Онъ назывался обыскомъ (Улож. гл. X, ст. 156, 157 и др.), повальнымъ обыскомъ ²⁾, большимъ повальнымъ обыскомъ ³⁾, большимъ сыскомъ (Улож. гл. XVI, ст. 35), большимъ обыскомъ (Юрид. акты № 59), наконецъ обыскомъ около житья (Улож. гл. XXI, ст. 28). Всѣ эти названія, конечно, не означали различныхъ видовъ обыска, юридически отличныхъ другъ отъ друга, и служили только для выраженія нѣкоторыхъ фактическихъ оттѣнковъ его въ различныхъ случаяхъ ⁴⁾; со всѣмъ тѣмъ, эти оттѣнки иногда имѣли значительное вліяніе на рѣшеніе спорнаго дѣла, и даже на юридическій характеръ обыска. Въ доказательство мы приведемъ здѣсь одинъ случай, который разрѣшенъ Уложеніемъ.

Отличительное свойство обыска, какъ мы видѣли, именно состояло въ томъ, что на него ссылались тяжущіеся, не называя лицъ, которые должны быть допрошены («на многихъ лю-

¹⁾ 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 164; гл. XXI, ст. 85; гл. XX, ст. 95; гл. X, ст. 175.

³⁾ Улож. гл. XXI, ст. 57; — Юридическіе акты № 60.

⁴⁾ Улож. гл. XX, ст. 95: «А которые люди учнутъ... слатися въ повальнѣй обыскъ около своего помѣстья... версты по двѣ, и по три, и по пяти, и по шти, и по десяти». 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28: «А сыскивать повальнымъ обыскомъ около тѣхъ мѣстъ по верстѣ, и по двѣ, и по три, и по пяти, и по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати и больше».

дей безимянно»). Когда такимъ образомъ допрашивалось множество лицъ, характеръ обыска сохранялся во всей чистотѣ. Но могло быть, что, несмотря на безимянную ссылку, въ обыскѣ оказывалось не болѣе двадцати, или тридцати чело-вѣкъ. Должно ли считать ихъ показанія повальнымъ обыскомъ, или нѣтъ? Тяжущійся могъ умышленно сослаться на такой обыскъ, для того только, чтобъ воспользоваться преимуществами, которыя обыскъ имѣетъ передъ показаніями послуховъ. Уложеніе рѣшаетъ вопросъ такъ: если обыщикъ и оба тяжущіеся скажутъ, что кромѣ двадцати или тридцати чело-вѣкъ на извѣстномъ, для обыска опредѣленномъ пространствѣ, нѣтъ болѣе другихъ людей, то такой обыскъ почитать повальнымъ обыскомъ (гл. XX, ст. 95).

По Уложенію, обыскъ занимаетъ средину между общею правдою и послушествомъ. Изъ трехъ упомянутыхъ нами видовъ личнаго свидѣтельства, ссылка на общую правду имѣла преимущество передъ ссылкой на обыскъ (гл. X, ст. 167), а обыскъ имѣлъ преимущество передъ послушествомъ, потому что не могъ быть отводимъ противникомъ (гл. X, ст. 161).

По гражданскимъ процессамъ обыскъ производился не иначе, какъ по требованію одного изъ тяжущихся¹⁾. Когда который-нибудь изъ нихъ ссылался на обыскъ, судьи посылали государеву грамоту къ воеводѣ того города, гдѣ надлежало быть обыску, съ приказаніемъ произвести его немедленно²⁾. По полученіи такой грамоты, воевода посылалъ «отставнаго дворянина добра» или «изъ приказа подъячаго», или

¹⁾ Это доказывается тѣмъ, что въ Уложеніи безпрестанно говорится: «слатися въ обыскъ», иногда съ прибавленіемъ: изъ виноватыхъ. Одно только мѣсто въ Уложеніи упоминаетъ объ обыскѣ, назначаемомъ безъ ссылки тяжущихся. См. Улож. гл. XVIII, ст. 33.

²⁾ Эти грамоты назывались *сыскными*. — 1679 года, 19 декабря (№ 742); боярскій приговоръ. — 1688 года, 31 марта (№ 1294); именный.

сына боярскаго, или пушкаря¹⁾), произвести обыскъ на мѣстѣ. По порученію, на нихъ возложенному, они вообще назывались обыщиками, иногда сыщиками (Улож. гл. X, ст. 161). Этимъ сыщикамъ давалась наказная память, въ которой излагались предметъ обыска и обязанность сыщика (Юрид. акты № 345). Прибывши на мѣсто, гдѣ должно было производить обыскъ, сыщикъ допрашивалъ обыскныхъ людей, какъ обыкновенно допрашиваютъ свидѣтелей: бралъ показаніе отъ каждаго за его подписью, отъ свѣтскихъ людей подѣ присягою, отъ лицъ духовнаго чина по священству и иноческому общанію, и принималъ всѣ мѣры, чтобъ обыскные люди «стакався не лгали» (Улож. гл. X, ст. 191). На обыскѣ основывали рѣшеніе спорнаго дѣла. Если показанія разнорѣчили, то приговоръ постановлялся по большинству одинаковыхъ показаній (гл. X, ст. 191).

Въ періодъ времени отъ Уложенія до Петра Великаго обыскъ значительно измѣнился и почти совершенно основанъ на началахъ послушества. Прежнее положеніе, что обыскныхъ людей отводить нельзя, сохранилось по одной только формѣ; ибо Новоуказными статьями 1669 года постановлено не допрашивать тѣхъ, которыхъ тяжущійся имѣлъ право отводить отъ свидѣтельства²⁾). Удержалось одно только существенное различіе между повальнымъ обыскомъ и послушествомъ: первый составляли показанія свидѣтелей, не поименованныхъ тяжущи-

---

¹⁾ Юридическіе акты, № 345. — Изъ наказной памяти обыщикамъ видно, что иногда посылали нѣсколькихъ производить обыскъ.

²⁾ 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28. — Такъ, не велѣно допрашивать дѣтей въ обыскахъ о родителяхъ; вольноотпущенныхъ о прежнихъ господахъ; работниковъ о тѣхъ, у кого живутъ въ работѣ. Весьма замѣчательно, что въ числѣ отводимыхъ отъ обыска самимъ закономъ не упомянуты тѣ, которыхъ отводить именно запрещено въ Уложеніи, а именно родственники и друзья (Улож. гл. X, ст. 161).

мися, а послѣднее было свидѣтельство лицъ, именно означенныхъ тѣмъ, кто ссылался на ихъ свидѣтельство.

Несмотря на формальность, опредѣленность, которую имѣеть обыскъ въ Уложеніи, и на стремленіе законодательства настоящей эпохи основать его на началахъ послушества, въ немъ не трудно узнать свидѣтельство общины, міра, который нѣкогда былъ главнымъ основаніемъ всего нашего юридическаго быта. Такой характеръ мірскаго, общиннаго показанія обыскъ сохранилъ отчасти и въ послѣдствіи, въ дѣлахъ уголовныхъ; оговореннаго въ татьбѣ, разбоѣ или убійствѣ не пытали, не допрося въ обыскѣ, добрый ли онъ, или лихой человекъ. Такимъ образомъ, положеніе, что нельзя отводить обыска, объясняется и исторически. Свидѣтельство цѣлой общины, міра, неподкупно, непреложно-истинно. Эта мысль сохранилась въ пословицѣ: «гласъ народа, гласъ Божій».

Общинный бытъ Россіи рано пришелъ въ упадокъ. Еще въ 1556 году, изданы правила о произведеніи обыска¹⁾. Изъ этихъ правилъ видна недовѣрчивость къ обыску и обыскнымъ людямъ; упоминается о многихъ злоупотребленіяхъ обыскныхъ людей, о стачкѣ, лжи. Законодательство должно было прибѣгнуть къ различнымъ средствамъ, чтобъ противодействовать вреднымъ послѣдствіямъ, которыя необходимо влекли за собою ложныя показанія въ обыскѣ, и допустило даже возможность контролировать его. Когда обыскъ потерялъ такимъ образомъ значеніе непреложнаго, неопровержимаго свидѣтельства, законодательство стало, мало-по-малу, вносить въ него начала послушества. Законъ не оставилъ, и не могъ оставить обыску его прежняго юридическаго значенія, но воспользовался древнею, обветшалою формою, и изъ нея создалъ особый видъ послушества, который доставлялъ тяжущимся новые способы

---

¹⁾ Суд. Татищева, § 107, 109, 110, 111, 112, 115, 116, 118.

доказыванія — многихъ, иногда имъ самимъ неизвѣстныхъ свидѣтелей.

б) Послушество. Подъ именемъ послушества разумѣется въ Уложеніи свидѣтельство лицъ, поимянно означенныхъ тяжущимися, на которое послѣдніе ссылаются какъ на доказательство. Чтобы свидѣтельство было истинно, свидѣтель, «послухъ», долженъ 1) знать то, о чемъ свидѣтельствуется; 2) имѣть желаніе давать о томъ, о чемъ свидѣтельствуется, истинное показаніе.

Знаніе предмета свидѣтельства предполагаетъ въ послухъ:

- а) Способность познаванія. Поэтому не могутъ быть послухами: дѣти, безумные, сумасшедшіе, глухіе, нѣмые и «бѣсные»¹⁾. Въ Уложеніи объ этихъ исключеніяхъ вовсе не упоминается, можетъ-быть потому, что они разумѣлись сами собою, или жили еще въ обычаѣ, какъ многія другія юридическія положенія, не вошедшія въ законъ писанный. Въ Новоуказныхъ статьяхъ нѣкоторыя изъ этихъ исключеній показаны, и внесены въ наше законодательство изъ градскихъ законовъ.
- б) Непосредственное знаніе того, о чемъ свидѣтельствуется. Поэтому не могли свидѣтельствовать тѣ, которые знали о предметѣ свидѣтельства по слухамъ²⁾.

Желаніе послуха дать справедливое показаніе (по Уложенію сказку) предполагается, если нѣтъ какой-либо причины ожидать противнаго.

Такими причинами почитаются въ Уложеніи: а) Нарушеніе святости присяги. Кто однажды далъ присягу въ неправомъ искѣ, или, давши присягу, дѣлалъ ложное по-

¹⁾ 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 28,

²⁾ Улож. гл. X, ст. 172. — Изъ указа 1556 года видно, что въ періодъ Судебника ссылались и на тѣхъ, которые слышали о томъ, о чемъ свидѣтельствовали («въ слухъ, видѣніе и вѣдомо»). Судебн. Татищева § 108.

казаніе, тотъ не могъ уже никогда быть свидѣтелемъ¹⁾.
 б) Предрасположеніе къ истцу или отвѣтчику, протекающее: а) изъ родства (гл. X, ст. 161). Не принималось свидѣтельство жены одного тяжущагося, по ссылкѣ другаго²⁾; но свидѣтельство отца или матери одного тяжущагося, по ссылкѣ другаго, принималось за неопровержимое доказательство (гл. X, ст. 176); б) изъ «недружбы» (гл. X, ст. 161, 181; гл. XXI, ст. 76); γ) изъ стачки свидѣтеля съ однимъ изъ тяжущихся (гл. X, ст. 182, 179); δ) изъ близкихъ, хотя не родственныхъ и не дружественныхъ отношеній свидѣтеля къ одному изъ тяжущихся. По Уложенію, отпущенные крѣпостные люди не могли быть призываемы къ свидѣтельству тѣмъ, кто имѣлъ спорное дѣло съ ихъ прежнимъ господиномъ (гл. X, ст. 174). Когда крѣпостной человѣкъ отвѣчалъ въ своемъ искѣ за своего господина, истецъ не могъ призывать послѣдняго въ свидѣтели по этому иску (гл. X, ст. 178).

Не всѣ изложенныя нами причины одинаково отклоняли извѣстные лица отъ свидѣтельства по спорному дѣлу. Иныя сами собою дѣлали свидѣтелей неспособными къ свидѣтельству; другія не иначе, какъ по просьбѣ тяжущагося, противъ котораго приводили свидѣтелей. Къ послѣднимъ преимущественно относятся: родство и недружба (Улож. гл. X, ст. 161, 181, 182, 179). Отклоненіе послуха отъ свидѣтельства самимъ тяжущимся технически называется въ нашемъ законодательствѣ отводомъ. Итакъ, подъ именемъ отвода должно разумѣть отстраненіе отъ свидѣтельства, однимъ изъ тяжущихся, свидѣтеля, на котораго ссылался другой, — отстраненіе, основанное на

¹⁾ Улож. гл. XI, ст. 27: «и впредь ему ни въ чемъ не вѣрить».

²⁾ Улож. гл. X, ст. 177. — Судебникъ Татищева, § 122; указъ 1537 года, 2 января: «потому что жена въ его (мужа) волѣ, что ей велить, то она и пишетъ».

законной причинѣ и происходившее законнымъ порядкомъ. Тяжущійся подавалъ объ отводѣ просьбу судьямъ (гл. X, ст. 179), которые разсматривали ее и рѣшали, имѣетъ ли отводъ справедливое основаніе. Въ руководство они принимали Уложение и обычай, когда первое не опредѣляло правилъ, признаваемыхъ въ послѣднемъ.

Не могли быть отводимы: а) Родители (Улож. гл. X, ст. 176). б) Ссылка на десять человѣкъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ и городовыхъ, дѣтей боярскихъ, стрѣleckихъ головъ, гостей, дьяковъ, жильцовъ, дворовыхъ людей, стрѣleckихъ сотниковъ и подъячихъ поимянно, въ искѣ, цѣною въ 50 рублей (гл. X, ст. 158). в) Ссылка на десять человѣкъ посадскихъ людей гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ; стрѣльцовъ, казаковъ и вообще служилыхъ людей; ямщиковъ, монастырскихъ служекъ и крестьянъ, поимянно, въ искѣ цѣною въ 20 рублей (гл. X, ст. 159).

Въ означенныхъ трехъ случаяхъ свидѣтельство почиталось полнымъ, несомнѣннымъ и неопровержимымъ доказательствомъ. Если «тѣ люди (на которыхъ ссылался тяжущійся) по допросу скажутъ не противъ его ссылки, или и противъ его ссылки, да не всѣ во одну рѣчь, хотя одинъ не по немъ скажетъ, или они скажутъ, что про то дѣло ничего не вѣдаютъ, и его тѣмъ обвинити, потому что онъ на тѣхъ людей самъ слался изъ воли, а они сказали не противъ его ссылки» (гл. X, ст. 160).

Свидѣтелей допрашивали въ судѣ. Это доказывается правыми грамотами, помѣщенными въ собраніи юридическихъ актовъ и многими мѣстами въ Судебникѣ, Уложеніи и другихъ источникахъ, въ которыхъ упоминается о хоженомъ и ѣздѣ недѣльщику, посылаемому за свидѣтелями («на правду»). Свидѣтелей, живущихъ въ городахъ и уѣздахъ, въ которые посылались не приставы, а грамоты, вѣроятно не вызывали къ

суду, а допрашивали на мѣстѣ; на это мы не имѣемъ примыхъ доказательствъ, но заключаемъ по аналогіи съ вызовомъ къ суду отвѣтчика, и съ допросомъ общей правды. Допросу, свидѣтелей необходимо предшествовало приведеніе ихъ къ присягѣ (Улож. гл. X, ст. 158, 173). Когда это введено впервые, утвердительно сказать нельзя. Въ Судебникѣ и современныхъ ему правыхъ грамотахъ о присягѣ свидѣтелей не упоминается. Въ Уложеніи приведеніе ихъ къ присягѣ принято за общее правило. Подъ него не подходили, разумѣется, лица духовнаго, званія и, кажется, высшіе сановники государства, бояре, окольничьи, думные дѣяки и думные люди; по крайней мѣрѣ о приведеніи ихъ къ присягѣ передъ свидѣтельствомъ нигдѣ не упоминается.

Показаніе свидѣтелей технически называлось сказкою (Улож. гл. X, 158, 159), а отобраніе показаній — допросомъ, въ противоположность роспросу, который, уже по самому названію, заключалъ въ себѣ начало инквизиціонное, слѣдственное¹⁾.

7) Жребій. Жребій былъ одною изъ древнѣйшихъ формъ суда Божія (ордалій)²⁾. Въ Уложеніи онъ принимается за судебное доказательство только въ двухъ случаяхъ: 1) когда цѣна иска не превышаетъ рубля (Улож. гл. XIV, ст. 10); 2) въ искахъ съ лицами духовнаго чина³⁾. — Отсюда видно, что въ періодъ Уложенія дѣйствіе жребія было весьма ограничено.

¹⁾ 1707 года, 22 марта (№ 2144); боярскій приговоръ.

²⁾ На эту древность жребія указываютъ слова, очевидно происходящія отъ одного съ нимъ корня: *жрецъ, жертва, жеребя*. (Мы знаемъ, что въ Арконскомъ храмѣ гадали посредствомъ коня. Карамзинъ, Исторія, т. I, стр. 99, примѣч. 228 (по 1-му изд. 4.)

³⁾ Улож. гл. XIII, ст. 4. — Впрочемъ, вмѣсто рѣшенія тяжбы жребіемъ, другой тяжущійся могъ просить о допросѣ духовныхъ священническаго чина по священству, а иноковъ по иноческому обѣщанію. Улож. гл. XIII, ст. 6.

Въ строгомъ смыслѣ, онъ былъ тогда не что иное, какъ субститутъ крестоцѣлованія, и то въ немногихъ случаяхъ, определенныхъ закономъ. Такое ограниченное дѣйствіе жребія, какъ судебного доказательства, объясняется самымъ его характеромъ. Жребій былъ остаткомъ древнихъ языческихъ вѣрованій въ судъ Божій, который рѣшалъ, что право и что неправо, независимо отъ усилій человѣка. Съ утвержденіемъ христіанской религіи, это вѣрованіе должно было исчезнуть. Мѣсто суда Божія заступило цѣлованіе креста, которое тоже имѣло характеръ ордалій, но привнесло къ прежнему началу начало свободной, индивидуальной воли. Стали вопрошать совѣсть тяжущихся, подъ страхомъ неминуемаго наказанія Божія за сокрытіе истины. Ордаліи должны были тогда занять второстепенное мѣсто въ числѣ судебныхъ доказательствъ, и наконецъ, въ послѣдствіи, почти совершенно исчезли.

VI.

Отсрочка съ суда.

Оба тяжущіеся, истецъ и отвѣтчикъ, могли, въ продолженіе суда, просить объ отсрочкѣ его на нѣкоторое время. Когда отсрочки просилъ одинъ тяжущійся, то она давалась ему не иначе, какъ по какой-либо законной причинѣ. По Уложенію, Новоуказнымъ статьямъ и правымъ грамотамъ, такими законными причинами признавались: а) Доставленіе на судъ крѣпости, необходимой для рѣшенія спорнаго дѣла¹⁾. б) Когда тяжущійся не изготовился къ отвѣту²⁾.

Могли быть и другія законныя причины отсрочки. Но когда

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 22. — 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Суднымъ статьямъ, п. 2.

²⁾ Тамъ же.

оба тяжущіеся просили объ отсрочкѣ съ суда, то она давалась имъ и безъ законной причины, по одному обоюдному ихъ согласію. Они заключали между собою условіе о срокѣ, въ который должны были явиться къ суду, и это условіе означали въ собственноручной подписи подъ судною запискою¹⁾. Кто не являлся послѣ отсрочки, въ срокъ, назначенный или закономъ, или полюбовно самими тяжущимися, тотъ обвинялся безъ суда; истецъ терялъ свой искъ, отвѣтчикъ признавался виновнымъ²⁾. Дѣло называлось недосуженнымъ, а записка объ этомъ спорномъ дѣлѣ недосуженною запискою.

VII.

Сыскъ.

Въ Уложеніи весьма часто встрѣчаемъ мы выраженіе: а съ суда сыскати (гл. X, ст. 135). Это выраженіе подавало поводъ къ различнымъ толкованіямъ и было главнымъ основаніемъ неправильнаго взгляда на гражданское судопроизводство того времени.

Тяжущіеся указывали (ссылались) на доказательства; судьи удостовѣрялись въ дѣйствительности и подлинности этихъ доказательствъ. Такое удостовѣреніе технически называлось, во времена Уложенія, сыскомъ³⁾. Итакъ, выраженіе съ суда сыскати значило: удостовѣриться въ подлинности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися; если они ссылались на свидѣтельство — допросить свидѣтелей; если на обыскъ — обыскать; если на крѣпости, или книги — рассмотреть, сви-

¹⁾ 1686 года, 19 января (№ 1156); именной съ боярскимъ приговоромъ.

²⁾ Тамъ же. — 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 2.

³⁾ Улож. гл. VII, ст. 6; гл. X, ст. 194; гл. XX, ст. 17; гл. X, ст. 214, 223, 235, 238, 276; гл. XX, ст. 64, 103.

дѣлствовать крѣпости, и книги. Такъ объясняются и другія выраженія, встрѣчающіяся въ источникахъ: по суду и по сыску¹⁾, по суду или по сыску²⁾, по судному и сысному дѣлу³⁾. Слова: сыскъ, сыщется, никогда не употреблялись въ отношеніи къ собственному признанію, присягѣ и жребію. Причина вѣроятно та, что они, по существу своему, не имѣли ничего общаго съ прочими доказательствами.

VIII.

Судная записка.

Доказательства и возраженія тяжущихся, представляемыя на судѣ словесно или письменно, и вообще все что говорилось на судѣ истцомъ, отвѣтчикомъ и судьей, записывалось подъячими того приказа, гдѣ происходилъ судъ.

«А судныя дѣла въ приказѣхъ записывати подъячимъ, а черненія бы и межъ строкъ приписки и скребленія въ тѣхъ запискахъ не было. А какъ судъ отойдетъ, и истцу и отвѣтчику къ тѣмъ запискамъ прикладывати руки. А которые грамотѣ не умѣютъ, и въ тѣхъ мѣсто прикладывати руки, кому они вѣрятъ» (Улож. гл. X, ст. 11).

«А... для записки судныхъ дѣлъ во всѣхъ приказѣхъ быти записнымъ книгамъ, за дьячими руками. А судныя дѣла въ тѣ книги записывати подъячимъ тогожде часу, какъ судъ отойдетъ, чтобы про то было вѣдомо, въ которомъ числѣ кто на комъ чего искалъ» (Улож. гл. X, ст. 128).

---

¹⁾ Улож. гл. VII, ст. 7; гл. IX, ст. 3; гл. XI, ст. 2, 34; гл. XVII, ст. 27; гл. XX, ст. 4; гл. X, ст. 92, 218, 244, и др.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 30, 31, 85.

³⁾ Юридическіе акты, № 25.

IX.

Судъ.

(дополнительный)

Изъ многихъ статей Уложенія мы видимъ, что послѣ суда по какому-либо спорному гражданскому иску, когда не было никакихъ рѣшительныхъ доказательствъ ни въ пользу, ни противъ этого иска, тяжущимся снова давался судъ, за которымъ, въ большей части случаевъ, слѣдовало крестное цѣлованіе.

«А будетъ кто безпомѣстный и безвотчинной, или иноземецъ кормовой, или кто нибудь, похвалится на кого смертнымъ убійствомъ въ очи, или за очи, и тотъ, на кого онъ похвалится, учнетъ на него Государю бити челомъ, и на него дати судъ, а съ суда сыскати. А будетъ кто на кого въ похвальбѣ смертнаго убійства учнетъ Государю бити челомъ, а сыскати про то нѣкимъ, и имъ въ томъ дати судъ, а съ суда учинити указъ, до чего доведется»¹⁾).

Слѣдовательно этотъ, если можно такъ выразиться, дополнительный судъ былъ возможенъ только въ такомъ случаѣ, когда ни одинъ изъ тяжущихся не былъ обвиненъ послѣ перваго суда. — Не рѣдко доказательства, на которыя ссылался тяжущійся, или ничего не доказывали, или не могли быть приняты за основаніе при рѣшеніи спорнаго дѣла (напр. акты, которые уничтожились, послухи, умершіе до ссылки на нихъ въ послушество и т. д.). Тогда давался тяжущимся новый судъ по тому же дѣлу. Въ этомъ новомъ, дополнительномъ судѣ, они могли приводить новыя доказательства. Но какъ это не

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 135; Ср. также гл. VII, ст. 30; гл. X, ст. 178, 190; гл. XI, ст. 25; гл. XX, ст. 109; гл. XXI, ст. 54.

всегда было возможно, то обыкновенно, послѣ дополнительнаго суда, спорное дѣло рѣшалось присягою.

Установленіе дополнительнаго суда очень важно. Оно давало тяжущимся возможность доказывать и опровергать спорный искъ новыми, не приведенными прежде доказательствами, и чрезъ это ослабляло строгое запрещеніе не дополнять спорнаго дѣла новыми доказательствами послѣ суда. Такимъ образомъ все, что могли сказать тяжущіеся въ свою пользу и въ опроверженіе противника, излагалось ими передъ первымъ судьей; апелляція ограничивалась уже одною жалобою на несправое рѣшеніе, а не состояла въ изложеніи новыхъ доказательствъ въ пользу и противъ спорнаго иска, какъ начали дѣлать въ послѣдствіи времени.

Х.

Засуженное дѣло.

Когда судъ былъ совершенно оконченъ, и вмѣстѣ съ нимъ оканчивалось веденіе доказательствъ, важѣйшій моментъ въ судопроизводствѣ — искъ дѣлался засуженнымъ¹⁾. Это значило, что спорное дѣло, составляющее предметъ процесса, перестало быть дѣломъ судимымъ. Искъ засуженный не могъ быть снова опровергаемъ и доказываемъ («всчиняемъ и переговариваемъ»). Теперь, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся послѣ суда, онъ становился уже предметомъ не новаго суда, а рѣшенія.

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 113. — Объ судѣ, передъ которымъ происходилъ судъ, говорится по окончаніи суда, что онъ «засудилъ судъ». Улож. гл. X, ст. 130; объ тяжущихся, что они «засудились». Улож. гл. X, ст. 116.

С.

Развитіе гражданского судопроизводства послѣ суда.

І.

Ставочныя поручныя записи съ суда.

«А съ суда по истцѣхъ и по отвѣтчикѣхъ имати ставочныя поручныя записи въ томъ, что тѣмъ истцомъ и отвѣтникомъ, до вершенія суднаго дѣла, безъ указу съ Москвы не съѣзжати, а велѣти такія поручныя записи приставамъ збирати и къ дѣлу тѣ поручныя записи отдавати послѣ суда вскорѣ, а безъ поруки истца и отвѣтника послѣ суда отпускати не велѣти, и принести приставу та поручная записъ, въ приказъ къ дьячьеѣ помѣтъ, кончее въ третій день. А дьяку, замѣтя ту поручную записъ, отдати подьячему, у кого судное дѣло будетъ. А будетъ приставъ послѣ суда въ третій день поручныя записи въ приказъ не принесетъ, и подьячему, у кого судное дѣло будетъ, про то сказати дьяку, что приставъ по судному дѣлу поручныя записи къ дѣлу въ три дни не принесетъ, и по той подьяческой сказкѣ приставу за то учинити наказаніе . . . и . . . велѣти ему по истцѣ и по отвѣтчикѣ поручную записъ собрать и принести къ дѣлу того же дни. А будетъ тотъ приставъ ту поручную записъ послѣ наказанія того дни къ дѣлу не принесетъ, и ту поручную записъ по истцѣ и по отвѣтчикѣ велѣти обратити иному приставу . . . А будетъ который приставъ поручныя записи по истцѣ или по отвѣтчикѣ къ дѣлу не принесетъ, а подьячій про то судьямъ не извѣститъ, а истецъ и отвѣтчикъ, не давъ по себѣ поруки, съ Москвы съѣдутъ, и за такихъ истцовъ и за отвѣтниковъ по суднымъ дѣламъ Государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ правити на приставахъ и на подьячихъ, у которыхъ дѣла будутъ . . . А будетъ послѣ

суда съ Москвы съѣдетъ безъ порукъ одинъ отвѣтчикъ, а истецъ его на Москвѣ будетъ, а по судному дѣлу доведется того истца оправити, а отвѣтника обвинити, и того отвѣтника, который безъ порукъ съѣдетъ, велѣти сыскивати подъячему и пристапу, которые его съ Москвы безъ порукъ отпустить. А давати по такихъ отвѣтниковъ подъячимъ и приставамъ Государевы грамоты, и приставамъ и поверстный срокъ. А государевы пошлины и пересудъ и правъ десятокъ за того отвѣтника велѣти на нихъ правити безсрочно... А будетъ такова отвѣтника подъячий и пристава не сыщутъ, и въ лицахъ того отвѣтника не будетъ, и за того отвѣтника и истцовъ искъ велѣти доправити на томъ же подъячемъ и на приставахъ, которые того отвѣтника съ Москвы безъ поруки отпустить, и отдавати истцомъ безволокитно» (Улож. гл. X, ст. 123).

II.

Отлучка тяжущихся.

(сѣздъ)

«А который истецъ или отвѣтчикъ, съ суда давъ по себѣ поручную запись, что ему до вершенья суднаго дѣла съ Москвы не съѣхати, да съѣдетъ, и въ томъ на него будетъ челобитье отъ того, съ кѣмъ у него будетъ дѣло, и про тотъ его сѣздъ поручники, или сынъ его, или человекъ, или дворникъ по допросу скажутъ, и руки къ сказкѣ своей приложатъ; а на завтрее, или на другой, или на третій день, тотъ истецъ или отвѣтчикъ, на кого бьетъ челомъ сѣздомъ, на Москвѣ объявится; и такихъ истцовъ и отвѣтниковъ сѣздомъ не винити. А которые послѣ поручиковы сказки на Москвѣ въ три дни не объявятся, и тѣхъ винити сѣздомъ» (Улож. гл. X, ст. 112);... «истецъ будетъ съѣдетъ, и онъ иску своего ли-

шенъ, а пошлины съ суднаго дѣла и пересудъ и правой десятокъ велѣти доправити на порутчикахъ его. А будетъ съѣдетъ отвѣтчикъ, и истцовъ искъ и Государевы пошлины и пересудъ и правой десятокъ велѣти доправити на порутчикахъ же его, которые по немъ ручались съ суда въ статьѣ» (гл. X, ст. 116).

III.

Отсрочка тяжущимся послѣ суда.

Мы видѣли, что въ періодъ Уложенія, тяжущіеся, послѣ суда и до самаго рѣшенія ихъ дѣла, ни подъ какимъ видомъ не могли отлучаться изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ (Улож. гл. X, ст. 156, 157). Изъ этого правила сдѣлано было одно только исключеніе: «для Государевы службы» давали тяжущимся отсрочку, т. е. позволяли имъ уѣхать изъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ, и обязывали явиться въ извѣстный срокъ, определенный общимъ указомъ объ отсрочкѣ. Тѣ, которымъ было отсрочено «для Государевы службы», имѣли важное преимущество, имъ однимъ исключительно принадлежавшее: ихъ ни въ какомъ случаѣ не винили неявкой. «А отсрочнымъ срокомъ мимо судныхъ дѣлъ никого ни въ чемъ не винити». Если они не явились въ срокъ для выслушанія рѣшенія, то рѣшеніе объявляли ихъ поручикамъ, и съ нихъ взыскивали искъ и пошлины (гл. X, ст. 113).

IV.

Судной списокъ.

Изъ записки «истцовыхъ и отвѣтчиковыхъ рѣчей» подъячій составлялъ короткую выписку (судный списокъ), по которой

судьи и постановляли рѣшеніе о спорномъ дѣлѣ. Судный списокъ дѣякъ свѣрять съ запискою суднаго дѣла и скрѣплялъ своею подписью, а записку отдавалъ подъячему, для храненія на случай спора (Кошхинъ гл. VII, ст. 42; Улож. гл. X, ст. 11, 22).

V.

Вершеніе.

О судебномъ приговорѣ по спорнымъ гражданскимъ искамъ мы находимъ мало юридическихъ положеній въ законахъ настоящей эпохи. Въ Уложеніи упоминается только, что судьи приказа должны всѣ вмѣстѣ рѣшать дѣло. Рѣшеніе, постановленное ими, называлось приговоромъ. Подъ приговоромъ подписывались тѣ судьи, которые рѣшали дѣло, и если кто-либо изъ нихъ не былъ при рѣшеніи, то показывались причины его отсутствія (Улож. гл. X, ст. 23; Юрид. Акт. № 63, 66, 67, 70). Приговоръ объявлялся тяжущимся словесно («сказывать приговоръ»). Если тѣ, которымъ для «государевы службы» дана отсрочка, не являлись въ срокъ для выслушанія рѣшенія, то приговоръ объявлялся ихъ поручикамъ (Улож. гл. X, ст. 113; Юрид. Акт. № 26, стр. 71).

VI.

Правая грамота.

Подъ именемъ правой грамоты должно разумѣть письменный актъ, въ которомъ излагались судъ и рѣшеніе по какому-либо спорному дѣлу. Такой актъ составлялся въ томъ судебномъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ судъ, и выдавался обыкновенно тому тяжущемуся, который былъ оправданъ рѣшеніемъ.

Правыя грамоты были двоякаго рода. Однѣ давались вслѣдствіе приговора, основаннаго на томъ, что оказывалось по суду. Другія, вслѣдствіе приговора, постановляемаго безъ суда (напр. когда винили неявкою въ срокъ къ суду, промолкою, роспискою и т. д.). Первыя суть, въ строгомъ смыслѣ, правыя грамоты¹⁾; вторыя называются въ Судебникѣ и современныхъ ему источникахъ безсудными²⁾. Въ Уложениі названіе безсудная нигдѣ не встрѣчается; быть-можетъ оно замѣнено однимъ общимъ названіемъ правыхъ грамотъ.

Правыя грамоты давались не иначе, какъ по просьбѣ самихъ тяжущихся³⁾. Оправданной сторонѣ было необходимо имѣть доказательство, что извѣстное спорное дѣло рѣшено правительствомъ въ ея пользу, и не могло уже снова сдѣлаться предметомъ тяжбы. Такимъ доказательствомъ служила правая грамота, которая, какъ актъ, составленный правительственнымъ мѣстомъ, имѣла силу несомнѣннаго, полного доказательства. Она замѣняла собою крѣпость и тѣмъ, или положительно, или отрицательно, охраняла права того, кому выдавалась. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ она была обязательна только для того лица, съ которымъ оправданный и получившій правую грамоту имѣлъ тяжбу, въ другихъ, кругъ дѣйствія и значеніе ея были несравненно обширнѣе; она служила крѣпостнымъ актомъ, ограждавшимъ право противъ всѣхъ тѣхъ, которые объявляли на него свои притязанія. Правыя грамоты скрѣплялись подписью дьяка, справлялись подъячимъ и печа-

¹⁾ Улож. гл. XVIII, ст. 58. — Юридическіе акты, № 1—8; 13—27, 29.

²⁾ Судебникъ Татищева, § 20, 24, 41, 42, 49. — 1657 года, 23 февраля (№ 200). Здѣсь выписана жалованная грамота патріарху Іову, 1599 года, 27 февраля, въ которой упоминается о безсудныхъ грамотахъ. — 1677 года, 9 марта (№ 681) (Жалованная грамота Грушицкому Покровскому монастырю, 1624 года, 8 мая) и мн. др.

³⁾ Улож. гл. XVIII, ст. 64. — Юридическіе акты, № 26 (стр. 74).

тались печатью судьи, который судилъ и рѣшилъ спорное дѣло, изложенное въ правой грамотѣ¹⁾.

VII.

Исполненіе приговора.

По различію судебныхъ рѣшеній по частнымъ спорнымъ искамъ и исполненіе приговоровъ было различно. Когда въ искѣ обвинялся истецъ, то въ этомъ обвиненіи заключалось и самое исполненіе приговора; ибо истецъ лишался своего иска. Напротивъ изъ приговора, по которому былъ обвиненъ отвѣтчикъ, возникала для этого отвѣтчика обязанность уплатить истцу его искъ, а для истца право требовать уплаты иска отъ отвѣтчика.

Уплата исковъ была различна, по различію денежныхъ и неденежныхъ исковъ. Уплата исковъ неденежныхъ состояла въ возвращеніи истцу отвѣтчикомъ той вещи, движимой или недвижимой, которая составляла предметъ иска и процесса. Какимъ образомъ возвращалась спорная вещь истцу, если отвѣтчикъ противился и не хотѣлъ самъ, добровольно, возвратить ее, этого мы не знаемъ, потому что объ этомъ не говорится въ законахъ и актахъ того времени. Вѣроятно способы были тѣ же, какіе постановлены въ Уложеніи для выемки поличнаго и для ввода во владѣніе недвижимымъ имуществомъ. Уплата исковъ денежныхъ состояла въ выдачѣ истцу отвѣтчикомъ суммы денегъ, присужденной судебнымъ приговоромъ.

Сумма, которую отвѣтчикъ долженъ былъ уплатить истцу (величина иска), различно опредѣлялась, по различію приговоровъ или обвиненій. Если обвиняли отвѣтчика безъ суда, за

---

¹⁾ См. правыя грамоты въ собраніи юридическихъ актовъ.

неявку, или промовку, то величина иска опредѣлялась по приставной памяти¹⁾. Напротивъ, когда одного изъ тяжущихся обвиняли на основаніи того, что оказывалось по суду, то величина уплачиваемаго иска опредѣлялась уже не приставною памятью, не произволомъ истца, а процессомъ. Поэтому мы встречаемъ въ Уложеніи: доправить искъ по суду (гл. X, ст. 238, 284), по сыску²⁾.

Предметомъ иска могла быть также вещь физическая, которой, по какимъ бы то ни было причинамъ, отвѣтчикъ не могъ возвратить истцу. Въ этомъ случаѣ съ него взыскивали цѣну вещи. Эта цѣна опредѣлялась: 1) по смѣтѣ (Улож. гл. X, ст. 222), 2) или по закону («по указу», указная цѣна)³⁾, 3) или по сказкамъ истцовъ (Улож. гл. X, ст. 284, 221), 4) или по оцѣнкѣ стороннихъ людей⁴⁾, 5) или наконецъ по договору (Улож. гл. XVII, ст. 28).

Если отвѣтчикъ не уплачивалъ истцу присужденной суммы, то ее взыскивали слѣдующимъ образомъ:

а) Отвѣтника ставили на правѣжъ. «Оныхъ обвиненныхъ къ платежу выводили передъ приказъ разутыхъ передъ тѣмъ, какъ судьямъ надлежитъ въ приказъ пріѣзжать, а спускали съ правѣжа, какъ судья выѣдетъ. У каждаго обвиненнаго стоялъ по сторону пристава, съ прутомъ, и билъ вдоль по голый ногъ такъ крѣпко, какъ ему отъ истца, или отвѣтника за трудъ заплачено; слѣдственно одни на правѣжъ стоя, бою не чувствовали, другіе были изувѣчены»⁵⁾.

¹⁾ 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 2.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 223—225, 133, 208, 242.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 209, 214, 217, 219, 220, 221, 233, 240. — 1683 года 20 мая (№ 1013); Писцовый наказъ межвѣщикамъ, посланнымъ въ города, ст. 35.

⁴⁾ Улож. гл. VII, ст. 24; гл. X, ст. 272; гл. XVII, ст. 27.

⁵⁾ Судебникъ Татищева, § 131, примѣч. (а). — Въ источникахъ о правѣжъ говорится во многихъ мѣстахъ, но какъ онъ производился, нигдѣ не изложено.

Итакъ, во времена Уложенія правежъ сдѣлался такимъ же источникомъ злоупотребленій, какъ судъ и какъ почти всѣ формы тогдашняго юридическаго быта. Но первоначальное его значеніе было совсѣмъ другое. Вѣроятно правежъ былъ наказаніемъ, присуждаемымъ должнику за неуплату долга¹⁾. Этимъ объясняется, почему въ Уложеніи о правежѣ долга и правежѣ иска говорится вмѣстѣ, нераздѣльно²⁾. Такое наказаніе весьма естественно при неумолимой строгости къ должникамъ, которую мы замѣчаемъ въ нашемъ и во всѣхъ древнихъ законодательствахъ. Поэтому едва ли справедливо мнѣніе Татищева, будто бы правежъ заимствованъ нами отъ Татаръ. Конечно, будущимъ изслѣдователямъ русскихъ древностей предстоитъ рѣшить этотъ вопросъ окончательно; но нельзя не замѣтить, что многія установленія мы считаемъ прившедшими къ намъ изъ другихъ законодательствъ, тогда какъ онѣ принадлежатъ намъ и суть чисто-національныя.

Въ послѣдствіи, кажется, правежъ сдѣлался средствомъ, чтобъ заставить должника уплатить долгъ. На это значеніе указываетъ Татищевъ, объясняя причину, почему не велѣно держать на правежѣ больше мѣсяца: «болѣе мѣсяца на правежѣ не стоять для того, естли въ мѣсяцъ ничего вымучить не можно, то и въ годъ бьючи уже не доправить»³⁾. Черезъ это правежъ сдѣлался излишнимъ; ибо истцамъ были предоставлены законодательствомъ другія средства взысканія долга. Это и злоупотребленія, съ нимъ связанныя, приуготовили отиѣну его при Петрѣ Великомъ.

¹⁾ «И бити его на правежѣ безо всякія пощады, не для того, что на немъ тѣ достальныя деньги взяти: для того, чтобъ на то смотря инымъ не повадно было такъ воровати». Улож. гл. X, ст. 133.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 265. — О правежѣ говорится въ Уложеніи (гл. X) вслѣдъ за ученіемъ о займѣ и заемныхъ кабалахъ.

³⁾ Судебникъ Татищева, § 134, примѣч. (б).

Къ правежу «ставились» все обвиненные, нематимніе иска, крѣмъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ: митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, бояръ, онольничихъ, думныхъ людей и думныхъ дьяковъ¹⁾. Такое исключеніе въ пользу этихъ лицъ вѣроятно сдѣлано потому, что они вообще не подвергались тѣлесному наказанію. Обвиненные или сами ставились къ правежу, или посылали вмѣсто себя своихъ людей (Улож. гл. X, ст. 151, 261). За сто рублей правежь продолжался мѣсяцъ, за большую или меньшую сумму, по расчисленію²⁾.

Правежу предшествовало составленіе, на основаніи судебного приговора, правежной выписи, которая соответствовала выписи къ крестному цѣлованію. По этой выписи обвиняемыхъ отдавали на поруки. Извѣстные лица (поручики) ручались въ томъ, что обвиненный будетъ ставиться на правежь ежедневно, до самаго его окончанія; въ случаѣ несоблюденія имъ этого условія, они обязывались платить за отвѣтника искъ и пеню. Объ этомъ поручительствѣ составлялась поручная записка за подписью свидѣтелей, и вообще по всемъ правиламъ составленія обыкновенныхъ поручныхъ записей³⁾.

Правежь прекращался: истеченіемъ срока правежа; сдѣлкою между истцомъ и отвѣтчикомъ (Улож. гл. X, ст. 84); уплатою истцова иска за отвѣтника кѣмъ-либо постороннимъ (гл. XX, ст. 46). Послѣ правежа отвѣтникъ могъ просить отсрочки въ уплатѣ иска. Такая отсрочка, даваемая на мѣ-

¹⁾ Изъ духовныхъ лицъ не ставили на правежь чиномъ выше архимандритовъ. Улож. гл. X, ст. 84; изъ свѣтскихъ — выше стольниковъ. Улож. гл. X, ст. 91.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 261: Для правежа по искамъ о безчестіи не было постановлено опредѣленнаго времени. Улож. гл. X, ст. 84.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 151. — Юридическіе акты, № 316, 1, III. — 1669 года, 22 января (№ 431); Новоуказныя статьи о чинныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ, ст. 16.

сящъ и болѣе, технически называлась переводомъ, потому что уплата откладывалась, переводилась на слѣдующій мѣсяцъ. Но если и по истеченіи «указнаго» мѣсяца отвѣтчикъ не платилъ иска, то приступали уже къ другимъ средствамъ взысканія¹⁾).

b) Искъ взыскивали въ помѣстьяхъ и вотчинахъ съ людей и крестьянъ обвиненнаго (Улож. гл. X, ст. 262).

c) У кого не было людей и крестьянъ, въ уплату иска обращали имущество: дворы и движимое имѣніе («животы») (Улож. гл. X, ст. 262, 269; гл. XXI, ст. 68).

d) За недостаткомъ движимаго имущества обращались къ недвижимому, къ пустымъ вотчинамъ (Улож. гл. X, ст. 263).

Взысканіе долга или иска изъ имущества производилось слѣдующимъ образомъ: имущество, сперва движимое, потомъ пустое недвижимое, оцѣнялось, и или отдавалось истцу (Улож. гл. X, ст. 262, 263), или продавалось постороннимъ (гл. X, ст. 263, 269; гл. XXI, ст. 68). Въ обоихъ случаяхъ излишекъ, остающійся отъ цѣны имущества, возвращался отвѣтчику. Но если въ уплату иска не доставало имущества, тогда недостающее взыскивали съ обвиненнаго и людей его (послѣднее положеніе, противорѣчащее тому, что мы сказали выше, образовалось уже послѣ Уложенія) (Улож. гл. X, ст. 263, 264).

Съ постепеннымъ сближеніемъ системы помѣстной съ системою вотчинною образовалось правило — обращать въ плату иска не одни пустыя вотчины, но и пустыя помѣстья; только помѣстья нельзя было продавать никому, кромѣ родственниковъ отвѣтчика. Послѣ отдачи помѣстья въ уплату иска, долгъ отвѣтчика уничтожался, хотя бы этотъ долгъ и превышалъ цѣну помѣстья. Чрезъ это, число отдаваемыхъ истцамъ

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 261. — Указъ съ боярскимъ приговоромъ 1558 года, 15 мая, Судебникъ Татищева § 131.

головою, *de facto*, должно было значительно уменьшиться¹⁾. Въ послѣдствіи, не только пустыя, но и жилия (населенныя) помѣстья и вотчины велѣно было «описывать и цѣнить... и продавать и истцомъ отдавать въ платежъ исковъ ихъ»²⁾.

е) Когда у отвѣтчика не было имущества на уплату иска, тогда приступали къ послѣднему, крайнему средству удовлетворенія истцовъ и кредиторовъ: самого отвѣтчика, лично, отдавали истцу для заработка долга. Эта отдача отвѣтчика технически называлась выдачею головою до искупу³⁾.

Выдача головою есть древнѣйшій способъ удовлетворенія требованій на извѣстномъ лицѣ; кто не вознаграждалъ за убытокъ, не платилъ долга, того самого отдавали истцу. Основаніе этого установленія, несогласнаго съ нашими теперешними понятіями, объясняется исторически. У всѣхъ народовъ, въ первый періодъ ихъ существованія, обязательства устанавливаются не частную, ограниченную зависимость, но полное, цѣлостное подчиненіе одного власти другого; обязательство обнимаетъ цѣлый юридическій бытъ лица, его личность, семейство и имущество. Первоначально, слѣдствіемъ выдачи головою, вѣроятно, было поступленіе выданнаго въ полное распоряженіе того, кому выдавали головою. Онъ могъ дѣлать съ нимъ, что хотѣлъ: мстить за невыполненіе обязательства, или сдѣлать своимъ рабомъ⁴⁾. Но въ послѣдствіи

¹⁾ 1656 года, 11 мая (№ 197); именной.

²⁾ 1685 года, 2 октября (№ 1135); именной съ боярскимъ приговоромъ.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 204, 206, 264, 265, 268, 271, 275; гл. XX, ст. 39, 40; гл. XXI, ст. 88.

⁴⁾ Это предположеніе оправдывается нѣкоторымъ образомъ тѣмъ, что за убійство выданнаго человѣка присуждалось наказаніе по усмотрѣнію государя («что Государь укажетъ»), а не обыкновенное, положенное за убійство. Улож. гл. X, ст. 268. — Итакъ наказаніе за такое убійство является какимъ-то исключеніемъ изъ общаго правила; неопредѣленность его свидѣтельствуешь о томъ, что оно начало вводиться не задолго до Уложенія, а для объясненія

характеръ выдачи головою измѣнился; она сдѣлалась или одною пустою формою, которая лишена была всякаго содержанія¹⁾, или, въ большей части случаевъ, обратилась въ способъ вознагражденія, къ которому прибѣгали въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда все прочія средства удовлетворенія истцовъ оказывались недостаточными. Этотъ новый характеръ выдачи головою ясно видѣнъ въ Судебникѣ и Уложеніи.

Выдачѣ головою, въ заработку иска, подлежали одни лица низшихъ сословій²⁾. Эти лица выдавались истцу не навсегда, а «до искупа», т. е. до того времени, пока кто-либо заплатитъ за отвѣтника долгъ, или онъ заработаетъ его своими трудами. Для этого опредѣлена была заработная плата. Годичная работа мушны оцѣнялась въ 5 рублей, женщины въ половину; дѣтей, которые достигли 10-ти-лѣтняго возраста, въ 2 рубли, «а которые дѣти у нихъ будутъ недоросли, меньше десяти лѣтъ, и тѣмъ недорослямъ въ окупъ истцова иску цачего не зачитати, потому что такіе недоросли въ таковы лѣта не ра-

---

этого срока необходимо предположить измѣненіе прежнихъ отношеній между истцами и выданными имъ до искупа.

¹⁾ Такова была выдача головою боярина, околицнаго, думнаго человека патриарху, митрополиту, архіепископу или епископу за безчестье. Улож. гл. X, ст. 27, 28. — Татищевъ (Судебникъ § 55 примѣч. (а)). «Отдача головою была разная: (1) Знатныхъ людей за бесчестья фамильные посылали къ старшему въ родѣ обезчещенномъ; но сіе было токмо лицемъ. Какъ онаго привезутъ, то принимающій долженъ его съ честию пріять и Государя за оборону благодарить. Хотябъ приведенной хозяина какъ ни ругалъ словами, онъ долженъ молчать, и какъ гостя счестью отпустить».

²⁾ Татищевъ говоритъ: «дѣйствительно за долги отдавали болѣе посадскихъ и крестьянъ дворцовыхъ, или государственныхъ». Судебникъ § 55 примѣч. (а). — Изъ Уложенія видно, что головою не выдавали: дворянъ и дѣтей боярскихъ, гл. X, ст. 204, служилыхъ всякихъ чиновъ людей (кромѣ дѣтей боярскихъ, «которые ходятъ въ приставѣхъ», гл. X, ст. 264, стрѣльцовъ, гл. X, ст. 265, и кромѣ казаковъ, пушкарей, затинщиковъ и иныхъ меньшихъ чиновъ служилыхъ людей, гл. X, ст. 266). Новоуказными статьями запрещено выдавать головою мѣщанъ. 1673 года, 19 марта (№ 546); именный.

ботають»¹⁾). Кажется, что во времена Уложения по долгамъ мужа жену не отдавали головою истцу вмѣстѣ съ мужемъ; это доказывается тѣмъ, что долги, лежавшіе на мужѣ, платилъ имъ, а не женою, и на оборотъ, долги жены не падали на отвѣтственность мужа²⁾). Если это предположеніе справедливо, то естественно возникаетъ вопросъ: какія дѣти отдавались головою, до искупу, съ однимъ супругомъ, и какія оставались при другомъ? Судя по аналогіи съ древнѣйшими началами наслѣдованія, съ матерью должны были отдаваться дочери, съ отцемъ сыновья (разумѣется, неотдѣленные)³⁾). Впрочемъ это одно предположеніе. Новоуказными статьями выдача головою мужа безъ жены, и жены безъ мужа, отмѣнена. Постановлено общимъ правиломъ, не разрознивать семейства, и выдавать въ заработку обоихъ супруговъ вмѣстѣ⁴⁾).

Съ тѣхъ, кому выдавались отвѣтчики головою, бралась порука въ томъ, что они ихъ не убьютъ, не изувѣчатъ, и вообще не нанесутъ имъ никакого вреда⁵⁾). По заработкѣ отвѣтчиками долга, истцы обязаны были поставить ихъ въ приказѣ, изъ котораго

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 266. Наравнѣ съ работою женщинъ цѣнилась работа «срослыхъ дѣвокъ». Улож. гл. XX, ст. 40; гл. XXI, ст. 88.

²⁾ 1657 года, 25 іюля (№ 240); патриаршій приговоръ, помѣченный думнымъ дьякомъ. — 1660 года « » (№ 290); именный воеводамъ въ Нижній Новгородъ и Каргополь. — Тоже самое доказываетъ Руская Правда XIII столѣтія: «Аже холопъ крадетъ коголюба, то господину выкупати и, любу выдати и, съ кымъ боудеть кралъ. а женѣ и дѣтемъ не надобѣ; а оже боудутъ съ нимъ крали и хоронили, то всѣхъ выдати». «Древнѣйшее русское право Эверса. Спб. 1835. — Также см. Улож. гл. XXI, ст. 88. — Наконецъ 1669 года, 22 января (№ 434); Новоуказныя статьи о татинныхъ, разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ, ст. 16: «выдавать головою до искупу, безъ женъ».

³⁾ Такъ у насъ до сихъ поръ въ крестьянскомъ быту; дочь наследуетъ матери, сыновья отцу.

⁴⁾ 1688 года, 14 марта (№ 1285); именный съ боярскимъ приговоромъ.

⁵⁾ Улож. гл. X, ст. 266, 271. — 1688 года, 14 марта (№ 1285); именный съ боярскимъ приговоромъ.

эти отвѣтчики имъ были выданы (Улож. гл. X, ст. 266), послѣ чего ихъ отпускали на волю¹⁾. Съ тѣхъ, которые, по закону, не могли быть выдаваемы истцамъ, долгъ взыскивали иначе; ихъ били на правежъ до тѣхъ поръ, пока они «раздѣлаются» съ истцами (Улож. гл. X, ст. 204), или денежное ихъ жалованье обращали въ уплату иска (гл. X, ст. 265).

VIII.

Судебныя пошлины и издержки.

«Каждый шагъ въ присутствіе суда былъ купленъ цѣною денегъ». Это замѣчаніе, впервые сдѣланное г. профессоромъ Морошкинымъ²⁾, вполне справедливо въ отношеніи къ судопроизводству временъ Уложенія. Не было ни одного дѣйствія, предпринимаемаго для развитія спорнаго иска, которое бы не оплачивалось тяжущимися. Историческія причины, лежащія въ основаніи этого финансоваго характера судопроизводства, доселѣ остаются невыясненными. Во времена Судебника, Уложенія и въ періодъ, предшествовавшій реформѣ Петра Великаго, пошлины съ гражданскаго судопроизводства уже сдѣлались источникомъ государственныхъ доходовъ, и взиманіе ихъ какъ бы отраслью финансоваго управленія; такъ, судебными пошлинами жаловали Государи и монастыри, въ награду за службу³⁾.

---

¹⁾ Улож. гл. XX, ст. 40. — Обезпеченіе невредимости отвѣтчиковъ порукою введено, вѣроятно, въ предупрежденіе мести истцовъ надъ выданными имъ отвѣтчиками. Такое же обезпеченіе давали господа, которымъ выдавались ихъ бѣгле холоты. Улож. гл. XX, ст. 92.

²⁾ Рѣчь объ Уложеніи, стр. 56, въ концѣ.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 125. — 1654 года, 8 мая (№ 125); Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество съ путемъ. — Акты Археологической Коммисіи. Спб. 1836. Т. IV, № 145. 1663 г. 1 декабря;

Главнаго основанія происхожденія судебныхъ пошлинъ должно, кажется, искать въ древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи, въ самомъ происхожденіи Русскаго государства. Къ тому бы были призваны союзными племенами на княжество и владѣніе — нѣтъ сомнѣнія, что они внесли съ собою въ наше отечество начало, хотя и не враждебное, но тѣмъ не менѣе чуждое. По выраженію Нестора, они были «находницы», а не «насельницы», и уже по этому одному не могли принимать живаго участія въ дѣлахъ племенъ, имъ добровольно подчинившихся. Весьма естественно, что они ничего не дѣлали для туземцевъ безъ вознагражденія, и это-то вознагражденіе, получивши извѣстную правильность, развилось въ послѣдствіи въ цѣлую систему пошлинъ, которая, въ періодѣ Уложенія, была уже опредѣлена весьма подробно. Если это предложеніе справедливо, то финансовый характеръ нашего древняго гражданскаго судопроизводства, болѣе всѣхъ другихъ доказательствъ, свидѣтельствуетъ о преобладаніи въ судопроизводствѣ этой эпохи начала обвинительнаго, гражданскаго; ибо историческія начала нашего законодательства, съ небольшими измѣненіями, удержались до переворота Петра Великаго.

Въ періодѣ Уложенія, характеръ пошлинъ, взимаемыхъ съ тяжущихся за судопроизводство, во многомъ измѣнился противъ прежняго. По Судебнику, судебныя пошлины всегда принадлежали судѣ. Поэтому тѣ только пошлины принадлежали государю, которыя взимались съ дѣлъ, рѣшаемыхъ имъ самимъ, или дѣтьми его ¹⁾. По Уложенію, всѣ печатныя и суд-

---

Жалованная грамота игумена Покровскаго монастыря съ братією соборному старцу Пафнутію Кувшинову.

¹⁾ Судебникъ Татищева, § 38, примѣч. (а): «Бояре печатали своими печатями, и пошлины брали себѣ, а у Государя опредѣленъ былъ Печатникъ». О тѣхъ и другихъ пошлинахъ говорится въ Судебникѣ особливю, о первыхъ въ § 33, 34, 35, а о вторыхъ въ § 38, 39, 40, 42, 44.

ныя пошлины уже взимались на государя, въ казну¹⁾. Въ этомъ замѣчательномъ измѣненіи отразилось то же стремленіе къ внутренней централизаціи всего Русскаго царства, о которомъ мы уже имѣли случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ.

Судебныя пошлины и платы были различны въ періодъ Уложенія. Однѣ взимались съ тяжущихся въ пользу казны («Государевы пошлины») другія въ пользу судей и лицъ, которыя принимали участіе въ движеніи процесса (напр. недѣльщики, подъячьи).

Къ числу государевыхъ пошлинъ относились:

а) Подписныя и печатныя пошлины. Обѣ упоминаются вмѣстѣ²⁾, потому что, первоначально, приложеніе печати заступало мѣсто подписи³⁾. Онѣ взимались за «печатаніе» и подписание наказныхъ памятей (Улож. гл. XVIII, ст. 39), зазывныхъ (гл. X, ст. 115, 117), сыскныхъ (гл. XVIII, ст. 33, 32) и правыхъ грамотъ (ст. 58). Изъ Уложенія видно, что подписаніе и печатаніе исчисленныхъ актовъ, въ началѣ процесса, служило только какъ бы поводомъ къ взиманію исковыхъ и челобитенныхъ пошлинъ; ибо при подписаніи и печатаніи зазывныхъ грамотъ, взимались вмѣстѣ и пошлины съ исковаго челобитья и съ крѣпости, на которой былъ основанъ вчиняемый искъ (ст. 34—42). Не всѣ лица были обязаны платить подписныя и печатныя пошлины. Въ видѣ привилегіи отъ такой платы освобождались: 1) Жители Сибири, по искамъ, вчиняемымъ ими въ Москвѣ противъ жителей дру-

¹⁾ Это измѣненіе сдѣлано Борисомъ Теодоровичемъ Годуновымъ. Голицынъ. Дополненія къ Дѣяніямъ Петра Великаго. М. 1790 года, т. III, стр. 424. — Судебникъ Татищева, § 38, примѣч. (а).

²⁾ Улож. гл. X, ст. 114, 115, 117, 118. — Судебн. § 33, 34. — Улож. гл. XVIII, ст. 28.

³⁾ «Судьи для того выписки печатали, что многіе писать не умѣли». Судебникъ Татищева, § 34, примѣч. (а).

гихъ, отдаленныхъ городовъ (ст. 47); — 2) Головы и сотники московскихъ стрѣльцовъ, и московскіе стрѣльцы всѣхъ приказовъ (ст. 49); — 3) Стрѣleckіе и казачьи головы, сотники, стрѣльцы и казаки городове, по искамъ между собою (ст. 51); — 4) Англійскіе и голландскіе гости, въ искахъ съ Русскими (ст. 55); — 5) Бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки (ст. 56); — 6) Троицы Сергіевъ (ст. 59) и Новоспасскій монастыри (ст. 60); — 7) Кормовые, а не помѣстные иноземцы, стараго и новаго выѣзду, «для ихъ бѣдности и иноземства» (ст. 63). — Быть-можетъ и другія лица.

б) Государевы судныя пошлины. Судныя пошлины взи­мались за судъ, въ тогдашнемъ, а не въ теперешнемъ смыслѣ слова. Величина ихъ опредѣлялась величиною иска; съ рубля исковой суммы положено было платить 10 копѣекъ¹⁾. Для правильнаго взиманія этой пошлины постановлено въ Уложеніи означать «сколько съ... дѣла доведется взять государевыхъ пошлинъ» въ особенныхъ записныхъ книгахъ, которыя находились въ каждомъ приказѣ, и подписывались дьяками (Улож. гл. X, ст. 128). Привилегію не платить судныхъ пошлинъ имѣли: 1) стрѣльцы, въ искахъ не свыше 12 рублей; 2) всѣ истцы, въ искахъ со стрѣльцами, когда эти иски не превышали ста рублей (гл. X, ст. 124); 3) атаманы и казаки въ 12-ти-рублевыхъ искахъ (гл. XXIV, ст. 1); 4) монастыри и всѣ лица духовнаго чину; 5) крестьяне нѣкоторыхъ монастырей²⁾;

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 124. — 1654 года, 8 мая (№ 125); Жалованная грамота боярину Бутурлину на дворечество съ путемъ.

²⁾ 1654 года, 6 мая (№ 124); Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчины и прочія угодья. — 1657 года, 20 мая (№ 205); Подтверженіе жалованной грамоты Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины, данной въ 7133 году (1625) царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Теодоровичемъ. Весьма вѣроятно, что всѣ монастырскіе крестьяне были освобождены отъ платы судныхъ пошлинъ; ибо въ 124 статьѣ, X гл. Уложенія, гдѣ подробно исчислены всѣ лица, обязанныя платить судныя пошлины, объ нихъ не упоминается.

6) кажется, патриаршіе крестьяне также не платили этой пошлины, потому что объ нихъ не упоминается въ росписи. Въ послѣдствіи эта привилегія могла быть дана и другимъ лицамъ ¹⁾).

Пошлины, которыя взимались въ пользу судей и недѣльщиковъ, были слѣдующія :

а) Пересудъ. Въ Уложеніи и послѣдующихъ узаконеніяхъ много говорится о пересудѣ, но ни изъ одного мѣста не видно, для чего была введена эта пошлина. Въ Судебникѣ, мѣсто, въ которомъ говорится о пересудѣ, весьма темно и сбивчиво: «А пересудчикомъ пересудъ имати на виноватомъ по 20 копѣекъ, а меньше рубля пересуда нѣтъ; а съ поля всякаго пересудъ. А списокъ кто оболживить, да шлется на правду, и въ томъ пересудъ» ²⁾). Итакъ, пересудъ (не въ смыслѣ пошлины) не

---

¹⁾ 1657 года, 20 мая (№ 205); Подтверженіе жалованной грамоты Троицко-Сергіеву монастырю на вотчины, данной въ 7133 (1625) году царемъ и великимъ княземъ Михаиломъ Теодоровичемъ.

²⁾ Судебникъ Татищева, § 51. — Трудности, представляющіяся при объясненіи этого мѣста, состоятъ въ слѣдующемъ: 1) что значать слова: «а меньше рубля пересуда нѣтъ»? Татищевъ, въ примѣчаніи къ этому параграфу, объясняетъ такъ: въ дѣлѣ, меньше рубля, пересуда нѣтъ. Это толкованіе оправдывается тѣмъ, что иски, цѣною въ рубль, рѣшались жребіемъ, а выше рубля — крестоцѣлованіемъ. Слѣд. рублевые иски дѣйствительно могли имѣть прежде какое-нибудь различіе со всѣми другими исками, напр. могли окончательно рѣшаться въ первой инстанціи. Но, съ другой стороны, можно принимать эти слова Судебника и въ буквальномъ ихъ смыслѣ: пошлина пересудъ (ибо объ ней идетъ рѣчь въ цѣломъ §) взимается, когда она не меньше рубля. Это значить: пересудъ не взимается, когда искъ цѣною меньше пяти рублей. Подтверженіемъ этого толкованія можетъ служить наказъ монастырскому слугѣ, приведенный нами въ главѣ о судоустройствѣ, изъ котораго видно, что слуга могъ судить монастырскихъ крестьянъ въ искахъ не свыше 5-ти рублей. Если однако, на основаніи обоихъ толкованій (различающихся между собою только въ величинѣ иска, переносимаго, по Судебнику, на судъ второй инстанціи) и принять, что *пересудъ* означаетъ пошлину, взимаемую съ исковъ, которые судились только въ второй степени суда, то все же 2) остается необъяснимымъ, почему пересудъ взимался съ каждого иска,

значить только сужденіе дѣла во второй инстанціи, но имѣть и другое значеніе, которое трудно опредѣлить, по недостатку данныхъ. Намъ кажется, что пересудъ, во второмъ своемъ значеніи, именно выражаетъ то, что мы назвали выше судомъ дополнительнымъ, который давался тяжущимся, когда въ первомъ судѣ дѣло не могло быть рѣшено, по недостатку доказательствъ. Этимъ объясняется взиманіе пересуда съ дѣлъ, рѣшаемыхъ окончательно въ первой степени суда¹⁾: названіе могло

рѣшаемаго судебнымъ поединкомъ («а съ поля всякаго пересудъ»)? Мы знаемъ положительно, что поле присуждалось тѣмъ же судомъ, который судилъ спорное дѣло съ самаго начала. (См. правыя грамоты въ Собраніи Юридическихъ актовъ). Отсюда, далѣе, непонятно, 3) какой смыслъ имѣть, по Судебнику, слово: *пересудчикъ*? Изъ сказаннаго видно, что *пересудчиками* не могли называться одни судьи, судившіе спорное дѣло во второй инстанціи. Итакъ, необходимо, вмѣстѣ съ первымъ, допустить и другое значеніе пересуда. Если мы обратимъ вниманіе на весьма важное обстоятельство, что иски, иѣною въ рубль, рѣшались окончательно жребіемъ, а выше рубля, крестоулованіемъ; что, по всей вѣроятности, присяга замѣнила въ нашемъ законодательствѣ прежніе судебныя поединки, и что поэтому, между положеніемъ Судебника: *а меньше рубля, пересуда нитъ*, и другимъ положеніемъ, образовавшимся въ послѣдствіи, не приводить къ присягѣ въ рублевыхъ искахъ, могла найдти связь, намъ теперь неизвѣстная, то можно, съ нѣкоторою вѣроятностію, предположить, что *пересудъ* означалъ пошлину, которая взималась каждый разъ, когда какое-либо дѣло рѣшалось не тѣмъ судомъ, которымъ оно первоначально судилось, *а другимъ*, слѣд. или вторую степеню суда (которую первоначально составлялъ судъ Царевъ), или судомъ Божиимъ, какому былъ, кажется, во времена Судебника, судебный поединокъ, замѣненный въ послѣдствіи присягою. Не дѣлая дальнѣйшихъ выводовъ о преждебывшемъ, древнѣйшемъ тождествѣ верховныхъ и жреческихъ судовъ у славянскихъ народовъ, которому это толкованіе 51 § Судебника, и многіе факты могутъ подавать поводъ, мы замѣтимъ здѣсь только, что такое толкованіе, во 1-хъ вполне объясняетъ смыслъ приведеннаго мѣста, и во 2-хъ, разрѣшаетъ важный вопросъ, почему пересудъ издревле взимался въ пользу судей.

¹⁾ 1633 года, 25 декабря; Наказъ Покровскаго монастыря слугѣ Гаврилу Воронину. См. Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, № 67. — 1639 года, - - декабря; Наказъ слугѣ Иверскаго монастыря Антипу Григорьеву. Тамъ же, № 112. — 1678 года, 20 августа; Наказъ Корнилія, митрополита

затеряться, но самый предмет удержаться и во времена Уложения. Пересудъ, какъ и судныя пошлыны, взымался съ иска: съ рубля исковой суммы взыскивали вдвое противъ судныхъ пошлынъ, а именно 20 копѣекъ («не пяти алтынъ, но четыре деньги») (Улож. гл. X, ст. 124).

б) Правый десятокъ. Въ Судебникѣ сказано, что правой десятокъ взымался подвойскимъ. По толкованію Татищева, подвойскій былъ то же, что теперь сторожъ присутственнаго мѣста. Итакъ, правый десятокъ былъ пошлиною съ иска, взимаемою въ пользу сторожей. Того же толкованія придерживается г. Ивановъ, въ сочиненіи о помѣстныхъ правахъ въ Россіи¹⁾. Праваго десятка взымалось по копѣикѣ съ рубля²⁾. Въ періодъ Уложения, пересудъ и правый десятокъ такъ слились съ судными пошлинами, что вмѣстѣ съ ними составляли какъ бы одну нераздѣльную пошлину. Это видно изъ того, что всѣ тѣ, которые были освобождены отъ платы судныхъ пошлынъ, освобождались отъ платы пересуда и праваго десятка; кромѣ того, они записывались, вмѣстѣ съ судными пошлинами, въ записныя книги, хранившіяся въ приказахъ³⁾. Съ исковъ, вчиняемыхъ на основаніи подложныхъ крѣпостей («живыхъ ка-

---

Новгородскаго и Великолуцкаго, Тихвинскаго монастыря архимандриту Варсонофію. Тамъ же № 225.

¹⁾ Судебникъ Татищева, § 51, и примѣч. (6). — Иванова, Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей, въ Россіи существовавшихъ. Москва, 1836 года стр. 81.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 124. — Названіе *правый десятокъ*, въ періодъ Уложения утратило прежнее свое буквальное значеніе, какъ и многія другія, удержавшіяся въ настоящую эпоху отъ древнѣйшихъ временъ. Быть можетъ такъ называлась прежде 10-ти копѣчная судная пошлина.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 124, 128. — 1654 года, 6 мая (№ 124); Жалованная грамота Иверскому монастырю на вотчины и прочія угодья. — 1664 года - - октября (№ 364); Грамота Новгородскому воеводѣ, боярину и князю Ивану Рѣпинну.

балъ и записей»), и объ насильствѣ, судныя пошлины, пере-судъ и правый десятокъ взыскивались вдвое¹⁾.

с) Ъздъ и хоженое. Подъ названіемъ ѡзда и хоженого разумѣлась пошлина, взимаемая приставомъ, за вызовъ къ суду отвѣтчика, или свидѣтеля. Различіе хоженого и ѡзда опредѣлялось мѣстомъ жительства отвѣтчиковъ и свидѣтелей. Если они жили въ городѣ, то приставъ получалъ хоженое, потому что ходилъ за ними; если внѣ города, то ѡздъ, за ѡзду. Хоженое было всегда одинаково. Приставъ получалъ за вызовъ отвѣтчика 5 копѣекъ, за вызовъ общаго свидѣтеля — десять. Вотъ смыслъ выраженія: «А хоженое недѣльщику въ городѣ 10 денегъ, а на правду вдвое»²⁾. Ъздъ опредѣлялся числомъ верстъ отъ того мѣста, гдѣ происходилъ судъ, до того, гдѣ жилъ отвѣтчикъ, или свидѣтель; за каждую версту ѡзды, приставъ получалъ по деньгѣ, полтину за сто верстъ. Въ Судебникѣ сказано, что при вызовѣ общаго свидѣтеля, приставъ получалъ по копѣлкѣ ѡзда заверсту; но въ Уложе-ніи нѣтъ уже этаго различія³⁾.

д) Пожелѣзное и прокормъ. Пожелѣзное и прокормъ были пошлины, взимаемыя приставомъ за то, что онъ извѣст-ныя лица держалъ у себя и кормилъ. Приставамъ отдавались на руки: 1) Отвѣтчики, когда по нихъ не было съ суда пору-ки. 2) Холопи, когда они составляли предметъ тяжбы (Улож.

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 124. — Слово *наси́льство*, въ древнемъ нашемъ законодательствѣ, имѣло совсѣмъ другое значеніе, нежели какое оно получило въ послѣдствіи. Потрава (Улож. гл. X, ст. 208), загонъ къ себѣ на дворъ чужой скотины, безъ всякой справедливой причины (Улож. гл. X, ст. 210), за-владѣніе чужею землею (Улож. гл. X, ст. 211), отгонъ, покража, истребленіе чужихъ бобровъ (Улож. гл. X, ст. 214), порча бортовыхъ деревьевъ (Улож. гл. X, ст. 218), и другія, тому подобныя насильственные дѣйствія, называ-лись вообще *наси́льствомъ*. — Ср. Улож. гл. X, ст. 215, 216, 220, 221, 222, 233, 242, 279, и др.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 144. — Судебникъ § 45.

³⁾ Судебникъ § 45. — Улож. гл. X, ст. 148.

гл. XX, ст. 94). Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, въ пользу пристава вѣщалось пожелѣзное — пошлина, получившая это названіе, вѣроятно, потому, что лица отданныя при ставу, сковывались и содержались въ цѣпяхъ, — и прокормъ — деньги за пропитаніе содержаимаго. Первой полагалось по $1\frac{1}{2}$ коп., а второй по 2 коп. на день (гл. XX, ст. 94). Новоподанными статьями 1658 года запрещено приставамъ вѣщать пожелѣзное, а вмѣсто того постановлено, выдавать имъ жалованье изъ Суднаго приказа¹⁾.

Вотъ всѣ пошлины, которыя вѣщались съ тяжущихся въ продолженіе гражданскаго процесса. О другихъ не упоминается въ Уложеніи. Можетъ-быть въ Московскихъ приказахъ дѣйствительно не было положено другихъ пошлинъ, кромѣ тѣхъ, которыя нами исчислены; но столько же вѣроятно, что инныя пропущены, или неупомянуты случайно. Таковы: ротное, вѣрное — за приведеніе къ присягѣ; смотрѣное — за освидѣтельствованіе на мѣстѣ (съ дозором); судное — за судъ; жеребейное — вѣроятно за рѣшеніе дѣла жребіемъ, о которыхъ упоминается въ юридическихъ актахъ, современныхъ Уложенію²⁾.

Къ издержкамъ по судопроизводству должно отнести проѣзды и волокиты, платимыя за продолженіе процесса долѣе положеннаго законномъ времени. Онѣ уплачивались тѣмъ, отъ чьей вины произошла проволочка, тому, кто отъ нея терпѣлъ убытки. Не смотря на различное названіе, проѣздъ и волокита составляли, вмѣстѣ, одну нераздѣльную плату, которая, по

¹⁾ 1658 года, 1 марта (№ 224); именный.

²⁾ 1653 года, 23 декабря; Наказъ Покровскаго монастыря слугѣ Гаврилу Воронину. Акты Археографической Экспедиціи, т. IV, № 67. — 1659 года, 10 декабря; Наказъ слугѣ Иверскаго монастыря, Антипу Григорьеву. Тамъ же, № 112. — 1679 года, 11 января; Наказъ Соловецкаго монастырскаго собора доводчику Корнелю Аникіеву. Тамъ же, № 232. — Наказы монастырскимъ прикащикамъ. См. Юридическіе акты, № 334, I, III.

этому, въ одно и тоже время, была и вознагражденіемъ за издержки содержанія, и штрафомъ за волокиту.

Происхожденіе платы за проѣсть и волокиту объясняется характеромъ нашего древняго процесса. Нельзя было вести тяжбу, не явившись лично въ приказъ, къ суду; поэтому истецъ и отвѣтчикъ необходимо должны были, во все продолженіе процесса, постоянно находиться тамъ, гдѣ судилась ихъ тяжба; а это влекло иногда въ значительныя издержки на содержаніе, особливо тѣхъ, которые не имѣли постоянного мѣста жительства въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходилъ судъ. Вѣроятно, въ вознагражденіе этихъ-то издержекъ, и въ наказаніе за проволочку и введена плата проѣстей и волокиты.

Величина вознагражденія за проѣсть и волокиту опредѣлялась числомъ дней, въ которые продолжался процессъ сверхъ обыкновеннаго, закономъ опредѣленнаго времени. За каждый день проволочки полагалось по 10 коп. проѣстей и волокиты, что составляло по 3 рубли на мѣсяцъ ¹⁾. Но кто вчинялъ, «поклепные» или уже однажды рѣшенные иски, съ того взыскивалась проѣсть и волокита въ пользу праваго тяжущагося за все то время, въ которое продолжалась тяжба, отъ дня составленія поручной записи, и до дня рѣшенія дѣла; ибо каждый день, въ который такой процессъ продолжался, былъ уже днемъ проволочки ²⁾.

Платить проѣсть и волокиту долженъ былъ, какъ мы уже сказали, тотъ, отъ чьей вины произошла проволочка, слѣд.

1) дьякъ и подьячій, которые тянули дѣло ³⁾; 2) городской

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 18, 130, 139, 140, 141; гл. XV, ст. 3; гл. XVIII, ст. 43; гл. V, ст. 113—115, 117—119, 229, 162.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 18, 154. — За ложный искъ о утаенномъ помѣстьѣ полагалась двойная плата проѣстей и волокиты. Улож. гл. XVI, ст. 26.

³⁾ Улож. гл. X, ст. 18. — Они платили двойную проѣсть и волокиту (по 20 коп. на день).

судья, который, при пересылкѣ дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, не собралъ поручной записи по тяжущихся, и отъ того одинъ изъ нихъ не являлся къ суду (Улож. гл. X, ст. 130); 3) отвѣтчикъ, который не давался на поруки (гл. X, ст. 139; гл. XVIII, ст. 43), или собравши до себѣ поруку, не являлся къ суду въ срокъ (гл. X, ст. 113, 115, 119, 140, 141); 4) третейскій судья, давшій неправильный приговоръ по дѣлу (гл. XV, ст. 5); 5) поручики, которые не поставили отвѣтника къ суду на срокъ (гл. X, ст. 229); 6) обыскные люди, которые дали ложное показаніе, и тѣмъ продолжили процессъ (гл. X, ст. 162). Изъ Новоуказныхъ статей видно, что многія лица были освобождены отъ платы проѣздей и волокиты¹⁾. Можетъ быть и прежде и послѣ давались подобныя привиллегіи.

Мы сказали, что проѣздъ и волокита платились за проволочку дѣла. По этому началу, въ различныхъ случаяхъ различно опредѣлялся день, съ котораго почитали проволочку начавшеюся: если въ проволочкѣ былъ виновенъ дьякъ или подъячій, то онъ платилъ проѣздъ и волокиту съ перваго дня суда²⁾, и до челобитья о проволочкѣ; если проволочка произошла отъ того, что городской судья, виѣстъ съ спорнымъ дѣломъ, не прислалъ поручныхъ по тяжущихся, то первымъ днемъ проволочки считался тотъ, въ который одинъ изъ тя-

---

¹⁾ Этою привиллегію пользовались всѣ, состоявшіе въ дворцовомъ вѣдомствѣ, въ искахъ между собою и съ посторонними. Она распространялась даже на тѣхъ, которые вели съ ними тяжбы. 1686 года, 3 марта (№ 1173); именный съ боярскимъ приговоромъ. Потомъ такая же привиллегія дана Мурзамъ, Татарамъ, Мордвѣ, Чувашамъ и Черемисамъ. 1686 года, 19 марта (№ 1180); именный съ боярскимъ приговоромъ.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 6. — Такъ, кажется, должно понимать выраженіе: «какъ дѣло зачалось». Впрочемъ дьякъ и подъячій могли быть виновны въ проволочкѣ дѣла, какъ до суда, такъ во время, и послѣ суда; поэтому и первый день проволочки былъ различно опредѣляемъ.

жущихся записывалъ свою ставку къ апелляціонному суду (Улож. гл. X, ст. 130), до присылки поручной записи; если въ проволочкѣ былъ виноватъ отвѣтчикъ, недавшійся на поруки, то недѣлю (гл. X, ст. 139), а по Новоуказнымъ статьямъ мѣсяцъ спустя¹⁾ послѣ подачи истцомъ приставной памяти, до явки его къ суду; если, наконецъ, кто либо вчинялъ покленный искъ, то обязанъ былъ платить проѣсть и волокиту за все время, съ собранія по отвѣтчикѣ поручной записи, до окончанія дѣла²⁾).

Въ періодъ Новоуказныхъ статей образовалось нѣсколько новыхъ, замѣчательныхъ положеній о платѣ проѣстей и волокиты. По Уложенію, только за покленные и вновь вчиняемые иски взиmались проѣсти и волокиты съ начала и до конца процесса; въ прочихъ искахъ положена была плата проѣстей и волокитъ за одну проволочку. Но Новоуказными статьями это положеніе измѣнено и дополнено: всякій истецъ, обвиненный въ искѣ, долженъ былъ платить отвѣтчику проѣсть и волокиту по гривнѣ на день, хотя бы даже сумма проѣстей и волокитъ превышала цѣну иска. Тому же подвергались и отвѣтчики, обвиненные въ искѣ, кромѣ тѣхъ, которые обвинены «какимъ безхитростнымъ дѣломъ» т. е. промолвкой, указною недѣлею и т. д.³⁾

Итакъ, различіе между покленными и непокленными исками, въ отношеніи къ платѣ проѣстей и волокитъ, уничтожилось; за всякій проигранный процессъ взыскивался этотъ штрафъ съ обвиненнаго, въ пользу противника. — Какіе бы ни были поводы къ такому измѣненію прежнихъ постановленій о проѣстяхъ и волокитахъ, можно сказать утвердительно, что

¹⁾ 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 1.

²⁾ Улож. гл. X, ст. 18, 154; гл. XVI, ст. 26. — 1683 года, 22 іюня, (№ 1029); именной съ боярскихъ приговоромъ.

³⁾ 1651 ода, 9 января (№ 55); боярскій приговоръ.

въ немъ выражается новый взглядъ на судопроизводство — взглядъ постепенно приготовленный предшествовавшимъ развитіемъ идеи государства, которое ясно обнаруживается въ различныхъ частяхъ законодательства этой эпохи. Всѣ частныя, гражданскія дѣйствія, прежде безразличныя, теперь все болѣе и болѣе подводятся подъ категоріи справедливыхъ, или несправедливыхъ дѣйствій, и съ этой точки зрѣнія опредѣляются законодательствомъ. Многія, по прежнимъ понятіямъ гражданскія преступленія, получаютъ теперь, отъ этого, характеръ преступленій государственныхъ; дѣйствія безразличныя возводятся на степень гражданскихъ преступленій. На этомъ-то основаніи, обвиненный платилъ прежде проѣсть и волокиту только за время проволочки; но въ періодъ Новоуказныхъ статей онъ долженъ былъ уплачивать штрафъ за все время процесса. Кажется однако, что число дней, за которые взималась проѣсть и волокита, различно опредѣлялось въ поклепныхъ и непоклепныхъ искахъ. Въ первыхъ, какъ уже замѣчено, проѣсть и волокита взимались со дня подачи приставной памяти, въ послѣднихъ — съ начала суда и до дня рѣшенія. Итакъ, въ послѣднемъ случаѣ, время, употребленное на вызовъ къ суду, исключалось изъ общаго счета дней, за которые взималась проѣсть и волокита¹⁾).

Другія измѣненія въ ученіи о проѣстяхъ и волокитахъ произошли вслѣдствіе отмѣны обвиненія безъ суда, и по этому не долго сохраняли свою силу. Кто не искалъ и не отвѣчалъ въ продолженіе недѣли, съ того постановлено взыскивать проѣсть и волокиту со дня явки къ суду одного изъ тяжущихся, до дня явки къ суду противника²⁾). Но со введеніемъ преж-

¹⁾ 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 8.

²⁾ 1633 года, 4 ноября (№ 109); именной. — Это положеніе отмѣнено Судными статьями 1685 года, 11 ноября (№ 1140); п. 8.

наго обвиненія неявкою, взысканіе проѣздей и волокиты за дни, предшествовавшіе суду, отиѣнено, и возстановлены прежнія положенія¹⁾.

IX.

Переносъ судебныхъ дѣлъ въ высшія инстанціи.

Перенесеніе спорныхъ судебныхъ дѣлъ изъ низшей инстанціи въ высшую происходило двоякимъ образомъ:

1) Излагая судоустройство временъ Уложенія мы сказали, что судебная власть городовыхъ и пригородныхъ воеводъ была ограничена, и въ отношеніи къ цѣнѣ, и въ отношеніи къ предметамъ гражданскихъ исковъ. Когда такимъ образомъ искъ, превышающій судебную власть воеводъ, поступалъ на ихъ рѣшеніе, или когда они не знали, какъ рѣшить его, они сами собою, безъ просьбы тяжущихся, пересылали его на рѣшеніе высшей инстанціи (Улож. гл. X, ст. 2, 130). Такой порядокъ переноса дѣлъ можетъ быть названъ порядкомъ слѣдственнымъ.

2) Но могли быть случаи, что одинъ изъ тяжущихся находилъ рѣшеніе, постановленное судьей, несправедливымъ. Тогда онъ долженъ былъ приносить на то жалобу въ высшую инстанцію, и на основаніи этой жалобы, высшій судъ вытребовалъ отъ низшаго дѣло, разсматривалъ его, и постановлялъ по немъ новое рѣшеніе. Такой порядокъ перенесенія спорнаго гражданского дѣла изъ низшей инстанціи въ высшую, вслѣдствіе жалобы одного изъ тяжущихся, можетъ быть названъ гражданскимъ, апелляціоннымъ.

Судъ по каждому спорному гражданскому иску, кромѣ тѣхъ, которые особыми привилегіями были исключены изъ

---

¹⁾ 1685 года, 11 ноября (№ 1140); Судныя статьи, п. 8.

общей подсудности, необходимо происходить сперва въ низшей инстанціи (Улож. гл. X, ст. 130, 20). Если дѣло должно было быть по слѣдственному порядку перенесено въ высшую инстанцію, то списокъ этого суднаго дѣла посылался судьями въ то присутственное мѣсто, подѣ которымъ они состояли. Если по порядку апелляціонному, — то пересылкѣ дѣла и рѣшенію должна была предшествовать апелляціонная жалоба, поданная недовольнымъ тяжущимся въ высшее присутственное мѣсто (гл. X, ст. 7). Но въ Уложеніи ничего не говорится ни о томъ, какимъ образомъ судный списокъ и рѣшеніе вытребовались высшею инстанціею отъ низшей, ни о срокахъ для апелляціи. Присланное въ высшую инстанцію спорное гражданское дѣло уже не судилось въ ней, потому что было засужено (гл. X, ст. 130) въ низшей инстанціи, но, или рѣшалось, если поступало слѣдственнымъ порядкомъ, или перевёршивалось, — если переносилось порядкомъ апелляціоннымъ.

Такъ было, когда судъ по какому-либо спорному гражданскому дѣлу, перенесенному на рѣшеніе высшей инстанціи, не требовалъ никакихъ измѣненій. Но могло случиться: 1) что одинъ изъ тяжущихся опровергалъ судный списокъ («оболжнить списокъ»), т. е. доказывалъ, что судъ по этому спорному дѣлу не такъ происходилъ въ низшей инстанціи, какъ онъ былъ изложенъ въ списокѣ, присланномъ въ высшее присутственное мѣсто, или 2) что судьи сами, по разсмотрѣніи присланнаго къ нимъ списка суднаго дѣла, находили, что судъ былъ неполонъ, неясенъ, или происходилъ не согласно съ законами.

Къ какимъ средствамъ прибѣгали въ первомъ случаѣ, для того, чтобъ удостовѣриться въ справедливости опроверженій суднаго списка однимъ изъ тяжущихся, объ этомъ ничего не сказано въ Уложеніи; но въ Судебникѣ производство по такого рода дѣламъ изложено весьма подробно (Судебникъ, ст. 69). Вѣроятно, тоже самое производство, можетъ-быть съ нѣкото-

рыми измѣненіями, удержалось и въ настоящую эпоху. Во второмъ случаѣ судьи приговаривали «дати судъ съ головы» (Улож. гл. X, ст. 10) т. е. назначали подвергнуть спорный искъ новому суду. Но мы не знаемъ, проеиходилъ ли этотъ новый судъ въ высшей инстанціи, передъ тѣми же судьями, которые опровергли первый судъ, или спорный искъ опять обращался въ низшую инстанцію, и тамъ подвергался новому суду.

Рѣшеніе и перевершеніе спорнаго иска въ высшей инстанціи не иначе, какъ на основаніи суда, произведеннаго въ низшемъ присутственномъ мѣстѣ, давало гражданскимъ процессамъ того времени весьма правильный ходъ и строгую послѣдовательность въ ихъ развитіи. Всѣ доказательства и опроверженія въ пользу и противъ спорнаго гражданского иска однажды навсегда излагались въ судѣ; имъ и ограничивался моментъ веденія доказательствъ; высшая степень суда только постановляла рѣшеніе, котораго не было въ правѣ постановить низшій судья, или давала рѣшеніе по тому же самому дѣлу, которое было уже однажды рѣшено въ нисней инстанціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ произносила свой приговоръ и о ея рѣшеніи. Апелляціонная жалоба заключала въ себѣ только просьбу перевершить спорный гражданскій искъ, потому что нисшій судъ рѣшилъ его неправильно. Доказательства, въ ней излагаемые, имѣли цѣлью убѣдить въ этомъ высшее присутственное мѣсто—не болѣе. Она не могла заключать въ себѣ новыхъ доводовъ въ пользу или противъ спорнаго иска, ибо этотъ искъ, пополненный новыми доказательствами, измѣнился бы и образовалъ новый спорный гражданскій искъ, новое спорное дѣло, что явно противорѣчило бы понятію о перевершеніи. Тогда судья неправильно подвергся бы взысканію за неправильное рѣшеніе, и неправильно такой искъ, пополненный новыми доказательствами, рѣшался бы во второй инстанціи. Итакъ, во времена

Уложения, апелляціонное рѣшеніе было ничто иное, какъ рѣшеніе тяжбы между судьей и недовольнымъ тяжущимся; они являлись здѣсь лицами равными; оба равно платили другъ другу безцѣстье и убытки, если были неправы¹⁾). Только въ одномъ случаѣ мы находимъ отступленіе отъ изложенныхъ нами правилъ; это при назначеніи суда съ головы. Но и здѣсь спорный искъ не измѣнялся, а все прежнее производство его уничтожалось, и объявлялось, какъ бы несуществующимъ юридически. Назначали новый судъ, который производилъ совсѣмъ новое дѣло, не имѣющее, юридически, ничего общаго съ предыдущимъ.

Скажемъ въ заключеніе, что по Уложенію, частная жалоба, подаваемая въ продолженіе процесса, строго отличалась отъ апелляціонной. Это ясно видно изъ того, что если тяжущійся жаловался на судью, что онъ волочилъ дѣло, то это дѣло не переносилось на судъ и рѣшеніе высшей инстанціи, но судья подвергался наказанію и ему предписывалось «судныя дѣла вершити безволокитно» (Улож. гл. X, ст. 15).

---

¹⁾ Улож. гл. X, ст. 5 и 6. — Судья платитъ тяжущемуся тройный искъ. — Тамъ же, ст. 9. Тяжущійся судѣе безцѣстье.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

РЕФОРМЫ, ПРОИСШЕДШІЯ ВЪ СУДОУСТРОЙСТВѢ И СУДОПРОИЗВОДСТВѢ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ И ВЪ ПОСЛѢДУЮЩІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ,
ДО УЧРЕЖДЕНІЯ О ГУБЕРНІЯХЪ.

(1696—1775)

Уже много было говорено и писано о значеніи Петра Великаго въ русской исторіи, но вопросъ не рѣшенъ и до сихъ поръ. Это объясняется тѣмъ, что мы еще почти современники Петра Великаго, и едва только начинаемъ высвобождаться изъ-подъ непосредственнаго вліянія реформы, имъ произведенной. Для насъ эта реформа не есть еще вполне прошедшее, на которое бы мы могли смотрѣть прямо и безпристрастно. Оставляя по этому въ сторонѣ вопросъ о значеніи реформы, мы замѣтимъ здѣсь только вообще, для уясненія нашего предмета, что въ періодъ Уложенія обычное право замѣтно изглаживалось въ народномъ сознаніи: это доказывается самимъ Уложеніемъ и законами, послѣ него изданными. Такому ослабленію обычнаго права много содѣйствовали слѣдующія причины:

1) Въ періодъ Уложенія, юридическія отношенія становились мало-по-малу многосложнѣе, разнообразнѣе и поэтому запутаннѣе, нежели были прежде. Каждое юридическое отношеніе, прежде простое, теперь начало дробиться на нѣсколько различныхъ отношеній, по различнымъ оттѣнкамъ, въ немъ заключившимся. Этихъ новыхъ отношеній нельзя уже было судить

по обычному праву, по существу своему простому, однообразному; явилась потребность восходить къ юридическимъ началамъ, лежащимъ въ основаніи обычнаго права, а оно чрезъ это должно было придти въ упадокъ.

2) При постепенномъ развитіи законодательства, въ немъ появлялись новыя юридическія положенія, которыя хотя и были результатомъ предыдущаго, однако во многихъ отношеніяхъ измѣняли его. Такимъ образомъ старое продолжало существовать подлѣ новаго, нерѣдко противоположнаго ему по основному своему началу. Отъ такого смѣшенія различныхъ началъ, и отъ того, что обычай потерялъ прежнюю, исключительную силу, — обычныя вѣрованія должны были утратить свою ясность и опредѣленность.

Когда живое сознаніе права ослабѣло, буква закона, которая была его выраженіемъ, сдѣлалась мало-по-малу жѣриломъ и единственнымъ источникомъ права. Отсюда развился юридическій формализмъ, сутяжничество, ябеда, душевредство, которыя, въ періодъ новоуказныхъ статей, чрезвычайно усилились и служатъ доказательствомъ, что тогда существовали однѣ только формы древняго права, а духъ его изгладился и исчезъ изъ народнаго сознанія.

Таково было состояніе правосудія въ нашемъ отечествѣ въ концѣ XVII вѣка. Такимъ засталъ его Петръ Великій. Самымъ простымъ, скорымъ и вѣрнымъ способомъ измѣнить такой порядокъ вещей, весьма естественно, казалось — дать Россіи лучшіе законы. Лучшими, разумѣется, должны были казаться тѣ, подъ которыми жили народы просвѣщенные, имѣвшіе организованное устройство и строгое правосудіе. Тогда не было и не могло быть убѣжденія, до котораго впоследствии довелъ долговременный опытъ, что никакой законъ, какъ бы онъ хорошъ ни былъ, самъ по себѣ не водворяетъ права; что чуждое, только перешедши въ сознаніе, можетъ быть усвоено

и принести ожидаемые плоды. Петръ Великій вознамѣрился исправить тогдашній юридическій бытъ Россіи введеніемъ иностранныхъ законовъ. Реформою открывается новый періодъ русскаго законодательства, періодъ нововведеній и заимствованій, по своему характеру и направленію рѣзко отличающійся отъ предыдущаго, и во многихъ отношеніяхъ противоположный ему. Въ развитіи своемъ онъ подвергся многимъ, существеннымъ измѣненіямъ, и наконецъ, въ наше время, выразился, въ результатахъ своихъ, въ сводѣ законовъ Россійской Имперіи, какъ обычное право въ Уложеніи.

Съ Петра Великаго предметомъ законодательства является уже не развитіе началъ, сокрытыхъ въ обычномъ правѣ, а самыя начала, ихъ критика и установленіе. До Петра Великаго все развитіе законодательства ограничивалось: а) дальнѣйшимъ опредѣленіемъ, поясненіемъ, истолкованіемъ началъ, лежавшихъ въ основаніи тогдашняго права; поводомъ служили обыкновенно новые юридическіе случаи, представляемые судебною практикою и не рѣшенные существовавшими законами; б) нѣкоторыми незначительными измѣненіями, рѣдко выходившими изъ круга существующихъ, обычныхъ началъ права. Со времени реформы, самыя начала права подверглись сужденію, и критеріемъ при этомъ служилъ лучшій юридическій бытъ Россіи, какъ понимали его законодатели. Такимъ образомъ, до Петра Великаго, русское законодательство преимущественно развивалось аналитически, отъ казусовъ къ началамъ; послѣ Петра Великаго, синтетически — отъ началъ къ ихъ приложенію.

Отсюда: русское законодательство этой эпохи представляетъ не развитіе однихъ и тѣхъ же началъ, а безпрестанное измѣненіе ихъ, уничтоженіе существующихъ, и замѣщеніе другими. Каждый законодатель приносилъ свой собственный взглядъ на юридическій бытъ Россіи, и сообразно съ нимъ, дѣлалъ тѣ

или другія измѣненія въ законодательствѣ. Поэтому, при изученіи законовъ этого періода, должно преимущественно обращать вниманіе на личность законодателей, ихъ понятія и убѣжденія, а не на внутреннюю послѣдовательность развитія юридическихъ началъ, ибо ея не было, и не могло быть во многихъ случаяхъ.

Далѣе: когда юридическія начала, лежавшія въ основаніи юридическаго быта, сами сдѣлались предметомъ критики и обсужденій, обычай долженъ былъ, и юридически, потерять прежнюю свою силу. Отсюда объясняется строгое предписаніе, повторявшееся въ продолженіи этого періода нѣсколько разъ, во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ непремѣнно испрашивать разрѣшенія у Верховной Власти, и твердо придерживаться буквального смысла закона. Не только обычное право ослабло въ этотъ періодъ, но и самый ходъ законодательства измѣнился. Новыя, чуждыя начала внесены въ право. По этимъ двумъ основаніямъ законодатели весьма правильно опасались, чтобы свобода судьи въ толкованіи закона не повлекла за собою произвольныхъ рѣшеній, или рѣшеній на основаніи прежнихъ обычныхъ началъ, противныхъ, или по крайней мѣрѣ несогласныхъ съ новыми, и отняли всю силу у обычая.

Вся сила реформы сосредоточилась преимущественно на государственномъ и гражданскомъ управленіи древней Россіи, потому что ближайшею ея причиною были злоупотребленія, вкравшіяся въ администрацію. Наконецъ замѣтимъ, что въ продолженіе этого періода, всѣ начала, заимствованныя изъ иностранныхъ законодательствъ и пересаженные на русскую почву, измѣнили свой характеръ, утратили историческую, жизненную сторону, приняли въ себя другое содержаніе и такимъ образомъ низведены до правильнѣйшихъ, удобнѣйшихъ, вообще лучшихъ средствъ и формъ управленія.

Перейдемъ теперь къ краткому обзорѣннѣ тѣхъ измѣненій,

которыя произошли, вслѣдствіе реформы, въ русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ, до изданія учрежденія о управленіи губерній.

СУДОУСТРОЙСТВО.

Въ устройствѣ гражданскихъ судовъ настоящей эпохи мы находимъ многія новыя начала, которыя, конечно, были приготовлены предыдущимъ развитіемъ, но до Петра Великаго не были ясно высказаны и введены въ дѣйствующее законодательство. Эти начала суть: а) отдѣльное судебное управленіе купечества и мѣщанства отъ прочихъ классовъ; б) коллегіальное устройство судебныхъ мѣстъ; в) отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, собственно административной; д) начало контрольное и инквизиціонное.

1. Отдѣльное управленіе купечества и мѣщанства отъ прочихъ классовъ. Говоря о судоустройствѣ временъ Уложенія и Новоуказныхъ статей, мы замѣтили, что необходимость отдѣльнаго управленія купечества отъ прочихъ классовъ была чувствуема еще до Петра Великаго и высказана въ новоторговомъ уставѣ 1667 года. Петръ Великій первый привелъ эту мысль въ исполненіе, подчинивъ купечество, посадскихъ людей и ремесленниковъ бурмистрамъ, замѣненнымъ въ послѣдствіи магистратами. Все устройство купеческихъ, мѣщанскихъ, вообще горожанскихъ судовъ, всѣ чины, ими заведывающіе, бургомистры, ратманы, ратсгеры и т. д. очевидно заимствованы изъ иностранныхъ законодательствъ. Петръ Великій велѣлъ: «магистратовъ градскихъ... учинить на основаніи Рижскаго и Ревельскаго Регламента, по всѣмъ городамъ»¹⁾. Такимъ образомъ городское сословіе создано у насъ Петромъ Великимъ. Магистраты судили не только спорныя

¹⁾ 1718 года, 11 іюля (№ 3208); Высочайшія резолюціи на меморіалъ иноземца Фика п. 8 и рез.

дѣла, возникающія исключительно изъ купеческихъ оборотовъ и юридическихъ отношеній, но всѣ дѣла гражданскія между купцами, мѣщанами и ремесленниками.

2. Коллегіальное устройство судебныхъ мѣстъ. Введеніе коллегіальнаго устройства, въ настоящемъ смыслѣ слова, безспорно принадлежитъ Петру Великому. До него, управленіе областію, или отдѣльною отраслью администраціи находилось обыкновенно въ рукахъ воеводы съ товарищи, или судьи съ товарищи. Но товарищи придавались воеводѣ и судьямъ потому только, что одному управлять было трудно; ему нужны были совѣтники, помощники, которые могли бы исправлять его должность во время его отсутствія, болѣзни, смерти и т. д. Отсюда неопредѣленность отношеній ихъ къ главному воеводѣ или судьямъ. Вся власть, юридически, сосредоточивалась въ его рукахъ, ограничиваясь только, *de facto*, мнѣніемъ и совѣтами его помощниковъ. Петръ Великій видѣлъ злоупотребленія, проистекающія изъ такой безграничной власти правителей¹⁾, и для того замѣнилъ ее властью нѣсколькихъ лицъ вмѣстѣ, изъ коихъ каждое было совершенно независимо другъ отъ друга, и поэтому, участвуя наравнѣ со всѣми другими въ управленіи, могло, вмѣстѣ съ тѣмъ, контролировать ихъ дѣйствія. Главный управитель сдѣлался съ того времени старшимъ членомъ своихъ товарищей; единовластіе его исчезло. Коллегіальное устройство, какъ и отдѣльное управленіе городскихъ классовъ, заимствовано Петромъ Великимъ изъ Шведскаго законодательства.

---

¹⁾ 1718 года, 22 декабря (№ 3261); пмennyй, въ началѣ: «учинены коллегіи, т. е. собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ)», въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ, безъ созволенія товарищей своихъ, ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отымають старья поползновенія дѣлать».

3. Отдѣленіе судебной власти отъ исполнительно-
ной. Отдѣленія судебной власти отъ исполнительной не было
въ нашемъ древнемъ законодательствѣ; ибо сосредоточеніе
всѣхъ властей въ одномъ правительственномъ мѣстѣ (приказѣ),
или лицѣ было, какъ мы замѣтили, одною изъ характеристиче-
скихъ чертъ нашего древняго устройства. Конечно, подвѣдом-
ственность опредѣлялась нерѣдко по частнымъ признакамъ; но
если лице, по чему бы то ни было, подчинялось извѣстному
мѣсту или лицу, то оно подчинялось ему вполне, по судебно-
му, межевому, полицейскому, финансовому управленію. На
этомъ основаніи и исполнительная власть не отдѣлялась отъ
судебной. Въ эпоху, не задолго предшествующую реформѣ Пе-
тра Великаго, отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной
начало мало-по-малу обнаруживаться; особливо это замѣтно
въ опредѣленіи отношеній между духовною и свѣтскою властью.
Но это отдѣленіе выражалось только въ нѣкоторыхъ частныхъ
случаяхъ, и не было возведено до опредѣленнаго юридическаго
начала. У насъ, оно, очевидно, имѣло и имѣетъ цѣлью облег-
ченіе правительственныхъ мѣстъ и лицъ, которыя были бы
слишкомъ обременены, еслибъ завѣдывали и тою и другою от-
раслью управленія.

4. Начало контрольное и инквизиціонное. Уста-
новленіе особливыхъ чиновниковъ для наблюденія за присут-
ственными мѣстами и лицами, въ отправленіи ихъ должности,
и для сохраненія казенныхъ интересовъ, не было, въ строгомъ
смыслѣ, нововведеніемъ при Петрѣ Великомъ. Не говоря уже
о томъ, что всѣ «вѣрные» таможенные и кабацкіе головы и
цѣловальники, по окончаніи своей должности, отдавали отчетъ
въ управленіи общинѣ ихъ избравшей, и потомъ считались при-
казомъ, въ вѣдомствѣ котораго они состояли¹⁾, мы замѣтимъ,

¹⁾ 1676 года, 17 мая (№ 642); именный.

что, по свидѣтельству Кошихина, ко всѣмъ знатымъ посланникамъ были приставлены дѣяки, которые наблюдали за ними въ отправленіи ихъ должностей, и обо всѣхъ отступленіяхъ доносили Государю, въ Приказъ Тайныхъ Дѣлъ, гдѣ и были вѣдомы (Кошихинъ гл. VII, ст. 1).

Со временъ Петра Великаго, контроль чиновниковъ и присутственныхъ мѣстъ, въ отправленіи ихъ должностей, и инквизиціонное начало въ дѣлахъ казны, получили обширнѣйшее развитіе и кругъ дѣйствія, чрезъ установленіе фискаловъ и прокуроровъ. Фискалы и прокуроры, какъ и все провинціальное устройство, заимствованы Петромъ Великимъ изъ Швеціи. Трудно опредѣлять, въ чемъ именно состояло различіе между ними. Кажется, фискалы, по главному своему назначенію, были истцы со стороны казны, казенные страпчіе, какъ были монастырскіе страпчіе, по дѣламъ монастырскимъ, и патріаршіе, по имѣніямъ патріарха. Напротивъ, прокуроры были, преимущественно, блюстители законовъ; они смотрѣли за тѣмъ, чтобъ присутственные мѣста, при которыхъ они были установлены, не отступали отъ законнаго порядка и формъ ¹⁾. Впрочемъ, строгаго различія между фискалами и прокурорами не было, и должности ихъ, во многихъ отношеніяхъ, были совершенно одинаковы.

Установленіе фискаловъ и прокуроровъ не было однимъ послѣдствіемъ нововведеній; потребность ихъ глубоко лежала въ юридическомъ бытѣ Россіи во времена Петра Великаго.

1) Когда развилось понятіе о строгомъ различіи между благомъ общимъ и частнымъ, имѣніемъ частныхъ лицъ и казны,

---

¹⁾ Въ Финляндіи, гдѣ удержались, съ значительными измѣненіями, формы шведскаго государственнаго устройства и управленія, введеннаго у насъ Петромъ Великимъ, это различіе между фискалами и прокурорами еще сохранилось. См. *Rein, statistische Darstellung des Grossfürstenthums Finnland. Helsingfors, 1839* in 8°, стр. 81 и 93.

первыя, при взаимномъ столкновеніи интересовъ частныхъ съ общими, находили себѣ дѣятельныхъ защитниковъ, а послѣдніе — интересы казны и дѣла уголовныя, если не были связаны съ частными, оставались безъ истцовъ. Петръ Великій видѣлъ эту беззащитность казны, тѣмъ болѣе потому, что издержки, нужныя для войны, заставляли его безпрестанно помышлять о средствахъ усиленія государственныхъ доходовъ. Вотъ что и побудило его установить фискаловъ.

2) Первоначально, когда управление находилось въ рукахъ выборныхъ чиновниковъ, и только центральное, преимущественно политическое, военное и финансовое управление было ввѣрено княжескимъ или царскимъ намѣстникамъ, необходимость контроля, или наблюденія надъ чиновниками, въ отправленіи ихъ должностей, не могла быть чувствуема въ такой мѣрѣ, какъ въ послѣдствіи, потому что государство состояло изъ областей, соединенныхъ между собою болѣе политической, нежели внутренней связью. Въ послѣдствіи, когда выборные отъ общины, или міра, мало-по-малу исчезли, и правители, образовавши постоянныя коллегіальныя присутствія, утратили, каждый въ отдѣльности, характеръ лицъ, облеченныхъ особенною довѣренностію самаго государя; когда политическое единство замѣнилось внутренней централизаціею государства, и оно образовалось въ одно органическое цѣлое; наконецъ, когда прежнее дѣлопроизводство, развившееся изъ обычая, замѣнено новымъ, заимствованнымъ изъ иностранныхъ законодательствъ — непосредственный надзоръ надъ присутственными мѣстами и лицами сдѣлался необходимымъ. Этой потребности удовлетворилъ Петръ Великій введеніемъ прокуроровъ.

Сначала учреждены фискалы (въ 1711 г.), съ ¹⁾ большими правами и властью; они могли всякаго требовать къ суду

---

¹⁾ 1711 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 9.

«кто не правду учинить», и не подвергались никакой ответственности, если не доказывали доноса¹⁾; сами же они и имѣнія ихъ не были подвѣдомственны общимъ присутственнымъ мѣстамъ, но чрезъ оберъ-фискала судились сенатомъ²⁾. Отсюда должны были произтекать большія злоупотребленія; поэтому права фискаловъ, въ послѣдствіи, ограничены; сначала имъ запрещено вмѣшиваться въ гражданскія («челобитчиковы») дѣла³⁾, и предоставлено доносить по безгласнымъ дѣламъ «ниже не имѣютъ челобитчика о себѣ»⁴⁾, а въ царствованіе Императрицы Екатерины I они подчинены, по частнымъ, гражданскимъ искамъ, вѣдомству общихъ присутственныхъ мѣстъ⁵⁾.

¹⁾ 1711 года, 5 марта (№ 2331); именный, данный сенату, п. 5.

²⁾ 1712 года, 16 января. Объ этомъ указѣ упоминается въ указѣ сената 1721 года, 24 февраля (№ 3745). Если не ошибаемся, его нѣтъ въ Полномъ Собраніи Законовъ.

³⁾ 1713 года, 24 апрѣля (№ 2669); именный, объявленный изъ сената.

⁴⁾ 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный, п. 3.

⁵⁾ 1725 года, 20 апрѣля (№ 4698); именный, п. 11. — Первоначально установлены: *оберъ-фискалъ* при сенатѣ, и при немъ четыре *фискала*, въ томъ числѣ два изъ купечества; по *четыре фискала* въ каждой губерніи, въ томъ числѣ *провинціалъ-фискалъ* и *фискалы* изъ купечества; по одному и по два *фискала* въ городахъ; они назывались и *земскими*, или *ланд-фискалами* (1714 года, 17 марта (№ 2786); именный. Ср. 1711 года, 10 августа (№ 2414); Резолюціи сената на докладные пункты оберъ-фискала Былинскаго, п. 1 и 2. — 1718 года, 26 ноября (№ 3244); именный. Ср. 1749 года, . . . (№ 3479); Инструкція или наказъ *земскимъ фискаламъ* въ губерніяхъ и провинціяхъ, п. 2). Въ послѣдствіи мы находимъ *генералъ-фискала*, *оберъ-фискала государственнаго* (при сенатѣ), *оберъ-фискаловъ* военныхъ коллегій, *оберъ-фискаловъ* въ Москвѣ, и въ войскахъ у дивизій, *фискаловъ* въ коллегіяхъ и въ магистратѣ (1723 года, 22 февраля (№ 4170); именный, данный сенату). Сверхъ того, по епархіямъ учреждены духовные фискалы изъ духовныхъ особъ, подъ названіемъ *провинціалъ-инквизиторовъ*; при синодѣ *протоинквизиторъ*, а въ городахъ и приказахъ *инквизиторы*. (1721 года . . . (№ 3870); Инструкція данная отъ Святейшаго Синода Московскаго Данилова монастыря строителю Иеромонаху Пафнутію, опредѣленному Протоинквизиторомъ, или главнымъ *фискаломъ* по дѣламъ духовнаго вѣдомства во всей Россіи).

Въ 1722 году, впервые установлены прокуроры: въ сенатѣ генераль и оберъ-прокуроры, а въ коллегіяхъ прокуроры ¹⁾. Въ послѣдствіи они были уничтожены, неизвѣстно кѣмъ и когда, и возстановлены манифестомъ Императрицы Анны Іоанновны, на прежнемъ основаніи ²⁾.

Представимъ теперь краткій очеркъ реформы, произведенной Петромъ Великимъ въ судоустройство.

Областное, провинціальное Судоустройство.

Въ 1708 году, вся Россія раздѣлена Петромъ Великимъ на восемь губерній: Московскую, Ингерманландскую, Кіевскую, Смоленскую, Архангельскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую ³⁾. Въ послѣдствіи, въ 1719 году, каждая губернія подраздѣлена еще на нѣсколько провинцій ⁴⁾. Всѣ эти гу-

¹⁾ 1722 года, 12 января (№ 3877); именный, данный сенату, п. 4.

²⁾ 1728 года, 2 октября (№ 5625); манифестъ. — Послѣ учрежденія генералъ- и оберъ-прокуроровъ при сенатѣ и прокуроровъ въ государственныхъ коллегіяхъ, мы находимъ прокуроровъ въ магистратахъ и надворныхъ судахъ (1722 года, 18 января (№ 3880); именный, п. 1. — 1722 года, 27 апрѣля (№ 3984); именный). За тѣмъ установлены: оберъ-прокуроръ въ синодѣ, равный генераль-прокурору (1722 года, 11 мая (№ 4004); именный), и прокуроры при губернаторахъ (1733 года, 3 сентября (№ 6475), именный) при канцеляріяхъ и конторахъ (1741 года, 12 декабря (№ 8480); именный).

³⁾ 1708 года, 18 декабря (№ 2218); именный, объявленный изъ ближней канцеляріи. — Въ 1713 году, изъ Рязи съ Смоленскомъ образована особая Рижская губернія (1713 года, 28 іюля (№ 2703); именный); но въ 1719 году, мы находимъ уже новое раздѣленіе Россіи на 10 губерній: С. Петербургскую, Московскую, Кіевскую, Азовскую, Рижскую, Архангельскую, Сибирскую, Казанскую, Нижегородскую, Астраханскую. Новыми были Нижегородская и Астраханская (1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ).

⁴⁾ С. Петербургская губернія раздѣлена на 12 провинцій, Московская на 9, Кіевская, Азовская, Архангельская, Сибирская, Казанская, Астраханская, каждая на 4 провинціи; Нижегородская на 3, Рижская на 2 (1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ).

берній, съ небольшими измѣненіями, организованы по образцу Ингерманландской; ибо изъ многихъ указовъ мы видимъ, что почти тоже устройство, которое введено было во всѣхъ губерніяхъ, существовало въ Ингерманландской еще до учрежденія губерній въ Россіи¹⁾. Въ новомъ областномъ устройствѣ, судебное управленіе было отдѣлено отъ собственно административнаго, исполнительнаго и полицейскаго (въ обширномъ смыслѣ).

а) Областное устройство въ административномъ отношеніи.

Высшая административная власть въ губерніи принадлежала губернатору. Подъ нимъ состояли: вице-губернаторъ, который заступалъ его мѣсто во время его отсутствія²⁾; въ провинціяхъ, если въ нихъ находились гарнизоны, оберъ-коменданты и коменданты (вѣроятно по городамъ)³⁾, а гдѣ гарнизоновъ не было, тамъ сначала ландраты съ комиссарами, а потомъ воеводы провинціальныя⁴⁾, по городамъ городовые⁵⁾, а подъ послѣдними, въ пригородахъ, пригородные воеводы⁶⁾.

¹⁾ 1705 года, 3 марта (№ 2039); именный. — 1708 года, 24 марта (№ 2194); Докладные пункты князя Меншикова съ Высочайшими резолюціями, ст. 24. — 1707 года, 17 января (№ 2135); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ. — 1706 года, 12 марта (№ 2097); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ Копорскому Коменданту Римскому-Корсакову.

²⁾ 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный, п. 8. — Отношеніе вице-губернатора къ губернатору весьма неясно въ законахъ Петра Великаго; иногда вице-губернаторы состояли при губернаторахъ (1715 года, 28 января (№ 2879), именный); иногда они имѣли въ своемъ управленіи города (1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именный п. 3) и провинціи (1719 года, 29 мая (№ 3378); именный, объявленный изъ сената).

³⁾ 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный, п. 8. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

⁴⁾ 1719 года, 19 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

⁵⁾ 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 9. — 1728 года, 12 сентября (№ 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 7.

⁶⁾ 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

До реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ въ областномъ устройствѣ, при каждомъ воеводѣ находились помощники, товарищи, которые избирались изъ помѣщиковъ, жителями того города, гдѣ находился воевода, и вѣдали съ нимъ всѣ дѣла города и уѣзда¹⁾. Отношеніе ихъ къ воеводѣ было то же самое, какое существовало между судьями, вѣдавшими приказы, и ихъ товарищами; послѣдніе были помощники, совѣтники первыхъ. Это управленіе воеводами «съ товарищи» Петръ Великій замѣнилъ чисто-коллегіальнымъ, — ландратскими правленіями. Они заимствованы не изъ Швеціи, какъ вообще все областное устройство, а изъ Остзейскихъ провинцій; ибо мы знаемъ, что когда Эстляндія находилась подъ властію Даніи, мѣстное управленіе ея ввѣрено было намѣстнику и земскому совѣту, состоявшему изъ 12 ландратовъ.

Ландраты учреждены въ Россіи въ 1713 году. Положеніе о нихъ состояло въ слѣдующемъ: «учинить ландратовъ въ большихъ губерніяхъ по двѣнадцати, въ среднихъ по десяти, въ меньшихъ по восьми; дѣла ихъ то, что они всѣ дѣла съ губернаторомъ дѣлать и подписывать и губернаторъ у нихъ не яко властитель, но яко президентъ, и имѣть оному только два голоса, а прочимъ по одному, и никакого дѣла безъ оныхъ не дѣлать. — Вице-губернаторамъ по три доли, а оберъ-комендантамъ въ-полы противъ своихъ губернаторовъ имѣть ландратовъ, гдѣ будутъ оныя въ особыхъ городахъ той губерніи, а не при губернаторѣ²⁾. — Въ губерніяхъ, въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ гарнизоновъ нѣтъ, оберъ-комендантамъ и комендантамъ не быть, а быть, вмѣсто ихъ, ландратомъ, по одному человѣку надъ каждою долею (въ которой 5536 дворовъ, или по

¹⁾ 1703 года, 19 января (№ 2018); именный, объявленный Розряду бояриномъ Стрѣшневымъ.

²⁾ 1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именный, п. 3.

сколько будетъ удобнѣе, по разсужденію губернаторскому). — Изъ ландратовъ всегда быть при губернаторахъ по два чело-
вѣка, съ перемѣною по мѣсяцу, или по два мѣсяца. — А при
окончаніи года, ландратамъ съѣзжаться къ губернаторамъ...
для исправленія дѣлъ всѣмъ вмѣстѣ (того ради губернаторамъ
ни для какихъ сборовъ и дѣлъ отъ себя никуда въ ландратское
правленіе нарочныхъ не посылать); а судить тѣхъ ландратовъ
губернаторамъ самимъ, съ вице-губернаторами и съ ландра-
тами» ¹⁾).

Послѣ 1719 года, въ указахъ болѣе не упоминается о ланд-
ратахъ; когда именно они уничтожены — неизвѣстно; вѣсьма
вѣроятно, что они отиѣнены съ изданіемъ новаго положенія
объ областномъ устройствѣ (въ 1719 году, 29 мая); ибо въ
немъ не упоминаются ландраты въ числѣ прочихъ губернскихъ
и провинціальныхъ чиновниковъ ²⁾).

Въ 1722 году, когда судебное управленіе было снова ввѣ-
рено губернаторамъ и воеводамъ, имъ приданы были въ по-
мощь ассессоры, въ главныхъ городахъ по два, а въ про-
винціальныхъ по одному. Такъ было возстановлено, еще при
Петрѣ Великомъ, прежнее управленіе посредствомъ воеводъ
«съ товарищи» ³⁾. Мѣсто прежнихъ приказныхъ избъ, приказ-
ныхъ палатъ, заступили теперь губернаторскія и вое-
водскія канцеляріи, которыя вообще назывались зем-
скими канцеляріями ⁴⁾; здѣсь засѣдали губернаторы и вое-

---

¹⁾ 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

²⁾ Ландраты упоминаются въ послѣдній разъ въ именномъ указѣ, объяв-
ленномъ изъ сената, 1719 года, 17 апрѣля (№ 3354).

³⁾ 1722 года, 12 марта (№ 3917); Сенатскій Юстицъ-Коллегіи. — 1722
года, 4 апрѣля (№ 3935); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

⁴⁾ 1720 года, 20 апрѣля (№ 3571); Наказъ земскимъ дьякамъ или секре-
тарямъ, п. 2.

воды, принимали челобитныя и отправляли дѣла ¹⁾). При нихъ находился земскій секретарь или дьякъ ²⁾).

Отношенія между губернаторами и провинціальными и городскими воеводами опредѣлить весьма трудно, и въ царствованіе Петра Великаго они едва ли были доведены до той систематической правильности, которую видимъ въ послѣдствіи, особливо со времени изданія учрежденія о губерніяхъ. Выше уже замѣчено, что вице-губернаторы иногда состояли при губернаторахъ и находились съ ними въ одномъ городѣ; иногда же они управляли провинціями, наравнѣ съ провинціальными воеводами. Мы знаемъ, что всѣ городовые воеводы состояли подъ апелляціею губернатора; но воеводы нѣкоторыхъ городовъ, по отдаленности, были подчинены надзору ближайшихъ провинціальныхъ воеводъ ³⁾. Сверхъ того, губернаторы, вице-губернаторы, оберъ-коменданты и провинціальныя воеводы, будучи высшими управителями губерній или провинцій, въ то же время служили первою инстанціею для жителей того города и уѣзда, въ которомъ они находились ⁴⁾).

б) Областное устройство въ судебномъ отношеніи.

а) ОБЩИЕ СУДЫ.

Высшая судебная власть въ губерніяхъ принадлежала сначала ландрихтерамъ. Изъ устройства Ингерманландской

¹⁾ Тамъ же, п. 3.

²⁾ 1718 года, 26 ноября (№ 3244); именный. — 1719 года . . . января (№ 3294); Инструкція или наказъ воеводамъ, п. 41.

³⁾ 1728 года, 12 сентября (№ 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ помощникамъ, п. 6.

⁴⁾ Это видно изъ устройства С. Петербургской губерніи. (1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ. — 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

и первоначального устройства вообще всех наших губерний видно даже, что сперва, въ цѣлой губерніи, былъ одинъ только ландрихтеръ, и что онъ судилъ спорныя дѣла о земляхъ ¹⁾. Но кому принадлежалъ въ это время судъ во всехъ прочихъ спорныхъ искахъ — неизвѣстно.

Трудно рѣшить, откуда заимствованы ландрихтеры. Мы находимъ ихъ въ Швеціи и Эстляндіи; но здѣсь они составляли коллегіи и судили всѣ спорные иски. Напротивъ, ландрихтеры, установленные у насъ, судили собственно одни спорныя дѣла о земляхъ, и то по приказанію ландратской коллегіи, подъ которой они состояли ²⁾; сверхъ того, они не составляли коллегій, но каждый изъ нихъ имѣлъ свою канцелярію земскихъ дѣлъ ³⁾. Въ 1718 году, въ новой росписи губернскихъ чиновъ, мы находимъ уже оберъ-ландрихтера и ландрихтера ⁴⁾. Можно, съ нѣкоторою вѣроятностію, заключать, что оберъ-ландрихтеры вскорѣ опять отмѣнены; ибо въ 1719 году, въ штатѣ С. Петербургской губерніи, снова упоминается только объ одномъ ландрихтерѣ на всю губернію ⁵⁾. Въ послѣдствіи, ландрихтеры были уничтожены ⁶⁾; мы не знаемъ побудительной причины ихъ уничтоженія, но можно думать, что установленіе по городамъ и провинціямъ судовъ и судей, коимъ ввѣ-

¹⁾ 1707 года, 17 января (№ 2135); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ, п. 2 и 3. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный: «ежели... споръ какой въ земляхъ будетъ, и о томъ для розыску и межеванья посылать ландрихтеровъ».

²⁾ 1713 года, 24 апрѣля (№ 2673); именный, п. 3: «ландрихтерамъ быть каждому подъ вышереченнымъ (ландратскимъ) консиліумомъ въ своей провинціи». — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

³⁾ 1708 года, 21 марта (№ 2194); Докладные пункты князя Меншикова съ Высочайшими резолюціями, ст. 24.

⁴⁾ 1718 года, 26 ноября (№ 3244); именный.

⁵⁾ 1719 года, 29 мая (№ 3380); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

⁶⁾ Если не ошибаемся, оберъ-ландрихтеры и ландрихтеры въ послѣдній разъ упоминаются въ указѣ Юстицъ-Коллегіи, 1719 года 16 ноября (№ 3453).

рено было рѣшеніе спорныхъ поземельныхъ и исковыхъ дѣлъ, сдѣлало ландрихтеровъ не нужными¹⁾).

Учрежденіе городскихъ и губернскихъ судовъ было, впервые, предположено Петромъ Великимъ въ 1718 году²⁾, и въ послѣдствіи, кажется, приведено въ исполненіе. Первые называются въ указахъ уѣздными³⁾, земскими⁴⁾, нижними, нижними городскими, провинціальными⁵⁾ судами. Гдѣ такихъ судовъ не было, тамъ должность ихъ возлагалась на воеводъ⁶⁾, губернаторовъ, вице-губернаторовъ, оберъ-ландрихтеровъ, ландрихтеровъ и городскихъ судей⁷⁾. Городовые, или нижніе суды состояли подъ апелляціей главныхъ⁸⁾, высшихъ, надворныхъ судовъ⁹⁾, заимствованныхъ изъ шведскаго

¹⁾ По установленіи Юстицъ-Коллегіи, вѣроятно вслѣдствіе существованія отдѣльнаго помѣстнаго приказа и ландрихтеровъ — отдѣльныхъ губернскихъ судей для спорныхъ дѣлъ о земляхъ, — возникъ слѣдующій вопросъ: «помѣстнымъ ли однимъ, или суднымъ дѣламъ вмѣстѣ, какъ въ Швеціи, такъ и въ той (Юстицъ-Коллегіи) быть, и въ какой силѣ, только ли въ одномъ С. Петербургѣ, или по провинціямъ и городамъ?» (1718 года, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи п. 1. — Вопросъ выраженъ не совсѣмъ ясно. Кажется, Юстицъ-Коллегія испрашивала разрѣшенія на то, быть ли помѣстнымъ и суднымъ дѣламъ вмѣстѣ, и если быть, то въ одномъ ли С. Петербургѣ, или и въ провинціяхъ и городахъ?) Петръ Великій повелѣлъ: «быть одному уставу или уложенію». (Тамъ же рез. на 1 п.) Такимъ образомъ, въ силу этой резолюціи, городские и губернскіе суды должны были вѣдать поземельныя и исковыя спорныя дѣла, а слѣдовательно, ландрихтеры, отдѣльно завѣдывавшіе одними поземельными спорными дѣлами, должны были сдѣлаться излишними.

²⁾ Тамъ же. 1718 года, 22 декабря (№ 3264); именный, п. 8.

³⁾ 1719 года, . . . января (№ 3294); инструкція или наказъ воеводамъ, п. 5.

⁴⁾ 1722 года, 27 апрѣля (№ 3979); именный п. 7.

⁵⁾ 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи.

⁶⁾ 1719 года, 16 ноября (№ 3453); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи.

⁷⁾ 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи.

⁸⁾ 1718 года, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-Коллегіи, п. 1.

⁹⁾ 1718 года, 22 декабря (№ 3264); именный, п. 2.

законодательства. Надворные суды, по первоначальному предположенію, должны были находиться въ каждой губерніи, а въ послѣдствіи только въ главныхъ губернскихъ городахъ (С. Петербургъ, Москвѣ, Казани, Курскѣ, Ярославѣ, Воронежѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Смоленскѣ и Tobольскѣ¹⁾). Они составляли вторую, высшую инстанцію въ областномъ устройствѣ, и соответствовали нынѣшнимъ соединеннымъ палатамъ, съ тою только разницею, что послѣднія установлены для одной губерніи, а первымъ были подсудны многія губерніи, какъ гофгерихтамъ въ Швеціи. Кромѣ того, отъ неправильности тогдашней администраціи и смѣшенія управленія мѣстнаго съ центральнымъ, надворные суды были, въ одно и тоже время, высшими областными судами для губерній, причисленныхъ къ ихъ судебному округу, и нижними, городовыми, для уѣздовъ и городовъ, въ которыхъ были установлены²⁾. О составѣ надворныхъ судовъ ничего не говорится въ указахъ Петра Великаго. Мы знаемъ только, что московскій надворный судъ состоялъ изъ трехъ полковниковъ, одного подполковника и двухъ царедворцевъ, и долженъ былъ управлять губерніею, вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ³⁾. Мѣсто надворныхъ судовъ, гдѣ ихъ не было, заступали губернаторы⁴⁾.

Въ одно время съ судами предположено было установить и городовыхъ судей⁵⁾. Въ слѣдующемъ году, мы находимъ, что такіе судьи были дѣйствительно учреждены Юстицъ-Коллегіею во всѣхъ большихъ городахъ; но въ 1722 году, они были отмѣнены, и судебная власть ихъ передана воеводамъ, а въ го-

¹⁾ 1719 года, 8 января (№ 3269); именный.

²⁾ 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный состоявшійся въ сенатѣ.

³⁾ 1719 года, 8 апрѣля (№ 3344); именный, объявленный изъ сената.

⁴⁾ 1719 года, 16 ноября (№ 3453); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи. — 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-Коллегіи.

⁵⁾ 1718 года, 22 декабря (№ 3261); именный, п. 2.

родахъ, гдѣ воеводъ не было, и которые находились въ значительномъ разстояніи (въ двухъ-стахъ верстахъ) отъ главнаго города провинціи, установлены для многихъ смежныхъ городовъ особливые ассессоры, съ правомъ судить дѣла, не превышающія цѣною 10 и 20 руб. ¹⁾). Вскорѣ послѣ того, эти ассессоры замѣнены судебными комиссарами, съ правомъ судить дѣла, цѣною въ 50 рублей ²⁾). Цѣль установленія городскихъ судей и отношеніе ихъ къ городovýmъ и провинціальнымъ судамъ, намъ неизвѣстны. По всѣмъ вѣроятіямъ, они должны были заступать мѣсто судовъ, тамъ, гдѣ ихъ не было. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что со времени передачи судебной власти воеводамъ и губернаторамъ, нигдѣ болѣе не упоминается о судахъ городскихъ и провинціальныхъ.

Вотъ краткій очеркъ реформъ, произведенныхъ Петромъ Великимъ въ общемъ областномъ устройствѣ Россіи. Отношеніе между собственно судебною и административною властію, во время раздѣленія ихъ, опредѣлялось тѣмъ, что воеводы и губернаторы не имѣли права судить спорныхъ гражданскихъ дѣлъ ³⁾, но наблюдали надъ судьями, чтобъ они не волочили дѣлъ, и не дѣлали несправедливостей; они принимали жалобы ⁴⁾, отправляли ихъ въ надлежащій судъ ⁵⁾, и исполняли рѣшенія, дѣлая свои представленія вышему судебному мѣсту, если находили ихъ неправильными ⁶⁾.

¹⁾ 1722 года, 12 марта (№ 3947); сенатскій Юстицъ-Коллегіи.

²⁾ 1722 года, 4 апрѣля (№ 3935); именный, состоявшійся въ сенатѣ.

³⁾ 1707 года, 17 января (№ 2435); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ, п. 5. — 1719 года, . . января (№ 3294); инструкция или наказъ воеводамъ, п. 5.

⁴⁾ 1714 года, 8 декабря (№ 2865); именный, объявленный изъ сената.

⁵⁾ 1720 года, 20 апрѣля (№ 3574); наказъ земскимъ дьякамъ или секретарямъ, п. 7.

⁶⁾ 1719 года, . . января (№ 3294); инструкция или наказъ воеводамъ, п. 6.

Вслѣдствіе раздѣленія власти судебной и административной, должны были образоваться и два рода инстанцій: однѣ по административному, другія по судебному управленію. Такъ и было; первоначально организованы административныя инстанціи: городовые и провинціальные воеводы и коменданты состояли подъ апелляціею губернаторовъ¹⁾; съ 1719 года, опредѣлены и судебныя инстанціи: городовые и провинціальные суды и судьи подчинены надворному суду²⁾. Уничтоженіе судей, установленныхъ по городамъ Юстицъ-Коллегіею, и ввѣреніе судебной власти губернаторамъ и воеводамъ, тогда какъ въ другихъ городахъ оставались, по прежнему, городовые и провинціальные суды, и слѣдовательно судебная власть не сливалась въ одномъ лицѣ съ исполнительною, административною — должны были породить большую неправильность въ областномъ устройствѣ того времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ слѣжать весьма неопредѣленнымъ учрежденіе о подчиненности присутственныхъ мѣстъ и лицъ, и порядокъ принесенія апелляціонныхъ жалобъ. Это, и новостъ областного учрежденія, введеннаго въ Россію Петромъ Великимъ, были причиною чрезвычайнаго умноженія жалобъ, подаваемыхъ лично самому Государю. Много было издано указовъ, запрещающихъ жаловаться мимо установленныхъ инстанцій; но они оставались безъ дѣйствія, не смотря на безпрестанныя подтвержденія.

в) Особенные суды.

Сюда относится устройство духовныхъ, крестьянскихъ и купеческихъ, ремесленныхъ, мѣщанскихъ судовъ.

1) Духовные суды. Въ 1722 году, послѣ установленія снуда, Петръ Великій учредилъ по городамъ духовныхъ

¹⁾ 1714 года, 21 марта (№ 2787); именный, объявленный изъ сената.

²⁾ 1719 года, 15 іюля (№ 3403); указъ изъ Юстицъ-Коллегіи.

дѣлъ управителей¹⁾. Они вѣдали, въ первой инстанціи, спорные гражданскіе иски, вчиняемые противъ духовныхъ²⁾. Вторую областную инстанцію составляли епархіальные архіереи³⁾. Такое учрежденіе особливыхъ духовныхъ судовъ, для гражданскихъ исковъ противъ духовныхъ лицъ, было не что иное, какъ видоизмѣненіе прежнихъ началъ управленія, сообразно съ новымъ областнымъ устройствомъ Россіи: отдѣльное управленіе духовенства и лицъ, ему подвластныхъ, въ дѣлахъ свѣтскихъ, удержано; только введены въ немъ двѣ инстанціи, изъ коихъ первая соотвѣтствовала городovýmъ воеводамъ и судамъ, а вторая надворнымъ судамъ.

2) Крестьянскіе суды. Въ устройствѣ ихъ не произошло, въ царствованіе Петра Великаго, никакихъ существенныхъ измѣненій. Когда установлены были коменданты и ландраты, замѣнившіе сначала воеводъ, къ нимъ перешло и право суда надъ крестьянами въ дѣлахъ гражданскихъ⁴⁾. Въ этотъ, какъ и въ предыдущій періодъ, судебное управленіе крестьянъ не сосредоточивалось въ одномъ какомъ-либо присутственномъ мѣстѣ, но было раздѣлено между различными вѣдомствами. Крестьяне, приписанные къ заводамъ, фабрикамъ, къ артиллеріи, судомъ вѣдались въ томъ управленіи, которому были подчинены фабрики, заводы и т. д.; крестьяне помѣщичьи, вотчинные, монастырскіе, патріаршіе, епископскіе, дворцовые и ямщики, по прежнему судились въ своихъ искахъ передъ помѣщиками и прикащиками. Частыя измѣненія въ управленіи ихъ ограничивались однимъ перечисленіемъ изъ одного вѣдомства въ другое.

¹⁾ 1722 года, 4 сентября (№ 4084); синодскій, п. 1.

²⁾ Тамъ же, п. 10.

³⁾ Тамъ же, п. 3.

⁴⁾ 1706 года, 12 марта (№ 2097); именный, объявленный княземъ Меншиковымъ копорскому коменданту Римскому-Корсакову. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

3) Суды городского сословія. Городское сословіе, какъ мы выше замѣтили, создано въ Россіи Петромъ Великимъ. Еще въ 1699 году, установлены по городамъ выборные¹⁾, бурмистры, съ властью судебною и административною²⁾. Такъ введено отдѣльное управленіе купечества отъ прочихъ городскихъ и уѣздныхъ жителей въ дѣлахъ торговыхъ³⁾. Этому управленію, въ послѣдствіи, дана болѣе правильная организація; къ Новгороду, Пскову, Астрахани и «инымъ такимъ городамъ», велѣно было приписать малые города и уѣзды. Появилось, въ отношеніи къ торговому сословію, раздѣленіе Россіи на провинціи, которое предшествовало, задолго, общему преобразованію нашего областного устройства. Бурмистры большихъ городовъ должны были вѣдать бурмистровъ малыхъ городовъ, и, въ свою очередь, вѣдались Бурмистерскою Палатою, которая находилась въ Москвѣ⁴⁾, состояла изъ бурмистровъ, и скорѣе переименована въ Ратушу, а члены ея, въ бургомистровъ⁵⁾. Нѣкоторые посады были однако изъяты, по именнымъ указамъ, изъ этого общаго порядка управленія, и вѣдались оберъ-комендантами и воеводами⁶⁾. Последнее измѣненіе въ управленіи купеческимъ сословіемъ состояло въ томъ, что, по введеніи новаго областного устройства, городовые бур-

¹⁾ 1699 года, 30 января (№ 1674); именный. — 1699 года, 30 января (№ 1675); именный, объявленный изъ Разряда. — 1715 года, 28 января (№ 2879); именный.

²⁾ 1699 года, 30 мая (№ 1686); статьи, присланныя изъ Воронежа въ Разрядъ.

³⁾ 1699 года, 5 октября (№ 1699); именный. — 1700 года, 26 іюля (№ 1708); именный.

⁴⁾ 1699 года, 27 октября (№ 1706); именный.

⁵⁾ 1699 года, 17 ноября (№ 1718); именный.

⁶⁾ 1709 года, 4 января (№ 2220); именный, состоявшійся въ Преображенскомъ Приказѣ, за подписаніемъ царевича Алексѣя Петровича, и послѣдовавшій, на основаніи оного, приговоръ Ратуши.

гомнистры подчинены по апелляціи губернаторамъ¹⁾. Чрезъ это Бурмистерская Палата въ Москвѣ должна была потерять прежнее свое значеніе. Въ 1718 году, предположено учредить городовые магистраты на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламентовъ²⁾. Этимъ положено первое основаніе отдѣльному управленію городского сословія по всѣмъ дѣламъ, которыя до него относились³⁾. Въ 1721 году, оно было подробно и систематически развито въ Регламентъ Главнаго Магистрата⁴⁾, и такимъ образомъ, еще при Петрѣ Великомъ, установилось окончательно. Во этомъ уставѣ, всѣ города, по числу дворовъ, раздѣлены на пять классовъ⁵⁾, изъ коихъ первые два заключали въ себѣ большіе города, два вторые—средніе, а послѣдній—малые города. Въ малыхъ городахъ были одни бургомистры съ извѣстнымъ числомъ ратмановъ; въ среднихъ бургомистры составляли магистратъ; въ большихъ городахъ устройство магистратовъ отличалось только тѣмъ, что въ нихъ одинъ изъ бургомистровъ назначался президентомъ⁶⁾. Число бургомистровъ и ратмановъ было различно, смотря по величинѣ города. Они выбирались изъ гостей, гостиной сотни, гостинныхъ дѣтей и первостатейныхъ гражданъ «добрыхъ, пожиточныхъ и умныхъ людей»⁷⁾.

Областные присутственныя мѣста и лица, управлявшія го-

¹⁾ 1713 года, 28 января (№ 2879); именный.

²⁾ 1718 года, 11 июня (№ 3208); Высочайшая резолюція на меморіалъ иноземца Фика. Резол. на 8 п.

³⁾ 1721 года, 16 января (№ 3708); Регламентъ или уставъ Главнаго Магистрата, гл. IX, гл. XIV.

⁴⁾ Тамъ же.

⁵⁾ Тамъ же, гл. V. Къ первому отнесены города, въ которыхъ было 2000 дворовъ и болѣе; ко второму 1000—2000; къ третьему 500—1000; къ четвертому 250—500; къ пятому города, въ которыхъ было менѣе 250 дворовъ.

⁶⁾ Тамъ же, гл. VI.

⁷⁾ Тамъ же.

родскимъ сословіемъ, дѣлились на три инстанціи; на бургомистровъ малыхъ городовъ подавались апелляціонныя жалобы магистратамъ, въ коихъ не было президентовъ, и которые, слѣдовательно, равнялись провинціальнымъ судамъ и воеводамъ. Недовольные рѣшеніемъ этихъ магистратовъ жаловались, въ большихъ городахъ, магистратскимъ президентамъ. Итакъ, губернскіе магистраты, составляя третью инстанцію, соответствовали надворнымъ судамъ ¹⁾).

Послѣ Петра Великаго, общее областное устройство Россіи подверглось новымъ измѣненіямъ. Начала, внесенныя имъ въ русское законодательство, были намъ чужды. Многосложное областное устройство, имъ данное, противорѣчило простому, однообразному устройству древней Россіи. При установленіи многихъ областныхъ чиновъ, присутственныхъ мѣстъ, инстанцій и отдѣльныхъ управленій (изъ коихъ мы упомянули только о нѣкоторыхъ, собственно относившихся къ судебному управленію), при неопредѣленности законовъ и часто ихъ измѣненіи, весьма немногіе знали, у кого искать защиты противъ нарушеній права. Содержаніе чиновниковъ, учрежденных Петромъ Великимъ, требовало большихъ издержекъ, тягостныхъ для народа. Все это побудило Екатерину I, въ 1727 году

---

¹⁾ Тамъ же, гл. VI. Изъ инструкціи магистратамъ 1724 года (№ 4624) п. 28 видно, что вмѣсто трехъ областныхъ инстанцій предложенныхъ Регламентомъ Главнаго Магистрата для городского сословія, учреждены только двѣ: на городскихъ бургомистровъ и магистраты приносились апелляціонныя жалобы прямо въ магистраты, уравниваемые съ надворными судами. Такая неопредѣленность числа инстанцій замѣтна и въ общемъ областномъ устройствѣ. Вообще, изъ указовъ видно, что Петръ Великій имѣлъ первоначально въ виду учредить три областныхъ инстанціи, но, въ послѣдствіи, потому ли, что были установлены коллегіи, или по какимъ-либо другимъ причинамъ, онъ, во всѣхъ областныхъ управленіяхъ учредилъ по двѣ инстанціи.

«какъ надворные суды, такъ и всѣхъ лишнихъ управителей, и канцелярій ихъ, и конторы, камерировъ и земскихъ комиссаровъ и прочихъ тому подобныхъ вовсе отставить, а положить всю расправу и судъ, по прежнему, на губернаторовъ и воеводъ . . . , чтобы подданнымъ тѣмъ показано быть могло облегченіе, а вмѣсто бы разныхъ многихъ канцелярій и судей, знали токмо одну канцелярію»¹⁾. Такимъ образомъ, прежнее областное устройство возстановлено, и удержалось неизмѣнно до учрежденія о губерніяхъ. Дополненія и поясненія, къ нему относящіяся, въ главныхъ чертахъ, состояли въ слѣдующемъ:

1) Городовые комиссары, учрежденные Петромъ Великимъ, замѣнены, по прежнему, воеводами, и подчинены, въ порядкѣ апелляціонномъ, воеводамъ провинціальныхъ городовъ²⁾. Последніе имѣли при себѣ помощниковъ, которые, послѣ Петра Великаго, перестали называться ассессорами, а получили старое названіе «товарищей», какъ видно изъ многихъ указовъ³⁾.

2) Власть административная и судебная, соединенныя въ одномъ лицѣ воеводы «съ товарищи», были строго отличены другъ отъ друга въ законахъ, и служили основаніемъ двоякой подчиненности воеводъ въ порядкѣ инстанцій. Въ судебномъ отношеніи, воеводы городовые, провинціальные и губернаторы непосредственно подчинены были Юстицъ-Коллегіи⁴⁾; въ админи-

¹⁾ 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 4.

²⁾ 1726 года, 15 іюля (№ 4929); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату. — 1727 года, 24 февраля (№ 5017); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату, п. 2. — 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 2.

³⁾ 1726 года, 15 іюля (№ 4929); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату. — 1727 года, 18 сентября (№ 5157); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. — 1728 года, 12 сентября (№ 5333); Наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ.

⁴⁾ 1728 года, 18 сентября (№ 5157); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. — 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 8. —

стративномъ, пригородные воеводы были подвѣдомственны городовымъ¹⁾; городовые воеводы — провинціальнымъ²⁾, а провинціальныя воеводы — губернатору³⁾. Вслѣдствіе этого, по одному и тому же спорному дѣлу, частныя жалобы подавались однимъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ, а апелляціонныя другимъ.

3) Воеводъ городовыхъ положено перемѣнять чрезъ каждыя два года⁴⁾. Въ этомъ, какъ и во всей реформѣ областного устройства, введеннаго Петромъ Великимъ, видно стремленіе возстановить наше прежнее управленіе. Законъ, смѣнять воеводъ чрезъ извѣстное число лѣтъ, существовалъ издавна⁵⁾. Съ какою цѣлью онъ былъ возстановленъ теперь — неизвѣстно. Быть можетъ, основаніемъ служили остатки прежняго характера кормленій, который имѣли воеводства; по крайней мѣрѣ мы знаемъ достоверно, что по древнему законодательству смѣна воеводъ черезъ извѣстное число лѣтъ (три года), была введена для отвращенія злоупотребленій, которымъ кормленія подавали поводъ, а можетъ быть и для того, чтобъ давать воеводскія мѣста другимъ лицамъ, заслужившимъ награды.

По смерти Петра Великаго произошла новая реформа и въ особенныхъ областныхъ управленіяхъ. Главную цѣлю ея была централизація всѣхъ отдѣльныхъ судебныхъ управленій въ рукахъ мѣстнаго воеводы. Такимъ образомъ, послѣдовательность юридическаго начала возстановлена; единовластіе утверждено и въ особенномъ областномъ управленіи.

1730 года, 22 іюля (№ 3597); именный, вслѣдствіе Высочайше утвержденнаго доклада. — 1730 года, 20 марта. — 1739 года, 22 мая (№ 7815); Высочайшая резолюція на докладъ сената, п. 9.

¹⁾ 1728 года, 12 сентября (№ 5333)); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 7.

²⁾ Тамъ же, п. 6. — 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 9.

³⁾ 1728 года, 26 іюня (№ 5315); сенатскій, п. 8.

⁴⁾ 1730 года, 20 марта (№ 3522).

⁵⁾ Голицы. Доп. къ дѣян. Петра Вел. т. III, стр. 423, 426.

1) Купеческіе суды. Магистраты подчинены губернаторамъ и воеводамъ¹⁾. Въ этотъ же періодъ времени установлены словесные суды²⁾, существовавшіе до Петра Великаго подъ названіемъ таможенныхъ, и подчинены по апелляціямъ магистратамъ и ратушамъ³⁾. Въ послѣдствіи мы увидимъ значеніе ихъ и цѣль ихъ учрежденія.

2) Крестьянскіе суды. Крестьяне различныхъ вѣдомствъ были подчинены суду воеводъ и губернаторовъ. — Въ законахъ говорится о такомъ подчиненіи дворцовыхъ крестьянъ⁴⁾, ямщиковъ⁵⁾ и крестьянъ синодскаго вѣдомства⁶⁾. Всѣ

1) 1727 года, 24 февраля (№ 5017); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату, п. 2. — 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 2, §, ст. 1. — 1732 года, 17 марта (№ 5992); сенатскій. — 1737 года, 20 іюля (№ 7333); инструкция С. Петербургской воеводской канцеляріи, п. 8. — Въ царствованіе Елисаветы Петровны, магистраты, замѣненные ратушами (1728 года, 5 іюля (№ 5302); сенатскій), восстановлены, а съ тѣмъ вмѣстѣ восстановлено и все прежнее устройство областныхъ судовъ средняго сословія; магистраты приписныхъ городовъ, по прежнему подчинены, по апелляціи, провинціальнымъ, провинціальные — губернскимъ (1744 года, 20 августа (№ 9018); сенатскій). Но Екатерина II подчинила губернскіе магистраты губернаторамъ (1764 года, 21 апрѣля (№ 12137); наставленія губернаторамъ, п. IX), и такимъ образомъ восстановила устройство, введенное Екатериною I, съ тою только раницею, что прежде каждый воевода завѣдывалъ магистратомъ.

2) 1754 года, 5 мая (№ 10222); сенатскій, п. 1.

3) 1766 года, 10 августа (№ 12724); указъ изъ Главнаго Магистрата, съ приложеніемъ инструкціи словеснымъ судамъ.

4) 1728 года, 12 сентября (№ 5333); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 12. — 1732 года, 26 мая (№ 6068); сенатскій.

5) 1728 года, 30 іюня (№ 5299); сенатскій, п. 6.

6) 1727 года, 15 марта (№ 5033); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, п. 4. — 1728 года, 12 сентября (№ 5333); наказъ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ, п. 13. — Въ царствованіе Императрицы Екатерины II, управленіе крестьянъ синодальнаго вѣдомства, въ слѣдствіе учрежденія Коллегіи Экономіи, подверглось значительнымъ измѣненіямъ. Часть этихъ крестьянъ осталась, по прежнему, въ управленіи архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, которые поэтому и были главными судъ-

они стали подсудны воеводамъ и губернаторамъ, на основаніи прежнихъ началъ подсудности, дѣйствовавшихъ еще до преобразованій Петра Великаго, и изложенныхъ въ главѣ о судоустройствѣ въ періодъ Уложения.

Съ изданіемъ учрежденія для управленія губерній заключился рядъ реформъ въ областномъ устройствѣ. Начала, внесенныя въ это устройство Петромъ Великимъ и замѣненныя прежними при его преемникахъ, были возстановлены Екатериною II. и развиты съ большею полнотою, послѣдовательностію и опредѣленностію. Періодъ Петра Великаго, въ этой отрасли законодательства, заключился; съ новымъ учрежденіемъ, управленіе губерній получило правильную, систематическую организацію, которая лежитъ въ основаніи ихъ настоящаго устройства.

1) Власть судебная, при Императрицѣ Екатеринѣ II, снова отдѣлена отъ власти исполнительной. Раздѣленіе этихъ двухъ властей, какъ мы уже замѣтили, впервые появилось со временъ Петра Великаго. При его преемникахъ оно сохранилось только въ отношеніи къ высшимъ правительственнымъ мѣ-

---

лами по спорнымъ гражданскимъ искамъ, возникавшимъ между ними (1763 года, 6 іюня (№ 11844); инструкция Высочайше учрежденной Коллегіи Экономіи. п. 7); другая состояла подъ управителями и прикащиками, посылаемыми отъ Коллегіи Экономіи, и замѣненными потомъ выборными управителями отъ крестьянъ (1764 года, 13 августа (№ 12226); Высочайше утвержденный доклад Президента Коллегіи Экономіи, князя Куракина), и подъ казначейми. Сверхъ того, надъ округами стнодалныхъ крестьянъ установлены, по городамъ, *понеचितели* (см. тамъ же), а въ послѣдствіи четыре *экономическихкія правленія*, въ Ярославлѣ, Казани, Елецѣ и Вологдѣ (1770 года, 28 іюля (№ 13487); Высочайше утвержденный доклад сената). Въ какой мѣрѣ простиралась судебная власть воеводъ и губернаторовъ на стнодалныхъ крестьянъ со времени этихъ реформъ въ ихъ управленіи, не видно изъ современныхъ указовъ.

стамъ, въ подчиненіи губернаторовъ и воеводъ, по судебному управленію, Юстицъ-Коллегіи, а по власти исполнительной, сенату. Но, въ отношеніи къ губерніямъ, оно исчезло: ибо въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ сосредоточены обѣ власти, и они сами исполняли приговоры, по которымъ постановляли рѣшеніе. По «Учрежденію о губерніяхъ», судебная и исполнительная власти снова отдѣлены одна отъ другой, и каждая изъ нихъ ввѣрена особливимъ присутственнымъ мѣстамъ и лицамъ. — Вся Россія раздѣлена на губерніи или намѣстничества, изъ коихъ каждое должно было заключать въ себѣ отъ 300 до 400 тысячъ душъ ¹⁾; губерніи, смотря по надобности, могли дѣлиться на области или провинціи ²⁾. Наконецъ, каждая губернія или область дѣлилась на уѣзды или округа, въ коихъ полагалось отъ 20 до 30 тысячъ душъ ³⁾. Исполнительная власть, въ губерніяхъ, ввѣрена намѣстникамъ ⁴⁾ и губернскимъ правленіямъ ⁵⁾, въ уѣздахъ — нижнимъ земскимъ судамъ ⁶⁾, а въ городахъ — городничимъ или комендантамъ ⁷⁾. Всѣ эти мѣста и лица не имѣли судебной власти ⁸⁾, ею завѣдывали особливые суды, о которыхъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Между судебными и исполнительными присутственными мѣстами и лицами установлены извѣстныя отношенія. Должность исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ и лицъ состояла въ приведеніи въ исполненіе приговоровъ и рѣшеній мѣстъ судебныхъ. Отсюда, если возникало

---

¹⁾ 1775 года, ноября 7 (№ 14392); Учрежденіе для управленія губерній Всероссийскія Имперіи, п. 1.

²⁾ Тамъ же, ст. 15.

³⁾ Тамъ же, ст. 16 и 17, 193 и 194.

⁴⁾ Тамъ же, ст. 83 и 85.

⁵⁾ Тамъ же, ст. 96, 97, 98 и 99.

⁶⁾ Тамъ же, ст. 224, § 3.

⁷⁾ Тамъ же, ст. 253 и 254, § 3.

⁸⁾ Тамъ же, ст. 82, 85, 96, 97, 229, 254, 266, 268.

спорное гражданское дѣло въ какомъ либо не судебномъ присутственномъ мѣстѣ, оно не судило его, но передавало тому мѣсту, которому дѣло подсудно по закону. По тому же началу, судебныя мѣста не исполняли сами своихъ приговоровъ по спорнымъ дѣламъ, но передавали, для исполненія, административнымъ присутственнымъ мѣстамъ¹⁾).

2) Для отдѣльныхъ отраслей управленія установлены въ губерніяхъ высшія присутственныя мѣста и лица, въ которыхъ, какъ въ высшей областной инстанціи, сосредоточивались дѣла, возникавшія въ губерніи. Эта централизація областного управленія не была, однако, общая для всѣхъ управленій въ губерніи, но существовала для каждой отрасли въ отдѣльности. Центральнымъ присутственнымъ мѣстомъ исполнительной власти, для цѣлой губерніи, было губернское правленіе; судебное управленіе, по дѣламъ гражданскимъ, сосредоточивалось въ гражданской палатѣ; но не было въ губерніяхъ общихъ центральныхъ мѣстъ, для судебной и исполнительной власти. Централизація областного управленія по отдѣльнымъ отраслямъ, съ сохраненіемъ самостоятельности, независимости каждой изъ нихъ, не была нововведеніемъ при Екатеринѣ II. Это начало впервые внесено въ наше областное устройство Петромъ Великимъ, съ установленіемъ ландрихтеровъ, а въ послѣдствіи земскихъ и надворныхъ судовъ, не зависѣвшихъ отъ воеводъ и губернаторовъ. Но уже при немъ, а еще болѣе при его преемникахъ, это начало уступило мѣсто прежнему, и всѣ отрасли управленія соединены въ одной воеводской канцеляріи.

3) Учрежденіемъ о губерніяхъ возстановлено въ областномъ устройствѣ коллегіальное начало, впервые введенное Петромъ Великимъ, и замѣненное въ послѣдующія царствованія лич-

---

¹⁾ См. приведенныя статьи.

нымъ управленіемъ. Это начало, какъ и всѣ другія, проведено императрицею Екатериною II, съ большою послѣдовательностію. по всѣмъ инстанціямъ областного управленія, и — что всего замѣчательнѣе — положено въ основаніе устройства однихъ судебныхъ присутственныхъ мѣстъ¹⁾; губернское правленіе — мѣсто, по преимуществу исполнительное, административное — удержало старинное, совѣщательное устройство²⁾, бывшее въ древней Россіи единственной, исключительной формой судоустройства. — Основаніе этого различія въ устройствѣ судебныхъ и исполнительныхъ присутственныхъ мѣстъ заключается въ томъ, что власть исполнительная, по существу своему есть необходимо власть дѣятельная, выражающаяся въ единствѣ, опредѣленности и скорости дѣйствія. По этому-то она и ввѣрена лицу физическому. По общирности, многосторонности этой власти, ему приданы совѣтники, которые помогаютъ ему уяснить предѣлы, цѣль и направленіе его дѣятельности въ извѣстномъ, данномъ случаѣ. Таково было назначеніе губерн-

¹⁾ Тамъ же, ст. 183: «большинство голосовъ дѣло рѣшить». Въ учрежденіи о губерніяхъ прямо говорится только о коллегіальномъ устройствѣ верхнихъ земскихъ судовъ (ст. 183, 184), губернскихъ магистратовъ (ст. 325, 326), верхнихъ расправъ (ст. 369, 370) и верхнихъ надворныхъ судовъ (ст. 462, 463). *Палаты* названы *департаментами коллегій*: уголовная — Юстицъ-Коллегія (ст. 106), гражданская — Юстицъ- и Вотчинной-Коллегіи (ст. 115), казенная — Камеръ- и Ревизіонъ-Коллегіи (118). Этими уже, нѣкоторымъ образомъ, опредѣлено и устройство ихъ; но объ уѣздныхъ судахъ и нижнихъ расправахъ, равно какъ и о формѣ устройства прочихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, не говорится ни слова.

²⁾ Тамъ же, ст. 103: «*Два Совѣтника опредѣляются въ губернское правленіе, для вспоможенія губернатору. Они разсужденіемъ своимъ уважають дѣло, и потомъ исполняютъ положенія губернаторскія. Буде же случится, что губернаторскія приказанія не соотвѣтствуютъ пользѣ общей, и губернаторъ разсужденіями отъ того отвратить имъ не можно, тогда совѣтники должны внести въ правленіе письменно свое мнѣніе, по приказаніи губернаторскихъ откликнуть не могутъ, и по онымъ исполнять обязаны.*»

скаго правленія. При городничьемъ, который имѣетъ гораздо меньшій кругъ дѣятельности въ сравненіи съ губернаторомъ, не было совѣтниковъ. Напротивъ, судебнымъ присутственнымъ мѣстамъ, установленнымъ исключительно для опредѣленія права, дано коллегіальное устройство; ибо опредѣленіе права основывается на сужденіи, которое, естественно, должно быть полнѣе и многостороннѣе, когда въ немъ принимаютъ участіе не одно, а многія лица.

4) При Петрѣ Великомъ, выборные, кажется, перестали участвовать въ общемъ областномъ управленіи; по крайней мѣрѣ, въ его царствованіе объ нихъ болѣе не упоминается. Встрѣчается въ указахъ выраженіе: «выбрать изъ людей достойныхъ»¹⁾; но не всегда можно опредѣлить, выбирали-ли тѣ, кому ввѣрено было областное управленіе, или, по прежнему, жители губерній и провинцій. Ходъ реформы, ея направленіе и отношеніе къ древнему быту, заставляютъ думать, что послѣдніе остатки избирательнаго начала въ русскомъ областномъ судоустройствѣ уничтожены при Петрѣ I. Періодъ законодательства, незадолго предшествующій перевороту, представляетъ рядъ постепенныхъ замѣнъ выборныхъ коронными чиновниками. Чужеземное устройство, введенное Петромъ Великимъ, не могло благопріятствовать избирательному началу: мы не знали этого устройства и привыкали къ нему неохотно; нужны были для службы люди ревностные и хорошо знакомые съ новымъ устройствомъ, а такихъ могло назначать одно правительство, бывшее главнымъ двигателемъ реформы. Одно устройство судовъ городского сословія представляетъ, въ этомъ

---

¹⁾ Изъ указа 1718 года, . . . декабря (№ 3264); пмennyй, п. 5, видно, что высшіе чиновники балотировались сенаторомъ, а изъ сенатскаго указа 1725 года, 22 сентября (№ 4780), что судебные комиссары, воеводы, камериры и ассессоры назначались герольдмейстеромъ.

отношеніи, замѣчательное исключеніе; они состояли изъ выборныхъ ¹⁾).

Полное возстановленіе древняго избирательнаго начала въ нашемъ областномъ судоустройствѣ принадлежитъ Екатеринѣ II. По учрежденію о губерніяхъ, большая часть областныхъ присутственныхъ мѣстъ состояла изъ выборныхъ отъ всѣхъ сословій, кромѣ духовенства; со времени Екатерины II, оно не принимало никакого участія въ свѣтскомъ управленіи, и не имѣло поэтому представителей въ областномъ учрежденіи. Отношеніе избирательнаго начала къ началу короннаго управленія, и юридическія положенія, служившія основаніемъ первому, по учрежденію о губерніяхъ, опредѣлялись слѣдующимъ образомъ ²⁾: а) высшія губернскія присутственныя мѣста (губернское правленіе и палаты) состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Ими замѣщались и городническія должности (ст. 59, 60, 64, 74). б) Среднія инстанціи (верхній земскій судъ, верхняя расправа и губернскій магистратъ) были составлены изъ коронныхъ предсѣдателей (ст. 60, 62, 74) и выборныхъ членовъ (ст. 65, 73, 75). Такой же составъ имѣли нижнія расправы (ст. 74) и земскіе суды, въ уѣздахъ, гдѣ не было, или было не много дворянскихъ мѣстныхъ (ст. 66). в) Наконецъ, первыя инстанціи (уѣздные суды, городовые магистраты и нижніе земскіе суды) заведывались исключительно одними выборными (ст. 66, 67, 72, 75). д) Устройство совѣтнаго суда представляетъ замѣчательную особенность: онъ состоялъ изъ выборныхъ членовъ (ст. 65, 73, 75), подъ предсѣдательствомъ совѣтнаго судьи, который назначался намѣстникомъ, изъ кандидатовъ, выбранныхъ су-

¹⁾ См. статью о устройствѣ городскихъ судовъ.

²⁾ Мы ограничиваемся здѣсь разсмотрѣніемъ однихъ исполнительныхъ и судебныхныхъ присутственныхъ мѣстъ.

дебными мѣстами губерніи, а не сословіями (ст. 63). е) Выборные чиновники, состоявшіе въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ, не иначе могли вступить въ отправленіе своихъ должностей, какъ съ утвержденія губернатора, или губернскаго правленія¹⁾. ф) По окончаніи срока своего служенія, они не давали отчета въ отправленіи своей должности сословію, ихъ избравшему, но подлежали общей отвѣтственности передъ правительствомъ, наравнѣ съ коронными чиновниками²⁾. Наравнѣ съ ними, выборные считались въ дѣйствительной службѣ, пользовались чинами и наградами³⁾. г) Наконецъ, поселянамъ дозволено избирать своихъ заสѣдателей не только изъ поселянъ же, но изъ «дворянъ, ученыхъ людей, чиновныхъ людей и разночинцевъ» (ст. 75).

Изъ сказаннаго видно, что избирательное начало, возобновленное императрицею Екатериною II, не было основано на представительствѣ, но скорѣе на представительствѣ выборныхъ передъ правительствомъ, о пользахъ и выгодахъ избравшаго ихъ сословія. По этому-то, они ничѣмъ и не отличались отъ чиновниковъ, назначаемыхъ самимъ правительствомъ, утверждались имъ, и могли даже избираться изъ другихъ сословій. Въ этомъ отношеніи, возобновленіе ихъ было дѣйствительнымъ возобновленіемъ прежнихъ «выборныхъ, добрыхъ людей».

5) До Петра Великаго, у насъ не было строгаго юридическаго различія между сословіями, а поэтому и управленія ихъ

¹⁾ Ст. 63, 65, 66, 67, 73, 75. — Объ утвержденіи градскаго главы, бургомистровъ, ратмановъ, старостъ и судей словеснаго суда не говорится ни слова, ст. 72.

²⁾ 1784 года, 25 іюня (№ 16025); сенатскій. — 1785 года, 8 апрѣля (№ 16177).

³⁾ Учрежд. о губерніяхъ, ст. 50—53. — 1797 года, 19 января (№ 17748); именный, объявленный генералъ-прокуроромъ. — 1801 года, 1 августа (№ 19961); именный, данный сенату, п. 3.

не были строго отдѣлены другъ отъ друга; и нерѣдко находились въ рукахъ одного лица, или присутственнаго мѣста. Такъ, служилые люди судились преимущественно воеводами; крестьяне каждой волости, въ искахъ между собою, имѣли свой судъ; но крестьяне различныхъ селъ ходили подъ судъ воеводъ, какъ и посадскіе люди; купцы, по дѣламъ купеческимъ, имѣли свои особливые, такъ называемые таможенные суды, подчиняясь однако, по общему управленію, власти мѣстнаго воеводы. Въ царствованіе Петра Великаго, городское сословіе было отдѣлено отъ прочихъ и получило особое управление. Екатерина II довершила начатое Петромъ Великимъ. Изданіемъ дворянской грамоты¹⁾ и городского положенія²⁾, она отдѣлила дворянство отъ другихъ классовъ, и образовала изъ городскихъ жителей особое сословіе. Такимъ образомъ, окончательное, юридическое раздѣленіе сословій принадлежитъ ея царствованію. Образование сословій должно было отразиться и въ областномъ управленіи. Въ учрежденіи о губерніяхъ, различіе ихъ играетъ важную роль, и имѣло большое вліяніе на составъ и назначеніе многихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ.

а) Суды первыхъ двухъ инстанцій дѣлились на три разряда, по тремъ свѣтскимъ сословіямъ. Уѣздные и верхніе земскіе суды учреждены для дворянъ; городовые магистраты и ратуши и губернскіе магистраты — для городского сословія; нижнія и верхнія расправы — для сельскаго. Въ учрежденіи о такомъ назначеніи нечисленныхъ мѣстъ нигдѣ не сказано; только о расправахъ говорится, что онѣ установлены для «однодворцевъ, всякихъ прежнихъ служебъ служилыхъ людей, черносошныхъ государственныхъ крестьянъ, государевыхъ крестьянъ, припи-

¹⁾ 1762 года, 18 февраля (№ 11444); манифестъ. — 1785 года, 19 апрѣля (№ 16186).

²⁾ 1785 года, 21 апрѣля (№ 16187).

санных къ какимъ ни есть мѣстамъ, или заводамъ, ямщи-
ковъ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ и прочихъ, вре-
менно въ коронномъ управленіи состоящихъ» (ст. 335); но
доказательствомъ служить:

б) Составъ ихъ. Уѣздные суды состояли исключительно изъ выборныхъ отъ дворянства (ст. 67); верхній зем-
скій судъ изъ дворянскихъ засѣдателей (ст. 166); го-
родовые магистраты и ратуши — изъ однихъ выбор-
ныхъ отъ купечества и мѣщанства (ст. 280); губер-
нскіе магистраты изъ засѣдателей отъ купцовъ и мѣ-
щанъ¹⁾; нижняя и верхняя расправы изъ засѣдателей
отъ поселянъ, «кои составляютъ подеудное вѣдомство» ихъ
(ст. 75).

в) Началомъ управленія по классамъ объясняется составъ
нижняго земскаго суда. Исправникъ могъ быть выборнымъ,
или назначеннымъ отъ правительства, смотря по числу дво-
рянскихъ имѣній въ уѣздѣ (ст. 66); но засѣдатели были отъ
дворянъ и поселянъ, потому что нижній земскій судъ установ-
ленъ для тѣхъ и другихъ. Городское сословіе не имѣло въ
немъ своихъ выборныхъ, и не было ему подвѣдомственно (ст.
23, 35, 65—67, 75, 166, 336). Напротивъ, въ совѣстномъ
судѣ, учрежденномъ для всѣхъ свѣтскихъ сословій, были за-
сѣдатели отъ дворянства, городского сословія и поселянъ (ст.
396). Наконецъ, въ верхнемъ и нижнемъ надворныхъ судахъ,
гдѣ судились спорныя дѣла лицъ, не принадлежавшихъ къ

¹⁾ Ст. 308. — Весьма замѣчательно, что засѣдатели отъ купечества и мѣ-
щанства въ губернскомъ магистратѣ избирались изъ однихъ мѣщанъ и куп-
цовъ того губернскаго города, въ которомъ находился губернскій магистратъ,
тогда какъ засѣдатели верхняго земскаго суда и верхней расправы избира-
лись изъ дворянъ и поселянъ цѣлой губерніи (ст. 166 и 75). Причиной этого
отступленія должно искать въ желаніи соблюсти выгоды купеческаго сословія:
отвлеченіе городскихъ купцовъ и мѣщанъ отъ ихъ промысловъ, для служенія
въ губернскомъ городѣ, было бы для нихъ тягостно.

сословіямъ тѣхъ столичныхъ губерній, гдѣ эти суды были установлены, всѣ члены назначались отъ правительства, потому что выборъ ихъ, очевидно, не могъ имѣть мѣста (ст. 440, 441, 476).

д) Мы выше замѣтили, что всѣ первыя областныя инстанціи состояли исключительно изъ однихъ выборныхъ. Только въ нижней расправѣ предсѣдатель былъ назначаемъ правительствомъ (ст. 74); вторыя имѣли уже коронныхъ предсѣдателей (ст. 60, 62); но высшія областныя присутственныя мѣста, намѣстническое правленіе и палаты, состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ (ст. 60; 61). Такой же постепенный переходъ отъ начала избирательнаго, къ началу назначенія чиновниковъ отъ правительства, находимъ мы и въ древнемъ областномъ управленіи; могло даже быть, что послѣднее служило образцомъ первому. До Петра Великаго, первыя областныя инстанціи состояли, большею частію, изъ однихъ выборныхъ: таковы были крестьянскіе, волостные суды; воеводы, назначаемые царемъ, имѣли при себѣ выборныхъ товарищей; наконецъ, приказы, бывшіе нѣкогда для Московскаго княжества высшими областными инстанціями, состояли исключительно изъ однихъ коронныхъ судей.

е) Назначеніе расправныхъ судей (предсѣдателей нижней расправы) правительствомъ, было исключеніемъ въ общемъ устройствѣ низшихъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, и, кажется, имѣло основаніемъ меньшую степень образованности крестьянскаго сословія, отсутствіе уѣздныхъ крестьянскихъ собраний, и вотчинное право государства на крестьянъ, не состоящихъ въ частномъ владѣніи.

б) Учрежденіемъ о губерціяхъ установлены три областныя судебныя инстанціи. Первую составляли: нижняя расправа, городской магистратъ и уѣздный судъ; вторую, верхняя расправа, губернскій магистратъ и верхній земскій судъ; третью,

высшую, палаты (гражданская и уголовная). Но административныя, исполнительныя присутственныя мѣста и лица въ губерніи дѣлились только на двѣ инстанціи: къ первой принадлежали земскіе суды и городничіе, ко второй губернское правленіе (ст. 225, 256, 258, 260, 263, 264, 270).

7) По учрежденію о губерніяхъ, судъ уголовный и гражданскій отдѣлены другъ отъ друга. Въ этомъ отдѣленіи замѣтна постепенность: первыя областныя судебныя инстанціи соединяють въ себѣ оба суда, и въ нихъ они не различаются (ст. 197, 283, 337); во вторыхъ инстанціяхъ оба суда, уголовный и гражданскій, хотя и сосредоточиваются въ одномъ присутственномъ мѣстѣ, однако уже различены и отдѣлены другъ отъ друга. Верхніе земскіе суды, верхнія расправы и губернскіе магистраты дѣлятся на два департамента, и каждый имѣетъ своего предсѣдателя и членовъ; первый судить дѣла уголовныя, второй — гражданскія (ст. 67—169, 309—311, 353—355). Наконецъ, въ высшей областной инстанціи, оба суда совершенно отдѣлены другъ отъ друга, и каждый ввѣренъ особой палатѣ (ст. 106, 115).

Отдѣленія гражданской и уголовной судебной власти не было у насъ со времени реформъ Петра Великаго до учрежденія губерній при Екатеринѣ II. Городовые, провинціальныя и надворные суды судили всѣ спорныя дѣла, уголовныя и гражданскія. Въ послѣдствіи, эта судебная власть, безъ всякихъ измѣненій, перешла къ губернаторамъ и воеводамъ, которые и завѣдывали ею до 1775 года. Напротивъ, по древнему законодательству, судебная уголовная власть отдѣлялась отъ гражданской, и завѣдывалась въ областяхъ особыми присутственными мѣстами, губными избами, а въ Москвѣ разбойнымъ приказомъ. Совсѣмъ тѣмъ, отдѣленіе уголовного и гражданского суда, при Екатеринѣ II, было нововведеніемъ, а не возвращеніемъ къ древнему юридическому началу; ибо до

Петра Великаго, существованіе особливыхъ судовъ для дѣлъ уголовныхъ имѣло лишь историческое основаніе, а именно, прежнюю подсудность дѣлъ уголовныхъ князю. Это видно изъ множества грамотъ. Въ дѣлахъ гражданскихъ, самосудная власть общинъ сохранялась весьма долго, и, по свидѣтельству Кошкина, существовала даже во времена Алексѣя Михайловича въ нѣкоторыхъ волостяхъ и дворцовыхъ селахъ; духовенство сохранило ее надъ своими подданными до царствованія императрицы Екатерины, а дворянство удержало и до сихъ поръ. Итакъ, въ отдѣльномъ завѣдываніи уголовного и гражданского суда выразилось различіе суда княжескаго и самосуда. Въ послѣдствіи, когда всѣ части Россіи слились въ одно цѣлое, и внутреннее единство замѣнило внѣшнее, различіе самосуда и суда княжескаго мало по малу исчезло, что доказывается измѣненіями въ составѣ уголовныхъ и гражданскихъ судовъ до реформъ Петра Великаго, и сохранилось, только въ отдѣльномъ управленіи уголовной и гражданской судебной власти. Въ царствованіе Екатерины II, о различіи суда княжескаго и самосуда не могло быть и рѣчи. Слѣд. причины отдѣленія дѣлъ гражданскихъ отъ уголовныхъ, въ высшихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, должно искать въ требованіяхъ судебной администраціи и различіи между уголовными и гражданскими дѣлами.

8) Учрежденіемъ о губерніяхъ введены въ наше областное устройство два новыхъ присутственныхъ мѣста, имѣющихъ мало общаго съ остальными, и которыхъ мы не находимъ въ древнемъ русскомъ законодательствѣ, и новомъ до 1775 года: это — совѣстный и надворный суды¹⁾

---

¹⁾ Мысль объ установленіи надворнаго суда возникла впервые въ царствованіе императрицы Анны Иоанновны. — Въ 1730 году, вслѣдствіе доклада сената, велѣно было учредить въ Москвѣ судный приказъ, въ которомъ всякаго чина людямъ, *которые обрѣтаться будутъ на Москвѣ*, судъ да-

Въ каждой губерніи учреждень одинъ совѣстный судъ (ст. 395). Онъ не завѣдывалъ какою-либо отдѣльною отраслю управленія, и не былъ установленъ для извѣстнаго класса, или сословія, но судилъ дѣла, которыя не могутъ быть подводимы подъ формальный законъ, безъ нарушенія естественной справедливости. Итакъ, кругъ дѣятельности совѣстнаго суда чрезвычайно обширенъ, и не можетъ быть исчерпанъ исчисленіемъ извѣстныхъ дѣлъ, или какимъ-либо частнымъ опредѣленіемъ. Поэтому въ законѣ сказано, въ общихъ выраженіяхъ, что сужденію совѣстнаго суда подлежатъ всѣ «дѣла, касающіяся до таковыхъ преступниковъ, кои иногда болѣе по несчастливому какому ни на-есть приключенію, либо по стеченію различныхъ обстоятельствъ, впади въ прегрѣшенія, судьбу ихъ отягощающія выше мѣръ ими содѣяннаго» (ст. 399). Подъ эту категорію, при извѣстныхъ условіяхъ, могли подходить всякаго рода дѣла; но нѣкоторыя, по опредѣленію закона, относились къ ней постоянно и исключительно. Сюда принадлежали: 1) дѣла по преступленіямъ, совершаемымъ безумными, или малолѣтними; 2) дѣла о колдовствѣ, «поколику въ оныхъ заключается глупость, обманъ, или невѣжество» (ст. 399); 3) дѣла объ освобожденіи изъ тюрьмы тѣхъ, которые содержатся въ ней «не во оскорбленіи особы Императорскаго Величества, не по измѣнѣ, не по смертоубійству, не по воровству или разбою» (ст. 401).

вать и рѣшеніе чинить» (См. Высочайшую резолюцію на докладъ сената, 1730 года, 20 марта (№ 5521)). Въ докладѣ сенатъ доказывалъ необходимость установленія такого суднаго приказа, между прочимъ, прежнимъ существованіемъ отдѣльнаго Володимірскаго суднаго приказа, но не совѣтъ правильно; ибо Володимірскій судный приказъ былъ, послѣ Боярскаго думы, высшей центральной инстанціей для извѣстныхъ областей (первоначально, вѣроятно, одной Володимірской) московскаго государства, какъ Московскій судный приказъ для всего московскаго княжества, и слѣдовательно не имѣлъ ничего общаго съ надворнымъ судомъ.

Итакъ, судя по цѣли, совѣстный судъ долженъ былъ быть органомъ естественной справедливости въ губерніи, и этимъ-то онъ отличался отъ всѣхъ прочихъ областныхъ присутственных мѣстъ. Для всѣхъ губернскихъ учреждений постановлено правиломъ, «не рѣшать иначе, какъ въ силу государственныхъ узаконеній» (ст. 124); напротивъ, совѣстному суду вмѣнено въ особенную обязанность наблюдать въ рѣшеніи дѣлъ: «1) челоуѣколюбіе вообще; 2) почтеніе къ особѣ ближняго, яко челоуѣку; 3) отвращеніе отъ угнѣтенія, или притѣсненія челоуѣчества; и для того совѣстный судъ никогда судьбы ничьей да не отяготитъ, но ввѣряется оному совѣстный разборъ и осторожное и милосердное окончаніе дѣлъ, ему порученныхъ» (ст. 397). Установленіе присутственнаго мѣста, судящаго преимущественно на основаніи естественной справедливости, необходимо требовало точнаго опредѣленія отношеній этого мѣста къ прочимъ областнымъ присутственнымъ мѣстамъ, судящимъ по строгому положительному закону; въ противномъ случаѣ, изъ органа естественной справедливости, совѣстный судъ легко могъ сдѣлаться самовольнымъ ревизоромъ рѣшеній всѣхъ областныхъ присутственныхъ мѣстъ, и чрезъ это стать въ противоположность съ прочими судами, которыми, по назначенію своему, онъ долженъ былъ служить дополненіемъ. Поэтому, Екатерина II постановила правиломъ, что «совѣстный судъ ни въ какое дѣло самъ собою не вступаетъ» (ст. 398). Дѣятельность его начинается только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) когда какое-либо областное учрежденіе найдетъ, что рѣшеніе извѣстнаго дѣла, по положительному закону, было бы въ сущности несправедливо, и потому передаетъ его совѣстному суду, для сужденія на основаніи естественной справедливости; сюда, разумѣется, относятся и всѣ тѣ дѣла, которыя, по прямому выраженію закона, могутъ быть судимы только въ совѣстномъ судѣ; 2) по прошенію частныхъ лицъ (ст. 398).

Последнее требует объяснения. Если бы совѣстному суду безусловно предоставлено было право судить дѣла по прошеніямъ частныхъ лицъ, то отсюда необходимо явился бы произволъ въ сужденіи дѣлъ по закону, или по естественной справедливости. Чрезъ это нарушилось бы установленное закономъ отношеніе между сужденіемъ по закону и по сущей правдѣ. Мало этого: въ подсудности дѣлъ появилась бы шаткость и неопредѣленность: одинъ тяжущійся требовалъ бы рѣшенія дѣла въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ, другой въ совѣстномъ судѣ.

Для избѣжанія этого совѣстному суду предоставлено право судить дѣла по прошеніямъ частныхъ лицъ, только въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ: 1) Когда кто либо жалуется на содержаніе въ тюрьмѣ безъ допроса, и по неизвѣстной ему причинѣ. 2) «Совѣстнаго суда должность есть въ гражданскихъ дѣлахъ примирять тѣхъ тяжущихся, кои просьбою прибѣгаютъ къ разбирательству совѣстнаго суда; для примиренія же совѣстный судъ требуетъ отъ истца и отвѣтника, или средствъ въ силу узаконеній къ ихъ примиренію, и буде согласятся, то совѣстный судъ укрѣпляетъ ихъ согласіе печатью, или буде же не согласятся, то совѣстный судъ требуетъ отъ истца и отвѣтника назначенія съ каждой стороны по одному, или по два посредника, на мѣстѣ живущихъ; . . . когда же посредники назначены и объявлены совѣстному суду, тогда, на другой, или на третій день, посредники, обще съ совѣстнымъ судомъ, разсматриваютъ дѣло и потомъ изыскиваютъ средство къ примиренію истца и отвѣтника, и на чемъ посредники согласятся, то и предложатъ совѣстному суду, который приложитъ печать къ согласію посредниковъ, и истецъ и отвѣтникъ теряютъ право возобновлять впредь о томъ просьбу во всякомъ судебномъ мѣстѣ; а буде посредники не согласятся, тогда совѣстный судъ предложитъ посредникамъ свое мнѣніе, какъ при-

мирить безъ разоренія, безъ тяжбы, безъ спора, ссоры или ябеды истца и отвѣтчика...; буде же посредники и тогда не согласятся, то совѣстный судъ призоветъ истца и отвѣтчика, и предложитъ примирительные способы, и буде оны примутъ, то совѣстный судъ укрѣпитъ печатью примиреніе ихъ; буде же не примутъ, то совѣстный судъ истцу и отвѣтчику объявитъ, что совѣстному суду до той ихъ распри уже дѣла нѣтъ, а пошли бы, куда по законамъ надлежитъ» (ст. 400).

Отсюда видно, что въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ совѣстный судъ принималъ только, такъ сказать, посредническое участіе. На этомъ основаніи, для передачи гражданскихъ дѣлъ на рѣшеніе совѣстнаго суда, совершенно необходимо было взаимное согласіе тяжущихся. Далѣе; въ рѣшеніи спорныхъ гражданскихъ дѣлъ, совѣстный судъ, какъ и посредники, не имѣлъ принудительной власти, ибо онъ только мирилъ, а не судилъ дѣло; если примирительные способы не достигали своей цѣли, то дѣятельность совѣстнаго суда прекращалась; въ самой возможности начать въ обыкновенныхъ судебныхъ мѣстахъ спорное гражданское дѣло, уже подвергнутое однажды рѣшенію совѣстнаго суда, ясно открывается отличный характеръ этого учрежденія быть примирителемъ, посредникомъ, а не судьей тяжущихся.

Вникая глубже въ участіе, принимаемое совѣстнымъ судомъ въ рѣшеніи гражданскихъ тяжбъ, нельзя не замѣтить, что только такое, и ни какое другое, не могло быть предоставлено присутственному мѣсту, которое, по главному своему назначенію, было органомъ естественной справедливости. Для рѣшенія спорныхъ гражданскихъ дѣлъ установленъ законъ положительный, который, опредѣляетъ формальную справедливость по обнаруженнымъ даннымъ; никто не можетъ принудить тяжущихся судиться иначе; если, по этому, возможно рѣшеніе спорнаго гражданского дѣла иначе, какъ на основаніи строгаго

положительнаго закона, то это только при взаимномъ согласіи истца и отвѣтчика разобрать дѣло по доброй совѣсти, не стѣсяняясь закономъ, и возстановить нарушенное между ними согласіе. Такими добросовѣстными судьями являются въ нашемъ законодательствѣ посредники и совѣстный судъ. Только они могутъ обратить вниманіе, при рѣшеніи тяжбы, на такія обстоятельства, которыя передъ закономъ не имѣютъ юридической силы, напр. на бѣдность или достаточное состояніе тяжущихся, на предыдущія отношенія ихъ между собою, ни сколько не касающіяся предмета тяжбы, на данные, не основанные на положительныхъ доказательствахъ, и т. д. Очевидно, что главняя задача при такомъ сужденіи есть не простое формальное возстановленіе нарушеннаго права, но прекращеніе тяжбы, примиреніе противниковъ, съ нѣкоторыми обоюдными уступками и жертвованіями. Безъ добросовѣстнаго, искренняго желанія самихъ противниковъ прекратить тяжбу, оно не возможно; поэтому-то дѣятельность совѣстнаго суда прекращается, когда тяжущіеся не примутъ ни одного изъ примирительныхъ способовъ, предлагаемыхъ имъ, и тѣмъ докажутъ на дѣлѣ, что они хотятъ не примиренія, а возстановленія формальнаго права¹⁾.

Надворные суды были учреждены въ столицахъ (ст. 433, 472), по два въ каждой. Одинъ изъ нихъ назывался выс-

---

¹⁾ «Буде кто не доволенъ рѣшеніемъ совѣстнаго суда, тотъ имѣетъ жалобу приносить въ *высшій совѣстный судъ*». Какой именно судъ разумѣется подъ названіемъ: *высшій совѣстный судъ*, не совсѣмъ ясно. Въ послѣдствіи, это названіе усвоено сенату. Кажется, что сначала была мысль установить два совѣстныхъ суда, высшій и низшій какъ были два земскихъ суда, двѣ расправы, два магистрата и два надворныхъ суда; послѣ, эта мысль могла быть оставлена, но выраженіе случайно удержалось въ редакціи (такъ въ X т. св. зак. встрѣчается названіе *нижній земскій судъ*). Въ строгомъ смыслѣ, на совѣстный судъ не можетъ быть суда, кромѣ верховной власти; ибо на добрую совѣсть нельзя жаловаться, тѣмъ менѣе присутственнымъ мѣстамъ, судящимъ по закону.

шимъ, другой низшимъ. Последний состоялъ подъ апелляціею перваго (ст. 482).

Надворные суды были установлены для тѣхъ исключительно лицъ, которыя не имѣютъ постоянного мѣстопробыванія (осѣдлости) въ столицахъ, и находятся въ нихъ только «по службѣ военной, придворной и гражданской, такожь по дѣламъ, промысламъ и упражненіямъ своимъ» (ст. 477). Въ губерніяхъ, всѣ эти лица были подвѣдомственны судебнымъ присутственнымъ мѣстамъ, «до котораго кто по званію и состоянію своему принадлежить» (ст. 477); причиною тому была, вѣроятно, малочисленность ихъ; но въ столицахъ, гдѣ число ихъ чрезвычайно велико, и даже превышаетъ число осѣдлыхъ жителей, необходимо было установить для нихъ особливое присутственное мѣсто. Ближайшее основаніе этой необходимости заключалось въ томъ, что губернскія присутственныя мѣста въ столицахъ уже имѣли свой опредѣленный кругъ дѣятельности. Если бъ къ предметамъ ихъ занятій прибавились еще всѣ дѣла гражданскія и уголовныя, возникающія между неосѣдлыми жителями столицъ, то они были бы слишкомъ обременены множествомъ дѣлъ, а чрезъ это замедлилось бы отправленіе правосудія въ подсудной имъ губерніи.

Но есть другая, юридическая причина установленія надворныхъ судовъ, заключающаяся въ самомъ устройствѣ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Составъ ихъ, какъ мы видѣли, опредѣлялся сословіемъ, для котораго они были установлены. Дворяне судились уѣзднымъ и верхнимъ земскимъ судомъ; городское сословіе — магистратами, сельское — расправами; въ каждомъ изъ этихъ судебныхъ мѣстъ были выборные застѣдатели отъ того сословія, которое имъ было подвѣдомственно. Итакъ, однимъ изъ основныхъ положеній учрежденія о губерніяхъ было то, что въ двухъ низшихъ инстанціяхъ всякій могъ быть судимъ только присутственнымъ мѣстомъ, составленнымъ

изъ членовъ, принадлежащихъ къ одному съ нимъ сословію и къ одной губерніи. По этому началу, тѣ, которые не имѣли осядлости въ столицахъ, не могли быть судимы присутственными мѣстами столичныхъ губерній, и для нихъ установлены надворные суды. Въ губерніяхъ, эта послѣдовательность юридическихъ началъ была нарушена по малочисленности неосѣдлыхъ жителей.

Временно пребывающіе въ столицахъ не были, однако, подсудны надворному суду по всемъ уголовнымъ и гражданскимъ дѣламъ. 1) «Запрещается нижнему надворному суду судить дѣла въ дѣйствительной военной службѣ находящихся чиновъ, другія, какъ только тѣ, кои войти могутъ по долгамъ и другимъ обязательствамъ гражданскимъ; дѣла же, касающіяся до преступленій по службѣ и должности, да будутъ предоставлены суду воинскому, на основаніи воинскихъ узаконеній» (ст. 478). 2) Спорныя гражданскія дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, принадлежащихъ временно пребывающимъ въ столицахъ, также не были подсудны надворному суду (ст. 479, 480). Причина та, что въ отношеніи къ нимъ безусловно было принято начало территоріальной, земской подсудности: гдѣ недвижимое имѣніе находилось, тамъ и судился споръ о немъ, смотря по сословію, къ которому принадлежалъ его хозяинъ¹⁾.

9) Екатеринъ II принадлежитъ также правильная организація контрольной и инквизиціонной власти въ губерніяхъ.

Петръ Великій первый установилъ въ Россіи фискаловъ²⁾. Власть ихъ была, преимущественно, инквизиціонная: «долженъ

¹⁾ Апелляціи на рѣшеніе верхняго надворнаго суда приносились въ палаты (ст. 453); этимъ вполне доказывается приведенная нами причина установленія надворныхъ судовъ; палаты состояли изъ однихъ коронныхъ чиновниковъ. Поэтому и не могло быть никакого различія между палатами, въ отношеніи къ подсудимымъ и тяжущимся.

²⁾ 1711 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 9.

онъ надъ всѣми дѣлами тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ... и кто неправду учинить, то долженъ позвать его передъ сенатъ (это сказано объ оберъ-фискалѣ) и тамо его уличать»¹⁾. Такіе фискалы были установлены въ провинціяхъ²⁾, и городахъ³⁾. Мало по малу, власть ихъ опредѣлилась болѣе юридически: они сдѣлались почти исключительно ходатаями, стряпчими по дѣламъ, которыя касались казенныхъ и общественныхъ интересовъ⁴⁾. Вмѣстѣ съ этимъ ограниченіемъ круга дѣйствія фискаловъ, сдѣлалось необходимымъ установленіе особливыхъ чиновниковъ, для контроля дѣйствій присутственныхъ мѣстъ и лицъ, коимъ ввѣрено было отправленіе правосудія. Въ этомъ, если мы не ошибаемся, заключалась главная причина и основаніе установленія прокуроровъ.

Въ губерніяхъ, они впервые установлены Петромъ Великимъ въ 1722 году, при магистратахъ и надворныхъ судахъ⁵⁾. Въ царствованіе Анны Іоанновны, прокуроры учреждены при губернаторахъ⁶⁾, но въ послѣдствіи, кажется, отмѣнены; ибо указомъ Елизаветы Петровны велѣно были возстановить ихъ на прежнемъ основаніи⁷⁾. О фискалахъ болѣе не упоминается въ нашихъ законахъ съ 1730 года. Кажется, они были отмѣнены; ибо въ сенатскомъ указѣ того же года, 15 мая, упоминается о фискальской канцеляріи, какъ уже не существовавшей въ то время (№ 5557).

¹⁾ 1711 года, 5 марта (№ 2331); именный, данный сенату, п. 3.

²⁾ Тамъ же. — 1711 года, 10 августа (№ 2414); резолюціи сената на докладные пункты фискала Былинскаго, п. 1 и 2.

³⁾ 1714 года, 17 марта (№ 2786); именный.

⁴⁾ См. тамъ же, п. 2, 3, 4. — 1719 года, . . . (№ 3479); инструкция или наказъ земскимъ фискаламъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, п. 2.

⁵⁾ 1722 года, 27 апрѣля (№ 3981); именный.

⁶⁾ 1733 года, 6 сентября (№ 6475); именный.

⁷⁾ 1741 года, 12 декабря (№ 8480); именный.

Итакъ, при изданіи учрежденія о губерніяхъ, находились въ губерніяхъ одни прокуроры. Екатерина II, предпринимая реформу нашего областного устройства, обратила вниманіе на власть контрольную и инквизиціонную. Новая организація, данная ею этимъ двумъ властямъ, какъ и большая часть учреждений, при ней изданныхъ, основана на предыдущихъ данныхъ нашего законодательства. Всѣ постановленія о фискалахъ и прокурорахъ, изданныя со временъ Петра Великаго, приняты ею въ соображеніе, и вошли въ составъ новаго положенія о фискальской и прокурорской должности; имъ дано только единство и большая послѣдовательность.

По учрежденію о губерніяхъ, въ каждомъ намѣстничествѣ установлены прокуроры и стряпчіе. Губернскій прокуроръ и два губернскихъ стряпчихъ, казенныхъ и уголовныхъ дѣлъ, опредѣлены при губернскомъ правленіи и палатахъ (ст. 42); при каждомъ присутственномъ мѣстѣ второй инстанціи установлены одинъ прокуроръ и два стряпчихъ (ст. 43, 44, 45); наконецъ, въ каждомъ уѣздѣ учреждено по одному стряпчему (ст. 46). Губернскій прокуроръ и стряпчіе, при немъ установленные, составляли какъ-бы коллегію¹⁾; въ случаѣ разногласія «губернскаго прокурора голосъ перевѣсъ даетъ тому мнѣнію стряпчаго, къ которому онъ пристанетъ» (ст. 406, п. 2). Но, образуя съ прокуроромъ коллегію только въ случаѣ сомнѣнія, стряпчіе вообще были подчинены ему (ст. 405, п. 11), и вмѣсто него, и его именемъ, предлагали заключенія палатамъ²⁾.

¹⁾ Ст. 405, п. 8. «Губернскому прокурору для совѣта опредѣляются губернскій стряпчій уголовныхъ дѣлъ, и губернскій стряпчій казенныхъ дѣлъ, и почитается, что они всѣ трое едиными устами говорятъ».

²⁾ Ст. 406, п. 1. Весьма замѣчательны слѣдующія слова закона (тамъ же п. 6): «Въ тяжёбныхъ дѣлахъ губернскій стряпчій можетъ производить дѣло и безъ согласія губернскаго прокурора, выслушавъ однакоже его за-

Съ перваго взгляда кажется, что между должностью прокуроровъ и стряпчихъ не было никакого существеннаго различія; какъ тѣ, такъ и другіе, по словамъ закона, «смотреть и бдѣніе имѣютъ о сохраненіи вездѣ всякаго порядка, законами опредѣленнаго, и въ производствѣ и отправленіи самыхъ дѣлъ. Они сохраняютъ цѣлость власти, установленій и интереса императорскаго величества, наблюдаютъ, чтобы запрещенныхъ сборовъ съ народа никто не собиралъ, и долгъ имѣютъ повсюду истреблять зловредныя взятки» (ст. 404). На этомъ основаніи, какъ прокуроры, такъ и стряпчіе, имѣли право давать свои заключенія и предложенія присутственнымъ мѣстамъ, подчиненнымъ ихъ надзору¹⁾. Но если мы вникнемъ въ предметы занятій прокурора и стряпчихъ, то увидимъ, что они хотя и имѣли много общаго и сходнаго между собою, по основному началу, однако отличались другъ отъ друга, вслѣдствіе различнаго направленія дѣятельности прокуроровъ и стряпчихъ на одни и тѣ же предметы.

Въ уголовныхъ же дѣлахъ и въ *интересныхъ*, губернской прокуроръ письменно даетъ свои заключенія, по коимъ губернскіе стряпчіе поступать должны. Какое различіе между тяжбыми и интересными дѣлами имѣло здѣсь въ виду законодательство? Мы знаемъ, что губернскіе стряпчіе не принимали никакого участія въ тяжбыхъ дѣлахъ между частными лицами (тамъ же, п. 4). Итакъ, слово *интересныя* не употреблено здѣсь въ противоположность частнымъ, но означаетъ только видъ дѣлъ, подчиненныхъ надзору стряпчаго. Не должно ли, подъ названіемъ *дѣлъ интересныхъ*, разумѣть дѣла гражданскія о казенномъ имуществѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. объ имѣніи собственно и непосредственно принадлежащемъ государству, а подъ дѣлами *тяжебными*, дѣла объ общественномъ имуществѣ, которое имѣло своихъ истцовъ и защитниковъ, и потому не требовало такого близкаго надзора со стороны губернскаго прокурора. Впрочемъ, каково бы ни было упоминаемое въ законѣ различіе, для насъ важно то, что по дѣламъ тяжбымъ, находящимся подъ надзоромъ губернскаго стряпчаго, онъ не состоялъ въ полной зависимости отъ губернскаго прокурора. Это было исключеніемъ изъ общаго правила.

¹⁾ Ст. 403, п. 6, 7 и 9. — Ст. 406, п. 3, 5 и 8.

Главное назначеніе прокуроровъ заключалось въ наблюденіи за исполненіемъ законовъ въ губерніи или намѣстничествѣ¹⁾; по этому-то, имъ предоставлено было и толкованіе, или объясненіе законовъ (ст. 405, п. 4 и 6). Изъ этого главнаго назначенія прокуроровъ вытекали слѣдующія обязанности: а) наблюдать за сохраненіемъ установленнаго законами порядка и формъ дѣлопроизводства²⁾ и б) быть блюстителями общественныхъ интересовъ, слѣдовательно казенныхъ, общественныхъ и уголовныхъ исковъ³⁾. Итакъ прокуроры были, по учрежденію о губерніяхъ, живые органы, представители закона, и должны были напоминать о его существованіи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ нарушался въ губерніи, и оставался безгласнымъ, или приходилъ въ забвеніе (ст. 405, п. 3).

Напротивъ, губернскіе стряпчіе, по главному своему характеру, были истцы, ходатаи, по общественнымъ искамъ. Стряпчій казенныхъ дѣлъ былъ истцемъ «по казеннымъ дѣламъ, и по дѣламъ, нарушающимъ общій порядокъ, или противнымъ власти и присяжной должности», а стряпчій уголовныхъ дѣлъ «по уголовнымъ винамъ и преступленіямъ, нарушающимъ законы, всякій разъ тамъ, гдѣ истца нѣтъ, но доказательства имѣтъ» (ст. 406, п. 3, § 2). Должность губернскихъ стряпчихъ, какъ видно съ перваго взгляда, находилась въ самой тѣсной, необходимой связи съ обязанностію прокурора; обѣ служили какъ бы выраженіемъ одной общей, главной цѣли — обезпечить ненарушимость законовъ и общаго блага. Въ самомъ дѣлѣ, въ понятіе о наблюденіи за общими интересами, необходимо входило понятіе о возбужденіи и наблюденіи за правильнымъ ходомъ такихъ исковъ, которые не

¹⁾ Ст. 405, п. 2. — Ст. 407: «коиъ долгъ есть быть взыскателями исполненія узаконеній».

²⁾ Ст. 405, п. 4, § 1, 3, 4, 5, и п. 5.

³⁾ Ст. 405, п. 4, § 2, 6, 8, 10, и п. 7, и 13.

касались частных интересов каждого гражданина въ отдѣльности, но имѣли предметомъ общее государственное имущество, или общее благо, не всегда имѣвшія за себя истцовъ и чело- битчиковъ. Итакъ, веденіе казенныхъ и уголовныхъ исковъ, и надзоръ за правильнымъ ихъ развитіемъ, входило, въ строгомъ смыслѣ, въ составъ обязанностей губернскаго прокурора. Но, по многосложности его занятій, и невозможности быть, въ одно и тоже время, истцомъ и блюстителемъ законовъ въ цѣлой губерніи, обязанность стряпчаго отдѣлена отъ прочихъ предметовъ дѣятельности прокуроровъ, и ввѣрена особливимъ чиновникамъ.

Изъ этого юридическаго единства прокурорской и стряпческой должности вытекаютъ слѣдующія положенія въ учрежденіи о губерніяхъ:

а) Предметы занятій прокурора и стряпчихъ не строго разграничены другъ отъ друга въ законѣ, и круги дѣйствій тѣхъ и другихъ часто сливаются. Такъ, прокуроръ давалъ свои заключенія по дѣламъ «такого существа, что они вмѣстѣ и частныя и общественныя, или частныя, но касаются и до казеннаго интереса»¹⁾; съ другой стороны, стряпчіе, будучи, по главному своему назначенію, истцами по общественнымъ искамъ, давали «заключенія, сходственные съ сохраненіемъ общаго, законами установленнаго порядка»²⁾.

б) Стряпчіе, при веденіи общественныхъ исковъ, пользовались большими правами, нежели обыкновенные истцы³⁾.

¹⁾ Ст. 405, п. 7. — Ст. 406, п. 6.

²⁾ Ст. 406, п. 3, § 1, п. 5: «Губернскіе стряпчіе право имѣютъ... смотреть и бдѣніе имѣть о сохраненіи порядка, каждому мѣсту предписаннаго, и чтобъ истцы и отвѣтчики надлежащее къ суду и судьямъ почтеніе сохраняли, чтобъ присутственныя мѣста собирались въ свое время и засѣданія имѣли въ повелѣнное время; въ случаѣ же подозрѣнія по дѣлу на котораго засѣдателя, буде самъ не удержится отъ присутствія, они ему о томъ прилично напоминать могутъ».

³⁾ Ст. 406, п. 4. «Губернскіе стряпчіе право имѣютъ требовать въ томъ

с) Стряпчіе были совѣтники прокурора (ст. 405, п. 8), его подчиненные (ст. 405, п. 11; ст. 406, п. 1 и 6), «и почитается, что они все трое едиными устами говорятъ» (ст. 405, п. 8). Въ случаѣ сомнѣнія «до котораго мѣста дѣло надлежитъ, или въ сомнѣніи о узаконеніяхъ» губернской прокуратуры и стряпчіе составляли коллегію, подъ председательствомъ прокурора, которая и рѣшала возникшій вопросъ (ст. 406, п. 2).

д) Изъ того же юридическаго единства прокурорской и стряпческой должности объясняется установленіе въ каждомъ уѣздѣ только по одному уѣздному стряпчему, вмѣсто прокурора и двухъ стряпчихъ. Ограниченный кругъ дѣятельности не требовалъ раздѣленія между многими лицами занятій, по существу своему одинаковыхъ и вытекающихъ изъ одного юридическаго начала.

Устройство центральныхъ судовъ.

Въ первой части настоящаго разсужденія было замѣчено, что центральныя учрежденія Россіи временъ Уложенія раздѣлялись, собственно, на два разряда, и составляли двѣ инстанціи; къ нисшей принадлежали приказы, высшую составляла большая боярская дума. Такое же раздѣленіе сохранилось и послѣ реформъ Петра Великаго. Коллегіи замѣнили приказы, сенатъ боярскую думу.

I.

Со вступленіемъ на престолъ Петра Великаго, прежнія частыя измѣненія въ числѣ приказовъ и предметахъ ихъ въ

мѣстѣ, гдѣ они опредѣлены, сообщенія всякаго дѣла, касающагося до ихъ должности. Вліяніе ихъ на присутственныя мѣста и лица, въ качествѣ блюстителей законности, соединенномъ съ званіемъ истцовъ по общественнымъ искамъ, давало имъ важныя преимущества передъ частными истцами. Ср. ст. 405, п. 10.

домства, продолжались непрерывно. Многие приказы были уничтожены¹⁾; устанавливались канцелярии (Ижерская, Дворцовая, Вотчинная, Ингерманландская, Ямская и т. д.²⁾). Все эти реформы происходили, однако, на основании прежних юридических начал. Устройство приказов, в сущности, не изменялось. Новое распределение предметов ведомства происходило не на основании систематического отделения друг от друга различных отраслей администрации, но вследствие временных, частных потребностей, особенных целей, иногда, по прежнему, в следствие большего или меньшего доверия к лицу, заведывавшему приказом. Но в 1717 году установлены коллегии, и вместе с тем произошла существенная, коренная реформа в устройстве нижних центральных инстанций.

Различие между приказами и коллегиями преимущественно заключается в том, что приказы, хотя и состояли нередко из нескольких лиц, однако были, по преимуществу, установления бюрократическія, носившія на себѣ личный характеръ. Коллегии, по самому основанію своему, суть присутственныя мѣста, въ настоящемъ значеніи слова — лица нравственныя (*personae morales*), постоянныя и неизмѣнныя, не смотря на перемѣну членовъ, изъ коихъ онѣ составлены. Съ учрежденіемъ коллегій появилось въ нашей администраціи систематическое раздѣленіе и отдѣльное заведываніе различныхъ отраслей управленія. Случайное, или, по крайней мѣрѣ, вре-

---

¹⁾ 1699 года, 3 ноября (№ 1713); именной. — 1700 года, 18 февраля (№ 1766); именной. — 1700 года, 16 декабря (№ 1818); именной. — 1701 года, 2 ноября (№ 1874); именной. — 1711 года, 25 апрѣля (№ 2353); сенатскій. — 1711 года, 8 іюня (№ 2370); сенатскій. — 1712 года, 12 августа (№ 2570); сенатскій.

²⁾ 1705 года, 3 марта (№ 2039); именной. — 1706 года, 15 сентября (№ 2120); именной, объявленный изъ Розряда — 1723 года, 30 сентября (№ 4314); сенатскій.

менными обстоятельствами обуславливающееся распределение предметов вѣдомства между различными правительственными учреждениями, должно было уступить мѣсто другому, болѣе постоянному, имѣющему общее основаніе. Конечно, при Петрѣ Великомъ, и то другое было еще весьма несовершенно; но оно положило начало правильнѣйшей организаціи, и всѣ послѣдующія реформы центральныхъ учреждений происходили уже въ слѣдствіе общаго взгляда на цѣлый составъ и организъмъ государственнаго управленія.

а) *Общіе центральные суды.*

Петръ Великій учредилъ девять коллегій ¹⁾, а именно: Коллегію иностранныхъ дѣлъ, замѣнившую собою прежній Посольскій приказъ; Камеръ-коллегію, Юстицъ-коллегію, Ревизіонъ-коллегію, Адмиралтейскую, Военскую, Коммерцъ-коллегію, Штатсъ-конторъ-коллегію, Бергъ- и Мануфактуръ-колле-

---

¹⁾ 1717 года, 11 декабря (№ 3129); именный. — 1718 года, 12 декабря (№ 3255); именный, объявленный изъ сената. — Коллегіи предположено открыть въ 1718 году. Уставъ ихъ заимствованъ изъ шведскаго законодательства («Всѣмъ коллегіямъ надлежитъ нынѣ, на основаніи *Шведскаго устава*, сочинить во всѣхъ дѣлахъ и порядкахъ по пунктамъ, а которые пункты въ Шведскомъ регламентѣ неудобны, или съ ситуациею сего государства не сходны, и оныя оставить, по своему разсужденію»... 1718 года, 28 апрѣля (№ 3197); именный). Поэтому въ числѣ членовъ коллегіи, по закону Петра Великаго, необходимо должны были находиться и иностранцы. Это видно изъ слѣдующаго, любопытнаго «реестра людямъ въ коллегіяхъ», помѣщеннаго въ именномъ указѣ 1717 года, 11 декабря (№ 3129). «*Русскіе*: президентъ, вице-президентъ (русскій или иноземецъ), четыре коллегіи совѣтники, четыре коллегіи ассессоры, одинъ секретарь, одинъ нотарій, одинъ актуарій, одинъ регистраторъ, одинъ переводчикъ, подъячіе трехъ статей. *Иноземцы*: одинъ совѣтникъ или ассессоръ, одинъ секретарь, шкрейверъ». Генеральный Регламентъ Коллегій былъ изданъ уже въ 1720 году, (28 февраля (№ 3534), и служитъ главнымъ основаніемъ настоящаго устройства коллегіальныхъ присутственныхъ мѣстъ въ Россіи. По этому мы и ограничились, въ настоящемъ разсужденіи, однимъ объясненіемъ основнаго юридическаго начала коллегіальнаго устройства.

гію¹⁾). Установленіе каждой изъ нихъ повлекло за собою важныя измѣненія въ прежней системѣ государственнаго управленія. Мы ограничимся однимъ краткимъ очеркомъ реформъ, происшедшихъ вслѣдствіе учрежденія Юстицъ-коллегіи, потому что ей ввѣрено почти исключительно судебное управленіе, составляющее предметъ настоящаго разсужденія²⁾).

До реформы Петра Великаго, гражданское судебное управленіе находилось, преимущественно, въ завѣдываніи двухъ приказовъ: Помѣстнаго и Суднаго³⁾. Петръ Великій хотѣлъ унич-

¹⁾ 1717 года, 15 декабря (№ 3133); именный.

²⁾ Несмотря на новую систему управленія, введенную Петромъ Великимъ, вслѣдствіе которой судебное управленіе совершенно отдѣлено отъ полицейскаго, финансоваго, военнаго и т. д., прежнее начало, по которому многія отрасли были ввѣрены одному лицу или присутственному мѣсту («кто управляетъ тотъ и судитъ»), удержалось даже и послѣ учрежденія коллегій. Такъ, *Коммерцъ*-коллегія судила «спору и тяжбы по морскимъ учрежденіямъ» (1719 года, 3 марта (№ 3318); Регламентъ (уставъ) Государственной *Коммерцъ*-коллегіи, п. 8), «спору между городами о торгахъ, торговыхъ и ярмоночныхъ правахъ» (тамъ же, п. 12), вексельныя дѣла (тамъ же, п. 21), дѣла иностранныхъ купцовъ (тамъ же, п. 25. — 1727 года, 18 августа (№ 5142); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ). Такъ, *Бергъ*- и *Мануфактуръ*-коллегія вѣдала судомъ и расправою бергъ- и мануфактуръ-заводчиковъ (1731 года, 12 ноября (№ 5875); сенатскій); соляные промышленники судились Соляною конторою (1732 года, 2 октября (№ 6202); именный, данный сенату) и т. д.

³⁾ Изъ законовъ Петра Великаго видно, что до учрежденія коллегій, жалобы и апелліаціи по дѣламъ, производившимся въ областныхъ инстанціяхъ, подавались въ *Расправную палату* (1713 года, 4 сентября (№ 2710); сенатскій; — 1719 года, 20 января (№ 3285); указъ изъ Юстицъ-коллегіи въ *Расправную Палату*. Такимъ образомъ, въ ней сосредоточивалось судебное управленіе Россіи. Она замѣняла собою Юстицъ-коллегію, и уничтожена, вѣроятно, вскорѣ послѣ открытія сей послѣдней, какъ видно изъ указа 1719 года, 20 января. Объ отношеніи *Расправной палаты* къ прочимъ нижнимъ центральнымъ учрежденіямъ мы ничего не знаемъ, по неопредѣленности законовъ, да и самыхъ юридическихъ началъ того времени. Учрежденіе, или правленіе, образованіе *Расправной Палаты* въ центральную судебную инстанцію, относится, кажется, къ реформамъ Петра Великаго; ибо, по прежнему законо-

тожить это раздѣленіе судебнаго управленія, и, по учрежденіи коллегій, велѣлъ всѣ спорныя гражданскія дѣла, вотчинныя и исковыя, судить въ одной Юстицъ-коллегіи¹⁾.

Такая важная реформа не могла, однако, произойти вдругъ. Отдѣльное завѣдываніе помѣстныхъ, вотчинныхъ и исковыхъ дѣлъ удержалось долго, и дѣйствительно уничтожено только въ 1775 году, съ изданіемъ учрежденія для управленія губерній. По множеству и важности дѣлъ и правильности организациі, Помѣстный приказъ болѣе походилъ на постоянное присутственное мѣсто, нежели на прочіе приказы. Распределеніе предметовъ его вѣдомства между другими присутственными мѣстами, особливо при обычности судей къ прежнему порядку управленія, должно было представлять большія затрудненія. Вѣроятно по всѣмъ этимъ причинамъ, велѣно было «Помѣстному приказу быть особливо (для умноженія дѣлъ), однакожь подъ управленіемъ Юстицъ-коллегіи, а спорныя дѣла, для рѣшенія, приносить въ Юстицъ-коллегію²⁾». Изъ этого мѣста видно, что Петръ Великій хотѣлъ оставить Помѣстный приказъ только на время. Но уже въ 1721 году, этотъ приказъ (переименованный, въ 1720 году, въ Канцелярію вотчинныхъ дѣлъ³⁾), снова отдѣленъ отъ Юстицъ-коллегіи, и преобразованъ въ Вотчинную-коллегію⁴⁾, которая судила спорныя дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, и уничтожена въ 1786 году⁵⁾, послѣ введенія учрежденія о губерніяхъ, по которому тяжёбныя

дательству. Расправная палата имѣла совсѣмъ другое назначеніе, и общее судебное управленіе находилось въ завѣдываніи Помѣстнаго и Суднаго приказовъ.

¹⁾ 1718 года, 9 мая (№ 3202); Высочайшая резолюція на докладъ Юстицъ-коллегіи, 1, и резол.

²⁾ (3202) резол. на 1 п. (3282).

³⁾ Указъ 1720 года, 4 іюля. См. обзоръ помѣстныхъ правъ въ Россіи, Иванова, стр. 50.

⁴⁾ 1722 года, 18 января (№ 3881); именный, данный сенату.

⁵⁾ См. обзоръ помѣстныхъ правъ, Иванова стр. 87.

дѣла о недвижимыхъ должны были судиться областными присутственными мѣстами¹⁾).

в) *Особенные центральные суды.*

Для городского сословія.

Говоря о присутственныхъ мѣтахъ и лицахъ, коимъ ввѣрено, при Петрѣ Великомъ, судебное управленіе купеческаго сословія, мы замѣтили, что еще въ 1699 году, всѣ городовые бурмистры были подчинены по апелляціи Бурмистерской палатѣ, которая находилась въ Москвѣ²⁾, и переименована потомъ въ Ратушу³⁾. Эта Ратуша и была центральнымъ присутственнымъ мѣстомъ, въ которомъ сосредоточивалось судебное управленіе купечества въ цѣлой Россіи. Съ реформою первоначальнаго областного управленія купечества, и съ установленіемъ коллегій, центральное судебное управленіе городского сословія подверглось новому измѣненію. Въ 1721 году, учрежденъ Главный магистратъ, равный съ коллегіями, которому приносились жалобы на губернскіе магистраты⁴⁾. Въ царствованіе Петра II онъ былъ уничтоженъ⁵⁾, но при Елисаветѣ Петровнѣ возстановленъ на прежнемъ основаніи⁶⁾.

¹⁾ Учр. о губерніяхъ, ст. 115 «палата гражданского суда ни что иное есть, какъ соединенный департаментъ Юстиціи и Вѣдѣній коллегіи, которому поручается апелляція для ревизіи гражданскихъ дѣлъ». — Въ 1762 году, Вѣдѣнная и Юстиціи-коллегія раздѣлены на три департамента, изъ коихъ каждый состоялъ подъ апелляціею цѣлой коллегіи (1762 года, 29 января (№ 11422); именный, объявленный сенату генераль-прокуроромъ Глѣбовымъ), а въ слѣдующемъ году на четыре, которые состояли подъ непосредственною апелляціею сенатскихъ департаментовъ (1763 года, 15 декабря (№ 11989); манифестъ, п. 9).

²⁾ 1699 года, 27 октября (№ 1706); именный.

³⁾ 1699 года, 17 ноября (№ 1708); именный.

⁴⁾ 1721 года, 16 января (№ 3708); Регламентъ Главнаго магистрата, гл. II и IX.

⁵⁾ 1727 года, 18 августа (№ 5142); именный, состоявшійся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ.

⁶⁾ 1743 года, 21 мая (№ 8734); Высочайше утвержденный докладъ сената.

Для духовенства.

Устройство центральных судовъ для духовенства и подвластныхъ ему людей и крестьянъ, въ дѣлахъ гражданскихъ, подверглось, въ главномъ своемъ основаніи, тѣмъ же реформамъ, какимъ и общее судоустройство. Мало по малу, приказы и личные управленія замѣнились коллегіями. Но ко этому главному направленію реформы присоединилось, въ отношеніи къ гражданскимъ судамъ для духовенства, другое, не менѣе важное стремленіе, сильно обнаружившееся при Петрѣ Великомъ, и развившееся окончательно при его преемникахъ: — стремленіе разрушить отдѣльную отъ государства свѣтскую общину, образовавшуюся изъ Церкви, и ввести составныя ея части въ общій организмъ государства. Оба эти направленія реформы Петра Великаго выразились въ преобразованіяхъ судовъ, учрежденныхъ для духовенства, и должны по этому служить намъ главнымъ руководствомъ при объясненіи этихъ преобразованій.

Новому порядку вещей въ юридическомъ бытѣ духовенства предшествовали, какъ и всѣмъ реформамъ Петра Великаго, важныя измѣненія въ древнемъ устройствѣ свѣтско-церковной общины, не касавшіяся однако юридическихъ началъ, лежащихъ въ основаніи этого устройства. Такія измѣненія появились еще задолго до Петра Великаго; при немъ онѣ только яснѣе начали выражать собою новыя направленія законодательства, рѣзко высказавшіяся въ послѣдствіи, въ реформѣ. Еще въ первые годы, царствованія, Петръ Великій уничтожилъ Патріаршій разрядъ, и всѣ спорныя гражданскія дѣла «по духовнымъ (завѣщаніямъ), и по ряднымъ, и по инымъ какимъ крѣпостямъ», о помѣстьяхъ и вотчинахъ велѣлъ передать въ Помѣстный¹⁾, а прочія спорныя гражданскія дѣла, касавшіяся движимаго имущества, въ

¹⁾ 1700 года, 16 декабря (№ 1818); иженный.

Московскій судный приказъ ¹⁾. Такимъ образомъ уже здѣсь высказалась мысль о секуляризациі: множество дѣлъ, изъ духовнаго вѣдомства, перешло въ гражданское.

Въ одно время съ этой реформой произошла другая. Для всѣхъ людей и крестьянъ, подвластныхъ духовенству, которые до то говремени вѣдались въ различныхъ приказахъ, установлено было одно центральное судебное мѣсто, подъ названіемъ Монастырскаго приказа ²⁾. Въ 1718 году, въ резолюціяхъ на докладные пункты Рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, Петръ Великій впервые высказалъ мысль, что «для лучшаго впредь управления... мнится быть удобно Духовной коллегіи» ³⁾. Это подало поводъ къ новымъ реформамъ въ судебномъ управленіи духовенства и его подчиненныхъ. Патріаршихъ крестьянъ предположено ввѣрить въ управление Патріаршему дворецкому, монастырскихъ — мѣстнымъ губернскимъ

¹⁾ 1701 года, 7 ноября (№ 1876); именный: «зауморнымъ животамъ, и ряднымъ записямъ, и духовнымъ, и инымъ всякимъ дѣламъ... быть по прежнему въ Московскомъ судномъ приказѣ». (По Духовному регламенту, дѣла о сомнительныхъ духовныхъ завѣщаніяхъ знатныхъ особъ разматривались и рѣшались Духовною и Юстицъ-коллегію 1721 года, 25 января (№ 1718); Регламентъ или уставъ Духовной-коллегіи, часть III, ст. 11). Въ послѣдствіи, съ установленіемъ Юстицъ-коллегіи, всѣ дѣла о раздѣлѣ «по завѣтамъ и безъ завѣтовъ оставшагося отъ умершихъ имѣнія наслѣдникамъ, и о причтаніи въ наслѣдство достойныхъ, и о лишаемыхъ отъ наслѣдія, также и о свидѣтельствѣ завѣтовъ, или духовницъ» велѣно также передать въ свѣтское вѣдомство (1722 года, 12 апрѣля (№ 3963); Высочайшей резолюціи на докладные пункты снуда, п. 2. и рез.). Это послѣднее постановленіе было, очевидно, лишь поясненіемъ и дополненіемъ предыдущихъ.

²⁾ 1701 года, 24 января (№ 1829); именный, объявленный Розряду. — 1706 года, 20 мая (№ 2108); именный, объявленный изъ Розряда. — Монастырскій приказъ не былъ, въ строгомъ смыслѣ, учрежденъ, но возобновленъ Петромъ Великимъ, ибо существовалъ еще до него, но былъ, въ послѣдствіи уничтоженъ.

³⁾ 1718 года, 20 ноября (№ 3239); Высочайшія резолюціи на доношеніе Рязанскаго митрополита Стефана. Рез. на 5 п.

правительствамъ, а духовенство — Духовной коллегіи¹⁾. Такимъ образомъ, мысль о секуляризациі сдѣлала новые успѣхи: значительное число имѣній, принадлежащихъ духовенству, должно было перейти въ свѣтское вѣдомство. Кажется однако, что этотъ указъ остался безъ дѣйствія. Хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ указаній, однако можемъ заключать изъ того, что вскорѣ послѣ изданія Духовнаго регламента (1721 г.) всѣ патриаршіе, архіерейскіе и монастырскіе крестьяне подчинены, по суду въ дѣлахъ гражданскихъ, Духовному синоду²⁾.

Такое возвращеніе къ прежнему порядку вещей было, впрочемъ, только временное. Мысль о передачѣ въ свѣтское вѣдомство всѣхъ тѣхъ отраслей управленія, которыя не относи-

¹⁾ 1718 года, 10 декабря (№ 3252); Высочайшія резолюціи на докладные пункты. Рез. на 10 п.

²⁾ 1721 года, 14 февраля (№ 3734); Высочайшія резолюціи на докладъ синода, п. 5. — 1721 года, 3 марта (№ 3749); сенатскій. — Замѣтимъ здѣсь, что прежняя отдѣльность патриаршаго вѣдомства отъ общаго духовнаго сохранилась даже и послѣ учрежденія синода. Это видно изъ судебного управленія духовенства. Въ 1722 году, судъ и апелляція въ дѣлахъ гражданскихъ съ лицами, подчиненными синодальному вѣдомству, сосредоточивались, въ высшей инстанціи, въ синодѣ и приказахъ, при немъ состоявшихъ. Раздѣленіе спорныхъ гражданскихъ дѣлъ между приказами и синодомъ весьма замѣчательно.

1) *Синодъ*. Сюда приносились жалобы на синодальныхъ членовъ, архіереевъ, протоиноквизитора и синодскихъ служителей, и подавались апелляціи на областныхъ духовныхъ судей по спорнымъ исковымъ дѣламъ (1722 года, 4 сентября (№ 4081); синодскій, п. 4 и 5). 2) *Приказы*: Духовный. Ему были подсудны, по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, всѣ московскіе жители духовнаго вѣдомства, и всѣ обыватели бывшей Патриаршей области (тамъ же, п. 7, ст. 1). Дворцовый судилъ дѣла между крестьянами и бобылями синодальныхъ домовыхъ вотчинъ (тамъ же, ст. 2). Наконецъ, Монастырскій давалъ судъ и принималъ апелляціи по спорнымъ гражданскимъ дѣламъ, которыя возникали между всѣми прочими людьми и крестьянами, подвѣдомственными синоду, и по искамъ, на нихъ вчиняемымъ (тамъ же, ст. 2 и 3). Въ послѣдствіи, этотъ приказъ переименованъ въ Камеръ-контору синодальнаго правительства, и поставленъ подъ апелляцію синода. — 1725 года, 14 января (№ 4632); сенатскій.

лись къ духовному управленію въ настоящемъ смыслѣ слова, но вѣдались духовнымъ правительствомъ, не была забыта, и еще при Петрѣ Великомъ выразилась въ повелѣніи учредить особливую коллегію «для розыскныхъ дѣлъ», касающихся духовенства¹⁾. Послѣдующія царствованія развили ее вполне. Екатерина I раздѣлила сѣнодь на два «апартамента», и изъ нихъ второму поручила судебное управленіе духовенства и его подвластныхъ. Это отдѣльное отъ сѣноды присутственное мѣсто, названное Коллегією Экономіи Сѣнодальнаго Управленія²⁾, и переименованное потомъ въ Канцелярію Сѣнодальнаго Экономическаго Правленія³⁾ было составлено изъ шести свѣтскихъ особъ, и находилось подъ апелляціей сената, а не сѣноды, какъ Монастырскій приказъ⁴⁾. Императрица Анна Іоанновна сдѣлала еще болѣе: она совершенно отчислила Коллегію Экономіи изъ сѣнодскаго вѣдомства, и подчинила ее, во всѣхъ отношеніяхъ, сенату⁵⁾, поручивъ ей въ управленіе предметы вѣдомства патріаршихъ приказовъ, слѣдовательно всѣ отрасли свѣтской администраціи, бывшія прежде въ завѣдываніи патріарха⁶⁾.

Всѣми этими узаконеніями судебная власть въ спорныхъ гражданскихъ дѣлахъ навсегда исключена изъ духовнаго вѣдомства.

¹⁾ 1723 года, 8 февраля (№ 4160); именный.

²⁾ 1726 года, 26 сентября (№ 4959); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, п. 4. Послѣ установленія Коллегіи Экономіи, повелѣно было титуловать сѣнодь, *святѣйшимъ*, а не *правительствующимъ*. — 1726 года, 14 іюля (№ 4925); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

³⁾ 1745 года, 4 іюня (№ 9166); именный, объявленный изъ сѣноды.

⁴⁾ 1726 года, 12 іюля (№ 4919); именный.

⁵⁾ 1738 года, 15 апрѣля (№ 7538); именный, данный сенату.

⁶⁾ 1738 года, 30 октября (№ 7679); именный, данный сенату.

II.

Сенатъ. Въ древней Россіи верховная судебная власть сосредоточивалась въ Большой Боярской Думѣ. Здѣсь постановлялись окончательные судебные приговоры по дѣламъ, которыя, по какимъ-либо причинамъ, не были окончательно рѣшены въ низшихъ инстанціяхъ, и рѣшались общіе юридическіе вопросы, возникавшіе изъ частныхъ случаевъ, въ руководство судьямъ на будущее время. Последнее доказывается многими боярскими приговорами, изданными до единодержавія Петра Великаго, и въ первые годы его царствованія.

Въ 1711 году, Петръ Великій учредилъ сенатъ, для управленія государствомъ во время его отсутствія¹⁾. Сенатъ состоялъ, первоначально, изъ девяти членовъ, назначенныхъ самимъ Государемъ²⁾. Въ 1718 году постановлено, что онъ долженъ состоять изъ президентовъ коллегій³⁾; но въ 1722 году это положеніе отмѣнено, и велѣно было избрать другихъ президентовъ, а прежнимъ быть въ сенатѣ, вмѣстѣ съ министрами, состоящими при иностранныхъ дворахъ⁴⁾; изъ президентовъ коллегій членами сената оставлены только президенты Военской, Иностранной и Бергъ-Коллегіи; но и они должны были присутствовать въ сенатѣ лишь въ извѣстныхъ, закономъ определенныхъ случаяхъ⁵⁾. Такое измѣненіе въ составѣ сената сдѣлано съ тою цѣлью, «дабы сенатскіе члены партикулярныхъ дѣлъ не имѣли, но непрестанно трудились о распорядкѣ государства и правомъ судъ, и смотрѣли бъ надъ коллегіями, яко

¹⁾ 1711 года, 22 февраля (№ 2324); именный: «опредѣлили быть, для отлучекъ нашихъ, Правительствующій сенатъ, для управленія».

²⁾ Тамъ же.

³⁾ 1718 года, . . . декабря (№ 3264); именный, п. 1.

⁴⁾ 1722 года, 12 января (№ 3877); именный, данный сенату, п. 1.

⁵⁾ Тамъ же, п. 2.

свободные отъ нихъ, а сами, будучи въ оныхъ, какъ могутъ сами себя судить?»¹⁾. Но въ послѣдствіи, президентамъ коллегій снова повелѣно присутствовать въ сенатѣ, какъ сказано въ законѣ «для малолѣтства»²⁾.

Вскорѣ послѣ учрежденія, сенату присвоена высшая судебная власть въ государствѣ³⁾. Въ немъ рѣшались окончательно дѣла, переносились слѣдственнымъ порядкомъ и по апелляціоннымъ жалобамъ изъ коллегій⁴⁾. Эта власть оставалась постоянно за сенатомъ, несмотря на возвышеніе и упадокъ его политической власти⁵⁾. Сенатъ составлялъ первоначально одно общее присутствіе. Но въ царствованіе Анны Іоанновны онъ былъ раздѣленъ на департаменты (числомъ пять; изъ нихъ

¹⁾ Тамъ же, п. 6.

²⁾ 1722 года, 16 мая (№ 4014); именный, данный сенату. Послѣдующія узаконенія о составѣ сената не представляютъ собою ничего особенно замѣчательнаго. Еще при Петрѣ Великомъ постановлено правиломъ, что сенатъ долженъ состоять изъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ, по назначенію Государя (1722 года, 27 апрѣля (№ 3978); именный, п. 1.). Послѣднее подтверждено Екатериною I (1726 года, 7 марта (№ 4847); именный, п. 1.). Итакъ, въ составѣ сената и боярской думы не было никакого существеннаго различія. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ правительственномъ мѣстѣ, находились высшіе сановники государства, назначаемые непосредственно верховною властію.

³⁾ 1714 года, 2 марта (№ 2330); именный, данный сенату, п. 1.

⁴⁾ 1718 года, . . . декабря (№ 3264); именный, п. 2 и 3. — 1722 года, 27 апрѣля (№ 3978); именный, п. 2 и 4.

⁵⁾ Значеніе сената въ политическихъ переворотахъ Россіи, его усиленіе и упадокъ въ различныхъ царствованіяхъ, относятся къ исторіи государственнаго права. Замѣтимъ только, что по учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта при императрицѣ Екатеринѣ I, сенатъ велѣно называть *высокимъ, а не правительствующимъ* (1726 года, 14 марта (№ 4853); именный, объявленный изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта сенату); но при Аннѣ Іоанновнѣ ему снова данъ титулъ *правительствующаго* (1730 года, 4 марта (№ 5510); манифестъ), а Елисаветою Петровною возвращены прежнія сила и власть въ управленіи внутреннихъ всякаго званія государственныхъ дѣлъ (1741 года, 12 декабря (№ 8480); именный).

четвертый былъ департаментъ юстиціи и «челобитческихъ дѣлъ»), которые не составляли собою отдѣленій сената, а приготавлили дѣла къ рѣшенію въ общемъ собраніи; исключеніе сдѣлано только для маловажныхъ дѣлъ; они рѣшались департаментами¹⁾. Но въ 1762 году «для разсмотрѣнія и рѣшенія юстицкихъ, вотчинныхъ и всякихъ однихъ апелляціонныхъ дѣлъ» былъ учрежденъ въ сенатѣ особый департаментъ, состоявшій изъ трехъ или четырехъ сенаторовъ, подъ апелляціею, общаго собранія²⁾. Этимъ положено первое основаніе настоящему устройству сената.

СУДОПРОИЗВОДСТВО.

Реформа, произведенная Петромъ Великимъ въ судоустройствѣ, пересоздала прежнія юридическія начала, на которыхъ оно было основано и образовалось исторически. Новое, введенное имъ въ Россію, не имѣло съ прежнимъ ничего общаго, и хотя было отмѣнено, по смерти Петра Великаго, въ областномъ управленіи, однако, при Екатеринѣ II, сдѣлалось снова общимъ и почти исключительнымъ въ нашемъ законодательствѣ.

Другой характеръ имѣютъ преобразованія, начавшіяся съ Петра Великаго въ гражданскомъ судопроизводствѣ. Въ нихъ главнымъ предметомъ законодательной дѣятельности были не столько основныя юридическія начала, сколько подробное опредѣленіе формъ и уже существовавшихъ отношеній между судьями и тяжущимися, и сихъ послѣднихъ между собою. Цѣлый рядъ узаконеній со временъ Петра, относящихся къ судопроизводству, имѣетъ главною цѣлью обезпечить тяжущихся отъ корыстолюбія и несправедливости судей, судей

¹⁾ 1730 года, 1 іюня (№ 5570); именный, данный сенату.

²⁾ 1762 года, 29 января (№ 11422); именный, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ Глѣбовымъ.

отъ ябедъ тяжущихся, отвратить волокиты и вчинаніе пустыхъ, вымышленныхъ исковъ. Такимъ образомъ, несмотря на реформы, гражданское судопроизводство, и послѣ Петра Великаго, представляло смѣшеніе стараго съ новымъ. Этимъ смѣшеніемъ и неопредѣленностію началъ объясняется другая, важная характеристическая черта реформы въ судопроизводствѣ. На нее имѣла большое и рѣшительное вліяніе судебная практика и толкованіе законовъ присутственными мѣстами. Этотъ фактъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что служить ключемъ къ разрѣшенію многихъ, съ перваго взгляда необъяснимыхъ положеній въ гражданскомъ судопроизводствѣ.

Собственно два узаконенія ихъ примѣненіе въ судебной практикѣ произвели переворотъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, и лежатъ въ основаніи нынѣ дѣствующихъ законовъ. Указомъ 1697 года, 21 февраля, отмѣнены судъ и очныя ставки, и введенъ розыскъ; а указомъ 1723 года, 5 ноября, установлена форма суда; всѣ прочіе законы, относящіеся къ судопроизводству, служатъ поясненіемъ или дополненіемъ этихъ двухъ указовъ. Судебная практика опредѣлила взаимное отношеніе различныхъ формъ судопроизводства, установленныхъ Петромъ Великимъ, и въ этомъ заключается ея важное вліяніе на послѣдующее развитіе гражданского судопроизводства.

Начало реформъ въ гражданскомъ процессѣ относится къ 1697 году. Петръ Великій, видя безчисленные злоупотребленія, проискавшія изъ суда и очныхъ ставокъ, отмѣнилъ ихъ и ввелъ розыскъ. Послѣдующія реформы изгладили слѣды этого важнаго переворота въ древнемъ гражданскомъ судопроизводствѣ; въ нынѣшнемъ законодательствѣ сохранились отъ него только нѣкоторыя положенія, относящіяся къ свидѣтельству. Но, въ эпоху Петра, этотъ переворотъ былъ такъ многозначителенъ по своему характеру, послѣдствіямъ и

вліянію на послѣдующія реформы, что мы считаемъ необходимымъ изложить его подробнѣе, и въ связи съ древнимъ судопроизводствомъ.

Въ періодъ Уложенія, главною, основною формою гражданскаго судопроизводства былъ судъ. Тажущіеся являлись предъ судьями, и въ ихъ присутствіи, словесно, излагали свои доказательства и опроверженія. По особеннымъ причинамъ, въ гражданское судопроизводство введены, въ послѣдствіи, для дѣлъ помѣстныхъ и вотчинныхъ, очныя ставки и сужденіе спорныхъ дѣлъ безъ суда.

Словесное судопроизводство достигаетъ своей цѣли лишь въ первыя эпохи народной жизни, и въ періодъ возмужалости, періодъ полнаго юридическаго сознанія. Въ первомъ случаѣ, живое сознаніе обычнаго права и простота отношеній уже опредѣляютъ правильность словеснаго изложенія и опроверженій; въ послѣднемъ — логическая послѣдовательность и опредѣлительность началъ права, и бѣльшая или мѣньшая степень юридическаго образованія. Въ эпоху, незадолго предшествующую реформѣ Петра Великаго, непосредственныя юридическія вѣрованія исчезли, а время сознанія началъ права еще не наступало. Въ эту переходную эпоху, обвѣтшавшія формы юридическаго быта стали служить поводомъ и предлогомъ къ безчисленнымъ злоупотребленіямъ и неправдамъ, прикрытымъ видомъ законности.

Таковы были и судъ и очныя ставки во время Петра Великаго. Современные указы служатъ тому яснымъ доказательствомъ: «въ судѣхъ и въ очныхъ ставкахъ отъ истцовъ и отвѣтчиковъ бываетъ многая неправда и лукавство, и ищутъ многіе истцы исковъ своихъ затѣвая напрасно, также и отвѣтчики въ прямыхъ искѣхъ отвѣчаютъ неправдою жъ, составными вымыслами своими и лукавствомъ, хотя тѣми составными затѣйливыми отвѣты прямыхъ исковъ напрасно отбыть, забывъ

страхъ Божій; а иные истцы и отвѣтчики, для такихъ же своихъ коварствъ и неправды, нанимаютъ за себя въ суды и въ очныя ставки свою братью и боярскихъ людей ябедниковъ и составщиковъ же, воровъ и душевредцевъ, и за тѣми ихъ воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавствомъ, въ вершеніи тѣхъ дѣлъ, правымъ и маломочнымъ людямъ въ оправданіи чинится многая волокита и напрасные харчи и убытки и разоренье, а виновнымъ, что довелось... учинить указъ, отъ того отбывательство и продолженіе, а ябедникамъ и ворахъ поживки»¹⁾). Итакъ, пустые, злонамѣренные иски и оправданія, безконечное продолженіе процессовъ, неправильное раскрытіе тяжёбнаго дѣла — вотъ чему подавали поводъ судъ и очныя ставки. Петръ Великій хотѣлъ пресѣчь зло въ самомъ его основаніи, и для этого уничтожилъ объ эти формы судопроизводства, и установилъ, вмѣсто ихъ, розыскъ.

Мы уже замѣтили, что подъ розыскомъ разумѣлась, до Петра Великаго, форма уголовного судопроизводства. Обвиняемый къ какому-либо преступленію допрашивался судьёю «противъ доноса или извѣта» т. е. по тѣмъ обвинительнымъ пунктамъ, которые заключались въ доносъ. Если онъ не признавался, то его ставили съ очей на очи съ обвинителемъ, дѣлали объ немъ повальный обыскъ, и наконецъ пытали. Итакъ, главное различіе между судомъ и розыскомъ заключалось въ томъ, что въ судѣ тяжущіеся являлись сами передъ судьями, и вступали въ словесный споръ объ искѣ. Здѣсь приводились ими доказательства и опроверженія, и судѣ оставалось только наблюдать за правильностію развитія спора, и удостовѣряться въ подлинности и достовѣрности доказательствъ, приводимыхъ тяжущимися. Напротивъ, сущность розыска заключалась въ допросѣ; въ немъ, по этому, не могло быть рѣчи о словесномъ

---

¹⁾ 1697 года, 21 февраля (№ 1572); именный.

спорѣ между истцомъ и отвѣтчикомъ. Поэтому, въ розыскѣ, судьи должны были имѣть гораздо большее вліяніе на ходъ и развитіе процесса, нежели въ судѣ; ибо въ розыскѣ все движеніе процесса совершалось чрезъ посредство судьи. Во весь моментъ веденія доказательствъ онъ не былъ простымъ свидѣтелемъ того, что говорили тяжущіеся, и, такъ сказать, блюстителемъ правильнаго хода спора, но живымъ средоточіемъ тяжбы, въ которомъ сужденіе о спорномъ дѣлѣ, весьма естественно, шло рядомъ съ выслушиваніемъ доводовъ, и не могло оставаться безъ вліянія на допросъ.

Отсюда дѣлается яснымъ, съ какою цѣлью Петръ Великій уничтожилъ судъ и очныя ставки въ дѣлахъ гражданскихъ, и замѣнилъ ихъ розыскомъ. Онъ вовсе не хотѣлъ, какъ думаютъ нѣкоторые, замѣнить гражданское судопроизводство уголовнымъ, обвинительное слѣдственнымъ ¹⁾. Видя жалкое состояніе правосудія, вслѣдствіе ябедъ, волокитъ и безчисленныхъ неправдъ тяжущихся, онъ понималъ, что словесное судопроизводство — судъ и очныя ставки — воспитывали зло, отдавая весь ходъ процесса во власть тяжущихся, и тѣмъ открывая поле ихъ дѣятельности. Ему казалось лучшимъ средствомъ противъ произвола тяжущихся, подчинить ихъ, и самое развитіе процессовъ, контролю судей, которые уже по званію своему должны были блюстителями правосудія. Съ этою мыслью и введенъ имъ розыскъ, какъ такая форма судопроизводства, по

---

¹⁾ Доказательствомъ можетъ служить указъ 1697 года, 16 марта (№ 1576), изданный въ дополненіе и поясненіе указа 1697 года, 21 февраля. Въ этомъ указѣ излагаются правила о допросѣ отвѣтчиковъ, о взиманіи проѣздовъ и волокитъ «въ нынѣшнихъ розыскныхъ дѣлахъ», а въ концѣ сказано: «А которыя статьи въ Уложенѣ надлежатъ къ *розыску*, и по тѣмъ статьямъ *розыскивать по прежнему*». Очевидно, что Петръ Великій отличалъ розыскныя дѣла гражданскія, отъ розыскныхъ уголовныхъ, и что розыскъ, установленный имъ для первыхъ, имѣлъ существенное различіе отъ розыска, которымъ судились послѣдніе.

которой судьи принимают дѣятельное участіе въ ходѣ и развитіи спорнаго дѣла, и тѣмъ стѣсняется произволъ истца и отвѣтчика¹⁾).

Введеніе розыска въ дѣлахъ гражданскихъ, вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, имѣло весьма важныя послѣдствія для судебной практики. Современники Петра не поняли цѣли, съ которою онъ замѣнилъ суды розыскомъ, да и трудно имъ было понять ее; ибо въ указѣ было просто сказано, что вводится розыскъ, а слово розыскъ, какъ мы видѣли, имѣло въ то время нѣсколько различныхъ значеній, и чаще всего употреблялось въ смыслѣ уголовного судопроизводства. Отсюда большая шаткость, неопредѣленность гражданского судопроизводства того времени. Бывали случаи, что въ дѣлахъ чисто гражданскихъ прибѣгали къ пыткамъ; съ другой стороны судьи и приказные люди, воспитанные на старыхъ началахъ права, очень хорошо понимали, что между уголовнымъ и гражданскимъ судопроизводствомъ должно быть существенное различіе, и тог-

---

¹⁾ Въ рѣчи объ Уложеніи, г. проф. Морошкинъ говоритъ, что одни дѣла *некрѣпостныя* судились *розыскомъ*, слѣдственною формою судопроизводства, и приводитъ въ доказательство слѣдующее мѣсто, вѣроятно взятое изъ указа 1697 года, 24 февраля: «крѣпостныя дѣла по крѣпостямъ, некрѣпостныя по розыску».

Это мнѣніе кажется намъ не совсѣмъ справедливымъ. Розыскъ, какъ видно изъ предыдущаго, въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ не означалъ формы судопроизводства, а сужденіе и рѣшеніе дѣла безъ суда. Что же касается до мѣста, на которомъ г. Морошкинъ основываетъ свое мнѣніе, будто бы *розыскомъ* судились одни дѣла некрѣпостныя, то вотъ подлинныя слова указа: «А *быть* по вышеписанному, вмѣсто судовъ и очныхъ ставокъ, *розыскужъ*, *въ крѣпостныхъ дѣлахъ по крѣпостямъ, а въ некрѣпостныхъ дѣлахъ по розыску*». (п. 12). Смыслъ этого мѣста очевидно тотъ: всѣ дѣла, крѣпостныя и некрѣпостныя, судить *розыскомъ*; но первыя по крѣпостямъ, а послѣднія по некрѣпостнымъ доказательствамъ, каковы свидѣтельство, общая правда, позавальный обыскъ и т. д. Въ этомъ смыслѣ розыскъ употребляется во многихъ мѣстахъ Уложенія и указахъ того времени, и здѣсь, очевидно, не означаетъ формъ судопроизводства.

нуя слово розыскъ въ смыслѣ уголовного процесса, старались удержать судъ для дѣлъ гражданскихъ. Какъ бы то ни было, достоверно то, что въ практикѣ прежнее раздѣленіе на судъ и розыскъ удержалось¹⁾. Это, и въ особенности, какъ должно думать, сужденіе дѣлъ гражданскихъ уголовнымъ порядкомъ, побудили Петра Великаго, въ 1723 году, издать извѣстное въ нашемъ законодательствѣ положеніе о формѣ суда²⁾. Объ этой формѣ судопроизводства существуютъ у насъ два противоположныхъ мнѣнія. Одни думаютъ, что она была такимъ же нововведеніемъ, какъ и бѣольшая часть учреждений, данныхъ Россіи Петромъ Великимъ; другіе, напротивъ, видятъ въ ней возстановленіе нашего древняго суда, формы гражданскаго судопроизводства, разумѣется видоизмѣненной сообразно съ потребностями времени. Последнее мнѣніе впервые высказано г. профессоромъ Морошкинымъ, сначала на лекціяхъ, потомъ печатно, въ рѣчи объ Уложеніи³⁾.

Ближайшее рассмотрѣніе формы суда не оставляетъ, какъ намъ кажется, никакого сомнѣнія въ справедливости послѣдняго предположенія.

1. Формою суда введено словесное, обвинительное судопроизводство. Тяжущіеся должны были являться на судъ сами, или посылать за себя повѣренныхъ⁴⁾; по явкѣ ихъ, отвѣтчику читались обвинительные пункты истца, и онъ долженъ былъ отвѣчать на нихъ словесно (принимать отъ него письменные отвѣты было строго запрещено закономъ⁵⁾). Эта форма судопроизводства имѣетъ такое разительное сходство съ на-

1) 1723 года, 5 Ноября (№ 5344); именный.

2) Тамъ же, въ началѣ.

3) Рѣчь объ Уложеніи.

4) 1723 года, 5 ноября (№ 4344); именный, п. 7.

5) Тамъ же, п. 3. «Отвѣчать словесно, а письменнаго отвѣта отнюдь не принимать».

шимъ древнимъ судомъ, что не возможно отвергать ихъ близкаго сродства между собою, не имѣя положительныхъ доказательствъ противнаго.

2) Если мы вникнемъ въ отдѣльныя положенія о судопроизводствѣ, постановленныя указомъ о формѣ суда, то увидимъ, что всѣ они клонятся исключительно къ исправленію и поясненію тѣхъ частей нашего древняго гражданского судопроизводства, которыя наиболѣе подавали поводъ къ злоупотребленіямъ. Это отношеніе между законоположеніями о древнемъ судѣ и формѣ суда, при одинаковости основныхъ началъ сихъ послѣднихъ, служить еще сильнѣйшимъ доказательствомъ ихъ внутренняго и историческаго сродства между собою.

а) Главный недостатокъ нашего стариннаго суда заключался въ томъ, что онъ не обезпечивалъ тяжущихся отъ безконечнаго продолженія тяжбы. Неправые истцы и отвѣтчики, разумѣется, пользовались этимъ, и вводили своихъ противниковъ въ большія издержки, и даже раззоряли въ конецъ; то и другое происходило отъ того, что судъ требовалъ, необходимо, личнаго присутствія тяжущихся, или ихъ повѣренныхъ. Нерѣдко тяжущіеся, не имѣя кому повѣрить своей тяжбы, должны были сами пріѣзжать издалека въ то мѣсто, гдѣ происходилъ судъ, и проживали тамъ, до окончанія процесса, послѣднее имущество. Средствъ къ продолженію суда было много. Одинъ изъ тяжущихся могъ безусловно требовать отсрочки суда для доставленія нужной крѣпости, или для того, чтобъ изготovitъся къ отвѣту. Онъ могъ также безконечно волочить процессъ неявкою по первымъ вызовамъ, позднею явкою, просрочкою и т. д. Именно на эти-то возможные случаи промедленія процесса, которымъ подавала поводъ неопредѣленность прежнихъ законовъ, Петръ Великій обратилъ особенное вниманіе при введеніи формы суда. По подачѣ истцомъ прошенія, отвѣтчикъ призывался въ судъ (о позывѣ въ судъ не постановлено

никакихъ правилъ), и ему сообщалась тамъ копія съ прошенія «для вѣдѣнія къ оправданію», и очевидно съ тою цѣлью, чтобъ отнять возможность требовать отсрочки суда для соображенія отвѣта. Черезъ семь дней послѣ полученія копій, отвѣтчикъ непременно долженъ былъ явиться на судъ, въ чемъ и давалъ реверсъ при полученіи копій съ прошенія. Впрочемъ отвѣтчика отпускали изъ суда только въ такомъ случаѣ, если его движимое и недвижимое имѣніе могли обезпечить искъ; въ противномъ случаѣ, но немъ собирали поруки, но не даѣе недѣли, а если поруки не было, его держали подъ арестомъ¹⁾.

Итакъ, во всякомъ случаѣ, между объявленіемъ отвѣтчику объ искѣ и сообщеніемъ ему копій съ прошенія, и началомъ суда, не должно было, по формѣ суда, проходить болѣе одной недѣли. Тотъ же самый срокъ, и въ продолженіи того же самаго времени, давался и истцу; это отнимало у него всякую возможность и право требовать отсрочки для собранія нужныхъ документовъ, кромѣ развѣ въ случаѣ непредвидимаго возраженія со стороны отвѣтника. Но и эта отсрочка давалась только одинъ разъ въ продолженіи всего процесса. Такъ же строго опредѣленъ и самый ходъ суда. Въ положеніяхъ, сюда относящихся, видно стремленіе законодательства противодѣйствовать волокитамъ и ябедническимъ отговоркамъ. Тяжущіеся должны были явиться на судъ не позднѣе 8 часовъ; кто являлся позднѣе, тому предписывали явиться на другой день. Если то же повторялось во второй разъ, то его удерживали въ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ долженъ былъ происходить судъ, до слѣдующаго утра.

Неявившійся тяжущійся (исключая тѣхъ, которые представляли законныя причины неявки) отыскивался съ барабаннымъ боемъ, и публиковался указъ, чтобъ онъ явился въ продолже-

---

¹⁾ Тамъ же, п. 5.

нія недѣли; если онъ не являлся, или явившись, не представлялъ законной причины неявки, то обвинялся въ искѣ¹⁾).

б) По древнему судопроизводству, ходъ обвиненій истца и возраженій отвѣтчика былъ чрезвычайно произволенъ. Сперва вычитывали отвѣтчику челобитную истца. Нерѣдко она была длинна, утомительна, и заключала въ себѣ нѣсколько различныхъ исковъ, смѣшанныхъ въ изложеніи, такъ что отвѣтчикъ затруднялся, какъ и на что отвѣчать ему, и просилъ отсрочки. Съ другой стороны и отвѣтчикъ, вмѣсто того чтобъ возражать на обвиненіе истца, самъ обвинялъ его въ чемъ либо, или ввозилъ доносъ, или объяснялъ искъ враждою, старыми обидами и т. д. словомъ, отклонялся отъ дѣла и запутывалъ процессъ, вводя въ него посторонніе предметы, новые иски, и нарушая правильное развитіе доказательствъ и опроверженій—одно изъ самыхъ существенныхъ условій судопроизводства.

Для того чтобъ дать правильный, логическій ходъ процессу, Петръ Великій измѣнилъ прежнюю форму челобитенъ, и велѣлъ писать ихъ по пунктамъ: каждый пунктъ долженъ былъ заключать въ себѣ особое обвиненіе, отдѣльную статью жалобы, со всѣми къ ней относящимися доказательствами, такъ чтобъ объ этой же статьѣ болѣе не упоминалось въ другихъ пунктахъ²⁾. Въ этомъ раздробленномъ видѣ, искъ дѣлался предметомъ судоговоренія. Сперва отвѣтчику читался одинъ пунктъ. Отвѣтъ долженъ былъ прямо и непосредственно относиться только къ этому пункту; строго было запрещено говорить въ отвѣтъ о постороннемъ, или о другихъ пунктахъ³⁾. Если отвѣтъ заключалъ въ себѣ ссылку на «далѣ-

¹⁾ Тамъ же, п. 6.

²⁾ Тамъ же, п. 1: «какъ челобитныя, такъ и доношенія, писать пунктами, такъ чисто, дабы что писано въ одномъ пунктѣ, въ другомъ бы того не было».

³⁾ Тамъ же, п. 3. «Когда станутъ чести первый пунктъ, тогда отвѣчать...

ною справку», то «дабы время не тратить», приступали къ чтенію другаго пункта; если же отвѣтъ самъ въ себѣ былъ полонъ, то предоставлялось возражать истцу, потомъ опять отвѣтчику. Для ускоренія хода суда, строго было запрещено давать тяжущимся отсрочки. Только отвѣтчику давался поверстный срокъ, для доставленія документовъ нужныхъ къ дѣлу¹⁾. Такое раздѣленіе челобитной на пункты, при бѣльшей степени юридическаго образованія, нежели какое мы имѣли во времена Петра Великаго, дѣйствительно могло имѣть результатомъ болѣе послѣдовательное, строгое и логически необходимое движеніе тяжбы въ судѣ. Каждый пунктъ, по намѣренію Петра Великаго, долженъ былъ заключать въ себѣ отдѣльную часть иска. Меньшій объемъ и меньшая сложность, запутанность этой части, въ сравненіи съ цѣлымъ искомъ, нерѣдко заключающимъ въ себѣ нѣсколько разнородныхъ исковъ, очевидно должны были упростить самое судоговореніе, и дать бѣльшую возможность судѣ предупреждать всякія отклоненія тяжущихся отъ предмета тяжбы, и наблюдать за строгою правильностію и послѣдовательностію судоговоренія. Поэтому составленіе челобитенъ по пунктамъ въ началѣ не было вовсе пустою формою, а должно было имѣть весьма важное значеніе въ движеніи процесса.

на оной только, а не на всѣ, и не только посторонняго, но ниже о другихъ пунктахъ говорить, ниже обличать отвѣтчику того, кто бьетъ челомъ, или доносить, въ какихъ его противныхъ дѣлахъ, кромѣ того пункта»...

¹⁾ Тамъ же, п. 4. Въ положеніи о формѣ суда не опредѣлено именно, сколько разъ могли тяжущіеся, попеременно, доказывать и опровергать спорный пунктъ иска; но кажется, что при изданіи указа, Петръ Великій имѣлъ въ виду только два спора по каждому пункту; одинъ главный, другой дополнительный, и потому оставилъ этотъ предметъ безъ ближайшаго опредѣленія. Это видно изъ слѣдующихъ словъ: «А когда (отвѣтчикъ) первый пунктъ совсѣмъ очиститъ... тогда спроситъ кста: имѣетъ ли онъ еще что доказательства, и потомъ отвѣтчика, что онъ имѣетъ ли болѣе къ оправданію, и буде не имѣетъ, велѣтъ руки приложить»...

е) Кромѣ медленности и проволочки, въ судахъ нашихъ укоренились, отъ неопредѣленности законовъ, и многія другія злоупотребленія. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ дѣлахъ некрѣпостныхъ винили и безъ суда «неявкою». Ябедники, разумѣется, воспользовались этимъ. Когда срокъ явки къ суду приближался, одинъ изъ тяжущихся вчинялъ противъ своего противника другой искъ, и въ другомъ приказѣ. По новому иску, послѣдняго требовали къ суду, между тѣмъ какъ, по прежнему, въ другомъ приказѣ, онъ просрочивалъ и обвинялся въ искѣ, очевидно безъ всякой вины. Противъ этого въ формѣ суда постановлено правиломъ, чтобъ никакое присутственное мѣсто не задерживало тѣхъ, которые имѣютъ гдѣ либо тяжбу, или задержавъ, немедленно извѣщало о томъ, кого слѣдуетъ, чтобъ не подвергнуть тяжущагося неправильному обвиненію неявкою¹⁾. Другой случай. Въ древнихъ постановленіяхъ о судопроизводствѣ, отношенія между довѣрителями и повѣренными, по спорнымъ дѣламъ были чрезвычайно неопредѣленны, да и самая подпись вѣрителя подъ челобитною, которую долженъ былъ подать повѣренный, установлена не задолго до Петра Великаго. Тяжущіеся воспользовались и этимъ. Процессъ, проигранный повѣреннымъ, довѣритель вчинялъ снова, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не довѣрялъ никому вести тяжбы. Случалось также, что отъявленный ябедникъ, стакнувшись съ однимъ изъ тяжущихся, называлъ себя родственникомъ, другомъ или близкимъ другаго, принималъ на себя веденіе его тяжбы, и проигрывалъ процессъ умышленно. Петръ Великій дозволилъ допускать къ суду повѣренныхъ «только съ письмами вѣрующими, что онѣй (повѣренный) учинить, онъ (довѣритель) прекословить не будетъ»²⁾.

¹⁾ Тамъ же, п. 6.

²⁾ Тамъ же, п. 7.

3) Наконецъ, доказательствомъ того, что подъ названіемъ формы суда Петръ Великій возстановилъ наше древнее гражданское судопроизводство, служатъ слѣдующія слова указа 1723 года, 5 ноября: «понеже о формѣ суда многіе указы прежде были сочинены, изъ которыхъ нынѣ собрано, и какъ судить надлежитъ, тому форма яснѣе изображена, по которой во всякихъ дѣлахъ, какого бѣ оныя званія ни были, исполнять должно, а не по старымъ указамъ; ибо въ судахъ много даютъ лишняго говорить, и много ненужнаго пишутъ, что весьма запрещается; и не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) одинъ судъ, другой розыскъ, но токмо одинъ судъ». . . . Здѣсь упоминаются старыя указы о судопроизводствѣ, служившіе основаніемъ при составленіи формы суда; послѣдняя должна, по словамъ указа, яснѣе изображать то, что заключалось въ первыхъ. Спрашивается, о какихъ именно указахъ упоминается здѣсь? очевидно не объ Уставѣ Военскаго Процесса, изданномъ въ 1716 году, ибо онъ не былъ отмѣненъ изданіемъ формы суда, и продолжалъ дѣйствовать послѣ 1723 года; не къ розыску — потому что розыскъ, по главнымъ своимъ началамъ, не имѣлъ ничего общаго съ формою суда, и, слѣдовательно, не могъ служить ей основаніемъ; остается предположить, что подъ старыми указами Петръ Великій разумѣлъ Уложение и Новоуказныя Статьи, въ которыхъ, дѣйствительно судъ, изложенъ довольно подробно.

Итакъ, въ 1723 году, Петръ Великій возстановилъ нашъ древній судъ, отмѣненный розыскомъ. Причины этого возвращенія къ прежней формѣ судопроизводства, задолго до того времени найденной неудобною, съ точностью неизвѣстны. Главною изъ нихъ были, по всѣмъ вѣроятіямъ, требованія судебной практики. Сужденіе гражданскихъ процессовъ уголовнымъ порядкомъ, вслѣдствіе ложнаго толкованія слова розыскъ, заставило почувствовать необходимость гражданского,

обвинительного судопроизводства. Въ практикѣ, послѣднее продолжало существовать подъ формою суда. Вѣроятно по этому, Петръ Великій снова обратился къ суду, и возстановилъ его съ тѣми измѣненіями и дополненіями, коихъ требовала недостаточность и неопредѣленность прежнихъ законовъ о судѣ, обнаруженные практикою и злоупотребленіями.

Возстановленіе суда было послѣднею важною реформою общаго гражданскаго судопроизводства въ избранный нами періодъ времени. Послѣдствія ея были неизчислимы. Въ послѣдующемъ періодѣ они породили потребность новыхъ реформъ, которыя продолжались до позднѣйшаго времени, и теперь продолжаются. Реформа 1723 года была тѣмъ несравненно важнѣе предыдущихъ, что ею уголовное и гражданское судопроизводство, дотолѣ строго отдѣленные другъ отъ друга, слиты въ одно; розыскъ въ дѣлахъ уголовныхъ уничтоженъ¹⁾. Даже Уставъ Военскаго Процесса, дѣйствовавшій до того времени независимо, и неподвергавшійся ни какимъ существеннымъ реформамъ, уступилъ мѣсто суду²⁾. Раскрытіе послѣдствій этого переворота въ уголовномъ и военномъ судопроизводствѣ не входитъ въ предѣлы настоящаго разсужденія.

Примѣчанія. I. Въ общемъ обзорѣ реформъ гражданскаго процесса, мы коснулись однихъ главныхъ, основныхъ положе-

---

¹⁾ 1723 года, 5 ноября (№ 4344); именный, въ началѣ «не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) *одинъ судъ, другой розыскъ*, но тожко *одинъ судъ*», п. 5: «надлежитъ прежде суда (кромя сихъ дѣлъ: измѣны, злодѣйства или словъ противныхъ на Императорское Величество и Его Величества фамилію и бунтъ) дать списокъ отвѣчнику съ пунктовъ»... (Указомъ сената, 1725 года, 3 мая (№ 4713), объяснено, что подъ *злодѣйствомъ* должно разумѣть богохульство, церковный мятежъ, расколъ, смертоубійство, разбой, татьбу съ поличнымъ). Въ концѣ: «Всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться, не толкуя, что сія форма суда къ тому служить, а къ другому не служить»...

²⁾ 1724 года, 30 ноября (№ 4607); Указъ изъ Военной Коллегіи.

ній, и опустили измѣненія, сдѣланныя въ частяхъ судопроизводства. Такихъ измѣненій было много. Большая часть изъ нихъ принадлежитъ Петру Великому. Важнѣйшія суть слѣдующія: 1) въ ученіи о тяжущихся лицахъ. Нѣкоторымъ лицамъ, какъ то: архимандритамъ, игуменамъ, монахамъ и монахинямъ, запрещено быть самимъ ходатаями по дѣламъ. 1727 года, 31 іюня (№ 5135); синодскій. 1738 года, 23 января (№ 7493); синодскій. — 2) О судебномъ представительствѣ. Со временъ Петра Великаго, свободное судебное представительство получило чисто-гражданскій характеръ; безъ вѣрующаго письма повѣренный не допускался къ суду. 1700 года, 14 февраля (№ 1755); именный. 1713 года, 24 апрѣля (№ 2671); именный, объявленный изъ сената, п. 6. 1719 года, 15 января (№ 3282); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 28 декабря (№ 3696); сенатскій. 1721 года, 16 февраля (№ 3736); именный, состоявшійся въ сенатѣ. Мы видѣли, что въ постановленіи о формѣ суда, содержаніе вѣрующаго письма опредѣлено точнѣе («что оный учинить, онъ прекословить не будетъ» 1723 года, 5 ноября (№ 4344), п. 7); въ послѣдствіи запрещено допускать повѣренныхъ къ апелляціи, если объ этомъ правѣ не упомянуто въ вѣрующихъ письмахъ. 1775 года, 21 октября (№ 14382); указъ изъ Военной Коллегіи. — 3) Объ отводахъ судей. Отводъ судей служилъ, во времена Петра Великаго, предлогомъ къ продолженію тяжбебъ. Иногда тяжущіеся объявляли подозрѣнія противъ судей, безъ всякой основательной причины, для того только, чтобъ выиграть время. Вслѣдствіе этого, были изданы многія узаконенія объ отводѣ судей. 1697 года, 7 октября (№ 1597); именный. 1720 года, 5 января (№ 3480); именный, данный сенату. 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-коллегіи. 1723 года, 25 октября (№ 4338). 1723 года, 20 мая (№ 4506);

именный, объявленный изъ сената, въ пополненіе указа 1723 года, 25 октября. 1724 года, 13 ноября (№ 4593); именный. 1743 года, 28 октября (№ 8812); сенатскій. На основаніи этихъ указовъ, тяжущійся долженъ былъ подавать объ отводѣ челобитную, до подписанія срочныхъ сказокъ о явкѣ къ суду; если онъ отводилъ президента, то прошеніе его представлялось высшему суду, который переносилъ дѣло въ другой судъ; если же отводили одного изъ членовъ, то дѣло оставалось въ томъ же судѣ, но отводимый не принималъ участія въ рѣшеніи. Главными законными причинами отвода были свойство или недружба. Кромѣ того, допущены и другія; нѣкоторыя изъ нихъ изчислены въ указѣ 1724 года, 13 ноября, и вошли въ Сводъ Гражданскихъ законовъ. — 4) Объ обезпеченіи иска. Постановлено собирать поруки по истцамъ. 1698 года, 6 мая (№ 1631); боярскій приговоръ. Со введеніемъ формы суда, личная порука замѣнена вещною: искъ обезпечивался имуществомъ, движимымъ и недвижимымъ; только при недостаткѣ имущества прибѣгали къ порукѣ. — 5) О доказательствахъ: запрещено допускать къ свидѣтельству раскольниковъ и три года небывшихъ у исповѣди. 1724 года, 4 іюня (№ 4526); именный, объявленный изъ сената. 1745 года, 17 декабря (№ 9237); сенатскій. Запрещено допускать къ крестоцѣлованію одно лице вмѣсто другаго («А у вѣры быть истцу и отвѣтчику самимъ, а не дѣтемъ, не свойственникомъ, и не людямъ ихъ и крестьяномъ»). 1697 года, 21 февраля (№ 1572); именный, п. 7. 6) О мѣрахъ взысканія. Уничтожень правожъ, и замѣненъ отсылкою на галеры, отдачею въ работу и въ придѣльный домъ; за каждый мѣсяць работы выдавался рубль въ уплату долга. 1718 года, 15 января (№ 3140); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 12 декабря (№ 3685); именный. 1722 года, 6 апрѣля (№ 3950); именный. 1722 года, 18 сентября (№ 4093); сенатскій. Унич-

тожена выдача головою, и замѣнена ссылкой. 1701 года, 4 іюля (№ 1863); именный. — 7) О частныхъ и апелляціонныхъ жалобахъ изданы весьма важныя постановленія, служащія основаніемъ теперешнихъ законоположеній объ этомъ предметѣ. Императрицею Екатериною II, установленъ апелляціонный обрядъ: подписка удовольствія или неудовольствія, годичный апелляціонный срокъ, и отсылка дѣлъ изъ низшаго присутственнаго мѣста въ высшее, въ случаѣ апелляціи. 1762 года, 30 іюля (№ 11629); именный. Петръ Великій установилъ полугодичный срокъ для рѣшенія дѣлъ присутственными мѣстами, и дозволилъ тяжущимся, по истеченіи этого срока, приносить жалобу на медленность и проволочку дѣла. 1714 года, 8 декабря (№ 2865); именный, объявленный изъ сената. 1720 года, 4 мая (№ 3577); именный, объявленный изъ Юстицъ-коллегіи. 1724 года, «   » (№ 4624); Инструкція магистратамъ, п. 4. При всѣхъ этихъ измѣненіяхъ, первыя инстанціи остались, по прежнему, въ строгомъ смыслѣ судебными, а прочія ревизіонными; это видно изъ того, что Петръ Великій велѣлъ представить сенату «для наказанія» тѣхъ просителей, которые будутъ подавать Рекетмейстеру дополнительныя челобитныя послѣ суда и допросовъ. 1722 года, 5 февраля (№ 3900); Наказъ Рекетмейстеру, п. 4, — и что въ высшихъ инстанціяхъ дѣлались только выписки изъ дѣлъ, а не производили новаго суда. Тамъ же, п. 2. 1724 года, 29 апрѣля (№ 3776): сенатскій, и многіе другіе. По учрежденію для управленія губерній, изъ областныхъ инстанцій нижнія были судебныя, вторыя и судебныя и ревизіонныя, и высшія (уголовная и гражданская палаты) чисто ревизіонныя (ст. 108, 116, 181, 323, 367).

II. Кромѣ реформъ въ общемъ гражданскомъ судопроизводствѣ, произошли въ этотъ періодъ важныя перемѣны и нововведенія и въ особенныхъ его формахъ. При Петрѣ Великомъ

изданъ уставъ военнаго¹⁾, а при Петрѣ Второмъ уставъ таможеннаго суда. Форма военнаго суда была издана, первоначально, исключительно для военныхъ (гл. I, п. 3, 2) и 5)) и рѣзко отличалась ото всѣхъ прочихъ формъ судопроизводства, принятыхъ въ нашемъ законодательствѣ, тѣмъ, что допускала письменное производство, вмѣсто словеснаго (гл. IV, п. 2). Поэтому, хотя указомъ Петра Великаго и постановлено, что Воинскій Уставъ «касается до всѣхъ правителей земскихъ» (1716 года, 10 апрѣля (№ 3010); именный, данный сенату), однако форма военнаго суда не могла сдѣлаться основною формою гражданскаго судопроизводства, особливо послѣ указа 1723 года, 5 ноября, которымъ строго запрещено было принимать на судѣ письменные отвѣты. Итакъ, все вліяніе воинскаго процесса на гражданское судопроизводство должно было, въ то время, ограничиться однимъ примѣненіемъ устава о военномъ судѣ къ тѣмъ частямъ гражданскаго судопроизводства, которыя, въ первомъ, были развиты полнѣе и лучше, напимѣръ, къ ученію объ отводахъ, свидѣтельствѣ, присягѣ, и т. д. Такъ дѣйствительно и было. Мы не знаемъ навѣрное, въ какой степени сильно было это вліяніе, но можемъ сказать утвердительно, что форма суда, изданная Петромъ Великимъ, оставалась главною основною формою гражданскаго судопроизводства долгое время послѣ него, и даже въ царствованіе Екатерины II. (1752 года, 30 іюня (№ 10002); указъ изъ юстицъ-коллегіи. 1761 года, 4 января (№ 11181); сенатскій. 1763 года, 10 сентября (№ 11913); сенатскій, вслѣдствіе Высочайше утвержденаго доклада августа 25). Напротивъ, въ настоящее время письменное судопроизводство, введенное впервые съ изданіемъ положенія о воинскомъ процессѣ, состав-

---

¹⁾ 1716 года, 30 марта (№ 3006); Воинскій уставъ, III часть. Краткое изображеніе процессовъ, или судебныхъ тяжбъ.

ляетъ основную форму общаго гражданскаго процесса, а судъ по формѣ — словесное судопроизводство — сдѣлалось второ-степенною, дополнительною формою, къ которой прибѣгаютъ тяжущіеся и присутственныя мѣста только въ крайнихъ случаяхъ, когда обыкновеннымъ, письменнымъ производствомъ невозможно рѣшить, кто правъ, истецъ или отвѣтчикъ. Когда произошла эта реформа неизвѣстно, потому что не было указа, которымъ бы словесное производство спорныхъ гражданскихъ дѣлъ велѣно было замѣнить письменнымъ. Первый поводъ къ введенію письменнаго производства въ гражданскій процессъ должно было, по всѣмъ вѣроятіямъ, подать учрежденіе для управленія губерній; ибо въ немъ или вовсе не говорится о формѣ, по которой должны быть судимы спорныя гражданскія дѣла (такъ въ статьяхъ объ уѣздномъ судѣ, городовомъ магистратѣ, и нижней расправѣ), или упоминается одно письменное производство. Особенно замѣчательно то, что о послѣднемъ упоминается только въ статьяхъ о судебныхъ мѣстахъ второй инстанціи, которыя, по главному своему назначенію, были суды ревизіонныя, и именно въ отношеніи къ спорнымъ дѣламъ, судимымъ впервые (ст. 181, 323, 367). Можетъ быть на основаніи этого мимоходнаго указанія и введено письменное судопроизводство въ гражданскихъ судахъ. Этому вѣроятно содѣйствовало и то, что словесное судопроизводство становилось болѣе и болѣе затруднительнымъ и тягостнымъ (что доказывается рѣдкимъ употребленіемъ этой формы въ наше время) и не представляло важныхъ удобствъ, связанныхъ съ письменнымъ производствомъ. Словесное судопроизводство необходимо требовало личнаго присутствія тяжущихся, или ихъ повѣренныхъ, тамъ, гдѣ происходилъ судъ, а письменное судопроизводство этого вовсе не требовало. При томъ, послѣднее давало болѣе средствъ тяжущимся обдумать и правильно изложить свои доказательства и опроверженія, нежели словесное;

случайныя обстоятельства (замѣшательство, робость, неожиданность, возраженія и т. подобн.) не имѣли почти ни какого вліянія на ходъ тяжбы въ письменномъ судопроизводствѣ, а въ словесномъ могли рѣшать окончательно судьбу процесса. Эти, а можетъ быть и другія причины, заставили судей и тяжущихся предпочесть письменное судопроизводство словесному, и ввели первое во всеобщее употребленіе. Но какъ форма суда не была отмѣнена указомъ, то и было предоставлено тяжущимся избирать ту или другую форму судопроизводства. Это положеніе, развившееся изъ обычая и судебной практики, перешло и въ Сводъ Законовъ.

Гораздо труднѣе опредѣлить, на какомъ основаніи форма суда получила въ нашемъ законодательствѣ значеніе дополнительнаго судопроизводства? Причины, которыя приводятся обыкновенно, недостаточны, и не выдерживаютъ критики. Многіе думаютъ, что форма суда даетъ тяжущимся такія средства защиты, которыхъ не представляетъ письменное судопроизводство. Какія же именно? Не должно забывать, что какъ обыкновенное гражданское судопроизводство, такъ и форма суда, требуютъ, чтобъ въ дѣлахъ гражданскихъ доводы и опроверженія были основаны на положительныхъ, формальныхъ доказательствахъ, ибо въ гражданскомъ судопроизводствѣ улика не имѣетъ юридической силы. Итакъ, если улика — единственное средство защиты, котораго не даетъ письменное судопроизводство, — не имѣетъ никакого значенія въ судѣ по формѣ, то какія же преимущества можетъ онъ имѣть, для тяжущихся, предъ письменнымъ судопроизводствомъ? Скорѣе, и съ большимъ основаніемъ можно думать, что письменное судопроизводство представляетъ тяжущимся несравненно болѣе средствъ глубоко вникнуть въ существо спорнаго дѣла, и воспользоваться всѣмъ, что можетъ только служить къ опроверженію противника, и защищенію своего пра-

ва. Намъ кажется, что образованіе изъ формы суда дополнительной формы судопроизводства имѣетъ одно историческое основаніе, и можетъ быть объяснено не иначе, какъ положеніями и духомъ древняго судопроизводства, который, во времена Екатерины II, не совсѣмъ еще исчезъ въ нашей судебной практикѣ. Мы видѣли, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ судъ по одному и тому же дѣлу давался два раза. Если по первому суду нельзя было рѣшить дѣла, по недостатку доказательствъ, то тяжущимся снова давали судъ, и уже потомъ рѣшали дѣло, или на основаніи приведенныхъ доказательствъ, или на основаніи присяги. Когда спорныя гражданскія дѣла стали производиться письменно, и въ гражданскомъ процессѣ образовались двѣ различныя формы, коихъ взаимное отношеніе не было строго опредѣлено ни закономъ, ни практикою, — къ этимъ формамъ легко могло быть приложено прежнее правило, по которому судъ, въ одномъ и томъ же дѣлѣ, при недостаточности доказательствъ, давался два раза. А какъ письменное судопроизводство сдѣлалось главною, основною формою, то судъ по формѣ занялъ въ практикѣ мѣсто прежняго дополнительнаго суда, и сохранилъ это назначеніе и до нашего времени. Это объясненіе, не будучи основано ни на какихъ положительныхъ, историческихъ данныхъ, есть не болѣе, какъ одно предположеніе. Только разработка архивовъ и старыхъ судебныхъ дѣлъ, относящихся къ этой эпохѣ, можетъ пролить свѣтъ на доселѣ загадочную исторію развитія нашихъ процессуальныхъ формъ; ибо опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній, ихъ бѣльшая или мѣньшая употребительность, находились въ большой зависимости отъ судебной практики, и почти исключительно на ней одной и основывались.

III. Таможенные словесные суды. По древнему русскому законодательству, таможенный судъ былъ установленъ для споровъ между купцами, по дѣламъ, исключительно отно-

сившимся къ купеческимъ оборотамъ, и отличался отъ обыкновеннаго гражданскаго суда только тѣмъ, что во 1-хъ, производился скорѣе, съ меньшею формальностію; во 2-хъ, допускалъ по спорнымъ дѣламъ о займахъ, покладахъ и ссудахъ некрѣпостныя доказательства, которыя, въ обыкновенномъ судѣ, считались въ такихъ дѣлахъ недѣйствительными, и въ 3-хъ, производился безпошлинно. Всѣ эти отступленія отъ обыкновеннаго судопроизводства, очевидно, образовались вслѣдствіе приспособленія древняго суда къ дѣламъ купеческимъ, которыя, по существу своему, требовали скораго производства, не могли быть строго формальны по быстротѣ, неожиданности торговыхъ операций, и началу взаимнаго довѣрія, доброй совѣсти, необходимо преобладающему въ купеческихъ сдѣлкахъ. Указами 1701, 1703 и 1720 годовъ, Петръ Великій постановилъ «никому... ни какихъ крѣпостей и заемныхъ памятей и росписокъ и домашнихъ писемъ... мимо учиненныхъ крѣпостныхъ и писчихъ избъ, также и бурмистрамъ въ таможенныхъ книгахъ ни какихъ долговыхъ денегъ вмѣсто крѣпостей, писать, а у кого такія явятся, онымъ не вѣрить»¹⁾. Такимъ образомъ, всѣ некрѣпостныя денежныя сдѣлки и условія объявлены недѣйствительными передъ судомъ, и вслѣдствіе этого, таможенный судъ долженъ былъ самъ собою уничтожиться.

Отсюда произошло большое стѣсненіе купеческихъ и торговыхъ оборотовъ. Часто успѣхъ важной торговой операціи зависѣлъ отъ одной минуты, послѣ которой сдѣлка не могла уже принести ни какой пользы; совершить же ее въ одну минуту крѣпостнымъ порядкомъ было невозможно. Съ признаніемъ юридической недѣйствительности некрѣпостныхъ денежныхъ обязательствъ, должны были уничтожиться и договоры, осно-

¹⁾ 1726 года, 1 февраля (№ 4828); сенатскій.

ванные на честномъ словѣ, составленные при свидѣтеляхъ, или за однимъ изустнымъ поручительствомъ, а чрезъ это подорвано взаимное довѣріе — главный двигатель быстрого и успѣшнаго хода торговли.

Такія послѣдствія юридической недѣйствительности некрѣпостныхъ обязательствъ по торговлѣ, побудили сначала императрицу Екатерину I, по представленію Главнаго магистрата, отмѣнить, въ отношеніи къ купечеству, общее постановленіе Петра Великаго о заключеніи денежныхъ договоровъ и условий, и возстановить древній таможенный судъ.

Въ послѣдствіи, въ царствованіе Петра II (1727 года, 17 іюня (№ 5102) и императрица Екатерины II (1766 года, 10 августа (№ 12721); указъ изъ Главнаго магистрата, съ приложеніемъ инструкціи словеснымъ судамъ) объ этомъ судѣ изданы важныя постановленія, давшія ему большую всеобщность и юридическую опредѣленность, и служащія главнымъ основаніемъ теперешнихъ законоположеній о словесныхъ судахъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

I. Устройство приказовъ основано на началѣ личнаго управленія.

II. Исторія русскаго судоустройства, до реформы Петра Великаго, представляетъ постепенное замятеніе суда мірскаго, судомъ княжескимъ.

III. Цѣловальники древней Россіи суть происхожденія родового, патриархальнаго.

IV. Устройство инстанцій имѣло, до Петра Великаго, политическое основаніе.

V. Свободное судебное представительство, по древнему русскому праву, почти исключительно основывалось на патриархальномъ, родовомъ и семейственномъ бытѣ.

VI. Иски вещные и личные не были строго различены въ Уложеніи.

VII. Установленіе строго крѣпостныхъ исковъ не принадлежитъ Петру Великому, а относится къ древнему русскому законодательству.

VIII. Судъ былъ основною, древнѣйшею формою обвинительнаго, гражданского судопроизводства.

IX. *Очныя ставки* были формою древняго уголовного процесса, но въ примѣненіи къ дѣламъ гражданскимъ имѣли характеръ обвинительнаго судопроизводства.

X. Судомъ судились дѣла вотчинныя и исковыя. Различіе между вотчиннымъ и исковымъ судопроизводствомъ, по древнему праву, не есть существенное.

XI. Въ Уложеніи смѣшаны два различныхъ вида вызова къ суду: *публичный* — по приставной памяти, и *частный* — по зазывной грамотѣ.

XII. Древній судъ производился *словесно*.

XIII. Повальный обыскъ былъ первоначально свидѣтельствомъ общины, міра, и только съ упадкомъ общиннаго быта основанъ на началахъ послушества.

XIV. Въ Уложеніи *сыскъ* не всегда означаетъ слѣдствіе и слѣдственное судопроизводство.

XV. По Уложенію, судъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, безъ приговора высшаго судебного мѣста давался два раза по одному и тому же дѣлу.

XVI. До учрежденія о губерніяхъ, искъ, рѣшенный въ низшихъ судебныхъ инстанціяхъ, не судился вновь въ высшихъ, а только пересматривалось рѣшеніе, о немъ постановленное. Апелляція была не что иное, какъ тяжба между судьей и тяжущимся, недовольнымъ его рѣшеніемъ.

XVII. Коллегіальное устройство судовъ введено у насъ впервые Петромъ Великимъ.

XVIII. Отдѣленіе судебной власти отъ исполнительной, административной, появилось у насъ съ царствованія Петра Великаго.

ХІХ. Въ русскомъ законодательствѣ со времянъ Петра Великаго замѣтно постоянное стремленіе соединить въ однихъ судебныхъ присутственныхъ мѣстахъ спорныя дѣла вотчинныя и исковыя.

ХХ. Отдѣльное судебное управленіе городского сословія впервые введено Петромъ Великимъ.

ХХІ. При Екатеринѣ II, въ губернское устройство введены оба начала управленія: древнее — начало личнаго управленія и новое — коллегіальное.

ХХІІ. Выборные члены областныхъ (губернскихъ и уѣздныхъ) судовъ, установленные Екатериною II, и древніе цѣловальники, юридически, не различаются другъ отъ друга.

ХХІІІ. По Учрежденію о губерніяхъ, различіе сословій играетъ весьма важную роль въ областномъ судоустройствѣ.

ХХІV. Отдѣленіе суда уголовного отъ гражданскаго имѣетъ различныя основанія въ древнемъ и новомъ русскомъ законодательствѣ.

ХХV. Совѣстный судъ, по Учрежденію о губерніяхъ, есть органъ естественной справедливости.

ХХVІ. Участіе сословій въ областномъ судоустройствѣ есть главное юридическое основаніе учрежденія въ столицахъ надворныхъ судовъ.

ХХVІІ. Должности прокурора и стряпчихъ, хотя и отличаются другъ отъ друга, однако имѣютъ одно юридическое основаніе.

ХХVІІІ. Въ основаніи реформъ судебного управленія духовенства со времянъ Петра Великаго лежитъ стремленіе секуляризовать свѣтско-церковную общину, развившуюся въ древней Россіи.

ХХІХ. Одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ ученія о русскомъ гражданскомъ судопроизводствѣ со времянъ Петра Великаго, есть судебная практика.

ХХХ. Подъ названіемъ *розыска*, Петръ Великій хотѣлъ ввести не слѣдственное, а обвинительное судопроизводство, отличавшееся отъ суда одною только формою.

ХХХІ. Изданіемъ *формы суда* Петръ Великій возстановилъ наше древнее, гражданское судопроизводство.

ХХХІІ. Настоящее значеніе формы суда, и отношеніе ея къ обыкновенному гражданскому судопроизводству наиболѣе опредѣлялись судебною практикою — органомъ древнихъ юридическихъ обычаевъ.

ХХХІІІ. Письменное судопроизводство сдѣлалось общимъ болѣе вслѣдствіе потребностей времени, нежели на основаніи положительнаго закона.

ВЗГЛЯДЪ НА ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Въ наше время русская исторія становится предметомъ общаго любопытства и дѣятельнаго изученія. Прежде она была доступна однимъ избраннымъ, на которыхъ потому и смотрѣли съ какимъ-то удивленіемъ, переходящимъ въ благоговѣніе. Теперь всѣ образованные люди интересуются русской исторіей; не только у насъ, даже въ Европѣ многіе ея занимаются. Объяснять причины этого новаго, весьма недавняго явленія мы считаемъ излишнимъ. Россія Петра Великаго, Россія Екатерины II, Россія XIX вѣка объясняютъ его достаточно. Прибавимъ, что всѣ нѣкогда обширныя и сильныя государства, основанныя Славянами, пали. Одна Россія, государство тоже славянское, создалась такъ крѣпко и прочно, что вынесла всѣ внѣшнія и внутреннія бури, и изъ каждой выходила какъ будто съ новыми силами. Ея судьба совсѣмъ особенная, исключительная въ славянскомъ мірѣ, отчасти истребленномъ, отчасти порабощенномъ и угнетѣнномъ въ прочихъ его отрасляхъ. Это дѣлаетъ ее явленіемъ совершенно новымъ, небывалымъ въ исторіи. Одинъ поверхностный взглядъ на бытъ древней Россіи, еще не заслоненный отъ неопытнаго взгляда европейскими формами, совершенно убѣждаетъ въ этой мысли.

Удивительное дѣло! На одномъ материкѣ, раздѣленные нѣсколькими народами, Европа и Россія прожили много вѣковъ, чуждаясь другъ друга, какъ будто съ умысломъ избѣгая всякаго близкаго соприкосновенія. Европа объ насъ ничего не знала, и знать не хотѣла; мы ничего не хотѣли знать объ Европѣ. Были встрѣчи, но рѣдкія, какія-то официальные, недовѣрчивыя, слишкомъ натянутыя, чтобъ произвести дѣйствительное сближеніе. Еще и теперь, когда многое переменялось, Европа больше знаетъ какіе-нибудь Караибскіе острова, чѣмъ Россію. Есть что-то странное, загадочное въ этомъ фактѣ!

Въ исторіи — ни одной черты сходной, и много противоположныхъ. Въ Европѣ дружинное начало создаетъ феодальныя государства; у насъ дружинное начало создаетъ удѣльное государство. Отношеніе между феодальной и удѣльной системой — какъ товарищества къ семьѣ. Въ Европѣ сословія, у насъ нѣтъ сословій; въ Европѣ аристократія, у насъ нѣтъ аристократіи; тамъ особенное устройство городовъ и среднее сословіе — у насъ одинаковое устройство городовъ и селъ, и нѣтъ средняго, какъ нѣтъ и другихъ сословій; въ Европѣ рыцарство, у насъ нѣтъ рыцарства; тамъ церковь, облеченная свѣтскою властью, въ борьбѣ съ государствомъ, — здѣсь церковь, неимѣющая никакой свѣтской власти, и въ мірскомъ отношеніи зависима отъ государства; тамъ множество монашескихъ орденовъ — у насъ одинъ монашескій орденъ, и тотъ основанъ не въ Россіи; въ Европѣ отрицаніе католицизма — протестантизмъ; въ Россіи не было протестантизма; у насъ мѣстничество — Европа ничего не знаетъ о мѣстничествѣ; тамъ сначала нѣтъ общиннаго быта, потомъ онъ создается; здѣсь сначала общинный бытъ, потомъ онъ падаетъ; тамъ женщины мало по малу выходятъ изъ подъ строгой власти мужчинъ; здѣсь женщины, сначала почти равныя мужчинамъ, по-

томъ ведутъ жизнь восточныхъ женщинъ; въ Россіи, въ исходѣ XVI вѣка, сельскіе жители прикрѣпляются къ землѣ; въ Европѣ, послѣ основанія государствъ, не было такого явленія.

Какъ понятно удивленіе перваго, который замѣтилъ это глубокое, совершенное различіе! Точно, онъ могъ забыть изъ-за него человѣческое единство всѣхъ племенъ и народовъ! Подвигъ Петра могъ представиться ему нарушеніемъ неотъемлемыхъ правъ народа на самобытность. Намъ теперь это и странно и смѣшно; но не станемъ укорять перваго за ложный взглядъ: соблазнъ былъ слишкомъ великъ.

Съ XVIII вѣка наше отчужденіе, холодность къ Европѣ вдругъ совершенно исчезаютъ и замѣняются тѣсной связью, глубокой симпатіей. Такъ же ревностно принимались мы отказываться отъ своего и принимать чужое, европейское, какъ прежде отказывались отъ чужого и держались своего. Нашихъ старинныхъ обычаевъ, природнаго языка, самаго имени мы стали стыдиться. Близорукіе видѣли въ этомъ отступничествѣ какое-то непростительное легкомысліе, невыполнимое желаніе перемѣнить свою національность на чужую. Дальше они ничего не видали. Старовѣры пятнали его преступленіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, то было странное время! То былъ какой-то безумный фантастическій маскарадъ. Каждый жадно выбиралъ роль, надѣвалъ костюмъ, и простодушно вѣрилъ, что переродился, принимая обманъ за дѣйствительность. Кто не перодѣлся, на того смотрѣли съ презрѣніемъ. Никогда самообольщеніе не доводило до такой слѣпоты.

Теперь это время прошло. Мы можемъ судить его безпристрастно: Оно было вызвано горячимъ, искреннимъ, но безсознательнымъ стремленіемъ выйти изъ положенія, въ которомъ стало какъ-то тѣсно и неловко. Но когда мы стали выходить изъ этого положенія, котораго не понимали, въ другое, котораго тоже не понимали, руководствуясь однимъ темнымъ чув-

ствомъ, оказалось, что мы чуть-чуть не дѣти. Мы обнаружили много силъ, ума, благородства, много очень хорошаго, но въ такихъ юношескихъ формахъ, какъ будто мы только что начинали жить.

Что же дѣлали до XVIII вѣка?

Новѣйшіе изслѣдователи доказываютъ, что Славяне въ Европѣ исконные жители, переселившіеся сюда по крайней мѣрѣ не позже германскаго племени, и нельзя сказать когда, — такъ давно. Но оставимъ ихъ. Возьмемъ почти несомнѣнно достовѣрную исторію Россіи съ прибытія къ намъ иноземной дружины съ сѣвера, въ половинѣ IX вѣка. Что дѣлали мы съ половины IX до XVIII вѣка — цѣлые восемь съ половиной вѣковъ? вовсе не жили? это не правда. Факты противорѣчатъ этому. Наша исторія представляетъ постепенное измѣненіе формъ, а не повтореніе ихъ; слѣд., въ ней было развитіе, не такъ какъ на Востокѣ, гдѣ съ самаго начала до сихъ поръ все повторяется почти одно и тоже; а если по временамъ и появлялось что-нибудь новое, то замирало, или развивалось на европейской почвѣ. Въ этомъ смыслѣ, мы народъ европейскій, способный къ совершенствованію, къ развитію, который не любитъ повторяться и безчисленное число вѣковъ стоять на одной точкѣ. Въ чемъ же состояло наше развитіе до XVIII вѣка? какой смыслъ его? какое его движущее начало? Вотъ тайна, до сихъ поръ еще никѣмъ не разгаданная! Множество «взглядовъ на русскую исторію» брошено, множество «теорій русской исторіи» построено, а разрѣшеніе этихъ вопросовъ все-таки не подвинулось ни на шагъ впередъ. На древнюю русскую исторію смотрѣли съ точки зрѣнія исторіи всѣхъ возможныхъ восточныхъ и западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ народовъ, и никто ея не понялъ, потому что она въ самомъ дѣлѣ не похожа ни на какую другую исторію. Наконецъ, къ теоріямъ и взглядамъ всѣ охладѣли и потеряли довѣріе. Въ нихъ видѣли пов-

тореніе прежнихъ, неудачныхъ попытокъ. Нѣкоторые записные ученые пошли дальше. Они объявили, что теорія русской исторіи, другими словами — русская исторія какъ наука — невозможна, даже не нужна, даже вредна; что должно изучать и изучать одни факты. Исторически они были правы. Они сказали это, когда являлись теоріи и взгляды, одни другихъ несообразнѣе, страннѣе, а фактовъ почти никто не зналъ. Но ошибка ихъ состояла въ томъ, что когда это время прошло, они все продолжали твердить одно и тоже.

Большая ошибка! Во первыхъ, однажды возникшій вопросъ, рано или поздно, непременно долженъ быть разрѣшенъ; это его неотъемлемое право. Отложить его разрѣшеніе на время можно, иногда должно; непризнавать его, отвергать, значитъ стоять ниже вопроса. Во вторыхъ, въ противоположеніи фактовъ теоріи, взгляду, скрывается важное заблужденіе. Взглядъ, теорія, непременно предполагаютъ фактическое знаніе предмета. Безъ послѣдняго невозможны первые. Какъ строить теорію о предметѣ, котораго мы вовсе не знаемъ? Но и наоборотъ, фактическое изученіе невозможно безъ взгляда, безъ теоріи. Одно необходимо переходить въ другое. Сухое знаніе всѣхъ фактовъ не достижимо, по ихъ безконечному множеству; сверхъ того, оно совершенно бесполезно, ибо не даетъ ровно ничего, въ сущности ни на юту не прибавляетъ къ нашему знанію. Взглядъ, теорія, опредѣляютъ важность фактовъ, придаютъ имъ жизнь и смыслъ, мѣшаютъ запутаться въ ихъ безконечномъ лабиринтѣ; словомъ, только съ ихъ помощью можно возсоздать исторію, какъ она была.

Въ доказательство ссылаемся на послѣднее время нашей историко-литературной дѣятельности. Тѣ, которые всего больше возставали противъ взглядовъ и теорій, уступили непреклонному закону мышленія, и безсознательно строили теоріи русской исторіи — правда, не очень удачныя, — но строили.

(Можетъ быть и сознательно; мы однако не хотимъ подорывать ихъ въ недобросовѣстномъ стремленіи ввести монополию въ науку русской исторіи). Во множествѣ издавались источники, что вездѣ и всегда имѣетъ свою безотносительную важность и пользу, но не обогащаетъ историческую литературу, составляя въ тоже время одно изъ ея существенныхъ, необходимыхъ условий. Собственно ученое обработываніе русской исторіи представляетъ самую жалкую картину. За исключеніемъ весьма немногихъ статей и изслѣдованій, которыя можно пересчитать по пальцамъ, такъ ихъ немного; все прочее служить блистательнымъ доказательствомъ, какъ неблагопріятно дѣйствуетъ на науку отсутствіе всякаго направленія, всякой общей мысли. Писано, если хотите, довольно, даже гораздо больше, нежели сколько нужно, чтобъ не привести ни къ какимъ результатамъ. Но всѣ изслѣдованія поражаютъ какою-то безцвѣтностью, безхарактерностью, случайностью выбора. Вопросы существенные, важные, оставлены въ сторонѣ; мелочи поглотили все вниманіе розыскателей. Между отдельными изслѣдованіями никакого единства, такъ-что изъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ ничего не слѣдуетъ, тогда какъ они должны бы дополнять и пояснять другъ друга. Отсюда — никакого довѣрія къ сочиненіямъ по русской исторіи. Для всѣхъ, кто ею занимается, слѣлалось общимъ мѣстомъ не читать ихъ, а изучать одни источники. Хуже нельзя отозваться объ исторической литературѣ. Въ другихъ охладѣлъ всякій интересъ къ предмету, чего онъ, самъ по себѣ, безъ сомнѣнія не заслуживаетъ.

Итакъ, чтобъ понять тайный смыслъ нашей исторіи, чтобъ оживить нашу историческую литературу, необходимы взгляды, теорія. Они должны представить русскую исторію какъ развивающійся организмъ, живое цѣлое, проникнутое однимъ духомъ, одними началами. Явленія ея должны быть поняты какъ

различныя выраженія этихъ началъ, необходимо связанныя между собою, необходимо вытекающія одно изъ другого.

I.

Гдѣ ключъ къ правильному взгляду на русскую исторію?

Отвѣтъ простой. Не въ невозможномъ отвлеченномъ мышленіи, не въ почти безплодномъ сравненіи съ исторіею другихъ народовъ, а въ насъ самихъ, въ нашемъ внутреннемъ бытѣ.

Многіе не безъ основанія думаютъ, что образъ жизни, привычки, понятія крестьянъ сохранили очень многое отъ древней Руси. Ихъ общественный бытъ нисколько не похожъ на общественный бытъ образованныхъ классовъ. Посмотрите же, какъ крестьяне понимаютъ свои отношенія между собою и къ другимъ. Помѣщика и всякаго начальника они называютъ отцомъ. себя — его дѣтьми. Въ деревнѣ старшіе лѣтами зовутъ младшихъ робятами, молодками, младшіе старшихъ — дядями, дѣдами, тетками, бабками, равные — братьями, сестрами. — Словомъ, всѣ отношенія между неродственниками сознаются подъ формами родства, или подъ формами прямо изъ него вытекающаго и необходимо съ нимъ связаннаго, кровнаго, возрастомъ и лѣтами опредѣленнаго, старшинства или меньшинства. Безспорно, въ устахъ народа эта терминологія съ каждымъ годомъ или исчезаетъ, или становится болѣе и болѣе бессмысленнымъ звукомъ. Но замѣтимъ, что она не введена насильственно, а сложилась сама собою, въ незапамятныя времена. Ея источникъ — прежній взглядъ русскаго человѣка на свои отношенія къ другимъ. Отсюда мы въ полномъ правѣ заключить, что когда-то эти термины навѣрное не были только фразами, но заключали въ себѣ полный, опредѣленный, живой смыслъ; что когда-то всѣ и неродственные отношенія дѣйствительно опредѣлялись у насъ

по типу родственных, по началам кровного старшинства или меньшинства. А это неизбежно приводит насъ къ другому заключенію, что въ древнѣйшія времена русскіе Славяне имѣли исключительно родственныя, на однихъ кровныхъ началахъ и отношеніяхъ основанный бытъ; что въ эти времена о другихъ отношеніяхъ они не имѣли никакого понятія, и потому, когда онѣ появились, подвели и ихъ подъ тѣже родственныя, кровныя отношенія.

Выражаясь какъ можно проще, мы скажемъ, что у русскихъ Славянъ былъ, слѣдовательно, первоначально одинъ чисто-семейственный, родственныя бытъ, безъ всякой примѣси; что русско-славянское племя образовалось въ древнѣйшія времена исключительно однимъ путемъ народненія. Это совершенно согласно и съ первыми историческими извѣстіями.

Есть большое вѣроятіе, что точно такой же исключительно семейственный, родственныя бытъ имѣли первоначально и всѣ прочіе Славяне; но историческая судьба ихъ и наша была не одинакова. Послѣдніе, въ разныя времена, смѣшались съ другими народами, или подпали подъ ихъ власть. Оттого ихъ исключительно родственныя, семейственный бытъ долженъ былъ насильственно перерваться, можетъ быть, слишкомъ рано для ихъ дальнѣйшаго историческаго дѣйствованія и даже для самаго ихъ существованія.

Другія обстоятельства сопровождали наше развитіе. Никогда иноплеменные завоеватели не селились между нами, и потому не могли придать нашей исторіи свой національный характеръ. Много народовъ прошло черезъ Русь. Торговый путь и восточныя монеты, находимыя въ Россіи, указываютъ на безпрестанныя сношенія съ иностранцами. Были и завоеванія: Авары, Хозары, какіе-то сѣверные выходцы, кажется Норманны, и Татары попеременно покоряли русскихъ Славянъ, опустошали ихъ земли и собирали тяжкую дань. Но всѣ эти

пріязненныя и непріязненныя столкновѣнія съ иноплемениками не имѣли и не могли имѣть, въ самой малой степени, тѣхъ послѣдствій для нашей послѣдующей исторіи, какія имѣло въ другихъ земляхъ поселеніе завоевателей у туземцевъ, и смѣшеніе ихъ между собою. Кто знаетъ, какъ необразованный Славянинъ неохотно поддается чуждому вліянію, какъ онъ вездѣ и всегда остается при своихъ нравахъ и обычаяхъ, даже одиноко и надолго заброшенный между иностранцами, — тотъ пойметъ, что торговыя сношенія русскихъ Славянъ съ иностранцами, какъ бы они часты и продолжительны ни были, не могли нисколько измѣнить внутренняго, домашняго и общественнаго быта первыхъ. Нѣсколько словъ и названій предметовъ, имъ неизвѣстныхъ — вотъ все, что могли имъ передать чужеземцы. Тѣмъ менѣе могли измѣнить ихъ быть толпы варваровъ, мгновенно появлявшіяся и мгновенно исчезающія. Авары никогда не смѣшивались съ русскими Славянами, и обращались съ ними слишкомъ жестоко, чтобъ послѣдніе когда либо могли забыть свое различіе съ ними. Потомъ Авары исчезли, до единого. Хозары брали одну дань; тѣмъ и ограничилось ихъ владычество. Татары господствовали надъ ними издалека. Имъ нужны были подушная и покорность. Вліяніе ихъ на нашъ внутренній бытъ ограничилось посылкою въ Россію сборщиковъ податей, — и то только съ начала, — вмѣшательствомъ въ распри удѣльныхъ князей и нѣсколькими, еще весьма сомнительными, неудачными попытками обратить насъ къ исламу. Впрочемъ роль фанатическихъ пропагандистовъ такъ мало шла къ Монголамъ, равнодушнымъ покровителямъ всѣхъ возможныхъ религій, что они ее скоро оставили, если когда нибудь и принимали на себя. Не только они не поселились у насъ на правахъ завоевателей: они даже не ставили у насъ своихъ хановъ, а сажали русскихъ же князей, которые никогда искренно не держали ихъ стороны, кланялись имъ, пока было нужно и выгодно, и

воспользовались ихъ покровительствомъ, чтобъ усилиться и свергнуть ихъ же иго. И монгольское вліяніе ограничилось нѣсколькими словами, вошедшими въ нашъ словарь; можетъ быть, и даже вѣроятно, нѣсколькими обычаями, не совсѣмъ для насъ лестными, каковы: пытка, кнутъ, правезъ; но эти обычаи, безъ всякаго сомнѣнія, заимствованы, а не навязаны, и заимствованы больше вслѣдствіе тогдашняго быта Руси, чѣмъ вслѣдствіе сношеній съ Татарами. И безъ нихъ они бы конечно образовались, только подъ другими формами и названіями. Одни сѣверные выходцы Варяги составляютъ какъ будто исключеніе. Сначала они покоряютъ сѣвернорусскихъ Славянъ, и ограничиваются, подобно другимъ, данью. Но потомъ, призванные нѣсколькими союзными русско-славянскими и финскими племенами, они дружиной поселяются между ними, изъ призванныхъ властителей становятся завоевателями, покоряютъ всѣ племена, имъ еще не подвластныя, ставятъ въ ихъ городахъ своихъ правителей, и основываютъ обширное, какъ кажется, феодальное государство. Но... замѣчательное явленіе! тогда какъ въ другихъ земляхъ они на долго придаютъ свой характеръ быту страны, ими покоренной, у насъ, напротивъ, они скоро подчиняются вліянію туземнаго элемента, и наконецъ совершенно въ немъ исчезаютъ, завѣщая намъ на долго мысль о государственномъ единствѣ всей русской земли, дружинное начало и систему областного правленія. Впрочемъ, и эти слѣды сѣверной дружины такъ переродились на русской почвѣ, такъ прониклись національнымъ элементомъ, что въ нихъ почти невозможно узнать ихъ не-славянскаго первообраза. Не станемъ здѣсь изслѣдовать, какъ и почему это сдѣлалось. Для насъ самый фактъ важенъ, а онъ несомнѣненъ. А между тѣмъ Варяги — единственные, принесшіе къ намъ какіе-то чуждые элементы. Считаемо излишнимъ упоминать о другихъ племенахъ, какъ напр., финскихъ, которыя или из-

чезли, или вполнѣ подчинились господству или вліянію русско-славянскаго элемента.

Итакъ, постороннія начала никогда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ Славянъ. Единственные, которымъ можно бы приписать это — Варяги, утонули и распустились въ славянскомъ элементѣ. Постороннія вліянія были — это несомнѣнно. Но они не были вынужденныя, извнѣ налагаемыя, а естественныя, свободно принимаемыя. Врядъ ли они были сильны; во всякомъ случаѣ, они не могли намъ дать ненаціональнаго, искусственнаго развитія. Такимъ образомъ исторія вполнѣ предоставила насъ однимъ нашимъ собственнымъ силамъ. Это еще болѣе справедливо, если мы вспомнимъ, что мы не сидѣли на плечахъ у другаго народа, который, будучи просвѣщеннѣ насъ, могъ бы сообщить намъ, даже противъ нашей воли, плоды своей высшей цивилизаціи. На своей почвѣ мы не имѣли предшественниковъ, а если и имѣли, то такихъ, отъ которыхъ намъ нечего было заимствовать.

Итакъ мы жили сами собой, развивались изъ самихъ себя. Отсюда, слѣдующее, необходимое заключеніе: если нашъ бытъ, исключительно семейственный, родственныи, измѣнялся, безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія, слѣд., свободно, самъ собой, то и смысла этихъ измѣненій должно искать въ началахъ того же семейственнаго быта, а не въ чемъ-либо другомъ; другими словами: наша древняя, внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно-кровнаго, родственнаго быта.

Но по какому закону онъ развивался? На это отвѣчаетъ намъ новая исторія съ появленія христіанства. Христіанство открыло въ человѣкѣ и глубоко развило въ немъ внутренній, невидимый, духовный міръ. Древнее человечество, подавленное природой, или художественно, но безсознательно съ нею уравновѣшенное, какъ бы примиренное, или погруженное, въ

одну практическую, государственную дѣятельность, имѣло о немъ какое-то темное предчувствіе, но не знало его. Христіанство нашло его и поставило безконечно высоко надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ. Послѣдній обреченъ былъ ему на служеніе. Оттого, съ появленія христіанства внутренній міръ стремится къ неограниченному господству надъ событіями и дѣйствіями. Духовныя силы человека, его стремленія, надежды, требованія, упованія, которыя прежде были глубоко затаены и не могли высказываться, христіанствомъ были сильно возбуждены и стали порываться къ полному, безусловному осуществленію. Характеръ исторіи долженъ былъ совершенно измѣниться.

Когда внутренній духовный міръ получилъ такое господство надъ внѣшнимъ, матеріальнымъ міромъ, тогда и человѣческая личность должна была получить великое, святое значеніе, котораго прежде не имѣла. Въ древности, о человѣкѣ, помимо опредѣленій кастъ, сословій, національностей и гражданства, не имѣли никакого понятія. Даже древнія религіи, исключительно мѣстныя, національныя, брали подъ свое покровительство только извѣстныя племена, извѣстныя гражданства; другихъ онѣ знать не хотѣли, или преслѣдовали. Словомъ, въ древности человѣкъ какъ человѣкъ ничего не значилъ.

Христіанство, во имя внутренняго, духовнаго міра, отрицаетъ всѣ видимыя, матеріальныя, условныя, слѣдовательно, несущественныя, ничтожныя различія между людьми. Всѣ народы и племена, всѣ касты и сословія, всѣхъ, и свободныхъ и несвободныхъ, оно равно призываетъ къ спасенію, всѣхъ равно называетъ по духу чадами Божиими, всѣмъ общаетъ и даетъ равное участіе въ благахъ небесныхъ. Первые христіанскія общины представляютъ пеструю смѣсь разноплеменныхъ и разносословныхъ людей, уравненныхъ и соединенныхъ истиной, жаждой пріобщиться къ одной небесной, духовной жизни.

Такъ возникла впервые въ христiанствѣ мысль о безконечномъ, безусловномъ достоинствѣ челоуѣка и челоуѣческой личности. Челоуѣкъ — живой сосудъ духовнаго міра и его святины; если не въ дѣйствительности, то въ возможности онъ предстатель Бога на землѣ, возлюбленный сынъ Божій, для котораго самъ Спаситель міра сошелъ на землю, пролилъ святую кровь свою и умеръ на крестѣ. Такой совершенно новый взглядъ на челоуѣка долженъ былъ вывести его изъ ничтожества, освободить изъ подъ ига природы и внѣшняго міра, который случайно или давалъ ему значеніе, или ставилъ на равнѣ съ безсловесными, ниже ихъ. Изъ опредѣляемаго челоуѣкъ сталъ опредѣляющимъ, изъ раба природы и обстоятельствъ — господиномъ ихъ. Теперь, чрезъ истину, онъ сталъ первое и главное.

Христiанское начало безусловнаго достоинства челоуѣка и личности, вмѣстѣ съ христiанствомъ, рано или поздно, должно было перейти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе челоуѣка сдѣлались лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ она вертится. Правда, много скорбнаго встрѣчаемъ мы на пути, уже пройденномъ; много скорбнаго еще предстоитъ. Къ благороднымъ, великодушнымъ порывамъ и стремленіямъ, къ чистымъ побужденіямъ не рѣдко примѣшивались низкія и мелочныя страсти, плачевныя заблужденія, добровольныя и недобровольныя ошибки, невѣжество и безсознательность. Но кто понимаетъ исторію, кто умѣетъ читать ея спутанныя, часто горькія страницы, для того есть отрада въ великой цѣли и въ постепенномъ, хотя и медленномъ ея достиженіи. Такъ для всѣхъ народовъ новаго, христiанскаго міра одна цѣль: безусловное признаніе достоинства челоуѣка, лица, и всестороннее его развитіе. Только всѣ идутъ къ ней разными путями, безконечно

разнообразными, какъ сама природа и историческія условія народовъ.

Германскія племена, передовыя дружины новаго міра, выступили первыя. Ихъ частыя, вѣковыя, непріязненные столкновенія съ Римомъ, ихъ безпрестанныя войны и далекіе переходы, какое-то внутреннее безпокойство и метаніе — признаки силы, ищущей пищи и выраженія, — рано развили въ нихъ глубокое чувство личности, но подъ грубыми, дикими формами. Германцы жили разрозненно. Ихъ жестокость къ рабамъ и побѣжденнымъ была неумолима; ихъ семейныя отношенія были юридическія. Издавна появились у нихъ дружины — добровольные союзы, заключаемые для военной цѣли между храбрымъ, славнымъ вождемъ и людьми, жаждавшими завоеваній и добычи. Начало личности положено въ основаніе этихъ союзовъ. Предводитель не былъ полновластнымъ господиномъ дружины. Она была обязана вѣрно служить ему, но и онъ обязанъ былъ дѣлиться съ ней добычей. Нарушеніе условій разрушало союзъ. Съ самаго начала всѣ отношенія Германцевъ запечатлѣны этимъ началомъ личности и выражаются въ строгихъ юридическихъ формахъ.

Перешедши на почву, гдѣ совершалось развитіе древняго міра, гдѣ сохранились еще живые слѣды его и уже пронеслась проповѣдь Евангелія, они почувствовали всю силу христіанства и высшей цивилизаціи. Долго благоговѣлъ варварь-Германецъ передъ именемъ Рима и не смѣлъ коснуться добычи, уже ни кѣмъ не защищаемой. Онъ ревностно принималъ новое ученіе, которое, высокимъ освященіемъ личности, такъ много говорило его чувству, — и въ тоже время вбиралъ въ себя римскіе элементы, наслѣдіе древняго міра. Все это мало по малу начало смягчать нравы Германцевъ. Но и смѣшавшись съ туземцами почвы, ими завоеванной, принявши христіанство, усвоивши себѣ многое изъ римской жизни и быта, они сохра-

нили глубокую печать своей національности. Государства, ими основанные — явление совершенно новое въ исторіи. Они проникнуты личнымъ началомъ, которое принесли съ собою Германцы. Всяку оно видно; вездѣ оно на первомъ планѣ, главное, опредѣляющее. Правда, въ новооснованныхъ государствахъ оно не имѣетъ того возвышеннаго, безусловнаго значенія, которое придало ему христіанство. Оно еще подавлено историческими элементами, безсознательно проникнуто эгоизмомъ, и потому выражается въ условныхъ, рѣзко обозначенныхъ, часто суровыхъ и жесткихъ формахъ. Оно создаетъ множество частныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же государствѣ. Преслѣдуя самыя различныя цѣли, но еще не сознавая ихъ внутренняго, конечнаго, органическаго единства, эти союзы живутъ другъ возлѣ друга разобщенные или въ открытой борьбѣ. Надъ этимъ еще не установившимся, разрозненнымъ и враждующимъ міромъ царить церковь, храня въ себѣ высшій идеалъ развитія. Но мало по малу, подъ разнообразными формами, повидимому, не имѣющими между собою ничего общаго, или даже противоположными, воспитывается человекъ. Изъ области религіи мысль о безусловномъ его достоинствѣ постепенно переходитъ въ міръ гражданскій и начинается въ немъ осуществляться. Тогда чисто историческія опредѣленія, въ которыхъ сначала сознавала себя личность, какъ излишнія и ненужныя, падаютъ и разрушаются, въ различныхъ государствахъ различно. Безчисленные частные союзы замѣняются въ нихъ однимъ общимъ союзомъ, котораго цѣль — всестороннее развитіе человека, воспитаніе и поддержаніе въ немъ нравственнаго достоинства. Эта цѣль еще недавно обозначилась. Достиженіе ея въ будущемъ. Но мы видимъ уже начало. Совершеніе неминуемо.

Русско-славянскія племена представляютъ совершенно иное явленіе. Спокойныя, миролюбивыя, они жили постоянно на

своихъ мѣстахъ. Начало личности у нихъ не существовало. Семейственный бытъ и отношенія не могли воспитать въ рускомъ Славянинѣ чувства особности, сосредоточенности, которое заставляетъ человѣка проводить рѣзкую черту между собою и другими и всегда и во всемъ отличать себя отъ другихъ. Такое чувство рождаютъ въ неразвитомъ человѣкѣ безпрестанная война, частыя столкновенія съ чужеземцами, одиночество между ними, опасности, странствованія. Онъ привыкаетъ надѣяться и опираться только на самого себя, быть вѣчно на чеку, вѣчно на сторожѣ. Отсюда возникаетъ въ немъ глубокое сознаніе своихъ силъ и своей личности. Семейный бытъ дѣйствуетъ противоположно. Здѣсь человѣкъ какъ-то расплывается; его силы, ничѣмъ не сосредоточенныя, лишены упругости, энергіи и распускаются въ морѣ близкихъ, мирныхъ отношеній. Здѣсь человѣкъ убаюкивается, предается покою и нравственно дремлетъ. Онъ доверчивъ, слабъ и безпеченъ, какъ дитя. О глубокомъ чувствѣ личности не можетъ быть и рѣчи. Для народовъ, призванныхъ ко всемірно-историческому дѣйствованію въ новомъ мірѣ, такое существованіе безъ начала личности невозможно. Иначе они должны бы навсегда оставаться подъ гнетомъ внѣшнихъ, природныхъ опредѣленій, жить, не живя умственно и нравственно. Ибо когда мы говоримъ, что народъ дѣйствуетъ, мыслить, чувствуетъ, мы выражаемся отвлеченно: собственно дѣствуютъ, чувствуютъ, мыслятъ единицы, лица, его составляющія. Такимъ образомъ личность, сознающая, сама по себѣ, свое безконечное, безусловное достоинство — есть необходимое условіе всякаго духовнаго развитія народа. Этимъ мы совсѣмъ не хотимъ сказать, что она непремѣнно должна ставить себя въ противоположность съ другими личностями, враждовать съ ними. Мы, напротивъ, думаемъ, что послѣдняя цѣль развитія — ихъ глубокое, внутреннее примиреніе. Но во всякомъ

случаѣ, каковы бы ни были ея отношенія, она непремѣнно должна существовать и сознавать себя.

Этимъ опредѣляется законъ развитія нашего внутренняго быта. Оно должно было состоять въ постепенномъ образованіи, появленіи начала личности, и слѣд., въ постепенномъ отрицаніи исключительно кровнаго быта, въ которомъ личность не могла существовать. Степени развитія начала личности и совпадающія съ ними степени упадка исключительно родственнаго быта опредѣляютъ періоды и эпохи русской исторіи.

Такъ, задача исторіи русско-славянскаго племени и германскихъ племенъ была различна. Последнимъ предстояло развить историческую личность, которую они принесли съ собою, въ личность человѣческую; намъ предстояло создать личность. У насъ и у нихъ вопросъ поставленъ такъ неодинаково, что и сравненіе невозможно. Послѣ мы увидимъ, что и мы и они должны были выйти, и въ самомъ дѣлѣ вышли на одну дорогу. Теперь, съ этой точки зрѣнія, бросимъ бѣглый взглядъ на внутренній бытъ древней Россіи до Петра Великаго.

II¹⁾.

Въ древнѣйшія времена часть теперешней европейской Россіи была заселена кроткими и мирными русско-славянскими племенами. Сельская промышленность и торговля сырыми продуктами были главнымъ ихъ занятіемъ. Эти племена состояли изъ большихъ и малыхъ поселеній, которыя, въ противоположность разрозненной жизни первоначальныхъ Германцевъ, представляютъ нашихъ предковъ собранными вмѣстѣ,

¹⁾ Считаю нужнымъ предупредить читателей, что въ этомъ очеркѣ мы ограничились обзоромъ одного юридическаго быта.

жившими группами. Вглядываясь въ каждое поселеніе, мы видимъ, что это — разросшаяся, размножившаяся семья, которой члены и потомки живутъ вмѣстѣ, на одномъ корню. Такъ все первобытное славянское населеніе Россіи было огромное дерево, спокойно выросшее изъ одного зерна; поселенія и племена — его вѣковыя вѣтви и отпрыски.

Внутри поселеній царствуетъ чисто семейный бытъ подъ управленіемъ старшаго рожденіемъ и лѣтами. Его власть была семейная, родительская; подвластные ему были какъ будто его дѣти и между собой соединены родственными узами и отношеніями.

Намъ теперь трудно вдуматься въ этотъ бытъ. Сами не подозрѣвая, мы, когда его представляемъ, невольно придаемъ ему черты теперешняго человѣческаго общества, судимъ объ немъ по нашему семейному быту, проникнутому гражданственностію, которой онъ не зналъ. Его создала природа, кровь; она его поддерживала и имъ управляла. Оттого совершенная юридическая неопредѣленность — его отличительная черта. Напрасно станемъ мы искать въ немъ власти и подчиненности, правъ и сословій, собственности и администраціи. Человѣкъ жилъ тогда совершенно подъ опредѣленіями природы; мысль еще не освободила его отъ ея ига.

При всей ограниченности онъ представляетъ многія прекрасныя черты. Люди жили сообща, не врознь, не отчужденные, какъ потомъ; не было еще гибельнаго различія между моимъ и твоимъ — источника послѣдующихъ бѣдствій и пороковъ; всѣ, какъ члены одной семьи, поддерживали, защищали другъ друга, и обида, нанесенная одному, касалась всѣхъ. Такой бытъ долженъ былъ воспитать въ русскихъ Славянахъ семейныя добродѣтели: кроткіе, тихіе нравы, довѣрчивость, необыкновенное добродушіе и простосердечіе. На рабовъ и чужеземцевъ они смотрѣли не съ юридической, а съ семейной,

кровной точки зрѣнія. Оттого было хорошо у Славянъ заѣжымъ чужеземцамъ и плѣннымъ: и на нихъ простирался покровъ и благословеніе семейной жизни. Много трогательныхъ обычаевъ вынесли наши предки изъ этой первоначальной жизни, обычаевъ, отъ которыхъ развалины долго сохранялись и теперь еще отчасти сохраняются въ простомъ народѣ.

Этотъ древнѣйшій, чисто патріархальный бытъ не могъ быть вѣчнымъ. Не говорите въ грустномъ раздумьи — «да, потому что все человѣческое проходитъ». Все проходитъ, но не потому, что вѣчное круговращеніе, вѣчная смѣна одного другаго — смыслъ и задача жизни. Все проходитъ потому, что существующее хорошее жизнь ведетъ еще къ лучшему. Въ смерти — зачатки обновленія и воскресенія. На младенца, на юношу мы смотримъ съ внутреннею скорбію; мы знаемъ, что исчезнетъ то непередаваемое очарованіе, которымъ исполнены его неопредѣленные, невысказанные черты. Но выше этой скорби ставитъ насъ сознаніе, что весеннее обаяніе юности смѣнится строгой красотой и полнотой жизни возмужалаго возраста. Оно даетъ намъ силы подавить грусть, пристально и холодно взглянуть на юность, и мы въ ней самой открываемъ тогда причины ея несостоятельности. Къ тому же приводитъ и исторія.

Въ чисто семейномъ быту нашихъ предковъ лежали зачатки его будущаго разрушенія. Онъ былъ созданъ природой, а не мыслью, не сознаніемъ, которыя могли бы дать ему твердость, постоянство, а вмѣстѣ и опредѣленность, ему совершенно неизвѣстную. Но кровныя связи слишкомъ не прочны, чтобы поддержать общественный бытъ. Племена, заселявшія Россію, большею частью разрозненные, иногда враждующія между собою, тоже произошли отъ одной семьи, но почти совсѣмъ забыли свое единство; отъ него осталось одно смутное воспоминаніе. Тоже предстояло и семейному быту поселеній; рано

или поздно, онъ долженъ былъ поколебаться. Чѣмъ дальше расходились линіи, тѣмъ больше должно было забываться между ними кровное родство. Въ добавокъ, семьи и роды переходили изъ поселенія въ поселеніе, ссорились и отдѣлялись другъ отъ друга. Могли быть и другія причины, приведшія поселенія къ внутренней разрозненности, ибо трудно, почти невозможно слѣдить за развитіемъ быта въ эти отдаленныя времена, отъ которыхъ дошли до насъ одни скудныя, отрывочныя извѣстія, когда это такъ не легко и въ ближайшія эпохи. Мало по малу внутренняя разрозненность поселеній повлекла за собою важныя измѣненія въ ихъ быту и устройствѣ.

Мы видѣли, что главами поселеній были сначала старшіе по роду и лѣтамъ; потому они и назывались старѣйшинами; по смерти одного мѣсто его заступалъ старшій по немъ. Но когда народонаселеніе усилилось, семьи и линіи въ одномъ поселеніи размножились, появилось много старшихъ родовъ и лѣтами, а кто изъ нихъ старѣе не возможно было опредѣлить, — стали избирать старѣйшинъ.

Съ перваго взгляда это измѣненіе кажется неважнымъ; но оно предполагало существенную перемѣну въ прежнемъ бытѣ. Въ немъ, въ этомъ измѣненіи, обнаружилось, что поселенія, внутри себя, распались на частныя, тоже семейныя союзы. Какъ прежде племена разъединялись, такъ и семьи въ поселеніяхъ. Только условія послѣдняго распада были неодинаковы съ первымъ. Племена были разбросаны на большомъ пространствѣ; имъ можно было забыть и не знать другъ друга. Напротивъ, въ поселеніяхъ семьи жили рядомъ, на небольшомъ клочкѣ земли; забыть и не знать другъ друга онѣ не могли; связи и отношенія между ними необходимо поддерживались, но онѣ не были уже только дружественныя. Особенности интересовъ производили между ними непріязненныя столкновенія, въ поселеніяхъ неурядица и несогласія. Лице старѣйшины должно

было вырости, характеръ его власти измѣнился. Оставаясь по прежнему патріархальной, она начинаетъ получать легкій, едва замѣтный юридическій оттѣнокъ, какъ и отношенія семей, составляющихъ поселеніе. Необходимость внутренней тишины и порядка принуждаетъ поселенія прибѣгать, при несогласіяхъ, къ ихъ собственному главѣ — старѣйшинѣ. Они отдаются на его судъ и приговоръ. Онъ становится посредникомъ, миротворцемъ и судьей въ поселеніи, лицомъ необходимымъ и еще болѣе важнымъ, чѣмъ былъ прежде.

Возрастающее значеніе старѣйшинъ было признакомъ возрастающей разрозненности семей. Каждая болѣе и болѣе начинаетъ погружаться въ свои особенные интересы, внутри себя жить своею особенною жизнью, точно такую же, какою жило сначала цѣлое поселеніе. Въ этихъ семьяхъ тотъ же семейный, родственныи бытъ, связи и кровное единство, такой же старѣйшина по роду и лѣтамъ. Общія потребности еще поддерживаютъ связи между семьями. О важнѣйшихъ дѣлахъ, которыя до всѣхъ ихъ касаются, старѣйшина поселенія совѣщается съ ихъ старѣйшинами. Съ болѣею ослабленіемъ единства поселенія, котораго старѣйшина былъ представителемъ, семьи мало по малу становятся главными дѣятелями, и власть ихъ общаго старѣйшины ослабѣваетъ. Образуются въ поселеніяхъ общія совѣщанія — вѣча (отъ вѣщать), такія же неопредѣленныя, юридически неустановленныя собранія, какъ и весь тогдашній бытъ. То были сходбища семей для общаго совѣщанія, — праматери теперешнихъ крестьянскихъ сходокъ, и столько же неправильныя.

Мало по малу семьи привыкаютъ, несмотря на внутреннюю разрозненность, всѣ важныя и общія дѣла дѣлать вмѣстѣ, поговоря между собою. Поселенія становятся общинами. Нѣкоторыя изъ нихъ для защиты отъ внѣшнихъ враговъ строятъ ограды и получаютъ названіе городовъ; но внутреннее

устройство всѣхъ общинъ по прежнему совершенно одинаково, ибо та же основа во всѣхъ.

Дальнѣйшее развитіе общиннаго быта состояло въ большемъ и большемъ его распаденіи. По мѣрѣ того, какъ возрастала особенность семей, и онѣ вживались въ свои особенные интересы, единство общинъ продолжало ослабѣвать. Власть изъ рукъ общинныхъ старѣйшинъ переходить къ главамъ семействъ, къ старѣйшинамъ отдѣльных, родственныхъ союзовъ. Наконецъ, первые исчезаютъ и избираются только въ случаѣ войны или опасности. Ихъ мѣсто заступаютъ вѣчевыя собранія. Въмѣсто одного главы въ общинахъ появляются многіе главы — старѣйшины надъ семьями. Непріязненные столкновенія между ними, ссоры и вражды — неминуемы. Открываются нескончаемыя усобицы, внутреннія волненія въ общинахъ. Это-то состояніе и описываетъ лѣтописецъ словами: «не было у нихъ правды и всталъ родъ на родъ; были у нихъ усобицы, и начали они воевать другъ противъ друга».

Какъ развивался общинный бытъ, такъ въ незапамятныя времена и въ огромныхъ размѣрахъ развивался бытъ племенной. Мы можемъ судить объ этомъ по разительному сходству племеннаго устройства съ общиннымъ. Общины, принадлежавшія къ одному племени, собирались на племенные вѣча. Были и племенные старѣйшины — князья; но какъ въ общинахъ, они не вездѣ удержались.

Когда общинный бытъ совершенно разрушился и семьи стали дѣйствовать независимо, свободно, вся власть перешла къ нимъ. За обиду онѣ удовлетворяли себя сами; споръ рѣшался боемъ или отдавался на судъ выборныхъ посредниковъ. Такъ появилась кровная месть, поединки, цѣловальники, или присяжные. Нѣкоторыя семьи, по богатству, извѣстности, талантамъ и другимъ причинамъ, возвысились надъ прочими; появилось различіе между знатными и незнатными,

которое обозначалось все болѣе и болѣе. Такъ развивался древнѣйшій общественный бытъ русскихъ Славянъ, — у однихъ племенъ скорѣе, у другихъ медленнѣе; у однихъ послѣдовательнѣе, полнѣе и рѣзче, чѣмъ у другихъ; но главныя черты этого развитія тѣ же у всѣхъ. Оно постепенно вело Россію къ большому и большому разьединенію. Политическое единство цѣлаго русско-славянскаго племени было уже утрачено; единство внутри племенъ исчезало. Даже общины, вслѣдствіе этого развитія, распадались на свои составныя части; процессу разложенія не предвидѣлось конца.

Въ это время возникаетъ въ Россіи новый порядокъ вещей, принесенный извнѣ.

Въ половинѣ IX вѣка на сѣверномъ краю ея совершилось важное, многозначательное событіе. Нѣсколько племенъ, истерзанныхъ внутренними смутами, отсутствіемъ порядка и устройства, рѣшились власть надъ собою отдать чужеземцу: явленіе не столько загадочное, какъ кажется съ перваго взгляда. Кровный бытъ не можетъ развитъ общественнаго духа и гражданскихъ добродѣтелей. Взаимныя зависти мѣшали племенамъ рѣшиться на выборъ начальника, старѣйшины, князя изъ своей среды, и они, чувствуя необходимость власти, невозможность самимъ управляться, лучше хотѣли подчиниться третьему, постороннему, равно чуждому для всѣхъ. Особенныя, частныя причины склонили ихъ выборъ на Варяговъ. По призыву союзныхъ племенъ, является въ Россію воинственная дружина, подъ предводительствомъ вождей, которыхъ наши предки по-своему называютъ князьями. О происхожденіи этой дружины и до сихъ поръ спорять. Несомнѣннымъ кажется, что преобладающіе въ ней элементы были германскіе. Едва перешедши на новую почву, она начинаетъ воевать на право и на лѣво, покорять окрестныя племена и угнетать призваншія. Подъ начальствомъ втораго своего предводителя, Олега, она

оставляетъ сѣверъ Россіи и переходитъ на югъ, продолжая дѣло завоеванія и покоренія и восполняя свои ряды подвластными племенами; нѣкоторыя поддаются ей добровольно. Такъ длится слишкомъ сто лѣтъ. Во всѣхъ дѣйствіяхъ Варяговъ въ ихъ новомъ отечествѣ проглядываютъ суровые побѣдители, равнодушные къ призвавшему и покоренному народу, страстные къ войнѣ, жаждавшіе добычи. Воинственный духъ заставляетъ ихъ искать новыхъ завоеваній, ведетъ къ стѣнамъ Византіи, и полу-Варягъ, полу-Славянинъ Святославъ еще мечтаетъ навсегда поселиться въ Болгаріи. Гдѣ дружинѣ было лучше, тамъ и было ея отечество.

Изъ русско-славянскихъ племенъ, волей и неволей покорившихся дружинѣ, образуется сильное, обширное государство; но устройство его носить на себѣ не-славянскій отпечатокъ; кажется, оно было феодальное. Если этого не видно изъ словъ лѣтописца, что предводители варяжской дружины сажали своихъ мужей въ покорившихся или покоренныхъ городахъ, — словъ, которыя, впрочемъ, подлежатъ различному толкованію, — то это болѣе нежели вѣроятно изъ того, что Рогвольдъ и Туръ имѣли свои наслѣдственные владѣнія; что въ договорѣ Олега и особенно Игоря говорится о состоящихъ подъ ихъ рукою свѣтлыхъ князьяхъ въ русской землѣ, изчисляются ихъ имена, всѣ не-славянскія, посылаются отъ нихъ послы вмѣстѣ съ послами Олега и Игоря, и выговаривается на ихъ часть контрибуція у Грековъ.

Каковы бы ни были Варяги, пришедшіе къ намъ, ихъ значеніе въ русской исторіи весьма важно. Они принесли съ собою первые зачатки гражданственности и политическаго, государственнаго единства всей русской земли. Мы совсѣмъ не хотимъ этимъ сказать, что безъ нихъ и то и другое было бы невозможно; мы говоримъ о фактахъ, какъ они были. Со времени Варяговъ появляются въ Россіи элементы, ей до того со-

вершенно неизвѣстные. Она была раздроблена; Варяги соединяютъ ее въ одно политическое тѣло. Первая идея государства на нашей почвѣ имъ принадлежитъ. Они приносятъ съ собою дружину, учрежденіе не русско-славянское, основанное на началѣ личности и до того чуждое нашимъ предкамъ, что въ ихъ языкѣ нѣтъ для него даже названія; ибо мы по привычкѣ называемъ его дружиной; но это слово не вполне соотвѣтствуетъ значенію германскаго учрежденія, придавая ему какой-то частный, домашній, полу-семейный оттѣнокъ, какой дружины дѣйствительно получили у насъ въ послѣдствіи, но котораго не могли имѣть сначала. Варяги приносятъ съ собой право князя наследовать послѣ смерда-поселянина и новую систему управленія, неизвѣстную семейно-общинной до-варяжской Руси. Эта система строга, убыточна, раззорительна для подданныхъ. Она совершенно равнодушна къ управляемымъ, противопоставляетъ ихъ интересы интересамъ правителя, его обогащеніе поставяетъ главною цѣлью и рѣзко выдвигаетъ его лице изъ среды подвластныхъ. Наконецъ, Варягамъ принадлежитъ начало виръ, или денежныхъ платъ за преступленія въ Россіи; названіе и числовое сходство съ германскими вирами обличаютъ въ нашихъ вирахъ не славянское происхожденіе. •

Не прошло вѣка — и Варяги начали терять свою національность. Въ Святославѣ подъ варяжскими формами уже виднѣтъ Славянинъ. Частыя сношенія съ Варягами, прибытіе въ Россію новыхъ сѣверныхъ дружинниковъ и выходцевъ, долго поддерживали національную особность нашихъ властителей; но въ княженіе Ярослава Варяги сливаются съ русскими Славянами, перестаютъ отъ нихъ отличаться и совершенно подчиняются туземному русско-славянскому элементу. Говорится еще въ лѣтописяхъ о Варягахъ внѣ русской земли; о славяно-русскихъ Варягахъ не упоминается болѣе ни слова.

Но вдругъ не могъ совершенно исчезнуть варяжскій элементъ: слѣды его остались. Около двухъ вѣковъ Варяги были главными дѣятелями въ нашей исторіи, основали у насъ государство, и все это время стояли во главѣ его; естественно, что ихъ учрежденія долго сохраняли печать своего историческаго происхожденія. Только вмѣстѣ съ Варягами и онѣ обрусьли въ послѣдствіи такъ, что, не зная мы ничего о варяжскомъ періодѣ, мы бы и не заподозрили, что они не русскіе.

При Ярославѣ Великомъ исчезли Варяги: съ его времени начинаетъ преобладать русско-славянскій элементъ. Перерванная нить нашего національнаго развитія подымается опять, съ той точки, на которой оно остановилось передъ пришествіемъ дружины. Но отнынѣ оно не ограничивается однимъ общиннымъ, частнымъ, домашнимъ бытомъ: оно обхватываетъ собою и государственный бытъ, созданный чужеземцами и вмѣстѣ съ ними подчинившійся вліянію туземнаго элемента.

Передъ прибытіемъ Варяговъ семьи начинали становиться главными дѣятелями въ нашемъ внутреннемъ бытѣ. Единство внутри племенъ и общинъ падало. Но и семьямъ предстоялъ тотъ же путь. Подобно имъ, и онѣ должны были размножиться и обратиться наконецъ въ многовѣтвистые роды, а роды со временемъ распасться на свои составныя части и утратить сознаніе своего внутренняго, кровнаго единства. Такъ и было. Въ лицѣ потомства Ярослава Великаго, или, правильнѣе, Владиміра, выступаетъ на сцену историческаго дѣйствованія семья, разросшаяся потомъ въ цѣлый родъ. Конечно, она не была единственная въ тогдашней Руси; были и другія; но ихъ судьбы терялись въ массахъ народа, и покрыты мракомъ. Не то представляетъ княжескій родъ Владиміровъ. Онъ дѣйствуетъ въ высшей, государственной сферѣ; онъ одинъ; онъ всегда на виду. Обладая Россіей, онъ управляетъ его исторіей. Оттого мы на немъ можемъ подробно изучать

постепенное развитіе семьи и рода, законы этого развитія и необходимый его исходъ. Весь нашъ государственный бытъ, отъ Ярослава до усиленія Москвы, есть исторія развитія родового начала, предоставленнаго самому себѣ; исторія его постепеннаго разложенія и упадка.

Ярославъ, князь чисто русскій, первый задумалъ основать государственный бытъ Руси и утвердить ея политическое единство на родовомъ началѣ. Такая мысль, въ его время, была естественна. Феодальный порядокъ не могъ укорениться на нашей почвѣ, и исчезъ вмѣстѣ съ Варягами. Оставалось построить государство по началамъ туземнымъ, до которыхъ тогда развился нашъ древній бытъ. Такимъ началомъ было начало семьи, рода. Къ нему и прибѣгнулъ Ярославъ Великій.

Вся Россія должна была принадлежать одному княжескому роду. Каждый князь, членъ рода, получилъ свою часть; на какомъ основаніи онъ владѣлъ ею — неопредѣлено. Старшій въ родѣ, ближайшій по рожденію къ родоначальнику, долженствовалъ быть главнымъ, первымъ между князьями, великимъ. Ему, какъ старшему, подчинены всѣ прочіе князья въ ихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ между собою. Онъ былъ представителемъ единства княжескаго рода, главою всѣхъ князей и вмѣстѣ представителемъ политическаго единства Руси. Его мѣстопробываніемъ былъ Кіевъ, резиденція Ярослава и его предковъ. Открывался періодъ удѣловъ.

Государственная система Ярослава очевидно была неполна и слишкомъ неопредѣленна. Множество вопросовъ, возникшихъ потомъ, она оставила не разрѣшенными. Но не должно забывать, что въ его время родовое начало не было еще обработано юридически, подробно, какъ въ послѣдствіи, когда оно, утративъ жизнь, обратилось въ матеріалъ для многосложной и утонченной казуистики. Кромѣ того, основное ея начало было

непрочно; рано или поздно, она должна была разрушиться сама собою.

Вскорѣ послѣ смерти Ярослава, когда удѣльный періодъ только что начинался, возникло колебаніе между территоріальнымъ началомъ и личнымъ, родовымъ и семейнымъ, колебаніе, которое окончилось разрушеніемъ политическаго единства Россіи. О томъ и другомъ мы скажемъ особливо.

По завѣщанію Ярослава, всѣ сыновья его (кромѣ послѣдняго — малолѣтняго) получили по удѣлу. Старшему достался Кіевъ, и каждый старшій въ княжескомъ родѣ имѣлъ право владѣть имъ. Чрезъ это Кіевъ дѣлался старшимъ, первымъ между удѣльными городами древней Руси. Такъ начало старшинства между князьями переходило и на территорію. Если Кіевъ былъ удѣломъ старшаго, то Переяславль долженъ былъ сдѣлаться удѣломъ старшаго по немъ, ибо онъ достался второму сыну Ярослава; Черниговъ — третьяго, потому что онъ отданъ былъ Ярославомъ третьему сыну, и т. д. Словомъ, іерархія кровнаго старшинства должна была сообщиться землѣ, и породить іерархію территоріальнаго или городского старшинства. Послѣдняя, утвердившись, могла бы поддержать политическое единство Россіи, ибо сама по себѣ она, однажды установленная, была неподвижна и прочна. Но ее создала первая, которая, безпрестанно измѣняясь съ смертію и рожденіемъ князей, влекла за собою и территоріальное устройство. Сначала, когда великій или другой князь умиралъ, происходило перемѣщеніе всѣхъ князей изъ удѣла въ удѣлъ, для уравниванія кровнаго и городского распорядка. Но равновѣсіе не могло долго продолжаться. Увеличеніе и уменьшеніе числа князей его нарушало; это должно было дать перевѣсъ началу личному. Появились безпрестанно новые дѣлежи Россіи. Начало территоріальное уступило личному. А тогдашнее личное начало, въ противоположность территорі-

яльному, не могло упрочить государственной цѣлости Россіи. Его представлялъ родъ. Но законъ развитія рода — распаденіе, уничтоженіе единства. Едва успѣли обозначиться линіи — ближайшее потомство родоначальника, — какъ онѣ начали уже забывать свое кровное единство, общее происхожденіе и стали преслѣдовать свои частныя, особенныя цѣли, основываясь на правахъ ихъ ближайшаго предка, а не общаго родоначальника. Частный, болѣе тѣсный кровный союзъ исключалъ общій, обнимавшій всѣхъ членовъ. Такъ, по началу родовому, которое должно было поддерживать единство Россіи и княжескаго рода, послѣ общаго родоначальника старшимъ былъ его старшій сынъ, потомъ второй, потомъ третій и т. д. Послѣ этого перваго, ближайшаго потомства родоначальника, старшинство переходило къ старшему внуку (старшему сыну старшаго сына) родоначальника, потомъ ко второму, потомъ къ сыновьямъ втораго родоначальника по старшинству рожденія и т. д. По другому началу, которое мы, въ отличіе отъ родового, будемъ называть семейственнымъ, старшій внукъ родоначальника (старшій сынъ старшаго сына), основываясь на ближайшихъ интересахъ семьи, къ которой онъ принадлежалъ, и не думая о далекихъ для него интересахъ цѣлаго рода, старался присвоить себѣ права, принадлежавшія его отцу, и не обращалъ вниманія на права старшаго дяди, основанныя на родовомъ началѣ. Между обоими этими взаимно исключаящими, враждебными началами — родовымъ и семейственнымъ, отчиннымъ, рано произошло колебаніе, которое, по закону распада кровнаго быта, должно было окончиться побѣдою послѣдняго надъ первымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить и политическое единство Россіи, основанное на единствѣ княжескаго рода и такъ неразрывно съ нимъ связанное.

Удивительное зрѣлище представляетъ западная, особенно югозападная Россія въ первую половину періода удѣловъ, до

исхода XII вѣка! Вся она покрыта русско-славянскими общинами, по прежнему земледѣльческими и торговыми, изъ которыхъ многія были многолюдны и уже достигли высокой степени процвѣтанія. Вѣковыя преданія, семейно-общинное устройство и быть живутъ въ нихъ. Самое племенное устройство еще не совсѣмъ исчезло; временами ярко оживаетъ о немъ воспоминаніе. Надъ этимъ первобытнымъ, патріархальнымъ міромъ носится другой міръ — странное сліяніе элементовъ, столько противоположныхъ, варяжскаго и русско-славянскаго — міръ князей-витязей, въ которыхъ течетъ еще варяжская кровь; міръ дружинъ, еще являющихъ живые слѣды своего не славянскаго происхожденія, міръ кровавыхъ битвъ, борьбы и безпокойной дѣятельности. Княжескій родъ, выдающійся надъ русскою землею, представляется оторваннымъ отъ родимой почвы и неимѣющимъ постояннаго мѣста; кругъ его дѣятельности очерченъ; въ немъ онъ вращается; его члены разрознены, переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного края въ другой, далекій, съ нетвердымъ сознаніемъ своихъ взаимныхъ кровныхъ отношеній. Въ лицѣ первыхъ князей русско-славянскій міръ какъ будто готовится освободить себя отъ ига природы и дать просторъ личности ослабленіемъ кровнаго союза.

Взглядъ княжескаго рода на Россію — какое-то сліяніе славяно-русскаго и варяжскаго элементовъ. Мысль о ея единствѣ, нераздѣльности какъ государства, странно существуетъ подлѣ мысли, что она — наслѣдственное, вотчинное достояніе княжескаго рода и, слѣдовательно, дѣлима, какъ частное имѣніе. На княжескихъ дружинахъ — та же печать. Дружинное начало поддерживаютъ, въ періодъ удѣловъ, старый варяжскій обычай, воинственный духъ князей, ихъ безпрестанные переходы изъ княжества въ княжество, изъ общины въ общину, борьба родового начала съ семейственнымъ. Составъ дружинъ самый разнообразный, разноплеменный, разнохарактерный.

Все равно, кто служить, лишь бы служилъ вѣрно: Торкъ, Венгръ, Печенѣгъ, Славянинъ — какое дѣло князю? Но преобладающій элементъ въ составѣ дружинъ долженъ былъ быть русско-славянскій. Естественно, что въ ихъ рядъ вступала вся удалая часть туземнаго населенія, пробужденная отъ покоя патріархальной жизни и ринутая въ тревожную дѣятельность надеждою добычи и приключеній. Съ другой стороны, семьи и роды, выдававшіеся въ общинахъ надъ остальными жителями, занимавшіе высшее мѣсто въ общественномъ быту, должны были наконецъ сгруппироваться около князей — вершинъ общественной іерархіи. И тѣ и другіе внесли въ чисто личный, договорный характеръ дружинъ элементы семейной, патріархальной жизни. Для русскаго Славянина съ мыслью о князѣ необходимо соединялось представленіе о начальникѣ рода, племени: таковъ былъ кругъ понятій, въ которомъ онъ выросъ и который онъ переносилъ съ собою всюду. Оттого, сдѣлавшись дружинникомъ, онъ становился къ князю въ отношенія полу-договорныя. Обрусьвшій князь, начальникъ дружины, выросшій въ патріархальной средѣ, то же не могъ пребывать въ однихъ чисто личныхъ, договорныхъ отношеніяхъ къ своей дружинѣ: онъ былъ ея начальникомъ и вмѣстѣ становился ея отцомъ и братомъ. Такъ князь и его сподвижники начали представлять собою военное учрежденіе, переложенное на семейные нравы.

Сначала князя, полу-правителя, полу-вотчинники, по понятіямъ народа преемники прежнихъ племенныхъ и общинныхъ старѣйшинъ, жили между собою согласно. Но не долго. Семейственное начало, разлагающее родъ, рано начало высказываться. Дяди обдѣляли племянниковъ въ пользу своихъ сыновей, племянники возставали на дядей, сыновья присвоивали себѣ достоинство и владѣнія отцовъ, на которыя предъявляли свои права старшіе родичи. Когда, такимъ образомъ, един-

ство княжескаго рода, находившее менѣе поборниковъ, было поколеблено, вопросъ о старшинствѣ между всѣми князьями сталъ спорнымъ, а съ нимъ стало спорнымъ и право владѣть Кіевомъ. Начались непрерывныя войны, которыми рѣшалась борьба двухъ враждебныхъ началъ семьи и рода. Ихъ предметомъ были Кіевъ или удѣлы. Долго сохранялъ первый въ глазахъ князей значеніе политическаго центра Россіи; долго съ его обладаніемъ соединялась мысль о власти надъ прочими князьями. Но съ упадкомъ единства княжескаго рода эта власть болѣе и болѣе становилась призракомъ. Тогда въ княжескомъ родѣ повторилось то же явленіе, которое представляетъ развитіе общинъ: мало по малу видимый представитель единства сталъ простымъ княземъ. Члены княжескаго рода начали съ общаго согласія рѣшать дѣла, которыя касались до всего княжескаго рода и Россіи. Появляются съѣзды князей, которые въ исторіи рода соотвѣтствуютъ вѣчамъ въ исторіи общинъ. Но и съѣзды не могутъ поддержать единства распадающагося рода. Они только обнаруживаютъ слабость великихъ князей и еще разъ высказываютъ начало семейственное, враждебное роду. Тщетно Владиміръ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ Великій стараются возсоздать политическую систему Ярослава. Пока они живы, она держится, но не собственными силами, а личными достоинствами и доблестями этихъ князей. Когда ихъ не стало, опять обнаружилась вся ея несостоятельность, еще съ большей силой, чѣмъ прежде; ибо Владиміръ Мономахъ и Мстиславъ, возстановляя прежнее, сами дѣйствовали подъ Вліяніемъ вотчиннаго начала, и въ новомъ устройствѣ Россіи дали первенство потомству Всеволода надъ прочими линіями Владимірова княжескаго рода: это вызвало ненависть послѣднихъ, особенно Святославичей. Ожесточенная борьба Ольговичей и Мономаховичей показала, что единство княжескаго рода навсегда утрачено.

Въ продолженіи этихъ неумолкающихъ битвъ и частыхъ переходовъ князей на время оживаетъ сначала дремлющее и постепенно распадающееся, потомъ сокрытое отъ насъ варяжскимъ слоємъ — общинное начало. Мы видѣли, что само въ себѣ оно не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Оно клонилось все болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ, первомъ, необходимомъ условіи всякой гражданственности, а покоилось на началѣ кровномъ, которое, отрицая себя, отрицало и древній общинный бытъ. Но перенесенныя въ міръ безконечныхъ войнъ, всегда окруженныя опасностями, общины невольно должны были выступить на поприще политической дѣятельности. Эта дѣятельность вообще слаба, болѣе отрицательна, но тѣмъ не менѣе замѣтна. Часто мѣняя владѣнія, переходя изъ мѣста въ мѣсто, князья не могли имѣть однихъ интересовъ съ общинами. Первые, съ малыми исключеніями, равнодушно смотрѣли на послѣднія. Отсюда — угнетенія и насилія со стороны князей и ихъ дружинъ. Имъ были нужны деньги и войско; прочее ихъ мало заботило. За битвой и побѣдой слѣдовалъ грабежъ, опустошеніе областей побѣжденнаго князя. Все это должно было наконецъ нарушить совершенное бездѣйствіе общинъ. Онѣ почувствовали необходимость внутренняго единства, сомнѣности, и приняли оборонительное положеніе. Не способныя жить безъ князя, онѣ, разумѣется, желали себѣ князей, отличившихся гражданскими и воинскими доблестями, которые, управляя ими безъ насилія, могли, въ случаѣ нужды, защищать ихъ отъ безпрестанныхъ, разорительныхъ набѣговъ. Истощеніе и ослабленіе князей дало общинамъ возможность осуществлять это желаніе. Онѣ обладали средствами для войны, онѣ были цѣлью вѣчныхъ распрей между князьями. Оттого онѣ мало по малу стали выбирать себѣ князей, призывать и изгонять ихъ, заключать съ ними ряды или условія. Вѣча получили тогда большую власть, и звонъ вѣчевыхъ коло-

коловъ часто раздавался въ Россіи. Возвратились опять времена избранія старѣйшинъ въ лицѣ князей. И точно, въ предпочтеніи извѣстныхъ княжескихъ династій другимъ, въ отношеніяхъ общинъ къ князьямъ, видны глубокіе слѣды исключительно патріархальнаго, до-варяжскаго быта первыхъ.

Особенно развились общины на сѣверѣ. Между ними первое мѣсто занимаетъ Новгородъ.

Тѣ же самыя причины, которыя возбудили дѣятельность общинъ въ тогдашней Россіи, благопріятствовали и Новгороду. Но къ нимъ присоединились еще и другія, не менѣе важныя: географическое положеніе на торговомъ пути сдѣлало Новгородъ центромъ промышленности и торговли, и рано развило въ немъ общинный духъ. Оттого Новгородцы не ладили съ своейвольной варяжской дружиной, не терпѣли ея насилій, и когда она удалилась на югъ, можетъ-быть, столько же манимая Византіей, сколько тревожимая Новгородцами, имъ стало свободнѣе дышать, чѣмъ остальной Россіи: гордое требованіе князя у Святослава, кровавая месть надъ Варягами при Ярославѣ, доказываютъ это. Когда насталъ періодъ удѣловъ, право ставить князя въ Новгородѣ удержалось за княземъ киевскимъ. За каждой смѣной послѣдняго слѣдовала смѣна и новгородскаго князя. Такъ ни одна княжеская династія не могла въ немъ окрѣпнуть и утвердиться. Наконецъ, вниманіе борющихся князей отвлечено было на юго-западъ Россіи, къ Кіеву — солнцу періода удѣловъ, послѣдней цѣли всѣхъ честолюбивыхъ стремленій. Новгородъ остался внѣ этого движенія; его не коснулись опустошительныя войны; ему не надобно было нѣсколько разъ возставать изъ развалинъ, какъ прочимъ общинамъ древней Россіи: съ самаго начала его общинный бытъ и сохранился и поддерживался.

Подобно прочимъ общинамъ, Новгородъ не замедлилъ воспользоваться возможностью избирать своихъ князей. Но его

положеніе и историческія обстоятельства дали ему средства удержать за собою эту привилегію и обратить ее въ право, которымъ онъ почти неограниченно пользовался до самаго конца своего политическаго существованія.

На Новгородъ долго смотрѣли, какъ на какое-то странное исключеніе изъ жизни древней Россіи. Объяснить его старались иноземнымъ вліяніемъ. Теперь, когда старая Русь сдѣлалась извѣстнѣе, этотъ историческій предразсудокъ мало по малу исчезаетъ. Все внутреннее новгородское устройство говоритъ противъ него. Въ этомъ устройствѣ нѣтъ ни одной нерусской, не славянской черты. Новгородъ — община въ древне-русскомъ смыслѣ слова, какими были болѣе или менѣе и всѣ другія общины; только особенныя историческія условія дали формамъ ея рѣзче обозначиться, продлили гораздо долѣе ея политическое существованіе. Новгородъ остался для насъ образцомъ первоначальнаго, русско-славянскаго общиннаго быта. Въ его внутреннемъ устройствѣ мы открываемъ ту же неопредѣленность, то же отсутствіе твердой, юридической, на началѣ личности созданной общественности, которыя характеризуютъ нашу древнюю внутреннюю жизнь.

Новгородъ состоялъ изъ множества общинъ; каждая изъ нихъ имѣла, въ главныхъ чертахъ, одинаковое устройство съ цѣлою новгородскою общиною. Въ послѣдней верховная власть находилась въ одно и то же время въ рукахъ князя и вѣча. По существу своему противоположные, оба живутъ рядомъ, другъ возлѣ друга, и ничѣмъ неопредѣлены ихъ взаимныя отношенія. Постояннаго государственнаго устройства нѣтъ: новый князь — новыя условія. Они сходны; но потому, что они условія, они изобличаютъ отсутствіе яснаго сознанія о государственномъ бытѣ. Князь избирается Новгородомъ; онъ отъ него зависитъ и всегда можетъ быть удаленъ изъ общины, когда имъ недовольны. Власть его ограничена въ частностяхъ, не опредѣлена

въ сущности. Исторія родила къ ней недовѣріе Новгородцевъ: отсутствіе государственныхъ идей мѣшало схватить ее въ опредѣленныхъ юридическихъ формахъ. Въ свою очередь, и вѣче представляетъ совершенно неопредѣленное народное собраніе. Дѣла рѣшались не по большинству голосовъ, не единогласно, а какъ-то совершенно неопредѣленно, сообща. Живую картину его и теперь еще представляютъ крестьянскія сходки. Несогласные съ толпой подвергались народной мести; ихъ убивали или бросали въ Волховъ; имущество ихъ предавалось разграбленію. Обыкновенно вѣче бывало одно; но иногда ихъ бывало и два, враждебныхъ между собою. Главные новгородскіе сановники — посадники и тысяцкіе были когда-то княжескіе чиновники, но потомъ, вмѣстѣ съ княземъ, стали выборными. Какъ во всякой древней русской общинѣ, въ Новгородѣ были бояре и смерды, старшіе и младшіе. Но какова была новгородская аристократія, мы незнаемъ; знаемъ только, что въ послѣднее время она играла важную роль.

Свою власть и свои отношенія къ другимъ Новгородъ признавалъ въ тѣхъ же формахъ, въ какихъ и князья: онъ былъ господиномъ и государемъ, съ городами считался братствомъ. Подобно князьямъ, онъ управлялъ своими областями, которыя не принимали участія въ его политическомъ устройствѣ (исключая, можетъ-быть, той части новгородской территоріи, которая изначала была заселена однимъ племенемъ); жителей этихъ областей называлъ своими смердами, посылалъ ими править своихъ посадниковъ и собиралъ съ нихъ дань и войско.

Отношенія Новгорода къ остальной Россіи опредѣлялись его характеромъ и исторіей. Онъ былъ на краю Россіи, далеко отъ театра вѣчныхъ войнъ и раздоровъ. Торговля отвлекла всю его дѣятельность и вниманіе за море. Сдѣлавши его богатымъ и сильнымъ, она дала ему возможность быть всегда въ

оборонительномъ положеніи въ отношеніи къ князьямъ, ослабленнымъ междоусобіями, говорить съ ними смѣло и оружіемъ поддерживать слова. Поэтому князья должны были избрать себѣ другую цѣль, обратиться въ другую сторону. Новгородъ былъ какъ бы торговая волость, забытая и оставленная помѣщикомъ: богатая и сильная, потому что оставлена, оставляемая, потому что была сильна и богата и никому не поддавалась. Имѣя совершенно разные интересы съ остальной Россіей, но связанный съ ней сосѣдствомъ, языкомъ, вѣрой и преданіями, Новгородъ всячески старался избѣгать непріязненныхъ съ нею столкновеній, тонко и искусно лавировалъ между перекрещивающимися интересами князей, чтобъ не вызвать изъ ихъ среды сильнаго врага. Покуда князья еще кочевали изъ города въ городъ, это до нѣкоторой степени было возможно; но когда ихъ переходы кончились и появились княжества, болѣе или менѣе сильныя, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ Новгорода, ему пришлось плохо. Рано завидѣлъ онъ возрастающую опасность. Сначала онъ все еще дѣйствовалъ уклончиво, потомъ, тѣснимый, старался по крайней мѣрѣ не дать усилиться ни одному изъ сосѣднихъ княжествъ и держалъ сторону слабыхъ противъ сильныхъ. Но когда Московское взяло рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми другими, послѣдній часъ Новгорода пробилъ. Иоаннъ III только совершилъ то, что было издавна задумано и приготовлено его предшественниками.

Въ судьбахъ Новгорода много страннаго, особеннаго. Его существованіе не прекратилось само собою, но насильственно прервано — жертва сколько идей, столько же и физическаго возрастанія и сложенія московскаго государства. Мы не можемъ о Новгородѣ сказать, какъ о древней Руси передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать какъ исчезнуть. Незадолго передъ уничтоженіемъ его самостоятельности, въ немъ обнаружилось

какое-то неясное стремление идти по тому же пути, по которому великій преобразователь, через два съ половиной вѣка, повелъ всю Россію — удивительное сближеніе, много говорящее и въ пользу переворота, совершеннаго Петромъ, и въ пользу Новгорода. Какой особенный оттѣнокъ получила бы реформа древней русской жизни въ Новгородѣ, какіе были бы результаты ея на почвѣ, столько различной отъ московской по исторіи и общественному быту, мы не знаемъ и не беремся рѣшить. Въ лицѣ Новгорода претѣкъ неразвившійся, особенный способъ или видъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ. Одно можно сказать съ достовѣрностью: своимъ долгимъ существованіемъ Новгородъ вполне изчерпалъ, вполне развилъ весь исключительно-національный общинный бытъ древней Руси. Въ новгородскомъ устройствѣ этотъ бытъ достигъ своей апогеи, дальне которой не могъ идти. Мы видѣли, каковъ онъ былъ, этотъ бытъ, и какъ мало было въ немъ зачатковъ гражданственности, твердаго прочнаго государственнаго устройства.

Тогда какъ на сѣверѣ община усиливалась и прибирала власть къ своимъ рукамъ, въ остальной Россіи нарождался новый порядокъ вещей. Политическая система, основанная Ярославомъ, которой шаткость обнаружилась съ самаго начала, привела наконецъ совершенное уничтоженіе государственнаго единства Россіи. Долго еще манилъ Кіевъ честолюбіе князей и собиралъ ихъ вокругъ себя; но въ предѣлахъ прежней Руси имъ становилось тѣсно. Владиміръ Мономахъ отдалъ въ удѣлъ одному изъ младшихъ своихъ сыновей, Георгію Долгорукому, отдаленный Суздаль. Въ этой малолюдной странѣ суздальскій Юрій строить города, переселяетъ туда жителей, населяетъ пустыни. Привязанный къ юго-западной Руси, цѣли всѣхъ русскихъ князей, невольный изгнанникъ въ далекомъ краю, младшей изъ всѣхъ, Долгорукій окружаетъ себя вос-

поминаніями. Онъ устроиваетъ свой удѣлъ по образцу, съ которымъ не разставалась его мысль; на новую почву онъ переноситъ названія окрестностей кievскихъ. Кіевъ былъ еще для него тѣмъ же, чѣмъ и для другихъ удѣльныхъ князей со временъ Ярослава; онъ всячески добивается чести быть великимъ княземъ кievскимъ, мнимую главою прочихъ князей, мнимую главою Россіи; всю жизнь свою преслѣдуетъ эту цѣль, и наконецъ достигаетъ, не задолго до смерти.

Совершенно иначе дѣйствуетъ уже сынъ и преемникъ его въ суздальской области — Андрей Боголюбскій. Онъ выросъ и воспитанъ далеко отъ Кіева; Кіевъ для него не то, что былъ для его отца, Юрія. На западную и юго-западную Русь онъ смотритъ, какъ на владѣнія. Воспоминанія не связываютъ его съ ними; сердце его лежитъ къ суздальской области. Оттого ему здѣсь хорошо; онъ не думаетъ переехать въ Кіевъ, и сѣсть на велико-княжескій престолъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его глазахъ, не отуманенныхъ историческими предразсудками, что было кievское велико-княжеское достоинство? — пустой титулъ, не дававшій никакой власти. Если Андрей не понималъ этого отчетливо, то онъ такъ чувствовалъ: въ 1169 году, взявши Кіевъ приступомъ, онъ отдалъ его въ управленіе брату своему Глѣбу, а самъ остался жить во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Съ этого времени все начинаетъ принимать у насъ новый видъ. Сознаніе родового единства между князьями давно уже совершенно исчезло, а съ нимъ мало по малу и послѣдній признакъ политическаго единства Россіи. Великаго князя въ прежнемъ смыслѣ уже не было, и Кіевъ пересталъ быть столицей. Распадаясь и разъединяясь болѣе и болѣе, вѣтви прежде единого княжескаго рода перестаютъ наконецъ думать о Кіевѣ, перестаютъ искать велико-княжескаго достоинства; ближайшіе семейные интересы мало по малу сосредоточиваютъ

на себя все ихъ вниманіе. Чѣмъ владѣли отцы и дѣды, тѣмъ хотятъ теперь владѣть и князья, ихъ потомки, не простирая далѣе своихъ честолюбивыхъ видовъ. Они заботятся только объ удержаніи за собою наслѣдственныхъ удѣловъ — не болѣе. Такимъ образомъ княжескія вѣтви и фамиліи получаютъ наконецъ осядлость. Князья перестаютъ блуждать по лицу всей русской земли, ища владѣній и чести, соответствующихъ мѣсту, которое они занимаютъ въ родовой лѣтствицѣ. Россія распадается на нѣсколько территорій, совершенно отдѣльных и независимыхъ другъ отъ друга; каждая имѣетъ въ главѣ свой особый княжескій родъ.

Въ политической сферѣ семья одержала верхъ надъ родомъ. Но это первенство не уничтожало родового начала въ его основаніи, а только въ явленіи. Родовое начало сохранилось и продолжало жить. Теперь только ограничилось его поприще. Оно стало опредѣлять политическій бытъ разрозненныхъ княженій. Въ каждомъ изъ нихъ, въ маломъ видѣ, повторяется то же, что было сначала въ цѣлой Руси. Княжескіе роды размножаются; между ихъ членами счетъ — по родовому старшинству. Старшій называется великимъ, и потому много великихъ князей въ Россіи. Между князьями — распри и междоусобія за старшинство; потомъ мало по малу и княжества раздробляются на мельчайшія части. Это должно было дать новый характеръ князьямъ. Дѣйствуя въ ограниченной сферѣ, они становятся простыми вотчинными владѣльцами, наслѣдственными господами отцовскихъ имѣній. Ихъ отношенія къ владѣніямъ, сначала неопредѣленные, теперь опредѣляются. Области, княженія обращаются въ ихъ собственность, которую они дѣлятъ между своими дѣтьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно измѣняется прежній полу-варяжскій, полу-славянскій характеръ княжескихъ дружинъ. Последніе слѣды ихъ не русскаго происхожденія исчезаютъ. Пока война и странствованія поддерживали

воинственный духъ князей и ихъ окружающихъ, отношенія князей и дружинъ были крайне неопредѣленны. Лице князя не выдавалось рѣзко. Онъ все еще былъ какъ бы первый между равными. Осѣдая, болѣе мирная жизнь должна была измѣнить эти отношенія. Когда князь сталъ вотчинникомъ, господиномъ въ своихъ владѣнiяхъ, и дружинники его сдѣлались мало по малу его слугами. Они отправляютъ при немъ придворныя должности. Лице князя вырастаетъ. По прежнему, слуги лично свободны, переходятъ отъ одного князя къ другому; но они служатъ, а князь — господинъ.

Такая перемена отразилась и во внутреннемъ устройствѣ областей. Общинное начало, вызванное на время къ политической дѣятельности, опять сходитъ со сцены. Вѣча постепенно теряютъ государственный характеръ. Утверждается постоянная, близкая власть князей, владѣющихъ удѣлами наследственно, какъ вотчинами. Самое управленіе областей получаетъ иное значеніе. Изъ неопредѣленного, какимъ было сначала, когда князь сажалъ въ области своихъ сыновей, оно болѣе и болѣе становится домашнимъ, вотчиннымъ. Князю нужно удержать у себя въ службѣ своихъ слугъ; прежде они жили вмѣстѣ съ нимъ войной и добычей; теперь имъ нужно содержаніе, и князь отдаетъ имъ въ кормленіе области. Слуги-кормленщики управляютъ ими и получаютъ съ нихъ доходъ. При отсутствіи правильной государственной администраціи, эта система управленія падаетъ страшнымъ разореніемъ на области; произволъ и корыстолюбіе правителей, ни чѣмъ необузданные, возрастаютъ до безмѣрности.

Конечно, не вдругъ произошли всѣ эти перемены, и не равно послѣдовательно совершались онѣ въ разныхъ частяхъ Россіи; но зачатки этого новаго порядка вещей уже видны въ стремленіяхъ Андрея Боголюбскаго. Андрей окруженъ уже не дружиной, а дворомъ. Впервые при немъ встречаемъ мы это

общее названіе приближенныхъ князя. Онъ не терпитъ въ своей области соперниковъ, и хочетъ быть самовластнымъ. Братьевъ и племянниковъ своихъ онъ удаляетъ изъ своего княжества. Такъ въ этомъ замѣчательномъ историческомъ лицѣ впервые воплощается въ государственномъ бытѣ древней Россіи новый типъ — типъ вотчинника, господина, неограниченнаго владѣльца своихъ имѣній, типъ, который еще опредѣленнѣе высказывается потомъ въ его братѣ и преемникѣ, Всеволодѣ Георгиевичѣ, и развивается окончательно въ Москвѣ.

Мало по малу изъ этого новаго взгляда на княжества, какъ на собственность князей, на власть послѣдняго, какъ на власть вотчиннаго владѣльца, вырабатывается совершенно новый порядокъ наслѣдованія. Пока еще не исчезла мысль о государственномъ единствѣ Россіи, а потомъ княжествъ, одинъ князь былъ непремѣнно главнымъ, первымъ, и такимъ былъ тотъ, который въ родѣ былъ старшимъ. Но эта мысль начала постепенно исчезать, князья стали менѣ думать о сохраненіи государственнаго единства княжествъ и дѣлили ихъ между своими дѣтьми, какъ наслѣдство. Начало родовое мало по малу стало вытѣсняться началомъ семейственнымъ, и нисходяще получаютъ перевѣсъ передъ боковыми родственниками.

Въ нашей древней государственной жизни это было важнымъ и рѣшительнымъ шагомъ впередъ. Правда, раздробленіе Россіи пошло тогда быстрѣе. Казалось, новое начало должно было совершенно уничтожить ея политическое существованіе. Но въ этомъ началѣ разрѣшилась вся неопредѣленность, всѣ вопросы, возникшіе изъ Ярославовой политической системы. Оно обнаружило, что государственное устройство, основанное на родовомъ началѣ, несостоятельно; что государственный и кровный бытъ — враждебны, и одинъ изъ нихъ непремѣнно долженъ уступить мѣсто другому: взяло верхъ кровное начало — исчезло государство. По крайней мѣрѣ исторія довела до ка-

кого-нибудь положительнаго, твердаго результата. Съ него можно было идти далѣе, не оглядываясь назадъ, вновь приступить за созданіе государства уже не по старымъ началамъ. Московскіе князья и сдѣлали это.

Въ общемъ ходѣ развитія древней русской жизни, упраздненіе родоваго начала семейственнымъ, покуда совершившееся въ одной политической сферѣ, еще важнѣе, еще многозначительнѣе. До того времени у насъ вездѣ, во всемъ дѣйствуетъ родъ. Онъ создаетъ племена, общины, удѣльную систему. Пока не настало время его отрицанія, человѣку не было возможности выйти изъ очарованнаго круга исключительно кровныхъ отношеній; ибо родъ объемистъ и широкъ; нѣтъ ему границъ, нѣтъ такихъ далекихъ вѣтвей, которыя, по родовому началу, не могли бы сосчитаться родствомъ. Конечно, личность, ища себѣ простора, часто порывала сѣти, которыми ее опутывали кровныя отношенія. Но выходъ изъ нихъ былъ безсознательнъ, былъ нарушеніемъ закона, тяготѣвшаго надъ цѣлою жизнью. Чтобъ отрѣшиться отъ него, нужно было мужество, котораго хватало у иныхъ на время, на одинъ случай, не хватало на всю жизнь. Притомъ весь бытъ такъ былъ сложенъ по кровнымъ началамъ, что о другихъ отношеніяхъ, кромѣ родственныхъ, не было и понятія. Но когда семейное начало взяло верхъ надъ родовымъ, и главнымъ стала семья, а не родъ, родовой союзъ потерялъ свою обязательную силу. Непризнаніе его перестало быть нарушеніемъ закона. Семьи стали независимы другъ отъ друга. Ихъ взаимныя отношенія, уже неопредѣляемыя кровными началами, должны были опредѣляться чѣмъ-нибудь другимъ, и въ этомъ еще невысказанномъ другомъ лежалъ зародышъ будущихъ юридическихъ отношеній. Граница, предѣлъ кровнаго союза, такимъ образомъ, обозначались. Можно было наконецъ указать въ жизни на отношенія, въ которыхъ родство не было обязательно. Важный шагъ впередъ въ развитіи

личности, прежде всюду стѣсненной и подавленной, которой кровныя отношенія заравѣ указывали мѣсто въ общественномъ быту: низшее передъ другими, несмотря на ея достоинства; по необходимости, высшее передъ прочими; иначе, захоти старшій быть ниже младшаго, позоръ падалъ на его голову и на голову его потомковъ.

Какъ всегда бываетъ въ исторіи, новое семейственное начало выступило сперва робко, нерѣшительно и развивалось подъ старыми формами, созданными родовымъ началомъ. Вдругъ оно не могло отъ нихъ отрѣшиться; потому-то въ немъ мы опять встрѣчаемся съ понятіемъ о старшинствѣ, зависимости младшихъ отъ старшихъ, — этими принадлежностями родового начала. Новое борется съ старымъ его же оружіемъ, имъ прикрываетъ себя. По родовому началу, старшій братъ отецъ прочимъ братьямъ и своимъ сыновьямъ. И тѣ и другіе — его дѣти; но какъ первый его сынъ старшій изъ его дѣтей, то онъ старше и своихъ дядей. Такъ первенство семьи надъ родомъ присвоено сначала одному старшему сыну; родовой счетъ сыновей съ боковыми удержанъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ будто и родовой союзъ. Но главное было сдѣлано: новое начало поставлено и узаконено. Сперва оно измѣнило прежнія родовыя отношенія, потомъ разрушило ихъ.

Въ то время, какъ политическая жизнь Россіи такимъ образомъ мало по малу измѣнялась вмѣстѣ съ понятіями князей, послѣдніе слѣды единства исчезали, и на сѣверо-востокѣ Россіи еще удерживалась одна тѣнь велико-княжескаго достоинства, важное событіе ускорило окончательное паденіе стараго и развитіе новаго порядка вещей. Мы говоримъ о монгольскомъ игѣ. Какъ буря, оно сокрушило все, что было на поверхности: остались одни зерна, спрятанныя въ землѣ. Теперь они стали расти, и имъ было просторно; ничто имъ не мѣшало.

Монголы сдѣлали много зла Россіи: изъ конца въ конецъ они ее опустошили, и опустошали не разъ. Рабскія привычки, понятія, наклонности, уловки, — хотя и обманчивая, но единственная защита слабаго противъ дикой силы, — если невперые тогда у насъ появились, то усилились. Несмотря на это, они играютъ важную отрицательную роль въ нашей исторіи.

Когда они завоевали Россію, князья не могли уже княжить безъ ихъ согласія, а должны были ѣздить въ Орду и получали отъ хановъ ярлыки или утвержденіе въ княжескомъ достоинствѣ, если были имъ угодны. Это повлекло за собою важныя измѣненія въ нашемъ политическомъ бытѣ. Удѣльные князья и великій князь остались. Прежде они садились на престолъ сами собою, большею частію по началамъ родового старшинства; по крайней мѣрѣ оно служило предлогомъ. Но ханамъ были чужды родовые расчеты. Какое было имъ дѣло до того, который князь имѣетъ лучшее право по народнымъ понятіямъ? По нихъ тотъ былъ князь, кто имъ былъ угоднѣе, кто ревностно исполнялъ ихъ волю, былъ вѣрнымъ слугою и исправно платилъ дань. Это были личные качества, не всегда совпадавшія съ родовыми преимуществами. Такъ является для правъ князей на престолъ новое мѣрило, чуждое древней Руси; оно противопоставляется прежнему родовому, и разрушаетъ его. Одно не лучше другаго. За то исчезаетъ старое, отжившее, которое мѣшало идти впередъ: татарское вслѣдъ за нимъ исчезло.

Этого мало: монгольское иго усилило власть великаго князя и тѣмъ возсоздало видимый центръ политическаго единства Руси. Въ сѣверо-восточной ея половинѣ, какъ прежде въ юго-западной, и по тѣмъ же причинамъ, велико-княжеское достоинство, передъ монгольскимъ игомъ, стало пустымъ титуломъ; оно не давало уже никакой власти надъ прочими князьями. Теперь великій князь — органъ и орудіе ханской воли. Онъ дѣйствуетъ, распоряжается князьями во имя хана.

Неповиновеніе ему — неповиновеніе ханской волѣ, за которымъ слѣдовало лишеніе княжескаго сана, самая смерть. Къ услугамъ великаго князя, ханскаго слуги, монгольскіе отряды противъ ослушниковъ. Странное явленіе! Монголы разрушаютъ удѣльную систему въ самомъ основаніи, возсоздаютъ политическое единство, словомъ дѣйствуютъ въ нашихъ интересахъ, сами того неподозрѣвая!

Но, какъ мы видѣли, они дѣйствовали отрицательно. Положительно воспользовались всѣми выгодами монгольскаго ига даровитые, умные, смышленные князья московскіе.

Около вѣка послѣ наложенія на насъ монгольскаго ярма, московскому князю, Іоанну Даниловичу Калитѣ, внуку Александра Невскаго, удалось добиться велико-княжескаго достоинства. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ небогатыхъ и несильных князей: только восемь городовъ ему принадлежало. Эта небольшая княжеская вотчина черезъ столѣтіе выросла въ московское государство.

Іоаннъ Калита былъ въ полномъ смыслѣ князь-вотчинникъ, и смотрѣлъ на свои владѣнія, какъ на собственность. Въ немъ вполне высказался этотъ новый типъ власти, смѣнившій прежнюю. Озабоченный одною цѣлью умножить свои вотчины и оставить большое наслѣдство дѣтямъ, Іоаннъ дѣйствуетъ очень искусно и пользуется всѣмъ, чѣмъ можетъ. Обязанность собирать ордынскую дань въ это время лежала на великомъ князѣ. Это представило Іоанну удобный случай обогатиться; онъ накупилъ много волостей и городовъ на Руси, собралъ большую казну и въ завѣщаніи всѣ свои имѣнія раздѣлилъ между женой и дѣтьми.

Когда онъ умеръ, нѣсколько князей искали велико-княжескаго достоинства, все еще на основаніи родового старшинства; но въ глазахъ хановъ права Симеона, сына Іоаннова, были лучше, дѣйствительнѣе. Его отецъ служилъ вѣрой и

правдой; самъ онъ имѣлъ много денегъ и могъ въ ордѣ дарить больше, нежели его соперники: лѣсть и золото доставили ему то, чего бы онъ никогда не добился другими путями.

Вотъ каковы были первые зачатки будущаго Московскаго государства, обнявшаго всю Россію! Оно создается по новымъ началамъ. Московскіе князья прежде всего неограниченные, наследственные господа надъ своими вотчинами; прежде всего они заботятся о томъ, чтобы умножить число своихъ имѣній. Лучшимъ средствомъ для этой цѣли было велико-княжеское достоинство — и они стараются удержать его за собою. Единственнымъ средствомъ для удержанія велико-княжескаго достоинства была милость, благоволеніе хановъ — и они ничего не щадятъ, чтобы имъ нравиться. Какъ великіе князья, они главные, первые между всѣми русскими князьями; но они знаютъ, что само по себѣ это первенство — звукъ, неимѣющій смысла; что только дѣйствительная сила можетъ дать ему значеніе, которое оно давно утратило. Ограждаемые покровительствомъ хановъ, авторитетомъ ихъ власти, и опираясь на свою собственную силу, московскіе великіе князья угнетаютъ князей, правдой или неправдой отнимаютъ у нихъ владѣнія, вмѣшиваются въ ихъ распри, становятся ихъ судьями и собираютъ въ ихъ владѣніяхъ ордынскій выходъ.

Такъ дѣйствовали всѣ московскіе великіе князья. Быстро подвигались они къ своей цѣли, быстро обращалась Россія въ ихъ наследственную вотчину. Каждый великій князь передавалъ свое достоинство старшему сыну. Чѣмъ далѣе, тѣмъ они становились самостоятельныѣ. Опираясь на собственное могущество, они начали рѣшительно господствовать надъ удѣльными князьями и сбрасывать иго Орды, тягостное и для нихъ болѣе ненужное. Къ этому времени она уже слабѣла. Въ ней появились междоусобія, и нѣсколько хановъ соперничали между собою. Еще московскіе великіе князья пользовались этими

враждами, чтобъ болѣе утвердиться, однако не долго. Вскорѣ открылась для нихъ возможность безъ опасенія сбросить личину покорности.

Но въ самомъ московскомъ великомъ княженіи скрывались еще зачатки разрушенія, наслѣдіе предъидущаго политическаго быта. Какъ вотчина, оно дѣлилось на части между дѣтьми великихъ князей. Старшій великій князь, не былъ сильнѣе прочихъ, получая равный съ ними удѣлъ. Внутренніе раздоры и счеты между московскими князьями были неминуемы и обнаружались, когда образовались боковыя линіи, по прежнему предъявлявшія свои права на велико-княжеское достоинство по началамъ родового старшинства. Кровное начало очевидно мѣшало еще государству. Оставалось сдѣлать одинъ шагъ — пожертвовать семьей государству: этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, но невдвугъ. Чтобъ отвратить возможное соперничество между дѣтьми, великіе князья стали давать старшему сыну большую часть, а прочимъ — меньшія. Кровные интересы начали мало по малу уступать мѣсто желанію сохранить и упрочить силу московскаго великаго князя. Въ этомъ уже заключалась неясная мысль о государствѣ. Части братьевъ великаго князя становились все меньше. Братья Іоанна III получили только по три города; братья Василя Іоанновича не были даже самостоятельными удѣльными князьями, а простыми владѣльцами, подданными великаго князя. Удѣлы совершенно исчезаютъ, и когда разными неправдами Василій отнялъ удѣлъ у князя сѣверскаго, послѣдній въ тогдашней Россіи, какой-то юродивый бѣгалъ по Москвѣ съ метлой, говоря, что пора очистить государство отъ послѣдняго сору. И точно, удѣлы сдѣлались тогда анахронизмомъ, запоздалымъ остаткомъ прошедшаго.

Уничтоженіе удѣльной системы и соединеніе Россіи въ нераздѣльное цѣлое, подъ властью одного великаго князя, было не только началомъ новой эпохи въ нашей политической жизни,

но важнымъ шагомъ впередъ въ развитіи всего нашего внутренняго быта. Политическая система, созданная московскими великими князьями—нѣчто совершенно новое въ русской исторіи; она представляетъ полное отрицаніе всѣхъ прежнихъ системъ, не въ однихъ явленіяхъ, но въ самомъ основаніи. Яро-славова система покоилась на родовомъ началѣ и раздробила Россію на княжества; семья послѣ Андрея Боголюбскаго обратила княжества въ вотчины, дѣлившіяся до безконечности. Въ московской системѣ территоріальное начало получило рѣшительный перевѣсъ надъ личнымъ. Кровные интересы уступаютъ мѣсто политическимъ; держава, ея нераздѣльность и сила поставлены выше семьи. Въ исторіи образованія Московскаго государства не столько важно стѣсненіе и покореніе удѣловъ, принадлежащихъ не-московскимъ князьямъ, сколько постепенное увеличеніе части, оставляемой великому князю, и уменьшеніе частей прочихъ князей, его братьевъ: то было дѣломъ возрастающей силы, это — актомъ мысли, сознанія.

Такъ сначала въ государственной сферѣ происходитъ отрицаніе исключительно кровнаго, семейнаго начала, послѣдняго, самаго ограниченнаго круга кровнаго союза и кровныхъ отношеній. На сцену дѣйствія выступаетъ личность. Она не произвольно выходитъ изъ кровнаго союза, ставитъ себя выше семьи: она отрицаетъ ихъ во имя идеи, и эта идея — государство. Появленіе государства было вмѣстѣ и освобожденіемъ отъ исключительно кровнаго быта, началомъ самостоятельнаго дѣйствованія личности, слѣдовательно началомъ гражданскаго, юридическаго, на мысли и нравственныхъ интересахъ, а не на одномъ родствѣ основаннаго общественнаго быта.

Но и личность и идея государства сначала едва видимы подъ старыми, установившимися формами. И та и другая ими проницнуты. Типъ вотчино-владѣльца, полнаго господина надъ своими имѣніями, лежитъ въ основаніи власти московскаго

государя; изъ за этого типа трудно разглядѣть ея новое, болѣе высокое значеніе. Московскій государь еще великій князь; онъ отчичь, дѣдичь, наследственный господинъ своихъ владѣній. Области и государство — его вотчина; придворная служба преобладаетъ, и названіе слуги теперь почетный титулъ, жа-луемый за заслуги. Подобно удѣльнымъ князьямъ — вотчинникамъ, онъ раздастъ свои области въ кормленіе своимъ слугамъ. Долго сохраняются эти черты; до самаго Петра Великаго онъ мало измѣняются, по крайнѣй мѣрѣ снаружи. Но теперь рядомъ съ ними проступаютъ и другія — провозвѣстницы новаго. Съ Іоанна III московскіе государи принимаютъ титулъ царя, усваиваютъ многія принадлежности власти византійскихъ императоровъ: гербъ двуглаваго орла, регалии, вѣнчаніе и помазаніе на царство; велико-княжескій дворъ и придворныя церемоніи устроиваются по византійскому образцу. Самому ли Іоанну принадлежитъ первая мысль этихъ нововведеній, или она внушена ему его супругой, греческой царевной Софіей—все равно. Они свидѣлствуютъ, что прежнія формы были недостаточны, узки, не выражали новаго значенія московскаго государя. Изъ-подъ велико-княжеской вотчины проглядываетъ государство, отвлеченное нравственное лице, имѣющее свое физическое существованіе и самостоятельное, разумное значеніе. Образуется государственная территорія — не случайное соединеніе земель, а правильное, органическое тѣло, имѣющее свою жизнь и свои потребности. Внѣшняя политика и дѣятельность московскихъ государей, войны и мирные трактаты, пріобрѣтенія земель, перестаютъ быть частнымъ дѣломъ и получаютъ высокое, разумное значеніе. Ими удовлетворяются теперь потребности государства. Начало подданства начинается смѣнять начало холопства; является понятіе о государственной службѣ, о гражданствѣ, о равенствѣ передъ судомъ. Улучшенія внутренняго управленія, судопроизводства,

обузданіе произвола кормленщиковъ, законодательство, все это показываетъ, что въ Московскомъ государствѣ подѣ старыми формами развилось уже новое содержаніе.

Развитіе совершилось впрочемъ медленно. Въ продолженіи слишкомъ двухъ столѣтій старое было сильно поколеблено, но не разрушено; новое проникло въ жизнь, многое въ ней измѣнило, но не отрѣшилось отъ историческихъ формъ, подѣ которыми появилось; все стало другимъ, однако сохраняло прежній видъ. Московское государство только приготовило почву для новой жизни.

Эту переходную эпоху нашей исторіи — утреннюю зарю новаго, вечернюю стараго, — эпоху неопредѣленную, какъ всѣ серединныя времена, — ограничиваютъ отъ предыдущаго и послѣдующаго два величайшихъ дѣятеля въ русской исторіи, Іоаннъ IV и Петръ Великій: первый ее начинаетъ, второй оканчиваетъ и открываетъ другую. Раздѣленные цѣлымъ вѣкомъ, совершенно различные по характеру, они замѣчательно сходны по стремленіямъ, по направленію дѣятельности. И тотъ и другой преслѣдуютъ однѣ цѣли. Какая-то симпатія ихъ связываетъ. Петръ Великій глубоко уважалъ Іоанна IV, называлъ его своимъ образцомъ и ставилъ выше себя. И въ самомъ дѣлѣ, царствованіе Петра было продолженіемъ царствованія Іоанна. Недоконченныя, остановившіяся на полудорогѣ реформы послѣдняго продолжалъ Петръ. Сходство замѣтно даже въ частностяхъ. Оба равно живо сознавали идею государства и были благороднѣйшими, достойнѣйшими ея представителями; но Іоаннъ сознавалъ ее какъ поэтъ, Петръ великій какъ человѣкъ, по преимуществу практическій. У перваго преобладаетъ воображеніе, у втораго — воля. Время и условія, при которыхъ они дѣйствовали, положили еще большее различіе между этими двумя великими государями. Одаренный натурой энергической, страстной, поэтической, менѣе реальной, не-

жели преемникъ его мыслей, Іоаннъ изнемогъ наконецъ подъ бременемъ тупой, полу-патріархальной, тогда уже бессмысленной среды, въ которой суждено было ему жить и дѣйствовать. Борясь съ ней на смерть много лѣтъ и не видя результатовъ, не находя отзыва, онъ потерялъ вѣру въ возможность осуществить свои великіе замыслы. Тогда жизнь стала для него несносной ношей, непрерывнымъ мученіемъ: онъ сдѣлался ханжой, тираномъ и трусомъ. Іоаннъ IV такъ глубоко палъ именно потому, что былъ великъ. Его отецъ Василій, его сынъ Θεодоръ не падали. Этимъ мы не хотимъ оправдывать Іоанна, смыть пятна съ его жизни; мы хотимъ только объяснить это до сихъ поръ столько загадочное лицо въ нашей исторіи. Его многіе судили, очень не многіе пытались понять, да и тѣ увидѣли въ немъ только жалкое орудіе придворныхъ партій, чѣмъ Іоаннъ не былъ. Всѣ знаютъ и всѣ помнятъ его казни и жестокости; его великія дѣла остаются въ тѣни; о нихъ никто не говоритъ. Добродушно продолжаемъ мы повторять отзывы современниковъ Іоанновыхъ, не подозревая даже, что они-то всего больше объясняютъ, почему Іоаннъ сдѣлался такимъ, каковъ былъ подъ конецъ: равнодушіе, безучастіе, отсутствіе всякихъ духовныхъ интересовъ — вотъ что встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу. Борьба съ ними—ужаснѣе борьбы съ открытымъ сопротивленіемъ. Последнее вызываетъ силы и дѣятельность, воспитываетъ ихъ; первыя ихъ притупляютъ, оставляя безотрадную скорбь въ душѣ, развивая безумный произволъ и ненависть. Петръ, одаренный страшною волей и удивительнымъ практическимъ смысломъ, жилъ вѣкомъ позже, когда обстоятельства уже измѣнились и многое было приготовлено; у него былъ предшественникъ, даже предшественники; съ увѣренностію гениальнаго человека онъ принялся за свое дѣло; онъ имѣлъ рѣдкое счастье видѣть, какъ его начинанія зрѣли и приносили плоды: но и характеръ самаго Петра

отдился въ суровую, жесткую форму; и ему нужны были шумныя развлеченія, въ которыхъ онъ могъ бы забываться; и на него находили минуты, когда мышцы его слабѣли, и тяжкое, скорбное изнеможеніе, душевная усталость прерывала его неутомимую дѣятельность.

Внутренній бытъ Россіи, передъ появленіемъ Московскаго государства, въ главныхъ чертахъ мало измѣнился противъ прежняго. Кровныя начала, исчезнувшія въ политической сферѣ, продолжали жить и преобладать въ остальныхъ. Необходимость создать крѣпкое, прочное государство шла впереди, तोпила событія и рано обнаружила несостоятельность кровныхъ началъ въ политической жизни. Но въ гражданской сферѣ они не подвергались такой строгой критикѣ и могли жить спокойно не тревожимыя ничѣмъ; они и жили, какъ будто рассчитывая на безконечное существованіе.

Древняя до-Іоанновская Русь представляется погруженною въ родственныи бытъ. Глубокихъ потребностей другого порядка вещей не было, и откуда имъ было взяться? Личность — единственная, плодотворная почва всякаго нравственнаго развитія, еще не выступала; она была подавлена кровными отношеніями. Были, конечно, нѣкоторыя важныя реформы: христіанство и церковь пересоздали семейный бытъ, истребили многоженство и наложничество. Князья постепенно уничтожили кровную месть и замѣнили денежнымъ вознагражденіемъ, сперва въ пользу обиженнаго или его родственниковъ, потомъ вѣрой въ свою пользу. Они установили уголовныя наказанія, неизвѣстныя древней Руси. Но такихъ реформъ было не много. Общины, города и волости, по прежнему, не имѣли никакого правильнаго общиннаго устройства и потеряли то временное политическое значеніе, которое получили было. Въ нихъ сохранялся старинный славянскій общинный бытъ, развившійся изъ исключительно-родственнаго. Только теперь надъ ними

тяготѣла произвольная, корыстолюбивая власть княжескихъ областныхъ правителей-кормленщиковъ, которые владѣли ими, какъ своими вотчинами, управляли сами и посредствомъ своихъ слугъ, и такъ разоряли, что князья многимъ общинамъ дали, въ видѣ изъятія и милости, жалованныя несудимыя грамоты, которыми онѣ освобождались отъ подвѣдомственности правителямъ. Послѣ общинъ существуетъ множество отдѣльныхъ родовъ. Большею частью они находились въ службѣ у другихъ родовъ, или князей, и были безконечно-различны по богатству и знатности. Съ уничтоженіемъ удѣловъ, княжескія фамиліи также низошли въ разрядъ служилыхъ родовъ. Теперь всѣ эти роды стали служить московскому государю. Одни непосредственно окружили его, сдѣлались его приближенными; прочіе стали ниже въ извѣстной постепенности. Такъ сложилась лѣствица родовъ, которой низшія ступени терялись въ простомъ народѣ, высшія оканчивались у подножія царскаго престола. Общихъ интересовъ, которые могли бы соединить эти роды въ одноцѣлое и создать сословіе, не было и не могло быть; они жили разрозненно, каждый своею особенною жизнью, преслѣдуя свои исключительно родовые интересы. Стать выше другихъ родовъ, по крайней мѣрѣ не уступить первенства низшимъ, не потерять своей родовой чести, — вотъ что прежде всего сосредоточивало на себѣ все ихъ вниманіе и часто производило между ними непріязненные столкновения. Перенеся въ службу родовыя понятія и стремленія, они должны были, рано или поздно, встрѣтиться лицомъ къ лицу съ государствомъ, котораго живымъ представителемъ былъ теперь царь; ибо для нихъ служба была внѣшнимъ выраженіемъ ихъ родовыхъ преимуществъ; они старались подчинить ее законамъ родоваго старшинства, сдѣлать орудіемъ своихъ частныхъ интересовъ. Не такъ понимали ее московскіе государи. Они требовали отъ своихъ слугъ полного, безусловнаго повинове-

нія; они хотѣли видѣть въ нихъ гибкіе органы своей власти. Они проводили начало личности; служебные роды — начало родовое. Царь посылалъ на службу двоихъ, одного старшимъ, другаго младшимъ, по своимъ разсчетамъ; а младшій отказывался служить, говоря, что по родовымъ онъ старше, и его честь оскорблена. Ни польза государства, ни царская опала, ни самый страхъ смерти не могли принудить его ею пожертвовать. Царю оставалось что-нибудь изъ двухъ: или всѣ служилые роды замѣнить людьми неродословными, или при раздачѣ мѣстъ сообразоваться съ законами родового и служебнаго старшинства. Первое было невозможно; оставалось согласиться на послѣднее. Такъ раздача мѣстъ, назначеніе въ должности не зависѣли отъ безусловной воли царя. Ему хотѣлось назначить лучшаго, достойнѣйшаго, а онъ назначалъ по необходимости старшаго. Мало по малу важнѣйшіе государственные чины и званіе члена царской думы сдѣлались исключительно принадлежностію извѣстныхъ родовъ; другимъ доступъ къ нимъ былъ закрытъ. Правда, царь могъ давать чины кому хотѣлъ; но съ высшими чинами естественно были соединяемы и высшія должности въ государствѣ. Если высшій чинъ, а вмѣстѣ и высшая должность, были даны человѣку незнатнаго рода, всѣ прочіе знатные родичи, которымъ достались относительно низшія, отказывались служить. Черезъ это цари были вынуждены жаловать въ высшіе чины однихъ родословныхъ людей. Въ царской думѣ засѣдали одни высшіе сановники — бояре и окольничіе; поэтому она наполнилась одними знатными родичами; прочіе, несмотря ни на какія личныя качества, не могли сдѣлаться ея членами.

Государство не могло ужиться рядомъ съ этими домашними, частными, кровными интересами, которые въ лицѣ безграничныхъ областныхъ правителей и служилыхъ родовъ связывали ему руки и отнимали возможность свободно развиваться и дѣйстви-

вать. Рано вступило оно съ ними въ борьбу и довершило въ администраціи побѣду надъ удѣлами и кровнымъ началомъ, которая еще прежде была одержана въ болѣе широкой, политической сферѣ. Уже Іоаннъ III получилъ названіе «Грознаго» за строгое обращеніе съ вельможами. Для обузданія произвола областныхъ правителей онъ издалъ Судебникъ, которымъ установилъ судопроизводство и величину пошлинъ. Есть даже извѣстіе, что онъ первый завелъ окладныя книги, которыми опредѣлили доходы правителей съ областей. Но никто ни прежде, ни послѣ, до самаго Петра Великаго, не дѣйствовалъ такъ энергически противъ вельможъ и областныхъ правителей, угнетавшихъ народъ, какъ Іоаннъ IV. Не знаемъ, до какой степени были справедливы его опасенія противъ ихъ заговоровъ и тайныхъ козней: подозрительный, страстный характеръ могъ внушить ему многое, чего не было. То вѣрно, что въ нѣкоторыхъ вельможахъ, бывшихъ удѣльныхъ князьяхъ, или близкихъ ихъ потомкахъ, не совсѣмъ исчезли при немъ воспоминанія о недавнемъ времени, когда они были такіе же независимые владѣтели, какъ царь московскій. Они не могли быть ему преданы, служили неохотно, роптали и измѣняли или уѣзжали, когда могли. Остальные думали только о себѣ и не радѣли о государствѣ. Области находились въ бѣдственномъ положеніи: цѣлыя села пустѣли отъ грабительства правителей и ихъ слугъ. Іоаннъ предпринимаетъ рѣшительныя, коренныя реформы и надѣется осуществить ихъ посредствомъ двухъ органовъ, враждебныхъ вельможеству, и слѣдовательно наилучшихъ для его цѣлей: людей худородныхъ, въ особенности дьяковъ, грамотныхъ, знающихъ порядокъ управленія, но большею частію низкаго званія и потому недостигавшихъ до высшихъ степеней, — и общинъ, которыя страдали отъ произвола правителей. Сначала Іоаннъ отдѣлилъ уголовное и уголовно-полицейское управленіе и поручилъ его въ исключи-

тельное завѣдываніе выборныхъ отъ общинъ, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ (присяжныхъ). И тѣ и другіе существовали и прежде, но теперь они получили юридическое значеніе, котораго не имѣли. Потомъ въ 1550 году онъ издалъ Судебникъ. Въ немъ гораздо подробнѣе, нежели при Іоаннѣ III, опредѣлены были порядокъ суда, пошлины, нѣкоторыя части гражданскаго управленія, и власть областныхъ правителей еще болѣе ограничена: старосты и цѣловальники получили участіе въ гражданскомъ судѣ; безъ нихъ правители не могли судить никакихъ тяжбъ и исковъ, не могли сажать въ тюрьму жителей общинъ; даже раскладки и сборъ податей и повинностей предоставлены выборнымъ; такимъ образомъ разорительное вмѣшательство областныхъ правителей и ихъ людей должно было прекратиться. Въ послѣдствіи и сборъ всѣхъ особливыхъ царскихъ доходовъ порученъ выборнымъ отъ общинъ. Правители удержали одну распорядительную, поверхностную, общую власть надъ областями: внутренній распорядокъ отданъ въ руки выборныхъ. Но недовольный еще этими мѣрами и видя, что злоупотребленія и угнетенія продолжались, Іоаннъ наконецъ совѣмъ уничтожилъ областныхъ правителей и все мѣстное управленіе отдалъ въ полное завѣдываніе самихъ общинъ, подчинивъ ихъ непосредственно московскимъ приказамъ. Остались намѣстники въ однихъ пограничныхъ областяхъ, но къ нимъ были, кажется, приставлены дѣяки, ибо послѣ Іоанна мы находимъ уже при намѣстникахъ дѣяковъ. Эти дѣяки должны были наблюдать за дѣйствіями намѣстниковъ, сами принимали участіе въ управленіи и обо всемъ доносили царю.

Таковы были реформы Іоанна въ областномъ управленіи; но еще важнѣйшія предпріяты имъ въ государственномъ устройствѣ. Цѣль ихъ та же: сломить вельможество, дать власть и просторъ одному государству. Всѣ главныя отрасли управле-

нія ввѣрены дьякамъ: они завѣдывали приказами; вельможи почти отстранены отъ гражданскихъ дѣлъ, и за то ненавидѣли Іоанна. Еще Дума находилась въ ихъ рукахъ; они одни были ея членами; Іоаннъ и въ нее вводитъ новое начало личнаго достоинства. Подъ названіемъ думныхъ дворянъ онъ сажаетъ въ Думу людей незнатнаго рода, имъ самими избранныхъ: при ея не-коллегіальномъ устройствѣ они не могли не имѣть важнаго вліянія на ея рѣшенія. Но всѣ эти мѣры казались Іоанну еще недостаточными; онъ хотѣлъ совершенно уничтожить вельможество и окружить себя людьми незнатными, даже низкаго происхожденія, но преданными, готовыми служить ему и государству безъ всякихъ заднихъ мыслей и частныхъ расчетовъ. Въ 1565 году онъ установилъ опричнину. Это учрежденіе, оклеветанное современниками и непонятое потомствомъ, не внушено Іоанну — какъ думаютъ нѣкоторые — желаніемъ отдѣлиться отъ Русской-Земли, противопоставить себя ей: кто знаетъ любовь Іоанна къ простому народу, угнетенному и раздавленному въ его время вельможами, кому извѣстна заботливость, съ которой онъ старался облегчить его участь, тотъ этого не скажетъ. Опричнина была первой попыткой создать служебное дворянство и замѣнить имъ родовое вельможество, на мѣсто рода, кровнаго начала, поставить въ государственномъ управленіи начало личнаго достоинства: мысль, которая подъ другими формами была осуществлена потомъ Петромъ Великимъ. Если эта попытка была безуспѣшна и надѣлала много зла, не принеся никакой пользы, не станемъ винить Іоанна. Онъ жилъ въ несчастное время, когда никакая реформа не могла улучшить нашего быта. Опричники, взятые изъ низшихъ слоевъ общества, ничѣмъ не были лучше бояръ; дьяки были только грамотнѣе, свѣдущѣе въ дѣлахъ, чѣмъ вельможи, но не уступали имъ ни въ корыстолюбіи, ни въ отсутствіи всякихъ общихъ, нравственныхъ

интересовъ; общины, какъ ни старался Іоаннъ поднять ихъ и оживить для ихъ же собственной пользы, были мертвы; общественного духа въ нихъ не было, потому что въ нихъ продолжался прежній полу-патріархальный бытъ. За какія реформы ни принимался Іоаннъ, всё онъ ему не удалось, потому что въ самомъ обществѣ не было еще элементовъ для лучшаго порядка вещей. Іоаннъ искалъ органовъ для осуществленія своихъ мыслей и не нашелъ; ихъ неоткуда было взять. Растерзанный, измученный бесплодной борьбой, Іоаннъ могъ только мстить за неудачи, подъ которыми похоронилъ онъ всё свои надежды, всю вѣру, все, что было въ немъ великаго и благороднаго — и мстилъ страшно. Онъ умеръ. Современники его проклинали. Конечно не всё: повѣрья, которыя и теперь еще ходятъ объ немъ въ простомъ народѣ, доказываютъ это. Потомство не воздало ему должнаго, даже не пожалѣло о немъ. А ученые и писатели — они повторяли слова современниковъ, которые кричали громче другихъ. Только одинъ его понялъ — великій преемникъ его начинаній, которому суждено было довершить его дѣло и благословить Россію на новый путь.

Послѣ Іоанна IV всё его реформы или рушились, или потеряли смыслъ. Нѣкоторыя исчезли еще при немъ; такъ при немъ исчезло раздѣленіе на опричнину и земщину; появились опять намѣстники въ областяхъ. Послѣ него чинъ думнаго дворянина обратился въ обыкновенный чинъ, который жаловался и знатымъ родичамъ. Старосты и цѣловальники въ значеніи, которое придалъ имъ Іоаннъ, исчезли, мы даже не знаемъ когда; они удержались только въ уголовномъ управленіи и собирали нѣкоторые доходы царской казны, да то было не привилегія, а обязанность, повинность.

Но мысль о реформахъ, о необходимости улучшить внутренній бытъ не исчезла. Уже при сынѣ и преемникѣ Іоанна она выразилась въ законодательной мѣрѣ, которой настоящій

смыслъ не понять, потому что на нее до сихъ поръ смотреть съ теперешней, а не съ тогдашней точки зрѣнія. Въ 1592 году переходы крестьянъ съ мѣста на мѣсто были запрещены; сельское народонаселеніе прикрѣплено къ землѣ. Съ юридической точки зрѣнія это событіе необъяснимо; но на него и не должно такъ смотрѣть. Въ древней Россіи не было юридическаго быта; личность, въ гражданской сферѣ, сама по себѣ ничего не значила. Оно было вызвано цѣлями политическими, административными и полицейскими. Еще до Іоанна IV по многимъ причинамъ усилилось въ Россіи бродяжничество; право, основанное на обычаѣ, переходить съ земли на землю, при тогдашней грубости, необразованности его усиливало. Привыкнувъ къ скитальческой жизни, многіе шли на разбой и воровство (татьбу); появились цѣлыя шайки лихихъ людей, отъ которыхъ не было покоя жителямъ. Сверхъ того обычай переходить породилъ между землевладѣльцами другой обычай — переманивать крестьянъ съ чужихъ земель на свои, обѣщая выгоды и льготы. Богатые воспользовались имъ въ ущербъ бѣдныхъ. Феодоръ Іоанновичъ, или, правильнѣе, Борисъ Годуновъ, хотѣлъ пресѣчь и то и другое зло въ самомъ основаніи, и запретилъ переходы; окончательное ихъ уничтоженіе относится къ царствованію Шуйскаго. Вслѣдствіе совершенной юридической неопредѣленности древняго русскаго быта, за уничтоженіемъ переходовъ послѣдовало постепенное смѣшеніе двухъ сословій, до того совершенно различныхъ: холопскаго и крестьянскаго. Сливаясь, они воздѣйствовали одно на другое; многія положенія, относившіяся сначала къ однимъ холопамъ, перенесены и на крестьянъ. Удержались неважныя, чисто-формальныя историческія различія, болѣе и болѣе терявшія смыслъ.

Вскорѣ потомъ наступила эпоха внутреннихъ смутъ, неурядицъ и волненій. Ими начался XVII вѣкъ. Поводъ ихъ былъ случаенъ, исходъ не принесъ никакихъ существенныхъ

измѣненій въ прежнемъ бытѣ. Послѣ 1612 года все пришло въ прежній порядокъ. Какъ море, Россія взволновалась и улеглась, не сохранивъ въ своемъ общественномъ устройствѣ никакихъ слѣдовъ недавней бурн: очевидно, время умственного и нравственного развитія еще не наступало. Оттого вся эта эпоха вообще болѣе относится къ политической, нежели къ внутренней исторіи Россіи. Но она обнаружила, что идея государства уже глубоко проникла въ жизнь: Россія сама встала на свою защиту во имя вѣры и Москвы, тогдашняго государственнаго центра нашего отечества.

Когда новая династія вступила на престолъ и все успокоилось, опять возобновилась на время прерванная борьба царей съ отживавшими остатками до-государственной Россіи. По прежнему поприще ея — администрація, управленіе; но теперь она совершается тихо, медленно. Побѣда государства обозначается цѣлымъ рядомъ постепенныхъ законодательныхъ реформъ, которыя идутъ, непрерываясь, до окончательной великой реформы Петра. Іоаннъ IV ненавидѣлъ и боялся своихъ враговъ и оттого придалъ борьбѣ страстный, кровавый характеръ. Московскіе государи XVII вѣка ихъ уже не страшатся. Они какъ будто предчувствуютъ ихъ необходимое уничтоженіе и готовятъ его исподоволь, косвенными мѣрами.

Алексѣй Михайловичъ обходитъ Думу и всѣ важнѣйшія дѣла дѣлаетъ посредствомъ подъячихъ Тайнаго приказа. Мѣстническіе споры становятся мало по малу безвредными для государства. Оно ихъ преслѣдуетъ, какъ ослушаніе царской воли, или откладываетъ. Наконецъ въ 1682 году Ѳеодоръ Алексѣевичъ соборнымъ постановленіемъ упычтожилъ ихъ совсѣмъ. И такъ, къ временамъ Петра Великаго отъ родового вельможества удержались только наследственность важнѣйшихъ чиновъ и Боярская дума, послѣдняя уже почти безъ всякаго государ-

ственного значенія; но и онѣ съ учрежденіемъ сената и введеніемъ табели о рангахъ исчезли — навсегда.

Областные правители были ограничены и стѣснены. Многіе доходы ихъ, особливо отъ суда и управленія, стали доходами государства. При Алексѣѣ Михайловичѣ областные правители изъ намѣстниковъ стали воеводами. Ихъ право управлять областями посредствомъ своихъ людей исчезаетъ; мѣсто послѣднихъ заступаютъ приказные люди. Въ царствованіе Феодора Алексѣевича воеводамъ придаются выборные отъ дворянъ. Сверхъ того многими законами воеводы поставлены въ совершенную административную зависимость отъ московскихъ приказовъ, обязаны были давать подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, словомъ, перестали быть неограниченными владѣльцами управляемыхъ областей. Характеръ кормленщиковъ они удержали еще за собою, но уже не въ прежнемъ значеніи: они стали теперь вмѣстѣ и органами государства.

Но не только въ административной сферѣ уходилъ и изглаживался прежній порядокъ вещей, когда-то исключительно правившій внутреннею жизнью Россіи: онъ упалъ и разрушался даже въ гражданскомъ быту; и въ немъ стало высказываться начало личности. Юридическія отношенія начали брать верхъ надъ кровными, родственными. Прежде порядокъ наслѣдованія, имущественныя и личныя отношенія между членами семей и родовъ опредѣлялись однимъ обычаемъ, нравами, свято соблюдаемыми; теперь они стали нуждаться въ посредничествѣ государства; оно устанавливаетъ ихъ и охраняетъ страхомъ наказаній. Появляется порча общественныхъ нравовъ — естественная и необходимая спутница всѣхъ переходныхъ эпохъ, когда одинъ порядокъ вещей смѣняется, но еще не смѣнился другимъ. Напрасно будемъ мы искать причину этой видимой перемѣны въ постороннихъ вліяніяхъ — татарскомъ игѣ и внутреннихъ смятеніяхъ начала XVII вѣка. Нельзя отрицать

этихъ вліяній, но они всего не объясняютъ: грубая, неразвѣтая и непризнанная личность искала простора; въ тѣсномъ кругу преобладающихъ кровныхъ отношеній ей становилось душно; они не давали ей развиваться, подавляли ее своими непреложными законами. И безъ всякихъ постороннихъ вліяній она, рано или поздно, предъявила бы свои права и въ частномъ, общественномъ быту, какъ прежде предъявила ихъ въ политическомъ и государственномъ. Законъ жизни былъ одинъ: и явленія были одинаковы.

III.

Древняя русская жизнь изчерпала себя вполне. Она развила всё начала, которыя въ ней скрывались, всё типы, въ которыхъ непосредственно воплощались эти начала. Въ строгой послѣдовательности она провела Россію сперва черезъ общинный бытъ, потомъ черезъ родовой и семейственный; она постепенно выводила на сцену исторіи типы племенначальника, начальника рода и вотчинника, и осуществляла ихъ въ большихъ размѣрахъ. Послѣднимъ ея усиліемъ, вѣнцомъ ея существованія были первые зачатки государства и начало личности. Въ нихъ она превзошла себя, какъ бы вышла изъ своихъ предѣловъ, хотя и государство и личность долго созрѣвали и готовились къ дѣйствованію подъ формами, ею созданными и развитыми. Она сдѣлала все, что могла, и, окончивши свое призваніе, прекратилась. Ее порицать, пренебрегать ею, или сожалѣть объ ней, думать о ея возвращеніи, доискиваться въ ней чего она не дала и не могла дать — равно ошибочно. И то и другое обнаруживаетъ взглядъ неисторическій, слѣдовательно непременно ложный. Лучшій критикъ, судья исторіи — сама исторія. Она высчитываетъ напередъ всё возможности, взвѣшиваетъ всё доводы и за и противъ съ

неподражаемою подробностію, и потомъ рѣшить — безъ апелляціи. Намъ остается только взглянуть въ этотъ судъ, въ эту критику, понять ее. Иначе мы непременно впадемъ въ односторонность.

Начало личности узаконилось въ нашей жизни. Теперь пришла его очередь дѣйствовать и развиваться. Но какъ? Лице было приготовлено древней русской исторіей, но только какъ форма, лишенная содержанія. Последняго не могла дать древняя русская жизнь, которой все назначеніе, конечная задача только въ томъ и состояли, чтобъ выработать начало личности, высвободить ее изъ-подъ ига природы и кровнаго быта. Сдѣлавшись независимой не черезъ себя, а какъ бы извнѣ, вслѣдствіе исторической неизбѣжности, личность сначала еще не признавала значенія, которое она получила, и потому оставалась бездѣятельною, въ ладу съ окружающею и ей несоотвѣтствовавшею средою. Но это не могло долго продолжаться. Неоживленная личность должна была пробудиться къ дѣйствованію, почувствовать свои силы и себя поставить безусловнымъ мѣриломъ всего.

Впрочемъ вдругъ она не могла сдѣлаться самостоятельною, начать дѣйствовать во имя самой себя. Она была совершенно неразвита, не имѣла никакого содержанія. Итакъ, оно должно было быть принято извнѣ; лице должно было начать мыслить и дѣйствовать подъ чужимъ вліяніемъ.

Такое вліяніе было для него необходимо и благотѣльно. Оно освободило его отъ всего непосредственнаго, даннаго, развязало ему руки, возбудило къ нравственному развитію и приготовляло къ совершенной, безусловной самостоятельности.

Вотъ характеръ и значеніе эпохи внутреннихъ преобразованій, которая наступила въ Россіи въ XVIII вѣкѣ и окончилась недавно. Въ сферѣ политической и государственной личность ранѣе стала независимою; поэтому она впервые въ ней

начала дѣйствовать неограниченно и подъ европейскимъ вліаніемъ. Въ Петрѣ Великомъ личность на русской почвѣ вступила въ свои безусловныя права, отрѣшилась отъ непосредственныхъ, природныхъ, исключительно-національных опредѣленій, побѣдила ихъ и подчинила себѣ. Вся частная жизнь Петра, вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія начала личности въ русской исторіи.

Какъ всякое историческое явленіе, эпоха преобразованій имѣетъ множество различныхъ сторонъ, и потому можетъ быть разсматриваема съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Многіе обвиняютъ ее въ томъ, что она пришла слишкомъ внезапно, дѣйствовала круто, насильственно, разорвала русскую исторію на двѣ половины, совершенно между собою несхожія, ничѣмъ несвязанныя, и насъ сдѣлала безхарактерными, жалкими междоумками или недоумками; наконецъ, что она лишила Россію національности, подчинила ее исключительному господству европейскихъ элементовъ и апостазію отъ національнаго возвала на степень добродѣтели.

Эти обвиненія, окончательно сформулированныя въ послѣднее время, вызваны состояніемъ, въ которое мы пришли, когда эпоха реформъ оканчивалась. Къ нему они и относятся, а не къ ней. Какъ историческое явленіе, они важны, характеризуютъ состояніе одной части общества послѣ реформы; какъ взглядъ на цѣлый отдѣлъ исторіи, они не имѣютъ никакой цѣны, по своему совершенно субъективному смыслу.

Во первыхъ, эпоха реформъ наступила у насъ не внезапно; она приготовлена всѣмъ предъидущимъ бытомъ. Кто не согласенъ съ нашимъ взглядомъ на русскую исторію, тому мы укажемъ на появленіе иностранныхъ обычаевъ еще до Петра; на умноженіе иностранцевъ въ московской Россіи; на всякаго рода отступничества отъ прежнихъ нравовъ; наконецъ, на упадокъ государственнаго устройства и управленія передъ

реформой. Разложеніе быта выражалось въ страшныхъ, неслыханныхъ злоупотребленіяхъ. Въ доказательство ссылаемся не на общественное мнѣніе и литтературу, которыхъ тогда въ Россіи не было, а на современные акты и законы.

Что реформа дѣйствовала круто, насильственно — это правда. Но чтобъ вывести изъ этого какое-нибудь заключеніе въ пользу или противъ нея, должно сперва рѣшить: чтѣ была современная ей Россія, и можно ли было дѣйствовать иначе?

Въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно. Мы были несчастныя дѣти, окруженныя самыми невыгодными условіями. — Къ бѣдной внѣшней природѣ присоединились глубокое невѣжество, полу-восточныя привычки, которыя держали насъ въ черномъ тѣлѣ, въ самыхъ зачаткахъ убивали всякое нравственное развитіе, всякую общественность, всякую свободу и движеніе. Тогда — страшная недавняя старина! — дѣлались вещи, непостижимыя, невообразимыя теперь. Чудовищны были время и общественность, которыя могли пересоздать благородную натуру Іоанна IV и наперекоръ ей воспитать ее въ нравственного уродца, изверга, не знавшаго границъ произволу. Только такая грубая, дикая, жалкая среда, въ которой не было и тѣни общественнаго мнѣнія, никакихъ общихъ, ни нравственныхъ, ни даже физическихъ интересовъ, сдѣлала возможнымъ преобразованіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно совершилось, со всѣми его крутыми мѣрами и насиліями. Оправданіе эпохи реформъ — въ ея цѣляхъ: средства дала, навязала ей сама старая Русь. Петръ дѣйствовалъ, какъ воспитатель, врачъ, хирургъ, которыхъ не обвиняютъ за крутыя и насильственныя мѣры. Нельзя было иначе дѣйствовать; невозможное теперь было тогда, по несчастію, необходимо, неизбежно.

Сверхъ того не забудемъ, что реформа особенно сосредоточилась въ государственной сферѣ, въ управленіи; прочихъ сто-

ронъ жизни она коснулась какъ будто мимоходомъ, и то большею частью тамъ, гдѣ они соприкасались съ государствомъ. А мы знаемъ, каково было положеніе государства передъ реформой и при Петрѣ: со всѣхъ сторонъ враги, а войска, денегъ, средствъ имъ противостоять не было. Въ управленіи — безпорядокъ и отсутствіе централизаціи. Тутъ некогда было выжидать, дѣйствовать исподоволь. Нужды были слишкомъ настоятельны, чтобъ можно было вести реформу медленно, спокойно, рассчитывая на много лѣтъ впередъ.

Потомъ говорятъ, что эпоха преобразованій отдѣлила старую Русь отъ новой непроходимую бездною, ничѣмъ не наполненной, изъ насъ сдѣлала ни то, ни се, что-то среднее между древней Россіей и Европой — амфибій человѣческаго рода. Но это не такъ. Внутренняя связь между древней и новой Россіей, какъ мы видѣли, есть. Есть и виѣшняя, въ событіяхъ. Петръ Великій ничего не зналъ о различіи древней и новой Россіи. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что продолжаетъ дѣло своихъ предковъ; такое же убѣжденіе имѣли и его сподвижники. Татищевъ безпрестанно сравниваетъ указы Петра съ Уложеніемъ и законами Іоанна, и не такъ, какъ мы теперь сравниваемъ Русскую Правду съ варварскими законами Германцевъ, а какъ постановленія, дополнявшія другъ друга въ практикѣ, относившіяся къ одной и той же жизни, разрѣшавшія одни и тѣ же вопросы. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія и законы Петра Великаго — лучшее доказательство, какъ въ его время объ Россіи, потому различенныя, были слиты въ одно нераздѣльное цѣлое. Мы скажемъ больше: ни одинъ живой вопросъ, возникшій въ древней Руси, не оставленъ Петромъ Великимъ безъ разрѣшенія. Какъ онъ ихъ рѣшилъ — объ этомъ мы не будемъ теперь разсуждать: рѣшилъ онъ всѣ. Мнѣніе, будто Петръ не зналъ Россіи, не имѣетъ никакого основанія. Онъ зналъ ее отлично, въ мелочахъ, въ подробностяхъ; но

онъ пренебрегалъ голословной казуистикой древней Россіи, которая гонялась за частностями и не развила ни одного юридическаго начала.

Непроходимая бездна между старымъ и новымъ создана послѣ воображеніемъ, совершенно отвлеченнымъ пониманіемъ исторіи. Новый міръ еще менѣе походитъ на древній, чѣмъ новая Русь на старую. Тамъ дѣйствуютъ и новые народы; однако мы знаемъ, что и древній міръ преобразовался мало по малу. Наполеонъ создалъ новый порядокъ вещей во Франціи, нисколько не похожій на тотъ, который имъ смѣнился; однако мы не говоримъ, что Франція до Наполеона и послѣ Наполеона — двѣ совсѣмъ разныя, ничѣмъ несвязанныя между собою Франціи. Вглядываясь въ событія, мы видимъ, что прежнее естественнымъ порядкомъ выродилось въ новое, какъ они ни различны между собою. Такъ и у насъ было.

Междоумками мы точно стали, но не во время реформы и не вслѣдствіе реформы. Вспомните людей временъ Елизаветы, Екатерины: ихъ, право, нельзя упрекнуть въ безхарактерности, въ неопредѣленности. Всѣ они носятъ на себѣ такой рѣзкій типъ, что ихъ почти съ перваго взгляда можно узнать. Еслибъ эпоха реформъ сбила ихъ съ толку, они не могли бѣ быть такими. Да и смотрѣли на преобразованія предки наши XVIII вѣка совсѣмъ другими глазами, нежели мы теперь. Они понимали реформу совершенно практически, брали съ бытовой, живой стороны. Имъ и въ голову не приходила мысль, что она можетъ лишить насъ народности, оторвать отъ прошлаго. Себя они считали Русскими, такими же, какими были ихъ предки XVII вѣка, и въ самомъ дѣлѣ, они были Русскіе, для которыхъ настало время здраваго смысла, не стѣсненнаго историческими преданіями. Недоумками мы сдѣлались уже послѣ, когда эпоха преобразованій начала приходить къ концу, стало слагаться общество и родилось безсознательное требо-

ваніе самостоятельности мысли и дѣйствій. — Тогда къ прошедшему, настоящему и будущему мы приступили съ вопроса-ми. То, что прежде само собой разумѣлось, теперь представилось задачей, требующей еще разрѣшенія. Все стало предметомъ критики, сужденій, и пока результаты этой критики не обнаружались, не выработался какой-нибудь взглядъ, сомнѣніе и нерѣшительность поразили умъ и дѣятельность. Но это было явленіе новое въ Россіи, не слѣдствие реформы, а необходимая прелюдія къ другому порядку вещей, который тогда зарождался.

Самое важное, капитальное обвиненіе эпохи преобразованій состоятъ въ томъ, что она, будто бы, лишила насъ народности и безусловно подчинила европейскому вліянію. Тутъ явное недоразумѣніе, частью отъ слова народность, частью отъ отвлеченнаго взгляда на русскую исторію.

Національность, народность въ разные эпохи развитія имѣютъ у одного и того же народа разные значенія. Сначала, когда народъ пребываетъ въ непосредственномъ, природномъ состояніи, народность въ его глазахъ неразрывно связана съ внѣшними формами его существованія; иначе и быть не можетъ, ибо другаго существованія онъ не знаетъ и представить себѣ не въ силахъ. Для него переменна формъ есть и утрата народности; онъ не узнаетъ себя подъ другою внѣшностію. Иванъ Берсень говорилъ еще въ XVI вѣкѣ, что народу, у котораго измѣняются обычаи, не долго стоять, и, по понятіямъ тогдашней Руси, онъ былъ правъ. Но когда народъ начинаетъ жить болѣе духовною жизнію, и слово — народность одухотворяется въ его устахъ. Онъ перестаетъ разумѣть подъ нимъ однѣ внѣшнія формы, но выражаетъ имъ особенность народной фizioноміи; — это нѣчто неуловимое, непередаваемое, на что нельзя указать пальцемъ, чего нельзя ощупать руками, чисто духовное, чѣмъ одинъ народъ отличается отъ другаго, несмотря

на видимое сходство и безразличіе. Словомъ, національность становится выраженіемъ особенности нравственнаго, а не внѣшняго, физическаго существованія народа. Съ бѣльшимъ сближеніемъ различныхъ народовъ она болѣе и болѣе одухотворяется, отрѣшается отъ внѣшняго, случайнаго, въ сущности безразличнаго: исчезнуть она не можетъ, пока не исчезнетъ самъ народъ.

Въ первомъ смыслѣ наша народность сильно тронулась; въ высшихъ классахъ общества она почти совсѣмъ исчезла. Но замѣтимъ: не съ реформы XVIII вѣка, а раньше, гораздо раньше, еще съ начала Московскаго государства. Оно внесло въ нашу народную жизнь первые зачатки нравственнаго существованія, развившіеся потомъ; оно впервые посягнуло и на нашу народность, въ тѣсномъ, непосредственномъ значеніи слова. Москва — первоначальница нашего ненаціональнаго развитія. Многимъ это покажется теперь страннымъ, но оно дѣйствительно такъ было.

Во второмъ смыслѣ мы никогда не теряли своей народности; нельзя указать ни на одну минуту въ нашей исторической жизни, начиная съ какого угодно времени, въ которую бы мы перестали быть Русскими и Славянами, потому что это совершенно, математически невозможно; *мы* всегда будемъ *мы*, и никогда *они*, кто-нибудь другой; иначе мы тотчасъ же исчезнемъ съ лица земли, перестанемъ существовать, какъ особенный народъ.

Мысль, что черезъ реформу мы потеряли или почти потеряли народность, есть не слѣдствіе изученія древней и новой исторіи Россіи, а одинъ изъ тѣхъ безсвязныхъ воплей, которые вырвались изъ нашей груди, когда, вмѣстѣ съ реформой, одна фаза нашего развитія кончилась, а другая не наступала. Тогда мы почувствовали какую-то усталость, нравственное расслабленіе, изъ которыхъ, казалось, не было выхода. До-

прашивая себя, откуда бы могла взяться эта преждевременная дряхлость, и думая, что за ней смерть, многіе обратились къ ближайшему прошедшему, придали ему страшный характеръ, освѣтили его траурнымъ свѣтомъ, обставили погребальными факелами. Имъ представилась, безспорно, одна изъ величайшихъ эпохъ нашей исторіи, время ея возрожденія, картиной упадка и разрушенія. Но эти краски ей чужды. Олицетвореніе древней и новой Россіи родило такое отвлеченное воззрѣніе. Многіе подумали, что за европейскимъ вліяніемъ въ Россіи XVIII и начала XIX вѣка ничего не было; что Европа, со всѣми особенностями, перешла къ намъ и водворилась у насъ на мѣсто прежняго. Еслибъ такъ было, Россія была бы теперь такъ же похожа на остальные европейскія государства, какъ Англія на Францію, Франція на Германію. А этого сродства совсѣмъ нѣтъ. Отчего же? оттого, что не Европа къ намъ перешла, а мы оевропеились, оставаясь Русскими по прежнему; ибо когда человѣкъ или народъ что-нибудь беретъ, заимствуетъ у другаго, онъ не перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Посмотрите на факты: Петръ и его преемники не имѣли никакого понятія о позднѣйшемъ противоположеніи Россіи и Европы. Они и не думали ввести у насъ иностранное, вмѣсто русскаго. Они видѣли недостатки въ современной имъ Россіи, хотѣли ихъ исправить, улучшить ея бытъ, и съ этою цѣлью часто прибѣгали къ европейскимъ формамъ, почти никогда не вводя ихъ у насъ безъ существенныхъ измѣненій; чтó изъ нашего исключительно національнаго казалось имъ хорошо, удовлетворительно, то они оставляли. Такъ дѣйствовали и частныя лица: все, чтó имъ казалось хорошимъ, было хорошо, откуда бы ни пришло. Упрекъ Петру, что онъ будто бы предпочиталъ иностранцевъ Русскимъ, не имѣетъ ни малѣйшаго основанія; гдѣ могъ, онъ всегда замѣщалъ первыхъ послѣдними. Извѣстно, что иностранцы не всегда были имъ довольны. На-

конецъ, въ гражданскихъ и военныхъ штатахъ, составленныхъ при Петрѣ, на одного иностранца вездѣ положено по два Русскихъ. Еслибъ онъ предпочиталъ первыхъ, онъ бы такъ не поступалъ. Просто, они были ему нужны, ибо знали то, чего не знали тогда Русскіе и что было необходимо для Россіи.

Вообще никогда не должно забывать, что эпоха преобразований, какъ все живущее, имѣла внутреннее единство, цѣлость. Практическія пользы, улучшенія поглощали всю дѣятельность; объ именахъ и названіяхъ мало думали. Русское и иностранное — все сливалось въ одно, чтобъ вести Россію впередъ. Но когда эта эпоха стала клониться къ концу, а новые пути для такого же цѣлостнаго, живаго дѣйствования еще не были найдены, мы почувствовали въ себѣ пустоту, скуку; дѣятельность смѣнило бездѣйствіе, необходимое, потому что прежніе источники дѣйствования изсякли. Живой духъ эпохи исчезъ. Отъ нея оставался трупъ, который сталъ разлагаться на свои составныя стихіи, уже ничѣмъ не соединенныя. Тогда-то появилось у насъ противоположеніе русскаго европейскому, желаніе думать, дѣйствовать и чувствовать національно, народно, или во что бы то ни стало, по-европейски. — Требованіе самостоятельности и требованіе лучшаго, которыя нашли представителей въ этихъ двухъ крайностяхъ, прежде слитыя во едино, теперь распались и стали враждебны. Серединой между ними было уже безмысліе и апатія. Такимъ образомъ настоящій смыслъ эпохи реформъ былъ потерянъ и забытъ. Ее начали безусловно порицать или безусловно хвалить, но съ важными недоразумѣніями и натяжками съ обѣихъ сторонъ, потому что ее подводили подъ извѣстныя, одностороннія точки зрѣнія, которымъ она никакъ не поддавалась. Въ наше время этотъ дуализмъ, признакъ едва зарождавшейся въ насъ умственной и нравственной жизни, начинаетъ исчезать и становится прошедшимъ. Его смѣняетъ мысль о че-

ловѣкъ и его требованіяхъ. Чтѣ эпоха преобразованій сдѣлала въ практической жизни, то теперь происходитъ у насъ въ области мысли и науки. Непереступаемыя границы между прошедшимъ и настоящимъ, русскимъ и иностраннымъ, разрушаются; открывается широкое воззрѣніе, не стѣсняемое никакими предразсудками, прирожденными или выдуманнѣми ненавистями. Можетъ-быть, мы оттого и начинаемъ питать такія глубокія симпатіи къ Петру Великому. На другомъ поприщѣ онъ велъ насъ по той же дорогѣ.

Итакъ, внутренняя исторія Россіи — не безобразная груда безсмысленныхъ, ничѣмъ несвязанныхъ фактовъ. Она, напротивъ, стройное, органическое, разумное развитіе нашей жизни, всегда единой, какъ всякая жизнь, всегда самостоятельной, даже во время и послѣ реформы. Исчерпавши всѣ свои исключительно національные элементы, мы вышли въ жизнь общечеловѣческую, оставаясь тѣмъ же, чѣмъ были и прежде — русскими Славянами. У насъ не было начала личности: древняя русская жизнь его создала; съ XVIII вѣка оно стало дѣйствовать и развиваться. Оттого-то мы такъ тѣсно и сблизились съ Европой; ибо совершенно другимъ путемъ она къ этому времени вышла къ одной цѣли съ нами. Развивши начало личности до нельзя, во всѣхъ его историческихъ тѣсныхъ, исключительныхъ опредѣленіяхъ, она стремилась дать въ гражданскомъ обществѣ просторъ человѣку, и пересоздавала это общество. Въ ней наступалъ тоже новый порядокъ вещей, противоположный прежнему, историческому, въ тѣсномъ смыслѣ національному. А у насъ вмѣстѣ съ началомъ личности человѣкъ прямо выступилъ на сцену историческаго дѣйствованія, потому что личность въ древней Россіи не существовала, и слѣдовательно не имѣла никакихъ историческихъ опредѣленій. Того и другаго не должно забывать, говоря о заимствованіи и реформахъ Россіи въ XVIII вѣкѣ: мы

заимствовали у Европы не ея исключительно національные элементы; тогда они уже исчезли или исчезали. И у ней и у насъ рѣчь шла тогда о человѣкѣ; сознательно или безсознательно — это все равно. Бѣлая развитость, высшая степень образованія, большая сознательность была причиной, что мы стали учиться у ней, а не она у насъ. Но это не измѣняетъ ничего въ сущности. Европа боролась и борется съ рѣзко, угловато развившимися историческими опредѣленіями человѣка; мы боролись и боремся съ отсутствіемъ въ гражданскомъ быту всякой мысли о человѣкѣ. Тамъ человѣкъ давно живетъ и много жилъ, хотя и подъ односторонними историческими формами; у насъ онъ вовсе не жилъ, и только что началъ жить съ XVIII вѣка. Итакъ, вся разница только въ предъидущихъ историческихъ данныхъ, но цѣль, задача, стремленія, дальнѣйшій путь одинъ. Бояться, что Европа передастъ намъ свои отжившія формы, въ которыя она сама уже не вѣритъ, или надѣяться, что мы передадимъ ей свои — древне-русскія, въ которыя мы тоже извѣрились, — значить не понимать ни новой европейской, ни новой русской исторіи. Обновленныя и вѣчно юныя, онѣ сами творятъ свои формы, не стѣсняясь предъидущимъ, думая только о настоящемъ и будущемъ.

Такой взглядъ объясняетъ много загадочныхъ явленій въ нашей внутренней жизни. Понятнымъ дѣлается, почему не было и нѣтъ у насъ сословій, какъ въ Европѣ; почему нашъ гражданскій бытъ и устройство, сходные съ европейскими въ частностяхъ, совершенно не сходны въ общемъ; отчего мы европейскія формы предпочли всѣмъ прочимъ, не заимствуя однако тѣхъ, которыя исключительно принадлежатъ къ ея прошедшему, и отъ него удержались; отчего въ насъ такъ много удивительно хорошаго и, рядомъ съ тѣмъ, такъ много удивительно дурнаго, отчего такая странная распу-

щенность, безсвязность, случайность царствуют во всемъ, что мы ни дѣлаемъ, что ни предпринимаемъ; отчего..... но всего не пересчитаешь.—Читатель, занимаясь русской исторіей или думая о своей жизни, самъ увидить, что въ нашемъ взглядѣ есть большая доля правды.

Москва.

23 февраля, 1846 года.

ОТВѢТЪ «МОСКВИТЯНИНУ».

Во второмъ номерѣ «Москвитянина» въ статьѣ г. М... З... К.... подъ заглавіемъ: «о мнѣніяхъ Современника, историческихъ и литературныхъ», помѣщенъ подробный разборъ моей статьи: «взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи», напечатанной въ I № Современника. Тонъ критики, кажущаяся дѣльность возраженій, послѣдовательность взгляда, — все налагаетъ на меня обязанность отвѣчать. Г. М.... З.... К.... удостоилъ мою статью прочтеніемъ, слѣдовательно на этотъ разъ споръ возможенъ...

Признаюсь, авторъ критики поставилъ меня въ затруднительное и неловкое положеніе. Въ моей статьѣ я отстаивалъ необходимость теоріи для русской исторіи: это была основная мысль, заставившая меня взяться за перо. Критика г. М.... З.... К.... показала весь вредъ, происходящій отъ теоретическаго воззрѣнія, и мнѣ какъ будто приходится опровергать себя. Постараемся объяснить это очевидное недоразумѣніе.

Что такое теорія? Опредѣленіе и изложеніе законовъ, по которымъ данный предметъ живетъ и измѣняется. Значитъ теорія русской исторіи есть обнаруженіе законовъ, которые опредѣлили ея развитіе. Но жизнь народа есть органическое цѣлое, въ которомъ измѣненія происходятъ послѣдовательно и по внутреннимъ причинамъ; все въ ней условлено одно дру-

чимъ, такъ что настоящее есть послѣдовательный результатъ прошедшаго, прошедшее естественно переходитъ въ настоящее; поэтому, когда мы думаемъ, что въ народной жизни лучшее смѣняется очевидно худымъ и неудовлетворительнымъ, мы жестоко себя обманываемъ: это лучшее только кажется намъ такимъ; ближе его разсматривая, мы замѣтимъ въ немъ тѣ органическіе недостатки, которые величайшій критикъ и фізіологъ — дѣйствительная жизнь открываетъ гораздо прежде ученыхъ изслѣдованій и обнаруживаетъ практически, уничтожая это лучшее и замѣняя его другимъ — недостаточнымъ для насъ, потому что мы стремимся впередъ, но лучшимъ сравнительно съ тѣмъ, что имъ упразднено. Этому измѣненію сужденій объ историческихъ событіяхъ и лицахъ, поправкѣ, такъ сказать, этихъ сужденій чрезвычайно способствуетъ теорія. Обнимая однимъ взглядомъ цѣлое, указывая безпрестанно на единство въ самыхъ разнообразныхъ и разновременныхъ явленіяхъ, она заставляетъ на каждомъ шагу сравнивать, повѣрять фактъ фактомъ, выводъ выводомъ, и открывать новыя стороны въ одномъ и томъ же предметѣ; такъ слагается наконецъ мѣрило для фактовъ, лежащее внѣ личныхъ пристрастій и предубѣжденій, условленныхъ вліяніемъ окружающей среды. Возможность въ одно и тоже время судить историческое явленіе на основаніи прошедшаго и чаемаго будущаго расширяетъ кругъ зрѣнія, рождаетъ многосторонній взглядъ на предметъ, освобождаетъ отъ исключительности, легко переходящей въ ограниченность. Все это плоды теоретическаго взгляда, и въ этомъ его заслуга; ибо если онъ не изчерпываетъ предмета, то во всякомъ случаѣ заставляетъ о немъ думать, его изслѣдовать.

Не такъ понимаетъ теорію авторъ критики, г. М.... Э.... К.... у него она слагается не изъ наблюденій надъ внутреннимъ процессомъ предмета, а изъ идеаловъ, конечно прекрасныхъ, благородныхъ, но, къ сожалѣнію, покуда нигдѣ и никогда

еще не воплотившихся. Не замѣчая этого, онъ ревностно отыскиваетъ ихъ въ русской исторіи и — что мудреного — съ помощью добросовѣтнаго злоупотребленія фактовъ, находитъ. Онъ до того погруженъ въ свою мысль, что не слышитъ вопіющаго противъ него голоса дѣйствительности, не видитъ вещей самыхъ простыхъ, осязательныхъ, даже не замѣчаетъ, что его возвышенные идеалы оскорбительно-несправедливы. Такихъ теорій нельзя не отвергать, — и вотъ объясненіе недоразумѣнія, о которомъ мы говорили выше. Постараемся доказать это.

Взглядъ автора существенно вотъ въ чемъ заключается: начало личности, предоставленное самому себѣ и развиваемое романо-германскимъ міромъ, лишено любви, и потому порождаетъ ассоціацію, а не общину. Въ настоящее время западная Европа живо почувствовала односторонность, неудовлетворительность, этого начала, и въ лицѣ своихъ «передовыхъ мыслителей» остановилась передъ общиной, которая для него существуетъ лишь какъ абстрактная формула, требованіе. Что же такое община? Такое общество, или общежитіе, въ которомъ царитъ абсолютный законъ, родовая норма личности, но вслѣдствіе сознательнаго и свободнаго подчиненія ей всѣхъ индивидуумовъ, его составляющихъ. Община въ этомъ значеніи была и есть сущность, внутренняя основа славянскаго племени. Такъ какъ развитіе этого начала стоитъ теперь на очереди въ исторіи и есть задача славянскаго міра, то къ нему уже и обратились лучшіе европейскіе умы съ сочувствіемъ и ожиданіемъ. Читатели могутъ подумать, что я преувеличилъ, если можно такъ выразиться, мнѣнія г. М.... Э.... К.... и сдѣлалъ ихъ невѣроятными. Вотъ его подлинныя слова.

«Развитіе германскаго начала личности, предоставленной себѣ самой, не имѣетъ ни конца, ни выхода; путемъ исчерпыванія историческихъ явленій личности, до идеи о человѣкѣ, то есть до начала абсолютнаго соединенія и

подчинения личностей подъ верховный законъ, логически дойти нельзя; потому что процессъ аналитическій никогда не переходитъ самъ собою въ синтетическій» (стр. 172).

«Западный міръ выражаетъ теперь требованіе органическаго примиренія начала личности съ началомъ объективной и для всѣхъ обязательной нормы—требованіе общины. Это требованіе совпадаетъ съ нашею субстанціею: въ оправданіе формулы мы приносимъ быть, и въ этомъ точка соприкосновенія нашей исторіи съ западною».

«Общинный бытъ Славянъ основанъ не на отсутствіи личности, а на свободномъ и сознательномъ ея отреченіи отъ своего полновластія» (стр. 173).

«Что касается до насъ, то признаемся, мы никакъ не можемъ понять того логическаго процесса, посредствомъ котораго изъ германскаго начала, предоставленнаго самому себѣ, изъ одной идеи личности, можетъ возникать иное общество, кромѣ искусственной, условной ассоціаціи? Какимъ образомъ начало разобщающееся обратится въ противоположное начало приниженія и единенія? Какимъ образомъ, говоря словами автора, понятіе о личности перейдетъ въ понятіе о человѣкѣ?» (стр. 146 и 147).

«Если вы скажете, что можно дойти до утомленія, до сознанія практической пользы и даже необходимости ограничить разгулъ личности, то мы замѣтимъ вамъ, что такого рода сознаніе, какъ результатъ самыхъ разнородныхъ и всѣхъ личныѣхъ потребностей, не выведетъ изъ круга развитія личности. Наприм. бѣднякъ почувствуетъ необходимость взять у богатаго кусокъ хлѣба, чтобы не умереть съ голода; положимъ даже, что богатый почувствуетъ съ своей стороны необходимость уступить что-нибудь бѣдному, чтобы не довести послѣдняго до отчаянія и не потерять всего; положимъ что они сойдутся и съ общаго согласія постановятъ какой бы то ни было порядокъ. Этотъ порядокъ, для того и для другаго, будетъ отнюдь не абсолютнымъ человѣческимъ закономъ, а только удобнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ къ достиженію личнаго благосостоянія. Представится другое средство, они за него ухватятся, и будутъ правы; ибо, уступая внѣшней необходимости, личность ограничивала себя въ пользу себя самой. До идеи человѣка мы все-таки не дошли и не дойдемъ. И такъ на личности, ставящей себя безусловнымъ мѣриломъ всего, можетъ основаться только искусственная ассоціація, уже осужденная исторіею; но абсолютной нормы, закона безусловно общественнаго для всѣхъ и каждаго, изъ личности, путемъ логики, вывести нельзя; слѣдовательно не выведетъ его и исторія. Наконецъ, откуда бы оно ни пришло, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы названіемъ ни явилось, вы должны сознаться, что передъ нимъ личность утратитъ свое абсолютное значеніе; другая власть, отъ нея независящая, не ею созданная, воцарится надъ личностью и ограничитъ ее. Мѣрило личности будетъ уже не въ ней самой, а внѣ ея; оно получитъ объективное, самостоятельное значеніе, въ совпаденіи съ нимъ личность найдетъ свое оправ-

даніе, въ отступленіи отъ него свое осужденіе. Вы скажете, что это мѣрило не должно быть навязано, что личность, признавая въ немъ свой собственный идеалъ и подчиняясь ему, совершить актъ свободы, а не рабства; такъ, — и слѣдовательно личности предстоить одно назначеніе: познать свою родовую норму, свой законъ. Но для того, чтобы познать его, она должна признавать его существующимъ. Ей должно быть всегда присуще хотя темное сознаніе и закона и своего несовершенства, своей не правоты передъ нимъ; а это сознаніе несовмѣстно съ чувствомъ неограниченнаго полновластія личности и ея значенія какъ мѣрила для всего» (стр. 147 и 148).

Я сказалъ въ своей статьѣ, что само въ себѣ общинное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Г. М.... З.... К.... говорить:

«Не смотря на всѣ натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидали бы тоже въ принятіи Христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, если бы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хоть одно слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство. Нѣтъ; общинное начало составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей, настоящей и будущей; сѣмяна и корни всего великаго, возносящагося на поверхности, глубоко зарыты въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить» (стр. 138).

«Семейство и родъ представляютъ видъ общежитія, основанный на единствѣ кровномъ; городъ съ его областью — другой видъ, основанный на единствѣ областномъ, и позднѣе епархіальномъ; наконецъ единая обнимающая всю Россію государственная община, послѣдній видъ, выраженіе земскаго и церковнаго единства. Всѣ эти формы различны между собою, но онѣ суть только формы, моменты постепеннаго расширенія одного общиннаго начала, одной потребности жить вмѣстѣ въ согласіи и любви, потребности, сознаваемой каждымъ членомъ общины, какъ верховный законъ обязательный для всѣхъ, и носящій свое оправданіе въ самомъ себѣ, а не въ личномъ произволеніи каждаго. Таковъ общинный бытъ въ существѣ его; онъ основанъ не на личности, и не можетъ быть на ней основанъ; но онъ предполагаетъ высшій актъ личной свободы и сознанія — самоотреченіе. Въ каждомъ моментѣ его развитія онъ выражается въ двухъ явленіяхъ, идущихъ параллельно и необходимыхъ одно для другаго. Вѣче родовое (н. п. княжескіе сеймы) и родоначальникъ.

Вѣче городское и князь. Вѣче земское или дума и царь. Первое служить выраженіемъ общаго связующаго начала; второе — личности. Положимъ, взаимныя отношенія князей предопредѣлялись родовымъ началомъ; но что такое князь въ отношеніи къ міру, если не представитель личности, равно близкій каждому, если не признанный заступникъ и ходатай каждаго лица передъ міромъ. Почему община не можетъ обойтись безъ него; какому требованію, глубокому, существенному духа народнаго онъ отвѣчаетъ, если не требованію сочувствія къ страждущей личности, состраданія, благоволенія и свободной милости? Признавъ его и поставивъ надъ собою, община выразила въ живомъ образѣ свое живое единство. Каждый отрекся отъ своего личнаго повластія и вмѣстѣ спасъ свою личность въ лицѣ представителя личнаго начала. (стр. 159 и 160).

«Идеалъ Новгородскаго быта, къ которому онъ стремился—можно опредѣлить какъ согласіе князя съ вѣчемъ. Иногда оно осуществлялось, не на долго, и эти рѣдкія минуты представляютъ апогей быта Новгородскаго. Таково напр. княженіе Мстислава, его прибытіе въ Новгородъ, его подвиги и прощаніе съ новгородцами. Въ грамотахъ Новгородскихъ значеніе князя опредѣляется отрицательно: не дѣлай того, не заводи другаго. Положительныя требованія заключались въ живомъ сознаніи всей земли; ихъ нельзя было уписать въ пяти строкахъ. И такъ элементы будущаго государственнаго устройства, міръ и личность, существовали въ Новгородѣ, и вся Новгородская исторія выражала стремленіе къ ихъ согласію. А почему Новгородъ не возвелъ ихъ въ правильную государственную форму, тому причина простая. Новгородская земля была часть русской земли, а не вся Россія; государство же должно было явиться только какъ юридическое выраженіе единства всей земли» (стр. 164 и 165).

«Способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распадѣніе общества на большинство и меньшинство и разложеніе общиннаго начала; вѣче, выраженіе его, нужно именно для того, чтобы примирить противоположности; цѣль его—вынести и спасти единство. Отъ этого оно обыкновенно оканчивается въ лѣтописяхъ формулою: «спидошася вси любовь». Способъ рѣшенія единогласный, отличаеый авторомъ отъ формы вѣчевыхъ приговоровъ, въ которыхъ не было счета голосовъ и балотировки, относится къ ней какъ совокупность единицъ къ цѣлому числу, какъ единство количественное къ единству нравственному, какъ внѣшнее къ внутреннему» (стр. 165).

Кажется эти выписки достаточно меня оправдываютъ; возрѣніе дѣйствительно невѣроятное — только не по моей винѣ: вся честь парадоксальности посылокъ, неестественности пониманія и произвольности выводовъ нераздѣльно принадлежить

г. М.... З.... К.... А что его послышки парадоксальны, пониманіе не естественно, выводы произвольны — это видно изъ самаго поверхностнаго разбора его «теоріи».

Во первыхъ, авторъ думаетъ, что ассоціація, результатъ исключительнаго развитія начала личности — ложная, неудовлетворительная форма общественности, въ которой человѣкъ не можетъ выйти изъ очарованнаго круга исключительнаго опредѣленія личности и сдѣлаться въ самомъ дѣлѣ человѣкомъ. Этой формѣ противопоставляется община, гдѣ господствуетъ абсолютный законъ, родовая норма личности, передъ которой всѣ добровольно и сознательно «принижаются». Требованіе прекрасно; но я бы попросилъ г. М.... З.... К.... высказать мнѣ эту родовую норму личности, этотъ абсолютный законъ. Правда или нѣтъ, что у разныхъ народовъ, въ разные времена она различна? Правда или нѣтъ, что она различна у одного и того же народа въ разные эпохи? Какъ въ человѣкѣ измѣняется сознаніе о томъ, что хорошо и что дурно, такъ и въ народѣ, и въ цѣломъ человѣчествѣ. Если это справедливо — исканіе абсолютной нормы личности есть исканіе философскаго камня или той блаженной, но нигдѣ небывалой земли, гдѣ люди — воплощенные ангелы, незнающіе ни зла ни законовъ. Абсолютный законъ — идеаль, создаваемый въ разное время разными народами и лицами различно, и выдвигаемый ими впередъ какъ цѣль, къ которой должно стремиться, а у восточныхъ, младенствующихъ и въ переходномъ состояніи находящихся народовъ отодвигаемый назадъ, какъ утраченное, предметъ вѣчныхъ скорбныхъ воспоминаній. И въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ свидѣтельствуетъ о новой фазѣ развитія и сознанія и есть достояніе и плодъ исторіи. Этихъ идеаловъ было столько, и такъ они различны, что наконецъ нельзя было не усомниться въ абсолютной истинности, не напасть на мысль объ ихъ историческомъ или, если хотите, физиологическомъ

значеніи для человѣчества. Затѣмъ осталось одно общее понятіе о добрѣ и злѣ, которому невозможно дать абсолютной формы, ибо оно неизбежно формулируется извѣстнымъ историческимъ образомъ, слѣдственно не абсолютно. Можетъ быть впрочемъ авторъ не принимаетъ и развитія въ исторіи человѣчества, какъ онъ не признаетъ многого, что однако несомнѣнно: въ такомъ случаѣ намъ нечего дѣлать, ибо о бѣломъ и черномъ не спорятъ. Пусть насъ разсудятъ читатели, для которыхъ я и отвѣчаю моему критику.

Возьмите тотъ же вопросъ съ другой стороны. Г. М.... З.... К.... знаетъ, какъ разнообразны требованія людей, составляющихъ всякое общество. Безспорно, произволъ и случайность играютъ въ этомъ не маловажную роль; но всего имъ нельзя приписать: темпераментъ, природныя наклонности и особенности людей полагаютъ между ними существенное различіе. Спрашивается, какая родовая норма будетъ такъ всѣмъ имъ близка, что они ей подчинятся сознательно и добровольно? Кажется и у древнихъ Славянъ ея не было, если они находили иногда нужнымъ бить, даже убивать нѣкоторыхъ членовъ своихъ общинъ за несогласіе съ общимъ мнѣніемъ. Вы говорите о самоотреченіи и самопожертвованіи? Прекрасно. Но вѣдь если оно выпущдено, то оно уже не добровольное и сознательное, слѣдовательно не самопожертвованіе и самоотреченіе, а невынужденнаго въ отношеніи ко всѣмъ, мы рѣшительно нигдѣ и никогда не видали, даже не видали у Славянъ, которыхъ сущность, по вашимъ же словамъ, общинное устройство и быть. Что же съ этимъ дѣлать! люди своекорыстны и злы; надо, какъ это нѣ горько, видѣть ихъ, какъ они есть, и по нимъ создавать и устроить ихъ общественный бытъ. Переродите родъ человѣческій — о, тогда другое дѣло! Укажите намъ на человѣческое общество, въ которомъ бы всѣ до единого были готовы на самоотреченіе и самопожертвованіе—мы

хоть и не признаемъ нормы между ними господствующей за абсолютную родовую норму личности, однако не усомнимся, признать ихъ устройство за самое вождеденное. Но покуда такое общество не отыскалось, позвольте мнѣ, и со мною конечно многимъ другимъ, остаться при мысли, что то общественное устройство возможно-лучшее, въ которомъ, для чело-вѣка, его желаній и дѣятельности, открыто самое широкое по-прище,—словомъ, такое устройство, гдѣ абсолютная общин-ная норма, о которой вы говорите, вовсе не существуетъ. Сожительство съ другими, безъ котораго чело-вѣкъ не можетъ обойтись, неизбѣжно влечетъ за собой для него разныя обязан-ности: обязанность поддерживать это общежитіе, обязанность не мѣшать и не вредить другимъ. И этого уже слишкомъ доста-точно. Попробуйте водворить еще вашу абсолютную норму—и общежитіе сдѣлается невыносимымъ бременемъ, такимъ тя-желымъ, что будетъ перевѣшивать всю тяжесть, всю невоз-можность одиночества.

И что за требованіе общей (мы уже не назовемъ ее, послѣ сказаннаго, абсолютной) нормы для людей, передъ которой всѣ добровольно и сознательно «принижаются»? Что за мысль, что каждый, живя какъ ему угодно, удовлетворяя своимъ наклон-ностямъ и влеченіямъ, по прихоти, не останется чело-вѣкомъ, совершенно сообразнымъ съ своей родовой нормой? Право, чтобы убѣдиться въ этой мысли, надо быть влюбленнымъ въ нее до полного пренебреженія дѣйствительности; ибо самое поверхностное наблюденіе очевидно приводитъ къ другимъ ре-зультатамъ.

Взглядъ г. М.... З.... К.... на чело-вѣка слишкомъ узокъ, хотя и вѣренъ себѣ.

Наконецъ я бы хотѣлъ знать, какимъ образомъ г. М.... З.... К.... разрѣшаетъ нѣкоторые практическіе вопросы, естественно возникающіе изъ его взгляда. Чтобы всѣ въ

одинъ голосъ сознавали родовую норму личности и добровольно и сознательно ей подчинялись — это математически невозможно. Стало-быть ее опредѣлять не всѣ. Кто же? Большинство? Нѣтъ, ибо оно можетъ заблуждаться, и потомъ главное, по словамъ г. М... З... К... «способъ рѣшенія по большинству запечатлѣваетъ распаденіе общества на большинство и меньшинство и распаденіе общиннаго начала». Меньшинство? Опять нельзя; съ этимъ и авторъ не согласенъ, и всѣ тѣ, которые думаютъ одинаково со мною. Какъ же? Непосредственнымъ сознаніемъ, какъ-то само собою? Это невозможно, и непремѣнно или будетъ на основаніи мнѣнія большинства, или меньшинства. Допустимъ однако эту невозможность. Что жъ дѣлать съ тѣми, которые не согласны? Наказать ихъ, принудить согласиться? Такъ и авторъ не думаетъ. Изгнать? Хорошо. Они или пристанутъ къ другой общинѣ, гдѣ добровольно подчинятся закону, тамъ властвующему; но тогда гдѣ жъ родовой законъ личности? Община значить живетъ не по родовому закону? Или они, эти изгнанные, не найдутъ другой общины, потому что вездѣ царитъ родовой законъ, подѣ который они не подошли добровольно и сознательно: имъ остается или основать новую общину, или жить по одиночкѣ, вѣтъ всякаго общества, служа живымъ опроверженіемъ системы г. М... З... К... Иначе, право, я не знаю, что имъ дѣлать! Пусть поправитъ меня г. М... З... К..., если я ошибаюсь: я торжественно, печатно признаюсь, что заблуждался до сихъ поръ. А покуда, г. М... З... К..., во всѣхъ переменѣхъ общественнаго быта, въ наше время, я вижу одно, очень выскazanное стремленіе: дать человѣку, личности сколько возможно болѣе развитія, сколько дозволяютъ условія общественной безопасности и спокойствія. Въ концѣ такого развитія предвидится не царство абсолютнаго закона, а совершенно свободная дѣятельность лица; абсолютный законъ все болѣе и болѣе сво-

дится къ самой общей внѣшней категоріи—не мѣшай другимъ, не стѣсняй ихъ, ибо безъ этого невозможно общежитіе.

Теперь нѣсколько словъ о славянскихъ общинахъ. Дѣйствительно, у древнѣйшихъ Славянъ были общины: я признаю это тѣмъ охотнѣе, что и въ статьѣ, вызвавшей возраженіе г. М... З... К..., говорилъ тоже самое. Но что такое онѣ были, какая была ихъ дальнѣйшая судьба, — вотъ въ чемъ существенное разногласіе между нами. Я вижу ихъ въ началѣ и говорю: да онѣ были; потомъ вижу постепенное ихъ паденіе и совершенное уничтоженіе; не имѣю никакой возможности опровергнуть этотъ фактъ, очевидный не только у насъ, но и у всѣхъ славянскихъ племенъ, сдѣлавшихъ хоть одинъ шагъ въ гражданской цивилизаціи, и ограничиваюсь его объясненіемъ. Многія данныя доводятъ меня до мысли, что славянскія общины пали потому, что были непосредственныя, основанныя первоначально на кровномъ родствѣ, проникнутыя патріархальностью, которая, какъ видно изъ всей исторіи, падаетъ съ успѣхами и развитіемъ гражданственности — и эту мысль я и высказываю. Положимъ, что я ошибаюсь; противопоставьте же моей гипотезѣ другую, болѣе правдоподобную, основательную, но не отрицайте фактовъ: они явны, они говорятъ за себя. Вмѣсто того, что дѣлаетъ г. М... З... К...? Видя, что наши общины утрачиваютъ и политическое и даже административное, гражданское значеніе (ибо какъ же этого не видать!), онѣ все-таки продолжаютъ твердить, что онѣ существуютъ, и наконецъ пророчески восклицаетъ: «нѣтъ; общинное начало «составляетъ основу, грунтъ всей русской исторіи, прошедшей «и настоящей и будущей; сѣмяна и корни всего великаго, воз- «носящагося на поверхности, глубоко зарытые въ его плодотворной глубинѣ, и никакое дѣло, никакая теорія, отвергающая эту основу, не достигнетъ своей цѣли, не будетъ жить». Г. М... З... К... упорно отрицаетъ факты. Что жъ съ этимъ

дѣлать? приходится замолчать. Законодательство и всѣ учрежденія со времени Петра Великаго съ каждымъ днемъ дѣлаютъ новыя завоеванія въ нашемъ общественномъ устройствѣ въ пользу другаго высшаго начала общественности, а г. М... З... К... увѣряетъ, что общинный бытъ господствуетъ у насъ теперь. Какъ же съ нимъ спорить?

Одна посылка не вѣрна практически, другая не вѣрна исторически; что жъ можетъ быть выводъ изъ нихъ, объ отношеніяхъ романо-германскаго міра къ славянскому? Въ системѣ г. М... З... К... это не правда, потому что основанія вывода неправильны. Какъ! простой психологическій фактъ, ежедневно повторяющійся на каждомъ изъ насъ, даетъ намъ право строить системы, дѣлать заключенія о будущихъ судьбахъ славянскаго племени, произносить приговоръ надъ цѣлой, доселѣ лучшей частью человѣчества? Странно! По крайней мѣрѣ это не метода историка или критика. Оспаривайте чьи угодно мысли и историческія теоріи, но на основаніи положительныхъ данныхъ, совершившихся событій, а не мечтаній о будущемъ, которое отъ насъ сокрыто. Вы напримѣръ думаете, что наша сущность — общинное начало, и основываете это на мечтаніяхъ, а не фактахъ, ибо они говорятъ противъ васъ; гораздо съ бѣльшимъ правомъ я бы могъ утверждать, что наша задача — развить личность до высшей степени. Обѣ гипотезы въ своемъ родѣ прекрасны, но что жъ изъ этого? Вправѣ ли мы, говоря о будущемъ, грудью отстаивать представленія, которыя мы о немъ составили, каждый по своему? Дѣйствуя такъ, мы свидѣтельствуемъ только о младенчествѣ нашего пониманія. Пора намъ хоть когда-нибудь отъ этого отдѣлаться. Что славянскій міръ новая почва въ исторіи, и по всѣмъ видимостямъ не безплодная — это безспорно. Но что за роль ему предстоитъ: устыдить ли Европу блескомъ своего развитія и величія, или стать съ нею рядомъ и дружно идти по дорогѣ, общей всѣмъ

человѣческимъ племенамъ, разумѣется сохраняя свои особенности національныя и другія, — объ этомъ г. М... З... К... такъ же мало знаетъ, какъ и я, если только захочетъ смпренно въ этомъ сознаться.

Вотъ съ какой теоріей выступилъ противъ меня г. М... З... К... Въ этомъ всеоружіи онъ разбираетъ мою статью, сначала общую ея часть. Въ разборѣ я нашелъ рядъ приди-рокъ, а не возраженій. Я сказалъ: русско-славянскія племена образовались нарожденіемъ; чрезъ всю нашу древнюю исторію никакіе элементы не были насильственно вторгнуты въ нашу жизнь; слѣдовательно мы развивались безпрепятственно, изъ себя, развивали свои историческіе элементы. Эти элементы, первоначальныя данныя — исключительно кровный родствен-ный бытъ; слѣдовательно ихъ развитіе наполняетъ нашу вну-треннюю исторію. Въ чемъ же должно было состоять это раз-витіе? Новая исторія привела меня къ мысли, что оно должно состоять въ постепенномъ отрицаніи, распаденіи исключитель-но кровнаго элемента и въ постепенномъ приготовленіи лич-ности къ самостоятельному дѣйствованію. Историческая часть служить подтвержденіемъ этой мысли. Кажется ясно и просто. Если я заблуждаюсь, опровергните премиссы, докажите, что нашъ бытъ не былъ исключительно кровный, родственный, — что въ составъ русскихъ Славянъ вошли другіе сильные эле-менты, измѣнившіе нашъ внутренний бытъ, — что личность яв-ляется у насъ дѣйствующею съ самого начала, словомъ, какъ-нибудь подорвите одну изъ основъ исторіи, и она рухнетъ сама собою. Въ критикѣ г. М... З... К... не находимъ ничего по-добнаго.

Онъ говоритъ, что и всѣ народы образовались чрезъ на-рожденіе, какъ будто я когда-нибудь доказывалъ противное; не касаясь нисколько замѣчанія, что постороннія начала ни-когда не были насильственно вносимы въ жизнь русскихъ Сла-

вянъ, отрицаетъ, что въ древнѣйшія времена они имѣли исключительно родственный бытъ, а почему — Богъ вѣсть; кто жъ не видитъ, что если народъ образовался чрезъ нарожденіе и развивался совершенно самостоятельно, то у него и не могло быть сначала другаго быта, кромѣ исключительно родственнаго! Потомъ, мимоходомъ, критикъ спрашиваетъ, почему въ изчисленіе родственныхъ названій, которыя даются у насъ другъ другу въ крестьянскомъ быту, попали ребята, вѣроятно забывши, что гдѣ люди считаются родствомъ, тамъ непременно существуетъ и представленіе о старшинствѣ и меньшинствѣ по лѣтамъ, которое между прочимъ выражается и въ словѣ ребята, какъ въ словахъ отрокъ, чадѣ, дѣтскій и т. д. и нераздѣльно съ патріархальнымъ бытомъ. Затѣмъ г. М... З... К... въ видѣ возраженія приводитъ, что въ Германіи родственныя названія употреблялись въ средневѣковыхъ гильдіяхъ, а во Франціи употребляются и теперь въ простомъ народѣ. Что жъ изъ этого? спрошу я. Во Франціи и Германіи рядомъ съ этими отношеніями, показывающими не совсѣмъ пережитые патріархальные элементы, я вижу другія явленія, объясняемые другими началами, а у русско-славянскихъ племенъ ихъ не вижу; здѣсь все сводится къ патріархальнымъ элементамъ. Неужели критику могла хотя на одну минуту прити въ голову странная мысль, что я не признаю присутствія кровныхъ элементовъ въ быту европейскихъ народовъ и не вижу рѣшительно никакихъ зачатковъ гражданскихъ элементовъ въ древнемъ быту Россіи? А это выходитъ изъ его возраженія. Я указывалъ на преобладающіе элементы, грунтъ, почву, на которой совершалась исторія у насъ и въ Европѣ, на то, что опредѣляло развитіе, а г. М... З... К... показалось, что я не подозреваю присутствія патріархальныхъ началъ въ европейскихъ народахъ и гражданственности у насъ. Хорошо же онъ меня понялъ!

Въ числѣ возраженій встрѣчаемъ также слѣдующее:

•Такого рода терминологія (взятая изъ родственныхъ отношеній), болѣе или менѣе встрѣчающаяся у всѣхъ племенъ, ничего не доказываетъ, или лучше она доказываетъ со всѣмъ не то, что полагаетъ авторъ. Она выражаетъ ту мысль, что *кромя* выполненія вынуждаемыхъ закономъ обязанностей, чело-вѣкъ хотѣлъ бы найти въ другомъ сочувствіе, совѣтъ, любовь; а для выраженія этихъ требованій всего ближе заимствовать терминологию изъ семейнаго быта» (стр. 138).

Ближе, но не вообще, а судя по семейному быту; это во первыхъ. Потомъ, покуда типомъ близости служатъ родственныя отношенія, я все еще въ правѣ думать, что или патріархальныя элементы еще не совсѣмъ пережиты народомъ, или что онъ въ нихъ порядкомъ не взглядѣлся, не вполне ихъ созналъ; вѣдь и это часто бываетъ. Мало ли о чемъ понятія измѣнились, а терминологія остается, по привычкѣ, прежняя. Говоря о родственныхъ отношеніяхъ, г. М... З... К... всегда думаетъ о родственной любви и совсѣмъ выпускаетъ изъ виду родственная ненависти, которыя сильнѣй, продолжительнѣй всякой другой. Отъ этой идеализаціи всего существующаго и непрактичность, недѣйствительность взгляда критика.

Удовлетворившись такими придирками, думая, что онъ ужъ совершенно опровергли основанія взгляда, критикъ отвергаетъ мой выводъ, что наша древняя внутренняя исторія была постепеннымъ развитіемъ исключительно кровнаго, родственнаго быта, и противопоставляетъ ему свой собственный выводъ.

•Въ первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родоваго начала и потребности третьей власти, сознательно и свободно призванной; съ этого времени семейное и родственное начало безпрерывно видоизмѣнялось безъ рѣшительнаго, посторонняго вліянія; слѣдовательно въ древнемъ нашемъ быту были искони другія начала, которыя развивались вмѣстѣ съ нимъ, и слѣдовательно этотъ бытъ не былъ исключительно семейственнымъ, родственнымъ» (стр. 138 и 139).

Я сказалъ, что смыслъ нашей внутренней исторіи до Петра — высвобожденіе, рожденіе личности и, на оборотъ,

разложеніе, распаденіе патріархальныхъ элементовъ. Чтѣ это значитъ? То, что человѣкъ является въ Россіи первоначально погруженнымъ въ исключительно патріархальный бытъ, подъ его исключительнымъ опредѣленіемъ, а потомъ тотъ же человѣкъ, мало по малу пробуждается къ внутренней, самостоятельной дѣятельности, какъ лице. Если и сперва и потомъ дѣйствовалъ и жилъ человѣкъ, ясно, что всѣ начала, которыя когда-либо опредѣляли или еще будутъ опредѣлять его бытъ, заключались въ немъ въ зародышѣ. Но развѣ я когда-нибудь отвергалъ это? Развѣ я доказывалъ, что у насъ сначала былъ исключительно родственныи бытъ помимо человѣка? А изъ словъ г. М... З... К... это выходитъ; я говорю объ элементахъ, формахъ, опредѣлявшихъ человѣка, и показываю, какъ онѣ постепенно измѣнялись, конечно не сами по себѣ, а чрезъ его посредство и для него, а г. М... З... К... непремѣнно хочется, чтобъ я человѣка отбросилъ, да и объяснилъ ему, какъ исключительно родственныи бытъ перешелъ въ неродственныи, гражданскій и государственный. Еслибы онъ этого не хотѣлъ, онъ не увидѣлъ бы искони въ нашемъ древнемъ быту какихъ-то другихъ началъ только потому, что «на первыхъ строкахъ нашей лѣтописи мы читаемъ признаніе несостоятельности родового начала и потребности третейской власти, сознательно и свободно призванной», и «что съ этаго времени семейное и родственное начало непрерывно измѣнялось безъ рѣшительнаго посторонняго вліянія». Эти начала, на которыя намекаетъ г. М... З... К... — тѣ общія свойства человѣческой природы, которыя одинаковы у всѣхъ народовъ, во всѣ времена; но только формы, въ которыхъ они выражаются, всегда вполне соотвѣтствуютъ той эпохѣ, когда обнаруживаются, и потому вполне ею объясняются. Призваніе, о которомъ говоритъ авторъ, служить блистательнымъ доказательствомъ этой истины; мысль, которая его вызвала — желаніе благо-

устройства и порядка, — общая всёми народами въ мірѣ; форма, въ которой она выразилась, до того патріархальна, что не имѣй мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ и данныхъ, мы по одному этому событію могли бы догадаться, что тогда господствовалъ у насъ патріархальный бытъ. Изъ тѣхъ тысячи варіацій, которыя разыгрывались на эту тему призванія, г. М... З... К... могъ бы кажется заключить, какъ чуждъ для насъ тотъ порядокъ мыслей, который побудилъ нашихъ предковъ въ IX вѣкѣ послать за море искать «третейскую власть».

Вотъ и все о моей основной точкѣ зрѣнія. То чтó слѣдуетъ далѣе о христіанствѣ, мнѣ кажется страннымъ. Сверхъ того взгляды г. М... З... К... на религію вообще не современны, и потому я считаю бесполезнымъ и невозможнымъ спорить съ нимъ объ этомъ.

За тѣмъ, выписавъ изъ моей статьи очеркъ развитія начала личности въ западной Европѣ, авторъ, дѣлаетъ на него свои замѣчанія:

«Когда мы прочли его въ первый разъ, мы все ожидали дополненій, огорочекъ, до такой степени онъ показался намъ одностороннимъ; но ничего подобнаго не нашлось въ статьѣ; напротивъ, та же мысль опредѣлялась все рѣзче и рѣзче. Скажите однако, неужели въ самомъ дѣлѣ Германцы изчерпали все содержаніе Христіанства? Неужели они были единственнымъ дѣятелемъ въ исторіи Запада? Неужели всё явленіе ея представляютъ только моменты развитія одного начала—личности? Вѣдь это противно самымъ простымъ, элементарнымъ понятіямъ, почерпаемымъ изъ всей исторической литературы французской и нѣмецкой? И этотъ взглядъ, уничтожающій не менѣе половины западнаго міра, брошенъ вскользь, какъ будто даже не подлежащій спору. Для кого же все это писано?»

«Сколько намъ извѣстно, Гизо первый понялъ развитіе всего западнаго міра, какъ стройное цѣлое. Онъ видѣлъ въ немъ встрѣчу, борьбу и какое-то отрицательное примиреніе въ равновѣсіи трехъ началъ: личности, выражаемой германскимъ племенемъ, отвлеченнаго авторитета, перешедшаго по наслѣдству отъ древняго Рима и Христіанства. Последнее начало, само по себѣ цѣльное, въ западной Европѣ распалось на два историческія явленія, подъ тѣми же категоріями авторитета и личности. Римскій міръ понялъ Христіанство подъ формою католицизма, германскій міръ—подъ формою протестантизма. Можеть-

быть, Гизо потому только не провел дуализма чрезъ западное Христiянство, что восточная половина Европы была ему мало извѣстна. Германское начало, идея личности, создала цѣлый рядъ однородныхъ явленiй. Въ сферѣ государства: различные виды искусственной ассоціаціи, коей теорiя изложена въ «Contrat social» Руссо; въ сферѣ религіи — протестантизмъ; въ сферѣ искусства — романтизмъ. Въ тѣхъ же сферахъ развились изъ римскаго начала совершенно противоположныя явленiя: идея отвлеченной верховной власти, формализованная Макьявелемъ; католицизмъ и классицизмъ. Мы не навязываемъ этого взгляда г. Кавелину, но какъ же увѣрять насъ, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы, и что въ одномъ послѣднемъ заключается зародышъ будущаго?» (стр. 143 и 144).

У г. М... З... К... постоянное правило — приписывать мнѣ, чего я не говорилъ, требовать — чего я не обязался дѣлать. Я нигдѣ не сказалъ, что Германцы изчерпали все содержаніе христiянства, что они были единственными дѣятелями въ исторiи Запада, что римское начало не участвовало наравнѣ съ германскимъ въ образованіи западной Европы: поэтому не считаю и нужнымъ отвѣчать на эти вопросы. Я представилъ бѣглый обзоръ, какъ начало личности, принесенное на европейскую почву германскими племенами, развивалось, смягчалось подъ вліяніемъ христiянства и греко-римскаго міра, и наконецъ теперь, болѣе и болѣе утрачивая свою историческую исключительность, переходить въ болѣе широкій, многосторонній типъ человѣка. Въ современномъ требованіи гуманности, проводимомъ всюду и котораго послѣднимъ словомъ является благосостояніе и нравственное развитіе каждаго человѣка въ особенности и всѣхъ вмѣстѣ, я вижу результатъ развитiя германскаго элемента подъ указанными вліяніями христiянства и греко-римскаго міра. Г. М... З... К... принялъ эту очень простую и теперь довольно общую мысль за очеркъ западной исторiи, и на этомъ основаніи укоряетъ меня въ односторонности взгляда, въ уничтоженіи половины западнаго міра, наконецъ спрашиваетъ: «для кого же все это писано?» Странно! Если г. М... З... К... идетъ отъ готовой мысли,

что авторитеты, принципы и т. д. прежніе, теперешніе и будущіе не выражали сознанія человѣка объ истинѣ и не средство для его развитія, то конечно я писалъ не для него; а онъ идетъ отъ этой мысли: у него и христіанство, и античный міръ, и начало личности вытянуты въ одну линію, тогда какъ послѣднее — живая почва, основаніе, а первые два — элементы, на него дѣйствующіе, его воспитывающіе.

Изложивъ послѣ того свои мнѣнія о личности, ея безсиліи перейти въ человѣка, какъ будто бы это были противоположности, а не разныя опредѣленія одного и того же человѣка, изложивъ необходимость для личности сознать свой родовой законъ и свою неправоту передъ нимъ, откуда доктрина «приниженія» личности, г. М... З... К... говорить:

«И такъ должно различать личность съ характеромъ исключительности, ставящую себя мѣриломъ всего, изъ себя самой создающую свои опредѣленія, и личность какъ органъ сознанія; эти два вида авторъ безпрестанно смѣшиваетъ; въ одномъ только мѣстѣ онъ различаетъ ихъ... (стр. 148). «Авторъ различилъ историческое проявленіе личности враждующей отъ ея абсолютнаго значенія какъ сознающей себя; но тою же фразою, онъ связалъ оба вида неразрывно, признавъ первый необходимымъ условіемъ, какъ бы приготовленіемъ ко второму. Примиреніе личностей — есть послѣдняя цѣль; путь къ ней — вражда; личность непремѣнно должна сознать себя — сознаніе пріобрѣтается отрицаніемъ, не логическимъ разумѣется, а полнымъ практическимъ отреченіемъ отъ всѣхъ опредѣляющихъ ее отношеній». (стр. 149).

Изъ моего взгляда критикъ выводитъ за меня, что «русскій долженъ былъ сперва сдѣлать изъ себя Германца, чтобъ потомъ научиться отъ него быть человѣкомъ», какъ будто стать самостоятельнымъ значить стать Нѣмцемъ. Съ этимъ я рѣшительно несогласенъ, ибо оно слишкомъ лестно для нихъ и слишкомъ обидно для насъ.

Г. М... З... К... продолжаетъ:

«И вотъ наконецъ мы дошли до исходной точки разбираемой нами статьи. Ключъ къ образу мыслей автора у насъ въ рукахъ; мы понимаемъ откуда произошла неполнота опредѣленія историческаго вліянія христіанства, не въ-

ропная односторонность взгляда на развитие западной Европы, пристрастное сужденіе о древнемъ бытѣ Германцевъ и Славянъ, восхваленіе Іоанна Грознаго и клевета на его современниковъ. Все это вытекаетъ какъ нельзя естественнѣе изъ одной мысли о способѣ приобретѣнія сознанія, а эта мысль, есть конечно одинъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ современныхъ заблужденій. Авторъ, къ сожалѣнію, не счелъ за нужное доказывать ее; онъ даже не высказалъ ея строго и положительно, хотя и не скрылъ, какъ дѣло извѣстное и всѣми признанное. Чтѣ не доказано, того разумѣется и опровергать нельзя, и потому намъ остается въ этомъ случаѣ предложить автору вопросъ: чтобы такое могло дать намъ право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ бытъ семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человѣкъ, который никогда не былъ другаго, и не бьетъ его, не сознаетъ своей силы, или наконецъ, что онъ живетъ? Всѣ эти вопросы въ сущности тождественны, и если они имѣютъ видъ шутокъ неумѣстной въ нашей рецензіи, то въ томъ виноваты не мы; неужели признать болѣе умѣстнымъ въ современной наукѣ мнѣніе о безсознательности родственнаго устройства, какъ необходимой принадлежности, и вытекающее отсюда послѣдствіе, что въ началѣ XVIII вѣка мы только что начинали жить умственно и нравственно? (стр. 150 и 151).

Абсолюты — это камень, на которомъ г. М... З... К... часто спотыкается и каждый разъ падаетъ. Еслибъ человѣкъ когда-нибудь могъ открыть искомое X, абсолютную норму личности, и ей добровольно и сознательно подчинился, какъ мечтаетъ авторъ критики, тогда, безспорно, онъ бы сдѣлался пассивнымъ органомъ одного сознанія, и тогда ему не для чего было бы добиваться сознанія путемъ отрицанія, и теоретическаго и практическаго. Къ несчастію это не такъ. Человѣкъ безпрестанно ищетъ и безпрестанно находитъ: удовлетвореніе смѣняется неудовлетвореніемъ и такъ далѣе до безконечности; абсолютное нигдѣ не оказывается, а между тѣмъ человѣкъ становится развитѣй, многостороннѣй. Чтѣ заставляетъ его идти этимъ путемъ, чтѣ возбуждаетъ въ немъ недовольство тѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ? Требованія, въ немъ самомъ лежація и которыя безпрестанно измѣняются. Такимъ образомъ человѣкъ создаетъ свои опредѣленія изъ себя: не

будь въ немъ этихъ требованій, онъ вѣчно оставался бы однимъ и тѣмъ же, какъ окружающая его природа, строго и безусловно повинующаяся вѣншему закону. А какъ создаваніе новаго быта исторически, вездѣ и всегда, возбуждаетъ противодѣйствіе, желаніе удержать старое, то между тѣмъ и другимъ происходитъ столкновеніе, вражда, практическое отрицаніе. По степени гражданской образованности оно выразится въ убійствѣ, или дракѣ, или брани, или ссорѣ, или наконецъ въ самомъ миролюбивомъ, добросовѣстномъ обсужденіи, но тѣмъ не менѣе столкновеніе все-таки будетъ, и оно необходимо выразится въ фактахъ, вѣншихъ дѣяніяхъ, въ мірѣ практическомъ. Я не знаю абсолютной, родовой нормы личности и не признаю ея существованія; знаю, что человѣкъ былъ и до сихъ поръ находится въ столкновеніяхъ съ другими людьми, въ недобровольной зависимости отъ нихъ, тягостной для него и не только для него совершенно бесполезной, но и положительно вредной; чрезъ всю исторію видно стремленіе отдѣлаться отъ этой зависимости если не совсѣмъ, то какъ можно болѣе ограничить ее самымъ необходимымъ и неизбѣжнымъ; чѣмъ ближе человѣкъ подходитъ къ этой цѣли, тѣмъ онъ миролюбивѣе относится къ другимъ людямъ, потому что вражда имѣетъ менѣе основанія, поводовъ и причинъ. Вотъ почему я и сказалъ, что примиреніе личностей — цѣль развитія; вотъ на какомъ основаніи я думаю, согласно съ фактами, что путь, ведущій къ этому примиренію—вражда, отрицаніе. Живя, мы не къ старому возвращаемся, а новое создаемъ, до котораго достигнуть невозможно безъ практическаго отрицанія стараго. Сознаніе личности при зависимости вызываетъ эту борьбу; а гдѣ нѣтъ ея, тамъ нѣтъ и сознанія, другими словами — глубоко-чувствуемой потребности самостоятельной личности. Вы можете указать мнѣ на переходныя эпохи въ исторіи, когда сознаніе и фактъ противорѣчатъ другъ другу. Но за то

именно ихъ и называютъ переходными, ненормальнымъ состояніемъ. Онѣ оканчиваются всегда тѣмъ, что сознаніе наконецъ осуществляется на дѣлѣ, воплощается. Ваша идеальная личность, добровольно и сознательно подчиняющая себя родовому закону, подчиняется своему сознанію, стало-быть она — личность, изъ себя создающая свои опредѣленія; иначе она несознающая личность, изъ этого круга вы не выйдете, какъ ни бейтесь.

Критикъ меня спрашиваетъ: «чтобы такое могло дать намъ «право заключать, что тамъ, гдѣ господствуетъ быть семейный, нѣтъ личности въ смыслѣ сознанія, или что тотъ, кто живетъ подъ опредѣленіемъ семейнаго родства, не сознаетъ «въ себѣ возможности отрѣшиться отъ него, или что человекъ, который никогда не билъ другого и не бьетъ его, не «сознаетъ своей силы, или наконецъ, что человекъ, еще не «лишившій себя жизни, не знаетъ, что онъ живетъ?» Хорошо онъ сдѣлалъ, предупредивъ, что не шутить; иначе я бы право не догадался, видя это сопоставленіе самыхъ разнородныхъ вопросовъ подъ именемъ тождественныхъ. Постараюсь объяснить дѣло, какъ я его понимаю: семейный законъ прекращенъ для несовершеннолѣтнихъ, какъ средство воспитанія, и очень стѣснителенъ для совершеннолѣтнихъ, которые хотятъ быть, какъ говорится, на своихъ ногахъ. Теперь, если совершеннолѣтній подчиняется этому закону и не думаетъ о самостоятельности, значитъ сознанія этой самостоятельности у него нѣтъ, стало-быть нѣтъ у него и сознанія своей личности, вслѣдствіе котораго необходимо и неизбежно рождается требованіе самостоятельности. Всѣ возраженія, которыя можно мнѣ сдѣлать на это, будутъ непремѣнно сводиться или къ личнымъ отношеніямъ родителей и совершеннолѣтнихъ дѣтей, слѣдовательно сюда нейдутъ, или къ не юридическому характеру семейныхъ отношеній, что возможно только въ до-граждан-

ственной семьѣ, и слѣдовательно предполагаетъ совершенное отсутствіе сознанія личности, самостоятельности въ людяхъ. Думаю, что теперь моя мысль ясна. Послѣ этого я надѣюсь, г. М... З... К... уже не станетъ считать тождественными съ первыми двумя вопросами остальные два; я живу, потому что это ощущаю; сознаніе моей силы можетъ во мнѣ быть и не быть, хотя и нѣтъ никакой причины пріобрѣтать это сознаніе боями, и именно людей; а сознаніемъ или несознаніемъ самостоятельности опредѣляются отношенія къ другимъ людямъ. Я могу отъ нея отказаться — добровольно, по своимъ соображеніямъ, влеченіямъ и т. д.; тогда это — актъ моей воли, моего сознанія, уже предполагающій меня самостоятельнымъ. Семейный законъ противорѣчитъ началу личной самостоятельности; слѣдовательно между обоими принципами обыкновенно возникаютъ столкновенія, и теоретическія и практическія; гдѣ семья и личная самостоятельность живутъ дружно, надо искать причинъ въ постороннемъ, а не въ этихъ двухъ принципахъ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Вотъ опроверженія общей теоретической части моей статьи. Каковы они, мы видѣли. За этимъ слѣдуетъ разборъ исторической части. Взглянемъ.

Г. М... З... К... видитъ доводы противъ моего мнѣнія объ исключительно семейномъ, родственномъ бытѣ древнихъ Славянъ въ томъ, что они чувствовали обиду и мстили за нее и, въ особенности, что Славяне хорошо принимали иностранцевъ. Противъ перваго возраженія право нечего сказать; во второмъ авторъ кажется забылъ, что враждебность къ иностранцамъ у всѣхъ народовъ появляется вмѣстѣ съ первымъ сознаніемъ національности (не говоря о постороннихъ случайныхъ причинахъ враждебности), — что ни въ первобытномъ состояніи, ни при высокой степени образованности этой враждебности нѣтъ; это фактъ не исключительно-славянскій, а всемірно-историче-

скій. Только формы гостепріимства сначала и потомъ различны. Формы славянскаго гостепріимства патріархальны, что и было для меня новымъ доказательствомъ семейнаго быта древнихъ Славянъ. Кто оказываетъ одно патріархальное гостепріимство, тотъ конечно воспитанъ въ исключительно-патріархальномъ, т. е. родственномъ, кровномъ быту. Думаю, что это ясно и не подлежитъ сомнѣнію.

Мое объясненіе призванія Варяговъ тоже не нравится г. М.... З.... К....; онъ находитъ его страннымъ.

«Странный выводъ! Нѣсколько сосѣднихъ племенъ живутъ независимо другъ отъ друга; въ каждомъ изъ нихъ господствуютъ родовыя вражды; имъ захотѣлось жить въ союзѣ и согласіи; у всякаго племени много старѣйшинъ, имѣющихъ разныя права быть старѣйшинами надъ союзомъ племенъ; они отказываются отъ своихъ притязаній, чтобы не возбудить соперничества и вражды въ другихъ, и предлагаютъ добровольно власть надъ собою чужеземцамъ; все это отъ того, что въ нихъ не было духа общности, котораго кровный бытъ не развиваетъ. Отсутствие общественнаго духа породило у насъ первое общество!... (стр. 134.)

Остроумно, но невѣрно! Люди, которые такъ завистливы другъ къ другу, что не могутъ согласиться уступить власть кому-нибудь изъ своей среды, подчиниться ему, а бѣдуть за море, къ чужому, постороннему—можно ли признать въ нихъ духъ общности? Положимъ, что они вызвали чужихъ для защиты отъ враговъ — выводъ относительно общности будетъ тотъ же. Требованіе общности было, какъ и у всѣхъ въ мірѣ оно есть, а духа не было. Только тотъ, кто не умѣетъ, не знаетъ, самъ не можетъ сладить, ищетъ чужой помощи. Развѣ о такихъ вещахъ можно еще спорить?

Авторъ оспариваетъ также, что Варяги первые принесли идею государства на нашу почву; если, они были призваны, такъ не имъ принадлежитъ она: вотъ какъ онъ рассуждаетъ. Но это натяжка. Варяги призваны въ качествѣ судей, военныхъ стражей, какъ угодно. Пришедши, они вскорѣ начали

дѣлать то, что во всемъ мірѣ дѣлали: воевать направо и налѣво племена, брать съ нихъ дань, вѣроятно не легкую, судя по ихъ частымъ возстаніямъ; даже на мѣстѣ, куда были призваны, они не усидѣли, а выбрали такое, которое имъ было больше по сердцу. И выходитъ, что славянскія племена (далеко не всѣ) хотѣли одного, сдѣлалось совсѣмъ другое, и не чрезъ нихъ, а чрезъ дѣятельность Варяговъ, которые, силой удерживая за собой русско-славянскія племена, связали ихъ внѣшними узами въ одно цѣлое. Вотъ почему я и сказалъ, что идея государства принесена варягами на нашу почву: мысль о единствѣ всей Россіи была результатомъ ихъ завоеваній.

На стр. 154 и 155 г. М... З... К... старается доказать, что дружина не была учрежденіемъ исключительно германскимъ, — что къ намъ принесено Варягами дружинное начало въ значеніи ближайшей свиты почетнаго лица, князя или боярина, а дружины въ смыслѣ совокупности людей, собравшихся для общаго дѣла и избравшихъ себѣ на время и для извѣстной цѣли предводителя—явленіе національное, туземное. Родовое начало, какъ очень оригинально заключаетъ критикъ, могло имѣть мѣсто только въ дружинѣ въ первомъ смыслѣ, при отношеніяхъ личныхъ; стало-быть, по его мнѣнію, въ дружинахъ, собиравшихся для общаго дѣла, подъ начальствомъ избраннаго вождя родовыхъ отношеній не могло быть. Твердо вѣруя въ это, авторъ опирается на свою мысль какъ на каменную гору и въ упоеніи побѣды иронизируетъ надъ моимъ мнѣніемъ.

«Не потому ли авторъ отрицаетъ существованіе дружины, что трудно было объяснить происхожденіе бурлака или казака изъ того семейнаго быта, въ которомъ (по словамъ его) человѣкъ лишается упругости, энергіи, распускается въ морѣ мирныхъ отношеній, убавливается, предается покою, нравственно дремлетъ, становится слабъ, довѣрчивъ и безпеченъ какъ дитя. Конечно подъ этотъ типъ хилаго домохѣда трудно подвести Ермака и Тараса Бульбу; что жъ дѣлать! Изъ исторіи ихъ не вычеркнешь». (стр. 155 и 156.)

И въ другомъ мѣстѣ :

Никто вѣроятно не будетъ отрицать того, что каждый народъ въ своей національной поэзіи изображаетъ идеалъ самого себя, сознаетъ въ образахъ различные стремленія своего духа. Чего нѣтъ въ народѣ, того не можетъ быть въ его поэзіи, и что есть въ поэзіи, то неперемѣнно есть и въ народѣ. Какимъ образомъ воображеніе народа, изнѣженного семейною жизнью, лишеннаго энергіи, предпріимчивости и вовсе не сознающаго идеи личности, могло создать цѣлый сонмъ богатырей? Сколько намъ извѣстно старъ-матѣрь казакъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ, и прочіе бездомные удалыцы, искатели приключеній имѣли и достаточный запасъ силъ и соразительную увѣренность въ себѣ самихъ. Любая германская дружина не постыдилась бы ихъ принять. Какимъ же образомъ связать ихъ съ родовымъ устройствомъ, съ ограниченнымъ домашнимъ бытомъ, въ которомъ убавкивалась личность, изъ котораго никогда не вырывалась она на просторъ. Или вы скажете, что и они занесены въ народную фантазію изъ-за моря? (стр. 163 и 164).

Но критикъ торжествуетъ преждевременно; ускокъ и казакъ гораздо ближе къ патріархальному и родовому быту, чѣмъ онъ думаетъ; онъ этого не видитъ, вѣроятно, по той же самой причинѣ, по которой идея человѣка и принципъ личности кажутся ему не разрешимой антиноміей. Общество, основанное на патріархальныхъ отношеніяхъ, не даетъ простора и мѣста личности; поэтому личность, возникшая въ такой средѣ, рвется вонъ на волю; она не могла получить въ патріархальномъ обществѣ того гражданского воспитанія, которое даетъ лишь правильный, юридически-устроенный бытъ, заставляя каждого понимать необходимость организованнаго общежитія, и потому уважать и не нарушать чужихъ правъ: поэтому такая личность является необузданною, дикою, противо-общественною; въ ней много поэтическаго, какъ во всемъ, носящемъ на себѣ печать силы и неистощимой игры человѣческой природы; но въ то же время въ ней нѣтъ элементовъ гражданской общественности, способной создать правильное человѣческое общество. Ускоки, казаки—одна сторона патріархальнаго быта, совершенно соответствующая другой, кроткой, миролюбивой, осѣдлой жизни.

Чтобъ удостовѣриться, что казаки и ускоки — *le revers de la médaille* патриархальнаго общества, стоитъ прочесть описаніе запорожскихъ казаковъ въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей руссійскихъ»; стоитъ только обратить вниманіе на то, что юридически-устроенныя общества, именно потому, что они основаны на началѣ личности, не высылаютъ изъ себя ватагъ ускоковъ и казаковъ; живой, дѣятельной, предприимчивой части населенія и въ нихъ довольно мѣста и дѣла. Германскія дружины основали государства и дали имъ первую форму, которая потомъ развивалась и вырабатывалась; всѣ государства или державы, основанныя славянскими дружинами, разрушились, болѣе отъ недостатка внутренняго цемента, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій. Это многозначительный фактъ, приводящій насъ къ основному различію германскихъ и славянскихъ дружинъ: первыя заключали въ себѣ юридическіе элементы, вторыя—нѣтъ; первыя были основаны на началѣ личности, вторыя—проникнуты патриархальностью, рѣшительно неудобной для развитія лица и слѣдовательно правильнаго общежитія. Вотъ въ какомъ смыслѣ я считаю дружину варяжскую явленіемъ совершенно новымъ на нашей почвѣ, такимъ, котораго нельзя объяснить изъ туземныхъ элементовъ; далѣе въ этомъ же смыслѣ я сказалъ, что слово «дружина» не вполне передаетъ намъ значеніе этого германскаго учрежденія: оно было юридическое, а не патриархальное, которое превосходно передается словомъ «дружина». Не перетолковывая данныхъ, едва ли можно съ этимъ спорить. Фактъ факту рознь: самые повидимому сходные весьма часто отстоятъ другъ отъ друга какъ небо и земля по своему внутреннему значенію. Такъ и съ дружинами германскими и славянскими.

Стран. 158: «Слѣдя за развитіями русскаго государства онъ (то есть я) упустилъ изъ виду русскую землю; забывая, что земля создаетъ государство, а не государство землю. Мы видѣли, говоритъ онъ, что само въ себѣ общин-

ное начало не имѣло зачатковъ жизни и развитія. Несмотря на всё натяжки автора, мы видѣли противное въ призваніи князей, увидели бы тоже въ принятіи Христіанской вѣры, которое было дѣломъ всей земли, еслибы только авторъ разсудилъ за благо сказать о немъ хотя бы слово; мы видѣли тоже въ сознаніи неспособности жить безъ князя и въ повторяющихся призваніяхъ; наконецъ, мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху, когда упразднилось государство, это общинное начало, по словамъ автора не имѣвшее зачатковъ жизни и развитія, спасло единство и цѣльность Россіи, и снова, какъ въ 862 г., такъ и въ 1612 г., создало изъ себя государство.»

Не во гнѣвъ будь сказано г. М... З... К..., я не вездѣ вижу, чтобъ земля создавала государство; способъ принятія нами христіанской вѣры едва ли можно употребить какъ аргументъ противъ меня: критикъ столько разъ заставлялъ меня обращать вниманіе на разные предметы; позволяю и я себѣ обратить его вниманіе на рассказъ лѣтописи о крещеніи Руси. Итакъ всё эти доводы—неубѣдительны.

• Авторъ (то есть я) опять повторяетъ, что общинное начало клонилось болѣе и болѣе къ упадку, потому что не было основано на личномъ началѣ: не общинное начало, а родовое устройство, которое было низшею его степенью, клонилось къ упадку, а такъ какъ въ немъ были зачатки жизни и сознанія, то оно спасло себя и облеклось въ другую форму. Родовое устройство прошло, а общинное начало уцѣлѣло въ городахъ и селахъ, выразалось внѣшнимъ образомъ въ вѣчахъ, позднѣе въ земскихъ думахъ.»

Нѣсколько строкъ ниже г. М... З... К... говорятъ :

• Автору непременно нужно было связать его (общинное начало) неразрывно съ родовымъ началомъ, чтобъ принести оба въ жертву личности. Достается же отъ него русской исторіи! »

Неудачность послѣдней фразы извиняется увлеченіемъ г. М... З... К... Онъ такъ увлекся, что даже нашелъ возможность разорвать на части единый, цѣльный, человѣческій и народный организмъ, и каждому изъ нихъ придать свою особенную жизнь. По его мнѣнію, въ древней Россіи было родовое начало, но рядомъ и другое — общинное начало, которое

жило и развивалось независимо отъ него. Чтобъ придать этой мысли хоть тѣнь правдоподобія, нужно было создать новую теорію общины—словомъ, подъять геркулесовскіе труды. И изъ любви къ мечтѣ г. М... З... К... ихъ подъялъ! Мы — такъ думаемъ, что община, неоснованная на личности, есть только призракъ общины, разлетающійся при первомъ прикосновеніи гражданственности; родовой бытъ исключаетъ личность, а какъ онъ у насъ господствовалъ, то и наши общины были прозрачныя, потому-то онѣ и исчезли.

Послѣдній выводъ изъ всѣхъ разсужденій автора состоитъ въ томъ, «что богатырь, какъ созданіе народной фантазіи, князь, какъ явленіе дѣйствительное въ мірѣ гражданскомъ, наконецъ монахъ, какъ явленіе той же личности въ сферѣ духовной», опровергають мое мнѣніе объ отсутствіи личности въ древней Руси. Явное недоразумѣніе! Ибо гдѣ есть человѣкъ, тамъ конечно есть и личность въ смыслѣ почвы развитія и сознанія; этого я и не опровергалъ никогда; я сказалъ только, что эта личность не была началомъ дѣйствующимъ, самостоятельнымъ, опредѣляющимъ бытъ, а пассивнымъ, страдательнымъ, и противъ этого нельзя спорить, не дѣлая натяжекъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что монахъ не можетъ быть названъ явленіемъ туземнымъ на нашей почвѣ, и относится къ другому порядку вещей, принесенному къ намъ.

Что касается до противорѣчій въ томъ, что я сказалъ о Новѣгородѣ, то дѣйствительно «они заключаются только въ словахъ, а не въ мысли». Говоря, что «въ лицѣ Новгорода пресѣкся неразвившійся, особенный способъ существованія древней Руси, неизвѣстный прочимъ ея частямъ», — я имѣлъ вотъ какую мысль: мы видѣли какъ переродилась Русь, въ которой утвердился порядокъ вещей, существенно различный съ новгородскимъ и продолженный Москвой и россійской имперіей. Такое же перерожденіе необходимо предстояло и само-

стоятельнымъ общинамъ—Новгороду и Пскову, но вслѣдствіе насильственнаго прекращенія ихъ самостоятельности мы не можемъ гадать, какъ бы оно тамъ совершилось. Въ такомъ же смыслѣ я сказалъ, что о Новгородѣ нельзя сказать какъ о Россіи передъ Петромъ Великимъ, что онъ отжилъ свой вѣкъ и больше ему ничего не оставалось дѣлать, какъ исчезнуть: самое сравненіе съ до-петровской Россіей показываетъ, что я разумѣлъ учрежденія, быть, а не существованіе Новгорода. Стремленіе его идти по тому же пути, по которому въ послѣдствіи пошла вся Россія, чего г. М... З... К... не признаетъ, доказывается слѣдующими словами митрополита Филиппа Новгородца:

«А нынѣ слышу въ дѣтѣхъ вашихъ, въ Новгородцѣхъ, да и въ многихъ у васъ въ молодыхъ людехъ, которые еще не навькли доброй старинѣ еже стояти и поборати по благочестію, а нынѣ деи не познавъ добраго наказанія отецъ своихъ, благочестивыхъ родителей, да по животѣхъ ихъ остались, по грѣхомъ, ненаказани, какъ жити въ благочестіи: да и нынѣча деи тѣ несмысленные, копячяся въ сонмы, да поостраются на многая стремленія и на великое земли неустроеніе, не тишину, хотячи ввести мятежъ великъ и расколъ въ святѣй Божьей церкви, да оставя православіе и великую старину да приступити къ Латыномъ» (Акт. Истор. Т. I. № 281. стр. 516).

Стремленія секуляризовать церковныя имущества въ Новгородѣ и Псковѣ—слишкомъ общезвѣстный фактъ. Конечно г. М... З... К... можетъ мнѣ возразить, что въ Новгородѣ пларѣчь о духовномъ устройствѣ и бытѣ, а при Петрѣ о гражданскомъ и государственномъ; но сходство тѣмъ не менѣе разительно; въ разныхъ сферахъ происходили въ нашихъ древнихъ обществахъ и Петровой Россіи одинаковыя явленія: недовольство прежнимъ, оставленіе обычаевъ отцовскихъ и прилѣпленіе къ иностранной новизнѣ.

Особенно сильныя нападки со стороны г. М... З... К... вызываетъ мой взглядъ на Іоанна Грознаго. «Въ словахъ автора»—говоритъ критикъ—«безъ его вѣдома, промелькнула

мысль, оскорбительная для человеческого достоинства, та мысль, что бывают времена, когда гениальный человек не может не сделаться пзвергомъ, когда испорченность современниковъ, большею частію безсознательная, разрѣшаетъ того, кто сознаетъ ее, отъ обязательности нравственнаго закона, по крайней мѣрѣ до того умаляетъ вину, что потомкамъ остается соболѣзновать о немъ, а тяжкую ношу отвѣтственности за его преступленія свалить на головы его мучениковъ». (стр. 169 и 170).

Это не аргументъ противъ меня. Надобно умышленно закрыть себѣ глаза, чтобъ не видать, что исторія исполнена такихъ оскорбительныхъ для человеческого достоинства явленій. Въ ихъ уменьшеніи, въ уничтоженіи ихъ возможности учрежденіями, образованіемъ, перерожденіемъ нравовъ и обычаевъ и заключается смыслъ и цѣль исторіи. Г. М... З... К... думаетъ, что человекъ ископн былъ то, что теперь, только формы измѣнились; а мы, напротивъ, думаемъ, что человекъ съ большими усиліями, сквозь тысячу ошибокъ, заблужденій, предразсудковъ и страданій сталъ тѣмъ, что онъ теперь есть, и не позволяемъ себѣ отдѣлять форму отъ содержанія. У г. М... З... К... есть готовый рецептъ для всѣхъ историческихъ дѣятелей и явленій, а мы по необходимости выводимъ его изъ данныхъ, фактовъ. Все то, что защищали современники Іоанна уничтожилось, исчезло; все то, что защищалъ Іоаннъ IV, развивалось и осуществлено; его мысль такъ была живуча, что пережила не только его самого, но вѣка, и съ каждымъ возрастала и захватывала больше и больше мѣста. Какъ же прикажете судить этого преобразователя? Неужели онъ былъ неправъ? Что касается до образа его дѣйствій, я отозвался о немъ слишкомъ рѣзко и опредѣлительно, чтобъ можно было усомниться въ моемъ мнѣніи на этотъ счетъ. Мой отзывъ остается въ своей силѣ, несмотря на негодованіе г. М...

З... К... Практическая жизнь и дѣятельность у насъ даже до сихъ поръ кажется чѣмъ-то прозаическимъ и не совсѣмъ чистымъ; названіе «человѣкъ практическій» очень недавно, и только въ образованныхъ слояхъ общества перестало быть синонимомъ съ неблагороднымъ, печестнымъ человѣкомъ. Не знаю какъ для г. М... З... К..., а для меня это фактъ, многознаменательный. Онъ даетъ намъ мѣру для общественнаго быта эпохи, въ которую слово практическій могло имѣть такое значеніе. Вы скажете: въ древней Руси этого не было. Дѣйствительно не было — потому что не было идеала для лучшаго, — идеала, принесеннаго къ намъ съ реформой и новыми учрежденіями. Дѣйствуя практически въ такой средѣ, нельзя было не подвергнуться ея вліянію, не принять на себя ея отбѣга. И это было съ Іоанномъ IV. Вы находите, что было бы клеветой упрекать Сильверста, Адашева, князя Курбскаго, митрополита Филиппа и многихъ другихъ въ равнодушіи, безучастіи, въ отсутствіи всякихъ духовныхъ интересовъ? Во первыхъ, согласитесь, что нѣсколько людей не составляютъ цѣлаго народа, цѣлаго общества; и въ Азіи была не одна замѣчательная личность, а все-таки Азія страна безличности. Во вторыхъ, всѣ лица, которыхъ вы назвали, положимъ очень были преданы своему дѣлу, но замѣтите, всѣ они защищали обычай, старину, уходящую патріархальность, каждый въ смыслъ своего званія; ихъ нельзя назвать поэтому поборниками идей, возможныхъ только въ личности, отрѣшившейся отъ даннаго, непосредственнаго содержанія, и свободно избирающей лучшее по своему крайнему разумѣнію; что касается до беззлобія обвинителей Іоанна, то это по крайней мѣрѣ еще вопросъ; о Курбскомъ этого сказать нельзя; о множествѣ другихъ бояръ, наводившихъ Крымцевъ на Россію, замышлявшихъ отдать Россію Литвѣ—то же нельзя; нельзя даже совершенно безопасно сказать, что они ходатайствовали за честь Россіи.

Если уж вы не находите возможным оправдать Иоанна, не идеализируйте по крайней мѣрѣ его современниковъ; скажите лучше, что все вмѣстѣ сливалось въ такой хоръ, который даже черезъ триста лѣтъ страшно слышать намъ, современникамъ лучшей эпохи. Такое замѣчаніе было бы по крайней мѣрѣ понятно. Отъ ужасовъ того времени намъ осталось дѣло Іоанна; оно-то показываетъ, на сколько онъ былъ выше своихъ противниковъ. Для его оправданія, право, мнѣ вовсе не было нужно прибѣгать къ тѣмъ *lours de force*, тѣмъ насиліямъ надъ «здравымъ чувствомъ», на которыя какъ будто намекаетъ критикъ: я судилъ по фактамъ, по всей исторіи, какъ ревностный защитникъ историческаго развитія и здраваго смысла, а не туманно-мистическихъ теорій, прекрасныхъ въ головахъ, мертвыхъ покуда въ дѣйствительности.

Стр. 171. «Нѣсколько далѣе авторъ говоритъ: «въ началѣ XVIII вѣка, мы только что начинали жить умственно и нравственно». Противъ этого считаемъ излишнимъ возражать. Доведенная до такой крайности, односторонность становится невинною».

Итакъ, г. М... З... К... находятъ мою мысль до того забавною или нелѣпой, что не удостоиваетъ ее даже возраженія. Это въ его волѣ. Повторяю, что я отвѣчаю не для критика, а для читателей: я не льщу себя надеждой убѣдить перваго; наши мнѣнія слишкомъ рѣзко расходятся; послѣдніе могутъ быть безпристрастны, выслушавъ насъ обоихъ, и потому къ нимъ я и обращаюсь. Умственное и нравственное развитіе невозможно безъ развитой, самостоятельной личности; всѣ древне-русскія формы, какъ ведущія свое начало изъ патріархальнаго порядка вещей, препятствовали ея развитію; стало-быть дѣйствительно, не шутя, мы начали жить умственно и нравственно только въ XVIII вѣкѣ; до этого времени, т. е. до реформы замѣтно какое-то тревожное, безпокойное стремленіе къ такой жизни — никакъ не болѣе: всѣ факты тогдашняго

нашего умственного и нравственного развитія доказываютъ это самымъ убѣдительнымъ образомъ.

Остановимся на этомъ. Восемь тезисовъ г. М... З... К... о древней русской исторіи, изъ которыхъ половина, по собственному его признанію, «имѣетъ видъ гипотезъ», не касаются до насъ. Такъ какъ у критика «не было ни возможности, ни намѣренія доказать ихъ», то и намъ не для чего писать на нихъ опроверженія. Станемъ ждать времени, когда эти тезисы примутъ видъ строго выработанной системы подъ даровитымъ перомъ г. М... З... К...

ЮРИДИЧЕСКІЙ БЫТЪ СИЛЕЗИИ И ЛУЖИЦЪ

■

ВВЕДЕНІЕ НѢМЕЦКИХЪ КОЛОНИСТОВЪ ¹⁾.

Земли, лежащія на востокъ отъ Эльбы до мѣста, гдѣ съ нею соединяется Саала и оттуда до богемскихъ лѣсовъ, и вся область на югъ отъ Дуная къ Мурѣ, Дравѣ и Савѣ была первоначально (почти исключительно) заселена славянскими племенами, и даже на западномъ берегу Эльбы, въ Люнебургскомъ округѣ, въ Алтмаркѣ, Турингіи, Франконіи по Редницу и Пигницу, и въ настоящей Австріи, они занимали немалое пространство. Во всѣхъ этихъ земляхъ, равно какъ и въ Каринтіи, Крайнѣ, Штейермаркѣ, большей части Богеміи и Моравіи, въ королевствѣ и герцогствахъ Саксонскихъ, въ обѣихъ Лужицахъ, Маркахъ, Силезіи, Помераніи, Мекленбургѣ, Рюгенѣ и Голштейнѣ они исчезли почти безъ остатку. Большая часть этого края совсѣмъ онемечилась. Одна исторія сообщаетъ извѣстіе о прежнемъ населеніи; только немногія, удержавшіяся слова, названія многихъ мѣстечекъ и нѣкото-

---

¹⁾ Эта статья составлена по извѣстному сочиненію Цшоппе (Tzschoppe) и Штенцеля (Stenzel) подъ заглавіемъ: *Urkundensammlung zur Geschichte des Ursprungs der Städte und der Einführung und Verbreitung deutscher Kolonisten und Rechte in Schlesien und der Ober-Lausitz*. Hamburg, 1832. 1 vol. in-4°.

рыхъ знатныхъ фамилій и кое-гдѣ небольшіе округи еще живо свидѣтельствуютъ объ исчезнувшемъ народѣ, какъ ветхая развалина, зданія, надъ которымъ уже воздвигнуто зданіе новое. Здѣсь въ краткомъ очеркѣ, мы представимъ юридическій бытъ славянскихъ племенъ Силезіи и Верхней Лужицы. Такъ называемая теперь Лужица была преимущественно населена Милчанами. Они были покорены Нѣмцами и, подъ именемъ Мейссенскаго округа, присоединены къ Германской имперіи (965). Потомъ находились подъ властью маркграфовъ мейссенскихъ, Поляковъ, Богемцевъ и другихъ. Въ Верхней Силезіи, а быть можетъ и въ Нижней, жили Хроваты, которыхъ главнымъ мѣстомъ былъ Краковъ. Въ X вѣкѣ, Силезія, подвластная Богемцамъ, была до рѣки Одера причислена къ пражской епархіи (968), а въ послѣдствіи, когда Краковъ и Силезія были завоеваны Болеславомъ Храбрымъ, королемъ польскимъ, здѣсь основано особое епископство въ Бреславлѣ (въ концѣ X столѣтія). Въ нижней части страны, до половины тринадцатаго вѣка принадлежавшей Силезіи, на нижнемъ Одерѣ, тамъ гдѣ онъ обращается на сѣверъ, жилъ, какъ кажется, особый народъ, Лебузы, которые, быть-можетъ, принадлежали къ племени Сербовъ. Здѣсь основано лебузское епископство. Изъ исторіи извѣстно, что въ 1163 году Силезія отдана сыновьямъ Владислава, и стала независима отъ Польши; потомъ раздѣлена и распалась на двѣ главныя части: Верхнюю и Нижнюю Силезію; каждая изъ нихъ, съ теченіемъ времени, раздѣлилась еще на нѣсколько герцогствъ.

Между Верхнею Лужицею и Силезіею было то существенное и важное различіе, что первая находилась подъ властью чужеземца завоевателя, а послѣдняя имѣла своихъ туземныхъ князей. Когда Нѣмцы проникли въ славянскія земли и покорили Лужицу, прежнее состояніе жителей, разумѣется, измѣнилось во многомъ. Мы знаемъ, что Нѣмцы не лѣгко обра-
 .

лись съ Славянами, принуждали креститься или оставлять родину, забирали себѣ всю землю, и обращали простой народъ въ рабство, въ которомъ онъ, можетъ-быть, отчасти находился и прежде (отсюда названіе slave, рабъ). Маркграфъ мейсенскій Экгардъ I особенно прославился тѣмъ, что въ своемъ владѣніи, свободныхъ Милчанъ сдѣлалъ рабами. Часть славянскаго дворянства присоединилась къ нѣмецкому завоевателю, и чрезъ то удержала и умножила свои права. Но большая часть земли стала достояніемъ завоевателя, который обработывалъ ее туземцемъ, обращеннымъ въ рабство.

Въ Верхней Лужицѣ посады въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и съ землями, къ нимъ принадлежащими, пали во власть Нѣмцевъ; а родной общинный бытъ разрушенъ до корня и замѣненъ нѣмецкимъ.

Напротивъ Силезія подъ властью туземнаго князя и дворянства удержала свое народное устройство, пока наконецъ и здѣсь, особенно въ нижней Силезіи, оно не подверглось совершенному измѣненію, хотя и безъ вѣшняго насилія.

Верховная власть. Верховная власть надъ большею частию теперешней Силезіи и значительною частию теперешняго Марка до Мюнхеберга, принадлежала княжескому роду Пястовъ, и передавалась по наслѣдству. Дѣти обыкновенно раздѣляли между собою княжество отца. Такъ образовалось множество независимыхъ княжествъ. Земли князей, умершихъ бездѣтно, переходили по завѣщанію. Правда, что назначаемый по завѣщанію не всегда принимался подданными прежняго князя (такъ Бреславцы не признали власти Генриха III Глоговскаго); но такіе случаи составляли исключеніе изъ общаго правила.

Герцоги имѣли въ своихъ земляхъ привилегіи, которыя обыкновенно называются регаліями. Къ регаліямъ въ строгомъ смыслѣ относились: 1) право судить дѣла въ высшей инстанціи и брать за то пошлины, 2) право добывать руду, 3) право

чеканить монету ¹⁾, 4) право продавать соль, 5) право налагать и взимать пошлины, 6) исключительное право основывать города и мѣстечки, наблюдать за дешевизною, продажей жизненныхъ припасовъ и торговлею вообще, отсюда право заводить кружечныя, мясныя, хлѣбныя, башмачныя и другія лавки (Bänke). (Тамъ, гдѣ герцоги отказались отъ всѣхъ своихъ правъ, и эти права перешли частью къ епископамъ частью къ вельможамъ; епископы и вельможи основывали сами новые города и мѣстечки, и давали имъ тѣ или другія свободы, уже не испрашивая на то соизволенія герцоговъ, которое прежде было необходимо). 7) регалии въ водахъ и лѣсахъ, какъ напр. право рыбной ловли, право строить мельницы и плотины, и право охоты.

Кромѣ этихъ правъ верховной власти, лишь случайно и въ извѣстныхъ случаяхъ уступаемыхъ герцогами, были еще другія, которыя они постоянно передавали дружинѣ и духовенству. Одно названіе ихъ уже показываетъ, что они существовали до введенія въ славянскія земли нѣмецкаго права, и съ появленіемъ его исчезли или удержались подъ другими названіями. Эти многообразныя повинности подданныхъ къ князю и его двору, со времени водворенія Нѣмцевъ, названы земскимъ обычнымъ польскимъ правомъ (*jus Polonicum*), въ противоположность привиллегіямъ и свободамъ нѣмецкаго права. Къ такимъ повинностямъ относятся:

Подати натурою и деньгами. Въ Силезіи древнѣйшая изъ податей, взимаемыхъ на князя, называлась *Poradnie*, — плужное, отъ *Radło* — плугъ, орало (какъ у насъ въ Россіи посешное, отъ сохи). Кромѣ нея были и другія: *Podwogowe* — подворная, *Dan* — дань, *Mir* — миръ, *Pomot* (по Линде и На-

---

¹⁾ Бандтке доказалъ, что въ концѣ XII вѣка, въ Краковѣ куны мордки и бѣличьи головы употреблялись вмѣсто денегъ.

рушевичу отъ Ротос—помощь). Targowe—торговая (пошлины съ продажи), Ser или Oser — осыпь (подать съ зерноваго хлѣба). Opolie — ополье (?), Nagaz — нарезъ (по Линде, подать овсомъ; по другимъ, подать смѣшаннымъ хлѣбомъ изъ ржи и ячменя, для откармливанія свиней). Кромѣ упомянутыхъ, были и другія: подать за пользованіе близлежащимъ лѣсомъ (census silvaticus), она обыкновенно платилась зерновымъ хлѣбомъ; подать быками, коровами, свиньями, баранами и агнятами, сперва уплачиванная натурою, потомъ замѣненная денежнымъ сборомъ.

Крестьяне обязаны были отправлять и извѣстныя работы, которыя обыкновенно назывались: angaria, regangaria или servitia, и замѣнены въ послѣдствіи денежною платою или податями натурой. Таковы были: Rowoz — новозъ (обязанность перевозить людей, дрова, сѣно и т. д.), съ теченіемъ времени ограниченная и замѣненная денежною платою; Podwoda—подвода, тѣмъ отличалась отъ повоза, Rowoz, что требовалась въ чрезвычайныхъ случаяхъ подъ гонцевъ и пр., Prewod—проводъ (обязанность давать проводниковъ), Stan — станъ (обязанность доставлять князю, его свитѣ и служителямъ, во время пути, ночлегъ и содержаніе), въ послѣдствіи также перешедшая въ денежную подать. Повинности охоты княжеской были самыя тяжелыя. Крестьяне были обязаны принимать въ свое жилище княжескихъ бобровниковъ, сокольниковъ, ловцовъ оленей, кабановъ и другихъ дикихъ звѣрей, птичьихъ привадчиковъ, псарей и охотничьихъ собакъ; кормить ихъ, давать подводы и помогать на охотѣ. Кромѣ того, они должны были смотрѣть за бобрами, живущими въ околodкѣ, чтобъ ихъ не отпугали, и помогать бобровникамъ въ ловлѣ бобровъ. Эта обязанность называлась Bobrowinci.

Далѣе: Lesne — лѣсное (обязанность доставлять дрова); agatura — пашенное (обязанность пахать землю на князя);

presesa—праѣтка (косьба стѣна); robito (?)—побитое (объясняютъ: обязанность прибывать доски на крышахъ), Slad или Zlad—слѣдъ, тоже что Rogon—погонь (обязанность преслѣдовать воровъ и покраденный скотъ).

Glova—уголовное, пеня за убійство, платимая князю и штрафныя деньги, взыскиваемая съ округа, когда въ немъ было найдено мертвое тѣло, и убійца не отысканъ; treschne—(отъ trestkas, показывать); подать въ пользу судьи, (honogar). Сюда же относится обязанность идти на помощь къ грабимымъ.

Военную службу обязанъ былъ нести каждый, способный носить оружіе: одни въ наступательной войнѣ, другіе въ оборонительной.

Отъ обязанности служить въ наступательной войнѣ освобождались большею частью подданные духовенства; цѣлые монастыри рѣдко пользовались этою привиллегіей, но она давалась часто и отдѣльнымъ владѣніямъ. Обязанность принимать участіе въ оборонительной войнѣ соблюдалась строже. Крестьяне должны были помогать въ постройкѣ новыхъ городовъ и крѣпостей, и въ починкѣ старыхъ; колоть лѣдъ въ крѣпостныхъ рвахъ, платить стражу, сігоза, — подать на содержаніе крѣпостнаго караула, — и служить лично въ оборонительной войнѣ.

Собственно общія земскія подати были первоначально лишь чрезвычайныя, и взымались съ согласія всей земли. Древнѣйшія изъ нихъ назывались Schoss (collecta, exactio, или exactio provincialis)—поземельная подать съ cadaго участка обрабатываемой земли. Въ XIII вѣкѣ вошли въ обычай чрезвычайныя подати, подѣ именемъ Beden (petitiones); названіе показываетъ, что онѣ взымались не иначе, какъ съ согласія земли; но въ извѣстныхъ случаяхъ этого согласія не требовалось, а именно: когда самъ герцогъ или одна изъ его крѣпостей попадались въ непріятельскія руки, и за нихъ требовали выкупа;

когда непріятельское войско требовало извѣстной суммы денегъ за оставленіе страны; когда герцогъ или его сыновья вступали въ совершеннолѣтіе (дѣлались способными носить оружіе), или когда дочери его вступали въ супружество. Въ 1249 году Болеславъ заключилъ договоръ съ епископомъ, въ томъ, чтобы общія и чрезвычайныя подати налагались на церковныя имѣнія лишь съ согласія бароновъ (бояръ) и самыхъ епископовъ. Епископъ же не имѣлъ права противиться утвержденію бароновъ. Во время богемскаго владычества общая чрезвычайная земская подать называлась «берна». Король налагалъ ее, на основаніи оцѣнки (*taxatio*), производимой его чиновниками. Эта подать, какъ поземельная, взималась съ гуфовъ (отдѣльное отмежеванное поле) и дворовъ.

Кромѣ того, по различнымъ поводамъ, короли собирали вспомогательныя суммы (*petitiones*), которыя мало по малу обратились въ постоянныя подати.

Сверхъ изчисленныхъ нами денежныхъ податей и сборовъ, взималась еще съ cadaго гуфена, особливая подать зерномъ (*exactio annonalis*). Кажется, эта подать первоначально была чрезвычайная и потомъ уже обратилась въ постоянную.

Духовенство. Власть епископовъ въ Силезіи была во многихъ отношеніяхъ чрезвычайно сильна. Между многими епископствами, основанными въ прежде бывшихъ славянскихъ земляхъ, одно изъ главныхъ безспорно было епископство Бреславское, какъ по множеству земель, ему принадлежащихъ, такъ въ особенности по княжескимъ правамъ надъ Нейскою страню и въ послѣдствіи надъ Гроткау. По такому богатству, вѣроятно и называлось оно золотымъ епископствомъ. Оно было основано Болеславомъ I не за долго до 1000 года, и съ половины XII вѣка имѣетъ достовѣрную исторію, основанную на несомнѣнныхъ источникахъ. Первый изъ нихъ есть булла папы Адріана IV, отъ 23 апрѣля 1155 года, которою онъ утверж-

даетъ всѣ тогдашнія (поименно названныя) владѣнія и права епископовъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Силезія, управляемая отраслью дома Пястовъ, составила самостоятельное и отъ Польши отдѣльное государство, возникли между епископами и силезскими герцогами особыя отношенія, во первыхъ по поводу десятины, которую всюду требовало духовенство; во вторыхъ, по епископскимъ владѣніямъ, разбросаннымъ по всей Силезіи; и въ третьихъ, по правамъ, которыя епископы присвоивали себѣ надъ Нейскою землею. Въ 1199 году, герцогъ Болеславъ I отдалъ Нейскую землю сыну своему Ярославу, герцогу оппельскому, а Ярославъ, какъ епископъ бреславскій, предоставилъ ее своему епископству, которое и владѣло ею по смерти его и до новѣйшаго времени.

Извѣстно, что духовенство и вообще епископы, благопріятствуемые чрезмѣрно усилившеюся властью папъ, на основаніи церковнаго права, объявляли свои притязанія на десятину, на всемъ пространствѣ своей епископіи, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ десятина уже принадлежала по праву отдѣльнымъ церквямъ или духовнымъ общинамъ. Но почти нигдѣ не могли они вполнѣ утвердить свое право; по крайней мѣрѣ, въ Германіи и въ славяно-нѣмецкихъ земляхъ имъ всегда противились князья, и большуя часть десятины присвоивали себѣ или предоставляли своей дружинѣ. Тоже самое было и въ Силезіи. Въ особенности оспориваемо было право епископовъ взимать десятину съ новораспашныхъ земель. Далѣе: земли и деревни, даримыя епископству герцогами и вельможами, были всегда обременены многими земскими повинностями (такъ называемаго польскаго права). Епископы же хотѣли владѣть своими имѣніями по всей вольности церковнаго имущества, а герцоги не соглашались на то. Наконецъ, епископы начали домогаться владѣнія Нейскою землею на всѣхъ княжескихъ правахъ, какъ

владѣль ею герцогъ — епископъ Ярославъ. Герцоги же хотѣли удержать княжескую власть за собою, уступая епископству одно право землевладѣльческое. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ былъ правъ: герцогъ или епископъ. Что касается до десятины, то по церковному праву безсомнѣнно былъ правъ епископъ; но по обычному, право было на сторонѣ герцога. Имѣніями же епископство должно было владѣть, разумѣется, только на тѣхъ правахъ, на какихъ они ему доставались. То же должно сказать и объ Нейской землѣ; но самое право на эту землю кажется сомнительнымъ. Ибо если Ярославъ и дѣйствительно оставилъ на эту землю грамоту, то достоверно, что въ XIII вѣкѣ ея уже не было, и епископы нигдѣ на нее не ссылались. Положимъ даже, что Ярославъ передалъ и княжескую власть (чего, кажется, на дѣлѣ не было): братья могли равно оспаривать самое право передачи.

Долго продолжалась взаимная крамола и распря, пока наконецъ не кончилась въ пользу епископа. Въ 1290 году, Генрихъ IV далъ, умирая, привилегію, которая стала на все послѣдующее время основаніемъ всѣхъ правъ и могущества епископовъ и капитула. Въ удовлетвореніе за безчисленные насильства, нанесенныя имъ и предшественниками его церкви св. Іоанна и ея имуществамъ, онъ освободилъ, съ согласія своихъ бароновъ, всѣ города, деревни, имѣнія и владѣнія епископства отъ всѣхъ служебностей, налагаемыхъ нѣмецкимъ и польскимъ правомъ, также ото всѣхъ податей, подводъ и повинностей всякаго рода; особенно освободилъ Нейскую и Отмакавскую землю и всѣ церковныя имущества Бреславскаго округа отъ всѣхъ служебностей; отказался за себя и за своихъ наслѣдниковъ и преемниковъ отъ права суда и верховнаго герцогскаго права надъ церковными имуществами, и далъ церкви право высшаго суда въ Нейской и Отмакавской землѣ; далъ епископству полную свободу суда и монеты, и уступилъ все

полное герцогское право и верховное владычество. Чтобъ привести въ исполненіе всѣ эти статьи, Генрихъ повелѣлъ своему второму постельничему немедленно ввести епископа и его уполномоченныхъ во владѣніе всѣми дарованными правами и вольностями, и возвратилъ епископству всѣ имѣнія и деревни, отнятыя у него отцемъ его или дядею. Всѣ эти важныя привилегіи Бреславскаго епископства были подтверждены королемъ Іоанномъ и маркграфомъ Карломъ моравскимъ, при епископѣ Бретиславѣ, въ 1342 и 1345 году. Въ послѣдствіи свѣтская власть епископовъ, особливо когда Силезія подпала подъ власть Богеміи, начала приходить въ упадокъ, при столкновеніи съ возрастающею властью королей богемскихъ.

Дворянство. Туземное дворянство Силезіи и Верхней Лужицы, какъ кажется, не дѣлилось на классы. Правда, мы находимъ здѣсь знатное и незнатное дворянство; но это различіе не состояло въ различіи правъ состояній. Напротивъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, преимущества знатнаго дворянства (бароновъ) передъ незнатымъ происходило отъ мѣста, занимаемаго имъ при дворѣ, государственныхъ должностей, которыя ему поручались, и богатства. Это преимущество, вообще весьма неопредѣленное, никогда не было здѣсь принадлежностію извѣстныхъ опредѣленныхъ фамилій.

Къ исключительнымъ правамъ дворянства, по всѣмъ вѣроятіямъ, относилось отправленіе всѣхъ придворныхъ и государственныхъ должностей, которыя не завѣдывались духовными лицами. Далѣе: имѣнія дворянства несли, по въ меньшей мѣрѣ, тяжести такъ называемаго польскаго права, право верховнаго суда надъ своими подданными, а въ Силезіи, быть-можетъ, право нижняго суда получало дворянство отъ князя. Далѣе: подати налагались лишь съ согласія дворянства; оно пользовалось преимуществами въ платѣ церковныхъ десятинъ, а именно: не платило ея съ шестатаго гусена нововоздѣланной

земли, и могло платить той или другой церкви, по произволу; последнее называлось правомъ рыцарей (*Ritterrecht, jus militage*), и подавало поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ: сендальныя постановленія долгое время боролись съ ними, но тщетно. Наконецъ это право начало выводиться частными договорами, и наконецъ совершенно исчезло давностію.

Сословіе крестьянъ. О прежнемъ состояніи крестьянъ и вообще обязанныхъ (*Hörige*) мы даже теперь, послѣ многихъ розысканій, знаемъ весьма немного. Польскіе крестьяне, вѣроятно туземцы, покоренные завоевателями или дворянствомъ, были въ угнетеніи дворянства, въ X и началѣ XI вѣка. Дальнѣйшія постановленія о крестьянахъ, изданныя при королѣ Казимірѣ Великомъ, и послѣдующая исторія крестьянъ въ Польшѣ показываетъ намъ, что состояніе ихъ падало все ниже и ниже. Въ Силезіи однакожъ еще были туземные свободные землепашцы (*liberi Poloni*). Но обыкновенно въ источникахъ упоминается о различныхъ обязанныхъ поселянахъ, которыхъ дарили по одиночкѣ, или семействами, но не какъ рабовъ, а какъ крѣпостныхъ ¹⁾ крестьянъ или работниковъ, принадлежащихъ къ извѣстному участку земли или имѣнію. Имѣнія естественно дарились и продавались вмѣстѣ съ жившими на нихъ обязанными поселянами. Но изъ того, что имѣніе продавалось вмѣстѣ съ его жителями, еще нельзя заключать, что они были непремѣнно крѣпостные; единственное возможное заключеніе то, что они были обязанные, ибо господинъ продавалъ только то, что ему принадлежало, т. е. права свои на тѣхъ, которые жили въ имѣніи, а эти права были весьма многообразны.

¹⁾ Такъ мнѣ кажется, должно переводить слово *Leibeigene*. Называть крѣпостныхъ рабами, значить неумѣть различить одно отъ другаго, и обнаружить непростительное невѣжество въ исторіи нашего законодательства. Нѣмецко *Knecht* — рабъ, *leibeigen* — крѣпостной, *hörig* — обязанный.

Въ Силезіи было множество различныхъ классовъ поселянъ. Въ источникахъ упоминается о кметяхъ, изъ коихъ нѣкоторые были свободные, другіе несвободные; далѣе о садовникахъ (*hortulani*) и виноградаряхъ (*cultores vineae*); рыболовахъ (*piscatores*), которые жили поодиночкѣ и цѣлыми селами, но, повидимому, не владѣли ими исключительно и не составляли отдѣльныхъ общинъ. — Затѣмъ упоминается въ источникахъ о множествѣ другихъ обязанныхъ поселянъ различнаго рода, которые, кромѣ обыкновенныхъ службъ всѣхъ обязанныхъ, должны были отправлять и особенныя, на нихъ исключительно лежащія работы. Какъ несвободные рабочіе люди, они могли бы быть, въ извѣстномъ отношеніи, причислены къ домашнимъ слугамъ или дворнѣ въ обширномъ смыслѣ. Генрихъ I въ 1204 году называетъ ихъ *ministeriales et famuli*. Они жили въ господскихъ дворахъ и отдѣльно, многіе вмѣстѣ, другіе врозь по разнымъ домамъ и деревнямъ, гдѣ имѣли свои земли. На этомъ основаніи къ нимъ могутъ быть причислены и рыболовы, можетъ быть, даже и садовники.

Къ нимъ причислялись: охотники. Особые охотники были для дикихъ козъ, оленей и кабановъ, потомъ: бобровники, сокольниковъ и птицеловы. Пчеловоды. Пчеловодство было весьма значительно въ лѣсахъ, которые нѣкогда покрывали Силезію. Объ немъ часто упоминается, какъ о правѣ господскомъ, при передачѣ имѣній. Пастухи или скотники (*agagones*). Нарошеники (*Nagochnick*). Они вѣроятно были крѣпостные, которые занимались откармливаніемъ свиней. Дворецкіе (*Kämmerer, Kammerarii*). Эти дворецкіе не были высшіе, а низшіе придворные служители: это видно изъ того, что многіе изъ нихъ были обязаны отправлять различныя работы. Быть можетъ, они отправляли свою должность по очереди, какъ столыльники второго разряда (*Unter-truchsesse, subdapiferi*), которые были также нижніе придворные служители. Различнаго рода ремеслен-

ники, какъ то: бочары (*Lagenarii s. opifices vasorum*), каменщики (*caementarii*), токари (*tornatores*), хлѣбники (*pistores*), мясники (*carnifices*), мельники, каменосѣццы, повара, ткачи, наконецъ прислужники и слуги (*ministeriales et famuli*), которыхъ и герцогъ Генрихъ I называетъ *hospites* (1204 г.). Вѣроятно, они были то же, что въ Лужицѣ *gosti*, гдѣ были рабы (*Knechte*) такъ называемые.

Нѣкоторые изъ рабочихъ людей и слугъ герцога назывались десятниками (*decimi*). Можетъ быть, этимъ названіемъ обозначались тѣ изъ крѣпостныхъ герцога, которые не платили церквамъ десятины и потому, по всѣмъ вѣроятіямъ, платили ее герцогу. Въ числѣ десятниковъ герцогскихъ упоминаются: смерды, лазаки, сторожане, попрачники и земледѣльцы.

Смерды (*Smardones*) составляли особый классъ обязанныхъ Славянъ, которые въ Силезіи были поселены на пашнѣ, и находились въ лучшемъ положеніи, нежели прочіе классы обязанныхъ. Болѣе мы не имѣемъ объ нихъ никакихъ извѣстій. Антонъ говоритъ, что названіе ихъ вѣроятно происходитъ отъ слова *смирдъ*—навозъ, *smierbziec* Польск. и *smierdzin* Богемск.—смердѣть, и дано имъ по ихъ занятію. Поэтому-то вѣроятно сочинитель Петербургской хроники говоритъ объ нихъ: *eodem servitio sordidi*.

Лазаки (*Lazaki*) были кажется то же, что въ Германіи *die Lassen*. Они не были рабы (*Knechte*), но не могутъ быть поставлены на ровнѣ съ свободными, и по этому состояли подъ властью герцогскихъ старостъ. Названіе ихъ вѣроятно происходитъ отъ слова: *Laska* — милость, покровительство.

Сторожане (*Strozones*) были безспорно герцогскіе стражи, которыхъ держали для карауловъ въ крѣпостяхъ.

Кто были Попрачники (*popratznici*), мы не знаемъ; быть можетъ охотники (по Польски *poprawa*). Не знаемъ также, кто были Сириники (*Sirnik s. Sirdnicones*). *Sernik* по-польски,

Syrnik по-богемски значить: корзинка, въ которой сушатъ сыръ; zeg (жиръ), зуг — пища, для откармливанія свиней. И такъ, судя по словопроизводству, Sirdnicones имѣли что-то общее съ Narochnicich; они, кажется, были низшаго класса княжескіе рабочіе люди.

Пахатные крестьяне (aratores) были, безъ всякаго сомнѣнія, крѣпостные, которые обрабатывали землю господина, на его хуторѣ, не владѣя сами землями, какъ другіе крѣпостные, и состояли на положеніи работниковъ.

Отдѣльный классъ жителей Силезіи составляли Жидаы. Они издавна владѣли здѣсь имѣніями. Въ XIII вѣкѣ они считались рабами княжескаго двора, и, несмотря на частыя гоненія, находили часто и своихъ защитниковъ.

Весьма замѣчательны привиллегіи, данныя имъ герцогомъ Генрихомъ IV бреславскимъ въ своихъ владѣніяхъ, и потомъ распространенныя въ Швейдницкомъ и Глогавскомъ княжествѣ. Этими привиллегіями не только приняты подъ защиту и покровительство вообще ихъ личность, имущество, богослуженіе, школы и ремесла, но и юридическія отношенія ихъ по торговлѣ и ссудамъ подъ залоги, и по судопроизводству. Согласно съ этими привиллегіями, спорныя дѣла Жидовъ были подсудны палатину или его намѣстнику, а не городскимъ и не земскимъ судьямъ. Если Жидъ ночью звалъ на помощь, а христіанинъ, живущій въ сосѣдствѣ, не хотѣлъ помочь ему, то платилъ высшую пеню — тридцать шиллинговъ. Далѣе, сообразуясь съ папскими постановленіями, Генрихъ IV опредѣлялъ, что христіанинъ, который обвинялъ Жида въ убійствѣ младенца, и не могъ доказать своего обвиненія свидѣтельствомъ трехъ христіанъ и трехъ Жидовъ, подвергался казни, слѣдовавшей Жиду, еслибъ преступленіе его было доказано.

Управленіе. Князья управляли землею чрезъ своихъ придворныхъ и государственныхъ чиновниковъ, которые избирались

или изъ дворянства, или изъ духовенства. Вообще они назывались должностными (*officiales*), или служителями, управлявшими должностями (*ministeriales nostra officia regentes*), а знатнѣйшіе изъ нихъ графами и баронами. Эти знатные придворные служители, избранные изъ дворянства и духовенства, не должны были смѣшиваемы съ низшими служителями, которые отправляли низшія службы и работы при дворѣ господина.

Различіе между высшими придворными сановниками Силезіи и Германіи, кажется, въ особенности заключалось въ томъ, что эти должности съ ихъ владѣніями, правами и обязанностями не были въ Силезіи наследственны, какъ въ Германіи, а раздавались княземъ по его усмотрѣнію. Какъ и всѣ прочія государственныя должности, первоначально онѣ не были даже необходимо пожизненны.

Въ Силезіи, какъ и въ Германіи, придворные сановники нерѣдко получали государственныя должности. Дворецкій (*camerarius*), кромѣ должностей, о которыхъ мы можемъ заключать по самому названію, заботился о необходимомъ продовольствіи и запасахъ двора, во время путешествій герцога, взымалъ подати, бралъ залоговъ съ тѣхъ, которые ихъ медленно платили, сзывалъ подданныхъ къ верховному суду, и въ извѣстныхъ случаяхъ былъ въ этомъ судѣ предсѣдателемъ. Для отправленія всѣхъ этихъ должностей князья должны были имѣть многихъ дворецкихъ; и вотъ почему Болеславъ II (1263) имѣлъ главнаго дворецкаго.

Въ числѣ придворныхъ служителей упоминаются далѣе стольникъ (*dapifer*), кравчій (*pincerna*), конюшій (*agazo*) и казначей (*thesaurarius*); но объ особенностяхъ ихъ должностей ничего не говорится. Такъ же о маршалѣ, оруженосцѣ (*armiger*). Но мы знаемъ, объ знаменосцѣ (*vexillifer*), что онъ былъ вмѣстѣ и предсѣдателемъ въ судѣ. Ловчіе (*venatores*) завѣдывали лѣсами; надъ ними, и надъ сокольниками былъ

главный ловчій (*summus venator*). Для измѣренія земель былъ княжескій межевщикъ (*mensurator*). Канцлеръ начальствовалъ надъ канцеляріей. Подъ его вѣдомствомъ состояли главные нотаріусы (*summus notarius*), протонотаріусы, потомъ придворные нотаріусы (*notarii curiae*), которые изготовляли акты, что въ послѣдствіи лежало въ обязанности придворныхъ писцовъ (*scriptores curiae*). Всѣ они были духовнаго званія. — Должность старосты, который, по мнѣнію Бандтке, былъ первоначально управителемъ княжескихъ имѣній, кажется, не была общая, но ограничивалась извѣстнымъ округомъ, какъ и должность палатиновъ. Отсюда названіе Палатинъ бреславскій, лигницкій, оппельнскій, и т. д. Палатины были, кажется, то же, что въ послѣдствіи головы (*capitanei*). Такъ мы видѣли, что Жида состояли подъ палатинами; въ послѣдствіи мы находимъ ихъ подъ вѣдомствомъ земскихъ головъ. (Можетъ-быть, также, *Procuratores* и *summi Procuratores* — послѣдующіе головы). Далѣе упоминается о трибунахъ, какъ о мѣстныхъ начальникахъ: трибунъ глогавскій, бейтенскій, и др. Объ ихъ должности намъ ничего неизвѣстно; говорится только, что въ 1202 году кастелянъ саганскій и трибунъ глогавскій, какъ представитель герцога, опредѣляли границы одной деревни вѣстѣ съ окольными жителями. — Также мало знаемъ мы, что за должность имѣлъ ключникъ (*claviger*); кажется онъ былъ тоже мѣстнымъ начальникомъ. Судя по названію, можно думать, что ключники сначала имѣли ключи отъ хранилища драгоценныхъ вещей, и были должностью немаловажною. Почти всѣ исчисленные нами должностные люди имѣли, какъ и въ Германіи, своихъ подчиненныхъ, которые иногда заступали ихъ мѣсто. Такъ въ источникахъ упоминаются: под-коморникъ, под-стольникъ, под-кравчій, под-маршалъ, под-казначей и под-ловчій. — Княгини имѣли также своихъ придворныхъ и низшихъ чиновниковъ.

Во многих источниках упоминаются также володари (*Włodarii*). *Włodarski* значитъ мызникъ, *Vogt*, *Włodarz* деревенскій шумецъ, судья. Вѣроятно володари были мѣстные чиновники и управляли княжескими деревнями, которыя состояли на польскомъ правѣ. Въ послѣдствіи, съ распространеніемъ нѣмецкаго права, мѣсто ихъ могли заступить шумцы. — Одно достоверно, что володари различались отъ жупановъ, и что они какъ фохты, председательствовали въ судахъ деревенскихъ.

Юрисдикція. Верховный судъ (*judicium majus, supremum*) надъ всею землею принадлежалъ, сколько намъ извѣстно, самому князю; но отъ него чрезъ передачу переходилъ иногда во владѣніе другихъ лицъ.

Весьма многообразенъ былъ объемъ подсудности верховнаго суда. Вообще ему были подсудны большія, тяжкія или уголовныя преступленія (*magnae, graves, majores, principales seu capitales causae*), которыя влекли за собою потери членовъ или жизни. Къ такимъ преступленіямъ отнесены въ источникахъ тяжкія, смертельныя раны, кровопролитіе, насиліе, грабежъ по дорогамъ и воровство. Такъ называемый судъ крови (*judicium sanguinis, jurisdictio gladii*), кажется, не обнималъ собою всего верховнаго суда, а составлялъ только главную часть его; ибо къ верховному суду относились еще и другія права, которыя не состояли въ необходимой связи съ чисто-судебною властью.

Дѣла, подсудныя верховному суду, судили обыкновенно самъ князь или кастелянъ въ своемъ бургграфствѣ. Въ знакъ милости, какъ исключеніе, князь назначалъ особливаго придворнаго чиновника для разбора подданныхъ духовенства или нѣмецкихъ колонистовъ, съ подданными другихъ властей.

Еще въ XII вѣкѣ вся земля была раздѣлена на кастелянства, или, такъ называемыя въ послѣдствіи, бургграфства. Этими округами, которые сначала были весьма обширны, и

потомъ уменьшились въ объемѣ вълѣдствіе образованія новыхъ округовъ и раздробленія старыхъ, управляли кастеляны или бургграфы. Кромѣ надзора надъ крѣпостями, ихъ защиты, вооруженія и предводительства войскъ, кастеляны вѣдали судъ въ округахъ, приписанныхъ къ ихъ крѣпостямъ.

Въ своихъ кастелянствахъ кастеляны кажутся судили обыкновенно дѣла, подсудныя верховному суду. Уже въ XIII вѣкѣ эти дѣла отличались отъ дѣлъ, подсудныхъ нижнему суду. Это доказывается многими привилегіями духовенства, которому дано было право суда надъ своими подданными въ маловажныхъ дѣлахъ (*minores causas*), и актами объ основаніи нѣмецкихъ городовъ и деревень, въ которыхъ маловажныя дѣла судилъ фогтъ или шульцъ, а дѣла важныя герцогъ предоставлялъ себѣ.

Жупаны, древніе польскіе судьи, завѣдывали низшей юрисдикціей. Извѣстно, что Сервицики и Хроваты, жившіе въ Краковской области и прочіе Славяне, находились первоначально подъ жупанами или судьями. Мейссенскій уѣздъ дѣлился сначала на судебные округа, которые назывались жупанствами. Это названіе сохранилось даже до позднѣйшаго времени, когда эта страна совсѣмъ объѣмчилась. Въ Силезіи нѣтъ и слѣдовъ жупанствъ; только въ источникахъ мы встрѣчаемъ названіе жупановъ (*Suppani*, *Suppanii*), княжескихъ чиновниковъ, и находимъ, что они управляли юрисдикціей на ряду съ кастелянами, или скорѣе подъ начальствомъ кастеляновъ. Вѣроятно преобладающее могущество знатныхъ фамилій, которыя въ Силезіи управляли бургграфствами, весьма рано ослабили значеніе древнихъ жупановъ.

Кромѣ высшей юрисдикціи надъ жителями княжескихъ деревень, которыя находились въ бургграфствѣ, кастеляны судили еще споры между подданными разныхъ владѣльцевъ. Судья, которому былъ подсуденъ преступникъ и судья того мѣста, гдѣ совершено преступленіе, судили вмѣстѣ. Въ началѣ

ХІІІ вѣка упоминаются уже придворные судьи (*judices curiae*), но объ объемѣ ихъ власти не говорится ни слова. Они вѣроятно были то же для всей земли, что кастеляны для кастелянствъ. Первоначально, находясь постоянно при дворѣ князя, они вѣроятно разбирали споры между придворными служителями, въ особенности завѣдывали высшей юрисдикціей надъ нѣмецкими общинами, и общинами духовенства, изъятыми изъ подсудности кастеляновъ.

Трудно опредѣлить, какъ далеко простиралась юрисдикція кастелянъ надъ подданными дворянства, кромѣ споровъ между разными владѣльцами. Частныя исключенія изъ-подъ юрисдикціи бургграфовъ, даруемыя князьями монастырямъ и устроеннымъ на нѣмецкомъ правѣ городамъ и селеніямъ; далѣе: учрежденіе и распространеніе придворныхъ и земскихъ судовъ— все это стѣсняло болѣе и болѣе власть кастеляновъ. Потому она ограничилась одними деревнями (*Burglehngüter*), непосредственно принадлежащими къ городу, и наконецъ мало по малу, кастеляны совершенно исчезли.

О дѣлопроизводствѣ въ древнихъ кастелянскихъ и жупанскихъ судахъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Кажется, его преимущественное отличіе отъ нѣмецкаго, было то, что кастелянъ и жупанъ, или исправляющій его должность низшій судья (*subjudices*), какъ судьи въ собственномъ смыслѣ слова, сами произносили рѣшеніе, тогда какъ въ нѣмецкомъ судѣ, какъ извѣстно, шеффены находили приговоръ. Замѣчательно, что въ числѣ доказательствъ, къ коимъ прибѣгали въ древнихъ польскихъ судахъ, находились и испытанія огнемъ и водою.

Пени къ коимъ присуждали польскіе суды, обозначались обыкновенно предѣломъ наибольшаго и наименьшаго. Эти пени, въ сравненіи со штрафами нѣмецкаго права, кажутся весьма тяжкими, они вѣроятно рѣдко взыскивались и замѣнялись тѣ-

лесными наказаніями: лишеніемъ членовъ или жизни. Можно даже думать, что при назначеніи такихъ огромныхъ пеней, законодательство имѣло въ виду цѣлый округъ, который во многихъ случаяхъ отвѣчалъ передъ судомъ за преступленіе.

Собственно славянскій, туземный, древнѣйшій, земскій судъ—верховное судилище дворянства и, какъ кажется, вообще всѣхъ свободныхъ, былъ цауда (судъ), или цаудовой судъ. По этому въ Моравіи онъ назывался *zuda provincialis*; въ Силезіи—*judicium Poloniale per totam terram*. Это высшее уголовное и гражданское судилище судило въ Силезіи дѣла объ убійствахъ, ранахъ, долгахъ и проч. Объ устройствѣ его, составѣ, объемѣ и дѣлопроизводствѣ мы доселѣ не имѣемъ почти никакихъ извѣстій. Знаемъ только, что въ XIV вѣкѣ оно пришло въ упадокъ. Причины этого упадка заключались, во первыхъ, въ преобладаніи нѣмецкихъ правъ въ деревняхъ и городахъ, которые, со всѣми принадлежащими къ нимъ деревнями, сдѣлались подсудными городскимъ фохтамъ по маловажнымъ дѣламъ, и придворнымъ судамъ (*Hofgerichte*) по дѣламъ первой важности; во вторыхъ, въ распространеніи нѣмецкаго леннаго права почти по всей землѣ силезской; а ленныя имѣнія были подсудны придворнымъ судамъ, сперва по леннымъ, а въ послѣдствіи по всякимъ дѣламъ. Начиная съ XIV вѣка, вотчинныя имѣнія все чаще и чаще обращались въ ленныя, и слѣд., исключались изъ подсудности цаудовому суду. Правда въ XIV, XV и XVI вѣкѣ ленныя имѣнія иногда были обрацаемы и въ вотчинныя, и такимъ образомъ становились подсудными цаудѣ; но въ послѣдствіи это не было общимъ, и они оставались въ подсудности надворнымъ судамъ; въ третьихъ, въ постепенномъ организованіи земскихъ судовъ, по образцу нѣмецкихъ, особливо тамъ, гдѣ нѣмецкій языкъ и бытъ взяли перевѣсъ надъ славянскимъ. Какъ верховное судилище дворянства, они заступили мѣсто цаудоваго суда и имѣли право рѣшать тяжбы

о вотчинныхъ имѣніяхъ. Все это естественно произошло вслѣдствіе измѣнивагося положенія Силезіи, которая нѣмечилась все болѣе и болѣе. Въ четвертыхъ, усилившись во власти, князья отнимали у цауды одну привилегію за другою, вѣроятно потому въ особенности, что въ Нижней Силезіи они скоро совсѣмъ обнѣмечились, и слѣдовательно возненавидѣли польскій и славянскій бытъ. Туземные Славяне ненавидѣли Нѣмцевъ и были гораздо болѣе привержены верхне-силезскимъ и польскимъ князьямъ, а князья ниже-силезскіе тѣснѣе и тѣснѣе сближались съ преданными имъ Нѣмцами и старались всѣми силами истребить все туземное и польское. Чрезъ это и права цауды мало по малу заключились въ тотъ тѣсный кругъ, который они занимали незадолго до своего уничтоженія.

Изъ этого періода упадка цаудъ, сохранились намъ болѣе подробныя свѣдѣнія объ ихъ устройствѣ, и неправильно думаютъ нѣкоторые, что цауды и первоначально были то же, чѣмъ стали въ послѣдствіи. Въ концѣ XVII вѣка самимъ цаудамъ мало было извѣстно объ ихъ прежнемъ устройствѣ.

Княжескія привилегіи даны были цаудамъ въ концѣ XV вѣка. Изъ протоколовъ, дошедшихъ до насъ отъ конца XV вѣка и составленныхъ по образцу нѣмецкихъ, и изъ упомянутыхъ привилегій видно, что уже тогда цауды не судили уголовныхъ дѣлъ, но только тяжбы о вотчинахъ, и большею частью однѣ юридическія сдѣлки, до вотчинъ касающіяся, которыя, по взаимному соглашенію, опредѣлено подвергать суду цаудъ. Къ вѣдомству цаудовыхъ судовъ, по свидѣтельству протоколовъ, относилось, во первыхъ все, что касалось до устроения суда и его засѣданій; потомъ, вызовъ къ суду; вводъ во владѣніе, выдача (*Verreichung*), оцѣнка, мировыя сдѣлки, (*consense*), передачи исковъ (*cessionen*), выслушаніе свидѣтелей, ликвидація, взятіе подъ залогъ (*Pfändungs-Executionen*), опечатаніе, опись наслѣдства (*Inventuren*), даръ при жизни (*donationes*).

tiones inter vivos), принятіе завѣщаній и публикація ихъ, имѣніе мужа, достаемое по смерти его женѣ (Leibgeding), приданое дочерей (Abstattungen der Töchter), договоры, интерпесія, протесты и рекогниціи и рѣшеніе всѣхъ тяжбъ о вотчинахъ.

Цаудовый судъ состоялъ изъ председателя и земскаго судьи, который назывался Ченча, Sandza, Szandza, Sandzyn, Zandza, Czandza, изъ нѣсколькихъ засѣдателей, которые также газывались шёффенами, и изъ писаря. По всѣмъ вѣроятіямъ, Ченча избирался первоначально владѣльцами вотчинныхъ или цаудовыхъ имѣній. Но въ 1547 году Рюгенскій Ченча назначался княземъ, а Глогавскій земскимъ головою. Въ древнія времена цауды, вѣроятно въ силу собственной власти, давали судъ; въ послѣдствіи, въ XVI вѣкѣ, они производили свое право отъ княжеской милости.

Засѣдатели, числомъ отъ четырехъ до десяти, должны были быть изъ владѣльцевъ вотчинныхъ рыцарскихъ имѣній, или «мужей» (Mann); съ ними вмѣстѣ находился уполномоченный отъ окружнаго города, принадлежавшаго къ цаудѣ. Въ Глогавѣ мы находимъ въ цаудѣ засѣдателя изъ недворянскаго сословія, по причинѣ соборнаго капитула.

Княжескія повелѣнія посылались судьей по порядку отъ одного члена цауды къ другому. Уставленіе цаудоваго суда, при его открытіи, имѣло много сходства съ древне-нѣмецкимъ производствомъ, въ вопросахъ судьи о правѣ и времени установленія суда, и въ отвѣтахъ, которые давали засѣдатели. Судъ уставлялся обыкновенно трижды въ году; чрезвычайно — по требованію тяжущихся, такъ что въ году цауды имѣли иногда шесть, даже двѣнадцать засѣданій. Акты цаудоваго суда утверждались, по большей части, печатью судьи; въ Рюгенѣ къ нимъ, сверхъ того, прилагалась и земская печать.

Цауды пришли въ упадокъ преимущественно въ XVII столѣтіи, когда правители начали отнимать у дворянства послѣд-

ніе остатки его древней самостоятельности: въ чемъ дворянство само помогало. Со всѣмъ тѣмъ въ Силезіи, какъ и въ другихъ земляхъ, были отъ времени до времени попытки возобновить, утвердить учрежденіе, высоко цѣнимое по своей древности и вмѣстѣ служившее оплотомъ противъ угнетеній фиска и власти. Но стремленіе правительствъ ослабить власть паудовыхъ судовъ оставалось то же. Наконецъ послѣдніе шесть (Волавскій, Глогавскій, Рюгенскій, Геррнстедскій, Гуравскій, Равдтенскій) паудъ уничтожены съ подчиненіемъ Силезіи прусскому владычеству.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о монетномъ управленіи.

Право чеканить монету, было, какъ мы видѣли, регалією. Монеты обыкновенно мѣнялись три раза въ годъ и были завыдаваемы монетчиками. Позднѣе (съ 1268 года) князь ежегодно продавалъ ее монетчикамъ. Кажется, что монетчики находились во всѣхъ торговыхъ мѣстечкахъ (Markort), что при тогдашней простотѣ чеканки (большею частью жестиной монеты, bracteaten), весьма вѣроятно. Монетчики безспорно были свободные, хотя и низшіе княжескіе служители, и должны были собирать княжескіе доходы съ кружечной продажи вина, мясныхъ лавокъ, а въ торговые дни съ ремесленниковъ, торговцевъ. Они имѣли право отъ каждой марки кружечнаго сбора удерживать въ свою пользу 24-ю часть и въ продолженіи трехъ торговыхъ дней въ году продавать соль. Въ городахъ они были свободны отъ податей. Подъ ихъ вѣдомствомъ находилась княжеская плавильня, также свободная отъ городскихъ податей, въ которой плавилось серебро и золото (sternatio seu purificatio argenti). Здѣсь находились и вѣсы, на которыхъ производилась закупка благородныхъ металловъ, и ихъ проба. Какъ плавильню, такъ и право монеты князь часто отдавали подъ залогъ и продавали отдѣльнымъ горожанамъ и даже цѣлымъ городамъ, но только на извѣстное время.

Таковъ былъ, въ главныххъ чертахъ, славянскій юридическій бытъ Силезіи и верхней Лужицы, до введенія и распространенія въ нихъ нѣмецкаго права. Переходя къ нему, мы теперь должны разрѣшить вопросъ: что разумѣлось подъ названіемъ нѣмецкаго права, въ противоположность польскому?

Нѣмецкое право означаетъ не что иное, какъ юридическія отношенія городовъ и деревень, установленныя по образцу городовъ нѣмецкихъ. Слѣдовательно, подъ нѣмецкимъ правомъ должно разумѣть тѣ новыя юридическія отношенія, въ которыя, вслѣдствіе введенія его, поставлены были силезскія деревни и города между собою, къ судьямъ, поземельнымъ владѣльцамъ и наконецъ верховной власти; отношенія, образовавшія въ нихъ свободныя, сомкнутыя общины, совѣтъ, или почти совѣтъ не несущія тягостей польскаго права. Общины эти принимали участіе въ управленіи общественныхъ дѣлъ, подъ вѣдомствомъ городского совѣта, и въ судебномъ управленіи, въ лицѣ шеффеновъ, подъ вѣдомствомъ своихъ шульцовъ и фохтовъ, въ дѣлахъ низшей юрисдикціи, и подъ вѣдомствомъ князя, или его уполномоченнаго сановника, въ дѣлахъ высшей; и ставили новыя юридическія отношенія въ своихъ судебныхъ приговорахъ и частныхъ постановленіяхъ (Willkühren).

Такія городскія и деревенскія общины, въ нѣмецкомъ значеніи этого слова, образовались въ Силезіи и Лужицѣ. Польскія деревни и города не имѣли съ нѣмецкими ничего общаго, кромѣ внѣшняго сходства. Деревни состояли изъ извѣстнаго числа домовъ, построенныхъ болѣе или менѣе близко другъ отъ друга, съ принадлежащими къ этимъ домамъ полями, а такъ называемые города считали лишь большее число жителей, обыкновенно поселенныхъ около крѣпости (Burg), и замыкались общею оградой, ровомъ и деревянными досками. Въ этомъ только и заключалось главное различіе между польскою деревнею и городомъ, потому что по польскому праву, какъ городъ

скіе, такъ и деревенскіе жители (а въ особенности деревенскіе) были по большей части крѣпостные, или по крайней мѣрѣ, обязанные; обрабатывали поля своихъ господъ и отправляли службы; а въ такъ называемыхъ городахъ, сверхъ того жили многіе помѣщики и знатные люди округа, кастеляны крѣпости, князья, часто со свитою, крѣпостные и свободные ремесленники, необходимые при высшемъ классѣ дружины, и потому находившіеся въ большемъ числѣ, нежели въ деревняхъ и наконецъ свободные купцы. Здѣсь бывали то же торги, съ которыхъ князья имѣли нѣкоторые доходы, также съ мясныхъ лавокъ и кружечной продажи. Во время войны въ городахъ находили убѣжище окольные крестьяне. Различіе между городомъ и деревней было, но одно внѣшнее, не юридическое. Крѣпости (*Burgen*) были укрѣпленные мѣста, съ принадлежащими къ нимъ землями и посадами и продолжали существовать, отдѣльно отъ городовъ, даже тогда, когда послѣдніе получили нѣмецкое право (Фламское или Франкское право было тоже, что нѣмецкое¹⁾). Чтобы уяснить, что въ городахъ вообще называлось нѣмецкимъ правомъ, (въ отличіе отъ частныхъ правъ магдебургскаго и др.) скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о перенесеніи правъ одного города на другіе.

¹⁾ Названіе *Фламское, Франкское право* объясняется слѣдующимъ образомъ: въ Силезіи много такъ называемыхъ франкскихъ и фламскихъ гугеновъ. Вѣроятно эти названія получили свое начало отъ фламскихъ и франкскихъ переселенцевъ. — Кромѣ того, въ Силезіи употреблялось *Саксонское право*, которое вошло въ употребленіе вѣроятно уже послѣ того, какъ Саксонское Зерцало сдѣлалось въ Силезіи общеизвѣстнымъ, и принято какъ нѣмецкое земское право, съ тѣми измѣненіями, которыя найдены необходимыми. Кромѣ изложеннаго нами значенія нѣмецкаго права, оно означало еще, въ противоположность польскому или цаудовому праву рыцарскихъ имѣній, *ленное право*, въ противоположность имѣній, которыя отдавались въ потомственную (вотчинную) собственность. Наконецъ *Шреденское право* (*Schröder Recht, jus Szrzedense*) было ничто иное, какъ право города Неймаркта; ибо, до введенія въ этотъ городъ нѣмецкаго права, онъ назывался по польски *Srzoda*.

Въ Силезіи и другихъ земляхъ было въ обыкновеніи давать младшимъ городамъ, при самомъ основаніи или въ послѣдствіи, право, или, какъ говорили, права старѣйшихъ городовъ. Избирая такимъ образомъ старые и слѣдовательно уже развившіеся въ своемъ устройствѣ города въ образецъ младшимъ, устанавливали, вмѣстѣ съ ихъ общими положеніями, и многія особенныя, и въ возможно краткомъ очеркѣ уставляли различныя правила, которыя, при ихъ разнообразіи, легко могли быть пропущены въ самомъ писанномъ актѣ, или дарованной грамотѣ. Но было бы ошибочно думать, что переносъ устройства одного города на другой было то же самое, что въ наше время нелѣпое перенесеніе всего государственнаго устройства одной земли на другую; ибо въ нѣмецко-славянскихъ провинціяхъ, какъ и въ Польшѣ и въ Литвѣ, всѣ городовыя общины, по существу своему, были чисто нѣмецкія, и во всякомъ случаѣ юридическія отношенія такихъ общинъ были гораздо проще и сходнѣе между собою, нежели цѣлыхъ государствъ. Притомъ въ принятомъ городомъ устройствѣ дѣлали по нуждѣ измѣненія, и наконецъ дополняли необходимое, совершенно по образцу Нѣмцевъ, посредствомъ частныхъ (сепаратныхъ) постановленій (Willkühren), или сами собою, или со спросу съ образцовымъ городомъ (Mutterstadt).

Особеннаго вниманія заслуживаетъ слѣдующее, весьма важное различіе въ способѣ передачи новымъ городамъ, при самомъ ихъ основаніи, правъ другого города. На это различіе ученые не всегда обращаютъ должное вниманіе: иногда одинъ городъ получалъ отъ другого известную форму устройства, т. е. правительственнаго; въ немъ устанавливались тѣ же внутреннія отношенія гражданъ между собою, къ foxту и къ землевладѣлкѣ. Иногда, напротивъ, одинъ городъ получалъ отъ другого права, по которымъ судили въ судахъ. Конечно, право государственное и гражданское не были въ то время такъ

строго отдѣлены другъ отъ друга, какъ теперь; однако было существенно различно, получилъ ли такой-то городъ, наприим. магдебургское право въ томъ смыслѣ, что граждане должны платить такую же поземельную подать, такъ же избирать магистратъ, шеффеновъ и цѣховыхъ головъ, что фохтъ долженъ имѣть тѣ же привилегіи, и слѣдовательно городъ имѣть то же правительственное устройство, какъ Магдебургъ, или получалъ Магдебургскую судную грамоту, которая преимущественно содержала въ себѣ рѣшенія гражданскихъ споровъ, и опредѣленія формы и сущности судоустройства. Это существенное различіе гражданского или государственнаго устройства, переносимаго отъ старшаго города на младшій, особенно рѣзко выказывается въ Силезіи.

Обычай давать новымъ городамъ права старыхъ былъ такъ всеобщъ, что только весьма немногіе города составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе изъ общаго правила. Несмотря на неопредѣленность выраженій въ источникахъ, можно сказать положительно, что вообще подъ словами: «дать нѣмецкое право», или «основать по нѣмецкому праву, которое имѣлъ другой городъ», должно разумѣть собственно внутреннія городскія общинныя отношенія, вольности и преимущества, пообщее *устройство*, которое переносили отъ старшаго города на младшій, а не передачу того, что мы преимущественно называемъ гражданскимъ правомъ, съ которымъ рождались и другія отношенія между старшимъ и младшимъ городомъ, нежели при передачѣ правительственнаго устройства. Это еще яснѣе доказывается тѣмъ, что многіе города, вскорѣ послѣ основанія, или въ послѣдствіи, получали вообще право такого-то города и сверхъ того отдѣльныя права другихъ городовъ. Этимъ объясняется, почему устройство нѣкоторыхъ городовъ образовалось не по образцу одного, а разныхъ городовъ. Не должно однако думать, что вообще, чрезъ принятіе однимъ городомъ

правъ другаго, первый необходимо дѣлался низшею судебною инстанціей въ отношеніи къ послѣднему. Такъ было большею частію лишь при заимствованіи гражданскаго права. Всякій городъ, получая отъ другаго его гражданскія права съ согласія князя, обязывался, во первыхъ, не передавать этихъ правъ другимъ городамъ, и во вторыхъ, въ сомнительныхъ случаяхъ требовать разрѣшенія отъ старшаго города, отъ котораго заимствовано право.

Города Неймарктъ, Бреславъ, Швейдницъ, Ратиборъ и Нейссе были, посредственно и непосредственно, центральными пунктами, изъ коихъ нѣмецкое городовое право распространилось по всей Силезіи.

Скажемъ теперь о древнѣйшемъ переселеніи въ Силезію нѣмецкихъ колонистовъ и о распространеніи ихъ правъ.

Первые слѣды дѣйствительнаго переселенія нѣмецкихъ колонистовъ, или, по крайней мѣрѣ, желанія вызвать ихъ, находимъ мы въ грамотѣ Лебусскаго монастыря 1175 года, въ которой герцогъ Болеславъ I, въ пользу монаховъ, съ коими онъ основалъ Лебусъ, на вѣчныя времена освобождаетъ отъ всѣхъ польскихъ правъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые станутъ обрабатывать землю монастырскую, или поселятся на ней.—Воздѣлываніе полей этими иноземными колонистами началось и продолжалось чрезвычайно живо и дѣятельно. Число ихъ быстро увеличивалось. Родилась потребность опредѣлить отношенія этихъ колонистовъ къ герцогу, особливо въ разсужденіи высшей судебности и споровъ съ туземцами—Поляками. Вліяніе многочисленныхъ нѣмецкихъ переселенцевъ сдѣлалось наконецъ столь значительно, что названія славянскихъ мѣстечекъ или стали замѣняться нѣмецкими, или по формѣ, и особливо по окончанію, переименовываться на нѣмецкій ладъ и выговоръ. Нѣтъ сомнѣнія, что при такомъ относительно быстромъ распространеніи нѣмецкихъ учреждений въ Силезіи, большая часть

городовъ. незадолго до XIV вѣка, получила нѣмецкое право, какъ въ Верхней Лужицѣ, Неймаркѣ и Поммераніи, хотя названіе «Нѣмецкое право» и не было вездѣ въ одинаковомъ употребленіи. Грамотъ на нѣмецкое право древнѣйшихъ городовъ Верхней Лужицы мы не имѣемъ, можетъ-быть, потому что оно принималось лишь мало по малу; весьма вѣроятно однакожь, что многое, намъ неизвѣстное, потеряно. Около половины XIV вѣка всѣ деревни въ княжествѣ Бреславскомъ и Неймаркѣ имѣли уже нѣмецкое право, и скоро получили нѣмецкое, или онѣмеченное названіе. Чѣмъ болѣе селилось Нѣмцевъ, чѣмъ болѣе нѣмецкій языкъ и нравы укоренялись при княжескихъ дворахъ, тѣмъ чаще древнія польскія названія замѣнялись нѣмецкими. Это происходило различными способами. Во первыхъ, чрезъ перемѣну владѣльцевъ; польскія названія мѣстечекъ большею частью связаны съ именами старыхъ владѣльцевъ. По этому, когда Нѣмцы стали владѣть ими, то и названія стали нѣмецкія. Другія перемѣны произошли отъ перевода на нѣмецкій. Нѣкоторыя объясняются мѣстностію, на которую приходили Нѣмцы. Многія другія лишь измѣнены ими на свой ладъ и выговоръ, или получили нѣмецкія окончанія, или искажены такъ, что совсѣмъ не узнаешь стараго славянскаго корня. Такимъ-то образомъ многія мѣстечки стали имѣть два названія: нѣмецкое и польское; со временемъ нѣкоторыя назывались тремя и даже четырьмя различными именами.

Намъ возразятъ, можетъ-быть, что невѣроятно, чтобы въ такое короткое время такое множество Нѣмцевъ могло поселиться въ чисто-славянской землѣ и получить такое обладаніе надъ массою туземцевъ, измѣнивъ совершенно все ихъ внутреннее устройство, и самый языкъ. Въ отвѣтъ мы замѣтимъ, во первыхъ, что то же самое было въ Лебусѣ и въ Неймаркѣ. Послѣднимъ, въ половинѣ XIII вѣка, овладѣли маркграфы бранденбургскіе ангалтинской линіи, и заселили его колони-

стами, которые, въ столь же короткое время, а именно къ началу XIV вѣка, уже основали новые нѣмецкіе города, или совершенно преобразовали старыя въ нѣмецкія общины (чего нельзя объяснить нѣмецкимъ завоеваніемъ, какъ въ XIII вѣкѣ, въ Мекленбургѣ и Помераніи). Все городовое право Польши и Литвы образовалось по нѣмецкому. Ученый Пельцель ¹⁾ очень хорошо и подробно показалъ, какъ уже въ IX вѣкѣ Нѣмцы находились въ значительномъ числѣ въ Богеміи; какое сильное вліяніе они имѣли на правленіе и администрацію страны, на воздѣлываніе почвы и образованіе. Привиллегіи, данныя Нѣмцамъ въ Прагѣ уже въ XI вѣкѣ, показываютъ, какъ имъ покровительствовали тамошніе князья. Раннее распространеніе нѣмецкаго городского права въ Моравіи доказалъ ученый Монзе ²⁾, а Шлѣцеръ ³⁾ собралъ извѣстіе о поселеніи нѣмецкихъ и фландрскихъ колонистовъ въ Венгріи и Седмиградской области въ XI и XII вѣкѣ.

Главная причина, почему князья вызывали въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ, и тѣ охотно выселялись, заключалась въ обоюдной выгодѣ. Іодокъ, игуменъ Августинскаго монастыря въ Бреславлѣ (ум. въ 1447 году) рассказываетъ въ хроникѣ своего монастыря, что въ 1221 году герцогъ Генрихъ I далъ игумену Витославу привиллегію ввести нѣмецкое право во многихъ деревняхъ, которыя находились на польскомъ правѣ, и мало приносили пользы или доходу. Онь повторяетъ здѣсь тѣ же самые слова, которыми выразился герцогъ Генрихъ I, въ 1221 году, когда онъ дозволилъ этому мона-

---

¹⁾ Geschichte der Deutschen und ihrer Sprache in Böhmen, in den Abhandl. d. Böhm. Gesellsch. d. Wissensch. v. J. 1788 S. 344.

²⁾ Ueber die ältesten Municipal-Rechte in Mähren, in d. Abhandl. der Böhm. Gesellsch. d. Wissenschaften v. J. 1787. S. 75.

³⁾ Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen. Götting. 1795.

стырю основать многія деревни на нѣмецкомъ правѣ для усиленія доходовъ. Іоаннъ бреславскій прямо говоритъ (въ 1495 году), что Поляковъ считали менѣе способными къ прилежной обработкѣ земли. Самое позволеніе, даваемое князьями монастырямъ и частнымъ землевладѣльцамъ вводить въ города и деревни нѣмецкое право, всегда считалось особенною милостію, и было дѣйствительно, милостію, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи. Съ другой стороны много было поводовъ и удобства къ выселенію нѣмецкихъ колонистовъ. Постоянныя, изъ рода въ родъ поддерживаемыя семейственныя связи польскихъ Піястовъ, съ нѣмецкими и уже овѣченными князьями богемскими: связи, которыя были необходимы при непрерывныхъ войнахъ Піястовъ между собою. Самые князья преимущественно опирались на Нѣмцевъ, и потому оказывали имъ особенное покровительство. Монастыри тоже много содѣйствовали къ вызову колонистовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при содѣйствіи Германіи и Богеміи, гдѣ уже было много Нѣмцевъ въ монастыряхъ, и при общей церковной связи, здѣсь съ самаго введенія христіанства, было много Нѣмцевъ между лицами чернаго и бѣлаго духовенства. Въ XIII вѣкѣ была уже основана большая часть монастырей. Францисканцы, Доминиканцы, Бенедиктинцы, Стражи Святаго Гроба и другіе ордена были уже за-долго распространены въ Силезіи; Іоганнитскіе, Нѣмецкіе и Храмовые рыцари имѣли владѣнія въ ней. Всѣ эти общины, первоначально чуждыя и переселившіяся сюда мало по малу, владѣли многими и пространными землями, изъ коихъ наибольшая часть была имъ уступлена уже въ XIII вѣкѣ; на то вызывалъ духъ времени, да и земли, большею частью, лежали пустыя, и имѣли мало цѣны. Должно отдать справедливость духовенству, особливо Цистерценцамъ и Августинцамъ, что они много содѣйствовали къ улучшенію земледѣлія и тѣмъ, разумѣется, къ увеличенію своихъ доходовъ. Духовенство

весьма рано поняло всю выгоду обработки пустых земель свободными колонистами. Этимъ объясняется, какимъ образомъ, начиная съ XIII вѣка, въ Лебузѣ Цистерцензцы, Августинцы въ Бреславлѣ, особливо Цистерцензскія монахи, учрежденныя святою Гедвигою въ Требницѣ, въ неизмѣнно короткое время разчистили лѣса и сдѣлали землю удобную для земледѣлія, въ чемъ они нашли себѣ подражателей въ Генрихѣ I и туземномъ дворянствѣ.

Но всѣ эти причины еще недостаточны для объясненія такого быстрого преобладанія нѣмецкаго языка надъ славянскимъ; впрочемъ не должно забывать, что хотя и рано началось преобладаніе нѣмецкаго языка при дворѣ, въ черномъ и высшемъ бѣломъ духовенствѣ, и что нѣмецкіе составители актовъ уже переводили славянскія выраженія на нѣмецкій, однако изъ всего этого не слѣдуетъ, чтобы въ устахъ низшихъ классовъ языкъ народа былъ такъ рано замѣненъ нѣмецкимъ. Потомъ, когда источники говорятъ, что такое-то мѣстечко въ черномъ народѣ (*in vulgari, vulgariter*) звалось нѣмецкимъ именемъ, то вѣроятно такъ его называли самые жители его, Нѣмцы, или его нѣмецкіе сосѣди. Далѣе, не всѣ мѣстечки, въ которыхъ позволено было ввести нѣмецкое право, тотчасъ же воспользовались этой привиллегіей. Наконецъ, что особенно важно, нѣмецкое право давалось не однимъ нѣмецкимъ колонистамъ, но и другимъ, даже Полякамъ. Что особенно давало силу размножившимся колоніямъ иностранныхъ поселенцевъ и рѣшило ихъ преобладаніе, это высшая степень образованности, личныя свободы и выгоды, которыя давались нѣмецкимъ правомъ; поэтому Нѣмцы не могли быть поглощены въ польскомъ населеніи; напротивъ Поляки сдѣлались Нѣмцами вмѣстѣ съ вольностями нѣмецкаго права. Наконецъ покровительство, оказываемое Нѣмцамъ князьями, особливо въ Нижней Силезіи имѣло также не малое вліяніе на распространеніе нѣмецкаго начала

въ дворянствѣ и народѣ. Мы уже замѣтили выше, что туземное дворянство весьма рано начало обрабатывать свои земли нѣмецкими колонистами. Безъ сомнѣнія, тоже самое дѣлали и переселившіеся нѣмецкіе рыцари. Выгода земледѣлія вообще, и въ особенности выгода обрабатывать земли трудолюбивыми и свободными Нѣмцами, скоро сдѣлались очевидными. Нижне-Силезскіе князья, сами вполнѣ онѣмеченные, болѣе опирались на Нѣмцевъ, нежели на природныхъ Поляковъ, и всячески противодѣйствовали туземному началу, что между прочимъ доказывается уничтоженіемъ цаудоваго суда. Это подало поводъ къ многочисленнымъ жалобамъ, даже въ самомъ духовенствѣ, въ назначеніи церковныхъ участковъ, въ капитулахъ (Pfründe), изъ коихъ всѣми мѣрами старались вытѣснить Поляковъ. Часто прибѣгали къ насильственнымъ средствамъ и выгоняли природныхъ Поляковъ изъ деревень, какъ и городовъ. Мы знаемъ, напримѣръ, что еще въ 1405 году епископъ Іоаннъ бреславскій приказалъ польскимъ мужикамъ въ Войцѣ, въ пять лѣтъ выучиться по-нѣмецки; въ противномъ же случаѣ его милость не станетъ держать ихъ ни въ одной деревнѣ подъ его властью. На такія распоряженія не давались грамоты, поэтому подобныя извѣстія рѣдки; но достовѣрность ихъ не подлежитъ сомнѣнію.

О происхожденіи иностранныхъ колонистовъ мы находимъ одни разбросанныя и далеко неудовлетворительныя извѣстія. Изъ источниковъ видно, что упоминаются болѣе другихъ нѣмецкіе колонисты, и что притомъ вольности нѣмецкаго права давались, кромѣ Поляковъ и Нѣмцевъ, и другимъ народамъ. Извѣстно, что въ XII вѣкѣ въ сѣверную Германію переселялись Фламандцы и были принимаемы какъ колонисты. Еще теперь мы находимъ въ Силезіи очень много фламандскихъ гуфеновъ; поэтому весьма вѣроятно, что Фламандцы селились и въ Силезіи. Кромѣ того, мы находимъ между силезскими ко-

лонистами Франковъ, Баварцевъ, Швабовъ, Саксонцевъ, Турингцевъ и Австрійцевъ.

Объ основаніи деревень по нѣмецкому праву. Прежде основанія деревни по нѣмецкому праву, необходимо было на то согласіе князя, а иногда епископа, если кто хотѣлъ сдѣлать о десятинѣ распоряженіе, несогласное съ земскимъ обычаемъ и церковнымъ правомъ. Монастыри и духовныя общины получали привиллегію основывать деревни по нѣмецкому праву, иногда на цѣлую область; часто она давалась монастырямъ на всѣ ихъ владѣнія; но, по большей части, на отдѣльныя деревни, а въ послѣдствіи даже на отдѣльныя гуфены, которые причислялись къ нѣмецкой деревнѣ. Эти привиллегіи всегда почитались особенною милостію, давались дворянамъ въ награду за вѣрную службу и заключали въ себѣ отказы князя отъ всѣхъ или части правъ, которыя давало имъ польское право надъ крестьянами, несостоявшими непосредственно подъ ихъ властью.

Обыкновенно князья навсѣгда отказывались въ пользу землевладѣльцевъ отъ собственно такъ называемыхъ службъ, и связанныхъ съ ними податей польскаго права, но удерживали за собою подать поземельную, вообще право налагать подати, часть судебныхъ пошлинъ и воинскую повинность; даже отъ послѣдней они иногда освобождали на нѣсколько лѣтъ. Часто они предоставляли на волю землевладѣльца давать освобожденному мѣсту нѣмецкое, или польское, или какое-нибудь другое право, т. е. заселять его свободными, или крѣпостными и вообще распоряжаться по произволѣнію. По этому изъ того, что извѣстное мѣсто было освобождено отъ тягостей польскаго права, нельзя еще заключить, что оно необходимо получало нѣмецкое право; ибо освобожденіе давалось владѣльцу, который могъ тогда селить Нѣмцевъ, но не былъ къ тому обязанъ. Также изъ согласія князя на основаніе какой-нибудь деревни

по нѣмецкому праву нельзя еще заключать, что землевладелецъ необходимо воспользовался позволеніемъ. Отъ его воли зависѣли и способъ и время привести это въ исполненіе. По этому весьма часто проходило нѣсколько лѣтъ, прежде нежели землевладельцы воспользовались данными имъ привиллегіями.

Всѣ такія нѣмецкіе деревни освобождались отъ подсудности не только кастеляну, въ кастелянствѣ котораго онѣ находились, но и ко всѣмъ прочимъ княжескимъ чиновникамъ. Низшій судъ всегда принадлежалъ землехозяину, а отъ него передавался шульцу. Герцогъ удерживалъ за собою верховный судъ, т. е. судъ въ высшихъ уголовныхъ дѣлахъ и по апелляциямъ на приговоры сельскаго суда, и разбирательство споровъ между подданными различныхъ землевладельцевъ. Право верховнаго суда могло быть приобрѣтено не иначе, какъ посредствомъ особливыхъ княжескихъ привиллегій.

Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ, исключительно подсудныхъ верховной власти, кастеляны и другіе чиновники иначе не могли вызывать къ суду подданныхъ, имѣвшихъ нѣмецкое право, какъ по письменному и печатью утвержденному полномочию отъ князя, и должны были судить по нѣмецкому праву. Нѣмцы, позванные такимъ образомъ къ суду, часто имѣли право не отвѣчать ни передъ кѣмъ, кромѣ самаго князя, или пользовались привиллегіею не быть вызываемы и судимы нигдѣ, кромѣ того суда, въ вѣдомствѣ котораго состояли. Въ послѣдствіи, когда былъ формально установленъ придворный судъ, всѣ тѣ, которые имѣло нѣмецкое право, были отнесены къ нему, и тѣмъ отстранены отъ всякаго отвѣта передъ польскимъ судомъ, потому что личностію подсудимаго всегда опредѣлялась и самая форма судопроизводства. Одну треть судебныхъ пошлинъ получалъ землевладелецъ; двѣ трети герцогъ. Въ видѣ исключенія, герцогъ удерживалъ себѣ иногда одну треть судебныхъ пошлинъ, иногда же уступалъ землевладельцу

все свое верховное право надъ частною собственностію, что однакожь не давало послѣднему права верховнаго суда. Далѣе, герцогъ обыкновенно удерживалъ въ свою пользу герцогскій хлѣбъ (*annona ducalis*), который заключался обыкновенно въ шеффелъ пшеницы и шеффелъ овса съ гуфена. Въ княжеской привиллегіи, даваемой землевладѣльцу на введеніе въ какую либо деревню нѣмецкаго права, рѣдко постановлялись условія, на которыхъ землехозяинъ могъ отдавать имѣніе арендатору; однако есть примѣры.

Получивши привиллегію отъ князя (князья и епископы, сдѣлавшіеся князьями, разумѣется, не имѣли въ ней нужды), землевладѣлецъ заключалъ письменный договоръ съ однимъ или многими арендаторами (*Locatores*) и передавалъ имъ деревню или участокъ земли, который долженъ былъ состоять на нѣмецкомъ правѣ, съ опредѣленнымъ или приблизительно предполагаемъ числомъ гуфеновъ, при чемъ границы (межи) старались опредѣлять съ возможною точностію. По обычаю, князь вмѣстѣ съ многими сановниками и окольными людьми обходилъ межи, и обозначалъ ихъ камнями, или кучами земли, (копицами), старыми деревьями или водами. Съ половины XIII вѣка всѣ гуфены продавались арендаторамъ, или подрядчикамъ поселенія (*Unternehmer*); но землевладѣлецъ удерживалъ за собою десятину, подать и господскія права. Цѣна была чрезвычайно разнообразна, по свойствамъ земли, по удерживаемой господиномъ за собою поземельной подати, по величинѣ гуфеновъ и цѣнѣ денегъ, которыя въ XIV вѣкѣ безпрестанно измѣнялись. Не должно однако упускать изъ виду, что такая продажа не была такъ называемая чистая продажа, но только условная запродажа для основанія гуфеновъ на нѣмецкомъ правѣ.

Весьма рано вошло въ обычай основывать новыя деревни по нѣмецкому праву, по образцу древнѣйшихъ, на томъ же правѣ основанныхъ. Обыкновенное содержаніе договоровъ между зем-

левладѣльцемъ и арендаторомъ, или основателемъ (отдатчикомъ въ наемъ, *locator*), состояло въ слѣдующемъ: арендаторъ обязывался заселить переданное ему число гуфеновъ земледѣльцами. За это ему уступалась должность шульца (*die Schultzei* или *Scholzerei*, *Scultetia*) въ наследственную (также на женское поколѣние переходящую) и дѣлимую собственность, съ полнымъ правомъ распоряжаться по произволу и цѣлымъ и частями; въ послѣдствіи такое распоряженіе могло имѣть мѣсто не иначе, какъ съ одобреніи землевладѣльца.

Къ правамъ шульца относились: 1) должность шульца, какъ предсѣдателя деревенскаго суда для разрѣшенія тяжбъ, относящихся къ нижней подсудности (и весьма рѣдко высшей), полицейскій надзоръ надъ деревнею и третій фенингъ съ суда, то есть третья часть съ штрафовъ, приговоренныхъ и взыскиваемыхъ деревенскимъ судомъ; остальные двѣ части принадлежали землевладѣльцу. Отсюда должность шульца называлась вообще судомъ (*judicium*), а иногда даже, третьимъ фенингомъ. 2) Шульцъ получалъ или извѣстное число, или извѣстную часть всѣхъ гуфеновъ, принадлежащихъ къ деревнѣ въ послѣдствіи обыкновенно десятую часть; эта часть была свободна отъ поземельной подати и десятины (*mansi liberi*). 3) Къ должности шульца отнесено было еще и много другихъ различныхъ правъ по положенію и свойству мѣста; большею частью кружечная продажа (*taberna*), или право продавать пиво. Обыкновенно сюда же принадлежало право печь хлѣбъ и бить скотину, или хлѣбная и мясная лавка; также башмачная лавка и кузница. Шульцъ обыкновенно получалъ право кружечной продажи безпошлинно (*libera taberna*), а иногда и съ обязанностію платить особливую пошлину. Во многихъ мѣстахъ шульцу дозволялось строить мельницы, ловить рыбу, даваемо было право разводить овецъ, и уступались сады. Въ замѣнъ того, шульцъ былъ обязанъ: 1) собирать подать,

слѣдующую съ крестьянъ и доставлять ее землевладѣльцу; 2) наблюдать за сборомъ десятины; 3) когда самъ землевладѣлецъ, или его уполномоченный давали судъ, что случалось трижды въ году: въ Рождество, на Святой недѣлѣ и въ Троицынъ день — давать ему и его свитѣ, каждый разъ, обѣдъ и кормъ лошадямъ. Эта повинность въ послѣдствіи замѣнена была извѣстною суммою денегъ, а въ другихъ мѣстахъ падала отчасти и на самыхъ крестьянъ; наконецъ 4) какъ вассалъ верховнаго судьи, онъ долженъ былъ, въ случаѣ опасности, служить за него ленную службу владѣтельному князю, что часто встрѣчается, еще въ XIII вѣкѣ, но въ послѣдствіи замѣнено постоянною податью. Мѣсто шульца было часто значительнымъ достояніемъ и потому нерѣдко давалось рыцарскимъ родамъ, наравнѣ съ настоящими наслѣдственными ленными имѣніями; такъ было особенно въ Нейссенѣ, гдѣ епископы хотѣли образовать около себя сильную ленную дружину на походъ и свиту; отсюда рыцарскія права шульцовъ, съ особыми преимуществами рыцарскихъ имѣній.

Первымъ признакомъ происхожденія рыцарскихъ правъ въ шульціяхъ (*Schultisei*, шульція) должно считать дозволеніе свободно пасти овецъ на крестьянскихъ поляхъ, вслѣдствіе котораго права сами крестьяне во многихъ мѣстахъ не могли держать овецъ. Это право пастбища, принадлежавшее шульціямъ, упоминается въ немногихъ грамотахъ и то не въ древнѣйшихъ; на другихъ шульціяхъ лежали другія подати и повинности въ пользу князя, какъ то: *petitiones*, постой (*statio*), или обязанность давать князю и его свитѣ, во время путешествія, квартиру и содержаніе.

Многія шульціи уменьшились въ объемъ правъ отъ дѣлимости ихъ при наслѣдованіи, и отъ распродажи отдѣльныхъ правъ, съ ними связанныхъ; другія, напротивъ, увеличились вслѣдствіе прикупки другихъ правъ. Часто эти шульціи возвращались

къ землехозяину, или выкупались имъ и вновь отдавались, или продавались подъ другими условіями, обыкновенно съ меньшимъ количествомъ къ нимъ приписанныхъ земель. Часто эти шульцинъ, раздробленные, болѣе не возстановлялись, смотря потому, какъ землевладѣльцу было выгоднѣе. Потомъ, свободные гуфены не рѣдко обращались въ податные; но для этого нужно было согласіе князя. По этой причинѣ мы находимъ въ послѣдствіи шульцинъ, не свободныя отъ податей; это произошло посредствомъ правъ, связанныхъ съ верховною судебностію.

О колонистахъ и ихъ обязанностяхъ обыкновенно ничего не говорится въ грамотахъ, кромѣ опредѣленія поземельной подати, десятины съ каждаго гуфена и числа льготныхъ лѣтъ. Но въ послѣдствіи упоминается, что поля, принадлежащія къ деревнѣ, давались колонистамъ, какъ лично свободнымъ людямъ, въ наслѣдственную собственность, на правахъ наслѣдственного фермерства (эмпитевтическихъ имуществъ) съ правомъ продавать и закладывать ихъ, хотя не иначе, какъ съ согласія землевладѣльца. Ихъ гуфены назывались податными, или крестьянскими (*mansi censuales*, или *rusticales*), въ отличіе отъ свободныхъ гуфеновъ, принадлежавшихъ шульцамъ. Всѣ ихъ подати обозначались въ формальномъ договорѣ, изъ коихъ однако ни одинъ не дошелъ до насъ. Обыкновенно имъ давалось отъ землехозяина извѣстное число льготныхъ лѣтъ, въ продолженіи коихъ они не должны были платить ни подати, ни десятины. Число этихъ льготныхъ лѣтъ, было, смотря по обстоятельствамъ, весьма различно: при воздѣланныхъ земляхъ (*mansi parati, culti, qui campus sunt*) менѣе, отъ одного до трехъ лѣтъ; при невоздѣланныхъ (*non culti*) и поросшихъ лѣсомъ (*silva, silvestres, non extirpati*), отъ трехъ до шестнадцати лѣтъ; часто, безъ различія земель, льготныхъ лѣтъ давалось отъ одного до трехъ и шести. Отсюда видно, что колонисты получали иногда воздѣланныя деревни и гуфены, и весьма вѣроятно, что часто,

первоначально крѣпостные крестьяне дѣлались свободными и продолжали владѣть своими землями уже на нѣмецкомъ правѣ.

Ежегодная подать, платимая крестьянами, состояла обыкновенно изъ $\frac{1}{4}$ денежной марки съ cadaго гуфена, весьма рѣдко изъ $\frac{1}{2}$ марки, иногда больше, но лишь въ случаѣ, когда десятина была менѣе обыкновенной; или меньше, если почва земли была особенно дурна. Гораздо болѣе разнообразія находимъ мы во взиманіи десятины, которую крестьяне платили съ гуфеновъ. Въ послѣдствіи времени, при основаніи всякой деревни по нѣмецкому праву, землевладѣлецъ и тотъ, кто имѣлъ право на десятину, заключали между собою особое условіе. Вотъ почему мы находимъ, что нѣкоторые изъ древнѣйшихъ нѣмецкихъ деревень, коихъ грамоты дошли до насъ, платили полевую десятину, то есть стоячимъ хлѣбомъ (*manipulatum in campo*), или полную десятину. Со временемъ это измѣнилось и уже въ первой половинѣ XIII вѣка установленъ обычай, который считался принадлежностью нѣмецкаго права, взимать съ cadaго гуфена, вмѣсто десятины, одинъ малтеръ или два шеффеля ржи зерномъ. Было также не рѣдко извѣстное отношеніе величины десятины къ величинѣ подати. Вообще въ этомъ отношеніи мы находимъ большое разнообразіе, весьма естественное при свободныхъ договорахъ. Десятину, если она не состояла въ стоячемъ хлѣбѣ, должны были нѣмецкіе крестьяне платить въ томъ мѣстѣ, которое было назначено въ грамотѣ. Обыкновенно назначалось самое близкое; въ случаѣ отдаленности его, иногда имѣли право на особенное вознагражденіе: хлѣбъ, платимый герцогу (*das Herzogskorn*) и состоящій въ двухъ шеффеляхъ ржи съ податнаго гуфена, платился и вмѣстѣ съ десятиною, но большею частью особливю, и перевозился крестьянами въ то мѣсто, куда назначалъ герцогъ.

О службахъ, которыя нѣмецкіе крестьяне должны были первоначально, со времени самаго ихъ водворенія, отправлять

землевладѣльцу, мы не знаемъ ничего положительнаго, кромѣ того, что касается до угошеній во время суда (*die Mahlzeiten zum Dreidinge*), которыя, какъ мы уже замѣтили выше, падали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отчасти и на крестьянъ. Впрочемъ едва ли можно открыть въ грамотахъ объ основаніи деревень по нѣмецкому праву происхожденіе службъ; ибо въ этихъ грамотахъ землевладѣльцы обыкновенно не выговариваютъ себѣ ничего такого, что относится къ собственно такъ называемой барщинѣ. По этому происхожденію той барщины, которую мы находимъ въ послѣдствіи, должно приписать герцогскому праву, основанному на особливыхъ договорахъ.

Когда князья отказывались отъ многихъ своихъ правъ и давали позволеніе основать деревню по нѣмецкому праву, эти права, какъ мы уже замѣтили выше, дарились не крестьянамъ, а землевладѣльцу; а князья удерживали за собою лишь тѣ права, которыя не были именно обозначены въ грамотахъ, хотя иногда права, ими оставляемые за собою, также обозначались въ актѣ. Къ послѣднимъ, по большей части, относится обязанность нести военную службу. Во первыхъ, Нѣмцы должны были служить во время походовъ, даже за границу, хотя впрочемъ иногда и бывали освобождаемы; во вторыхъ, они должны были принимать участіе въ земской оборонѣ (*Landwehr*), отъ которой освобожденіе встрѣчалось рѣже. Но вообще подданные землевладѣльцевъ изъ духовенства пользовались многими облегченіями. Такъ колонисты въ Уѣстѣ были обязаны выставять только трехъ воиновъ, въ панцыряхъ, для крѣпостнаго гарнизона, на то время, пока князь находился съ войскомъ за границею. Они давали и военные подводы, но не столь тяжкія, какъ подводы Поляковъ. Отъ крѣпостной постройки Нѣмцы были большею частью совершенно свободны, кромѣ особенныхъ, крайнихъ случаевъ. Князья удерживали за собою прочія права, которыя не были именно помянуты. Сюда

относится напимѣръ станъ (Lager). Кромѣ того, князья удерживали за собою все то, что вытекало изъ княжескаго права. Это былъ богатый, неизчерпаемый источникъ правъ и притязаній на всякіе, самые многоразличные предметы.

Такъ какъ значеніе княжескаго права (*jus ducale*) весьма неопредѣленно, то мы считаемъ необходимымъ сказать объ немъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что оно имѣло важное вліяніе на сельскій бытъ.

Къ герцогскому праву принадлежали, во первыхъ, звонкая монета (*resunia monetalis*), которая вималась съ гуфеновъ, принадлежавшихъ нѣмецкимъ крестьянамъ; во вторыхъ, герцогскій хлѣбъ (*annona ducalis*), съ каждаго гуфена, по два шеффеля ржи; въ третьихъ, хлѣбный сборъ (*exactio annonalis*); въ четвертыхъ, денежный налогъ (*exactio resunialis*); въ пятыхъ, чрезвычайные налоги (*collectae, contributiones*), къ которымъ относились первоначально такъ называемыя *Beden* (*petitiones*), и которые возобновлялись безпрестанно, несмотря на столь часто даруемыя права не платить ихъ; въ шестыхъ, службы (*servitia*): это выраженіе имѣло весьма много различныхъ значеній. Сюда относились подводы, пахота и повинности на охотѣ (*Iagd*); въ седьмыхъ, ленное служеніе шультцовъ (*servitium dextrariale*); и въ осьмыхъ, верховная судебность (*jus supremum*).

Эти тягости и службы, вытекавшія изъ герцогскаго права, были весьма значительны, даже и въ отношеніи къ крестьянамъ, состоявшимъ на нѣмецкомъ правѣ; несправедливое разширеніе ихъ, дѣлало ихъ еще болѣе обременительными; это видно изъ многихъ грамотъ.

Объ отношеніи церкви къ деревнямъ, вновь основаннымъ по нѣмецкому праву, находимъ мы въ грамотахъ весьма немногія, и то неудовлетворительныя указанія. Обыкновенно церкви давалось два гуфена, свободныхъ отъ повинностей. Несмотря

на то, что въ XIV вѣкѣ еще многія деревни были основаны по нѣмецкому праву, мы замѣчаемъ, что уже въ началѣ этого вѣка, это общепринятое названіе, которое оставалось въ употребленіи до исхода XIV вѣка, часто уже не употреблялось, но было замѣняемо общими, принятыми въ канцеляріяхъ и изъ грамотъ почерпнутыми формулами, которыя впрочемъ, съ небольшими измѣненіями, заключали въ себѣ тѣ же условія, какъ и прежде. Далѣе, мы замѣчаемъ, что нѣмецкое и эмфитевтическое право стали полагать однозначительными, вѣроятно для того, чтобъ утвердить за землевладѣльцемъ болѣе опредѣленное право собственности (*dominium directum*) надъ крестьянскими землями.

Между прочимъ изъ источниковъ видно, что не одни крестьяне становились на отношеніи нѣмецкаго права, но и садовники.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на главныя слѣдствія основанія столькихъ деревень на нѣмецкомъ правѣ. Во первыхъ, иностранные переселенцы, отчасти болѣе образованные, нежели туземцы, привлечены въ страну, они привели земледѣіе въ лучшее состояніе, чѣмъ уже доказывается введеніемъ нѣмецкаго плуга; во вторыхъ, колонисты, образуя собою свободныя общины, разсѣянные по всей странѣ, доказали своимъ примѣромъ, какъ выгодно воздѣлываніе земли свободными собственниками; въ третьихъ, они положили начало сословію свободныхъ крестьянъ, давъ собою поводъ къ тому, что и многіе туземцы были освобождены отъ тяжкихъ польскихъ повинностей и получили первое основаніе на тѣхъ же нѣмецкихъ правахъ и вольностяхъ. Сравнивая число деревень и воздѣланныхъ гектаровъ въ половинѣ XIV вѣка съ теперешнимъ, мы найдемъ, что въ то время княжество Бреславское было почти такъ же хорошо заселено, какъ и теперь. Задача наша состояла въ томъ, чтобы показать первоначальное основаніе деревень по нѣмецкому

праву и объяснить все, сюда относящееся. Другимъ представляемъ изслѣдованіе происхожденія лаудемій, служебъ крестьянскихъ и другихъ отношеній. Замѣтимъ только, что при такихъ изслѣдованіяхъ должно обращать особенное вниманіе на безконечное разнообразіе этихъ отношеній и быть весьма осторожнымъ въ прямомъ выводѣ общихъ положеній. Такая осторожность тѣмъ необходимѣе въ наше время, что вообще въ администраціи слишкомъ замѣтно стремленіе подводить всѣ, самыя многообразныя отношенія подъ одинъ фокусъ — стремленіе, которое, по большей части, происходитъ отъ незнанія внутренней исторіи своей земли и ея древняго устройства, а изученіе ихъ считается нестоющимъ труда и времени.

Объ основаніи городовъ по нѣмецкому праву. Для основанія города или мѣстечка по нѣмецкому праву, было необходимо владѣльцу согласіе князя, потому что такое основаніе не могло имѣть мѣста безъ уступки княземъ многихъ правъ, которыя принадлежали ему на всѣхъ тѣхъ подданныхъ, которые не были именно освобождены отъ нихъ, или не имѣли нѣмецкаго права.

Большая часть городовъ основана по нѣмецкому праву самими князьями. Кажется, что въ самомъ началѣ, при основаніи такихъ городовъ составлялась не одна, а многія грамоты. Первая, для опредѣленія правъ, вольностей и владѣній, которыя давались основателями гражданамъ новаго города; вторая, для утвержденія правъ фохта.

Вообще во всей Силезіи (объ Лужицѣ мы въ этомъ отношеніи ничего не знаемъ), до конца XIV вѣка, образованіе поселенія въ городъ на нѣмецкомъ правѣ поручалось одному арендатору (подрядчику, locator) или двумъ вмѣстѣ; въ послѣдствіи это право продавалось. Эти арендаторы, въ вознагражденіе трудовъ и издержекъ, дѣлались наслѣдственными фохтами (advocati, judices haereditarii) основаннаго ими города.

Кажется, большая часть изъ нихъ была изъ дворянъ; объ нѣкоторыхъ мы имѣемъ на то вѣрныя доказательства. Должность фохта была наследственная собственность фохтовъ, которая могла переходить къ женамъ ихъ, дочерямъ и сестрамъ. Поэтому-то весьма рано не только отдѣльные предметы, принадлежащіе къ должности фохта, были закладываемы, продаваемы и вообще отчуждаемы, но даже самыя должности фохтовъ дѣлились, переходили по частямъ во владѣніе наследниковъ, и отчуждались ими. Въ этомъ случаѣ фохтействомъ управлялъ одинъ изъ владѣльцевъ частей, или вмѣсто его управитель, а иногда вмѣсто наследственного фохта подфохтъ (*subadvocatus*), а владѣльцы фохтейства, или частей его, получали доходы.

Къ фохтейству относились весьма многіе предметы: права, доходы, пользованія, владѣнія и обязанности. Всѣ города и мѣстечки, основанные по нѣмецкому праву, были освобождены отъ подсудности кастелянамъ, или бургграфамъ, и образовали сомкнутыя общины. Главныя составныя части фохтействъ составляли завѣдываніе низшею судебностію въ городѣ и взиманіе третьей части штрафныхъ денегъ. По этому выраженія: судъ, наследственный судъ, должность фохта и третій пфеннингъ часто употреблялись, какъ выраженія однозначительныя.

Фохту были подсудны также всѣ деревни, или вполнѣ принадлежавшія городу, или только состоявшія въ его судебномъ округѣ; въ послѣдствіи бывали эти округа еще расширены.

Къ фохтейству вездѣ принадлежалъ третій пфеннингъ съ суда, или третья часть судебныхъ пошлинъ, которыя равно взимались въ городѣ и въ деревняхъ, состоящихъ подъ судебною властью фохта.

Прочіе доходы, владѣнія и пользованія фохтейства были, по различнымъ городамъ, при самомъ ихъ основаніи на нѣмецкомъ правѣ, весьма различны. Обыкновенно фохтъ имѣлъ вольный свободный домъ (*curia libera, curia mansionis, area, area*

residentiae); далѣ, мясныя, хлѣбныя и башмачныя лавки, или подать, съ нихъ взимаемая; бойня (*curia mactatoria, fartorium*); камера, для продажи сукна; мелочныя лавки, всѣ, или нѣкоторыя; наследственная подать (*census haereditarius*) съ каждаго двора (*curia, arca*); подать площадная (*census fori*), взимаемая съ продавцевъ; площадная пошлина (*Marktzell*); баня (*stuba balnearis*); вольная кружечная продажа; право строить мельницы и владѣть ими, подать съ телѣгъ и повозокъ, приѣзжавшихъ на мельницу (помолъ, *census vecturae molendini*); право охоты въ городскомъ округѣ; рыбная ловля различнаго рода, смотря по мѣстоположенію, въ рѣкахъ, ручьяхъ и озерахъ; лѣса, сады, извѣстное число гуфеновъ пахатной земли, принадлежащей къ городу; нивы, пажити, виноградники, мосты; безошлинный проѣздъ повозокъ (одной или двухъ и болѣе) по всей землѣ; перевозъ и проч.

Такого же рода права имѣли фохты и въ деревняхъ, принадлежащихъ къ городу.

При правѣ фохтовъ свободно распоряжаться всѣми доходами, пользованіями и владѣніями, принадлежащими къ фохтейству, все изчисленное нами весьма рано начало измѣняться, то уменьшаясь, то увеличиваясь въ объемъ, по согласію князя, или чрезъ удержаніе того, что фохтъ долженъ былъ пріобрѣсти съ расширеніемъ города, или чрезъ прикупку отдѣльных земель и доходовъ, которыя потомъ оставались соединенными съ фохтействомъ, или чрезъ ближайшее опредѣленіе извѣстныхъ пользованій, съ фохтействомъ связанныхъ. Правда, всѣ предметы, первоначально принадлежавшіе къ извѣстному фохтейству, разсматривались какъ нѣчто цѣлое, и князья часто давали право вновь пріобрѣтать отчужденное и возсоединять раздробленное; но рѣдко пользовалось фохтейство этимъ правомъ вполнѣ. Поэтому отъ послѣдующихъ составныхъ частей фохтейской должности еще нельзя заключать о первоначаль-

номъ составѣ. Главнымъ оставалось право суда; кто имѣлъ это право, тотъ имѣлъ и фохтейство, со всѣмъ тѣмъ, что еще уцѣлѣло при немъ.

Таковы были права фохтовъ. Обязанности его были слѣдующія: онъ долженъ былъ учредить городъ по образцу нѣмецкаго права и заселить поля, къ нему принадлежавшія, собирать поземельную подать и выдавать ее землевладѣльцу, и въ нѣкоторыхъ городахъ служить рыцарскую службу.

При самомъ основаніи городовъ давалось, во первыхъ, извѣстное число гуфеновъ удобной земли. Число ихъ, по различнымъ мѣстностямъ, было весьма различно; во вторыхъ, лѣсъ, въ третьихъ, пастбища (которыя давались вообще, или опредѣленнымъ числомъ гуфеновъ); въ четвертыхъ, рыбныя ловли; въ пятыхъ, право охоты, на пространствѣ одной мили; наконецъ, кромѣ того, города получали еще извѣстныя отдѣльныя владѣнія, земли и пользованія.

Всѣ граждане, принадлежавшіе къ городской общинѣ, были лично свободны. Имъ давались сначала податные гуфены, принадлежавшіе къ городу и которые не выпадали на часть фохту, и сверхъ того извѣстное число льготныхъ лѣтъ отъ всѣхъ поземельныхъ налоговъ и службъ князю, лежащихъ на ихъ домахъ, или на уступленныхъ имъ земляхъ; но число этихъ лѣтъ было, для различныхъ городовъ, даже для различныхъ городскихъ повинностей и земель одного и того же города, весьма различно. Многіе города были освобождены отъ службы въ походахъ, другіе навсегда, или на время отъ земской обороны. Нѣкоторые города получили право мили (Meilenrecht), то есть привиллегію въ пользу городскихъ ремесленниковъ, по которой никто не могъ продавать пива и сидеть ремесленниковъ ближе одной мили отъ города. Кромѣ того, граждане были освобождены отъ подсудности кастелянамъ и другимъ герцогскимъ чиновникамъ, а нѣкоторые города отъ платы присяж-

наго пфенинга, т. е. отъ взноса денегъ, которые снимались судьею за приведение къ присягѣ.

О службахъ гражданъ мы находимъ только извѣстіе, что въ Отмахавѣ граждане и садовники были обязаны сгребать въ стоги траву, скошенную на епископскихъ лугахъ и потомъ свозить ее въ сѣнники епископа. Кромѣ того, они были обязаны построить епископу, каждый Троицынъ день, бесѣдку изъ зеленыхъ вѣтвей въ городскомъ рву. Повинности, которыя граждане должны были нести въ пользу князя, состояли въ поземельной подати, въ подати съ дворовыхъ мѣстъ (*census agerum s. haereditarius*); во вторыхъ, въ платѣ подати и десятины тому, кто имѣлъ на нее право, съ податныхъ гуфеновъ, принадлежащихъ къ городу. Величина этой подати, какъ и въ деревняхъ, была весьма различна.

Прочіе доходы князей съ городовъ, при самомъ ихъ основаніи, состояли преимущественно въ удержанной ими за собою части судебныхъ пошлинъ и оброковъ съ мясныхъ, хлѣбныхъ и башмачныхъ лавокъ, мельницъ, кружечной продажи и въ различныхъ пошлинахъ.

Самый значительный поборъ, принадлежавшій князьямъ въ городахъ, состоялъ въ сборѣ (*exactio* и *collecta*) налога, который первоначально, по всеѣмъ вѣроятіямъ, былъ лишь чрезвычайнымъ, но уже въ началѣ XIV вѣка обращенъ въ постоянную, ежегодно платимую подать. Эту подать, сдѣлавшуюся постоянною, не должно однакожъ смѣшивать съ чрезвычайною, которая то же называлась поборомъ (*collecta*, *exactio*) и сбиралась самимъ городомъ съ цѣны движимыхъ и недвижимыхъ имѣній. Первую князь часто продавалъ, закладывалъ и дарилъ всю и по частямъ.

Въ городахъ, какъ и въ деревняхъ, снималась также постоянная ежегодная подать звонкой монеты, которая также измѣнялась вслѣдствіе продажъ и подареній князьями.

Возвышенію обоихъ этихъ податей сильно сопротивлялись города и дворянство.

Кромѣ этихъ доходовъ, князья получали еще весьма многіе другіе, подъ названіемъ пошлинъ, которыя, по различнымъ обстоятельствамъ каждаго города, были весьма различны. Сюда относятся также ежегодныя пошлины съ мясныхъ, хлѣбныхъ и башмачныхъ лавокъ, которыя князь удерживалъ за собою, при самомъ основаніи города. — Право давать позволеніе на постройку такихъ лавокъ, князь удерживалъ за собою, или уступалъ его городамъ, въ видѣ особой привилегіи. Далѣе принадлежали князю сборы съ гостинныхъ дворовъ (*domus forensis, domus mercatoria, mercatorium*); мелочныя лавки (*crata s. instita*), съ самаго основанія города принадлежавшія князю. При гостинныхъ дворахъ камеры для стрижки туземныхъ и иностранныхъ суконъ (*camera gasorum, domus gasoris rannorum*). Также въ нѣкоторыхъ городахъ кожевенные дома, дома, гдѣ продавался и мѣрился хмѣль; доходы съ пивоварень; бойни и проч.

Другой разрядъ княжескихъ доходовъ составляли тѣ доходы, которые получались съ торговли. Сюда относятся: доходы съ соляной торговли. Сначала продажа соли была исключительнымъ правомъ княжескимъ. Потомъ князья стали уступать это право городамъ, съ монополіею на весь ихъ судебный округъ.

Какъ блюститель общественной безопасности, князь имѣлъ также извѣстную подать за стражу (*custodia, vigilia*). Мы не знаемъ, въ чемъ она именно состояла, но полагаемъ, что это была вѣроятно полицейская подать съ торговой площади (*Marktpolizei-Abgabe*).

Весьма значительны были доходы, которые получалъ князь отъ пошлинъ. Онѣ были различныхъ родовъ: пошлины за проѣздъ и проходъ (сухимъ путемъ, пѣшкомъ, по водѣ, по мосту, или чрезъ лѣсъ) чрезъ городовую черту и пошлины площад-

ныя, которыя увеличивались до нелзя. Но со времени Карла IV города стали освобождаться отъ нѣкоторыхъ пошлинъ, для меньшаго стѣсненія въ торговлѣ.

Кромѣ этихъ обыкновенныхъ податей, пошлинъ и доходовъ, получаемыхъ княземъ, были еще чрезвычайныя, которые собирались съ нихъ подъ названіемъ вспомогательныхъ денегъ, временныхъ поборовъ и такъ называемыхъ *Beden* (*exactiones et extraordinariae collectae, petitiones generales et speciales*).

Потребности князей не только возобновлялись, но и росли безпрестанно, и потому, несмотря на безпрестанныя увѣренія со стороны князя, чрезвычайныя подати никогда не прекращались; напротивъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ онѣ становились многочисленнѣе и тягостнѣе. Наконецъ, когда князья проѣзжали чрезъ города, они получали подарки и безсездное содержаніе, подъ видомъ угощенія (*honores*).

Сверхъ того, должно принять въ соображеніе то, что чрезъ умноженіе жителей, съ процвѣтаніемъ торговли и ремеслъ, доходъ, доставляемый пошлинами и другими сборами, которые во вновь основанныхъ городахъ не были значительны, возрасли чрезвычайно; что отъ этихъ городовъ произведенія сельской промышленности уменьшились, а чрезъ это цѣна ихъ возвысилась; что слѣдовательно выгода, которую князья получали отъ основанія торговыхъ мѣстечекъ и городовъ по нѣмецкому праву, были довольно значительны, для того чтобы побуждать ихъ къ новымъ основаніямъ и постоянному продолженію начатаго.

Развитіе древнѣйшихъ городскихъ устройствъ. Были три различныя власти, изъ которыхъ шло развитіе внутреннихъ городскихъ отношеній: во первыхъ, земская власть князя; во вторыхъ, собственно судебная власть фохта, и въ третьихъ, гражданская ратмановъ, первоначально только административныя, но потомъ устанавливавшая вѣстѣ съ об-

щиною внутренній распорядокъ, въ частныхъ опредѣленіяхъ (Willkühren).

Князь получаетъ съ городовъ свои обыкновенныя и чрезвычайныя подати; взимаешь оброки съ земель и пошлины съ пользованія правъ и преимуществъ; раздаетъ гражданамъ вольности и права, во сколько они не противорѣчаютъ существующимъ правамъ и вольностямъ; утверждаетъ постановленія общины о цѣхахъ и другихъ предметахъ управленія и общежитія, хотя впрочемъ эти постановленія уже имѣютъ по себѣ силу закона.

Княжеская власть, въ одномъ отношеніи была столь же неопредѣленна и способна къ усиленію, какъ и прежде, но въ другомъ, была твердо обозначена и ограничена. Пока сознаніе права еще жило въ гражданахъ, князья могли лишь умножать вольности и права городовъ, но не могли нарушать ихъ; если и могли, то лишь въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Они имѣли, по большей части, тѣ же самыя права, какія принадлежали князьямъ падъ земскими городами (Landstädte) въ Германіи, въ отличіе отъ имперскихъ городовъ, стоявшихъ на равнѣ съ самими князьями.

Чтобъ понять ходъ развитія городовыхъ устройствъ, должно постоянно имѣть въ виду взаимное отношеніе власти княжеской и городской общины, не обращая вниманія на то, была ли это власть правомѣрная, или фактическая. Князья и общины предпринимали въ одномъ мѣстѣ то, объ чемъ не могли и подумать въ другомъ. Отсюда большое, часто непонятное разнообразіе между внутренними учрежденіями городовъ, и ихъ взаимными отношеніями къ князю. Каждый городъ имѣетъ свою исторію, и мы находимъ лишь немногія, главныя черты, которыя указываютъ на одно происхожденіе всѣхъ этихъ городовъ отъ одного корня и фамиліное сходство въ родствѣ многихъ между собою. Эта самобытная личность каждого города, и фа-

милное сходство и фамильные особенности всѣхъ вмѣстѣ, равно какъ и слѣды общаго происхожденія, были въ Силезіи какъ и вездѣ, ибо во всѣхъ земляхъ одни и почти одинаковыя отношенія вызвали ихъ основаніе и развили ихъ. Особенно важно было для Силезіи почти общее введеніе магдебургскаго городского права. Это имѣло благотѣльные послѣдствія для внутренняго развитія, не только чрезъ точнѣйшее опредѣленіе самихъ городскихъ отношеній, но и чрезъ вліяніе городского права и былъ поддерживаемъ продолжавшимися юридическими отвѣтами (*Rechtsbelehrungen*) Магдебурга. Изъ источниковъ мы знаемъ, что эти права сообщались не безвозмездно; что издержки на это должны были быть даже значительны, и что вѣроятно согласіе князей также покупалось за деньги.

При изъявленіи согласія на пользованіе магдебургскимъ правомъ, князья дѣлали въ самомъ правѣ нѣкоторыя измѣненія, сообразныя съ обстоятельствами, или испрошенные городами. Они состояли, во первыхъ, въ томъ, что сумма денегъ, слѣдующая судѣ, и которую смѣшиваютъ обыкновенно съ штрафными деньгами, уменьшалась въ половину. Мысль, будто бы причина такого уменьшенія лежала въ недостаткѣ денегъ въ Силезіи, совершенно несправедлива; ибо самыя грамоты силезскихъ герцоговъ показываютъ, что они изъ доброжелательства и благосклонности къ своему городу уменьшаютъ штрафныя деньги. Замѣтимъ притомъ, что, какъ мы уже сказали выше, штрафы, по древнему польскому праву, были отчасти гораздо значительнѣе, нежели по магдебургскому, и что сверхъ того послѣдніе были еще уменьшены въ половину. Во вторыхъ, положеніе магдебургскаго права, что если верховный судъ приходится въ большой праздникъ, то онъ совсѣмъ отмигается, измѣнено въ слѣдующее: онъ откладывается до другаго дня. Въ третьихъ, настоящій судъ и судъ фохта по магдебургскому праву уничтожались, и на мѣсто ихъ устрои-

вали особый судъ изъ земскаго фохта и наслѣдственнаго судьи. Въ послѣдствіи, князья также нерѣдко давали или особыя постановленія о судопроизводствѣ, заимствованныя изъ правъ другихъ городовъ, или измѣняли ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они бывали стѣснительны для гражданъ. Города часто освобождались также отъ подсудности другимъ судамъ, въ особенности, когда мѣсто суда было внѣ ихъ города. Чтобъ сдѣлать понятнымъ устройство городскихъ судовъ, здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о древнемъ устройствѣ надворныхъ (Hof) и земскихъ (Land) судовъ.

О надворныхъ судахъ (Judicia curiae) намъ извѣстно, что тѣ города и деревни, которые получали нѣмецкое право, и тѣ мѣстечки, которыя были освобождены отъ кастелянскихъ судовъ, подчинены были верховной судебности надворныхъ судовъ. Гдѣ верховный судъ принадлежалъ городowymъ фохтамъ, тамъ апелляція подавалась надворнымъ судамъ, даже и въ дѣлахъ уголовныхъ.

Кромѣ того, къ надворнымъ судамъ относились еще дѣла ленныя. Въ послѣдствіи мы находимъ надворные суды для однихъ гражданскихъ дѣлъ, въ видѣ низшихъ судовъ, и уже не съ тѣмъ устройствомъ, какое имѣли прежде. Надворные суды часто закладывались, или совсѣмъ передавались городамъ. Апелляція на надворные суды непосредственно подавалась самому королю.

Земскій судъ (Judicium provinciale) былъ особый, вышній судъ дворянства, или, какъ ихъ называли, земскихъ людей (Landleute). Онъ сдѣлался нѣмецкимъ земскимъ судомъ не прежде, какъ туземные древніе земскіе суды, или цауды, пришли въ упадокъ. Онъ составлялъ собственно часть земскаго фохтейства (advocatio provincialis), хотя оба часто смѣшивались и употреблялись какъ однозначительныя выраженія. Къ земскому фохтейству относились, кромѣ земскаго суда,

многіе доходы принадлежавшіе къ герцогскому праву: подать деньгами, сборы денежные и хлѣбные. Это безспорно произошло отъ того, что князья при передачѣ, или, что чаще случалось, при продажѣ должности земскаго фохта, относили къ ней и упомянутыя пользованія и доходы. Въ земскомъ судѣ предсѣдательствовалъ земскій фохтъ (*advocatus provincialis*) или земскій судья (*Judex provincialis*). Засѣдатели, или земскіе шеффены, были дворяне, или мужи, у которыхъ были въ княжествѣ имѣнія. Земскій фохтъ получалъ изъ трехъ частей штрафныхъ денегъ, доводившихся фохтейству и сулу шульцовъ, иногда двѣ трети, иногда одну треть, а остальное получалъ землевладѣлецъ и городской фохтъ.

Доходы, связанные съ земскимъ фохтействомъ, особливо двѣ трети штрафныхъ денегъ и самое фохтейство продавались или закладывались вполнѣ или по частямъ. Такъ фохтейство надъ однимъ только собственнымъ имѣніемъ, или городомъ, или надъ цѣлымъ округомъ, въ которомъ дѣйствовало нѣмецкое городовое право (*Weichbild*), продавалось и закладывалось частнымъ лицамъ и городамъ.

Кромѣ этихъ юридическихъ отношеній, князья много содѣйствовали къ возвышенію городовъ привиллегіями въ пользу торговли и ремеслъ; хотя, правда, имъ за это дорого платили. Вообще во всѣхъ случаяхъ, когда существовавшія права были неопредѣленны, или недостаточны, земскіе владыки всегда имѣли извѣстную власть восполнять и ближе опредѣлять недостающія или колеблющіяся положенія, но вѣроятно не иначе, какъ съ согласія свободной общины, и ея представителя — совѣта.

О правахъ Фохтовъ мы имѣемъ довольно подробныя свѣдѣнія, особливо изъ позднѣйшихъ источниковъ. Во первыхъ, передъ ними совершалась передача всѣхъ имѣній, которыми граждане владѣли внѣ города; во вторыхъ, каждый, живущій

въ судебномъ округѣ города, долженъ былъ судиться передъ наследнымъ фохтомъ этого города, и не могъ быть позванъ къ другому суду, кромѣ какъ въ дѣлахъ апелляціонныхъ; въ третьихъ, во многихъ городахъ фохтъ получалъ право высшаго суда. Къ этому скоро присоединено было право суда надъ вассалами, переданное князьями городовымъ фохтамъ. Вассалы по дѣламъ леннымъ были подсудны надворнымъ судамъ, а по всѣмъ другимъ—земскимъ судамъ. Разумѣется, для гражданъ, при близкихъ сношеніяхъ съ рыцарями и вассалами, живущими въ городѣ, или его окрестностяхъ, было особенно важно имѣть возможность требовать ихъ къ суду городовому, по деламъ сдѣланнымъ ими въ городѣ и преступленіямъ, совершеннымъ ими въ городовомъ округѣ, не принося жалобы судебному мѣсту, которому рыцари были подсудны. Поэтому все безъ исключенія, какого бы они состоянія ни были, и гдѣ бы не имѣли постоянное жительство, судились городовымъ фохтомъ въ преступленіяхъ, совершенныхъ въ городовомъ округѣ, и въ которыхъ они были пойманы на дѣлѣ.

Присяжными во всѣхъ нѣмецкихъ судахъ, а слѣд. и въ фохтейскихъ судахъ въ городахъ, были шеффены. Пожизненное пребываніе въ этой должности не было, кажется, общимъ обычаемъ въ Силезіи. Число ихъ было различно, обыкновенно семь, а иногда десять и одиннадцать.

Городовые шеффены говорили иногда судъ и въ высшемъ судѣ, при апелляціи въ надворный судъ.

Кромѣ собственно судебныхъ правъ, шеффены имѣли еще и другія права, такъ напр. они принимали участіе въ дополненіи магдебургскаго права, присутствовали при сдачѣ счетовъ, опредѣляли цѣну вина, таксу и т. д. Отъ шеффеновъ ведутъ свое начало такъ называемые *Weisthümer*, которые давались городовыми судами, обыкновенно съ участія и уполномочія магистрата.

Выше мы замѣтили, что устройство древнѣйшихъ городовъ избиралось въ образецъ для позднѣйшихъ. Отсюда, при всемъ разнообразіи учреждений, между ними есть столько общаго. Обыкновенно древнѣйшія мѣстечки, которыя при самомъ ихъ учрежденіи на нѣмецкомъ правѣ, были значительнѣе другихъ, благопріятствуемыя новыми учрежденіями, мало-по-малу восходили на высокую степень, и становились для околной земли средоточіями юридическихъ указаній (Rechtsbelehrungen), къ которымъ прибѣгали добровольно, или по повелѣнію князя, другія мѣстечки. Въ Силезіи понятіе городской черты, или округа (Weichbilden) образовалось въ обширнѣйшемъ смыслѣ, нежели въ Германіи; ибо означало весь округъ, подвѣдомственный главному городу (Weichbildstadt), служившему источникомъ права. .

Большая часть городовъ получила магдебургское право, съ условіемъ, прибѣгать для юридическихъ указаній къ магдебургскимъ шеффенамъ. Отъ Неймарка и преимущественно отъ Бреславля оно было сообщено многимъ другимъ городамъ Силезіи, которые обязались обращаться къ Бреславлю, и не сообщать своего права другимъ городамъ. Черезъ это, въ такомъ отношеніи, Бреславль сдѣлался главнымъ городомъ Силезіи. Главнѣйшая причина запрещенія сообщать другимъ городамъ полученное право, кромѣ желанія, общаго всѣмъ городамъ въ средніе вѣка, сохранять тайными юридическія отношенія ихъ общиннаго быта, и стремленія снискать большую значительность, заключалась особенно въ выгодѣ, которую получали шеффены отъ платы за юридическія указанія. Поэтому-то приговоры ихъ и назывались купленными приговорами. Черезъ эти приговоры города имѣли огромное вліяніе на развитіе общаго земскаго права, и для нихъ было особенно важно, чтобъ книги, въ которыхъ они вписывали эти приговоры, устанавливавшіе право на частные случаи, получили юридиче-

снѣй авторитетъ внѣ округа. Не менѣе важны были для городовъ и для значительности городскихъ судовъ привилегіи князей, по коимъ приговоръ изгнанія, произнесенный однимъ городовымъ судомъ, имѣлъ силу и для другихъ; ибо иначе, при множествѣ особливыхъ судебныхъ округовъ, это высшее наказаніе теряло бы всю свою силу.

Къ этому, при тогдашней шаткости общественной жизни, присоединилось право, данное князьями городамъ, судить въ своихъ судебныхъ округахъ нарушителей общественного мира, разбойниковъ, воровъ, зажигателей и самимъ предавать ихъ смертной казни. Отсюда вѣроятно такъ называемые рюгегерихты и фемгерихты. Но первые не должно кажется смѣшивать съ древними дрейдингами въ деревняхъ. Дрейдинги давалъ три раза въ годъ (отчего и произошло и названіе ихъ) господинъ деревни или мѣстечка. Если ему принадлежала высшая судебность, то эти суды назывались фохтдингами, названіе и высшаго суда въ Силезіи. Но въ послѣдствіи дрейдинги обратились въ рюгегерихты, связанные съ надворнымъ или земскимъ судомъ. Первоначально, согласно съ нѣмецкимъ устройствомъ, нѣтъ суды, гдѣ нѣтъ истца; но въ рюгегерихтахъ шульцы и шеффены имѣли обязанность объявлять все дошедшее до нихъ свѣдѣнія, чрезъ что достигалась цѣль водворенія общественной безопасности.

Изъ всѣхъ сообщенныхъ нами извѣстій, очевидно, что обстоятельства, или лучше, потребность, мало-по-малу, естественнымъ путемъ, привели къ обобщенію законодательныхъ и судебныхъ правъ въ большихъ округахъ, нежели прежде, но съ извѣстными ограниченіями. Напротивъ, въ настоящее время, это обобщеніе довели до крайности введеніемъ общихъ юридическихъ нормъ, которыя должны одинаково обнимать разные образованія и разные народы; ибо, владея въ философскія отвлеченія, безконечное разнообразіе человѣческихъ

отношеній захотѣли возвести къ однимъ понятіямъ, не постигая простой истины, что въ одномъ мѣстѣ, по извѣстнымъ отношеніямъ, можетъ быть справедливо то, что въ другомъ если и справедливо, то жестоко, даже безчеловѣчно.

Кромѣ князя и фохтовъ, община гражданъ составляла третью составную часть всѣхъ основныхъ городскихъ учреждений. Конечно гражданскія общины въ каждомъ городѣ развивались по различнымъ направленіямъ и не всѣ достигли одинаковой высоты; но, несмотря на все разнообразіе, онѣ представляютъ нѣчто общее, и по этому многія частности въ нихъ могутъ послужить къ правильной оцѣнкѣ общихъ учреждений. Отъ общины гражданъ преимущественно зависѣло избраніе городскихъ властей, ратмановъ, старѣйшинъ, присяжныхъ и цѣховыхъ начальниковъ (Innungsmeister), или непосредственно, или по крайней мѣрѣ, община принимала въ этомъ избраніи большее или меньшее участіе. При этомъ вездѣ замѣтно стремленіе сохранить это право избранія отъ постороннихъ вліяній. Въ этихъ общинахъ разсматривались постановленія относящіяся къ общественному быту, издаваемые законы, наказанія и проч. Безъ нихъ было незаконно всякое распоряженіе имуществомъ города, по крайней мѣрѣ, имъ должно было давать отчетъ. Ясное сознаніе права такъ же тѣсно связываетъ общій союзъ, какъ и живое чувство общенія: при сознаніи права и знаніи законовъ и устройства, кто бы дерзнулъ употребить силу противъ гражданина, сочлена общины? Вездѣ находятся здѣсь зародыши свободнаго устройства, которое мало-по-малу, при всемъ многообразномъ движеніи и потрясеніяхъ, изъ прежней аристократіи болѣе и болѣе развивалось въ демократію. Собраніе гражданъ было средоточіемъ всей городской жизни.

Въ источникахъ XIII вѣка и позднѣе, городовыя собранія являются подъ различными названіями: Bur-Gericht, Bur-Ding,

Por-Ding, Par-Ding, Bur-Sprache, Bur-Richte, какъ Land-Ding, назывались сельскія собранія. Первоначально собраніе или судъ было не что иное, какъ собраніе свободныхъ землевладѣльцевъ, всѣхъ тѣхъ, которые владѣли землею собственностію, данною имъ отъ общины. Какъ на сельскихъ собраніяхъ обсуждалось и рѣшалось все, что касалось до земскаго блага, такъ на городскихъ собраніяхъ то, что касалось города. Поэтому городовыя собранія не были только судомъ горожанскимъ (Bürger-gericht), какъ думаютъ нѣкоторые. Судомъ они назывались потому, что на нихъ, какъ на чрезвычайномъ судѣ, находили рѣшеніе не одни шеффены обыкновеннаго суда, но и граждане, избранные на то фохтомъ или шульцомъ.

Изъ городскихъ собраній въ обширномъ смыслѣ развилась вся та власть, которую получили, или присвоили себѣ ратманы, чрезъ которыхъ земская власть князя все болѣе ослаблялась, а власть городскихъ общинъ возрастала. Власть городскихъ собраній не ограничивалась уже одною полицейскою администраціею и правомъ вести поземельныя книги; они издавали свои законы и статуты, налагали самовольно тяжкія пени, взысканія и проч. На все это земскіе властители и фохты не могли смотрѣть равнодушно.

Такимъ образомъ городскія собранія сдѣлались источникомъ законодательства въ такъ называемыхъ Willkühren почти въ каждомъ городѣ, хотя конечно эта законодательная власть была различна по различію особенныхъ формъ и различію участія въ ней аристократическаго и демократическаго элемента, и по большему или меньшему ограниченію свободы со стороны фохта или земскаго властителя. Часто случалось, что они утверждали постановленіе городовъ. Но чтобы знать въ точности объемъ правъ общинныхъ, и до какой степени могли общины давать такія постановленія, и какое участіе въ томъ принимали различные классы, нужно подробно изучитъ исто-

рію каждой изъ этихъ общинъ; ибо и здѣсь то же разнообразіе. Этою властью, согласно съ духомъ германскимъ, пользовались общины, или избранные ею представители. Вурмъ говоритъ въ своемъ сборникѣ, 1399 года, что каждый городъ могъ издавать постановленія съ совѣта старѣйшихъ и мудрѣйшихъ, которые изъявляли на то свое согласіе. Такое постановленіе не должно было быть издаваемо въ пользу отдѣльныхъ лицъ, но на пользу всей общины и было объявляемо публично на собраніи. Когда постановленіе получить свою давность, оно становится обычаемъ, и признается за право. Штрафъ не могъ быть никому прощенъ, потому что принадлежитъ общинѣ, а никто не можетъ присвоивать себѣ общиннаго имущества. Когда постановленіе обратилось въ обычай, и сдѣлалось правомъ, тогда по немъ судили уже въ судѣ, а не въ городскомъ совѣтѣ. Повелѣнія или распоряженія, какъ напр. распоряженіе о покупкѣ жизненныхъ припасовъ, о хожденіи ночью, и ношеніи ножей и мечей, о содержаніи въ чистотѣ улицъ, объ охраненіи отъ огня, о содержаніи воды передъ воротами, о запрещеніи играть, и пр. которыя относились къ пользѣ общины, разсматривались и обсуживались въ городовомъ совѣтѣ, который собиралъ также и штрафныя деньги.

Вступленіе въ городовыя общины опредѣлялось постановленіями князей и гражданскихъ общинъ. Начальство надъ городовыми общинами въ дѣлахъ административныхъ и полицейскихъ составляли ратманы (*consules*), образовавшіе городской совѣтъ. О происхожденіи и первоначальномъ устройствѣ его въ Силезіи не имѣемъ мы никакихъ положительныхъ извѣстій, и только изъ соображенія, отдѣльныхъ, разсѣянныхъ извѣстій можемъ съ нѣкоторою достовѣрностію заключать объ ихъ первоначальномъ устройствѣ. Ни въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ объ учрежденіи городовъ не упоминается о городовомъ совѣтѣ. Это подаетъ поводъ думать, что уже позднѣе, однако

вскорѣ по учрежденіи, естественная потребность граждан побудила ихъ къ ихъ установленію. Кажется, что первоначально занятія, лежавшія въ послѣдствіи на обязанности магистрата, принадлежали, какъ и въ Германіи, тѣмъ, которые по преимуществу назывались гражданами. Въ Силезіи весьма рано утвердился обычай, что совѣтъ ежегодно сдавалъ свою должность, избиралъ себѣ преемниковъ или новый совѣтъ. Но аристократическій духъ знатнѣйшихъ гражданъ противодействовалъ этому, тѣмъ болѣе, что князья вездѣ держали сторону совѣта противъ цѣховъ. Такимъ образомъ въ послѣдствіи избраніе совѣта и перемѣна его сдѣлались одною формою; ибо совѣтъ, сдавая должность, избиралъ въ тотъ совѣтъ опять тѣхъ же членовъ и на будущее время. Отсюда произошли сильныя столкновенія между патриціями, которые овладѣли властью, и общиною, особливо значительнѣйшими цѣхами, которые видѣли себя лишенными всякаго участія въ городскомъ управленіи.

Число ратмановъ не вездѣ было одинаково. Ихъ было обыкновенно пять. Главою совѣта былъ ратмейстеръ (*magister consulum*), въ послѣдствіи бюргермейстеръ (*magister civium*). Онъ созывалъ ратмановъ, и кто изъ нихъ не являлся, тотъ долженъ былъ платить пеню. Позывъ къ городскому совѣту дѣлался посредствомъ разсыльщиковъ, (*Büttel, Pidell*), присяжныхъ служителей совѣта. На этихъ служителяхъ, которые въ среднихъ вѣкахъ значили гораздо больше, нежели въ послѣдствіи, лежала кромѣ того обязанность брать залоги, арестовать лица и вообще приводить въ исполненіе приговоры; они могли даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, и до извѣстной степени, замѣнять собою судью, принимать жалобы и давать по нимъ рѣшенія. Ихъ избирали ратманы ежегодно.

Первоначально права ратмановъ ограничивались, какъ и въ нѣмецкихъ городахъ, полицейскимъ надзоромъ для охране-

нія общественнаго порядка, и порядка во всѣхъ торговыхъ оборотахъ, преимущественно въ вѣсахъ и мѣрахъ. Во первыхъ, они опредѣляли цѣну вина, меда, пива, мѣру и вѣсъ хлѣба, и препятствовали продажѣ онаго по произволу. Во вторыхъ, они имѣли высшій надзоръ надъ цѣхами ремесленниковъ. Въ третьихъ, совѣтъ имѣлъ полицейскій надзоръ надъ всѣмъ, что обезпечивало безопасность города: надъ городовыми стѣнами, рвами, городьбою и т. д., надъ городскими караулами; по этому имѣли судъ надъ привратниками, окружными (Zirkler) и ночными сторожами; наконецъ надъ пожарною командою. Въ четвертыхъ, совѣтъ наблюдалъ надъ тѣмъ, чтобы никто не позволялъ у себя играть на больше, нежели чего стоитъ его кошель (Gürtel). Въ пятыхъ, къ должности совѣта относилось и попеченіе о чистотѣ улицъ. Непосредственный надзоръ надъ этими полицейскими установленіями принадлежалъ окружному. Имя его происходитъ отъ *circulus*, *Zirk*, *Zirkel*, и означаетъ того, который назначался въ извѣстный округъ въ видѣ полицейскаго служителя города. Наконецъ въ шестыхъ, ратманы наблюдали за всѣмъ, что было полезно для города, особливо надъ городскимъ имуществомъ и его неприкосновенностію.

Безъ ихъ согласія городскіе фохты не могли отдавать въ наемъ, или въ собственность такое имущество рыцарямъ, или дворянскимъ служителямъ, монахамъ или монахинямъ, внутри городской стѣны. Если кто либо давалъ наемную землю или собственность на поминъ души, и ближайшіе родственники не уплачивали назначенной суммы, то ратманы должны были уплачивать ее изъ городскихъ денегъ, для того, чтобъ земля не перешла въ чужія руки. Это постановленіе клонилось къ тому, чтобъ имущество города не перешло въ руки дворянства, или духовенства, которыя въ силу своихъ привилегій стремились къ полному освобожденію отъ податей и дру-

гихъ общественныхъ повинностей. Чрезъ это постановленіе предупреждались всѣ распри, которыя могли бы произойти въ противномъ случаѣ между дворянствомъ, духовенствомъ и городами.

Ратманы взимали въ пользу города часть цѣловыхъ и другихъ штрафныхъ денегъ и приказывали собирать подать хлѣбомъ (Schoss). Объ управленіи городского имущества совѣтъ, сдающій свою должность, отдавалъ отчетъ новому.

Весьма естественно, что ратманы, которые имѣли надзоръ за всѣми этими предметами, имѣли также право суда и наказанія, если кто поступалъ противно установленіямъ, и право внѣшняго принужденія, чтобъ принудить къ повиновенію.

Скоро должны были однако возникнуть споры о предѣлахъ правъ и судебности между фохтами и ратманами. Первоначально судъ въ дѣлахъ уголовныхъ вездѣ принадлежалъ фохту. Но въ послѣдствіи нѣкоторыя уголовныя дѣла были въ извѣстныхъ городахъ отнесены къ должности ратмановъ, такъ что мы находимъ не вездѣ одинаковую степень власти городского совѣта. Въ видѣ исключенія князья давали иногда совѣту и самое право судить разбойниковъ и убійцъ въ предѣлахъ своего округа, какому бы мѣсту ни принадлежали самые нарушители. Кромѣ того, совѣтъ имѣлъ попеченіе о сиротахъ и назначалъ опекуновъ.

Особенную важность получалъ магистратъ съ того времени, когда города присвоили себѣ наследственное фохтейство. Весьма естественно, во первыхъ, что отъ неопредѣленности границъ между полицейскою властью совѣта и собственно судебною властью фохта, должны были происходить многія несогласія и споры; во вторыхъ, для городовъ была тягостна значительность фохтовъ, которые притомъ управляли часто черезъ подфохтовъ и весьма небрежно; но особливо, въ третьихъ, присутствіе власти, чуждой городскому общинному быту, внутри

самого города было противно возникающему духу вольности въ гражданахъ, и гдѣ только было возможно, они старались присвоить себѣ фохтейство съ согласія земскаго властителя. Такое присвоеніе совершалось обыкновенно посредствомъ цѣлостной или частичной покупки.

Но многіе города были принуждены вновь продавать свое фохтейство.

Вмѣстѣ съ владѣніемъ наследственнымъ фохтействомъ отошли къ городамъ подъ управленіе совѣта и всѣ принадлежащія къ фохтейству земли и права. Съ того времени совѣтъ назначалъ и смѣнялъ наследственного фохта, который сдѣлался теперь председателемъ городского суда; но и въ этомъ отношеніи находимъ мы нѣкоторое разнообразіе, смотря по тѣмъ положеніямъ, на основаніи коихъ земскій властитель дозволилъ пріобрѣтеніе фохтейства.

Къ возвышенію значительности городскихъ судовъ особливо содѣйствовали князья тѣмъ, что дали имъ право печатать красно-восковыми печатами. Въ дѣлахъ о наследственномъ имуществѣ и долгахъ, въ спорахъ о межахъ, въ оправданіяхъ, когда одна изъ тяжущихся сторонъ должна была доказывать или опровергать; далѣе во всякаго рода договорахъ, которые не были заключены письменно, или которые опровергались; во всѣхъ означенныхъ случаяхъ призывали, съ нѣкоторыми только законными ограниченіями, всѣхъ, духовныхъ и свѣтскихъ къ свидѣтельству, посредствомъ красно-восковой печати. Кто не являлся, долженъ былъ платить тяжелую пеню, и принято было за правило, что кто не являлся по третьему вызову, свидѣтельствовалъ въ пользу истца. За тѣмъ назначалось исполненіе приговора. Городскіе суды, печатавшіе зелено-восковою или не красно-восковою печатью, могли призывать только тѣхъ, которые состояли подъ ихъ судебною властью; напротивъ печатавшіе красно-восковою печатью могли пригла-

шать къ свидѣтельству всѣхъ безъ изъятія, только съ известными законными ограниченіями.

Часто находимъ мы, что два города находились близко одинъ возлѣ другаго. Кажется, что это обыкновенно случалось, когда возлѣ старыхъ, болѣе значительныхъ мѣстечекъ, существовавшихъ уже до введенія нѣмецкаго права, основывались еще другія, новыя. Вѣроятно, земскіе владѣтели шѣли цѣлью, возлѣ старыхъ, выгодно расположенныхъ мѣстечекъ, основывать новыя, которыя бы отъ нихъ болѣе зависѣли, или создать себѣ новыя выгоды основаніемъ новаго города, когда старое мѣсто уже слишкомъ ограничивало ихъ, въ ихъ правахъ и доходахъ. Какъ бы то ни было, но окончательнымъ слѣдствіемъ сосѣдства двухъ городовъ было то, что новый городъ получалъ всѣ права стараго. Происходили между ними, изъ зависти и другихъ отношеній, ссоры, распри, но которыя обыкновенно оканчивались тѣмъ, что оба города соединялись въ одинъ.

Такъ же малоизвѣстно происхожденіе пригородовъ. Кажется, что многіе новые города были основаны возлѣ старыхъ деревень, которыя, когда городъ принималъ ихъ въ себя, обращались въ пригороды, и продолжали называться прежними именами, но съ прибавленіемъ слова «старый».

Одною изъ главныхъ составныхъ частей городовыхъ общинъ были гильдіи, или цѣхи. Постепенное и медленное образованіе ихъ затемнило для насъ ихъ происхожденіе. Его вѣроятно основой было стремленіе всѣхъ общинъ въ средніе вѣка образовать изъ себя корпорации, на подобіе орденовъ, вслѣдствіе отношеній, развившихся, изъ потребности взаимной защиты и вспоможенія. Въ орденахъ были пажы, оруженосцы, рыцари; то же самое были въ цѣхахъ ученики, подмастерья и мастера. Когда жизнь отдѣльныхъ лицъ города получила свою самостоятельность, они сами создавали для себя нужный порядокъ, который мало-по-малу утверждался, развивался, получалъ по-

томъ публичное значеніе, признавался общиною и утверждался княземъ, или господиномъ города. Черезъ это опредѣляется и двоякое отношеніе, въ которомъ мы ихъ находимъ.

Къ праву князей учреждать новые города относилось и право давать цѣховое право.

Въ главѣ каждого цѣха были старосты и цѣловальники, одинъ или двое, и четыре мастера изъ каждого цѣха. Всѣ мастера вмѣстѣ постановляли правила, которыя должны были имѣть силу для ремесленного цѣха, и опредѣляли наказаніе за несоблюденіе оныхъ. Обыкновенно эти постановленія дѣлались съ согласія совѣта, утверждались князьями, и несмотря на разнообразіе ихъ, имѣютъ много общаго между собою.

Кто хотѣлъ быть принятымъ въ цѣхъ, тотъ долженъ былъ платить извѣстную сумму денегъ и поставить поруки въ томъ, что онъ въ продолженіи цѣлаго года будетъ въ извѣстномъ городѣ заниматься такимъ-то ремесломъ. Если онъ оставлялъ городъ прежде году, то поручители его платили штрафъ. Если въ городѣ не было многихъ ремесленниковъ, занимавшихся однимъ ремесломъ, то различные ремесленники, всѣ вмѣстѣ, составляли одинъ цѣхъ. Такъ произошли смѣшанные цѣхи. И на оборотъ, когда было много ремесленниковъ, занимавшихся однимъ ремесломъ, они раздѣлялись иногда на два цѣха.

Евреи были во многихъ отношеніяхъ ограничиваемы городскими общинами и ихъ постановленіями, но получали иногда защиту противъ угнетеній, со стороны земскихъ властителей. Тамъ, гдѣ они были терпимы, они должны были жить въ особенныхъ, обыкновенно отдаленныхъ кварталахъ и улицахъ, которые по этому и назывались жидовскими. Земскіе властители не рѣдко давали городамъ право брать, или возвышать налоги съ Жидовъ; нерѣдко также князья давали городамъ взыскивать съ жидовъ тѣ суммы, которыя городъ уже уплатилъ въ счетъ будущихъ залоговъ.

Жиды особенно разбогатѣли отъ лихоимства (Wucher). Подъ именемъ лихоимства разумѣли не всякій непозволительный способъ приобрѣтенія денегъ, но вообще ссуду денегъ изъ процентовъ, въ противоположность ссудѣ или арендной продажѣ (Rentverkauf) подъ залогъ земли. Итакъ подъ лихоимствомъ разумѣлся всякій другой ростъ, взимаемый деньгами. Чрезъ это-то, впрочемъ закономъ признанное лихоимство, долги князей непомерно возрасли въ самое короткое время. Отсюда и все богатство жидовъ.

Одною изъ важнѣйшихъ привилегій городовъ, дарованныхъ имъ при самомъ основаніи, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ послѣ онаго, и которая въ послѣдствіи мало-по-малу была распространена и опредѣлена точнѣе, было право мили или привилегія, въ силу коей ремесло, кружечная продажа, торговая площадь (для всякихъ людей, непринадлежавшихъ городу) не были терпимы въ разстояніи мили отъ города. Какъ дорожили города этимъ правомъ, видно изъ частныхъ споровъ, возникавшихъ изъ него съ земскимъ дворянствомъ и духовенствомъ, которые не хотѣли съ своей стороны дѣлать уступокъ, потому что хотѣли сохранять свою привилегію, противоположную городской, заводить ремесла и кружечную продажу. Весьма естественно, что основаніе въ ихъ сосѣдствѣ новыхъ городовъ, еще больше возбуждало ихъ зависть, и они сопротивлялись всѣми мѣрами ихъ успѣху и развитію.

Доходы городовъ состояли, во первыхъ, въ податяхъ съ земель, уступленныхъ имъ при самомъ основаніи, или приобрѣтенныхъ ими въ послѣдствіи. Земли принадлежащія къ городу, обыкновенно освобождались отъ сельскихъ повинностей, и владѣльцы ихъ, которые могли быть одни граждане, платили подати вмѣстѣ съ горожанъ, и должны были нести всѣ повинности и службы наравнѣ съ другими горожанами. Таково было въ началѣ положеніе владѣвшихъ тѣми гуфенами, на которыхъ

были основаны города. При новыхъ приобрѣтеніяхъ земель, на то нужна была особенная привиллегія князей, которые впрочемъ раздавали ее охотно. Черезъ увеличеніе городскихъ имѣній кругъ владѣльцевъ, обязанныхъ городамъ службою и податями, расширился, а чрезъ это облегчились тягости, и увеличивались доходы. Но въ той же мѣрѣ доходы князей уменьшились; а потому, вмѣстѣ съ припискою къ городамъ имѣній, князья переносили на эти города и часть поземельной подати, и города были обязаны нести о возобновленіи сгорѣвшихъ, или развалившихся домовъ и заселеніи опустѣвшихъ мѣстъ; ибо въ противномъ случаѣ князь терпѣлъ убытокъ въ доходахъ. Во вторыхъ, всѣ города, съ приобрѣтеніемъ наслѣдственнаго фохтейства, присвоили себѣ доходы съ судебныхъ пошлинъ; въ третьихъ, штрафы за нарушеніе цѣховыхъ и другихъ полицейскихъ постановленій. Въ четвертыхъ, города взимали деньги за раздачу права гражданства. Въ пятыхъ, часть денегъ, взимаемыхъ за вступленіе въ цѣхъ. Другіе доходы получали города отъ предоставленныхъ имъ правъ, а именно, въ шестыхъ, отъ вѣсовъ, отъ монеты и мѣны денегъ; этими доходами они пользовались, если они были имъ проданы, или заложены земскимъ властителемъ; отъ продажи соли; отъ права торговать на рынкѣ; отъ пошлинъ, отъ пошлинъ съ мясныхъ, хлѣбныхъ, башмачныхъ и другихъ лавокъ; отъ гостинаго двора, винныхъ погребовъ и т. д.

Кромѣ того, всѣ города, особливо большіе, имѣли множество особливыхъ доходовъ и поземельныхъ оброковъ отъ привиллегій, которыя, разумѣется, были весьма различны. Много зависѣло въ этомъ отношеніи отъ взаимныхъ условій гражданъ и отъ употребленія, которое дѣлалъ городской совѣтъ изъ городскихъ денегъ, на усиленіе городского дохода. Но такъ какъ сумма всѣхъ этихъ доходовъ была недостаточна для покрытія всѣхъ расходовъ, особливо обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ

податей князю, то городъ. сверхъ того, самъ налагалъ и вѣдывалъ еще особую общую подать, извѣстную подъ именемъ *collecta exactio*. Она вѣдывалась во первыхъ, съ земель, ихъ собственниковъ и владѣльцевъ; во вторыхъ, съ движимой собственности: въ третьихъ, съ лицъ, и въ четвертыхъ, съ ремеслъ. Эта подать вѣдывалась на основаніи оцѣнки владѣнія, движимой и недвижимой собственности, и ремесла, и потому съ каждой марки взыскивалась извѣстная сумма денегъ. На основаніи этого, кажется, были заведены податныя книги, которыя однако же, при безпрестанной измѣняемости имущества, особливо движимаго, должны были основываться на клятвенномъ показаніи самихъ владѣльцевъ.

Кромѣ того города вѣдывали: 1) караульныя деньги; 2) пожарныя деньги; 3) питейные сборы.

При отдачѣ отчета совѣтомъ, равно какъ и при наложеніи податей, не рѣдко возникали сильныя распри между совѣтомъ и горожанами, или отдѣльными цѣхами, между коими цѣхъ шерстяныхъ фабрикантовъ почти вездѣ отличался богатствомъ, значительностію и всегдашнею готовностію сопротивляться произвольнымъ распоряженіямъ.

Если бросимъ теперь послѣдній взглядъ на всѣ эти досто-почтенныя древности права и общественнаго быта, какъ на результатъ своеобытнаго развитія древности. отъ коихъ теперь едва остаются отрывочныя и сдѣлавшіяся уже для насъ чуждыми развалины, то не можемъ разстаться съ ними безъ особеннаго чувства уваженія. Это не праздное удивленіе къ прошедшему, не пристрастіе къ древности и къ отдѣльнымъ, оторваннымъ отъ жизни и потому мертвымъ ея особностямъ; мы знаемъ недостатки того времени и причины, повлекшія за собою упадокъ древнихъ установленій; мы видимъ и хорошее настоящаго; но, при всемъ уваженіи къ преимуществамъ его, нельзя отрицать, что основная идея — на которой общинный

быть и его управленіе образовались изъ безконечно разнообразныхъ отношеній народа и отдѣльныхъ частей его, и развивались вмѣстѣ съ потребностями жизни и времени, — что эта идея давала общинамъ и всему праву самостоятельность и силу, которыхъ мы не находимъ уже въ послѣдствіи, съ тѣхъ поръ, какъ иностранные, извнѣ налагаемые законы и права стали замѣнять на Западѣ болѣе своебытное развитіе. Съ этого времени, когда право и законы всего многочисленнаго западно-европейскаго міра, безконечно различнаго между собою по племени и образованію, были однообразно опредѣляемы на основаніи отвлеченныхъ понятій, исчезло всякое чувство къ древнему быту, который долженъ былъ постепенно сдѣлаться недоступнымъ, чуждымъ и наконецъ вовсе нецонатымъ для Запада.

Древнія государства его походили на древніе дома, древніе города, которые строились безъ плана, росли съ каждою потребностію, на твердомъ и прочномъ основаніи; потомъ они разширялись, измѣнялись не одинаково, разнообразно какъ природа, но оставались постоянно удобными для жилья; ибо къ тому, что могло быть неудобно для другаго, приучала самая привычка, а темныя мѣста оставались темными, безъ освѣщенія искусственнымъ и ложнымъ свѣтомъ. Новыя государства Запада, подвергшіяся послѣднимъ разрушающимъ реформамъ XVIII и XIX столѣтій, походятъ на дворцы, правильно выстроенные систематиками архитекторами, богатыми знаніемъ греческой, римской и другихъ иностранныхъ архитектуръ; они великолѣпны даже и снаружи; внутри велики, вездѣ свѣтлы и содержатъ много пустаго мѣста для возможныхъ потребностей будущаго потомства. Поколѣнья одно за другимъ гостягъ въ этихъ палатахъ. Это не то что домъ, выстроенный самими прадедами, переходившій по наслѣдству чрезъ длинный рядъ потомковъ, измѣняемый каждымъ владѣльцемъ

по его нуждѣ; домъ, въ которомъ каждое мѣсто, каждый камень оживленъ и святъ воспоминаніемъ, связанъ съ исторіею счастливыхъ и несчастныхъ дней и дѣлъ всего прошедшаго, — такое зданіе имѣетъ свою не матеріальную цѣну, и не въ одномъ численномъ итогѣ положеннаго капитала и ежегодно получаемыхъ доходовъ.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

572

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Предувѣдомленіе	Стр. 4
---------------------------	-----------

1

РАЗСУЖДЕНІЯ, ИССЛѢДОВАНІЯ, ИЗВЛЕЧЕНІЯ.

О теоріяхъ владѣнія	3
Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроиз- водства, отъ Уложенія до Учрежденія о губерніяхъ	39
Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи	305
Отвѣтъ «Москвитяину»	380
Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ, и введеніе нѣмецкихъ колонистовъ	414

792048

